

**Учреждение высшего образования
«Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт)**

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

Филиал Дагестанского государственного университета в г.Хасавюрте

Юридический факультет

**Учреждение высшего образования
«Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт)
Юридический факультет**

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
Филиал Дагестанского государственного университета в г.Хасавюрте**

МАТЕРИАЛЫ

**IV Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления
государства Российского»
11 декабря 2017 года**

**Учреждение высшего образования
«Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт)
Юридический факультет**

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Филиал Дагестанского государственного университета в г.Хасавюрте**

материалы

IV Международной научно-практической

конференции

«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»

11 декабря 2017 года

Махачкала – 2017

РУКОВОДИТЕЛИ

**IV Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»
11 декабря 2017 года**

Профессор Бексолтанов Бексолтан Магомедович
Профессор Касумов Рамазан Магомедович
Профессор Магомедов Магомед Баширович
Профессор Халифаева Анжела Курбановна
Ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН Шахбанова Мадина Магомедкамиловна
Доцент Бабошина Елена Владимировна
Доцент Гашимов Рамис Рамазанович
Доцент Гитинова Мадина Махмудовна
Доцент Магомедов Магомед Шегаудинович
Доцент Мусаев Мирза Мусаевич
Доцент Пирова Рена Низамиевна.
Доцент Разаков Руслан Чупан-Магомедович
Доцент Сайбулаева Джамиля Гаирхановна
Доцент Шахбанов Ахмед Магомедкамилович
Секретарь Гасанбекова Диана Гусеиновна

ОРГКОМИТЕТ И РЕДКОЛЛЕГИЯ:

1. Бексолтанов Бексолтан Магомедович – ректор Учреждения высшего образования «Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт).
2. Касумов Рамазан Магомедович – доктор исторических наук, профессор.
3. Магомедов Магомед Баширович – доктор исторических наук, профессор (Ответственный редактор).
4. Халифаева Анжела Курбановна – доктор юридических наук, профессор.
5. Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник.
6. Бабошина Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент.
7. Гашимов Рамис Рамазанович – кандидат исторических наук, доцент.
8. Гитинова Мадина Махмудовна – кандидат юридических наук, доцент.
9. Магомедов Магомед Шегаудинович – кандидат экономических наук, доцент.
10. Мусаев Мирза Мусаевич – кандидат юридических наук, доцент.
11. Пирова Рена Низамиевна – кандидат исторических наук, доцент.
12. Разаков Руслан Чупан-Магомедович – кандидат исторических наук, доцент.
13. Сайбулаева Джамиля Гаирхановна – кандидат психологических наук, доцент.
14. Шахбанов Ахмед Магомедкамилович – кандидат исторических наук, доцент.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

IV Международной научно-практической конференции

«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»

11 декабря 2017 года

Руководитель: Магомедов М.Б.

Секретарь: Гасанбекова Д.Г.

Бексолтанов Б.М. Становление уголовной ответственности за вымогательство в досоветском законодательстве	7
Магомедов М.Б., Мусаев М.М. «Око государево» государства Российского: становление и развитие	10
Касумов Р.М. Процесс освещения вопроса историографии Дагестана в политике противоборствующих держав на Кавказе от Петербургского договора до Гюлистанского трактата (1723-1813)	14
Бабошина Е.В. Характеристика правовых основ администрации муниципального образования города Кизляр.....	21
Гашимов Р.Р. Некоторые вопросы фальсификации историографии антиколониальной и антифеодальной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х гг. XIX в. в отечественной историографии первой половине 50-х гг.	24
Гитинова М.М. Эволюция уголовного права: гуманизация и модернизация уголовного законодательства РФ	26
Магомедов М.Ш. «Теневая» экономика региона	27
Мусаев М.М. Комплекс мероприятий незаконного изготовления взрывных устройств в РД.....	30
Пирова Р.Н. Нормы адата и шариата в семейном быту кумыков в XIX – начале XX веков.....	32
Разаков Р.Ч.-М., Качаева М.Ю. Совет Обороны как высший орган управления Дагестана	34
Сайбулаева Д.Г. Синдром «психического выгорания» педагогов.....	35
Халифаева А.К. Гражданско-правовые проблемы: обычное право на Кавказе (дореволюционный период) ..	37
Шахбанов А.М. Основные направления социальной защиты населения в Республике Дагестан в 1990-е годы	38
Шахбанова М.М. Правовой статус малочисленных народов Дагестана: состояние и тенденции.....	43

СЕКЦИЯ

IV Международной научно-практической конференции

«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»

11 декабря 2017 года

Руководитель: Магомедов М.Б.

Секретарь: Гасанбекова Д.Г.

Абдулаева С.Р. кызы Общее понятие о правовом положении иностранных физических лиц в Российской Федерации	48
Абдуллаев Ш.Ш., Мирзоева К.Э. Технологии строительства наклонных и горизонтальных стволов, представленные на отечественном рынке	52
Абубакаров М.М. оглы Тактика производства отдельных следственных действий последующего этапа расследования	54
Агаева К.Т., Пирова Р.Н. Вопросы самозащиты прав в современной цивилистике.....	57
Адилов З.А. О некоторых проблемах законодательного определения рецидива преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации.....	59
Алиев К.А., Бабошина Е.В. Правовые основы самоуправления в Российской Федерации	62
Алиева А.М., Пирова Р.Н. Исторические условия и особенности развития российской государственности	63
Аминтазаев Г.А., Разаков Р.М. Формирование горских адатов в Дагестане.....	65
Асхабов А.А., Разаков Р.М. К вопросу о разработке и принятии Конституции СССР 1936 года.....	68
Бабаев Н.Ф. Крупные договора хозяйственных обществ в гражданском законодательстве РФ	70
Власенко Н.Н. Тактическая операция, как комплекс согласованных и взаимосвязанных процессуальных, экспертных действий и оперативно-розыскных мер	73
Газималикова Л., Джантемирова Г.Р. Место обычая в системе источников права России	74
Гаммаева З.М., Пирова Р.Н. Значение государственного регулирования деятельности предприятия	76
Гасанбекова Д.Г. Правовые школы в исламе	78
Гасанова Ш.Ш.кызы Преступление в сфере экономики по законодательству	81
Гашимов Р.Р. Вопросы совершенствования уголовно-правового противодействия коррупции, как составному элементу организованной преступности	84
Гашимов Р.Р. Законодательная деятельность Шамиля и правовое положение личности в Имамате	87
Гитинова М.М. Некоторые вопросы о детерминантах преступности: проституции и алкоголизма женщин.....	91
Гитинова М.М. Степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий преступление умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.....	93
Гурбанов Р.И. оглы Общая характеристика законодательства об акционерных обществах	95
Даурбекова И., Джантемирова Г.Р. К вопросу об основных тенденциях развития современного государства Российского	98
Даурбекова И., Джантемирова Г.Р. К вопросу о разделении властей в Российской Федерации	99
Джантемирова Г.Р. Институт гражданства в Российской Федерации	101

Джантемирова Г.Р. О проблемах правового воспитания в современной России	103
Джантемирова Г.Р. Реабилитация жертв политических репрессий: правовые основы.....	105
Джантемирова Г.Р. Тенденции развития российского правопонимания	107
Джантемирова Г.Р. Государство и партии в Российской Федерации	109
Жариков А.Н. Гарантии защиты прав и свобод гражданина в РФ	111
Иванов Р.И., Бабошина Е.В. Механизм юридической защиты прав и свобод	113
Исаев З.И., Маллакурбанов А.А. Правоприменение в праве	115
Исаков Б.А., Джантемирова Г.Р. Правовой нигилизм в современной России: причины и пути устранения	118
Исраилова М.М., Джантемирова Г.Р. Права человека: международно-правовые аспекты	119
Исраилова М.М., Джантемирова Г.Р. Конституционный строй Российской Федерации и его основы.....	120
Касимова З.Р. Пирова Р.Н. Утверждение границ муниципального образования в соответствии с требованием гражданского законодательства	121
Колайдин Э.А., Бабошина Е.В. Проблемы соблюдения права и свободы человека в процессе миграции	123
Колокольцев Ш.Ю. Место террористического акта среди преступлений против общественной безопасности... ..	125
Кулиев Р.Р., Пирова Р.Н. Принцип обеспечения обвиняемому (подозреваемому) права на защиту.....	126
Лахитова П.М. Особенности реализации военных реформ Имамата	127
Магомедов М.Б., Магомедов Б.М. Становление и развитие адвокатура государства Российского	130
Магомедов М.Б., Лахитова П.М. Особенности «горской экспансии»: вопросы освещении историографии.....	134
Магомедов М.Б., Магомедов Б.М. Колонизация государства Российского глазами М.К.Любавского	137
Магомедов М.Б., Лахитова П.М. Формирование и значимость гражданского общества в Имамате.....	140
Магомедов М.Б., Мусаев М.М. Прокуратура периода Великой Отечественной войны: особенности деятельности.....	143
Магомедов М.Б., Мусаев М.М. Некоторые вопросы преподавании «История государства и права России» в высшей школе	148
Магомедов М.Б., Лахитова П.М., Магомедов Б.М. Некоторые вопросы освещения проблемы борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века в досоветской и советской историографии	150
Магомедов М.Ш. Проблемы развития малого бизнеса Республики Дагестан на современном этапе.....	158
Маллакурбанов А.А. Особенности судебно-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетних.....	162
Махаев Я.М. оглы Услуги как гражданско-правовая категория	165
Махмудова А.М. кызы Ответственность за приготовление и покушение на преступление.....	168
Мехралиева А.Э., Пирова Р.Н. Социально-правовая сущность участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам несовершеннолетних	174
Мусаев М.М. Прокурорский надзор в укреплении законности.....	177
Мусаев М.М. «Террор»: уголовно-правовая характеристика	179
Мусакаев А.Т., Багандова Э.К. Место террористического акта среди преступлений против общественной безопасности	183
Набиев С.М. Полномочия органов местного самоуправления	184
Насрудинов Н.Б., Разаков Р.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием	187
Насрудинов Н.Б., Разаков Р.М. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого	188
Нурмагомедов С.Р., Пирова Р.Н. Факторы, которые сегодня детерминируют асоциальное поведение детей	189
Патокин А.В., Абдулаева И.А. Судебная практика в избирательном праве	191
Пирова Р.Н. К вопросу о медиации как способе разрешения конфликтов.....	193
Пирова Р.Н. Факторы, способствующие вовлечению несовершеннолетних в антиобщественную деятельность	195
Пирова Р.Н. Особенности принципов уголовного судопроизводства	198
Пирова Р.Н. Виды уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних и проблемы их применения	199
Пирова Р.Н. Персидское купечество и Астраханская таможня в первой половине XIX века.....	201
Пирова Р.Н. Особенности правового регулирования материальной ответственности служащих государственных органов.....	203
Пирова Р.Н. Теоретическая разработка проблем обычного права: договорные отношения.....	205
Пирова Р.Н. Факторы, определяющие порядок представления доказательств государственным обвинителем.....	207
Разаков Р.Ч.-М., Масхадов А.Э. Шариатские суды и правовой плюрализм в Советском Дагестане.....	209
Разаков Р.Ч.-М., Масхадов А.Э. К вопросу о шариатских судах в Дагестане.....	211
Рашидов Ш.М. Способы воздействия: Гипноз.....	213
Сайбулаева Д.Г., Гуманистические психологические основы обучения в начальной школе.....	215
Сергеева И.П. Сущность института судебного представительства	218
Сулейманзаде Т. Б. оглы Планирование расследования преступлений на первоначальном этапе	221
Ташаев А.Х., Разаков Р.М. Государственная политика в России в годы НЭПа	223
Халумова Х.Х. кызы Противодействие расследованию разбойных нападений и приемы его преодоления	224
Хамавов Н., Джантемирова Г.Р. Проблемы правопонимания	226
Юнусов О., Джантемирова Г. Р. О причинах терроризма в российском государстве	227

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ
IV Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»
11 декабря 2017 года

Становление уголовной ответственности за вымогательство в досоветском законодательстве

Б.М.Бексолтанов

В русском уголовном праве вымогательство не выступало в качестве самостоятельного состава преступления. Однако ст. 406 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года гласила: «Высшею степенью лихоимства почитается вымогательство»¹. Под вымогательством понимались получаемые по службе путем угроз и притеснений различные материальные блага: прибыль, выгода, подарки, поборы, наряды па работу. Как должностное преступление вымогательство входило в главу шестую Уложения «О мздоимстве и лихоимстве» раздела пятого «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной». В позднейших изданиях Уложения законодатель не изменил своего подхода к понятию вымогательства, которое мы находим в ст. 420 Уложения издания 1857 года, позднее в ст. 373 Уложения 1866 года и его «продолжениях»².

В науке уголовного права под вымогательством первоначально понимались также наиболее опасные виды лихоимства (взяточничества). Такого взгляда придерживался, например, А.Лохвицкий, определение им вымогательства почти не отличалось от законодательного³.

Наиболее раннее упоминание о распространившихся фактах вымогательства в современном его понимании относится к началу XVII века, свидетельство этому мы находим в «Описании путешествия в Москву и через Московию в Персию и обратно» Адама Олеария⁴. Деяния эти совершались следующим образом. Так как кража па Руси серьезно каралась, то недобросовестные граждане старались обвинить кого-либо в ней. Занимая деньги, они оставляли взамен одежду, утварь, другие предметы или соответственно подбрасывали какие-либо вещи, например, в сапоги (многие в них носили письма, ножи, мелкие предметы), а то и просто в дом, а затем с целью вымогательства обвиняли и доносили на этих людей, будто данные вещи украдены.

В связи с распространенностью таких фактов и с целью их пресечения царь Михаил Федорович 1 января 1634 г. ввел указ, который гласил: «Чтобы никто, пи даже отец с сыном, не занимали денег, не давали друг другу залогов или вступали в иные обязательства без записи за собственными руками с обеих сторон; в противном случае все выступающие с требованиями признаются подозрительными и могут лишиться своих прав на требуемое»⁵. Были известны и факты подстрекательства судьями своих близких к подобным злоупотреблениям в надежде получить выгоду.

Во второй половине XIX века в судебной практике появились уголовные дела, решения судебных органов по которым стали причиной острых научных дискуссий и критики позиции суда, включая Уголовный Кассационный департамент Правительствующего Сената. Так, мещанин Николаев в 1867 г. был осужден Калужским Окружным Судом по ст. 1545 Уложения 1866 г. за угрозы с вымогательством к ссылке на поселение в Сибирь в связи с тем, что он грозил купцам Рябушинским поджечь их фабрику, если не будут уволены некоторые из ее служащих. Осужденный ходатайствовал о применении ст. 141 Устава о наказаниях, предусматривавшей проступок – некорыстную угрозу и наказание за нее в виде ареста до двух месяцев или денежное взыскание. Кассационный департамент оставил это ходатайство без последствий, руководствуясь тем, что взысканное требование об увольнении некоторых служащих под угрозой поджечь фабрику было преступным требованием отказаться от законного права купцов Рябушинских⁶. Небесспорность этого решения обусловило отсутствие указания па то, какое право купцов Рябушинских было нарушено Николаевым. Был вынесен ряд судебных решений о завладении деньгами граждан путем шантажа.

В 70-х годах XIX века ученые-юристы отходят от буквального (аналогичного законодательному) определения вымогательства, и при этом выделился ряд принципиальных позиций. Н.Л.Неклюдов, один из первых занимавшихся специально этой проблемой, определял вымогательство как похищение чужой собственности (вещей, денег и актов) или переход какого-либо права от «угрожаемого» к преступнику или третьим лицам, но так, чтобы потерпевший перестал бы быть его собственником или хозяином⁷. В действовавшем праве ученый под вымогательством понимал угрозу с вымогательством (ст. 1545, 1546 Уложения 1866 г.).

Первая из указанных норм предусматривала «требование выдать или положить в назначенное для того место сумму денег, или вещь, или письменный акт, или что-либо иное, или же принять на себя какие-либо невыгодные обязательства, или отказаться от какого-либо законного права» под угрозой убийства или

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1845. – С. 178.

² Полный свод уголовных законов. Уложение о наказаниях со включением статей томов свода законов. – СПб., 1879. – С. 133.

³ Лохвицкий Л. Курс русского уголовного права. – СПб., 1871. – С. 430 – 431.

⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Москву и через Московию в Персию и обратно. – СПб., 1900. – С. 182.

⁵ Олеарии А. Указ. работа. – С. 182.

⁶ Полный свод решений Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената. – М., 1879. – С. 367.

⁷ Неклюдов Н. Л. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 2. – СПб., 1878. – С. 639.

поджога, что наказывалось ссылкой на каторжные работы сроком от четырех до шести лет. Статья 1546 предусматривала аналогичное требование, по под угрозой насилия, что каралось менее строго¹. Цель такой угрозы, по определению Н.Л.Неклюдова, заключалась в похищении имущества или имущественных прав. Объект – всякое лицо, отличие от разбоя – в «заочном» характере угрозы, направленной в будущее. Оконченным преступление считалось, когда «угроза дошла по назначению», что, как полагал ученый, исключало предварительную преступную деятельность. Для «выравнивания» с грабежом и разбоем предлагалось состав преступления предусмотреть материальным².

Исходя из такого определения вымогательства, Н.А.Неклюдов считал незаконным осуждение мещанина Николаева Уголовным Кассационным департаментом, а предпосылкой для этого считал неконкретность предусматривавшихся Уложением угроз³.

Позицию Н.А.Неклюдова разделял В.В.Есипов, но он относил вымогательство к преступлениям против свободы⁴. Н.С.Таганцев понимал под вымогательством принуждение к даче обязательств, т.е. деяние, предусмотренное ст. 1686 Уложения, в соответствии с которой в качестве способов принуждения предусматривались насилие и угрозы насилием, а деяния ограничивались сферой заключения сделок и обязательств⁵.

Аналогичного мнения придерживался С.Будаинский. Он изучил проблему со сравнительно-правовых позиций, указал на идентичность понимания вымогательства в зарубежных законодательствах⁶.

Третья точка зрения представлена в работах Л.С.Белогриц-Котляревского, который относил к вымогательству вымогательные угрозы (ст. 1545, 1546), угрозы ближайшим родственникам (ст. 1547), квалифицированное лихоимство (ст. ст. 377, 378) и принуждение к даче обязательств⁷. Вымогательство им расценивалось как имущественное преступление, предметом которого в отличие от грабежа является не только имущество, имущественные права и интересы вообще; второе отличие проводилось «по способу действия, т. е. по отношению его ко времени», достаточной считалась «альтернативная наличность этих признаков. Им дана и принципиальная оценка по названному выше делу Николаева. Считая, что угроза поджечь фабрику, если не будут уволены некоторые из служащих на ней, составляет не вымогательство (вымогательные угрозы), а угрозу (ст. 140-141 Устава о наказаниях), он подверг критике позицию Сената и И.Я.Фойницкого, согласившегося с таким решением.

Взгляды И.Я.Фойницкого действительно не были свободны от противоречий. Понимая под вымогательством в действовавшем законодательстве вымогательные угрозы, принуждение к даче обязательств и лихоимство, он при отграничении данного преступления от грабежа и разбоя практически не придавал значения «способу деятельности».

Опасаясь широкой и неверной трактовки посредствующей деятельности потерпевшего («жизнь или кошельки», эту обычную угрозу разбойника следовало бы всегда признавать вымогательством⁸), И.Я.Фойницкий главный признак вымогательства видел в предмете посягательства, каковым в этом преступлении является «имущество вообще, безотносительно к данной вещи»⁹.

П.П.Пусторослев выделял в действующем законодательстве два вида вымогательства, в основе чего было структурное нахождение этих видов. Первый вид включал преступления из VII главы «Об угрозах» (ст. 1545, 1546/6, 1547, 1548 Уложения). Второй вид – преступления против собственности (ст. 1686/6, 1687). Деление это сам автор считал условным, т. к. каждое из этих преступлений логически подходит под понятие преступного вымогательства имущества¹⁰. Таким образом, в русской уголовно-правовой науке было выработано особое понятие вымогательства, тогда как в действовавшем законодательстве этот термин означал другое деяние. Это, а также динамика разработки данного вопроса отражали активное развитие названной отрасли права в середине XIX – начале XX веков.

Законом от 1 июля 1908 г. «Об изменении порядка производства дел об угрозах» возбуждение и дальнейшее направление дел о вымогательных угрозах было подчинено общему порядку, установленному для дел публичного обвинения¹¹, что несколько уменьшило остроту проблемы, но не устранило ее.

Ожидая, что применение статей о вымогательных угрозах станет не исключительным, а заурядным, А.Щипилло обобщает накопленный опыт теоретического рассмотрения угроз с вымогательством, дает собственную характеристику преступления, анализирует судебную практику, хотя и необширную¹². В соответствии с выводами ученого, объектом нимшательных угроз является свобода потерпевшего и членов

¹ Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении его величества государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца изд. 1729 года. – СПб.: Нева, 1899. – С. 35-39.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных издания 1885 г. и по продолжению 1912 г. – СПб., 1914. – С. 899-902.

³ Неклюдов Н.Л. Указ. работа. – С.639.

⁴ Есипов В.В. Уголовное право. Часть Особенная. Т. 2. – М., 1913. – С. 65.

⁵ Таганцев Н. – С. Уголовное право. Часть Особенная. – СПб., 2014. – С. 192-193.

⁶ Будаинский С. О преступлениях в особенности. Сравнительное исследование. – М., 2012. – С. 277.

⁷ Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. – М., 1903. – С. 429.

⁸ Там же. – С. 429.

⁹ Там же. – С. 431.

¹⁰ Пусторослев П. П. Указ. работа. – С. 223.

¹¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – СПб., 1908. – Ст. 1430.

¹² Щипилло А. Угроза вымогательством // Журнал Министерства юстиции. – СПб., 1910. – № 1. – С. 121-131.

его семьи, а также близких родственников; угроза должна быть умышленной, «серьезной», определенной и обязательно преследовать корыстную цель; осуждение за некорыстные, но принуждающие угрозы по статьям 1545 и 1546 следует считать необоснованным (в том числе и упомянутое осуждение Николаева); в систематическом отношении вымогательские угрозы тесно соприкасаются с грабежом и разбоем. А.Щипилло приходит к выводу о возможности предварительной преступной деятельности при вымогательских угрозах и приводит пример из судебной практики.

При рассмотрении вопроса о месте вымогательства в системе преступлений ученые-правоведы принимали в расчет два критерия: место, выделяемое законодателем этому составу преступления среди других, и основной объект посягательства. Придавая большее значение первому или второму признаку, они относили это преступление к посягательствам против личности или собственности. Шантаж¹ как способ вымогательства в русском уголовном праве – интересная и даже драматическая страница его развития. Первой работой, специально посвященной этой проблеме, была монография И.Баженова «Шантаж как уголовное преступление». К тому времени шантаж, по определению французского законодателя, «в высшей степени гнусное и зловерное преступление, представляющее собой «вымогательство при помощи нравственного насилия, широко распространился в ряде стран. В Америке скандальные секреты продавались как товар, но особенно буйно шантаж расцвел на своей родине – во Франции, где организаторы шантажа имели свои организации, тайную «полицию», «выслеживающую годных для эксплуатации состоятельных лиц»². Во французский уголовный кодекс шантаж внесен в 1883 г., а затем и в законодательства ряда других европейских стран.

Отсутствие в законодательстве нормы о шантаже вызвало в теории и на практике различные мнения о необходимости квалифицировать эти действия по статьям: о мошенничестве (Уголовный Кассационный департамент); о клевете, оскорблении или доношении в зависимости от обстоятельств дела (Н.А.Неклюдов)³.

С.Соловьев, автор одной из самых основательных работ, посвященных шантажу, дал понятие этого преступления, предпринял его анализ, выделил виды и настаивал на введении в действующее законодательство самостоятельного состава шантажа, доказал необоснованность упомянутых выше точек зрения «подведения» шантажа под другие статьи Уложения. Ученый утверждал, что шантаж как посягательство на чужое имущество «есть угроза оглашением; есть вид вымогательства, т.к. их объединяет способ действия – психическое насилие, принуждение». Виды шантажа как самостоятельного деяния определяет содержание угрозы: 1) диффамация, 2) клевета, 3) оглашение тайны, 4) ложный донос – деяния преступные, преследуемые законом, 5) сообщение власти о действительно совершенном преступлении (донос) – деяние непроступное. Последний вид шантажа вызывал наибольшую сложность в его оценке, т.к. внешне действия шантажиста могли показаться законопослушными⁴.

Один из самых принципиальных, сложных и определяющих вопросов вымогательства и шантажа – относительная свобода действий потерпевшего.

Исследуя этот вопрос сквозь призму «учения о насилии и угрозах», М.М.Плец делил угрозу на неминуемую при разбое и обыкновенную при вымогательстве. В первом случае угроза предполагает состояние, неминуемо переходящее, по мнению потерпевшего, в убийство или в насилие. «Угроза должна быть настолько действительной и наличной, по мнению угрожаемого (не важно, произойдет ли она на самом деле), чтобы она ему не оставляла никакой свободы, опять-таки, по его мнению»⁵. И обыкновенную угрозу не следует недооценивать, считает ученый, указывая, что в немецком законодательстве угроза и насилие одинаково охватывались понятием принуждения. По утверждению М.М.Плеца, относительная свобода при вымогательстве и еще более выступающая при шантаже не снижает их опасности. Сама же эта относительная свобода выбора варианта поведения потерпевшего чрезвычайно мала. С позиций ценностного соотношения нарушаемого блага при шантаже и «издержек» со стороны принуждаемого потерпевшего нам представляется интересным и другое мнение того же ученого. «Честь есть одно из ценнейших благ, которым дорожит всякий человек и от которого зависит не только его положение в обществе, но и имущественная сфера. Поэтому при посягательстве на нее угрожаемый готов откупиться какой угодно суммой, лишь бы спасти свое доброе имя»⁶.

При разработке проекта нового Уголовного Уложения комиссия разработчиков учла изменения в структуре преступности, соответствующие проблемы и их разработки в теории права. В проекте нашли свое место вымогательство и шантаж. Статья 590 окончательного варианта Уголовного Уложения 1903 г. (ст. 495 проекта «разработчиков») была посвящена вымогательству, входившему в главу 32 «О воровстве, разбое и вымогательстве»⁷. Таким образом, системное расположение относилось вымогательство к имущественным преступлениям.

Однако анализ диспозиции ст. 590 Проекта Уголовного Уложения не дает оснований для столь категоричного вывода, т. к. не исключается требование и завладение конкретным имуществом. Впрочем, глава 32 Уголовного Уложения после утверждения 22 марта 1903 г. Николаем II Уложения в целом так и не

¹ Баженов И. Шантаж как уголовное преступление. – М., 1878. – С. 10.

² Там же. – С. 4.

³ Неклюдов И.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. – Т. 2. – СПб. . 1876. – С. 257-267.

⁴ Соловьев С. Шантаж // Журнал Министерства юстиции. – СПб., 1899. – № 6. – С. 92.

⁵ Плещ М.М. Шантаж // Журнал Министерства юстиции СПб., 1905. – № 5. – С. 201.

⁶ Там же. – С. 202.

⁷ Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – СПб., 1903. – С. 207.

была введена в действие, поэтому реальная практика применения данной нормы отсутствует. Можно лишь предположить, что дальнейшая интерпретация состава этого преступления, его понимание, применение были бы неоднозначными в практическом и теоретическом отношениях.

Шантаж был предусмотрен ст. 615 Уголовного Уложения в главе 34 «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу». Согласно законодательному определению, шантаж выражался в «побуждении с целью доставить себе или другому имущественную выгоду, к передаче имущества или к уступке права по имуществу или ко вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу посредством угрозы оглашением вымышленных или истинных сведений». Простой состав шантажа предусматривал угрозу разглашения; 1) позорящих сведений; 2) сведений о совершении потерпевшим или его родственниками преступления; 3) сведений, подрывающих торговый кредит. Наказание за этот вид шантажа – тюремное заключение сроком не ниже трех месяцев. Часть вторая той же статьи предусматривала более опасные виды шантажа, если они совершены: а) шайкой; б) лицом, ранее трижды отбывавшим наказание за воровство, разбой, вымогательство, мошенничество; и) редактором, использующим для этого свое служебное положение (шантаж публикацией). Эти виды шантажа наказывались заключением в исправительном доме.

Помещая статьи о вымогательстве и шантаже в отдельные главы, составители проекта исходили из того, что «шантаж хотя и имеет сходство с имущественным принуждением посредством угрозы, но угроза... совершенно отлична от той, которая служит средством имущественного вымогательства...»¹. Вымогательство, по мнению Н.С.Таганцева, осуществляется угрозой преступления, а при шантаже угроза зачастую не преступна и даже «похвальна, например, заявлением власти о преступном деянии»². Авторы проекта относили вымогательство и шантаж к имущественным преступлениям.

Отнесение составителями проекта Уголовного Уложения вымогательства и шантажа к имущественным преступлениям, констатация сходства их по способу совершения преступления и одновременно непризнание систематического родства составов этих преступлений представляется противоречивым.

Объективное рассмотрение законодательной, научной, правоприменительной и законотворческой сторон, относящихся к вымогательству и шантажу до октябрьской России, позволяет в историческом аспекте сделать ряд принципиальных выводов.

В буквальном смысле в законодательстве под вымогательством понималось квалифицированное взяточничество (лихоимство).

Борьба с шантажом ввиду отсутствия такого состава преступления в действующем законодательстве сводилась к рассмотрению дел по другим статьям Уложения (т.е. применялась аналогия).

Таким образом, взгляды ученых на предмет вымогательства и шантажа различались, в связи с чем назывались: имущество, имущественная выгода, право по имуществу, невыгодная сделка, обязательство. Но при определении сущности этих деяний наблюдается единство: суть этих деяний заключается в принуждении потерпевшего к передаче указанных благ или совершению определенных действий.

Дооктябрьский период не оставил заметного положительного правоприменительного опыта по делам о вымогательстве и шантаже.

«Око государево» государства Российского: становление и развитие

М.Б.Магомедов

М.М.Мусаев

Отметим, что отечественная прокуратура, пережив смену эпох и династий, испытал на себе влияние разных политических режимов, служит державным оплотом порядка и законности нашего Многонационального общества.

История запечатлела неоднозначное восприятие прокуратуры, ибо она по изначальному замыслу ее творца – Петра I – была призвана служить зорким «оком государевым» в изобличении казнокрадства и мздоимства, сепаратизма и вседозволенности вельможной и чиновничьей знати, оберегая единство и безопасность страны. Именно служением интересам отечества, строгим надзором за законностью, российская прокуратура снискала себе, не смотря на зигзаги истории, знавшей и нелицеприятные страницы, традиционное общественное признание. Она служила и служит надзорным щитом государства против любых злоупотреблений и нарушений законности от кого бы они ни исходили.

На фоне этой исторической истины, странными, если не сказать кощунственными, выглядят потуги некоторых не в меру «демократических» историков и политологов приписать родословную отечественной прокуратуры советскому периоду, превратив ее в синоним произвола и беззакония сталинских репрессий.

Столь разительные разночтения во взглядах на природу и социальное призвание прокуратуры – явление не случайное. Оно указывает на постоянный не ослабевающий интерес общества к одному из важнейших звеньев правозащитной системы, которое находится в эпицентре противоборствующих политических сил.

В историко-правовом аспекте возникновение и развитие прокурорской надзорной системы, а также – разные точки зрения на социальную ценность и функциональные полномочия этого института. На переломном этапе нынешних радикальных преобразований, когда кризисное российское общество

¹ Таганцев П.С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. – М., 2012. – С. 390.

² Уголовное Уложение, высочайшее утвержденное 22 марта 1903 г. – С. 215.

находится в поиске подходящих моделей государственных структур, часто с оглядкой на западный мир, юристы с все большим интересом обращают внимание на многовековую историю петровского творения – прокуратуру. При этом они отмечают поразительное сходство противоречивой ситуации времен петровских и нынешних. Как и в тот переломный для Отечества период, прокуратура сейчас подвергается суровому испытанию – от попыток растворения ее независимой централизованной сущности в контрольно-ведомственных паллиативах, до прямого демонтажа державного «ока государева».

Преобразования страны, которая, по выражению Пушкина, сроднившись с Западом и сохранив свою самобытность, «...вошла в Европу, как спущенный корабль», Петр I прежде всего выстраивал стержневые фундаментальные опоры державности, которые бы объединяли, скрепляли все российские земли под эгидой короны на основе единства воли и твердых правил управления. С прокуратурой великий реформатор связывал не просто появление удобной и целесообразной управленческой структуры, но рождение цементирующей силы государства, которая стала бы оплотом единства законности и правопорядка на просторах Империи, чистоты и совести властных чинов в центре и на местах.

Уже изначально он замыслил прокуратуру как особый институт контроля за деятельностью чиновников всех мастей, отнюдь не чуждых казнокрадства и мздоимства, пресечения безнаказанного своеволия столичных и местных правителей.

Опираясь на документальные свидетельства, известный российский историк В.О.Ключевский писал, что Петр I немало размышлял над будущим прокурорской власти, лично составлял варианты законопроектов. Его особо занимала мысль об устройстве такого надзорного органа, который не спасовал бы перед вельможными чинами и «сиятельствами» в том числе и перед Сенатом, который сам являлся высшим органом управления и контроля в России. «Сей чин (по мысли Петра I), яко око наше и стряпчий о делах государственных»¹. Понадобились три его Указа, чтобы российская надзорная власть обрела сравнительно завершённые очертания. Первый из них был принят 12 января 1722 г. – «О должности Сената». В нем говорилось: «Быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору, а также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут рапортировать генерал-прокурору». А уже 18 января того же года выходит Указ «Об установлении должности прокуроров в надворных судах и о пределах компетенции надворных судов в делах по доносам фискальским и прочим людей». В апреле 1722 г. появляется еще один Указ «О должности генерал-прокурора» с подробной регламентацией его обязанностей и правомочий. По нему генерал-прокурор в плане надзора становился над Сенатом и напрямую выходил на Императора. В Указе подчеркивалось: «Генерал-прокурор повинен сидеть в Сенате и смотреть накрепко, дабы сенат свою должность хранил и во всех делах... истинно, ревностно и порядочно без потери времени по регламентам и указам отправлял, а также смотреть, дабы Сенат в своем звании праведно и нелицемерно поступал»².

Можно полагать, что при обдумывании неординарного решения Петр находился в поисках полезного надзорного института. И без изучения опыта других стран, в первую очередь, примера Франции, возможно, здесь не обошлось. Но ни о каком копировании зарубежных моделей не могло быть и речи. Во Франции прокурор всецело подчинял свою деятельность охране королевской власти и чести, от имени последней он участвовал и в суде. В Российской империи же правомочия прокурора изначально выходят на контрольно-надзорные функции общегосударственного значения. Формирование службы надзора постепенно завершается системной централизованной самостоятельностью прокуроров с их подчинением генерал-прокурору. Иными словами, возник самобытный, влиятельный орган государства с уникальными функциями надзора, служители которого не только опротестовали незаконные распоряжения и действия любых учреждений и чинов, но и доносили высочайшей власти о замеченных злоупотреблениях.

В последующий послепетровский период государства Российского, не смотря на перипетии истории и некоторые изменения в статусе прокуратуры, ее надзорная роль сохраняется, а в царствование Екатерины II даже заметно возрастает. В частности, учреждение государства Российского в 1775 г. губерний и создание соответствующих губернских прокуратур, а также прокурорских должностей при судах существенно укрепляет надзор за законностью деятельности местных властей и в судопроизводстве.

Вопреки расхожему мнению о стремлении демократически настроенного Александра II к свертыванию прокурорского надзора в связи с судебной реформой 60-х годов XIX века, сошлемся на авторитет утвержденных им же 29 сентября 1862 г. «Основных положений преобразования Судебной части государства Российского»³.

В этом определяющем акте в духе петровских предначертаний четко обозначалось главное назначение прокуратуры – наблюдение за точным и единообразным исполнением законов в Российской империи. Ей вменялось в обязанность «обнаруживать и преследовать всякие нарушения законного порядка и требовать его восстановления», формулировать «предложения суду предварительными заключениями в случаях, предусмотренных гражданским и уголовным судопроизводством». Прокуроры были призваны осуществлять надзор за производством следствий, поддерживать обвинение в суде. Как участники судопроизводства, прокуроры наделялись особыми полномочиями, включая права принесения протеста в судах первой инстанции. Сохранялась и функция надзора за местами лишения свободы.

Но в контексте продолжающихся разночтений нынешнего статуса прокуратуры, полезно хотя бы в ретроспективе понять идеологию либеральной александровской реформы применительно к месту и роли

¹ Российское законодательство X-XX в. Т. 4. / Отв. ред. А.Г.Маньков. М., 1986. С. 184.

² Там же.

³ См.: Судебные уставы Императора Александра II. СПб., 1883.

прокурорской системы в государственной «Табели о рангах», согласно которому, что генерал-прокурор и губернские прокуроры назначались и освобождались рескриптом Императора. Все иные прокуроры были подвластны генерал-прокурору. И хотя авторы Судебных уставов 1864 г. скорректировали диапазон прокурорского надзора делами «судебного ведомства» усилением публичности обвинения, контроля за следствием и дознанием, на практике власти вынуждены были найти эквивалент «общенадзорной» функции, сделав прокуроров полноправными членами губернских административных комитетов (т. е. властных контрольно-надзорных органов). Эта компенсация прокурорских правомочий нашла свое выражение в законодательстве о прокурорах в виде завуалированной формулировки: «Некоторые же другие обязанности, сверх того налагаемые на сии лица, определены в основных Уставах и положениях о принадлежности»¹. Более того, уже после введения Судебных уставов прокуроры продолжали осуществлять «общенадзорные» функции за рамками судопроизводства по целому ряду направлений административно-управленческой деятельности. Ссылка на совмещение постов генерал-прокурора и министра юстиции одним лицом, которое якобы ставит под сомнение автономность и независимость прокурорской системы, несостоятельна. Хотя бы потому, что Основные положения прямо указывали, что «причастность» и правомочия министра юстиции к содержательной надзорной стороне прокурорской деятельности ограничивается лишь организационно-ресурсным обеспечением.

Таким образом, приписываемое большевикам «отцовство» российской прокуратуры страдает явным преувеличением. Напротив, большевистская власть целых пять лет после Октябрьской революции тщетно пыталась обойтись без прокуратуры, полагаясь на различные структуры «революционного» народного обвинения и, все же была вынуждена обратиться к петровскому детищу, модернизировав его в интересах «диктатуры пролетариата».

Столь подробный экскурс в историю нам понадобился для того, чтобы, во-первых, развеять спекулятивные утверждения ортодоксальных «реформаторов» о тоталитарной природе прокуратуры, а с другой стороны – призвать своих коллег-юристов, в том числе вступающую в профессиональную жизнь молодую когорту, трезво поразмыслить над уникальностью феномена и долгожития российской прокуратуры, объективно оценить ее достоинства и слабости и по возможности, коллективно спрогнозировать ближайшее будущее прокуратуры.

Как известно, прокуратура сегодня переживает не лучшие времена. И хотя принятый в 1995 г. и дополненный недавно Федеральный Закон «О прокуратуре Российской Федерации», явился крупным шагом в стабилизации системы, оформлении ее государственно-правового статуса, внеся определенность в ее надзорные правомочия, было бы преждевременно говорить о завершенности конституционного положения прокурорской системы в иерархии разделенных властей. Незавершенная не только в силу динамичности преобразовательных процессов и сопутствующих им законодательных затворов, но и из-за сохраняющихся в обществе, а вернее в его влиятельных политических и экономических кругах, существенных разночтений относительно роли и места прокуратуры в государственном механизме контроля и правоохраны.

Уже с самого начала перестройки, прокуратура, будучи по Конституции независимым органом, становилась заложницей политических разборок и давлений, цель которых в конечном счете заключалась в подчинении ее определенным силам. Сеем утверждать, что десятилетние зигзаги в статусе прокуратуры, «кнуты» и «пряники» при оценке ее деятельности бывшим президентом Б.Ельциным, персональные перетасовки в прокурорских верхах – звенья цепи заготовленного политического ошейника.

Все периоды исторических подъемов государства Российского, сопряженные, скажем, с византийскими или европейскими заимствованиями, проходили на твердом фундаменте самобытности народа, у которого совесть и справедливость как бы генетически шли впереди права. Да и сами культурные заимствования пропускались через сито отечественной ментальности, трансформируясь в российские самобытные институты, как, возможно, это было и с петровской прокуратурой. Речь идет не о табу на все «ненашенское», что само по себе в XXI интеграционном веке было бы абсурдом, а о принципиальном выборе пути общественного развития, оптимальных институциональных механизмов, адекватных труднейшему этапу преобразований. Чтобы правовые новеллы приносили пользу государства Российского и были понятны народу, важно не просто увидеть заманчивый зарубежный правовой аналог, а вникнуть в «технологии» его функционирования на родине, выяснить современное восприятие его специалистами, общественностью.

Настойчивое лоббирование дорогостоящего суда присяжных государства Российского при неразвитости и нищенской обеспеченности всей судебной системы, далеко не однозначно воспринимается у нас, общественностью ведущих западных стран, где число рассмотренных дел с участием присяжных не превышает 2-5 %². Или, рекламируя совершенство американской правоохранительной системы и ратуя за ее восприятие, ее российские сторонники почему-то обходят стороной функционирование этой системы в кризисных ситуациях, что было бы куда логичнее при заимствовании опыта для нынешней «всецело» кризисной государства Российского³.

В главных выводах документа, подчеркивается, что «изменение статуса, структур, задач и форм работы прокуратуры должно осуществляться гармонично в соответствии с изменениями судебных и правовых систем, частью которых она является, имея в виду, что главной целью при этом является создание

¹ Российское законодательство X-XX веков. Т.8 / Отв.ред. В.В.Виленский. М., 1991. С.99.

² Прокуратура в правовом государстве. Многосторонняя встреча, организованная Советом Европы совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. М., 1997. С. 40, 41.

³ Там же. С.44, 45.

подлинных гарантий для обеспечения законности и правопорядка, а также осуществление эффективной защиты прав и свобод человека и гражданского общества»¹.

Государство Российское должно делать реформационные шаги основательно, без спешки, поэтапно исходя из сложных и противоречивых реалий экономической и социальной жизни, отечественных духовно-нравственных традиций, специфики и издержек преобразований.

Из долгой истории нашей прокуратуры известно, что в результате торопливости, заманчивости некоторых нововведений были не только обретения, но и потери. Так, характеризуя последствия в целом прогрессивной судебной реформы 1864 г., но неоправданно сузившей диапазон прокурорского надзора, выдающийся русский юрист А.Ф.Кони писал: «Должность эта (Губернского прокурора. – Автор.), составляя наследие петровских времен и одно из лучших украшений екатерининских учреждений, имела огромное значение в нашем дореформенном строе... В торопливом осуществлении страстного желания поскорее расчистить для новых насаждений место, поросшее бурьяном, полусгнившими деревьями, был срублен дуб, стоявший на страже леса»².

Верховенствующее положение Конституции Российской Федерации, как принцип конституционного строя федеративного государства, во многих случаях не выдерживается. В конституциях республик и в уставах многих краев и областей имеются явные противоречия с требованиями федеральной Конституции в таких, например, принципиальных вопросах, как правовой статус республик, гражданство и др.

Негативное влияние на конституционную законность все еще продолжают оказывать ранее заключенные с нарушением Конституции и до сих пор не отмененные договоры Федерации и ее субъектов о разграничении предметов ведения и полномочий.

В качестве конкретных путей усиления позиций системы прокурорского надзора предлагается: придание Закону о прокуратуре Российской Федерации статуса конституционного, внесение в него изменений и дополнений, направленных на усиление независимости прокуратуры, недопустимости вмешательства в ее надзорную и иную деятельность; осуществление надзора за законностью правовых актов, издаваемых Правительством РФ; наделение Генеральной прокуратуры правом законодательной инициативы, установление порядка, при котором надзор за законностью всех правовых актов осуществляется независимо от поступления соответствующей информации о нарушениях; в законе целесообразно определить формы взаимодействия прокуратуры с Уполномоченным по правам человека, предусмотреть более весомую роль прокурора в гражданском и арбитражном процессах, а также в надзоре за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность³.

Не смотря на критический фон исследований, характерной особенностью этих концептуальных работ является их взвешенность и аргументированность, жизнеутверждающие выводы и позиции.

Убедительно обосновывается несостоятельность основного тезиса оппонентов прокуратуры – ее «посягательств» на функции судебной власти. Оппоненты упорно не хотят замечать изменившиеся законы о правосудии и прокуратуре, которые по новому определили роль и место суда и прокуратуры: прокурор не надзирает за судом, а лишь участвует в правосудии, его предложения суду не обязательны, тогда как решения и выводы суда подлежат при всех условиях обязательному исполнению прокурором.

Не обходится стороной и излюбленный тезис оппонентов, противопоставляющий прокурора суду, и с его помощью проводится линия на ограничение полномочий прокурора в судопроизводстве. Приведенными выше обобщенными данными по опротестованию прокуратурой судебных решений ученые показывают не только правомерность, но и крайнюю необходимость использования защиты законности, прав человека при нынешней гипертрофированной независимости судей от всякого внешнего контроля.

Эффективность управления обществом, реформируемым на базе законности, определяется тем, насколько государством учитываются объективные закономерности общественного развития и насколько само законодательство адекватно отражает потребности и возможности общества; выдерживается иерархия правовой системы при верховенстве конституции и закона; обеспечиваются взаимосвязь и взаимоподчиненность всех элементов правовой системы, издание уполномоченными правотворческими органами актов в строгом соответствии с их конституционной компетенцией; гарантируется исполнение всеми ветвями власти требований конституции, законов и других нормативно-правовых актов; соблюдается правомерность установления льгот и преимуществ должностных лиц; обеспечивается функционирование механизма судебной, прокурорской и иной правовой защиты личности, государственных и общественных организаций от правонарушений и препятствий в реализации своих конституционных прав и свобод. Каждый из критериев, характеризующий определенный срез законности, в совокупности образует единство общей оценки ее состояния.

Идеи и принципы законности как универсальной ценности правового демократического государства, не нашли должного отражения в основном законе страны – Конституции РФ. Парадоксально, но в этом главном документе, определяющем жизнь общества, не оказалось места для раскрытия роли законности, основных принципов и механизмов ее утверждения в условиях федеративного устройства страны. Во всем тексте Конституции заметна печать незадачливого реформаторства, видимо, относившего законность к рудиментам прошлого режима, подменены ее цементирующей роли оторванными от жизни чужеродными

¹ Прокуратура в правовом государстве. С. 157, 158.

² Цит. по: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Под сенью русского орла. Российские прокуроры второй половины XIX – начала XX в. М., 1996. С. 38.

³ См.: Аналитический доклад / Под ред. А. Я. Сухарева. М.: НИИ проблем законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2000.

формально-нормативистскими схемами. А если обойдена вниманием законность, как опорный хребет формирования правового государства, то, естественно, следуя этой логике, можно было ограничиться столь скупой формулировкой статуса специального органа ее защиты и утверждения – прокуратуры – как это видно из Конституции РФ (ст. 129).

Таким образом, не секрет, что на ослаблении режима законности в переходный период с самого начала сказались теоретические взгляды и позиции, противопоставляющие понятия права и закона, объективно умалаяющие значение законодательных актов, как «неустойчивых» и преходящих в условиях реформ в отличие от «вечных» и естественных правовых постулатов, вобравших в себя исторический опыт человечества.

На старте перестройки и в последующие годы серьезный ущерб законности был нанесен и пропагандой, внедрением в жизнедеятельность общества нового принципа правового поведения: «разрешено все, что не запрещено законом». Его разрушительная сила особенно стала ощутимой в период радикальных экономических реформ, перехода к рыночным отношениям при отсутствии должного законодательного обеспечения, новой системы права. В условиях динамизма социально-экономических и общественных процессов и явного отставания правового регулирования, провозглашенный принцип привел на практике к осложнению криминальной ситуации, разрушению общественной морали как средства регулирования человеческих отношений.

Требуется также научное осмысление и обоснование трансформации, содержательного отличия господствовавшей в прошлом «социалистической» законности от принципа законности правового государства. Переход от одного понятия законности к другому – это не формальная смена терминов, а кардинальная переориентация приоритетов в предметах правозащиты.

Если фундаментальной основой «социалистической законности» были интересы государства, стоявшего над личностью и обществом, то в условиях конституционного провозглашения примата прав и свобод личности, интересов гражданского общества, должны меняться не только приоритеты как принципы, но и цели, задачи законности, механизм их реализации. А это требует солидного научного обеспечения. В частности, смена правозащитных приоритетов не должна вести, как это доминирует в теоретических работах и практической политике, к противопоставлению личности, общества и государства. Важно видеть в праве и законности равнодействующую общего интереса, обеспечивающую в конечном счете реальную гарантию прав и свобод человека и гражданина. Правовое государство, как главный гарант законности, должно быть и самым чувствительным индикатором отношения населения к проводимым в стране социально-правовым мероприятиям, предупреждать появление в массовом правосознании феномена «нелегитимности» самих законов, как не отвечающих их социальным ожиданиям.

На завершающем этапе формирования нормативно-правовой базы реформ на передний план в механизме упрочения законности выдвигается проблема правоприменения, исполнения законов. Поэтому новый уровень контрольно-надзорной деятельности государства следует подкрепить действенной системой внешнего контроля со стороны гражданского общества, стимулирования законопослушного поведения должностных лиц и граждан. Важное значение имели бы практические шаги по созданию системы юридического просвещения, формированию общественного сознания, ориентированного на социальную, правовую стабильность, утверждение авторитета закона, в том числе путем позитивной информации о потенциальных возможностях правопорядка и законности в обеспечении демократических прав и свобод личности.

Процесс освещения вопроса историографии Дагестана в политике противоборствующих держав на Кавказе от Петербургского договора до Гюлистанского трактата (1723-1813)

Р.М.Касумов

Историография темы обширна, представлена работами русских, кавказских, турецких, персидских и западноевропейских авторов. Ввиду многочисленности и разноязычности исследований для их конкретной оценки автором рассматриваются сначала труды отечественных, а затем зарубежных историков. Следует отметить работы С.М.Броневского, А.А.Неверовского, В.И.Лебедева, И.И.Березина. – С. М.Соловьева, Г.В.Мельгунова, обратившим внимание на описание Дагестана, прикаспийских областей, Кавказа в целом, подготовку и проведение Каспийского похода Петра I, реакцию на это крупнейшее военно-политическое мероприятие правящих кругов Ирана, Турции, Англии, Франции и др. держав.¹ Наибольший вклад из них в освещение русско-иранских, русско-турецких, ирано-турецких переговоров и договоров, оценку позиций западных держав внес С.М.Соловьев, рассматривавший их в свете военных действий на Северном Кавказе, Дагестане, Закавказье, Ираке и др. местах до конца русско-турецкой войны 1768-1774 гг.²

Наличием фактического материала по теме отличаются работы историков XIX-начала XXв., охватившие широкий круг событий военного, политического и дипломатического характера: Д.П.Бутурлина, В.А.Ульяниченко, В.А.Потто, Н.Ф.Дубровина, В.И.Бакуниной, И.Радожницкого,

¹ Броневский С. Новейшая географическая и историческая известия о Кавказе, собранные и пополнены Семеном Броневским. М., 1821. Ч.1.; Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1847; Лебедев В.И. Западный берег Каспийского моря при Петре Великом // Журнал министерства народного просвещения. 1848. №3; Березин И. Путешествия по Дагестану и Закавказью И. Березина. Казань, 1848; Соловьев С.М. Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник, 1874. Т.110.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX.Т.18. Кн. X.Т.19-20. Кн. XI.Т.22; 1964. Кн. XII.Т.23-24; 1965. Кн.XIII.Т.25. Кн.XIV.Т.28.

А.И.Михайловского-Данилевского, В.Д.Смирнова, Н.Д.Чечулина, Н.Волконского, Е.Д.Фелицына, В.О.Ключевского, исследования по утверждению русского владычества на Кавказе¹ и др. Однако, используя труды этих авторов, необходимо учитывать, что оценка ими кавказской политики царизма субъективна, обусловлена стремлением затушевать ее колониальный характер.

Некоторый вклад в изучение истории Дагестана и Ширвана по изучаемому периоду внесли кавказские историки XIX в. А.-К.Бакиханов, Г.-Э.Алкадари и Д.-М.Шихалиев. При этом, если Бакиханов и Алкадари уделили преимущественное внимание завоевательным походам Надир-шаха и противостоянию России, Ирана и Турции в регионе², то Шихалиев особенно отметил геополитическую роль Дагестана в этих событиях, взаимовлияние Юго-Восточной Европы и Передней Азии через Дербенский проход.³

Продолжая поэтапный обзор трудов отечественных авторов, отметим, что исследователи 20-х-80-х гг. XX века прошли эволюцию от крайне радикального отрицания какой-либо положительной роли кавказской политики России вплоть до чрезмерного восхваления, отвергающего ее колониальный, захватнический характер. К представителям первой точки зрения (20-е-30-е гг. XX века) можно отнести М.Н.Покровского, Г.А.Кокиева, Б.В.Скитского и др.⁴, акцентировавшим внимание на соперничестве Англии, Франции, России, Ирана и Турции в регионе, выявлении классовых корней их кавказской политики.

Среди исследователей 20-х-40-х гг. XX века непосредственно с темой созвучны идеи, содержащиеся в трудах В.В.Бартольда⁵, Е.С.Зевакина,⁶ М.А.Полиевктова⁷, В.Н.Левиатова⁸, П.И.Петрушевского⁹ и др., касающиеся геополитики Дагестана и прикаспийских областей, взаимосвязи западной и восточной политики России, русско-турецкого и ирано-турецкого противостояния, ирано-русского сотрудничества, политики Англии, Франции, Пруссии и Австрии с 20-х гг. XVIII в. до начала XIX в.

Анализ исследований отечественных авторов второй половины XX-начала XXI в. требует особого подхода ввиду того, что из-за распада СССР в 1991 г. закавказские и среднеазиатские историки оказались в числе зарубежных. Поэтому в рамках отечественной историографии следует рассматривать труды российских, дагестанских и северокавказских историков, выделив сначала исследования 50-х-80-х гг. XX века; затем работы 90-х гг. XX века -2010 г.

Исходя из сказанного следует отметить, что существенный вклад в разработку истории Дагестана в интересующем нас плане первыми внесли известные историки Р.М.Магомедов, В.Г.Гаджиев. – С. Ш.Гаджиева¹⁰. Особая заслуга этих исследователей в том, что они глубже вскрыли геополитическое положение Дагестана, его роль в российско-турецко-иранском противостоянии, развитие российско-дагестанских отношений от временного до окончательного присоединения Дагестана к России. Ряд вопросов по теме нашли отражение в исследованиях Н.А.Сотавова¹¹, касающихся освещения роли Кавказа в

¹ Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч.1.Т.2-3. Ч.2.Т.3- 4; Его же. Картина войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. СПб., 1829; Ульяновский В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIIIв. М., 1883; Его же. Русские консулы за границей в XVIIIв. М., 1899. Ч. 1-2; Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях; Его же. Два века Терского казачества (1557-1801). Владикавказ, 1912. Т.1; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т.2; Его же. Закавказье от 1803 до 1806г. СПб., 1866; Его же. Поход графа Зубова в Персию в 1796г. // Военный сборник. СПб. 1874. №2-6; Бакунина. В. И. Персидский поход в 1796г. // Русская старина, 1877. Кн. 2; Радожницкий И. Историческое известие о походе русских войск в 1796г. в Дагестан и Персию // Отечественные записки. СПб., 1897. Ч.31. №87; Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны в царствование Александра I 1808-1812 гг. СПб., 1843; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии до присоединения к России // Записки императорского одесского общества истории и древностей (ЗИООИД). Одесса, 1889. Т. XV; Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762-1774). СПб., 1896; Волконский Н. Кавказ в 1787-1789 гг. // Кавказский сборник. Тифлис, 1890. Т.14, 1894. Т.15; Фелицын Е.Д. Материалы для истории Северного Кавказа 1787-1792 // Кавказский сборник. Тифлис, 1896. Т.17; Ключевский В.О. Сочинения. Курс новой истории. М., 1989. Т.4. (1696-1762). Т.5 (1762-1861); Его же. Исторические портреты (Петр I, Елизавета Петровна, Екатерина II). М., 1991; Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901. Т.1.

² Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991; Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1994.

³ Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993.

⁴ Покровский М.Н. Дипломатия и войны России в XIX столетии. М., 1923; Кокиев Г.А. Военно-колониальная политика царизма на Кавказе // Революция и горец. Ростов на Дону, 1923. №4-6; Его же. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIIIв // Изв. ЮООНИИК. Сталинир, 1933. Вып.1; Скитский Б.В. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739-1779 гг.) Владикавказ, 1930.

⁵ Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925; Его же. Дагестан // Работы по исторической географии. М., 2002.

⁶ Зевакин Е.С., Полиевктов М.А. К истории прикаспийского вопроса. Тифлис, 1933.

⁷ Полиевктов М.А. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIIIв. Россией прикаспийских областей Кавказа. Тбилиси, 1937.

⁸ Левиатов В.Н. Очерки истории Азербайджана в XVIIIв. Баку, 1948.

⁹ Петрушевский П.И. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-XIX в.в. Л., 1949.

¹⁰ Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968; Его же. Россия и Дагестан. Страницы истории. Махачкала, 1987; Его же. История Дагестана. Очерки и документы. Махачкала, 2004; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Его же. Петербургский договор 1723г. (история заключения и значение) // Русско-дагестанские отношения в XVI-начале XXв. Махачкала, 1988; Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961; Её же. Кумыки. Историческое прошлое, культура, быт. Махачкала, 2000.

¹¹ Сотавов Н.А. Кавказ в политике Ирана, России и Турции в XVIIIв. (по материалам иранских и турецких авторов) // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М., 1984; Его же. Освободительная борьба

международных отношениях XVIII века в зарубежной историографии. Некоторое освещение рассматриваемые вопросы нашли в монографии Г.А.Джахияева¹, посвященной роли Дагестана в русско-иранских и русско-турецких отношениях в начале XIX в. В отличие от них, Х.Х.Рамазанов и А.Р.Шихсаидов осветили проблемы Южного Дагестана, обратив внимание на историческое значение разгрома Надир – шаха.² Подобные же сюжеты фрагментарного характера имеются в статьях А.Н.Козловой.³ Роль союзов сельских общин в борьбе за независимость Дагестана, обратившая внимание соперничавших держав, отражена в публикации Б.Г.Алиева и М.-С.Умаханова.⁴ Отдельные стороны изучаемой проблемы с акцентом на крах завоевательной политики Надир-шаха и развитие русско-дагестанских отношений в XVIII-начале XIXвв. представлены в исследованиях А.И.Тамая⁵ и Ф.З.Феодаевой⁶.

Наряду с вышеуказанными исследованиями 50-х-80-х гг. XX века необходимые сведения по теме содержат совместные труды историков, написанные в виде очерков⁷ или истории Дагестана,⁸ истории народов Северного Кавказа⁹, сборника статей по взаимоотношениям народов Дагестана с Россией и с народами Востока¹⁰. Определенный интерес представляют содержащиеся в этих трудах сведения о политике соперничающих стран на Кавказе, взаимоотношениях народов региона между собой и с Россией, об единстве в борьбе с иноземными завоевателями.

В круг исследований 50-х-80-х гг. XX века входят также труды российских и северокавказских историков, среди которых наличием фактического материала и суждениями концептуального характера выделяются монографии В.П.Лысцова, Н.А.Смирнова, А.В.Фадеева, О.П.Марковой, совместные исследования М.Р.Аруновой и К.З.Ашрафян, Н.С.Киняпиной, М.М.Блиева и В.В.Дегоева.

В монографии В.П. Лысцова¹¹ представлена картина подготовки и осуществления похода Петра, заключения русско-иранского и русско-турецкого договоров 1723-1724гг., меры Петербурга по укреплению своих позиций в обретенных областях, позиции Англии и Франции по этим вопросам. В работе Н.А.Смирнова выявлены механизмы осуществления кавказской политики России и ее соперников, причины и последствия русско-турецких войн 1735-1739, 1768-1774, 1787-1791 гг., в ходе которых «Россия твердо отстаивала Северный Кавказ от покушения со стороны Турции».¹²

А.В. Фадеев глубже определил причины эволюции кавказской политики России при приемниках Петра, выявил объективную взаимообусловленность российско-кавказских отношений в последующий период. Содержателен его вывод о том, что «политические события, происходившие в одной части Кавказа, неизбежно влияли на другие его области».¹³ В работе О.П.Марковой интересен конкретный вывод об объективном совпадении успешного хода освободительной борьбы народов Дагестана против владычества Ирана с кавказской политикой царизма, направленной на поддержку этой борьбы, ясно сознавая, что «с Ираном была бы война, если бы горцы не остановили персов».¹⁴

В исследовании М.Р.Аруновой и К.З.Ашрафян, насыщенном богатым источниково-историографическим материалом, убедителен вывод о том, что «в Дагестанском походе Надир терпел одно поражение за другим... Потеряв значительную часть войска,... Надир вынужден был в феврале 1743г. вернуться в Иран».¹⁵ Столь же значительным представляется вывод, содержащийся в совместной работе Н.С.Киняпиной, М.М.Блиева и В.В.Дегоева: «активизация политики России на Кавказе в XVIIIв. вызвала спор за обладание между Россией, Ираном и Турцией». В конце XVIII-начале XIXв. экспансионистские

народов Северного Кавказа в свете русско-иранских и русско-турецких отношений XVIIIв. (в освещении зарубежной историографии) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986; Его же. Кавказская проблема русско-иранских и русско-турецких отношений в XVIII веке (зарубежная историография) // Научная мысль Кавказа. Ростов на Дону, 1998. №2.

¹ Джахияев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIXв. Махачкала, 1985.

² Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1984.

³ Козлова А.Н. Страница освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. М., 1976. Вып. 18; Ее же. «Намэ-йи аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. К. Союзы сельских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII-первой половине XIX в. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1976.

⁵ Тамай А.И. Провал захватнических планов шаха Надира в Дагестане. Дис... канд. ист. наук. М., 1951; Его же. К вопросу о провале дагестанской компании шаха Надира (1741-1743гг.) // Уч. зап. ИИЯЛ. Даг. ФАН СССР, 1958. Т.5.

⁶ Феодаева Ф.З. Из истории русско-дагестанских политических взаимоотношений в 60-е-70-е гг. XVIIIв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып.1; Ее же. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII-начале XIXв. Дис... канд. ист. наук, Махачкала, 1971.

⁷ Очерки истории Дагестана. В 2-х т. Махачкала, 1957. Т.1.

⁸ История Дагестана. В 4-х т. М., 1967. Т.1.

⁹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIIIв. М., 1988.

¹⁰ Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Востока // Сб. ст., Махачкала, 1982.

¹¹ Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722-1723 гг. М., 1951.

¹² Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958. С. 76.

¹³ Фадеев В.А. Россия и Кавказ в первой трети XIXв. М., 1960. С. 27.

¹⁴ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIIIв. М., 1960. С. 126.

¹⁵ Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958. С. 159.

планы наполеоновской Франции, а затем и Англии на Востоке заставили Петербург усилить внимание к Кавказу».¹

Заметный вклад в изучении роли Дагестана в международных отношениях Кавказского региона внесли исследователи постсоветского периода (1991-2010). Плотным соприкосновением с темой среди них отличаются труды Р.Г.Абдулатипова, Б.Г.Алиева, Я.З.Ахмадова, В.Бобровникова, В.Г.Гаджиева, Ш.А.Гапурова, Д.Б.Абдурахманова и И.М.Израилова, М.Р.Гасанова, Э.Г.Джахиевой, Е.И.Иноземцевой, Р.М.Касумова, Р.М.Магомедова, Н.А.Магомедова, Р.Г.Маршаева и Б.Б.Бутаева, А.И.Омарова, А.Х.Рамазанова, Н.А.Сотавова, Х.Н.Сотавова, М.-С.К.Умаханова, Ф.З.Феодаевой, А.В.Шишкова² и др. Особое место в этом ряду заслуживает новейшее издание истории Дагестана учеными ИИАЭ ДНЦ РАН,³ содержащее конкретные данные по теме.

Важные вопросы по теме подняты в монографиях по Северному Кавказу, Прикаспийскому региону и Кавказу в целом, докторских диссертациях, специальных статьях и материалах докладов на научных конференциях. Количественно среди них преобладают материалы по Северному Кавказу⁴, в меньшей степени – по Кавказу в целом⁵,

Прикаспийскому региону⁶ и Северо-Восточному Кавказу⁷.

Отдельные вопросы нашей темы непосредственно соприкасаются с тремя исследованиями, посвященными внешней политике России⁸ и образования многонационального Российского государства,¹ в

¹ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII-30-е гг.-XIX в. М., 1984. С. 3.

² Абдулатипов Р.Г. Кавказская политика России и российская ориентация Кавказа // Научная мысль Кавказа. Ростов на Дону, 1999. №3; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001; Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б. и Израилов И.М. Дагестан в кавказской политике России в первой трети XIX в. Нальчик, 2008; Маршаев Р.Г., Бутаев Б.Б. История лакцев. Махачкала, 1991; Бобровников В. Дагестан: между Россией и мусульманским Востоком // Вестник Евразии, 1995. №2; Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996; Касумов Р.М. Дагестан и Россия в первой четверти XVIII в. Махачкала, 1997; Его же. Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII в. Дис... канд. ист. наук, Махачкала, 1999; Касумов Р.М., Сотавов Н.А. Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара. Махачкала, 2008; Гасанов М.Р. Каспийский поход Петра I – важный этап в развитии русско-дагестанских отношений // Научная мысль Кавказа. Ростов на Дону, 1995. № 2. Его же. Дагестан в истории Кавказа и России. Махачкала, 2004; Джахиева Э.Г. Кумыкские феодальные владения в международных отношениях в конце XVIII – начале XIX в. (1774-1826 гг.). Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1998; Ее же. ... Дис... д-ра наук... Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. К. Историческая география Дагестана XVIII – начала XIX в. Махачкала, 1991. Кн.1, 2001. Кн.2; Алиев Б. Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. Махачкала, 2002; Сотавов Н.А. Крах «Грозы вселенной». Махачкала, 2000; Его же. Кавказская проблема в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. (Зарубежная историография) // Научная мысль Кавказа. Ростов на-Дону, 1998. №2; Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во второй половине XVIII-первой половине XIX в. Махачкала, 2000; Его же. Южный Дагестан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2005; Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII-первой половине XIX в. Махачкала, 2001; Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX в. Махачкала, 2004; Рамазанов А.Х. Россия и Дагестан в XIX-начале XX в. Махачкала, 2003; Сотавов Х.Н. Дагестан в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в. Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2002; Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII- начале XIX в. М., 2008; Шишков А.В. Схватка за Кавказ: XVI-XIX вв. М., 2005; Россия и Дагестан: история многовековых отношений и единения. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной окончательному присоединению Дагестана к России. Махачкала, 2010; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.

³ История Дагестана с древнейших времен до XX в., М., 2004. Т.1

⁴ Поляков Ю.А. Слово о Северном Кавказе // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской конференции. Москва – Ставрополь, 2001; Рахаев Ж.А. Геополитическое положение Северного Кавказа в системе международных отношений первой половины XVIII в. // Там же. Раджабов О.Р., Скалькова В.П. Геополитическое положение на Северном Кавказе: некоторые аспекты // Там же. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в., М., 1991; Джахиев Г.А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце XVIII-первой трети XIX в. (от Георгиевского трактата до Андринопольского договора 1783-1829 гг.). Автореф. дис... д-ра ист. наук. Махачкала, Ташкент, 1994; Якубова И. И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII-первой половине XIX в. Автореф. дис... д-ра. ист. наук. Нальчик, 2004.

⁵ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001; Сотавов Н.А. Кавказская проблема в русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношениях XVIII в. (Зарубежная историография) // Научная мысль Кавказа. Ростов на Дону, 1998. № 2; Барышникова Н.В. Кавказская политика Петра I. Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1999; Напсо Д.А. Кавказ в системе геополитических отношений // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва – Ставрополь, 2001; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003; Его же. Кавказ между тремя империями // Международная жизнь, 2003. № 12; Магомедова Р.М. Кавказская проблема в восточной политике России, Англии и Франции в первой половине XVIII в. Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2004; Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции. Владикавказ, 2005.

⁶ Жильцов С.С., Зон И.С., Ушаков А.М. Геополитика Прикаспийского региона. М., 2003; Сотавов Н.А., Хадисова С.Р. Прикаспийские области в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2005. № 2.

⁷ Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX-начале XX в. Махачкала, 2004.

⁸ Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990; История внешней политики России. XVIII в. М., 1998.

которых нашли освещение комплекс вопросов по различным аспектам исследования, включая кавказский регион от Каспийского похода Петра I (1723) до Ясского договора (1791).

Таким образом, отечественная историография XIX-начала XXI в. представляет определенный материал для выявления места и роли Дагестана в кавказской политике противоборствующих государств. Однако следует учитывать, что отдельные историки дореволюционного, советского и постсоветского периодов допускают неточности фактического, хронологического и концептуального характера, искажающие суть событий, в частности, колониальный, захватнический характер кавказской политики России. Первая из них касается искажений названий отдельных областей и международных соглашений (Астраханская вместо Архангельской области, Айналы-Кавказская – вместо Айналы Кавказской конвенции;² вторая – утверждения о том, что Шемаха с уничтожением русских купцов была взята в 1712г. – вместо 1721г.;³ третья – попытки отрицания колониального характера кавказской политики царизма⁴, подвергшейся принципиальной критике и отвергнутой за субъективизм и антинаучные измышления ее импровизаторов.⁵

Необходимо отметить, что кроме отечественной историографии, по теме имеется обширная зарубежная историография, состоящая из трудов азербайджанских, армянских, грузинских, английских, французских, американских, австрийских, иранских и др. исследователей. Из исследования азербайджанских, армянских и грузинских историков XVIII-XIX вв. следует выделить работы Г.М.Молладзе Ганджеви, А.Ереванци, Е.Х.Джалаляна и А.А.Цагарели,⁶ отразившие антииранские восстания в Дагестане и Ширване в 1707-1721 г.г., походы Надир-шаха 1734-1735гг., русско-кавказские отношения в XVIII- начале XIXвв., ставших составной частью международных отношений.

Однако по сравнению с указанными исследованиями труды азербайджанских, грузинских и армянских историков XX в. значительно превалируют над ними как в количественном, так и в качественном выражении. К таким исследованиям азербайджанских историков относятся труды А.А.Абдурахманова, Г.Б.Абдуллаева, Р.Ф.Бадирбейли, Ф.М.Алиева, Т.Т.Мустафазаде, Л.И.Юнусовой, Г.Н.Мамедовой, совместные исследования по истории Азербайджана и Грузии.⁷ Среди имеющихся в указанных трудах достоверных сведений привлекает внимание не только оценки роли постоянно действующего «треугольника сил» (Россия, Иран, Турция), но и всей системы кавказской политики с участием западных держав, в которой Дагестан выступает в качестве непроходящего устойчивого фактора.

Необходимые сведения содержатся в работах грузинских историков середины 50-х-80-х гг. XX века: Г.Г.Пайчадзе, В.Г.Чочиева, Т.Д.Боцвадзе, В.Мачарадзе⁸ и др., представляющие главные события XVIIIв. в свете международных отношений на Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке. Сказанное относится и к работам армянских историков А.Р.Иониссяна, П.Т.Арутюняна, Тер-Мкртчяна, Д.К.Васкояна и Д.А.Дилояна,

¹ Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIXвв. М., 1998.

² История народов Северного Кавказа. М., 1988.С.416,449.

³ Голиков И.И. Деяния Петра Великого...Т.6., изд-е 2-е. С. 37,38; Комаров В.В. Персидская война 1722-1735гг...С.16; Саймонов Ф.И. Описание Каспийского моря...С. 31,100; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа...Ч.1. С.3,9,17 и др.

⁴ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность // История СССР, 1983. №2. С.57,59,61,74; Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вместе к великой цели. Грозный, 1983. С. 8,10,17; Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976-1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР, 1987. С.95-96.

⁵ Гамзатов Г.Г. Преодоление. Становление. Обновление. Махачкала, 1986. С. 37,38; Алиев Б.Г., Умаханов М.- С.К. Союзы сельских общин...С. 55; Ибрагимбейли Х.-М. Некоторые вопросы истории национально-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа против царизма и передовая Россия (20-е-50-е гг. XIXв.) // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Региональная и научная конференция. Махачкала, 1987.С. 9,10,11; Ортобаев Б.Х., Тотаев Ф.В. Еще раз о кавказской войне: ее социальных истоках и сущности // История СССР, 1988. № 4. С. 80,87,98.

⁶ Гаджи шейх Гасан Моллазаде Ганджеви. Зубдат –ал-таварих. Гянджа, 1912; Авраам Ереванци. История войн 1721-1736 г.г. Ереван, 1939; Е.Х. Джалалян. Краткая история станы Албанской (1702-1722 г.г.) Баку, 1989; Цагарели А.А. Сношения Кавказа с Россией XVI-XVIII вв. СПб., 1891. Тифлис, 1903.

⁷ Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIIIв. Баку, 1964; Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIIIв. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965; Бадирбейли Р.Ф. Отношение западноевропейских дипломатов к Персидскому походу Петра I // Изв. АН Азерб. ССР. Серия ист. филос. и права. Баку, 1974. № 4; Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIIIв. Баку, 1975; Его же. Азербайджано-русские отношения XV-XVIIIвв. Баку, 1885; Мустафазаде Т.Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIIIв. Баку, 1993; Его же. Mustafazade T.T. Ottoman – Russian Relations in the Caspian Region in 1723-1724 // The Caspian Sea. International Journal of Colled Academic Articles. Elista, 2001; Юнусова Л.И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспийского моря в первой половине XVIIIв. Баку, 1988; Ее же. Политика Англии в бассейне Каспийского моря в 30-х 40-х гг. XVIIIв. в английской историографии // Историография Ирана нового и новейшего времени. М., 1989; Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане (20-е-60-е гг. XVIIIв.). Баку, 1989; Берендашвили Н., Джанашвили И., Джанашиа Ш. История Грузии с древнейших времен до XIXв. Тбилиси, 1950.

⁸ Пайчадзе Г.Г. Поход русских войск на побережье Каспийского моря в 1722-1723 гг. и Грузия. Дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955; Его же. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIIIв. Тбилиси, 1970; Его же. Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983; Чочиев В.Г. Международные отношения Ближнего Востока в XVI-XVIIIв в. (В свете ирано-турецких мирных договоров). Автореф. Дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1972; Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических отношениях XVI-XVIIIвв. Тбилиси, 1974; Мачарадзе В. Георгиевский трактат. Исследование. Документы. Фотокопии. Тбилиси, 1983.

З.А.Арзуманяна, Ц.П.Агаяна, С.А.Тер-Авакимовой¹ др., уделившим определенное внимание международным событиям, в орбиту которых были втянуты Дагестан с пограничными областями Азербайджана, Армении и Грузии.

И наконец, значительную группу зарубежной историографии составляют труды представителей наиболее активно участвовавших в кавказских событиях стран – турецких, иранских, английских, французских, австрийских и др. историков.

Турецкая историография XIX-начала XX вв. касательно нашей темы предпочтительно представлена трудами османских историков А.Джевдет-паши и А.Расима, австрийского историка Д.Хаммера и румынского историка Н.Йорги. В работе А.Джевдета содержатся сведения о гегемонистических устремлениях Порты на Кавказе в 30-х-70-х гг. XVIII в.,² А.Расима – намерениях Петра I утвердиться на побережьях Каспия и черного моря.³ Хаммер обращает больше внимания набегам османских и крымских феодалов на Кабарду и Дагестан, русско-турецких войнам 1735-1739, 1768-1774 гг., подписанным по их итогам двусторонним соглашениям.⁴ В отличие от них, Йорга больше затронул русско-дагестанские отношения, значение освободительной борьбы народов Дагестана для корректировки кавказской политики России.⁵

Отдельные эпизоды русско-иранских и русско-турецких отношений XVIIIв. нашли отражение с негативных позиций касательно оценки политики России в работах иранских историков 30-х-40-х гг. XX века. Сейна Нава, Мохаммад Хекмата, Реза Сардари, Аббаса Экбаля, Неджефа Моэззи и др. В этом плане характерны работы М.А.Хекмата и Р.Сардари, в которых приводятся данные о политике России, Турции и Крыма на Кавказе, военных действиях между ними, дипломатических миссиях и подписанных договорах в 1723, 1724, 1732, 1735, 1774, 1792 гг. с интерпретацией их текстов в качестве приложений.⁶

За послевоенный период иранская, турецкая и западноевропейская историография пополнилась исследованиями по истории Ирана, Турции и России. Конкретные сведения о политике упомянутых стран на Кавказе, особенно о завоевательных походах Надир-шаха, отложились в работах иранских историков А.А.Бина, Г.Х.Мохтадара, М.Х.Годдуси, И.Доутлешахи, А.Т.Сардадвара и др. Наличием фактического материала и суждениями концептуального характера среди них отличаются работы Г.Х.Мохтадара и А.Т.Сардадвара, признающим, что когда Англия и Франция активно поддерживали агрессивную политику Надир-шаха, освободительная борьба народов Дагестана при поддержке других народов Кавказа, ставшая одним из главных причин крушения военной мощи Ирана, находила поддержку со стороны России, старавшейся воспользоваться этим для решения кавказской проблемы в своих интересах.⁷

Тенденцией к более подробному изложению событий второй половины XVIII-начала XX века отличаются работы П.Р.Тебризи, Х.Фазиза, Х.Эшги и М.Аткина. Проанализировав значительный фактический материал, Тебризи пришел к выводу о крайнем ослаблении Ирана к концу правления Надир-шаха, что вынудило Керим-хана Зенда подписать выгодный для Англии торговый договор в 1763 г.⁸ В отличие от него, Х.Фазиз больше остановился на анализе русско-иранских и русско-кавказских отношений в конце XVIIIв., особенно завоевательных походов Ага Мухаммед-шаха в Закавказье,⁹ в связи с чем усилилась ориентация местных народов на Россию, оказывавшей им свое покровительство.

Дальнейшим развитием этой темы явилась работа Э.Ханака, в которой с тех же позиций рассматривается политика России на Кавказе и одновременно раскрываются гегемонистические замыслы Турции, постоянно вмешивавшейся «во внутренние дела Северного Кавказа и Дагестана».¹⁰ Несколько шире русско-иранские отношения последней четверти XVIII-начала XIX вв. рассмотрел М.Аткин. Утверждая, что русская экспансия на Ближний и Средний Восток особенно активизируется со времени Петра I, он подчеркивает, что «колониализм становится доминирующим фактором во внешней политике Екатерины II».¹¹

Среди работ турецких историков довоенного и послевоенного периодов по истории Турции, Дагестана, Кавказа и кавказской проблемы в целом разнообразием материала и своими оценками

¹ Иониссян А.Р. Французское посольство в Иран 1796 г // Советское востоковедение, 1976. №1; Арутюнян П.Т. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х гг. XVIIIв. за присоединение к России // Уч. зап. ИВ АН СССР, 1954. Т.3; Его же. Борьба народов Закавказья против иранской и турецкой агрессии в XVII-XVIIIвв. Ереван, 1955; Тер-Мкртчян Л.Х. Армения под властью Надир-шаха. Ереван, 1963; Васкоян Д.К. и Дилоян Д.А. Политика России в Закавказье в 30-х гг. XVIIIв. // Историко-филологический журнал. Ереван, 1964. №2; Арзуманян З.А. Персидский поход Петра I и подъем освободительного движения в Закавказье. Дис... канд. ист. наук. Ереван, 1975; Агаян Ц.П. Народы Закавказья в борьбе за присоединение к России // История СССР, 1979. №3; Тер-Акимова С.А. Армяно-русские отношения в период подготовки Персидского похода. Ереван, 1980.

² Ahmet Cevdet Paşa. Tarih-i Cevdet. Istanbul, 1966. Cilt 1, bol.9.S.367.

³ Rasim Ahmet. Resimli ve haritalı Osmanlı tarihi. Istanbul, 1333 1335. S. 355-356.398.

⁴ Hammer for Joseph. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1830. Bd.4.s.202-208 1835. Bd.7.S. 442-447, 450-453.

⁵ Jorga Nikolai. Geschichte des Osmanischen Reiches. Nasch den Quellen darfets. Gotha, 1911. Bd. 4.S.405,453.

⁶ Hekmat M.A. Essai sur l' Histoire des relations politiques irano-ottomanp de 1722 a 17470 Paris 1947/ P.33; Sardari R. Les Traites entre l'Iran et la Russie depuis le XVI-e siècle jusqu'a 1917. Paris, 1941. P. 50.

⁷ Мохтадар Г.Х. Набардхое бозорг-е Надер-шах. Тегран, 1337. с.22,23,34,105,137; Сардадвар А.Т. Тарих-е незами ва сийаси-йе Афшар. Тегран, 1354. С.346, 740, 748,760.

⁸ Tebrisi P.R. Iran under Karim Han (1752-1779) Gottingen, 1970. S. 4,5,58,74,80.

⁹ Hasan Fasis. Historu of Persia under Gajar rule. New York fnd London, 1972. P. 65-67, 71-72, 78, 80.

¹⁰ Ханак Э. Сийаси-е незами-е Руссие дар Иран: 1790-1815. Тегран, 1394. С. 16, 21-24,25,27-29.

¹¹ Atkin M. Russian and Iran: 1780-1828 / Minneapolis, 1980. P.4-6, 7, 162, 164.

отличаются сочинения К.Кафлы, Э.З.Карала, И.Х.Узунчахшилы, Т.Унала, И.Беркока, Ш.Эрела, Д.Гекдже и др. К.Кафлы, например выделяя особо в русско-кавказских отношениях периоды правления Петра I и Екатерины II, безосновательно утверждает, что русско-иранский Петербургский договор 1723 г. был воспринят современниками «с горечью на душе», а русско-турецкий Константинопольский договор 1724г., передавший Турции часть Кавказа и северо-западную часть Ирана, «открывал русским путь на малую Азию»; объявление Портой войны России в 1768 г. подняло дух мусульманского населения Кавказа¹ и т.п. С аналогичных позиций, претендуя на освещение роли Кавказа во всемирной истории, выступил Беркок. Характерные утверждения этого автора: стремление Петра I к господству на Кавказе; тяга к единству между османами и суннитами Кавказа, чему мешали «русские, расположенные в Кизляре»; от Константинопольского договора 1700 г. до Георгиевского трактата 1783г. русские вели «лобовые атаки на Кавказе».²

Тенденция к критическому осмыслению влияния западных держав на внешнюю политику Турции проявилась в работах Т.Унала, Э.З.Карала и И.Х.Узунчахшилы, которые, однако не преминули выделить и агрессивные замыслы России против Турции и Крыма. Правильно подмечая корыстные цели Англии и Франции против Порты, Унал считает, что Россия искала «повод к войне с Турцией, чтобы разделить ее».³

Обозревая русско-турецкие отношения, карал утверждает, что Англия выступала за сохранение целостности Османской империи из-за боязни того, что «Россия будет угрожать ее интересам в Индии».⁴ Верно подмечая, что причиной похода русских войск в Прикаспье в 1722 г. стало «стремление турок захватить Дербент, Узунчахшилы повторяют ходячий на Западе тезис о намерении Екатерины II надеть на своего внука «венец крымского короля».⁵

Более резкие суждения в адрес российской политики на Кавказе высказаны в работах Эрела и К. Гекдже. Так, восхищаясь героизмом дагестанцев в борьбе против Надир-шаха, Эрел «сожалеет» о «жестокостях русских», которые «заставили» кабардинцев принять свое подданство.⁶ По надуманному мнению Д.Гекдже, шамхал Адиль-Гирей, оказавший серьезные услуги Петру I во время его похода, «должен был капитулировать перед силой»; русские войска заняли уступленные шахом Хусейном территории, «сломив» сопротивление иранских войск; после смерти Надир-шаха иранский народ стал искать спасения от России «в Османской империи».⁷

Для полноты анализа зарубежной историографии к сказанному следует добавить работы западных историков, а также англоязычные издания восточных авторов. Среди них по названным критериям выделяются работы английского историка Л. Локкарта, в которых на уровне научных достижений своего времени дан анализ русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношений в русле противоборства соперничавших держав за решение кавказской проблемы от Каспийского похода Петра I до краха завоевательных походов Надир-шаха в Дагестане.⁸

Имея ввиду, что ряд материалов по исследуемой проблеме нашли отражение в англоязычной литературе, автор отмечает, что большинство исследований довоенной и современной западной историографии, касающиеся нашей проблемы, проникнуто мыслью о стремлении России поглотить не только Кавказ, но и Турцию, Иран, Индию и др. Написанные с таких позиций работы Ш.Люсиль, Л.Касселс, Р.Рамазани, Ф.Касемзаде, А.Летина, Р.Олсона и др. исходят из того, что наступление Турции на Кавказе и поддерживавших ее западных держав были вызваны «русской интервенцией, угрозой существования Османской империи со стороны России». Среди упомянутых авторов более последовательно такие идеи проводятся в работах Л.Касселс, А.Летина, Ф.Касемзаде.⁹

Некоторые вопросы о кавказской политике России в свете русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношений подняты Д.Хурвитич, Р.Фрай, М.Раев, М.Андерсон. Так, по мнению Худвитича, Петр I стремился «превратить Каспийское море в русское озеро»;¹⁰ по мнению Р.Фрая – «использовать Каспийское море как путь в Центральную Азию и Индию».¹¹ По словам Раева, осуществив амбиции Петра I в отношении Крыма и Черного моря, Екатерина II «создала основы для дальнейшего продвижения на Кавказ».¹² М.Андерсон считает, что «русские серьезно угрожали существованию Османской империи».¹³

Более ощутимо антирусские настроения проявились в совместной работе В.И.Перри, Х.Иналжика, А.Н.Курата и И.С.Бромля, в которой, оценивая русско-иранский Петербургский договор 1723г., они

¹ Kafli K. Simali Kafkasya. Istanbul, 1942. S. 74, 75, 79, 89-90.

² Berkok I. Tarichte Kafkasya. Istanbul, 1958. S. 353, 355, 361-363.

³ Unal T. 1700. den 1958-e kadar. Turk siyasi tarihi. Ankara, 1958.S. 24 35 101.

⁴ Karal E. Z. Osmanli tarihi. Ankara, 1954. Cilt 4. S.15-16.

⁵ Uzuncarsili I.H. Osmanli tarihi, 1956. Cilt.2.S. 187, 190, 461, 469.

⁶ Erel Ş. Dagistanlilar. Istanbul, 1961. S. 101, 107, 114

⁷ Gokçe C. Kafkasya ve Osmanli imperatorlugunun Kafkasya siaseti. Istanbul, 1979. S. 30-33.

⁸ Lochart L. Nadir Shay. London 1938-idem: The Fall of the Safari Dunastu and Afghān Occpation of Persia. Cambridge 1958.

⁹ Kassels L. The Struggle for the Ottoman Empire. London,1972. P. 78, 79, 98; Letin A. Russian in the Eingeenth Centuru. From Peter the Great to Catherine the Great. London. 1973. P. 93, 98; Casemzaden F. Russian Penetration of the Caucasus. // Russian imperialism from Iwan the Great to the Revolution. New Jersey, 1974. P. 243, 246, 253.

¹⁰ Hurewitz J.C. Diplomaci in the Neap and Midde East.

¹¹ Erye R. N. Persia. London, 1968. P.76, 96.

¹² Rafael M. Imperial Russia 1682-1825. The coming of the Age of Modern Russia: N V, 1971. P.4, 26.

¹³ Anderson M/S/ The Great Powers and the Near East: 1774-1923. New York, 1973. P.9.

утверждают, что «с тех пор турецкая внешняя политика...определялась угрозами русских на берегу Каспийского моря».¹

С аналогичной русофобской начинкой кавказская политика России трактуется в работе Д.Шоу и Е.К.Шоу, в которой утверждается, что после взятия русскими войсками Дербента и Баку, «оттоманы боялись ...что Россия завоюет Иран так же, как и Кавказ». Вопреки историческим фактам, они утверждают, что русско-турецкая война 1768-1774гг. «была прямым результатом агрессивной империалистической политики, которой руководствовалась Екатерина II».²

Определенный интерес для темы представляют работы французского историка А.Бенигсена, в которой предпринята попытка выявления роли Кавказа в русско-турецких отношениях³ и немецкого историка К.Сидарко, посвященная свержению иранского владычества в Дагестане и Ширване,⁴ что обратило внимание не только России и Турции, но и западных держав – Англии, Франции, Дании и др.

Приведенные примеры подтверждают наличие значительного фактического материала по теме как в отечественной, так и зарубежной историографии, требующей однако, тщательного отбора и объективной оценки по вышеуказанным критериям.

Характеристика правовых основ администрации муниципального образования города Кизляр

Е.В.Бабошина

Важной составной частью системы городского самоуправления являются выборные и другие органы местного самоуправления. Они образуются в соответствии с Федеральными законами «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ №131) и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ № 67), законами субъектов Федерации, уставами городов и другими нормативными актами, принимаемыми органами городского самоуправления. В городах России, как правило, используются следующие модели местного самоуправления:

- глава города, избираемый населением, входящий в представительный орган местного самоуправления и являющийся его председателем;
- глава города, избранный органом городского самоуправления из числа депутатов и являющийся председателем представительного органа;
- глава города, избранный населением, входящий в состав представительного органа местного самоуправления, но не являющийся его председателем;
- глава города, избранный населением, а также назначаемый глава городской администрации.[1]

Согласно Уставу муниципального образования «город Кизляр» (далее – Устав города), органами местного самоуправления признаются:

1. Представительный орган городского округа – Собрание депутатов городского округа. 2. Глава городского округа. 3. Администрация (исполнительный орган) городского округа. 4. Контрольно-счетная комиссия (контрольно-счетный орган) городского округа. Кроме них могут быть созданы и другие органы местного самоуправления города, обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения и исполнению отдельных переданных государственных полномочий. Однако изменение структуры органов местного самоуправления городского округа осуществляется не иначе как путем внесения изменений в настоящий устав. [2]

В соответствии со статьей 14 ФЗ №131 органы самоуправления могут формироваться путем выборов и назначения, но при этом наличие выборных органов является обязательным. Такие представительные органы состоят из депутатов, избранных непосредственно населением города, они выражают волю всего населения города и осуществляют власть от его имени. Выборные органы являются не просто составной частью системы городского самоуправления, они занимают в ней ведущее место, им подконтрольна деятельность всех других органов и должностных лиц городского самоуправления. Они обладают правом представлять интересы населения города и принимать от его имени решения. Состав представительных органов различен. Он зависит от размера города, количества жителей, объема работы данного представительного органа и т.д. Для Собрания депутатов городского округа МО «город Кизляр» предусмотрен состав из 21 депутата.

Согласно Уставу города, Собрание депутатов городского округа, это:

1. Представительный орган местного самоуправления городского округа – Собрание депутатов городского округа – состоит из 21 депутата, избираемых населением городского округа на муниципальных выборах на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании по пропорциональной системе с закрытыми списками кандидатов на 5 лет.

2. Собрание депутатов обладает правами юридического лица.

3. Собрание депутатов может осуществлять свои полномочия в случае избрания не менее двух третей от установленной численности депутатов.

¹ Parru V. I. Inalcik H. Kurat A.N. and Bromlei I.S. A history of the Ottoman Empire to 1730. Cambridge, 1976. P.176, 217.

² St. J. Shaw, E.K. (Shaw). History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Cambridge, 1976. P. 223, 247, 250, 258.

³ Benigsen A. Peter the Great the Ottoman Empire and Caucasus Canadian –American Slavic studies, 1974. P.13, 14, 15, 16.

⁴ Sidarko K. Kampf den ketzenischen Gislam. Die Revolte des Haggi Daud 1718-1728 // Caucasia between the Ottoman Empire and Iran 1555-1914. Wiesbaden, 2000. P. 137, 139, 141, 142, 143.

Собранию депутатов принадлежит право от лица населения городского округа принимать решения по вопросам своей компетенции. Заседание Собрания депутатов правомочно при участии в нем более 50 процентов избранных депутатов и проводится не реже одного раза в три месяца. Собрание депутатов двумя третями голосов, от численности депутатов, принимает решения по вопросам утверждения Устава, внесение изменений и дополнений в Устав. Его решения, устанавливающие правила исполнения на территории городского округа, принимаются большинством голосов от установленной численности депутатов представительного органа городского округа, если иное не установлено федеральным законом от 06.10.2003г. №131-ФЗ. По остальным вопросам решения принимаются большинством голосов от числа присутствующих депутатов.

Собрание депутатов городского округа имеет и свою особенность. По вопросам, отнесенным к его компетенции федеральными законами, законами Республики Дагестан, уставом городского округа, оно принимает решения, устанавливающие правила, обязательные для исполнения на территории городского округа, решение об удалении главы городского округа в отставку, а также решения по вопросам организации деятельности Собрания депутатов городского округа. А структуру Собрания депутатов округа составляют:

1. Председатель Собрания депутатов городского округа и заместитель председателя Собрания депутатов. Они избираются депутатами Собрания депутатов на срок полномочий Собрания депутатов тайным голосованием в соответствии с Регламентом Собрания депутатов, принятым Собранием депутатов. Председатель Собрания депутатов руководит работой Собрания депутатов, организует процесс подготовки и принятия решений Собрания депутатов, подписывает решения, постановления и распоряжения по вопросам организации работы Собрания депутатов.

2. Заместители Председателя Собрания депутатов наделяются собственными полномочиями, осуществляют свои полномочия в соответствии с решением о распределении обязанностей, а в случае отсутствия Главы, исполняющего полномочия Председателя Собрания депутатов, или невозможности выполнения им своих обязанностей, на одного из заместителей Председателя Собрания депутатов возлагаются обязанности Председателя Собрания депутатов в соответствии с Уставом и Регламентом Собрания депутатов, специально изданным актом Председателя Собрания депутатов или решением Собрания депутатов.

3. Постоянные и временные комиссии, а также рабочие группы, которых вправе создавать Собрание депутатов. Структура, порядок формирования, полномочия и организация работы комиссий, рабочих групп определяются Регламентом Собрания депутатов.[3,с.44]

Следующим по значимости органом местного самоуправления является глава городского округа. В частности Устав города предусматривает:

– Глава городского округа является высшим должностным лицом городского округа и наделяется собственными полномочиями по решению вопросов местного значения;

– Глава городского округа избирается представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией, открытым голосованием, сроком на 5 (пять) лет и возглавляет местную администрацию;

– полномочия Главы городского округа начинаются со дня его вступления в должность и прекращаются в день вступления в должность вновь избранного Главы городского округа;

– Глава городского округа в пределах своих полномочий издает постановления по вопросам местного значения и вопросам, связанным с осуществлением отдельных государственных полномочий и распоряжения администрации по вопросам организации ее работы. Глава городского округа издает постановления и распоряжения по иным вопросам, отнесенным к его компетенции уставом городского округа;

– Глава городского округа не может быть депутатом Государственной Думы ФС РФ, членом Совета Федерации ФС РФ, депутатом законодательных органов государственной власти Республики Дагестан, занимать иные государственные должности Российской Федерации, государственные должности Республики Дагестан, а также должности государственной гражданской службы и должности муниципальной службы. Он не может одновременно исполнять полномочия депутата представительного органа иного муниципального образования или выборного должностного лица местного самоуправления иного муниципального образования, за исключением случаев, установленных ФЗ №131.

Глава городского округа на постоянной основе, не вправе:

– заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, а также участвовать в управлении хозяйствующим субъектом (с некоторыми исключениями), если иное не предусмотрено федеральными законами или если в порядке, установленном муниципальным правовым актом в соответствии с федеральными законами и законами РД, ему не поручено участвовать в управлении этой организацией;

– заниматься иной оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной и иной творческой деятельности. При этом преподавательская, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, если иное не предусмотрено международным договором и законодательством РФ;

– входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации;

– участвовать в качестве защитника или представителя (кроме случаев законного представительства) по гражданскому, административному или уголовному делу либо делу об административном нарушении.

Глава городского округа в своей деятельности подконтролен и подотчетен Собранию депутатов городского округа и населению. Он представляет Собранию депутатов городского округа ежегодные отчеты о результатах своей деятельности. А в случае досрочного прекращения полномочий Главы городского округа либо невозможностью их осуществления, его полномочия осуществляет один из заместителей главы администрации городского округа в соответствии с настоящим Уставом, правовым актом Главы городского округа о распределении обязанностей или специально изданным по данному вопросу правовым актом Главы.

Глава городского округа должен соблюдать ограничения, запреты, исполнять обязанности, которые установлены антикоррупционным законодательством, иными федеральными законами. [4, с.108]

Уставом города предусмотрено и досрочное прекращение полномочий главы городского округа в случае:

- 1) смерти или отставки по собственному желанию;
- 2) удалении главы городского округа в отставку в соответствии со статьей 74.1 Федерального закона от 06.10.2003 года № 131-ФЗ;
- 3) отрешения от должности в соответствии со статьей 74 ФЗ № 131;
- 4) признания судом недееспособным или ограниченно дееспособным;
- 5) признания судом безвестно отсутствующим или объявления умершим;
- 6) вступления его отношения законную силу обвинительного приговора суда;
- 7) выезда за пределы России на постоянное место жительства;
- 8) прекращения гражданства РФ, прекращения гражданства иностранного государства, приобретения им гражданства иностранного государства либо получения им вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории иностранного государства;
- 9) отзыв избирателями и установленной в судебном порядке стойкой неспособности состоянию здоровья осуществлять полномочия главы округа;
- 10) преобразования или упразднения городского округа;
- 11) увеличения численности избирателей городского округа более чем на 25 процентов, произошедшего вследствие изменения границ городского округа;
- 12) в случае несоблюдения ограничений, установленных Федеральным законом от 06.10.2003 года №131-ФЗ.[5]

Полномочия Главы городского округа на постоянной основе досрочно прекращаются в случае несоблюдения ограничений, установленных №131 ФЗ. Полномочия прекращаются досрочно и в связи с утратой доверия Президента РФ в случае несоблюдения им и его родственниками запрета, установленного №79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»; несоблюдения ограничений, установленных № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Глава городского округа одновременно возглавляет администрацию городского округа, которая осуществляет свою деятельность в соответствии с нормативными актами Российской Федерации, Республики Дагестан, Уставом, решениями Собрания депутатов, Положением об администрации округа, утвержденным Собранием депутатов городского округа, и постановлениями Главы городского округа. [6, с. 272]

Обычно структуру администрации городского округа утверждает Совет депутатов по представлению главы города, который и формирует администрацию городского округа в соответствии с федеральными законами и Уставом. При этом заместитель главы администрации назначается на должность главой городского округа по согласованию с Советом депутатов (района или города). Заместитель главы администрации осуществляет функции в соответствии с распределением обязанностей, установленным главой городского округа. Финансирование администрации и ее органов осуществляется в соответствии с утвержденным Советом депутатов бюджетом и выделенными средствами расходов на управление. [7, с.52]

Администрация городского округа может создавать свои органы, функции и полномочия которых, а также организация и порядок деятельности определяются различными Положениями об органах местной администрации, утверждаемыми Собранием депутатов города (Советом). [8, с. 24]

Можно отметить и контрольный орган городского округа – это контрольно-счетная комиссия городского округа – постоянно действующий орган внешнего муниципального финансового контроля, образуемый Собранием депутатов городского округа. Порядок его деятельности определяется ФЗ №6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований», ФЗ №131, Бюджетным кодексом РФ, другими законами и нормативными правовыми актами РФ, муниципальными нормативными правовыми актами. В случаях и порядке, установленных федеральными законами, правовое регулирование организации и деятельности контрольно-счетных органов осуществляется и законами РД.

Депутат Собрания работает на общественных началах. В Собрании депутатов города Кизляр города на постоянной основе могут работать только 10% от их общего числа (т.е. – два). У них нет императивного мандата, который проявляется в наказах (поручениях) депутату и в возможности отзыва депутата. Именно этим путем может быть обеспечена реальная связь депутата с населением, когда избиратели в полной мере могут реализовать конституционное право «осуществлять свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления». Еще в 1998 г. по инициативе Центральной избирательной комиссии учеными под руководством С.А. Авакьян был разработан закон о порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления и в том же году он утвержден на заседании ЦИК РФ. Однако, как показала практика, данная инициатива и работа ученых осталась невостребованной.

Сегодня в большинстве российских городов структуру исполнительного органа определяет глава администрации, в пределах утвержденных городской думой бюджетных средств. Администрацию возглавляет глава самоуправления города; структура администрации и штатное расписание определяется главой города. Так, представительному органу отведены довольно скромные роли.

Деятельность администрации, помимо Устава города, регулируется и Регламентом. В составе администрации создаются территориальные, отраслевые и функциональные структурные подразделения в форме управлений, комитетов и отделов, структуры, функции и задачи которых регламентируются специальным Положением. Функциональные структурные подразделения (комитеты, отделы) образуются с целью обеспечения деятельности администрации в целом, в том числе для экономического и правового обеспечения управления городским хозяйством. Их деятельность возглавляют соответственно председатели и заведующие.

В соответствии с ФЗ «О муниципальной службе» в органах местного самоуправления осуществляется организация муниципальной службы. Это исполнение на профессиональной, постоянно оплачиваемой основе обязанностей на штатных муниципальных должностях в городской администрации по обеспечению в интересах населения муниципального образования реализации целей, функций, прав, полномочий мэра города, органов местного самоуправления в порядке, установленном Уставом, Законом о муниципальной службе, иными актами органов местного самоуправления. Уставом города могут быть предусмотрены категории должностей, а также порядок их поступления, прохождения и увольнения.

На основе изложенного можно прийти к следующим выводам: взаимоотношения представительных и исполнительных органов местного самоуправления необходимо строить на принципах единства целей и задач в обеспечении жизнедеятельности населения муниципального образования, а не политической борьбы. Серьезной проработки требует вопрос о регламентации процедур, связанных с использованием институтов прямой демократии. В муниципальных образованиях необходимо создание структур, позволяющих населению участвовать в управлении местными делами. Такими структурами могут стать постоянные комиссии для привлечения населения к решению этих дел. Далее, представительный и исполнительный органы должны иметь собственную компетенцию, при этом деятельность администрации как исполнительно-распорядительного органа должна быть подотчетна представительному органу. Глава города может возглавлять деятельность по осуществлению местного самоуправления на всей территории города, но при этом он должен отчитываться как перед населением, его избравшим, так и перед представительным органом. В этом заключается реальное воплощение в жизнь конституционного положения о власти народа как единственном ее источнике.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ (в ред. от 07.12.2011) // Российская газета. 2003. 8 октября; 2011. 14 декабря.
2. Авакьян С.А. Местное самоуправление в Российской Федерации: концепции и решения нового Закона // Вестник МГУ. Серия 11. 2012. №2
3. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный). М.: Деловой двор, 2010.
4. Виноградов В.А. Местное самоуправление. Российский вариант: аналитический обзор. М., 2014
5. Гадалин С. И. Система государственного и муниципального управления: курс лекций. – Омск, 2007.
6. Иванова В.Н. Местное самоуправление: проблемы теории и практики. СПб: Изд-во СПб, университета, 2009.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации. (под ред. Л.А. Окунькова) –М.: Издательство БЕК, 1996
8. Мухин В.И., Шумякова Н.В. Система муниципального управления в России. – М.: 2011.

Некоторые вопросы фальсификации историографии антиколониальной и антифеодальной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х гг. XIX в. в отечественной историографии первой половине 50-х гг.

Р.Р.Гашимов

До начала Великой Отечественной войны в наших представлениях единственно реальным казался лишь классовый фактор, а национальному «...отводили подчиненное значение» (1. – С. 70). Мы верили в том, что, если даже враг смеет напасть на Советский союз, это обернется трагедией для него самого, т.н. в его тылу разразится пролетарская революция. Но реальность оказалась совершенно иной, чем мы предполагали: во всех воюющих странах национальный фактор возобладал над классовым. Новшества эти

из области политики начали быстро проникать в область исторической науки, т.к. к этому времени последняя оказалась полностью подчинена политике, партийной идеологии, обслуживала ее. А положительная оценка борьбы горцев базировалась на классовом, а не на положительном подходе.

В сложившейся обстановке сталинским режимом ставится задача обоснования идей державности. В мае 1941 г. в журнале «Большевик» публикуется письмо И.В. Сталина в Политбюро под названием «О статье Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма». В нем «отец народов» рекомендует указанного журнала не печатать названную статью Ф. Энгельса в связи с тем, что она не соответствует «настоящему» положению дел. Несоответствие это связывалось с тем, что Ф. Энгельс, якобы, преувеличивает захватническую, колониальную политику царизма. Не осмеливаясь прямо защищать захватническую политику русского царизма, он отметил, что «...завоевательная политика вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была присуща королям и дипломатам всех стран Европы» (2. – С. 3-41). Тем самым в советскую историческую науку был внесен новый момент: не всегда разрешалось критиковать захватническую, колониальную политику царизма. Кроме того, И.В. Сталин, хотя и поздно, но уловил такой момент, что «... в идеологической подготовке войны, а тем более в ходе ее, нельзя сбрасывать со счета историческое сознание народа, его военно-патриотическое сознание, в особенности русский патриотизм» (3. – С. 48).

К началу 40-х гг. И.В. Сталин добился в стране немыслимого могущества. В связи с этим исторические труды старых большевиков, в особенности М.Н. Покровского, были неприемлемы, т.к. «... они не отводили Сталину того исключительного места, на которое он претендовал» (1. – С. 69). Между тем, в трудах М.Н. Покровского впервые в советской историографии была дана объективная оценка борьбы горцев как прогрессивной национально-освободительной (4. – С. 206-207), хотя его влияние в некоторой степени и сдерживало развитие исторической науки. В такой обстановке, по мнению Ю.М. Аминатова произошло «...переплетение интересов науки (поскольку влияние Покровского ...сужало проблематику и методологию исследований) и интересов тоталитарного режима» (3. – С. 58-59), стремившегося обелить агрессивную внешнюю политику царизма. Результатом этого стал созыв совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. В этой связи нельзя не согласиться с Х.М. Халиловым, который отмечает, что «... в эту пору особенно были в чести люди, умеющие держать «нос по ветру», почувствовать настроение «сильных мира сего» и выдать соответствующую продукцию» (5. – С. 36). Действительно, на этом совещании многие историки поддерживали великодержавные идеи Сталина. Так С. К. Бушуев «заметил», что «... секли везде, во всех странах Европы. И в это не следует усматривать какую-то особенность только исторического процесса Российской империи» (3. – С. 59). Часть выступавших обвинила «школу Покровского» в некритическом подходе к национальным движениям. Были и такие историки, которые заявили, что они не принадлежат к тем историкам, которые считают, что в политике расширения русского государства нельзя видеть никаких прогрессивных моментов» (3. – С. 72). Но всех превзошел Б.Д. Греков, объявивший, что «школа Покровского» грозила морально разоружить народ.

На этом совещании Х.Г. Аджемьян была предпринята попытка прямой фальсификации рассматриваемой проблемы. Он обвинил современную историографию в том, что она культивировала «химерических революционеров», к числу которых относит Шамиля, Степана Разина, Ивана Болотникова и др. Объяснил он это тем, что они, в отличие от монархов, которые ратовали за суверенитет и независимость государства, его мощи, являлись, якобы, силой разрушительной. Более того, он объявил Шамиля человеком, «... осуществлявшим внешнеполитическую программу Турции и английской дипломатии против России» (3. – С. 64). Здесь же он сформулировал новый «исторический закон», согласно которому чем выше уровень развития народа, тем охотнее он идет под эгидой России. Данное выступление было подвергнуто заслуженной критике большинством участников совещания.

Достижением совещания явился проявившейся на нем творческий подход некоторых историков к вопросу о присоединении ряда народов к России, «отступление от сталинской трактовки этого явления как «наименьшего зла» (6. – С. 189).

Между тем, после Великой Отечественной войны складывается ряд других предпосылок, способствовавших изменению отношения к рассматриваемой проблеме. В начавшейся «холодной войне» Запад и СССР развернули идеологическую борьбу, в которой США особое внимание уделяли национальному вопросу. А «... в этом вопросе важное место занимала борьба горцев в середине XIX в.» (7. – С. 12).

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что в 1943-1945 гг. Депортации были подвергнуты многие северо-кавказские народности. И для обоснования тотальных репрессий в отношении этих народов, и в первую очередь по отношению к 600-тысячному чечено-ингушскому народу Сталин и Берия, как отмечает Х.М. Ибрагимбейли, готовили «... публичное оскорбление памяти этого народа, а также дагестанских народов и личности Шамиля на страницах печати» (8. – С. 18).

Сложившейся ситуацией снова решил воспользоваться Х.Г. Аджемьян, который в 1947 г. выступил на расширенном заседании сектора истории народов СССР Института истории АН СССР с докладом «Об исторической сущности кавказского мюридизма» (9. – С. 134-136), выдержанным в том же духе, что и указанное выступление. И на этот раз Аджемьян был подвергнут критике. Выступавшие справедливо отмечали, что докладчик, называя себя провозвестником новых идей, по существу восстанавливает взгляды царских генералов. Х.Г. Аджемьян не учел тот факт, что пересмотр старых точек зрения может быть успешным только в том случае, если у лица, выдвигающего новые взгляды имеются теоретические предпосылки и солидный фактический материал. Казалось бы на этом заседании была поставлена точка над

«и». Но уже 14 мая 1950 г. выходит постановление Комитета по сталинским премиям в области литературы и искусства об отмене принятого им же решения о присуждении азербайджанскому философу Г. Гусейнову сталинской премии. В нем говорилось о том, что точка зрения Г. Гусейнова на рассматриваемую проблему является «антинародной, противоречащей историческим фактам», в корне извращающей действительный смысл борьбы горцев, которая якобы «... являлась реакционной, националистической и находилась на службе у английского капитализма и турецкого султана» (10. – С. 1). Это событие явилось началом полной фальсификации рассматриваемой проблемы, санкционированной самим И.В. Сталиным. О последнем свидетельствует обнаруженное недавно в партийном архиве Азербайджана письмо М.Д. Багирова секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову от 3 июня 1950 года (7. – С. 12).

Немаловажную роль в фальсификации исследуемой проблемы сыграли и мотивы личностного характера, связанные с тем, что М.Д. Багиров хотел расправиться со своим давним врагом Г. Гусейновым.

Литература

1. Магомедов Р.М. Шамиль в отечественной истории. – Махачкала, 1990.
2. Сталин И.В. О статье Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. – 1941. – № 9. – С. 3-16.
3. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. (Вступительная статья Ю.М. Аминатова) // Вопросы истории. – 1996. – № 2. – С. 47-87.
4. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. – М., 1923.
5. Халилов А.Н. Шамиль в истории и памяти народа // Советский Дагестан. – 1988. – № 5. – С. 31-37.
6. Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944) // Вопросы истории. – 1991. – № 1. – С. 188-202.
7. Гаджиев А. Сталин, Маленков, Багиров об имаме Шамиле // Махачкалинские известия. – 1999. – № 28. – С. 12.
8. Ибрагимбеи Х.М. Об извращениях в освещении народно-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа против царизма и местных феодалов // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. / Всесоюзная научная конференция 20-22 июня 1989 г.: Тезисы докладов и сообщений. – Махачкала, 1989. – С. 18-20.
9. Закс А. Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. – 1947. – № 1. – С. 134-140.
10. В Комитете по сталинским премиям в области литературы и искусства // Правда. – 1950. – 14 мая. – С. 1.

Эволюция уголовного права: гуманизация и модернизация уголовного законодательства РФ

М.М.Гитинова

В связи с реформой уголовного законодательства в Уголовный Кодекс РФ последние несколько лет регулярно вносятся различные изменения, на первый взгляд, вроде даже разумные. Как основание проведения реформы властью озвучена тенденция гуманизации уголовного закона РФ, снижение репрессивности уголовного судопроизводства.

Модернизация современного уголовного законодательства обусловлена неэффективностью значительной части его институтов в условиях постоянного развития общества, а так же отсутствием целенаправленной государственной политики в сфере уголовной юстиции.

Характер и степень проблем существующих в современной практике, не позволяют решать их только путем фрагментарных изменений закона, о чем неоднократно говорилось в различных исследованиях авторов, Жалинского А.Э., Комисарова В.С. Лопашенко Н.А., Наумова А.В., Рарога А.И. и других авторов. Очевидна необходимость комплексного подхода к изменениям Уголовного Кодекса.

Ресурс уголовного права специфичен, отражает его природу и определяет как возможности, так и содержание реализации его функций, взятых во времени и пространстве, применительно к субъектам его осуществления. Любое государство и общество стремятся к тому, чтобы обладать достаточным и только необходимым ресурсом уголовного права, использовать его для общего блага, минимизируя объективные и субъективные негативные последствия действия уголовного закона.

В Российской Федерации, проводившей сравнительно недавно уголовно-правовую реформу, это также является актуальным. Соответственно этому последовательно рассматриваются понятие и параметры уголовно-правового ресурса, выявляются возможные направления модернизации уголовного права.

Эволюция уголовного права всегда следовала эволюции общества и государства, в той или иной мере последовательно отражала смену ведущих политико-правовых идей, создавала механизмы и средства, наиболее адекватные насущным практическим задачам борьбы с преступностью. В этом отношении современные правовые процессы в принципе не вызывают критики и, скорее, должны восприниматься как данность. Процессы изменения уголовного права могут быть сознательной и глубоко продуманной его модернизацией, с необходимостью предполагающей отказ от прежней идейной концепции отрасли, которая объективно исчерпала свой ресурс и потому требует замены. Но изменения способны оказаться и недалековидным разрушением существующей системы в результате непрофессионального, просто неграмотного отношения к отраслевым канонам, непонимания их значимости, неумением создать нечто концептуально новое. Не менее вредоносно разрушение «старого», продиктованное политическим заказом, или, во всяком случае, политически (не в смысле уголовной политики) мотивированным, желанием получить от принимаемых решений сиюминутную выгоду, стремлением приспособить правовые конструкции к политическим декларациям.

Иными словами, современная ситуация («время перемен») может являть собой пример либо создания новой разумной концепции уголовного права на месте прежней, либо разрушения прежней, даже без попытки создать новую. И хотя оба эти процесса зачастую совмещаются во времени, сливаются в единый поток правовых трансформаций, в рамках теоретического анализа имеет смысл их разделить и даже противопоставить друг другу.

В этой связи, актуальной задачей становится поиск направлений и средств дальнейшего развития отрасли на основе альтернативы: либо внедрение таких механизмов развития уголовного права, которые обеспечили бы сохранность его ключевых характеристик в процессе крайне динамичной трансформации, либо разработка принципиально новой концепции уголовного права, обоснование новых принципов и конструкций, которые позволили бы согласовать происходящие изменения закона и заложить основы его дальнейшей адаптации к изменяющимся социальным условиям.

Государство сегодня, как представляется, не смогло в полной мере определиться в своих предпочтениях относительно этой альтернативы. Возможно, и по той причине, что оно не обладает качественной научной информацией о предпосылках, содержании и последствиях реализации каждого из вариантов развития уголовного права¹.

Как известно, действие уголовного права основано как на конституционных началах устройства российского общества, так и на его насущных потребностях. Однако уголовный закон более чем острый инструмент. Применительно к исследуемому вопросу речь идет об установлении и формулировании в законе системы принципов применения наказания (принцип правомерности – нет наказания без преступления; принцип законности – нет наказания без закона; принцип публичности – наказание применяется только от имени государства по приговору суда; принцип виновной ответственности – подлежит наказанию только лицо, признанное виновным в совершении преступления; принцип соразмерной ответственности – нельзя наказывать дважды за одно и то же; принцип гуманизма – наказание не может иметь целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства; мысли не наказуемы; и пр.).

Наряду с законодательно закрепленными принципами, в уголовно-правовой литературе выделяются также принципы демократизма, неотвратимости ответственности, дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания, экономии уголовной репрессии и пр. Но указанные принципы имеют в основном теоретическое значение.

Принцип экономии мер уголовной репрессии (государственного принуждения). Принцип экономии мер государственного принуждения – состоит в том, что борьбу с преступностью следует осуществлять путем наиболее рационального и экономического использования уголовных наказаний, особенно, связанных с лишением свободы.

Принцип экономии мер уголовной репрессии проявляется в двух моментах: во-первых, если при привлечении виновного к ответственности и осуждении его выясняется, что в данном случае можно обойтись без применения уголовного наказания и закон позволяет это сделать, наказание не должно применяться; во-вторых, при назначении наказания суд должен исходить из того, что в качестве наказания должна быть избрана предусмотренная для данного случая законом мера, обладающая наименьшей репрессивностью.

Существование данного принципа авторы выделяют достаточно давно. Так, Ю.А. Демидов в одной из своих работ указывал, что под экономией репрессии следует понимать «привлечение к уголовной ответственности лишь в случае, когда исправление и перевоспитание виновного и достижение целей общей превенции не могут быть обеспечены иным путем».

В настоящее время данный принцип не потерял своей актуальности. Частично он нашел свое отражение в ч. 1 ст. 60 УК РФ, в которой закрепляется, что «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания». Следует отметить, что отдельные исследователи придают принципу экономии мер уголовной репрессии более существенное значение. Так, в юридической литературе есть мнение, что этот принцип является самостоятельной частью принципа гуманизма.

В целом основными целями модернизации уголовного законодательства на современном этапе социально-экономического развития общества является обеспечение безопасности личности, общества и государства от угроз, которые несет в себе преступность, в том числе и угроз развитию; снижению уровня социальной напряженности в обществе посредством адекватного урегулирования конфликта, вызванного преступлением. Последовательная работа по преодолению выявленных уязвимых моментов действующего уголовного законодательства и разработка соответствующих программных документов, несомненно, положительно повлияет на действенность и эффективность уголовно-правовых средств.²

«Теневая» экономика региона

М.Ш.Магомедов

¹ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития: <http://www.crime.vl.ru/>

² Панов И.И. Тенденции и направления модернизации уголовного законодательства российской федерации: <http://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-napravleniya-modernizatsii-ugolovno-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii>

«Теневая» экономика является одним из наиболее существенных факторов нестабильности российской экономической системы. «Теневые» экономические отношения стали внушительной частью функционирования российского общества и оказывают ощутимое воздействие на его развитие. По данным Росстата РФ доля «теневого» бизнеса в России составляет 16% ВВП страны, что соответствует 7 трлн. рублей в год. Количество занятых в «теневом» бизнесе составляет около 13 млн. человек или 17-18% экономически активного населения России [5].

«Теневая» экономика представляет собой разветвленную, всепроникающую и всеобъемлющую систему взаимосвязанных экономических отношений, которые имеют место вне рамок действующих законов и недоступных прямому и регулярному статистическому и налоговому учету [3]. В «теневую» экономическую деятельность, как показывают результаты социологических опросов, включена большая часть населения России различных социальных и профессиональных групп. Основой теневой экономики является существование деструктивных противоречий социально-экономической системы общества. Отношения собственности, в первую очередь, в торговле, топливно-энергетическом комплексе, строительстве, АПК, денежном обращении, внешнеэкономической деятельности и потребительском рынке являются основными сферами, подверженными влиянию «теневого» сектора экономики.

В нынешних условиях резкого ухудшения условий социально-экономического развития России, связанных с возросшими геополитическими рисками, значительным ухудшением отношений с западными партнерами, нестабильностью развития мировой экономики, легализация «теневого» сектора экономики стала важнейшей задачей российских властей, в том числе региональных.

Специалисты выделяют следующие причины существования сектора «теневой» экономики и взаимоотношений в этой сфере:

- несоответствие выплачиваемых налогов качеству и количеству создаваемых государством общественных благ;
- высокая налоговая нагрузка на официально работающие предприятия;
- сложность процедур регистрации и получения необходимых разрешительных документов предпринимателями;
- чрезмерно высокие административные барьеры и высокий уровень коррумпированности чиновников.

Известный российский социолог и экономист В.В. Радаев в своих исследованиях приводит следующие причины существования «теневой» экономики в России:

- осложнение ситуации на рынке труда в условиях структурного и экономического кризиса, что порождает всплеск малого предпринимательства и самостоятельной занятости, становящихся питательной средой для теневых отношений;
- массовая иммиграция из стран «третьего» мира, дополняемая вынужденной внутренней миграцией из депрессивных регионов и «горячих точек»;
- характер государственного вмешательства в экономику. Доля экономики, уходящая в «тень», находится в прямой зависимости от трех параметров: степени регулятивного вмешательства, уровня налогообложения и масштабов коррупции;
- открытие внешних рынков с последующим обострением конкурентной борьбы, побуждающими снижать издержки любыми способами – легальными и нелегальными;
- сдвиг в сфере трудовых отношений в сторону большей неформальности и гибкости как реакция на их чрезмерную регламентацию в предшествующие десятилетия.

Несмотря на то, что некоторыми исследователями выделяются положительные воздействия «теневой» экономики на социально-экономическое развитие страны, особенно в условиях кризисного состояния экономики, негативное воздействие, несомненно, гораздо шире. Их воздействие проявляется в следующем:

- деформирование государственной налоговой системы, проявляющееся в создании препятствий для поступления налоговых платежей в бюджеты всех уровней;
- отрицательное воздействие на финансовое состояние страны, проявляющееся в сокращении государственного бюджета;
- снижение конкурентоспособности официально работающих предприятий из-за невозможности конкурировать с предприятиями «теневого» сектора экономики;
- создание препятствий для повышения эффективности официально работающих предприятий;
- отрицательное воздействие на воспроизводство рабочей силы в экономике;
- негативное влияние на конкурентный режим, деформирование рыночного механизма;
- ухудшение имиджа государства и отдельных регионов с высоким уровнем развития «теневой» экономики, проявляющееся в опасении инвесторов вкладывать деньги в подобные страны и регионы;
- нарушение прав потребителей, невозможность защиты их прав в российских судах общественных организациях по защите прав потребителей;
- негативное воздействие на экономический рост и развитие некоторых отраслей;
- рост коррумпированности российского общества;
- отрицательное воздействие на денежно-кредитную систему страны, проявляющееся в искажении структуры платежного баланса, увеличении инвестиционных рисков, стимулировании инфляционных процессов;

- негативное влияние на макроэкономическую политику государства, которое учитывает только данные официальной статистики;
- деформирование инвестиционных процессов, особенно на региональном уровне;
- нанесение серьезного вреда экологии государства;
- рост дифференцированности населения по имуществу и доходам;
- возникновение многочисленных конфликтов, которые в основном решаются вне правового поля (криминальными группировками) и пр.

В региональном аспекте «теневая» экономика приводит к уменьшению доходов регионального бюджета из-за недопоступления налогов, наблюдается рост общей криминализации и преступности в регионе, значительно снижается эффективность работы чиновников по причине сотрудничества «теневых» и властных структур региона.

Серьезные разногласия возникают среди экспертов по вопросам государственной экономической политики по выводу экономики из «тени». Различают два основных подхода: репрессивный, заключающийся в усилении карательных мер, и либеральный, заключающийся в существенной либерализации экономических отношений и соответствующего законодательства в стране. При выборе механизмов вывода экономики из «тени» в нынешних сложных экономических условиях, возникает соблазн применения жестких репрессивных мер, однако подобная политика окажется абсолютно непродуктивной, так как столкнется с серьезным противодействием со стороны руководителей «теневых» предприятий и работников «теневой» сферы, для которых данный сектор является стабильным источником дохода. Соответственно, экономическая политика по выводу предприятий из «тени» должна соблюдать баланс интересов административных и экономических мер.

Особо острой проблема «теневой» экономики является в Республике Дагестан, что и стало причиной ее включения в состав приоритетных проектов Главы Республики Дагестан Абдулатипова Р.Г. По оценкам экспертов «теневой» сектор экономики республики составляет от 40 до 60%, а в некоторых секторах его доля составляет не менее 2/3 (торговля, малое предпринимательство) [1]. Особую остроту приобрела в Дагестане проблема «теневого» банкинга, о чем свидетельствуют многочисленные отзывы лицензий на занятие банковской деятельностью у большого количества дагестанских банков.

К сожалению, преобладающими механизмами выведения предприятий из «тени», предлагаемыми большинством дагестанских экспертов, ученых и чиновников являются исключительно репрессивные методы, однако необходимо понимать, что применение подобных методов может заставить уйти в «тень» еще большее количество предприятий, а работники некоторых просто свернут свою деятельность и попытаются трудоустроиться в государственных учреждениях и организациях. Легализация «теневого» сектора экономики – это длительный процесс, который займет не один год и потребует системной и грамотно выстроенной работы дагестанских властей. Властям республики необходимо вернуть доверие предпринимателей, которое было основательно подорвано в течение почти трех десятков лет давлением на бизнес со стороны чиновников и криминальных структур. Поэтому, механизм легализации «теневого» сектора республиканской экономики должен содержать как репрессивные, так и либерально-экономические методы, причем последние должны превалировать.

Для вывода предприятий «теневого» сектора экономики в правовое поле представляется разумным принятие следующих мер:

- создание комплексной системы мониторинга экономики, построенной на принципе сбора и анализа информации об экономической деятельности предприятий и физических лиц, доступной для соответствующих служб и органов;
- объявление налоговой амнистии предприятиям, действовавшим в «теневой» сфере, добровольно вставшим на налоговый учет в налоговые органы Республики Дагестан;
- значительное упрощение регистрации и перерегистрации новых предприятий;
- существенное снижение административных барьеров;
- совершенствование процедуры лицензирования и технического регулирования;
- минимизация налогового бремени для вновь создаваемых производственных и иных предприятий, ведущих деятельность в приоритетных отраслях развития экономики республики;
- установление налоговых ставок и внебюджетных отчислений на уровне, создаваемом ощутимые преимущества для официально работающих предприятий.

В то же время, необходимо усилить меры административного и уголовного воздействия на предприятия «теневого» сектора, которые могут заключаться в следующем:

- значительная активизация местных органов власти по выявлению и постановке на учет предприятий, действующих в теневой сфере;
- принятие законодательных актов на федеральном и региональном уровнях, ужесточающих санкции за ведение предпринимательской деятельности в «тени» и пр.

Мировая практика убедительно показала, что использование исключительно репрессивных мер в еще большей степени загоняют предприятия в «тень» и окончательно подрывается доверие к государству. Только разумное сочетание репрессивных и либеральных методов выведения предприятий из «тени» даст ощутимый эффект в снижении уровня «теневой» экономики в республике.

Основные источники:

1. Ахмедов А.Ш., Иляшенко С.В. Теневая экономика Дагестана: проблемы и пути легализации // Региональные проблемы преобразования экономики. №1, 2013. С. 120-127;

2. Дворецкая А.Е. «Теневой» банкинг: институциональное и функциональное регулирование // Деньги и кредит. №4, 2014. С.13-19;
3. Казанчев А.Е., Неволлина В.В. Теневая экономика и региональный экономический интерес // Вестник ТГПУ. № 12, 2013.
4. Найденов А.С., Кривенко И.А. Влияние административных барьеров и институциональной среды на динамику теневое сектора экономики // Вестник Томского государственного университета. № 377, 2013. С. 117-122;
5. Данные Росстата. Режим доступа – <http://www.gks.ru>

Комплекс мероприятий незаконного изготовления взрывных устройств в РД

М.М.Мусаев

Главным направлением борьбы с преступностью вообще с точки зрения обеспечения спокойствия, безопасности, стабильности общества, прав, свобод и законных интересов граждан является ее предупреждение.

Не углубляясь в полемику по этому вопросу, заметим, что предупреждение преступности и профилактика преступлений представляют собой главный составляющий элемент борьбы с преступностью.

Предупреждение преступности в сфере незаконного оборота взрывных устройств, в том числе незаконного изготовления взрывных устройств имеет свои особенности, что является следствием специфического своеобразия причин и условий, порождающих искомые преступления и способствующих им.

Предупреждение незаконного взрывных устройств изготовления охватывает меры общесоциального и специально-криминологического уровня.

Общесоциальные меры предупреждения и профилактики – это комплекс разнообразных мер направленных на решение крупных экономических, социальных, политических и нравственно-правовых проблем, актуальных для современного общества.

В определенной мере стимулирует незаконное изготовление взрывных устройств в Дагестане наличие значительного числа лиц-мастеров оружейных дел, которым из поколения в поколение передавались знания и навыки изготовления оружия.

Хорошо иллюстрируют связь незаконного изготовления взрывных устройств с террористической деятельностью экстремистских организаций.

Между тем, изъятые у членов диверсионно-террористической группы взрывные устройства, их составные части, а также боеприпасы и способы приведения в действие ВУ, а также другие оперативные материалы дают основание полагать, что группа, кроме того причастна к совершению:

взрыву 28.09.2011г. нефтепровода Баку-Новороссийск в местности «Балка» Карабудахкентского района. В результате взрыва поврежден нефтепровод диаметром 720 мм;

взрыву автомашины Мерседес главы М.О. «Городской округ город Хасавюрт» 12.10.2012г. в г.Хасавюрте, по ул.Алиева.

Таким образом, в последние годы прочно определилась тенденция роста опасных посягательств на жизнь и здоровье граждан, в том числе откровенно террористической направленности с использованием самодельных взрывных устройств.

К изготовлению взрывных устройств зачастую привлекаются военные специалисты, знающие и работавшие ранее с взрывной техникой.

В этой связи общая организация борьбы с терроризмом и экстремизмом в Дагестане в целом направлена и на предупреждение незаконного изготовления оружия. С этой целью в рамках проводимого оперативно-профилактического мероприятия «Вихрь-антитеррор», сотрудники правоохранительных органов осуществляют проверки на заводах, предприятиях и других местах, где возможно изготовление вооружения и деталей к нему, а также проверки обеспечение сохранности взрывчатых материалов гражданского назначения, проводят комплексные обследования и инвентаризации мест хранения оружия и взрывчатых веществ.

С известной долей условности вклад в предупреждение незаконного изготовления оружия вносит борьба с религиозным экстремизмом. В последние годы на состояние нравственности в Дагестане серьезное влияние оказала активная пропаганда экстремистского религиозного направления – ваххабизма, прежде всего, среди молодежи. Открывались «ваххабитские» мечети, издавалась и бесплатно распространялась, по сути, реакционная литература. Далее шло скрытое создание незаконных вооруженных формирований под видом «защитников» исламских ценностей. Ваххабиты, прикрываясь религией, вербовали в свои ряды лиц, конфликтующих с законом, находящихся в розыске за совершение преступлений, а также религиозных фанатиков.

В этой связи нам представляется, что средства массовой информации Дагестана должны вести планомерную работу по разъяснению сущности и опасности ваххабизма и иных проявлений религиозного, политического, национального и т.п. экстремизма. Тема обеспечения безопасности республики, противодействия экстремизму должна стать главной темой в программах местного телевидения с участием интеллигенции, мусульман республики, которые должны осуществлять контрпропаганду идеям экстремизма, особенно среди молодежи.

Вопросы, связанные с противодействием экстремистской деятельности и борьбы с терроризмом неоднократно были рассмотрены на координационных заседаниях правоохранительных органов республики, оперативных совещаниях при руководстве МВД РД и УФСБ РД.

Меры специально-криминологической профилактики охватывают осуществление профилактического воздействия на конкретные социальные группы (микросреду), в которой складываются конфликтные ситуации и намечаются отрицательные явления. Если общесоциальные меры действуют в основном на стратегическом уровне, то уровень действия специальных мер в основном тактический, обусловленный ближайшими причинами и условиями преступлений.

Исходя из причин и условий, способствующих совершению рассматриваемых преступлений, предупредительные меры незаконного изготовления оружия на специальном уровне направлены на достижение следующих целей:

1) Искоренение спроса на незаконно изготовленное оружие у социально-благонадежной части населения;

2) перекрытие каналов поступления незаконно изготовленного оружия в преступный оборот;

3) изъятие незаконно изготовленного оружия из оборота.

Спрос на оружие, изготовленное незаконно, не ослабевает. Он прямой результат политических процессов, которые происходят в обществе, итог его стремительной криминализации, соответствующего психологического настроя. Раньше преступник, изготовивший или укравший автомат или пистолет, сталкивался с труднейшей, часто неразрешимой проблемой, где найти покупателя на оружие. Риск оказаться разоблаченным до реализации украденного или изготовленного оружия был весьма высок. Сегодня таких проблем не существует, покупатель всегда под боком.

А поскольку есть спрос, то преступные элементы изыскивают и, как показывает практика, находят возможности его удовлетворения, в том числе путем незаконного изготовления оружия.

В определенной мере спрос на оружие возрастает благодаря сложившейся криминологической обстановке в стране и республике, возрастанию тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых с использованием оружия, росту криминального насилия в целом. Разочарование населения в возможностях правоохранительных органов толкает людей на поиск иных средств защиты, и, естественно, выбор падает на необходимость наличия в доме оружия как предмета, специально предназначенного не только для нападения, но и для защиты. В этой связи большинство граждан игнорируют опасность привлечения к ответственности за преступления в сфере незаконного оборота оружия и ставят выше собственную имущественную и личную безопасность. Отдельные граждане либо сами незаконно изготавливают оружие самозащиты либо незаконно приобретают его у лиц, занимающихся незаконным изготовлением на профессиональной основе.

Повышенный спрос на оружие придал экономический характер незаконному изготовлению оружия, поскольку он является источником получения высоких доходов, нередко криминального происхождения. С принятием 20.05.1993 г. Закона «Об оружии» граждане России получили возможность использования его в качестве оружия самообороны, которое в основном получило широкое распространение в виде ствольного газового оружия (пистолеты и револьверы) и аэрозольных устройств. Ижевский, Тульский и другие оружейные заводы немедленно отреагировали на возможность реализации гражданам газового оружия и, поскольку строительство новой линии для производства газового оружия обходилось предприятиям дорого, было решено переделать линию для производства боевого оружия пистолетов типа ПМ, ПСМ под производство газового оружия. Более того, не имея возможности платить заработную плату рабочим, заводы-изготовители в массовом порядке рассчитывались с ними газовыми пистолетами. Опасность сложившейся ситуации связана еще и с тем, что оружейные заводы продолжают выпускать это оружие до сих пор.

Работа по предупреждению незаконного изготовления взрывных устройств сотрудниками лицензионно-разрешительной системы включает три направления: а) совершенствование государственного контроля за предметами вооружения; б) предотвращение фактов изготовления самодельного оружия; в) уничтожение всего изымаемого у населения оружия.

Ведущая роль в борьбе с незаконным оборотом оружия принадлежит оперативным аппаратам органов внутренних дел, среди которых особое место занимает уголовный розыск. Основные их задачи в этом направлении сводятся к следующему:

– предупреждение и раскрытие криминальных взрывов;

– предупреждение и раскрытие контрабанды огнестрельного оружия,

– боеприпасов и взрывчатых веществ;

– предупреждение и раскрытие хищений огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;

– предупреждение и раскрытие преступлений, связанных с раскопками на местах бывших боев и восстановлением оружия;

– предупреждение и раскрытие фактов изготовления самодельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Большое значение для контроля за оборотом оружия имеет организация учета владельцев газового и травматического оружия.

Значительным резервом совершенствования борьбы с данным видом преступности является профилактическую работу с ранее судимыми лицами.

Следователи обязаны объективно, полно, всесторонне расследовать, выявлять причины и условия, способствующих совершению преступлений в сфере незаконного оборота оружия, принимать меры к их устранению. Между тем, для многих дел характерны неполнота следствия, поверхностное выявление причин и условий совершения преступлений, следователи часто не проявляют активность в установлении источника поступления предметов вооружения. В целом следственная и судебная профилактика остается одним из слабых звеньев в уголовном судопроизводстве. Эффективная борьба с рассматриваемыми преступлениями предполагает аналитическую работу следователей с последующей подготовкой обобщающих представлений о причинах и условиях этих преступлений и мерах по их устранению.

В этой связи назрела настоятельная необходимость в совершенствовании организации борьбы с незаконным изготовлением оружия. С нашей точки зрения для этого необходимо предпринять следующие меры:

- внесение изменений в технические характеристики газового оружия чтобы воспрепятствовать возможности их переделки в огнестрельное оружие, также охотничьих ружей, которые могут переделываться под стрельбу боевыми патронами;

- выделение на эти мероприятия специально средств и улучшение экономического положения предприятий-изготовителей;

- совместная сплошная проверка законности различных структурных подразделений МВД заключения текущих договоров и договоров прошлых лет на продажу оружия коммерческими структурами. При этом необходимо уделять внимание наличию лицензий на право приобретения и дальнейшей продажи оружия, соответствие заводских номеров лицензий данным упаковочных листов и паспортов;

- контроль за порядком реализации оружия через магазины;

- проверка соответствия выпускаемой продукции действующему на нее сертификату, особенно в части срока действия сертификата;

- выборка разрешительными отделениями МВД в торговых точках города лиц, скупивших по открытым лицензиям большие партии газовых пистолетов ввиду возможности их переделки в огнестрельное оружие;

- совместные рейды различных служб МВД по проверке порядка хранения оружия, его комплектующих и боеприпасов в нерабочее и ночное время суток;

- обеспечение контроля за порядком изготовления, хранения и реализации оружия, его комплектующих, боеприпасов гласными и негласными формами и методами.

Разумеется, меры предупреждения незаконного изготовления взрывных устройств, чрезвычайно разнообразны и должны принимать в комплексе. Вместе с тем, предлагаемые нами отдельные мероприятия могут внести существенный вклад в пресечении незаконного оружейного промысла.

В этой связи требуется повысить эффективность их профилактики и предупреждения на всех уровнях ее осуществления, обеспечить комплексное взаимодействие между всеми субъектами предупредительно-профилактической деятельности.

Нормы адата и шариата в семейном быту кумыков в XIX – начале XX веков

Р.Н.Пирова

Во второй половине XIX – начале XX веков в общественной жизни Дагестана происходили значительные изменения под воздействием царской России. «Это выразилось в становлении феномена правового плюрализма – государственной легитимации традиционных правовых образований (адата и шариата) и использовании их в регулировании отношений в этническом социуме параллельно с правом России в процессах динамики ее государственности».[1,с.204-205]

Внутрисемейные отношения у кумыков регулировались адатно-правовыми и шариатскими нормами. Патриархальные отношения в семье определялись нормами шариата и адата. Беспрекословное подчинение отцу (кум. «атасы») устанавливало власть домовладыки. Заслушивание или неподчинение главе семейства адатные нормы строго наказывали послушников. В одном адате сказано: «За непослушание детей родителям дети наказываются местной властью или обществом и приводятся к должному повиновению»[2,с.83]. Разумеется, здесь речь идет о взрослых детях.

В то же время адат наказывал и главу семейства, если тот приказывал выполнить деяние, противоречащее общественному порядку (воровство, грабеж, похищение девушки и т. д.). «Родители, побудившие детей своих к воровству или другим каким-либо противозаконным поступкам, подвергаются взысканию по мере преступлений, совершенных последними», – отмечается в адатах[3,с.201]. Шариат всегда наказывал именно главу семейства за противоправные проступки, совершенные его детьми.

Адатные нормы предоставляли право «атасы» безнаказанно лишать жизни своих детей. В адатах селения Башлы сказано: «Если отец убьет сына или дочь, то никем не преследуется и штрафуется лишь двумя быками: одним – в пользу управляющего, другим – в пользу общества»[4,с.59]. Аналогичные адатные нормы существовали и у кумыков, проживающих на территории других феодальных владений.

Нормы шариата в большей части превалировали в имущественно-правовых вопросах, защищали, в частности, имущество жены, на которое муж не имел право претендовать.

Корреляции адатов и шариата существовали в брачном выборе партнера, определении свадебного возраста, сватовстве, а также системе наказаний за умыкание девушек.

При сватовстве обычно определялся размер калыма и гебина, выплата и назначение которых были предписаны адатом и шариатом. Причем если сумма калыма определялась адатом, то выплата гебина всецело предписывалась шариатом[5,с.71].

Адатные нормы не только узаконили выплату калыма[5,с.71], но и прописывали его сумму для каждого сословия. Согласно адатам шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского «беки шамхальской крови выплачивали за невесту от 600 до 1000 руб., не считая дорогую одежду и спальные принадлежности, украшений, рабов для услужения»[3,с.209]. В 720 рублей определяет Д. М. Шихалиев калым, выплачиваемый князем, в 100–200 рублей – сала-узденем и от 50 до 100 рублей «средним классом» и чагарами[6,с.43].

В отличие от калыма сумма гебина определялась шариатом, и его размер, чаще всего, зависел от желаний обеих сторон. Сумма гебина варьировалась от 100 до 300 рублей[7,с.44]. Главным предназначением гебина являлось обеспечение жены на случай развода.

Выбор жениха и невесты жестко регулировался сословной принадлежностью партнеров. Нормы шариата регулировали только вопросы родства, в том числе молочного, и вероисповедания. Было узаконено право отца на выбор брачного партнера для своих детей.

Брачный возраст, определенный шариатом (9 лет для девочек, 15 – для мальчиков) был значительно ниже традиционных установлений адатного возраста (15–22 года)[1,с.205]. В вопросах определения свадебного возраста кумыки больше руководствовались адатом.

В господствующем положении находился адат и в наказаниях за умыкание девушек. Основным наказанием за похищение девушек было изгнание виновного (если произошло насильственное похищение) или виновных (если произошло похищение по обоюдному согласию) из села в качестве канлы (кровные враги), а также штраф, размер которого зависел от желаний обиженной стороны [4,с.60].

Акт бракосочетания происходил по всем канонам шариата. Адатными нормами регламентировались наказания за различные общественные правонарушения, которые происходили во время свадьбы (драку, ругань, похищение невесты, сквернословие и т. д.) или же во время церемонии бракосочетания. Любое правонарушение во время свадьбы считалось более суровым, чем в обычные дни.

Для заключения церемонии бракосочетания использовались шариатские нормы. Так, например, у кумыков достаточно было двух свидетелей-мужчин, или одного мужчины и двух женщин, причем свидетелями могли быть, только люди, исповедующие ислам.

Перед обрядом бракосочетания невеста по предписанию шариата должна была получить разрешение от отца – «фурман» (фирман). В отсутствие отца разрешение на бракосочетание брали от опекуна невесты. Кроме этого, обязательным было также присутствие на бракосочетании опекуна невесты. Им по шариату мог быть только мужчина-мусульманин, в первую очередь, ее отец или дед со стороны отца, брат, дядя. Если таковых не находилось, опекуном становился кадий[7,с.45].

Кумыки отмечали свадьбу (кум.»той») весьма торжественно и пышно. Кумыкская свадьба вобрала в себя множество обрядов, обычаев и традиций, тесно связанных между собой.[8,с.76] На протяжении всей свадьбы была весома роль кумыкского адата. Она длилась несколько дней. На свадьбу приглашалось все село. Танцы, музыка, веселье царило на этом торжестве.

Разводы считались нежелательными. Чтобы не допустить развода, старшие по возрасту, чаще всего родственники, собирались в доме новобрачных и выясняли причины разногласий. Если после длительных уговоров муж настаивал на разводе, то последний все-таки происходил.

Нормы шариата предусматривали четыре вида развода: хуль, фасх, лиан и талак. Наиболее распространенным у кумыков, как и у многих других мусульманских народов, считался талак[9,с.124]. Развод признавался в том случае, если муж произносил вслух трижды формулу: «жена моя (имярек) свободна»[10,с.140]. В итоге развод признавался осуществившимся.

У кумыков в XIX – начале XX в. применялись и другие формулы развода: «ты отрезана», «ты запретна», «поводья брошены на твою собственную шею», «я отдаю тебя твоему семейству», «твои дела в твоих собственных руках», «соединись со своим родом», «иди к себе домой» и т. д.

Таким образом нормы адата и шариата проникли во все сферы семейного и общественного быта кумыков в XIX – начале XX века и играли огромную роль в регламентации вопросов заключения и расторжения брака. В отличие от многих народов Дагестана кумыки, больше применяли на практике нормы адата, так как их вердикт был более гуманен, а влияние теократического государства Имамат менее заметно.

Список использованной литературы

1. [1] Гаджиева С.Ш. О сословных отношениях кумыков в первой половине XIX века. Махачкала, 1967.
2. [2] Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных к оному земель в историческом, статистическом, финансовом и этнографическом отношении. СПб., 1835. Ч. 2.
3. [3] Адааты Шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1965.
4. [4] Адааты южно-дагестанских обществ / ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.
5. [5] Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе. М., 2002.
6. [6] Шихалиев Д.М. Рассказ кумыка о кумыках / Предисл. Гаджиевой С.Ш. Махачкала, 1993.
7. [7] Комаров А.В. Адааты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып.1. Тифлис, 1868; Адааты жителей Кумыкской плоскости // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872. – С. 76
8. [8] Омаров С.А. Система композиций в обычном праве народов Дагестана // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Вып. 16. С. 230–261.

9. [9] Гаджиева С.Ш. Кумыки М., 1961; Она же. Семейный и общественный быт кумыков в XIX – начале XX века // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16; Она же. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985.с. 124.
10. [10] Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. М., 2007; Он же. Шариат и его социальная сущность. М., 1978.

Совет Оборона как высший орган управления Дагестана

Р.Ч.-М.Разаков
М.Ю.Качаева

В целях усиления борьбы против деникинских войск, на чрезвычайном совещании представители действующих на фронтах Северного Кавказа и Дагестана военных 19 октября 1919 года под председательством Шейх-уль-Ислама Али-Гаджи Акушинского был сформирован Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана. Возглавляли борьбу видные представители исламских кругов Дагестана – Шейх-уль-Ислам Али-Гаджи Акушинский и Чечни – Шейх Узун-Хаджи.

На собрании было объявлено, что Совет Оборона Дагестана временно, впредь до образования общей горской власти является высшим органом управления Дагестана, который имеет своей задачей установление порядка внутри страны, и организацию народных сил для фронта против ига Деникина¹.

Так вот, в обращении председателя Совета обороны Северного Кавказа и Дагестана Али-Гаджи Акушинского к дипломатическим представителям Союзных держав, правительствам Азербайджана, Грузии и Персии говорилось, что «Совет обороны Северного Кавказа, обсудив создавшееся положение, считает долгом ответить представителям Союзных держав, что война между Добровольческой армией и народами Северного Кавказа возникла по вине Добровольческого командования и может быть ликвидирована лишь при вмешательстве союзников Деникина... Совет обороны заявляет, что Кавказ – не Россия, и насильственное вторжение Деникина с казаками в наши горы не может быть терпимо ни одним горцем, как бы не было терпимо и насилие со стороны Советской России».²

В другом своем заявлении, обращенном к командованию армии Деникина говорилось, – «Дагестанский народ не намерен терпеть ни с чьей стороны актов, противоречащих его воле, ни внутри самого Дагестана, ни извне до выяснения общей воли народов России. На основании вышесказанного я, Али-Гаджи Акушинский, шейх-уль-ислам Дагестана, в полном согласии с шейхом Узун-Хаджи и другими высокочтимыми алимами, в полном единении со всем дагестанским народом и от его имени имею честь настаивать перед представителями Добровольческой армии.

1. Очистить от частей Добровольческой армии города Темир-хан-Шуру и Дербент и вывести эти части за демаркационную линию Дагестана, согласно сообщения Великобританского правительства;

2. Отказаться от всякого вмешательства во внутренние дела Дагестана, признав публичным актом за Дагестанским народом и только за ним полное право на самоуправление точно так же, как Дагестанский народ признает за казаками и остальными народами России их права на самоуправление;

3. Отменить приказ о назначении правителя Дагестана, а также отказаться от всякой поддержки офицерско-бекской сословной диктатуры над Дагестаном.

4. Если условия Дагестанского народа выраженные в вышеуказанных пунктах будут приняты командованием Добровольческих армий, я как шейх-уль-ислам Дагестана, обязуюсь не вести враждебных действий против Добровольческой армии, и так же Дагестанский народ оставляет за собой свободу действий, в противном случае возлагаю на Добровольческую армию всю ответственность за могущие произойти последствия³.

По приказу Совета Оборона восстали все, старики, и даже женщины идут в бой кто с чем попало, с шашками, кинжалами, старыми кремниевыми ружьями и просто дубинками⁴.

К середине октября Дагестан был объят восстанием. Восстание, начатое в даргинском округе распространилось еще в семи округах. Восставшие горцы Дагестана разбили наголову карательную экспедицию войск корпуса Шкуро и захватили Темир-хан-Шуру, Дербент и Грозный⁵.

Еще в 1917 году во время переворота в России лидеры дагестанских социалистов Махач Дахадаев и Джамалудин Кормасов посещая лично и посылая других познакомились с Али-Гаджи и приблизили его к себе⁶.

В свою очередь Али-Гаджи пошел на соглашение с большевиками для совместной борьбы как со внешней, так и внутренней контрреволюцией. Призывал поддерживать коммунистов, ссылаясь на то, что союз с большевиками поможет защитить ислам, поскольку их идеалы соответствовали уставам шариата.

Большевики придерживались другого мнения, они понимали, что «в такой отсталой, средневековой, зараженной фанатизмом стране нужно поддерживать религиозные чувства и традиции горцев в своих интересах».⁷

¹ Союз объединенных горцев ...С. 315.

² Там же. С. 15.

³ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане в 1917-1921гг: Сборник документов и материалов. Изд-во АН СССР. М., 1958. С. 258.

⁴ Разаков Ч.-М. Курс лекций по истории Дагестана 1917-1939гг. Махачкала, 2008. С.85.

⁵ Разаков Ч.-М. Истории Дагестана. Махачкала, 2012. С.285.

⁶ Магомедов А.М., А. Тахо-Годи. Махачкала, 1993. С. 200-201.

⁷ Там же.

А. Тахо-Годи в своей книге «Революция и контрреволюция в Дагестане» пишет, что Али-Гаджи был провозглашен муфтием Дагестана «в пику Гоцинскому»¹, так как надо было сбить с пьедестала имама и противопоставить ему нового лидера, устраивавшего коммунистов. Ход удался, и на провозглашение Али-Гаджи явились даже те, кто «голосовал» за Гоцинского.

Альянс Али-Гаджи с революционными марксистами сыграл решающую роль в разгроме воинских формирований Добровольческой армии и установлении в Дагестане Советской власти.

Но вскоре он разочаровывается в деятельности большевиков. Будучи убежденным сторонником шариата, Али-Гаджи Акушинский не мог относиться лояльно к пропаганде и распространению большевизма. После усиления и упрочения Советской власти в Дагестане он отказался от идеи сотрудничества с ней. «Между нами и большевиками нет вражды, – говорил он, – но ни в коем случае нам, мусульманам нельзя придерживаться их законов, противных нашему шариату».

Другой, истинный победитель Деникина, «мавр, сделавший свое дело», шейх Узун-Хаджи Салтинский.

В отличие от Али-Гаджи Акушинского, который являлся выходцем из неимущей семьи, Узун-Хаджи был представителем имущих слоев общества. Узун-Хаджи был фанатиком, нежели трезвым богословом какими являлись его единоверцы. Ему достаточно было уверовать в какую-нибудь идею, чтобы как фанатику зажечься ею и проводить ее во чтобы то ни стало. «Это был строгий, нераздвоенный, зажженный огнем пламени фанатик, у него не было той многогранности, в которой нельзя отказать Нажмутдину».²

Многие исследователи сходятся во мнении, что мюриды Узун-Хаджи в союзе с большевиками сыграли решающую роль в разгроме Добровольческой армии на Кавказе. Профессор Абдурахман Авторханов даже назвал эту победу «самой главной ошибкой чеченцев»,³ а американский исследователь Поль Хенце писал, что «Шейхом Узун-Хаджи был взят курс на создание Дагестано-Чеченской шариатской монархии. С этой целью оба лидера (Узун-Хаджи и Н.Гоцинский) мобилизовали на Северном Кавказе десятитысячную армию мюридов, представлявших наиболее воинственную силу в этом регионе. В отдельный период из-за своей ненависти к белогвардейской армии Деникина проявили склонность к сотрудничеству с большевиками, причиной этому послужила также большевистская декларация о правах нации на самоопределение».⁴

В телеграмме на имя В.И. Ленина от 16 октября 1919 года С.М. Киров сообщал: «вдохновителями и руководителями восстания /против Деникина/ являются духовные вожди горцев, шедшие всегда с народом и за народ Али-Гаджи Акушинский в Дагестане и Узун-Хаджи в Чечне и Ингушетии».⁵

Синдром «психического выгорания» педагогов

Д.Г.Сайбулаева

Психологическая служба образования на современном этапе направлена, главным образом, на обеспечение психического здоровья школьников, характеризуется детоцентрированностью. Психологическое благополучие педагогов занимает незначительное место в психологической практике. В то же время исследования показывают, что главным условием психического здоровья детей является психическое здоровье взрослых, т.е. родителей и педагогов. Как известно, именно в плоскости межличностных отношений взрослых и детей происходит становление личности ребенка. Если следовать данной логике, то основной задачей психологической службы является обеспечение психологического благополучия родителей и учителей, которое станет необходимым и достаточным условием психического развития детей.

При исследовании психологического благополучия педагогов особое значение приобретает изучение феномена эмоционального выгорания – психологического явления, оказывающего негативное воздействие на здоровье и эффективность деятельности специалистов, занятых в социальной сфере. Исследования педагогической деятельности показали, что она обладает рядом особенностей, позволяющих характеризовать ее как потенциально эмоциогенную. Высокая эмоциональная напряженность вызывается наличием большого числа факторов стресса, постоянно присутствующих в работе учителя. Это такие особенности деятельности, как высокий динамизм, нехватка времени, рабочие перегрузки, сложность возникающих педагогических ситуаций, социальная оценка, необходимость осуществления частых и интенсивных контактов, взаимодействие с различными социальными группами и т.д. Эмоциональные особенности педагогической деятельности могут способствовать возникновению и развитию синдрома «эмоционального выгорания» учителей [6,7].

В настоящее время в психологии под «психическим выгоранием» понимается состояние психического, эмоционального и умственного утомления, проявляющееся в профессиях социальной сферы. Согласно позиции К.Маслач этот синдром включает в себя три основные составляющие: эмоциональную истощенность, деперсонализацию (цинизм) и редукцию профессиональных достижений. Под «эмоциональным истощением» понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванное работой. «Деперсонализация» предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда. В

¹ Дугричилов М. «Свобода...» С.53.

² Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Борьба за установление Советской власти в Дагестане: Сборник документов и материалов. М., 1958. С. 137.

³ Авторханов А. Технология власти. М., 1991. С. 89.

⁴ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. М., 1958. С. 308.

⁵ Там же. С.336.

частности, в социальной сфере деперсонализация предполагает бесчувственное, негуманное отношение к клиентам, приходящим для лечения, консультации и получения других социальных услуг. «Редукция профессиональных достижений» проявляется в возникновении у работников чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, осознание неуспеха в ней. При этом исследования показывают, что ведущее место в проявлениях данного феномена занимает эмоциональная составляющая[2].

«Эмоциональное выгорание» рассматривается как долговременная стрессовая реакция или синдром, возникающий вследствие продолжительных профессиональных стрессов средней интенсивности. В связи с этим синдром «психического выгорания» обозначается исследователями понятием «профессиональное выгорание», что позволяет рассматривать это явление в аспекте личностной деформации профессионала под влиянием длительного профессионального стажа работы по одной той же специальности. Оно может выражаться в черствости к людям, жестокости, нежелании принять чужую боль на себя, отсутствии милосердия и гуманности, низкой коммуникабельности, грубости, злобе во взаимоотношениях с людьми; в работе это может проявляться в появлении чувства бесполезности выполняемой деятельности, в ощущении отсутствия перспективы дальнейшего профессионального роста, апатии, нежелании достигать более высоких результатов. Это отрицательно сказывается на исполнении профессиональной деятельности и в отношениях с сотрудниками и клиентами. Поэтому «эмоциональное выгорание» рассматривается как форма профессиональной деформации личности. Как и любая деформация, «эмоциональное выгорание» приводит к негативным последствиям, поэтому всегда необходимо искать эффективные пути его профилактики и преодоления [1, 6].

Определение путей профилактики и преодоления синдрома «психического выгорания» основывается на источниках, вызывающих данное психологическое явление. Результаты многих исследований, в том числе авторского, позволяют выделить две группы факторов возникновения и развития синдрома «эмоционального выгорания»:

1. Социально-психологические, к которым относятся, прежде всего, личностные особенности педагога, психофизиологические, (возраст, пол, состояние здоровья), а также система отношений (с учениками, с коллегами, с руководством). Наиболее подвержены «эмоциональному выгоранию» педагоги с высоким уровнем тревожности, агрессивности, эмоциональной чувствительности, гуманизма, ориентированных на помощь другим. Установлена взаимосвязь «психического выгорания» как с высоким, так и низким уровнем проявления эмпатии, с рассогласованностью ценностной сферы, низким уровнем саморегуляции эмоциональной и поведенческой сферы.

2. Организационные факторы. Эти факторы включают в себя условия материальной среды, содержание работы и социально-психологические условия деятельности. Обнаружена связь «выгорания» с учебной нагрузкой, продолжительностью рабочего дня, перспективами роста, дидактическим оснащением школы, поведением «трудных» учащихся, необходимостью постоянного совершенствования своей деятельности и др. Наиболее значимой для педагогов является поддержка руководства, в особенности стимулирование согласно с затраченным трудом, что обозначается респондентами как справедливость.

Признаки профессионального выгорания учителей в ситуациях профессиональных нагрузок указывают на необходимость принятия мер ранней профилактики стресса и психического здоровья учителей и расширенной психологической подготовки будущих учителей. В соответствии с указанными факторами «эмоционального выгорания» следует определить два основных направления профилактики и преодоления синдрома «эмоционального выгорания»; во-первых, профилактика в сфере личностных свойств учителей и системы интерперсональных отношений, во-вторых, принятие предупредительных мер по оптимизации условий труда учителя [1, 3, 4].

Систему мер по профилактике личностной сферы учителя следует подразделить также на две группы. Первая группа имеет отношение к осуществлению психологической подготовки будущих учителей. Работу по предупреждению «психического выгорания» следует начать еще до поступления молодого человека в педагогический вуз, которая заключается в определении его профпригодности к данной деятельности и всестороннем ознакомлении со спецификой профессии педагога.

В период обучения в вузе работу по психологической подготовке необходимо продолжить по следующим направлениям. Во-первых, ознакомить студентов не только с теоретической психологией, но и навыками самопознания, самообразования, саморегуляции эмоциональных состояний и поведенческих реакций, межличностного взаимодействия, привлекать к участию в тренинговых группах, группах поддержки, групповых дискуссиях, обучать способам психологической помощи другим людям. В связи с этим возникает вопрос о введении в педагогических вузах курса практической психологии.

Особое внимание следует уделить поощрению самостоятельности и ответственности студента, инициативе, творческим проявлениям, самобытности мышления, стремления к самореализации. Это способствует росту его самоуважения, доверия к собственной состоятельности, уверенности в себе. Развитие подобных качеств значительно повышают сопротивляемость «психическому выгоранию».

Во-вторых, усилить работу по овладению этими навыками в период прохождения педагогической практики в школе, активно участвовать во всех делах школы с целью осознания и понимания трудностей своей будущей профессии. Подобные меры будут способствовать предотвращению эмоционального шока от расхождения их представлений о будущей профессии и реальной действительностью.

Вторая группа профилактических мероприятий имеет отношение к работающим учителям. Следует отметить, что эти меры имеют свою специфику для молодых учителей и для учителей с опытом работы.

Однако в рамках данной работы освещение этой специфики не представляется возможным, поэтому представим наиболее общие рекомендации по предупреждению «психического выгорания».

Во-первых, необходимо постоянно совершенствовать умение регулировать свое психоэмоциональное состояние, организовать собственный труд. Этот момент должен присутствовать на всем протяжении профессиональной деятельности, так как играет главенствующую роль в преодолении синдрома «эмоционального выгорания». В практической психологии имеется достаточно широкий репертуар способов саморегуляции: аутотренинг, дыхательные и мышечные релаксационные техники, медитирование, методы отслеживания и отстранения с последующим анализом, дневниковый метод, ролевые игры, адекватных способов выражения эмоциональных состояний, применение навыков активного слушания и др.

Для профилактики «эмоционального выгорания» исследователи обнаружили эффективность групповых форм работы, в частности, баллинтовых групп, сущность которых состоит в обсуждении трудных ситуаций, которые возникают в процессе педагогической деятельности. Необходимо предоставить педагогу также весь спектр услуг индивидуального консультирования для решения проблем личностного и профессионального характера. Психопрофилактические мероприятия по оптимизации педагогической деятельности состоят, главным образом, в создании и поддержании благоприятного психологического климата, в обучении руководителей демократическим, коммуникативным стилям управления, признанию результатов работы, справедливому распределению моральных и материальных вознаграждений, максимальному обеспечению участия педагогов в принятии важных для школы и для них самих решений.

Наиболее важным аспектом профилактики и преодоления многообразных психологических проблем является установка на личностный рост человека, его возможности самостоятельного осуществления выбора, стремления к ответственности полноценному осмысленному функционированию, рост самоуважения, что является залогом психического здоровья самого педагога и окружающих его людей. Для этого необходимо реализовывать принципы человекоцентрированного подхода, в центре которой позитивное принятие уникальной личности другого человека, сопереживание ему, доверие к его смыслам и ценностям.

Литература

1. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. - С-Пб., 1999. – 156 с.
2. Борисова М.В. Психологические детерминанты феномена эмоционального выгорания у педагогов // Вопросы психологии. 2005. № 2. с. 96-104.
3. Митина Л.М. Психология профессионального развития учителя. М.: Сентябрь, 1998.
4. Реан А.А., Баранов А.А. Факторы стрессоустойчивости учителей // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 45-55.
5. Рогинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психол. журн. 2002. № 3. С.85-96.
6. Форманюк Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя // Вопросы психологии, 1994. № 6. С. 54-67.

Гражданско-правовые проблемы: обычное право на Кавказе (дореволюционный период)

А.К.Халифаева

Адаты по гражданским делам имеют место рядом с адатами по воровству и поджогам. «Воровство, грабеж, потравы, поджоги, умышленные и неумышленные, и вообще всякая порча имущества, – писал А.В. Комаров, – адатом подводятся под одну категорию»¹.

В гражданском праве необходимо отметить, прежде всего, что мусульманские законоведы не проводят различия между обязательственным и вещным правом². В обычном праве хорошо были разработаны отдельные институты вещного и обязательного права. Нормы этих институтов регулировали имущественные отношения в аулах. Существовала определенная система договоров, связанных с недвижимым и движимым имуществом. Договоры заключались в устной и письменной форме. В устной форме договаривались, например, об условиях найма личного или общественного пастуха. В аулах практиковалась передача во временное пользование одной или нескольких дойных коров тем, кто отправлялся на высокогорные пастбища в весенне-летний период. Должник был обязан возвратить скот с приплодом и определенным устным договором количеством масла и сыра.

В дагестанских адатах имеются целые главы, посвященные гражданским делам. Знакомясь с нормами этих глав, мы обнаруживаем, что некоторые из них аналогично с современным гражданским законодательством регулируют рассматриваемые отношения (§ 47, 49, 50 и т.д.). Так, например, и в адатах Кюринского округа (§ 50), и в нормах действующего Гражданского кодекса РФ преимущественное право на приобретение, покупку недвижимости имеют сособственники.

За всякую потраву и порчу имущества, умышленную или неумышленную, владелец его получает полное вознаграждение от виновного, по оценке, производимой, как правило, почетными людьми (§ 78. Частные адаты обществ Андалалского наибства. Адаты Гунибского округа; § 57. Гл. III. Адаты Кюринского округа; § 1. Гл. VII. Адаты Самурского округа; § 236. Общие адаты. Адаты Даргинского округа).

Были выработаны обычно-правовые нормы, направленные на охрану общинных земель и лесов. Косить сено на общинных землях сельчанам запрещалось без согласия схода, иначе виновный подвергался штрафу. В Дидойском обществе с виновного брали мерку хлеба в пользу аула. Намного строже был адат,

¹ Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. С. 56.

² Караулов Н.А. Основы мусульманского права. С. 32–33.

существовавший у андийцев. За самовольное действие виновный должен был дать быка или 6 мер хлеба в пользу аула. В Ухнадальском обществе с того, кто срубил во владении другого большое дерево, взыскивали одну овцу. С того, кто срубил молодое дерево, брали три овцы, верх дерева – одну овцу, ореховое дерево – одну корову в пользу аула.

Для сбережения общественных полей от потрав от общества назначались сторожа (курухчи), которые, найдя чей-либо скот на общественных полях, брали в свою пользу одного барана или стоимость его с хозяина скота, найденного на полях (§ 68. Гл. I. Адагы Кайтаго-Табасаранского округа; § 3. Гл. VII. Адагы Самурского округа; § 236. Общие адагы. Адагы Даргинского округа).

«Если кто-нибудь употребляет пригульную скотину на свои работы, без ведома старшины, то, при возникновении жалобы со стороны хозяина скотины, виновный подвергается ответственности, как за присвоение себе чужой собственности» (Ст. 61. Гл. VI. Очерк третий. Очерки народных обычаев Кумыков; § 58. Гл. III. Адагы Кюринского округа). В силу этого адата никто не мог оправдаться при продаже чужой скотины тем, что она была им найдена.

К системе отношений, связанных с обязательствами и договорами, можно отнести ишкиль. Ишкиль (барамта) – это право истца, потерявшего надежду на добровольное удовлетворение со стороны ответчика. Речь идет о захвате имущества для принуждения ответчика к удовлетворению имущественных претензий. В литературе ишкиль определяется как обычай, по которому кредитор имел право задержать любого человека из местности, откуда происходил должник, и наложить арест на его имущество до тех пор, пока не добьется уплаты долга от должника или общества, к которому принадлежит должник¹. По мнению М.А. Агларова, ишкиль, как и кровная месть, был санкционирован обществом и дозволен адатом². В обществе действовал принцип – пусть джамаат пострадавшего от применения ишкиля вынудит подлинного виновника к возвращению долга. О широком распространении ишкиля в Дагестане свидетельствует сохранившаяся обширная переписка XIX в. между «вольными обществами», ханами и мусульманскими юристами о прецедентах ишкиля³. Шариат, кстати, к ишкилью относился отрицательно. Следует отметить, что ишкиль во многом совпадает с залогом, который был разработан еще в римском частном праве. Ишкиль, как и залог, есть ответственность «вещи»: контрагент при заключении сделок всегда проверял имущество, при помощи которого можно удовлетворить в будущем то или иное обязательство⁴.

В адатах существовали нормы, регулирующие общественное поведение и быт горцев. Этим объясняется во многом сохранение правопорядка в аулах. Внутри аула был своего рода «кодекс чести», нарушение которого приводило к презрению со стороны окружающих. Горцы высоко ценили общественное мнение. К неисправимым правонарушителям общепризнанных порядков применялись такие меры, как запрет участвовать на свадьбах, похоронах, лишение права погребения по шариату. В аулах поддерживали такие традиции, как уважение к старшим, милосердие к слабым, больным. Воля родителей для детей была священным делом. Горский намус (совесть) требовал от мужчин уважения к хранительнице очага, матери детей, непременно держать данное слово, не говорить с людьми грубо, быть совестливым и честным. Горский адат говорил: «Хочешь быть уважаемым, уважай сам». Н. Данилевский, современник изучаемого нами времени, подтверждал, что «кавказские горцы имеют в обращении нравственную сторону: они любят вежливость, скромность, чинопочтение; всякое ругательное слово имеет последствием строгость замечания, угрозу» и даже поединок⁵.

Итак, нормы по гражданским делам позволяют отметить справедливое отношение адата к имущественным преступлениям и «гражданской неисправности».

Немаловажно также отметить, что повсеместно, согласно обычному праву Дагестана, дееспособность гражданина наступала с 15 лет. Именно с этого возраста горцы способны были своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Подтверждением этого служат следующие нормы адатов. В кумыкских народных обычаях пятнадцатилетний возраст в норме по похищениям указывается как основание для ответственности правонарушителя (Ст. 4. Гл. I. Очерк третий. Очерки народных обычаев Кумыков), кумыкская девушка правоспособна вступить в брак по достижении ею пятнадцатилетнего возраста (Гл. I. Очерк второй. Очерки народных обычаев Кумыков); по Даргинским адатам «к присяге требуются ближайшие родственники присягающего с отцовской стороны – мужчины, достигшие 15 лет» (Ст. 59. Общие адагы. Адагы Даргинского округа). Аналогичные примеры можно привести и по остальным источникам права.

Основные направления социальной защиты населения в Республике Дагестан в 1990-е годы

А.М.Шахбанов

Устойчивое социальное развитие выступает главным индикатором цивилизованности государства и общества, поскольку означает такое состояние, при котором каждый человек удовлетворяет свои важнейшие потребности и имеет одинаковые возможности для реализации своего потенциала. Происходившие в 1990-е годы в нашей стране политические и экономические изменения были нацелены на создание эффективной, ориентированной на ожидания общества системы многопрофильной целевой социальной защиты населения.

¹ Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. С. 277.

² Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – нач. XIX вв. С. 101–102.

³ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1260–1310.

⁴ Сулейманов Б.Б. Административно-политическое управление Дагестана во второй половине XIX в. С. 105–106.

⁵ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. С. 181–182.

Одной из самых серьезных задач для социально-ориентированной экономики является работа, направленная на социальную защиту всех слоев населения и на выработку стратегии дееспособной социальной политики, которая охватывает все сферы экономических связей в стране.

Социальная защита населения в конце XX века в России выступала как комплекс организационно-правовых и экономических мер, направленных на обеспечение благосостояния и достойной жизни граждан.

Социальная защита совпадает с разветвленной системой социальных гарантий, обеспечивающих каждому человеку соблюдение конституционных прав личности. К важнейшим гарантиям социальной защиты Конституция Российской Федерации относит:

- охрану труда и здоровья граждан;
- минимальный размер оплаты труда;
- государственную поддержку института семьи, материнства, отцовства и детства;
- социальную поддержку инвалидов и лиц преклонного возраста;
- установление различных социальных выплат в виде пенсий и пособий.

Состояние сферы социальной защиты населения Республики Дагестан в 90-е годы XX века характеризуют следующие процессы:

- социальной поддержки и социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, граждан, в том числе детей, находящихся трудной жизненной ситуации;
- создания условий для беспрепятственного доступа маломобильных граждан, в том числе инвалидов, к объектам социальной и инженерной инфраструктур, к пользованию общественным транспортом, средствами связи и информацией;
- согласования заданий на проектирование объектов социальной инфраструктуры при строительстве;
- реализации мероприятий по реабилитации инвалидов;
- установление опеки и попечительства в отношении совершеннолетних лиц, признанных судом недееспособными, ограниченно дееспособными, а также по защите их прав и законных интересов, в том числе в суде;
- защита имущественных прав граждан, признанных безвестно отсутствующими;
- проведение превентивных мероприятий по профилактике безнадзорности детей;
- организации работы по выявлению социально-неблагополучных семей.

Основными направлениями деятельности учреждений социальной защиты населения региона в 1990-е годы являлись:

- адресная социальная помощь малообеспеченным гражданам;
- социальная поддержка инвалидов, ветеранов, инвалидов Великой Отечественной войны и тружеников тыла, ветеранов боевых действий и локальных конфликтов;
- финансово-экономическая помощь многодетным семьям;
- социальная защита граждан, пострадавших вследствие промышленных и техногенных катастроф;
- развитие государственных стационарных и нестационарных учреждений социального обслуживания населения.

В рассматриваемый период, количество жителей региона, нуждающихся в социальной поддержке был в целом значительно выше, чем в среднем по стране.

Государственную политику по социальной поддержке граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в помощи, осуществляло Министерство труда и социального развития Республики Дагестан и подведомственные ему учреждения и органы, к числу которых относились управления социальной защиты населения в городах и районах в республике.

К числу таких граждан относились:

- лица с ограниченными возможностями здоровья;
- семьи с детьми,
- дети – сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.
- безработные граждане.

Положительное влияние на процесс организации социальной защиты различных категорий населения оказало принятие федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ, Федерального закона «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» от 02.08.1995 № 122-ФЗ, Федерального закона «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 № 178-ФЗ.

Основными формами социальной поддержки населения Республики Дагестан, в 90-е годы XX века выступали:

- адресная социальная помощь малообеспеченным гражданам. В конце 1999 года, численность лиц данной категории населения составляло 306200 тыс. чел.;
- предоставление жилищных субсидий, которые воспользовались 179789 семьям, что составило 30,7% общего числа семей, проживающих в республике;
- социальная защита лиц с ограниченными возможностями. На начало 2000 года, по данным Министерства труда и социального развития Республики Дагестан, в регионе насчитывалось 217182 лиц с ограниченными возможностями, в том числе:
 - инвалиды I группы – 47988 чел.;
 - инвалиды II группы – 88281 чел.;
 - инвалиды III группы – 45573 чел.;

инвалиды, не имеющие степени ограничения трудоспособности – 88 чел.;

дети-инвалиды – 35252 чел.

- социальная поддержка ветеранов, инвалидов Великой Отечественной войны, тружеников тыла, ветеранов боевых действий и локальных конфликтов. В конце 1999 года, в республике общая численность инвалидов Великой Отечественной войны составляло 4353 человек, участников Великой Отечественной войны – 558 человек, тружеников тыла – 29437 человек, ветеранов боевых действий – 16638 человек, ветеранов труда – 93207 человек.

- материальная поддержка малообеспеченных и многодетных семей. Если на начало 1993 года, в республике проживало 74900 многодетных семей, где воспитывались 199400, то к началу 2000 года, количество многодетных семей составляло 82700, и в них воспитывались 268800 несовершеннолетних детей.

- социальная поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Детальная характеристика форм государственной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей отражена в таблице № 1.

Таблица № 1.

Устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [1].

Показатели	Годы		
	1997	1998	1999
Всего выявлено детей и подростков, оставшихся без попечения родителей (на конец года)	2050	1750	1679
Из них были устроены:			
- в дома ребенка, детские дома и школы-интернаты для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детские дома семейного типа	112	113	152
- под опеку (попечительство), на усыновление	1644	1310	1277
- в организациях среднего профессионального и высшего образования	19	22	8
Численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	10355	10400	9593
В том числе находятся:			
под опекой (попечительством)	6491	6818	7223
на усыновлении (удочерении)	2631	2512	1238
воспитываются в учреждениях интернатского типа	1233	1070	1132

- социальная защита граждан, пострадавших в техногенных катастрофах. Если в 1993 году в республике насчитывалось 2765 таких лиц, то к концу 1999 года, их численность составляла 3548 чел.;

- развитие государственных стационарных и нестационарных учреждений социальной защиты населения. За 1991-1999 гг., в регионе были созданы 38 стационарных учреждений и 100 полустационарных и нестационарных учреждений. Процесс становления новых и развития ранее созданных учреждений социальной защиты и обслуживания населения, в рассматриваемый период, отражен в таблице № 2.

Таблица № 2.

Динамика развития учреждений социальной защиты населения [Там же.].

Показатели	Годы						
	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Стационарные учреждения							
Дома-интернаты для престарелых и инвалидов (взрослых) общего типа, ед.	3	3	3	3	3	3	3
число обслуженных лиц	242	288	312	368	370	384	-
Психоневрологические интернаты, ед.	1	1	1	1	1	1	1
число обслуженных лиц, чел.	282	322	351	420	424	420	-
Детские дома-интернаты для глубоко умственно отсталых детей, ед.	1	1	1	1	1	1	1
число обслуженных лиц, чел.	151	165	165	200	200	200	200
Дома ребенка, ед.	2	2	2	2	2	2	2
Число мест в них, ед.	160	160	160	160	160	160	160
Численность детей в них, чел.	112	115	116	118	119	117	137
Детские дома, ед.	4	4	4	4	4	4	4
Численность детей в них, чел.	358	360	370	322	316	329	330
Школы-интернаты общего типа, ед.	17	19	19	19	19	20	19
Численность детей в них, чел.	5435	6475	6702	6836	2996	7037	7397
Из них школы-интернаты для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ед.	1	1	1	1	1	1	1
Численность детей в них, чел.	223	244	267	274	292	215	210
Школы-интернаты для детей с ограниченными возможностями здоровья, ед.	8	8	8	8	8	8	8
Численность детей в них, чел.	1218	1822	1791	1614	1611	1584	1326

Показатели	Годы						
	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Полустационарные и нестационарные учреждения							
Комплексный территориальный центр социального обслуживания населения, ед.	52	53	53	53	53	53	52
В них отделений, ед.:							
1. временного проживания	4	4	5	4	4	6	7
2. дневного пребывания	12	26	30	25	26	26	26
3. социального обслуживания на дому	147	154	157	168	171	181	195
4. по работе с семьей	-	6	1	1	1	3	8
Число мест в отделениях, ед.:							
1. временного проживания.	80	120	140	100	100	115	126
2. дневного пребывания	522	725	836	638	739	742	727
Численность обслуженных лиц в отделениях (за год), чел.:							
1. временного проживания	760	1020	1520	752	264	420	602
2. дневного пребывания	15400	18350	23075	4833	5111	5596	4939
3. социального обслуживания на дому	13700	25140	39452	15789	17932	18442	19867
4. по работе с семьей	-	-	-	432	240	945	6590
В общей численности обслуженных отделениями по работе с семьей, несовершеннолетних, чел.	-	-	-	251	220	482	1313
Численность обслуженных семей отделениями по работе с семьей, ед.	-	-	-	-	-	512	1581
В том числе:							
семей с детьми-инвалидами, ед.	-	-	-	-	-	190	280
Численность граждан пожилого возраста и инвалидов, состоящих на учете и ожидающих своей очереди для принятия на надомное обслуживание, чел.	2378	4135	8239	9010	4414	2521	2164
Численность фактически работающих социальных работников, чел.	4110	4320	4530	3750	3750	3982	4520
Учреждение социальной помощи для лиц без определенного места жительства, ед.	1	1	1	1	1	1	2
В том числе:							
социальные приюты, ед.	1	1	1	1	1	1	1
Число мест в социальном приюте, ед.	30	30	31	30	30	45	30
Общая численность обслуженных учреждениями социальной помощи для лиц без определенного места жительства, чел.	101	224	206	372	304	308	389
В том числе:							
социальными приютами, чел.	101	224	206	372	304	308	92
Центр социальной помощи семье и детям, ед.	-	11	13	19	20	22	21
Численность обслуженных лиц за год, чел.:	-	-	-	82615	98113	103704	117823
В том числе:							
несовершеннолетних, чел.	-	-	-	38673	40567	44511	15846
Численность обслуженных за год семей, ед.:	-	-	-	20785	28794	35230	42775
В том числе:							
семей с детьми-инвалидами, ед.	-	-	-	3775	4379	4848	7186
Центр психолого-педагогической помощи населению, ед.	-	1	1	1	1	3	3
Численность обслуженных лиц за год, чел.:	-	-	-	4200	9333	10876	12181
В том числе:							
несовершеннолетних, чел.	-	-	-	1700	4765	5740	7195
Численность обслуженных за год семей, ед.:	-	-	-	500	2727	2945	3041
В том числе:							
семей с детьми-инвалидами, ед.	-	-	-	130	230	540	304
Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних, ед.	-	4	6	6	7	7	8
Численность обслуженных лиц за год, чел.:	-	-	-	804	955	865	1354
В том числе:							
несовершеннолетних, чел.	-	-	-	804	794	865	948
Численность обслуженных за год семей, ед.:	-	-	-	34	587	-	370
В том числе:							

Показатели	Годы						
	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000
семей с детьми-инвалидами, ед.	-	-	-	-	39	-	15
Социальный приют для детей и подростков, ед.	-	2	1	1	1	1	1
Численность обслуженных лиц за год, чел.:	-	-	-	171	193	141	400
В том числе:							
несовершеннолетних, чел.				171	193	141	120
Численность обслуженных за год семей, ед.:	-	-	-	45	56	-	280
В том числе:							
семей с детьми-инвалидами, ед.	-	-	-	5	3	-	13
Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями, ед.	-	9	13	13	14	14	13
Численность обслуженных лиц за год, чел.:	-	-	-	12910	10498	11396	8828
В том числе:							
несовершеннолетних, чел.	-	-	-	9049	8702	9633	7157
Численность обслуженных за год семей, ед.:	-	-	-	1809	-	-	5795
В том числе:							
семей с детьми-инвалидами, ед.	-	-	-	1809	-	-	4793

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период, в рамках реализации федеральной целевой программы «Дети России» продолжалось ресурсное обеспечение учреждений социального обслуживания населения автотранспортом, оборудованием, инвентарем. Так, за счет средств федерального бюджета было получено оборудование и инвентарь на сумму около 1,5 млн. рублей, в том числе в рамках реализации подпрограммы «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» специализированными учреждениями для несовершеннолетних получены комплекты оборудования для мини-прачечной, тренажеры [4. – С. 2].

В рамках реализации мероприятий подпрограммы «Дети-инвалиды» из средств республиканского бюджета Республики Дагестан было выделено 71,4 млн. руб. на содержание реабилитационных центров для детей и подростков с ограниченными возможностями, приобретение оборудования и инвентаря, осуществление капитального ремонта. Это позволило значительно улучшить условия проживания детей и подростков, внедрить новые реабилитационные технологии, увеличить численность обслуженных детей с ограниченными возможностями [Там же. – С. 2].

Повышение эффективности социальных служб напрямую было связано с необходимостью улучшения подготовки и повышения квалификации специалистов по социальной работе. Доля специалистов, повысивших квалификацию или получивших профильное образование, в общем количестве работников учреждений социального обслуживания семьи и детей к концу 1999 года, составила всего 3%. Действовавшая система государственных пособий гражданам, имеющим детей, не обеспечивал поддержку семьи в связи с рождением и воспитанием детей, так как размер пособия крайне низок. Удельный вес пособия в обеспечении прожиточного минимума ребенка в 2005 г. составил 3,3%, снизившись с 1990 г. более чем в 2 раза [3. – С. 4].

Выплаты социального характера, производимые предприятиями и организациями республики своим работникам, к числу которых относились материальная помощь, единовременные пособия, оплата путевок, проезда, детских дошкольных учреждений и т.п., в целом по Республике Дагестан характеризуются тенденцией к снижению.

Все это позволяет говорить о том что, стратегически значимыми показателями системы социальной защиты населения республики в рассматриваемый период являлись:

- высокая доля населения, нуждающегося в социальной защите, проживало в труднодоступных населенных пунктах;
- снижение экономической автономности учреждений социальной защиты населения, повышение их зависимости от федерального бюджета;
- устойчивое снижение численности малообеспеченных граждан;
- определены основные категории населения, нуждающиеся в социальной помощи и поддержке;
- конкретизация основных направлений работы учреждений социальной защиты населения;
- участие в реализации федеральных целевых программ по социальной защите населения;
- развитие сети стационарных и нестационарных учреждений социального обслуживания населения.

Также необходимо отметить, что в рассматриваемый период очень остро стояла проблема дефицита кадров, имеющих профильное образование, необходимое специалистам для работы в органах социальной защиты населения.

Библиографические ссылки:

1. Справка об организации устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. //Министерства труда и социального развития Республики Дагестан. Махачкала. 2005.
2. Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан до 2020 г. /Дагестанская правда. От 27 июня 2005 г.
3. Там же.

Правовой статус малочисленных народов Дагестана: состояние и тенденции

М.М.Шахбанова

Характерное для современности усиление миграционных процессов, «смешивающих» народы, культуры, языки, сопровождается страхом «раствориться» в крупных народах, поэтому для этнических общностей возрастает значимость сохранения своей этнокультурной самобытности, традиций, обычаев, национального языка и т.д. Особенно сильно таким тенденциям подвержены малочисленные этносы, которые в силу объективных и субъективных причин не в состоянии более сохранить национально-специфическое, следовательно, вынуждены бороться за свою этническую идентичность.

Социально-экономические, политические преобразования современного российского общества сопровождались ростом этнической идентичности у народов проживающих на территории России и особенно ярко усиление этнической идентичности характерно для малочисленных дагестанских народов с требованием определить, во-первых, их этнополитический статус, во-вторых, признать их коренными малочисленными народами. Однако слабость экономического развития республики не позволяла им в полной мере реализовывать свои права и требования, которые большей частью имели этнический оттенок.

Вторая половина XX столетия характеризуется ростом процесса этнического, национального самоопределения, возрастанием фактора самоидентификации, осознанием принадлежности к определенному народу, этнической общности. Интенсификация процессов этнической идентичности объясняется реакцией отставших в развитии народов на этнокультурное разделение труда, порождающее экономическую и технологическую экспансию более развитых народов, мировой социальной конкуренцией, в результате которой усиливается внутриэтническое взаимодействие, несмотря на унификацию материальной и духовной жизни, а также повышением влияния больших социальных групп в экономике и политике и облегчением процессов их сплочения, благодаря средствам массовой коммуникации¹.

В современный период, несмотря на деятельность государства и политических деятелей, ставящих вопрос о приоритетности прав личности, этнические образования заявляют о своих коллективных правах. Следовательно, необходимо отказаться от политики унификации, строительства новых крупных «этнических общностей», объединенных вокруг новой «национальной идеи», потому что результатом может явиться ущемление статуса и интересов малых по численности народов, игнорирование их права на этническое самоопределение и сохранение национальной самобытности, ценностей и культуры. Кроме того, необходимо учитывать этническое самочувствие народов, ибо при потере социально-политических ориентаций осознание принадлежности к определенной этнической группе может отодвинуть на периферию иные ценностные ориентации.

Заметному обострению межэтнической ситуации и росту этнического фактора в республике способствовало принятие Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (1991), который негативно был воспринят насильственно переселенными в 1944 г. на территорию Чечено-Ингушетии дагестанскими народами. На фоне реабилитации проживающих в республике чеченцев-аккинцев, вопрос о материальной и духовной реабилитации своего народа неоднократно поднимается малочисленными народами, особенно дидойцами. Так, в Постановлении районного собрания Цунтинского района «О насильственном переселении дидойцев в 1944 г. на земли репрессированных чеченцев, а в 1957 г. обратно» (10 марта 2005) отмечается, что «в результате двойного насильственного переселения жителей нашего района в 1944 – 1957 гг. до сих пор нерешенными остались многие проблемы, вызванные бездушной национальной политикой прошлого и продолжающиеся по настоящее время, нанесен огромный моральный и материальный ущерб коренному малочисленному дидойскому народу, его генофонду. Вот так государство нарушило фундаментальные права человека и гражданина, попрало человеческие ценности и достоинство граждан и жителей исторически сложившихся вольных дидойских обществ. У нас есть достаточные основания утверждать, что дидойцы пострадали не меньше чеченцев и что они живут по сей день в гораздо худших условиях по сравнению с теми, на кого распространяются льготы, предусмотренные Законом РСФСР «О реабилитации репрессированных народов»². Поэтому цезы в своих обращениях заявляют о необходимости принятия Закона РФ «О насильственно переселенных народах на территории Российской Федерации» и предлагают при обсуждении законопроекта «О горных территориях Республики Дагестан» уделить внимание «восстановлению исторической справедливости, исправить ошибки, допущенные властями страны в 40-е – 50-е гг. прошлого века в отношении горских жителей Дагестана, возмещению морального и материального вреда, выплаты компенсаций»³. К проекту Закона РФ ««О насильственно переселенных народах на территории Российской Федерации» по Республике Дагестан» было составлено «Финансово-экономическое обоснование компенсационных затрат за несохранившиеся домостроения» (2000), которое, к сожалению, не нашло своего практического воплощения в жизнь и, как следствие, отрицательно отражается на этническом самочувствии принудительно переселенных народов республики и деформирует их этническую идентичность.

Несмотря на заявления и обращения представителей насильственно переселенных малочисленных дагестанских народов в самые различные структуры власти, меры по их реабилитации, к сожалению, не

¹ Воронина Н.И. Идентичность и толерантность в многокультурности российской культуры // Толерантность в культуре и процесс глобализации. М., 2010. С. 393.

² Открытое письмо «Восстановите историческую справедливость» // Новое дело. 12 ноября 2010 года. № 45. С. 25.

³ Там же.

были приняты. Например, нерешенность этнических проблем дагестанских малочисленных народов вынудила одного из активистов дидойского народа выступить в парламенте Грузии (2010) с заявлением: «Дидойцы хотят стать гражданами Грузии». Заявление, приобретшее международный характер, было поддержано на общественном собрании дидойцев (4 января 2011) с уточнением, что только такими методами можно было обратить внимание на этнические проблемы цезов. Ущемляющими права цезов, этнолидеры дидойцев, считают не включенность их в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, участие в выборах главы Цунтинского района представителей Бежтинского участка, который не подчиняется главе района, непредставленность дидойцев в структурах республиканской власти, впрочем, как и на местном уровне («Цунтинский район подвергается засилью начальников из недидойской национальности»), непризнание дидойцев репрессированным народом, невозможность учредить дидойскую республиканскую газету. В отличие от других малочисленных дагестанских народов, которые так ярко не обозначают свои этнические проблемы, цезы подчеркивают: «У нас, у дидойцев, великая история и самобытная культура! У нас совершенно другой язык и соответствующие нормальному этносу социальные и культурные запросы»¹.

Стремлением дидойцев обратить внимание на свои этнические проблемы является митинг (17 мая 2011) с лозунгами: «Почему на основе архивных материалов 1944 – 1957 гг. до сих пор не придали дидойцам статус репрессированного народа Дагестана? В 1957 г. дидойцев лишили родного языка. Исправьте ошибку прошлых лет и верните дидойцам письменность, историю и культуру. 14 января 1957 г. против воли дидойцев в систему образования ввели аварский язык как родной... и только в 2002 г. мы отделились и обозначили себя дидойцами»².

Нераспространение на свою этническую общность положений федерального Закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», андо-цезские народы рассматривают как ущемление своего этнического положения и статуса, поэтому трансформация их этнической идентичности проявляется через требование определить их особый статус как коренных малочисленных народов с апелляцией к вышесказанному закону. В этой связи представляется необходимым рассмотреть особенности применения положений вышесказанного закона к малочисленным дагестанским народам.

Российская Федерация – полиэтническое государство, в котором проживает свыше 140 народов, в том числе 65 малочисленных, из них 30 коренных малочисленных народов Севера, в той или иной степени сохраняющих свой традиционный хозяйственный и культурный уклад жизни³. Основными международными документами в области прав человека и национальных меньшинств являются Декларация ООН «О правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» (1992), Рамочная Конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств (1995). Среди принятых актов для России значимы Рекомендация Комитета министров Совета Европы «О преподавании языков сопредельных государств в приграничных регионах» (2005) и «Модельный закон о языках» (2004) – документ Содружества независимых государств (СНГ), имеющий отношение к защите прав национальных меньшинств. Однако следует признать, что в самой России нормативно-правовые акты, направленные на защиту прав этноменьшинств, в настоящее время немногочисленны. К ним можно отнести Конституцию, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950), Протокол № 1 (1952), Протокол № 4 (1963), Протокол № 7 (1984), федеральные законы «О библиотечном деле» (1994), «О национально-культурной автономии» (1996), «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999), Указ Президента РФ «Об утверждении стратегического курса Российской Федерации с государствами-участниками Содружества Независимых Государств» (2005).

Россия подписала и ратифицировала международные документы, имеющие отношение к защите национальных меньшинств: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (1948), Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него (1973), Конвенция о правах ребенка (1989), Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств (1995), Всеобщая Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001). В то же время в России практически не учитываются рекомендации, разработанные экспертами ОБСЕ в рамках деятельности комиссара по правам этноменьшинств, к числу которых относятся Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств на образование (1996), Ословские рекомендации по языковым правам национальных меньшинств (1998), Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни (1999). В этой связи совершенно правомерно утверждение, что «основная тенденция современной политики России в области этнокультурного развития и защиты языкового разнообразия состоит в повышении роли просветительской и образовательной работы, и в этом направлении все более активна деятельность структур гражданского общества»⁴.

В Законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» отмечается, что коренными малочисленными народами России являются народы, «проживающие на территориях

¹ Султанов-Барсов М. Сердечный факел... // Настоящее время. 2011. 18 февраля. № 6 (174). С. 1 – 2.

² Дидойский протест // Республика. 2011. 20 мая. С. 5.

³ См.: Соколова З.П. Перспективы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера (концепция развития) // Расы и народы. Выпуск 28. М., 2002.

⁴ Степанов В.В. Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 103 – 104.

традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельными этническими общностями». В настоящее время важным является определение правового статуса малочисленных дагестанских народов, по каким критериям их относят к категории «коренные малочисленные народы». В отличие от России, проблема коренных малочисленных народов широко разрабатывается в зарубежных государствах. Так в большинстве рабочих определений, используемых международными организациями (МОТ, рабочая группа по коренному населению Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по правам человека Экономического и Социального Совета ООН, Всемирный Банк и т.д.), выделяются критерии отнесения конкретных групп к категории «коренных»: 1) самоидентификация, 2) недоминирующее положение, 3) преемственность с прежним населением страны, 4) связи с территориями предков, 5) особый образ жизни и экономический уклад, связанный с хозяйством присваивающего типа¹.

В 2001 – 2005 гг. операционная политика Всемирного Банка в отношении коренных народов еще раз подверглась пересмотру и уточнению. Новая политика была отражена в Операционной директиве Банка 4.10 (2005). В соответствии с уточненной дефиницией терминами «коренной народ», «коренные национальные меньшинства», «группы племен» и «официально зарегистрированные племена» определяются социальные группы, обладающие социальными и культурными особенностями, отличающими от доминирующих групп общества, что подвергает их риску оказаться в неблагоприятном положении в процессе развития. Социально-экономический статус многих подобных групп ограничивает их возможности в отношении защиты своих интересов и прав на землю и другие производственные ресурсы или участия в процессе развития и получения выгод от него»².

Таблица 1

Сравнение критериев, используемых в определениях коренных народов в международном праве и российском законодательстве³.

Критерии // Источник определения	Самоидентификация	Особый образ жизни, экономический уклад	Отличия от других групп, этнокультурная самобытность	Связь с территорией предков	Уязвимость, депривированность, недоминирование
Конвенция МОТ № 107 (1957)	–	√	√	√	√
Конвенция МОТ № 169 (1989)	√	√	√	√	–
ООН (определение Мартинеса Кобо)	√	–	√	√	√
Операционное заявление Всемирного Банка 1982 г. (OMS)	–	√	√	√	–
Операционная директива Всемирного Банка 1991 г. (OD)	√	√	√	√	√
Операционная директива Всемирного Банка 2005 г. (OD)	√	√	√	√	√
Российское законодательство	√	√	√	√	√

Проблеме самоуправления и самоопределения малочисленных коренных народов посвящено множество работ, внушительен объем специальных публикаций, освещающих исторический и современный опыт решения этих проблем в России, потому что «проблемы самоопределения и самоуправления относятся к числу наиболее острых и – если говорить о ситуации с правами коренных народов в целом – до сих пор не нашедших удовлетворительного решения проблем современного конституционного и международного права. Из всех требований коренных народов к правительствам государств и международным организациям, пожалуй, лишь попытки реализации права на землю встречают столь же упорное сопротивление властей. Причины такого положения – не только незаинтересованность правительств, политических и экономических элит в удовлетворении противоречащих их интересам требований, но и весьма устойчивые стереотипы мышления и клише, сложившиеся еще в эпоху колониализма и с тех пор мало изменившиеся»⁴. В современной научной литературе под правами национальных меньшинств понимается признание того факта, что национальные особенности дают меньшинствам особые коллективные права. Попытки разработать приемлемые определения «права коренных народов» обычно приводят к утверждению о связи этих народов с землями, где они живут и трудятся «с незапамятных времен», и непросто политическому вопросу, действительно ли они владели землей или же обладали на нее иными правами⁵.

¹ Соколовский С.В. Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 63.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 68.

⁴ Соколовский С.В. Проблемы самоопределения и самоуправления // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 17.

⁵ Соколова З.П. Перспективы социально-экономического и культурного развития... С. 97.

Признание определенных прав коренного населения на землю было официально провозглашено в 169-й Конвенции МОТ (1989), во второй части которой речь идет о земельном праве коренных малочисленных народов, причем особое внимание уделяется коренному населению, живущему за пределами традиционных территорий.

В 1924 г. при правительстве России в целях законодательной и экономической защиты интересов народов Севера был создан Комитет содействия народам северных окраин. Помощь государства этим народам предполагалась продолжать до тех пор, пока каждая из малых народностей Севера «не дорастет до самостоятельности в виде самоуправляющейся хозяйственной и политической единицы». В 1925 г. был законодательно закреплён список «малых народов Севера», который впоследствии послужил основой для создания известной в советском законодательстве новейшего времени группы из 26 народов. Эти народы объединялись в одну группу на основании следующих критериев: 1) относительно малая численность, 2) ведение традиционных отраслей хозяйства, 3) образ жизни, 4) низкий уровень социально-экономического развития. Кроме того, данные народы характеризовались известным своеобразием системы ценностей, ведущим к неприятию привносимого и навязываемого образа жизни, и относительной изоляцией от административных и экономических центров¹.

Риторика ««вымирания» малочисленных сообществ, фокусирующая внимание на численности группы, диктовала государству принятие комплекса мер по защите малочисленных групп и создавала «естественную шкалу» для разделения всех автохтонных групп на «находящихся под угрозой вымирания» и «благополучных». Своеобразным пережитком этой логики в современном российском законодательстве является принятие 50-тысячного порога численности в ст. 1 Закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999), воспроизведенного также в ст. 1 Закона «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока Российской Федерации» (2000) и в ст. 1 Закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока Российской Федерации» (2001). Введение этого критерия на исходе XX столетия объясняется необходимостью разведения и различения понятий «коренной народ» и крупных групп автохтонного населения, хорошо интегрированных в политическую и экономическую системы страны»².

Если обратиться к историческим фактам, то процесс принятия Закона РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» был довольно сложным. В 1995 г. Государственная Дума разработала Закон «Основы правового статуса коренных малочисленных народов России», который дважды не был принят с мотивацией о несоответствии ряда положений закона нормам Конституции. 22 мая 1996 г. Государственная Дума принимает его в третьем чтении, а 5 июня того же года он был отклонен в Совете Федерации России. И только 16 апреля 1999 г. Государственная Дума приняла Закон с формулировкой «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», который был одобрен Советом Федерации и подписан президентом России (30 апреля 1999).

Принятие вышеназванного закона активизировало деятельность этнолидеров малочисленных дагестанских народов, в том числе и андо-цезских. Правительство РФ приняло Постановление «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (2000) и предложило правительству Дагестана подготовить и представить в Госсовет республики предложения о проживающих на территории Дагестана коренных малочисленных народах для последующего включения их в Единый перечень. 18 октября 2000 г. на заседании Госсовета РД рассматривались особенности применения Закона РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». С информацией выступил министр по национальной политике, информации и внешним связям М.М. Гусаев. Суть проблемы в том, что изначально данный закон готовился для малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, которым в силу ряда факторов грозило физическое исчезновение. При обсуждении проекта закона депутаты Госдумы РФ трансформировали его и расширили, гарантировав права малочисленных народов, проживающих в исконных местах обитания по всей стране. В связи с этим под действие закона попадают дагестанские народы. Но тут обоснованно возникает вопрос: «Какие народы Дагестана должны быть признаны малочисленными?». В законе записано, что таковыми могут считаться те народы, численность которых не превышает 50 тыс. чел. Вместе с этим, учитывая этническую уникальность Дагестана, по настоянию руководства республики в него включен пункт, который дает право Госсовету Дагестана самому определять, какие народы республики признать малочисленными.

При решении данного вопроса были предложены три варианта: 1) признать малочисленными народами только агулский, татский, рутульский и цахурский, численность которых соответствует критерию, установленному в федеральном законе; 2) вообще отказаться от этого статуса для народов Дагестана, чтобы не обострять межэтническую ситуацию в республике; 3) все народы Дагестана, указанные в его Конституции, признать малочисленными. Каждый из этих вариантов имеет свои преимущества. Вопрос о признании того или иного народа малочисленным коренным народом, проживающим на исконно традиционной территории обитания, далеко не праздный. Помимо некоторых преимуществ в решении социально-экономических проблем, закон предусматривает гарантии по квотированию представительства малочисленных народов в органах власти. Последнее обстоятельство очень важно для республики с учетом ее многонационального

¹ Соколовский С.В. Указ. работа. С. 20.

² Соколовский С.В. Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 60.

состава. Вместе с тем нельзя игнорировать и то, что если не все народы Дагестана будут признаны малочисленными, фактически получится, что, к примеру, лакское население, традиционно проживающее в среде рутульского народа в Рутульском районе, окажется лишенным некоторых преимуществ в социально-экономическом развитии, которыми по закону станет пользоваться малочисленный рутульский народ. Этих примеров в республике немало, и они, возможно, могут стать причиной некоторого раздора и трений между народами¹.

После дискуссий, на основании Постановления Госсовета РД (18 октября 2000 г. № 191), статусом коренных малочисленных народов наделены титульные народы республики (аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы, русские, рутульцы, таты, табасаранцы, цахуры, чеченцы-аккинцы), соответственно, народы андо-цезской и даргинской группы признаются малочисленными народами в составе аварцев и даргинцев, соответственно. Далее в республиканском Законе «О территории компактного проживания коренных малочисленных народов Республики Дагестан» (30 января 2003) записано: «Признать территорией компактного проживания коренных малочисленных народов Республики Дагестан всю территорию Республики Дагестан», и кроме как принятия данного закона в отношении малочисленных народов органами государственной власти Дагестана, к сожалению, ничего не было сделано.

Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» был неоднозначно воспринят в республике по ряду причин. Во-первых, многонациональность Дагестана и вытекающее отсюда политическое устройство установились в течение долгого периода времени и не подвергались каким-либо значительным изменениям, а принятие данного закона требует кардинальных преобразований именно в этой сфере, и какие последствия могут быть, никто не берется предсказывать. В настоящее время официально в категорию малочисленных этносов и обладающих этим правом национальностей с численностью меньше 50 тыс. чел. включены четыре этноса: агульцы, рутульцы, цахуры и таты. Однако количество самостоятельных в этнокультурном и, самое главное, в языковом отношении этносов в Дагестане, численность которых не превышает численность вышеназванных этносов, значительно больше, в частности, андо-цезская и даргинская группы (ко второй относятся два самостоятельных в языковом отношении и компактно проживающих народа – кубачинцы и кайтагцы).

Принятие закона о малочисленных народах, особенно если численность народа больше, активизирует деятельность их национальных лидеров, могущих поставить вопрос о национальном самоопределении, следовательно, неизбежен вопрос об участии в политической структуре, необходимости включения в список официально признанных народов республики (в настоящее время их 14, следовательно, придется добавить к ним еще 19). Опасение вызывает, что включение андо-цезских народов в структуру титульных этносов республики еще больше увеличит количество аварцев в политической системе Дагестана. Не меньшее опасение вызывает и то обстоятельство, что наделение народов, входящих в состав андо-цезской, даргинской и лезгинской группы, статусом малочисленных и соответствующими льготами для хозяйственного и культурного развития, неизбежно спровоцирует межэтническое обострение на территориях проживания малочисленных народов с другими дагестанскими этносами, которые могут поставить вопрос о защите их национальных интересов. Например, аварцы, проживающие в Цумадинском, Ботлихском и других районах совместно с андо-цезами, или же лакцы и лезгины в районах проживания малочисленных народов (Рутульский район) могут поднять вопрос о своей защите своих национальных интересов с мотивацией, что они проживают в таких же климатических и географических условиях, что и выделенные народы, следовательно, в неменьшей степени нуждаются в экономической и культурной поддержке и помощи. Прямая политизация показателя национальной принадлежности породили в республике две проблемные тенденции, которые имели непосредственное отношение к переписи населения 2002 г.: «появилась и крепнет ориентация среди представителей малочисленных этнических групп, входящих в состав наиболее крупных дагестанских национальностей, выделиться из их состава и приобрести самостоятельный этнический статус. Смысл этой ориентации совершенно ясен: приобретение статуса отдельной национальности открывает для неформальных лидеров этих малочисленных этносов включение в «список дагестанских национальностей», что обеспечивает гарантированный в определенных пределах допуск к важным политическим должностям. Наиболее эффективным способом, которым можно этого добиться, служит включение отдельной графой накануне Всероссийской переписи 2002 г. своей этнической группы в «список народов России», что ведет к превращению этой группы в «самостоятельную национальность»².

В настоящее время, по сути, у всех юридически «непризнанных» этносов Дагестана есть инициаторы движения за признание самостоятельного этнического статуса. В период переписи населения 2002 г. развернулась деятельность национальной интеллигенции, направленная на фиксацию своей реальной этнической принадлежности: в газете «Дидойские вести» распространялись призывы указывать в качестве национальности не «аварцы», а «дидойцы» или «цезы», а в качестве родного языка – «дидойский». В ней же было опубликовано письмо С.А. Арутюнова, посвященное этническому статусу дидойцев. Аналогичную картину можно было наблюдать в Цумадинском и Ботлихском районах, где проживают малочисленные народы республики. В переписи 2010 г. картина кардинально изменилась: самоидентифицировались ботлихцы, которых не было в Всероссийской переписи 2002 г. Таким образом, проблема правового статуса малочисленных дагестанских народов, к сожалению, не нашла своего разрешения, а наделение их таким

¹ Магомедов А. У народов Дагестана одна судьба // Дагестанская правда. 2000. 19 октября. С. 1.

² URL: http://eawarn.ru/pub/EthnoCensus/WebHomePutPerepis/put_perepis05.htm (Дата обращения: 11.11.2012).

статусом позволило бы решить их социально-экономические, культурные, этнические проблемы, следовательно стабилизировать межнациональную сферу.

СЕКЦИЯ

IV Международной научно-практической конференции «Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»

11 декабря 2017 года

Руководитель: Магомедов М.Б.

Секретарь: Гасанбекова Д.Г.

Общее понятие о правовом положении иностранных физических лиц в Российской Федерации

С.Р. кызы Абдулаева

В научной литературе под конституционно-правовым статусом иностранцев, как правило, понимается конституционно-правовой институт, совокупность норм которого регламентирует правовое положение иностранных граждан на территории конкретного государства и составной частью которого являются основные права, свободы и обязанности данных лиц.

Правовое положение всех иностранцев, находящихся на территории страны неодинаково. Не вызывает сомнений существование различий в правовом статусе таких категорий, как иностранцы, обладающие привилегиями и иммунитетом, иностранцы не обладающие таковыми («обычные» иностранцы), беженцы и иностранцы, которым предоставлено политическое убежище¹, а также лица без гражданства. Но справедливо ли говорить о том, что отличия имеются и в конституционном статусе данных лиц? Представляется, что ответить на этот вопрос можно путем изучения особенностей каждого из элементов конституционного статуса той или иной группы иностранцев.

Прежде всего, необходимо отметить, что в целях Федерального закона понятие «иностранец» включает в себя понятие «лицо без гражданства», за исключением случаев, когда федеральным законом для лиц без гражданства устанавливаются специальные правила, отличающиеся от правил, установленных для иностранных граждан.

Затем следует определить те элементы, которые составляют содержание института конституционно-правовой статус иностранного гражданина. Так как данный институт является составной частью более общего института конституционно-правового статуса личности и формируется на его основе², то содержание первого следует раскрывать с помощью установления содержания второго.

В доктрине конституционного права однозначное решение вопроса о составляющих правового статуса личности отсутствует. Как правило, все исследователи данной темы относят к элементам названного института основные права, свободы и обязанности. Отличия в выделении компонентов статуса личности проявляются в том, что одни исследователи добавляют к приведенным иные элементы (например, гарантии статуса личности; интересы, охраняемые законом; ответственность), в то время как другие ограничиваются основными правами, свободами и обязанностями.

Мы склонны разделять позицию, согласно которой в качестве элементов конституционно-правового статуса личности рассматриваются следующие: гражданство; правосубъектность; принципы правового статуса; конституционные (основные) права и свободы человека и гражданина, а также конституционные обязанности; гарантии статуса личности³.

Что является критерием отнесения того или иного компонента в число составляющих статуса личности, а следовательно, и статуса иностранного гражданина?

Представляется, что рассматриваемый институт можно охарактеризовать как целостную систему, определяемую в литературе как «единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей»⁴. То есть закономерность расположения и взаимосвязь являются общими критериями включения компонента в ту или иную систему. Применительно к институту правового статуса личности, в том числе иностранца, также можно выделить специальный критерий отнесения какого-либо элемента в число составляющих непосредственно данного института.

Как справедливо отмечает Л.Д.Воеводин, «таким критерием является закрепленное правом место индивида в обществе и государстве, т.е. в производстве, в управлении государственными делами и сфере духовной жизни. Все институты, непосредственно раскрывающие место индивида в обществе и государстве, можно смело включить в основы правового статуса личности»⁵. Таким образом, для того, чтобы объяснить необходимость включения в содержание статуса иностранца всех вышеперечисленных элементов, следует показать их взаимосвязи и невозможность существования друг без друга, а также выявить те признаки

¹ Классификация иностранцев по их статусу на названные группы является распространенной в науке конституционного права.

² Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: Учебное пособие. – М.: Издательство МГУ, Издательская группа ИНФРА. М – НОРМА, 1997. – С.15.

³ См.: например: Воеводин Л.Д. Указ. соч. – С.31-36; Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. – 2 – е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2000. – С.154; Герасименко Ю.В. Иностранцы: понятие и содержание в науке конституционного статуса: Лекция. – Омск: Юридический институт МВД России. – 1996. – С.11.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1991. – С.717.

⁵ Воеводин Л.Д. Указ. соч. – С.32.

данных элементов, которые позволяют раскрыть положение иностранного гражданина в обществе и государстве.

Обратимся к первому из названных элементов, к гражданству.

Гражданство «выражается в наличии устойчивой политико-правовой связи между конкретной личностью и государством. Эта связь означает юридическую принадлежность лица конкретному государству, приобретение личностью специфических черт гражданина государства, наличие круга взаимных прав и обязанностей граждан и государства, а также защиту гражданина государством внутри страны и за ее пределами»¹.

Как и гражданство «иностранство» обладает рядом специфических черт, среди которых можно назвать: срочность, ограниченность территорией страны государства и непостоянство.

Свойство срочности характеризуется тем, что связь иностранца и государства пребывания имеет временные рамки. Как правило, данная связь ограничивается сроком нахождения иностранца на территории государства. Причем решение вопроса о сроке пребывания (проживания) на территории государства зависит не только от самого иностранца, но и от соответствующего государства, которое может законодательно установить временные ограничения для пребывания (проживания) иностранца на территории такого государства. Так, например, согласно ч.1 ст.5 Федерального закона РФ от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»² временно пребывающий в РФ иностранец, прибывший в нашу страну по выданной ему визе, может находиться в пределах государственных границ России в течение срока действия такой визы, по истечении которого иностранец будет обязан покинуть государство. Срок, на который может быть выдана виза, детально регулируется Федеральным законом РФ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»³. То есть государство само ограничивает срок нахождения на своей территории лица, не являющегося его гражданином.

Следующим свойством правовой связи между иностранцем и государством пребывания является ограниченность данной связи территорией страны. Как правило, правоотношение между рассматриваемыми субъектами начинается с обращением иностранца к государству за разрешением на въезд в соответствующее государство, при осуществлении которого он будет подпадать под юрисдикцию такого государства и будет обязан соблюдать его законы. В случае выезда иностранца с территории государства правовая связь между ним и таким государством, как правило, прекращается, то есть иностранный гражданин и государство уже не будут обладать взаимными правами и обязанностями.

И, наконец, главное отличие иностранного гражданина от гражданина РФ заключается в таком качестве первого, как непостоянство. Безусловно, наличие временных и пространственных ограничений данной связи влияет на ее неизменность. Поэтому свойство непостоянства изучаемой правовой связи является следствием двух названных выше свойств и обладает признаками последних, представляя собой обобщенное качество правовой связи, могущей возникнуть между иностранцем и государством, в гражданстве которого он не состоит.

Ограничение срока нахождения иностранца на территории государства зависит непосредственно от государства и это характерно для регулирования статуса иностранцев, являющихся представителями «обычной» группы. Что касается категории иностранцев, наделенных определенными иммунитетами и привилегиями, то на свойство срочности их правовой связи с государством, гражданами которого они не являются, может оказывать воздействие государство их гражданства.

Например, сотрудники дипломатических представительств и консульских учреждений назначаются на соответствующую должность государством своего гражданства. Так, согласно п.12 Положения о консульском учреждении РФ, утвержденного Указом Президента РФ от 5 ноября 1998 года⁴, назначение в штат консульского учреждения, а также перемещение и замена сотрудников осуществляются в порядке, установленном МИДом России. То есть перевод данных лиц на с одной должности на другую и их освобождение от должности осуществляются уполномоченными на то органами власти государства их гражданства. Следовательно, правовая связь таких лиц с государством пребывания (проживания) может прекратиться в силу волеизъявления третьей стороны – государства, гражданством которого обладает иностранец.

Свойство срочности по-разному отражается и в статусе «обычной» категории иностранцев, так как срок нахождения данных лиц на территории государства, гражданами которого они не являются, различается в зависимости от ряда факторов и обстоятельств. Так, в РФ постоянно проживающий иностранец имеет право находиться на территории нашего государства в течение срока действия выданного ему вида на жительство, а, например, временно проживающий – в течение срока действия разрешения на временное проживание. В первом случае такой срок составит пять лет, а во втором – три года (ст. 6 и ст.8 ФЗ)⁵.

¹ Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Изд. 2-е перераб. и доп. Отв. Ред. проф. М.Н. Марченко. Том 1. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. – С.418.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №30. Ст. 3032.

³ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон РФ от 15 августа 1996 г. №114-ФЗ// СЗ РФ. 1996. №34. Ст. 4029. с изм. и доп. от 10 января 2007 г. № 4-ФЗ.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №45. Ст. 5509.

⁵ Яковлева Е.В. К вопросу о содержании конституционно-правового статуса иностранных граждан // Конституционное и муниципальное право. 2007. №19. – С.24.

В большей степени различия в сроке нахождения на территории государства в зависимости от цели приезда характерны для статуса временно пребывающих иностранных граждан. Например, ФЗ «О порядке въезда ...» устанавливает различные виды и подвиды виз в зависимости от тех целей, которые преследует иностранец, въезжая в государство. Так, ст.25.6 данного Закона среди обыкновенных виз выделяет частные (до трех месяцев), деловые (до одного года), туристические (до одного месяца), учебные (до одного года), рабочие (на срок действия трудового договора, но не более чем на один год), гуманитарные (до одного года). Представляется, что различия в сроке нахождения на территории государства временно пребывающих лиц существенно на конституционном статусе таких лиц не сказываются, поскольку временно пребывающий будет присутствовать в государстве, такое лицо все равно наделяется всем комплексом прав, свобод и обязанностей, который установлен в данном государстве для иностранцев, обладающих статусом временно пребывающих. Изучение срока пребывания иностранца необходимо для четкого представления того периода, в который устанавливается и существует правовая связь между иностранцем и соответствующим государством, а, следовательно, иностранец может наделяться определенными правами, свободами и обязанностями и реализовывать их.

Говоря об иностранцах, следует помнить, что на данный вид связи может влиять наличие или отсутствие у лица гражданства какого-либо государства¹. Характерной чертой конституционно-правового статуса иностранца – гражданина иного государства является его нахождение в «двойном подчинении». В таком случае «иностранство», как вид связи между иностранным гражданином и государством, приобретает особую окраску, так как существование между таким лицом и иным государством правовой связи в виде гражданства сказывается на всех элементах конституционно-правового статуса иностранных граждан и позволяет их классифицировать на различные группы:

- иностранцы, конституционный статус которых характеризуется наличием правовой связи таких лиц не только с государством пребывания (проживания), но и с государством своего гражданства;

- иностранцы, статус которых определяется исключительно существованием правовой связи такого лица с государством, гражданином которого он не является.

В последнем случае имеются в виду не только лица без гражданства, а и иностранцы, принадлежащие к категории беженцев и лиц, ходатайствующих о предоставлении им политического убежища.

Набор принципов статуса иностранца некоторым образом отличается от набора принципов статуса личности, что является следствием возникновения между иностранцем и государством пребывания особой правовой связи и отражает особенности правового положения в государстве рассматриваемых нами лиц по сравнению с собственными гражданами государства.

Наконец, к элементам, составляющим содержание рассматриваемых институтов, относятся гарантии статуса личности. Именно гарантии делают возможным существование всех иных элементов статуса, так как обеспечивают их реализацию, закрепляют механизм осуществления прав, свобод и обязанностей, порядок охраны и защиты прав и свобод. Без гарантий элементы статуса в виде прав, свобод и обязанностей превратились бы в фикцию, а следовательно потеряли бы смысл и элементы, представляющие собой предпосылки для установления прав, свобод и обязанностей: правовая связь между иностранцем и государством, принципы статуса и правосубъектность. Как справедливо отмечал Л.Д.Воеводин, «именно система гарантий всех элементов правового статуса и в особенности прав и свобод показывает, насколько они реальны, составляют ли они достояние всех людей».

Анализ гарантий² статуса иностранцев, закрепленный в законодательстве государства Российского позволяет судить о том, какое значение придает наше государство правам и свободам данных лиц, их обязанностям и какие меры оно намерено предпринять для обеспечения их реализации. То есть исследование гарантий также позволяет понять и определить место иностранного гражданина и лица без гражданства в государстве.

Иностранцами гражданами считаются лица, находящиеся на территории РФ, не принадлежащие к ее гражданам и обладающие документами, доказывающими наличие них гражданства (подданства) иностранного государства³.

Другой категорией лиц, находящихся в РФ и не обладающих ее гражданством, могут быть лица без гражданства. Они не являются гражданами РФ и не имеют доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Именно такое определение этих категорий лиц дает Федеральный закон⁴.

Во многих отношениях правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства имеет общую конституционно-правовую основу. Конституция РФ (ч.3 ст.62) гласит: «Иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в РФ правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ». В своей работе мы называем эти

¹ Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право России. – М.: Юрист, 2007. – С.346.

² Статья 16 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» говорит, что одновременно с ходатайством о выдаче приглашения приглашающей стороной представляются гарантии материального, медицинского и жилищного обеспечения иностранного гражданина на период его пребывания в Российской Федерации. Порядок представления указанных гарантий устанавливается Правительством Российской Федерации.

³ Мархгейм М.В., Смоленский М.Б., Яценко И.С. Конституционное право Российской Федерации: Учебник.- СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2006. – С. 233.

⁴ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 №115-ФЗ// СЗ РФ. №30. Ст.3032. с изм. и доп.

две категории лиц общим названием «иностранцы». В Федеральном законе 2002 г. об иностранных гражданах в ч.2.ст.2 говорится: «В целях настоящего Федерального закона понятие «иностранец» включает в себя понятие «лицо без гражданства», за исключением случаев, когда федеральным законом для лиц без гражданства устанавливаются специальные правила, отличающиеся от правил, установленных для иностранных граждан».

Наличие у гражданина РФ гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод (не снижает их значение, не ограничивает их объем, не снижает уровень защиты и т.п.) и одновременно не освобождает от выполнения установленных обязанностей. Наличие двойного гражданства не означает и расширения прав и свобод человека. Иными словами, лицо, состоящее в гражданстве РФ и другого государства, не может одновременно осуществлять права и обязанности, вытекающие из гражданства двух государств.

Иное, как указывает ч. 2 ст. 62 Конституции РФ, может быть предусмотрено федеральным законом или международным договором РФ. Однако, как уже отмечалось выше относительно приобретения гражданства иностранного государства, решающим в этом являются не положения федерального закона, а положения международного договора РФ. То же самое следует сказать и о статусе (правах, свободах и обязанностях) лица, обладающего двойным гражданством. Иными словами, заключение международных договоров с иностранными государствами, о которых говорится в статье 62 Конституции РФ, может служить эффективным средством устранения негативных последствий обладания двойным гражданством. В ином случае всякое государство сохраняет за собой право требовать от лица, имеющего его гражданство, следовать национальному законодательству (выполнение обязанностей, несение ответственности, использование прав и свобод, средств их защиты) в полном объеме, без каких-либо исключений.

Часть 3 ст. 62 Конституции РФ закрепляет основы правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ. Иностранцами гражданами считаются лица, обладающие гражданством иностранного государства и не имеющие гражданства РФ. К лицам без гражданства относятся лица, не принадлежащие к гражданству РФ и не имеющие доказательств принадлежности к гражданству другого государства. В рассматриваемом конституционном положении фактически сформулирован принцип максимального уравнивания прав и обязанностей иностранных граждан и лиц без гражданства с правами и обязанностями гражданами РФ (национальный режим): иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в РФ правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ. Исключения из общего принципа могут быть, но это имеет, скорее, характер случаев, строго определенных федеральным законом или международным договором РФ.

Объем прав, свобод и обязанностей иностранных граждан и лиц без гражданства может определяться в специальных законах. Различие в объеме правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства зависит и от такого фактора, как их постоянное проживание или временное пребывание в РФ.

Исключения из объема правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства касаются ряда политических прав (избирательных прав, участия в референдумах и др.), несения воинской службы.

Предоставление иностранным гражданам и лицам без гражданства национального режима не связано жестко с требованием взаимности. Однако это не умаляет права РФ вводить соответствующие ограничения для граждан тех государств, которые устанавливают ограничения только для российских граждан, т.е. носят для них явно дискриминационный характер (реторсии).

Правовое положение специальных групп иностранных граждан (дипломаты, консулы, члены экипажей иностранных военных кораблей и самолетов, торговых судов и др.) регулируется нормами законодательства РФ с учетом обязательств по международным договорам.

Дискуссионным является вопрос о разграничении предметов ведения РФ и субъектов РФ по вопросам регулирования и защиты прав и обязанностей иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих или временно пребывающих на территориях субъектов РФ. По действующей Конституции РФ права и обязанности российских граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства одинаковы, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором РФ. Естественно, такая формулировка исключает участие субъектов РФ в регулировании прав, свобод и обязанностей иностранных граждан, лиц без гражданства в РФ¹.

РФ в соответствии с общепризнанными нормами международного права предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства, т.е. возможность укрыться от преследований по политическим мотивам (за политические убеждения, общественную, религиозную деятельность и т.п.) со стороны своего государства или государства местожительства, что соответствует положению ст. 14 Всеобщей декларации прав человека, провозглашающему право каждого человека искать убежища от преследования в других странах, и принятой ООН Декларации о территориальном убежище 1967 г.

На просьбу лица предоставить ему политическое убежище может последовать и отказ, что определяется суверенитетом и волей РФ, т.е. последнее, как и любое другое, лом в каждом случае поступает по своему усмотрению. И такое право государства (предоставление или непредоставление политического убежища) должно уважаться другими государствами. При предоставлении политического убежища главным

¹ Конституция Российской Федерации / Отв. ред. Л.А.Окуньков. – М.: БЕК, лом 1994. – С.237.

для государства является решение вопроса, действительно ли лицо преследуется по политическим мотивам¹.

При предоставлении лицу (иностранному гражданину или лицу без гражданства) политического убежища РФ может установить специальные права и гарантии для этой категории лиц.

Основания предоставления РФ политического убежища, отказа в таком предоставлении, утраты и лишения предоставленного лицу политического убежища, а также правовые последствия предоставления РФ лицу политического убежища, порядок предоставления и рассмотрения ходатайств о предоставлении РФ политического убежища определены Положением о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 1997 г.²

Технологии строительства наклонных и горизонтальных стволов, представленные на отечественном рынке

Ш.Ш.Абдуллаев

К.Э.Мирзоева

Технические средства и теоретические основы технологии бурения многозабойных скважин были разработаны инженерами и учеными ВНИИБТ в середине прошлого века. В 1950-х годах на нефтяных месторождениях СССР под руководством заведующего лабораторией ВНИИБТ А.М.Григоряна было пробурено свыше 30 многозабойных скважин. На Карташевском месторождении в 1953 г. была построена скважина № 66/45 с 10 наклонными и горизонтальными ответвлениями от основного ствола. При вертикальной глубине скважины 600 м общая длина ее ствола составила 1993 м, из которых 1760 м пройдено непосредственно в продуктивном пласте.

Скважина № 66/45 после освоения эксплуатировалась с дебитом, равным дебиту нескольких десятков соседних вертикальных скважин [1]. Однако, не смотря на выдающиеся результаты, технология многозабойного бурения не была востребована нефтегазодобывающими предприятиями, так как в этот период началось широкомасштабное освоение месторождений Западной Сибири. Поэтому в практике строительства скважин технология забурирования ответвлений применялась только в аварийных случаях, при этом проводку второго ствола производили неориентировано, часто параллельно основному стволу.

В условиях падения нефтедобычи в начале 90-х годов для стабилизации положения в отрасли необходимы были новые нестандартные решения. Одним из таких решений стала технология строительства горизонтальных боковых стволов (БС) из бездействующих и малodeбитных скважин, фонд которых только в Западной Сибири на тот момент времени превышал 40 тысяч скважин.

ВНИИБТ в рамках государственных межотраслевых научно-технических программ:

- «Комплексная программа создания принципиально новых систем разработки месторождений нефти с помощью горизонтальных и разветвлено-горизонтальных скважин (ГС и РГС) и их широко-масштабное внедрение» (Программа «Горизонт»);

- «Важнейшие народно-хозяйственные программы и проекты», Министерство науки и технической политики РФ, гос. заказ-код 802, «Технология и техника строительства горизонтального ствола по малому радиусу искривления из эксплуатационных колонн бездействующих нефтяных и газовых скважин» (1994-1996);

- было поручено создание отечественных технологий и технических средств строительства боковых горизонтальных стволов и ответвлений.

Разработка технологии бурения направленных БС из скважин с эксплуатационными колоннами диаметром 140 мм, 146 мм и 168 мм осуществлялась на основе опыта бурения, полученного инженерами ВНИИБТ в процессе проектирования и строительства многозабойных скважин. При этом разработчикам необходимо было решить ряд принципиально новых научно-технических задач:

- обеспечение ориентирования забойного двигателя-отклонителя в обсадной колонне, являющейся магнитной средой;

- разработка методики проектирования и расчета параметров пространственного профиля наклонно-направленного и горизонтального БС

- разработка технологии забурирования БС с зарезного цементного моста в интервале, ограниченном вырезанной частью или «окном» в обсадной колонне

- разработка алгоритма контроля и управления проводкой БС по проектной траектории;

- создание технических средств для измерения параметров горизонтальной части БС;

- разработка устройств для подвески хвостовика в обсадной колонне с последующим его цементированием или без цементирования.

К 1992 году учеными и конструкторами ВНИИБТ была завершена работа над созданием технико-технологического комплекса для бурения и крепления наклонных и горизонтальных БС из эксплуатационных колонн, который включал:

- пакет программ для ЭВМ «Наклонно-направленное бурение – ННБ» для проектирования, контроля и управления проводкой БС;

¹ Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / Отв. ред. В.А.Четвернин. – М.: Политиздат, 1998. – С.343.

² СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3601.

– устройства для вырезания участка обсадной эксплуатационной колонны диаметром 146 и 168 мм УВ-114 и УВУ-168.

– устройство для ориентирования забойного двигателя-отклонителя на основе гироскопического инклинометра;

– малогабаритную телеметрическую систему ЭТО-36 с проводным каналом связи;

– винтовые забойные двигатели серии ДГ диаметром 106 мм с опорно центрирующими и калибрующими, шарнирными элементами;

– технологическую оснастку для перемещения геофизических приборов в горизонтальном стволе;

– устройство подвески и герметизации кольцевого пространства хвостовиков типа УПГХ.

Опытно-промысловые работы по испытанию технико-технологического комплекса разработанного ВНИИБТ были проведены в 1992-1993гг. при строительстве горизонтального бокового ствола из бездействующей вертикальной скважины №12130 на Ен-Яхинской площади Уренгойского газоконденсатного месторождения.

В интервале 1113-1120,5м с помощью вырезающего устройства УВУ-168 по всему сечению роторным способом была вырезана обсадная колонна диаметром 168 мм. Забуривание БС производили с цементного моста в интервале 1113,6-1117,1м.

При бурении БС использовался полимерный меловой раствор по рецептуре института «ТюменНИИ-гипрогаз».

В 1997 г ВНИИБТ впервые в Юго-Восточной Азии провели опытные работы по восстановлению производительности скважины в условиях шельфового месторождения на нефтяном месторождении Белый Тигр, эксплуатацию которого осуществляет совместное российско-вьетнамское предприятие СП «Вьетсовпетро». Запланированная для бурения наклонно-направленного БС скважина № 74 была расположена на морской стационарной платформе МСП 6.

Эксплуатационная колонна диаметром 168 мм была вырезана в интервале 2555-2565 м с помощью универсального вырезающего устройства УВУ-168. Для бурения наклонно-направленного БС использовались винтовые забойные двигатели ОДГ2-108 и ДГ-108. Средняя механическая скорость бурения составляла 4,5 м/час при осевой нагрузке на долото – 50кН. Для бурения наклонно-прямолинейных интервалов профиля БС применялась КНБК: долото Ш 139.7 СЗ-ГАУ, винтовой двигатель ДГ-108 с центратором диаметром 134 мм. Бурение БС было завершено на глубине 3067 м.

В БС был спущен «хвостовик» диаметром 101.6 мм, который в процессе цементирования закрепили в эксплуатационной колонне с помощью подвески УПГХ-101. Дебит восстановленной скважины увеличилсякратно [3].

Дальнейшее развитие технология восстановления бездействующих скважин получила в сложных горно-геологических условиях: осуществлялось строительство горизонтальных БС на газоконденсатном месторождении (ГКМ) Штормовое в Черном море. Бурение и добычу газа на ГКМ «Штормовое» осуществляет украинское предприятие ГАО «Черноморнефтегаз».

В скважине № 21 Штормовая БС планировалось забурить в отложениях верхнего палеоцена, где зенитный угол старого ствола равен 35,5°, а азимут А 85°. Цель бурения заключалась в пересечении горизонтальным стволом длиной 200 м высоко-продуктивной части пласта в интервале вертикальных глубин 1820-1830 м.

Проектный профиль БС включает интервал увеличения зенитного угла с 35.5° до 88.5° и азимута с 85° до 110°, а также прямолинейный горизонтальный участок. БС забурен с зарезного цементного моста на глубине 2131м. Положение ВЗДО при забуривании постоянно контролировалось с помощью телеметрической системы ЭТО-ВНИИБТ [4].

Уникальным, не имеющим аналогов в отечественной промысловой практике, является опыт бурения дополнительного ствола из горизонтального участка скважины №28 Штормовая. За счет бурения дополнительного ствола из башмака эксплуатационной колонны диаметром 146 мм длина горизонтального участка скважины №28 Штормовая была увеличена на 150 м. Горизонтальный ствол скважины № 28 вместе с дополнительным стволом позволил отбирать газ и газоконденсат с периферийной части месторождения Штормовое.

Значительный вклад в создание, промысловое испытание и внедрение технико-технологического комплекса для строительства наклонных и горизонтальных БС внесли ученые и конструкторы ВНИИБТ: О.К. Рогачев, А.С. Повалихин, А.В. Мнацаканов, А.С. Оганов, Д.Ф. Балденко, В.В. Прохоренко, Н.Ф. Мutowкин, А.В. Власов, В.М. Беляев, В.В. Кириченко, В.А. Федорычев, Л.Х. Фарукшин, Л.А. Райхерт. – С. В. Никитин.

Опыт восстановления скважин на нефтегазовых месторождениях на суше и на морском шельфе подтвердил высокую экономическую эффективность строительства горизонтальных БС.

Промышленное использование нефтяными компаниями России технологии бурения БС для реконструкции бездействующих и малodeбитных скважин началось с середины 90-х годов. В настоящее время большой вклад в развитие техники и технологии строительства стволов и ответвлений внесли ряд российских и зарубежных компаний.

С 2000 года объем строительства боковых стволов увеличивается исключительно высокими темпами, например, уже в 2005 г на месторождениях ОАО «Сургутнефтегаз» зарезку БС произвели в 332 скважинах [5].

Анализ результатов эксплуатации горизонтальных БС на месторождениях ОАО «Сургутнефтегаз» за период 2001-2005г.г. показывает, что к 2005 г. средний дебит скважины снизился, как по жидкости, так и по нефти [5]. Это при том, что средняя протяженность БС по пласту увеличивалась из года в год. Причем, если средний дебит жидкости на 10 м ствола уменьшается незначительно с увеличением средней протяженности БС в пласте, то аналогичный показатель по нефти при этом снижался с гораздо большим темпом.

Таким образом, данные, приведенные в работе [5], говорят о том, что возможности горизонтальных БС в условиях месторождений ОАО «Сургутнефтегаз» близки к своему пределу. Значительно более высокие показатели по данным указанной выше работы были получены при эксплуатации многозабойных скважин.

Опыт эксплуатации первых многозабойных скважин выявил ряд существенных проблем, связанных со сложностью освоения, контроля работы и ремонта каждого ответвления от основного ствола [7]. Дело в том, что в силу анизотропии горных пород пласта по пористости и проницаемости отбор пластового флюида производится неравномерно по контуру питания многозабойной скважины. При этом возможно обводнение одного или нескольких стволов, что приводит к обводнению скважины в целом. Поэтому необходим постоянный контроль и управление дебитом каждого ответвления, что предполагает в процессе работы скважины частичное или полное перекрытие отдельных БС. В сложных условиях интенсивно эксплуатируемых нефтяных месторождений «жизнь» боковых стволов может быть очень короткой, что существенно снижает эффективность многозабойных скважин. В целях повышения КИН и эффективности добывающих скважин предлагается новый подход к их проектированию и строительству, в соответствии с которым бурение боковых ответвлений осуществляется поэтапно в процессе эксплуатации скважины. При этом основным критерием является состояние пласта в контуре питания скважины на момент принятия решения. Причем бурение ответвлений производится в ту область пласта, которая по данным гидродинамической модели является наиболее перспективной. При таком подходе повышается эффективность строительства и эксплуатации многоствольных скважин, так как архитектура такой скважины развивается в соответствии с текущим состоянием эксплуатируемой залежи.

Выводы:

1. На стадии создания технологической схемы разработки месторождения требования к производству буровых работ должны предусматривать развитие обычных вертикальных, наклонных и горизонтальных скважин в разветвляющиеся многоствольные скважины.

2. Необходимо разработать типовые конструкции скважин и виды проектного профиля ствола для строительства разветвляющихся многоствольных скважин.

3. Для бурения разветвляющихся многоствольных скважин может быть использован комплекс технических средств, применяемый в настоящее время при строительстве боковых стволов

Литература:

1. Григорян А.М. «Вскрытие пластов многозабойными и горизонтальными скважинами», издательство «Недра», М., 1969 г.
2. Оганов А.С., Повалихин А.С., Беляев В.М., Ахметов А.А., Москвичев В.Н. «Проводка дополнительного горизонтального ствола из эксплуатационной колонны бездействующей скважины», НТЖ «Нефтяное хозяйство», № 9, 1993 г.
3. Повалихин А.С., Камский П.Э., Козлов А.В., Глушич В.Г. «Вскрытие наклонно залегающих продуктивных пластов горизонтальным боковым стволом», журнал «Нефтегазовые технологии», №1, январь-февраль, 2000 г.
4. Плотников А.А., Курбанов Я.М. «Анализ строительства боковых стволов в добывающих скважинах на месторождениях ОАО «Сургутнефтегаз», НТЖ «Строительство нефтяных и газовых скважин на суше и на море», № 2, 2007 г.
5. Хисамов Р.С., Ибатуллин Р.Р., Фазлыев Р.Т., Юсупов И.Г. «Развитие горизонтальной технологии разработки нефтяных месторождений Татарстана», НТЖ «Нефтяное хозяйство», № 8, 2003 г.
6. Отчет о научно-исследовательской работе «Разработка научно-обоснованных схем эксплуатации нефтяных месторождений с помощью систем многозабойных скважин. Разработка типовых профилей многозабойных скважин для различных горно- геологических и эксплуатационных условий», ВНИИнефть, М., 1993 г.

Тактика производства отдельных следственных действий последующего этапа расследования

М.М. оглы Абубакаров

Этап дальнейшего расследования преступления в зависимости от степени решения задач начального периода предполагает работу следователя по сбору и закреплению доказательств причастности конкретного лица или лиц к нападению либо – в случае неустановления или незадержания преступников – продолжение розыскной деятельности.

К основным следственным действиям последующего этапа расследования разбойных нападений относятся: 1) предъявление для опознания; 2) проверка показаний на месте; 3) обыск по месту жительства, работы или учебы подозреваемого; 4) очная ставка; 5) назначение и проведение экспертиз.

Далее следует подробнее рассмотреть данные следственные действия и тактику их проведения.

Предъявление для опознания – это следственное действие проводится во всех случаях, когда потерпевший или очевидцы могут опознать подозреваемого. Опознание подозреваемых в совершении разбойного нападения чаще всего проводится по отдельным признакам внешности и общему облику (образу)¹. В некоторых случаях преступники могут быть опознаны по их динамическим свойствам: особенностям голоса, походки, речи. В процессе предъявления, для опознания подозреваемого целесообразно использовать следующие приемы:

- предварительное ознакомление потерпевшего или очевидца с ранее данными ими показаниями с целью «оживления» в их памяти всех обстоятельств происшедшего события. Особенно это целесообразно делать, когда с момента совершения преступления до производства этого следственного действия прошло много времени;

- исключение психологического воздействия подозреваемого в совершении разбойного нападения на потерпевшего путем устранения возможности их бесконтрольного общения. Этот тактический прием целесообразно применять в тех случаях, когда опознающий чувствует неуверенность, страх, боится наглого и агрессивного преступника;

- привлечение к производству этого следственного действия оперативного работника или участкового инспектора милиции для наблюдения за реакцией и поведением опознаваемого, а также специалиста – криминалиста для оказания содействия в фиксации хода и результатов, предъявленных для опознания.

Распространенным видом данного следственного действия является предъявление для опознания похищенного имущества, используемого и изъятого у преступников огнестрельного или холодного оружия, а также иных орудий преступления, средств транспортировки похищенного имущества, после совершения разбойного нападения. Данный вид опознания проводится по тем же правилам, как и по другим категориям уголовных дел.

Закон требует, чтобы предъявляемые для опознания объекты были, по возможности сходными. Это выражается в том, что «опознаваемый по возрасту, росту телосложению, полноте, форме лица должен быть похож на тех лиц, среди которых он будет предъявляться». Кроме того, при подборе этих лиц следует учитывать их расовые и национальные принадлежности, вид и характер одежды.

Эффективность опознания лица совершившего разбой значительно повышается, если оно будет проведено в условиях, соответствующих тем, в которых опознающий ранее наблюдал опознаваемое лицо.

Подбор предметов, предъявляемых для опознания, зависит от особенностей признаков, перечисленных при допросе опознающим. Если указаны признаки, по которым можно индивидуализировать предмет, то подбираются объекты одного вида, но имеющие различные частные признаки, например однотипные ножи, сумки одной модели.

Проверка показаний на месте – это очень сложное и трудоемкое следственное действие, которое требует тщательной подготовки. В подготовку к данному следственному действию обычно входят: допрос лица, с которым предстоит выход на место совершения разбойного нападения; установление времени выхода на место; определение исходной и конечной точек движения, а также опорных точек этого следственного действия; комплектование группы, в которую целесообразно включить кроме следователя оперативных работников, специалиста-криминалиста, а также конвой, если обвиняемый содержится под стражей.

В процессе подготовки следователь должен помнить, что обвиняемый, давая согласие на производство данного действия, может иметь свою, противоречащую интересам дела цель, например совершение побега, затягивание следствия и направление его по ложному пути и т.д.²

Эффективным приемом этого следственного действия является предоставление достаточной, но контролируемой инициативы проверяемому лицу, которому предоставляется право свободного выбора маршрута движения без подсказок членов следственно – оперативной группы. Другим тактическим приемом проверки показаний на месте является обязательное сочетание показа с рассказом лица совершившего разбойное нападение в так называемых опорных точках (как проник в жилище, откуда похитил деньги, вещи и т.д.).

В случае совершения разбойного нападения группой лиц, а задержаны не все участники, то целесообразно будет отложить данное следственное действие, до задержания всех членов преступной группы, и только после их поимки проводить выход на место совершения преступления с каждым в отдельности³.

Обыск – это следственное действие, состоящее в принудительном обследовании помещений, иных мест, лица с целью отыскания и изъятия вещественных доказательств, документов и ценностей, имеющих значение для дела, обнаружения разыскиваемых лиц и трупов и отражения полученных результатов в протоколе⁴.

Своевременность проведения данного следственного действия при расследовании разбойных нападений имеет большое значение для отыскания похищенного имущества, добытого по средствам

¹ Павлов А.А. Справочник следователя. – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 77.

² Рыжаков А.П. Очная ставка. Предъявление для опознания. Проверка показаний на месте: основания и порядок проведения: Научно-практическое руководство. – М., 2013. – С. 139.

³ Белоусов В.И., Натура А.И. Проверка показаний на месте в ходе предварительного расследования. – М., 2006. – С. 88.

⁴ Комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Отв. ред. И.Л.Петрухин. – М., 2013. – С. 390.

совершения разбоя, оружия, орудий преступления, также важным является обнаружение предметов, которые могли бы помочь в поисках. К числу их относятся письма, записки, адреса, фотографии и т.д.

Если разбойное нападение совершено с использованием огнестрельного или холодного оружия, то при обыске необходимо в первую очередь искать эти предметы и иные, специально приготовленные для совершения новых аналогичных преступлений. Типичными объектами поиска и изъятия по данной категории преступлений являются: похищенные вещи, ценности, другие предметы и документы или их части; одежда, обувь и головные уборы, в которых находился преступник во время совершения разбойного нападения; записи, документы, характеризующие связи подозреваемого. При обыске нельзя ограничиваться только отысканием вышеперечисленных объектов. В квартире обыскиваемого или в иных помещениях могут находиться вещи и предметы, похищенные при совершении им или его сообщниками других, еще не известных следствию преступлений. Поэтому каждая вещь, принадлежность которой у следователя вызывает сомнение, должна обязательно изыматься в целях последующего предъявления для опознания или проведения оперативной и следственной проверки. Например, наличие женских украшений в квартире холостого обвиняемого вызывают вполне обоснованные подозрения.

Эффективность обыска возрастает: 1) при участии в обыске специалиста – криминалиста и применении научно-технических средств; 2) при привлечении к производству обыска потерпевшего;

3) в некоторых случаях, когда подозреваемый отсутствует во время производства обыска, целесообразно использовать его информационную неосведомленность о результатах неудачного производства обыска и, создав, во время последующего его допроса впечатление о якобы обнаруженном искомом, получить от него необходимые сведения о месте нахождения последнего.

К числу следственных действий, направленных на проверку собранных и получение новых доказательств по делу о разбойном нападении относится очная ставка – одновременный (поочередный) допрос двух лиц в присутствии друг друга, в показаниях, которых имеются существенные противоречия.

По делам о разбойных нападениях очная ставка проводится между подозреваемыми (обвиняемыми), а также между подозреваемыми и потерпевшими, или подозреваемыми и свидетелями. При подготовке к проведению этого следственного действия необходимо уяснить противоречия, мешающие установлению истины, заранее сформулировать вопросы по фактам подлежащим проверке¹.

Приняв решение о проведении очной ставки, следователь должен в первую очередь предупредить об это подозреваемого, избобличающего того, кто дает ложные показания. Это обусловлено тем, что не всегда те сведения, которые совершает следователь наедине подозреваемый, он подтверждает на очной ставке, особенно, если предстоит избобличить в совершении нападения организатора преступной группы и других соучастников. В складывающейся ситуации следователю необходимо решить вопрос о проведении очных ставок между участниками разбойного нападения, играющими второстепенную роль, а затем – между ними и организаторами или лидерами группы².

Одним из важнейших следственных действий при расследовании разбойных нападений является назначение и проведение экспертиз, которые представляют собой в проведении исследования предметов и веществ на основе специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле и даче сведущим лицом заключения органам предварительного расследования или суду.³

На последующем этапе расследования разбоев назначаются различные экспертизы, в зависимости от того, какие вещественные доказательства и какая информация получена к этому периоду и какие специальные вопросы требуется разрешить.

По уголовным делам о разбойных нападениях, назначаются следующие виды судебных экспертиз: 1) судебно-медицинская – дает заключения по вопросам медицинского и биологического характера, она обязательно назначается, если потерпевшему был нанесен вред здоровью для определения тяжести телесных повреждений имеющихся на теле потерпевшего от разбойного нападения. Так по факту разбойного нападения следует провести судебно-медицинскую экспертизу и, если обнаружена закрытая черепно-мозговая травма в виде субарахноидального кровоизлияния в верхнее – наружных и внутренних отделах обеих теменных долей, множественные кровоподтеки и ушибы мягких тканей головы, ссадины верхнего века слева. Данная травма могла образоваться от воздействия твердых тупых предметов в область головы и причинила тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни⁴; 2) судебно-психиатрическая – назначается для установления наличия и формы психического расстройства, она служит основанием для решения вопроса о способности обвиняемого в совершении разбойного нападения осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими в процессе совершения преступления; 3) трасологическая – устанавливает тождество человека по оставленным им следам пальцев рук и ладоней (дактилоскопическая, пороскопическая), по следам его зубов; тождество орудий и инструментов взлома или нападения по оставленным ими следам; тождество обуви по следам на полу помещения, на грунте (например, в месте ожидания). В рамках трасологической экспертизы исследуются также следы транспортных средств, устанавливается целое по его частям; 4) баллистическая экспертиза исследует вопросы, связанные с применением в ходе преступления огнестрельного оружия. Объектами ее изучения являются оружие, гильзы, пули, а также следы выстрела, оставленные, в том числе в виде

¹ Криминалистика: Учебник // Под ред. Н.П.Яблокова. – М., 2013. – С. 470.

² Клименко И.И. Проблемы теории и практики расследования разбойных нападений. – Саратов, 2013. – С. 125.

³ Гагушкин В.В. Пособие для следователя: расследование преступлений повышенной общественной опасности. – М., 2008. – С. 248.

⁴ Там же.

отложений копоти на руках, манжетах или рукавах одежды подозреваемого в совершении разбойного нападения. Экспертиза холодного оружия проводится для установления его типа, относимости к тому или иному виду; 5) экспертиза веществ, материалов и изделий из них. Объектами ее исследования являются обрывки одежды, пуговицы, содержимое карманов одежды подозреваемого в совершении разбоя, микросреда которого может отразиться, к примеру, на орудии нападения, хранившемся в кармане, а затем, после совершения преступления, выброшенном подозреваемым и обнаруженном на месте происшествия. В случае если имела место борьба между нападавшим и пострадавшим, то для установления факта взаимного контактирования объектом изучения является их одежда; 6) широкое распространение получают комплексные экспертизы. Так, следы на ноже, применявшемся преступником при разбойном нападении и обнаруженном на месте происшествия, исследуются комплексной криминалистической и судебно-медицинской экспертизой вещественных доказательств. К следам объектам изучения и идентификации относятся следы пальцев рук преступника; микросреда кармана куртки, в котором хранился нож; микросреда в зазубринах, под ручкой ножа (кровь, кусочки кожи, внутренних органов потерпевшего, волокна ткани одежды потерпевшего)¹.

Таким образом, указанные следственные действия рассматриваются как наиболее распространенными на последующем этапе расследования разбойных нападений, но помимо данных следственных действий могут проводиться и другие, например следственный эксперимент, а так же различные оперативно-розыскные мероприятия.

Вопросы самозащиты прав в современной цивилистике

К.Т.Агаева

Р.Н.Пирова

Вопросы самозащиты прав в современной цивилистике справедливо вызывают научные дискуссии, этому вполне поспособствовало достаточно скупое выраженное легальное определение самозащиты как способа защиты – действия, которое не должно выходить за пределы пресечения нарушения прав (ст. 14 ГК РФ).

Суть дискуссии обычно сводится к тому, какие действия считать самозащитой права, при этом термин «самозащита» используется часто как что-то само собой разумеющееся, как некоторое самостоятельное понятие, в отрыве от таких важных связующих понятий, как «форма», «способ», «мера», «средство». Из-за этого создается весьма широкое понимание явления самозащиты в праве, и не только в гражданском. Однако чаще всего понятие «самозащита» используется в контексте способа реализации права на защиту, как правило, абсолютного, когда речь идет о защите от различных неправомерных действий в результате нападения на человека со стороны людей, животных или от опасности, которая может не только быть связана с деятельностью человека, но и выражаться в виде последствий различных природных аномалий. Поэтому в самом первичном восприятии даже в массовом общественном сознании самозащита – это оборона от нападения и действия в состоянии крайней необходимости. Как справедливо было замечено корифеем отечественной цивилистики В.П. Грибановым, «необходимую оборону можно было бы рассматривать в качестве одного из видов действия лица в условиях крайней необходимости, созданной преступным посягательством» [1. – С. 127]. Причем необходимая оборона реализуется, как правило, в результате посягательств на абсолютные права со стороны людей, а крайняя необходимость – от действий стихийного характера, сил природы и т.д. Не будем в данном юридическом анализе подробно останавливаться на разграничении понятий необходимой обороны и крайней необходимости – это тема отдельного рассмотрения.

Между тем заметим, что если рассматривать явление самозащиты в праве только как действия в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости, то дискуссия сведется к отраслевому анализу науки уголовного права, мы же говорим о самозащите как о правовом явлении отрасли гражданского права. Поэтому если в постоянно расширяющемся частном праве анализировать самозащиту только в контексте пресекающий действий необходимой обороны и крайней необходимости – значит, понимать ее слишком узко, что существенно расходится с современными тенденциями развития частных прав и специфических средств их защиты. Явление самозащиты более масштабно – это широкий спектр односторонних самостоятельных действий субъектов гражданских правоотношений, направленных не только на пресечение нарушения или существенной угрозы его совершения, но и на восстановление прав. Проблема заключается в том, что современное закрепление понятия самозащиты в ст. 14 ГК РФ не отражает широты этого явления в отрасли гражданского права.[2]

Если определять самозащиту в гражданском праве только как действия в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости – значит, не раскрыть эту отраслевую правовую форму защиты, поскольку регулирование даже самих понятий необходимой обороны и крайней необходимости осуществляется уголовным правом, а гражданское право устанавливает только последствия совершения таких действий. Таким образом, современное легальное определение самозащиты как способа пресечения нарушения прав не соответствует масштабу этого явления в частном праве. Реализация самозащиты способом пресечения нарушения дублирует уже поименованный в ст. 12 способ защиты – пресечения и восстановления прав. Поэтому о самозащите в современных условиях более логично говорить как о форме защиты внесудебного неюрисдикционного характера, сюда следует отнести различные односторонние

¹ Васильев В.Л. Тактика отдельных следственных действий. – М., 2011. – С. 99.

действия субъектов гражданских правоотношений, которые способствуют пресечению и восстановлению нарушенных гражданских прав различными мерами, которые могут носить как пресекающий, так и восстановительный характер. В такой системе в рамках широкой формы самозащиты, меры необходимой обороны и крайней необходимости относятся к самому крайнему и радикальному способу защиты. Данные действия по объективной составляющей, причиняющие уголовно наказуемый вред, не могут быть совершаемы за рамками пресечения нарушения прав.

Второй уровень мер носит гражданско-правовой характер, такие меры должны иметь непосредственное правовое регулирование в отрасли гражданского права, прежде всего в ГК РФ. Их можно назвать гражданской самопомощью – это широкий спектр как пресекающий, так и восстановительных мер, используемых, как правило, для защиты абсолютных прав, то есть применяемых во внедоговорных правоотношениях. К ним следует отнести, например, различные меры, направленные на предотвращение нарушения, например вещных прав – это устранение препятствий в пользовании вещью самостоятельно, даже путем силы, выдворение людей из недвижимого объекта, удаление и задержание чужих животных на территории собственника и иного титульного правообладателя, устранение вредных предметов, устранение незаконной рекламы, например с недвижимого объекта собственника, и прочие. К самопомощи следует отнести и владельческие восстановительные меры, но их допустимость (соразмерность) необходимо подробно регламентировать в гражданском праве, например, когда собственник самостоятельно может отобрать свою вещь, на которую утратил владение, пресечь нарушение и восстановить владение в результате только что состоявшегося «рейдерского» захвата имущества. Все это свидетельствует о расширении применения частного права в нашей жизни самими участниками этих правоотношений в рамках его широких диспозитивных возможностей. С расширением частного права необходимо расширение и частноправовой самостоятельной защиты прав. Расширение допустимой самозащиты как правовой формы есть объективная необходимость для усиления, придания твердости частным правам, поскольку элементы защиты входят в содержание субъективного гражданского права. Если этот элемент слаб, то слабо и невянятно субъективное частное право.

Третий элемент формы самозащиты – это договорные односторонние правозащитные меры (меры оперативного воздействия). Полагаем, что понятие мер оперативного воздействия в современном частном праве не является уникальным и оторванным от понятия самозащиты. Меры оперативного воздействия – это тоже меры правовой формы самозащиты прав, причем не следует меры оперативного воздействия сводить только лишь к действиям, направленным на радикальное изменение и прекращение правоотношений [3, абз. 2 п. 2 ст. 514 ГК РФ].

Суть этих мер не сводится к их направленности на динамику правоотношений. Договорное правоотношение само по себе динамично, поскольку изначально имеет направленность на организацию и преобразование товарно-денежных отношений. Меры, которые прекращают или изменяют организационно-преобразовательную структуру договорного правоотношения, являются крайним проявлением целевой направленности пресечения нарушения прав, реализуемой правоохранительной функции гражданского права. Такая оперативная позиция является крайней для защищаемого, когда дальнейшее продолжение договорного обязательства может привести к еще более серьезным последствиям, но даже подобные крайние действия не восстанавливают права. Восстанавливают нарушенные права меры компенсационные, которые также за редким исключением могут реализовываться односторонним порядком, когда лицо защищаемое располагает реальным имущественным «кредитом», например вещью, которую закон в некоторых случаях позволяет реализовать во внесудебном порядке, например, поставщик может самостоятельно реализовать вещь, находящуюся на ответственном хранении в результате правозащитного отказа в ее принятии [4, абз. 2 п. 2 ст. 514 ГК РФ]. Однако чаще всего восстановительные действия носят юрисдикционный характер, то есть требуется посредство государства в лице судебной власти, например обращение взыскания на удерживаемую вещь происходит при посредстве суда. [4, ст. 360 ГК РФ].

Традиционно считается, что меры оперативного воздействия имеют юридический характер, направлены на изменение или прекращение правоотношений и, следовательно, являются односторонними сделками. Заметим, что юридический и фактический аспекты в праве – достаточно условные понятия, если факт не безразличен праву, то это юридический факт. В этом, так же как и в иных элементах, проявляется дуализм частного права. Следует обратить внимание на такую точку зрения, что защитительные действия могут являться правозащитными поступками. О том, что действия по самозащите прав следует относить к юридическим поступкам, говорил О.А. Красавчиков, также это отмечает М.А. Рожкова, только действия в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости правовед относит к так называемым результативным действиям, которые часто относят к разновидности юридических поступков или вовсе не выделяют. Полагаем, что есть все основания рассматривать любые действия по самостоятельной защите прав в качестве юридических поступков. [5. – С. 50; 6. – С. 216]

Механизм действия оперативных мер не сводится только к таким радикальным последствиям, как прекращение правоотношения или существенное изменение его организационно-преобразовательной структуры. Некоторые меры изначально направлены на то, чтобы воздействовать на волю контрагента с целью понуждения его к исполнению обязательства. Изменение обязательства происходит и в этом случае, но существенно изменяется не его организационно-преобразовательная структура, а субъективное право, которое находится в состоянии напряжения, после того как напряжение исчезает, субъективное право восстанавливается и обязательство возвращается в ненарушенное состояние. Однако несущественное его изменение все же происходит, например, может увеличиться срок исполнения, но изменения в структуре

обязательства происходят уже и в силу самого факта правонарушения, совершенного контрагентом, которое является основанием применения правозащитных мер. Поэтому следует считать, что любое правозащитное действие в праве так или иначе преобразует правоотношение, даже если в напряженном состоянии временно находится субъективное право кредитора, поскольку такое его состояние в реализации защитительного правомочия приводит, по крайней мере временно, к изменению правоотношения, ведь субъективные права «наполняют» это правоотношение. В случае применения удержания или приостановления исполнения встречного обязательства оно еще не прекращается и существенно не изменяется, поскольку может быть еще исполнено [7. – С. 117], но сами действия по удержанию приостанавливают исполнение, носят защитно-обеспечительный характер. Поэтому такие односторонние обеспечительные меры также следует относить к оперативным мерам в рамках формы самозащиты.[8. – С. 200]

Таким образом, современное гражданско-правовое понятие самозащиты – это прежде всего форма внесудебной защиты гражданских прав, которая реализуется достаточно широким спектром мер. В научной литературе упоминается о двойственной природе некоторых мер, например удержание имущества должника – мера обеспечительная и защитительная [9. – С. 128]. При обеспечении исполнения обязательства происходит и пресечение нарушения, а возможно, в дальнейшем и восстановление прав (продажа удерживаемой вещи по заложенным правилам), поэтому защитный признак является частью всех мер обеспечения обязательств. Разумеется, если мера направлена на обеспечение исполнения обязательства, то она является и мерой защиты. Поскольку реализация обеспечительной цели таких мер происходит по юридическому факту нарушения прав, следовательно, это защита прав.

Функциональная направленность защиты – это реализация охранительной функции права посредством пресечения и восстановления прав, но достигаются данные цели разным воздействием на существующие правовые отношения. В некоторых ситуациях субъект пресекает нарушение прав тем, что использует в качестве такой гарантии исполнимости обязательства чужое имущество, например удерживает вещь или производит исполнение обязательства за счет контрагента, например самостоятельно распоряжается средствами, которые ему предоставлены для устранения недостатков нарушения (исполнение за счет должника). Поэтому уместно говорить, что самозащита реализуется для пресечения нарушения прав и их восстановления как уже главной цели защиты в рамках ее охранительной функции. Восстановление прав редко происходит односторонне и самостоятельно, чаще – посредством государственно-принудительных мер.

Можно сделать выводы, что современное звучание понятия самозащиты в гражданском праве должно получить более широкое определение в законе, оно требует существенных изменений. Некоторые меры самозащиты договорных правоотношений восстановительного характера уже присутствуют в нашем праве, например односторонняя защитительная продажа вещи (п. 2 ст. 514 ГК РФ) с целью получения восстановительной компенсации.

Список литературы:

Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_
2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 (ГК РФ ч.2) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) <http://www.consultant.ru/search>
4. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2-х т. М.: Статут, 2005. Т. 2.
5. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М.: Статут, 2009.
6. Веретенникова С.Н. Меры самозащиты в российском гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.
7. Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения обязательства. М.: Статут, 2010.
8. Петрушкин В.А. Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости. М.: Статут, 2014.

О некоторых проблемах законодательного определения рецидива преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации

З.А.Адилов

Рецидив преступлений является одним из наиболее опасных проявлений множественности преступлений. Уровень рецидивной преступности в общей массе ежегодно регистрируемой преступности остается относительно стабильным, что негативно сказывается на воспроизводстве преступности в самых опасных ее проявлениях. Более того показатели рецидивной преступности в определенной степени характеризуют динамику профессиональной преступности, которая традиционно признается одним из наиболее опасных форм преступного поведения в криминологическом понимании. Профессиональная преступная деятельность характеризует повышенную степень общественной опасности ее субъектов. Такие субъекты характеризуются высокой степенью антисоциальной направленности личности. Им характерны пренебрежение нормами права, иными социальными нормами, а также формирование «навыков»

преступного поведения, что в значительной степени способствует реализации решимости на совершение преступлений и достижению преступных целей.

Таким образом, рецидив преступлений, как уголовно правовой институт, заслуживает особого внимания при формальном определении в законе его понятия и уголовно-правовых последствий. В последнее время институт рецидива преступлений принято рассматривать как устоявшийся и достаточно разработанный с позиций выработки оптимальной законодательной конструкции норм его регламентирующих. Однако, при более тщательном исследовании особенностей его правовой регламентации, с учетом реалий правоприменительной практики, можно выделить целый ряд коллизий и пробелов в отечественном уголовном законодательстве. Предпримем попытку логического анализа норм уголовного законодательства с целью выявления отдельных актуальных проблем формального закрепления рецидива преступлений в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации.

Рецидив преступлений имеет место в случае совершения субъектом нового умышленно совершаемого преступления при наличии не снятой и не погашенной судимости за ранее совершенное умышленное преступление (ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ)). [1.]

Таким образом, рецидив образует совершение одним лицом как минимум двух умышленных преступлений, за одно из которых он был ранее осужден. При этом судимость за ранее совершенное преступление должна быть не снятой и не погашенной в установленном законом порядке.

Согласно ч. 1 ст. 86 УК РФ лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу и до момента погашения или снятия судимости. [2.]

При этом в УК РФ говорится, что лицо, освобожденное от наказания (например, по основаниям, предусмотренным нормами главы 12 УК РФ), считается несудимым. Такой шаг законодателя не вполне оправдан, так как устранение судимости, для лиц, совершивших умышленное преступление и освобожденных от наказания, фактически устраняются все уголовно-правовые последствия уголовной ответственности. Устранение в таких случаях судимости исключает и возможность квалификации рецидива преступлений при повторном совершении таким лицом нового умышленного преступления. Считаем, что такой подход негативно сказывается на понимании неотвратимости и справедливости уголовной ответственности. Освобождение от уголовного наказания не следует отождествлять с освобождением от уголовной ответственности.

Целесообразным было бы предусмотреть разграничение качественных характеристик преступного поведения субъектов и ограничивать лиц, освобожденных от наказания за умышленные преступления от лиц, совершивших преступления по неосторожности.

В соответствии с этим, считаем возможным, в законодательную формулировку положений части 2 статьи 86 УК РФ уместно внести изменения и изложить данную норму в следующей редакции:

«Лицо, освобожденное от уголовного наказания за совершение неосторожного преступления, считается несудимым».

Исходя из содержания норм УК РФ, при определении рецидива не следует учитывать судимость за преступления, осуждение за которые было условным. Кроме того, не учитываются преступления, за которые осужденным была предоставлена отсрочка отбывания наказания (п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ).

В п. «а» ч. 3 ст. 86 УК РФ указано, что судимость погашается «в отношении лиц, условно осужденных, – по истечении испытательного срока».

Можно предположить, что лицо, совершившее умышленное преступление, за которое осуждено условно, считается судимым с момента вступления приговора суда в законную силу и до истечения испытательного срока, определенного судом. Однако, в случае совершении нового умышленного преступления в период испытательного срока не истекшая судимость за ранее совершенное преступление формально не может быть учтена для признания рецидива. Такой порядок определения порядка погашения и снятия судимости считаем противоречащим общему духу отечественного уголовного законодательства и нормам, определяющим ответственность за преступления по совокупности приговоров.

Исходя из требований ст. 70 УК РФ суд в таком случае должен применить особые правила назначения окончательного наказания по совокупности приговоров. Однако рецидив преступлений при повторном совершении умышленного преступления в таких случаях будет отсутствовать. А осужденный по совокупности приговоров (за совершение двух умышленных преступлений) будет направлен для отбытия, назначенного судом наказания в порядке, определенном как для лиц, совершивших преступление впервые. Считаем такой подход не логичным и не справедливым.

Продолжая исследование особенностей правовой регламентации рецидива преступлений в нормах УК РФ, обратимся к анализу положений п.п. «а» и «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ, согласно которым для определения рецидива не учитываются судимости за преступления небольшой тяжести и преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет. Возникают некоторые сомнения в их оправданности. Так, лицо, имеющее судимость за совершение разбойного нападения с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ – особо тяжкое преступление), совершает новое умышленное преступление небольшой тяжести (например, кражу (ч.1 ст. 158 УК РФ)). Судимость, наступившая с момента вступления в силу обвинительного приговора суда за новое умышленное преступление, в этом случае не будет учтена, а, следовательно, исключается возможность учета рецидив преступлений. И это несмотря на то, что в приведенном примере налицо признаки устойчивой криминальной направленности личности преступника с выраженной преступной специализацией на корыстных преступлениях против собственности.

Вполне логичен вопрос и о том, почему законодатель отказывается признавать рецидивом преступлений, например, совершение лицом нескольких краж (каждое из которых является преступлением небольшой тяжести) в пределах сроков судимости. С позиций криминологического учения о предупреждении профессиональной преступности такое решение законодателя нелогично и необоснованно.

В связи с этим формулировку п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ предлагаем в следующей редакции:

«...судимостью за ранее совершенное впервые умышленное преступление небольшой тяжести».

Что касается п. «б» ч. 4 ст. 18 УК, устраняющей возможность признания рецидива преступлений в отношении преступной деятельности лиц, не достигших 18 лет, хотелось бы обратить внимание, что именно в этом возрасте подростки склонны к повышенной агрессии и совершению тяжких и особо тяжких преступлений. Устранение формальной возможности признания рецидива в отношении такой категории осужденных не вполне оправдано, так как должно быть сохранено обоснование раздельного содержания осужденных несовершеннолетних, совершивших преступление (даже тяжкого или особо тяжкого) впервые и лиц, допустивших рецидив преступлений в этом же возрасте. Это необходимо в целях ограничения возможности распространения негативного влияния лиц, со сложившимися антисоциальными установками в поведении на лиц, попавших в исправительные учреждения впервые в подростковом возрасте и попавшие в «группу риска» потенциальных распространителей «идеологии пенитенциарной субкультуры».

В связи с этим, считаем целесообразным п. «б» ч. 4 ст. 18 исключить из УК РФ.

По характеру и степени общественной опасности в УК РФ выделены три вида рецидива преступлений: простой, опасный и особо опасный рецидив. На наш взгляд классификация видов рецидива была обезличена в ч. 2 ст. 68 УК РФ. Эта норма обезличила уголовно-правовое значение деления рецидива на виды. Не понятно такое решение законодателя, устанавливающего требование максимальной индивидуализации при назначении уголовного наказания. Строгие меры наказания, которые должны быть применены в случае признания в действиях лица рецидива, должны иметь четкую регламентацию в зависимости от вида рецидива. Для устранения отмеченного дисбаланса между нормами института рецидива и правилами назначения наказания при рецидиве преступлений следует руководствоваться принципами уголовного законодательства и оценивать с юридической точки зрения характер и степень общественной опасности, как самого деяния, так и особенности личности субъекта, совершившего преступление. Такая либерализация ответственности за качественно различные виды рецидива неприемлема в законе. Не вполне понятна предложенная в УК РФ классификация видов рецидива исходя их степени общественной опасности. Так, как дифференциация уголовно-правового значения последствий разных видов рецидива в УК РФ не предусмотрена.

В связи с этим, возникает вопрос о целесообразности изъятия этой нормы из УК РФ и перемещение ее в сферу уголовно-исполнительного регулирования, определяющего значение рецидива при организации отбывания наказания осужденными.

Развивая наши суждения относительно обоснованности содержания ст. 68 УК РФ отметим, что в ч. 3 этой нормы законодатель указывает, что «При любом виде рецидива преступлений, если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 настоящего Кодекса, срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса, а при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных статьей 64 настоящего Кодекса, может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление» [2.].

При тщательном изучении содержания приведенной нормы, представляется не вполне понятным, требует ли законодатель обязательной совокупности смягчающих обстоятельств или же достаточно одного смягчающего обстоятельства для устранения уголовно-правовых последствий рецидива. С другой стороны, из содержания ст. 64 УК РФ следует, что в качестве особого смягчающего, суд может избрать, как одно обстоятельство, так и их совокупность из указанных в ст. 61 УК РФ или не указанных в уголовном законодательстве Российской Федерации. Из изложенного можно сделать вывод, что суду достаточно учесть в качестве смягчающего даже единственное обстоятельство, не предусмотренное в ст. 61 УК РФ для полного устранения уголовно-правовых последствий рецидива преступлений при назначении наказания.

Таким образом, приведенные нами суждения о содержании ч.ч. 2 и 3 ст. 68 УК РФ вступают в прямое противоречие с требованием ч. 1 той же статьи, а также ст. 60 УК РФ, определяющей общие начала назначения наказания и требующей максимальной индивидуализации при назначении наказания при определении меры ответственности преступника.

Кроме того, в предлагаемых в законе абстрактных и противоречивых формулировках мы усматриваем и латентное расширение «судейского произвола» при определении меры наказания за рецидив преступлений, тогда как в юридической литературе не раз говорилось о необходимости ограничения судебскому усмотрению при назначении наказания и освобождения от уголовной ответственности (освобождения от уголовного наказания).

Рецидив преступлений по существу и по законодательной форме представляет собой одну из важнейших разновидностей множественности преступных деяний. Анализ понятия рецидива, разработка принципов построения соответствующих норм уголовно-правового законодательства должны всемерно служить задаче обеспечения успешной борьбы с рецидивной преступностью, задаче управления законности и правопорядка.

Резюмируя приведенные выше суждения, предлагаем ч. 4 ст. 18 УК РФ изложить в следующей редакции:

«При признании рецидива преступлений не учитываются:

- а) судимость за ранее совершенное впервые умышленное преступление небольшой тяжести;
- б) утратил силу;

в) судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном статьей 86 настоящего Кодекса».

Содержание ч. 2 ст. 86 УК РФ изложить в следующем виде:

«2. Лицо, освобожденное от наказания за совершение неосторожного преступления, считается несудимым».

Часть 3 ст. 68 УК РФ изложить в следующем виде:

«При любом виде рецидива преступлений, если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 61 настоящего Кодекса, срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса».

Литература

1. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров /В.В.Сверчков. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: «Юрайт». 2013.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: «Юрайт» 2017.

References

3. Uголовное право. Obshhaja i Osobennaja chasti: uchebnik dlja bakalavrov /V.V.Sverchkov. 3-e izd., pererab. i dop. – М.: «Jurajt». 2013.
4. Uголовный кодекс Rossijskoj Federacii. – М.: «Jurajt» 2017.

Правовые основы самоуправления в Российской Федерации

К.А.Алиев
Е.В.Бабошина.

В российском законодательстве нет специального определения «городского самоуправления», что можно объяснить и тем, что практике жизни не существует «местного самоуправления», а есть самоуправление городов, городских и сельских районов, поселков, сельских населенных пунктов и т.д. Логично и как следствие, в уставах огромного множества российских городов вместо «городское самоуправления» используется – «местное самоуправление города». Поэтому целесообразно вначале рассмотреть, что же представляет собой именно «местное самоуправление», поскольку все, что относится к местному самоуправлению, относится непосредственно и к городскому самоуправлению.

В самом общем виде можно сказать, что местное самоуправление – это самостоятельное решение населением вопросов местного значения как непосредственно, так и через создаваемые органы местного самоуправления. Одновременно местное самоуправление можно рассматривать и в качестве основополагающего принципа осуществления власти. Одновременно оно определяет систему управления демократического правового государства.

Признание местного самоуправления в качестве одного из принципов организации и осуществления власти в обществе и государстве предполагает установление децентрализованной системы управления, закрепление иных основ взаимоотношений центра и мест, центральных и местных органов. В практике, роль правовых обычаев и традиций в муниципальном праве имеет важное значение. Это объясняется тем, что местное, в частности и городское самоуправление должно развиваться, исходя из исторических, местных и прочих традиций. Поэтому при разработке уставов городов необходимо учитывать особенности и традиции населения данной территории.

Следует также отметить, что существует несколько точек зрения на природу муниципальных органов. Так, Е.В. Мирошниченко полагает, что более строгим было бы отношение к местному самоуправлению как к децентрализованной форме государственного управления противостоящего центру в качестве некоторого противовеса в вертикали государственного механизма. По мнению Г.В. Атаманчука, местное самоуправление – это пограничное явление между государством и обществом, соединяющее их между собой; в нем имеет место сочленение общественных форм и властных полномочий. [1. – С. 137] Некоторые ученые полагают, что сегодня самоуправление как негосударственная структура – это, скорее, некая идеальная сущность. Так, Г.В. Барабашев характеризовал концепцию негосударственной природы самоуправления как миф, который создан на основе взятия устаревшей западной концепции местного самоуправления. По его мнению, местное самоуправление – это государственная власть особого рода. Наоборот, Е.В. Петрова считает, что формула «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» родилась от нашей российской безысходности, от нашей извечной тоски по децентрализации и, что вернее всего, от нашего неумения цивилизованно решать вопросы организации власти. [2. – С. 67] Если раньше советские ученые склонялись к теории самоуправления как государственной, то теперь можно видеть стремление отделить местное самоуправления от государства, показывая общественную природную суть.

Вопреки двум противоположным точкам зрения нам представляется, что в местном самоуправлении сочетаются два начала – и государственное, и общественное. Так, в соответствии со ст. 8 Европейской Хартии местного самоуправления, государство в лице своих контрольных органов, может:

«1. Любой административный контроль за органами местного самоуправления может осуществляться только в порядке и в случаях, предусмотренных Конституцией или законом.

2. Любой административный контроль за деятельностью органов местного самоуправления, как правило, преследует лишь цели обеспечения соблюдения законности и конституционных принципов. Тем не менее административный контроль может включать также контроль за целесообразностью, осуществляемый органами власти, в отношении задач, выполнение которых поручено органам местного самоуправления.

3. Административный контроль за деятельностью органов местного самоуправления должен осуществляться с соблюдением соразмерности между степенью вмешательства контролирующего органа и значимостью интересов, которые он намерен защищать». [3]

Местное самоуправление не отделено от государства, несмотря на норму, в соответствии с которой органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Данная норма означает гарантию самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий. Это подтверждается и тем, что данный институт предусматривается конституцией. Его модель закреплена в главе 8 Конституции РФ. Она закрепляет местное самоуправление как одну из основ конституционного строя и самостоятельную форму осуществления народом принадлежащей ему власти. При этом органы местного самоуправления обязаны соблюдать законы. А принятие законов – это прерогатива государства, т.е. речь идет о самостоятельности местного самоуправления в пределах закона и его прав.

Наделение органов местного самоуправления властными полномочиями проявляется в том, что их решения носят обязательный характер. Носителем власти является народ, а представительные органы и государственной власти, и местного самоуправления формируются на одних и тех же принципах. Государство олицетворяет государственную власть, местное самоуправление – общественную, несмотря на то, что в основном регулируется нормами права, т.е. государством. Государство гарантирует местное самоуправление. И отсюда вполне логично вытекает, что решения органов местного самоуправления могут быть защищены в судебном порядке. Граждане также вправе обращаться в судебные органы с жалобами на действия/бездействие органов местного самоуправления. То есть, в этом отношении местное самоуправление является элементом государственной организации.

Конституция РФ урегулировала основные вопросы организации местного самоуправления, его соотношение с государственной властью, роль населения в осуществлении функций и полномочий местного самоуправления и определении структуры его органов, наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями и гарантиями. Положения Конституции, действуя непосредственно, в то же время развиваются в других правовых актах. Основным среди них является ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. (далее – Закон о местном самоуправлении). [4]

Таким образом, Конституция РФ определила местное самоуправление как один из элементов основ конституционного строя и самостоятельной формой осуществления народом принадлежащей ему власти. Она также закрепила важное положение в отношении местного самоуправления: в пределах своих полномочий оно самостоятельно, и его органы не входят в систему органов государственной власти. Эти положения нашли свое дальнейшее развитие в Законе о местном самоуправлении. С его принятием начались формирование правовой основы становления и нормативного регулирования института местного самоуправления и его органов.

Литература

1. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 2007.
2. Петрова Е.В. Самоуправление как социальный институт. Казань, 1993.
3. Европейская хартия местного самоуправления от 15.10.1985 г. // СЗ РФ. 1998. № 36. Ст. 4466; СЗ РФ. 1998. № 15. Ст. 1695.
4. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131 от 28.08.1995 г. // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3506.

Исторические условия и особенности развития российской государственности

А.М.Алиева

Р.Н.Пирова

Существовавшие ранее в юридической науке идеологические установки привели к гиперболизации государства социалистического типа и апологетике советского периода российской государственности. Акцент в теории государства и права делался на изучении, главным образом, сущности, форм и функций социалистического государства. Собственно развитие Российского государства не было предметом научных изысканий представителей теории государства; эти вопросы изучались, главным образом, историками. Господствовала юридическая парадигма о разрыве нового (социалистического) типа государства, возникшего после октября 1917 г., о всем предыдущим государственно-правовом развитии России, о противопоставлении и противопоставлении этого государства всем предыдущим типам и формам Российского государства.

Изучение государственно-правовых институтов и процессов сквозь призму государственности потребовало для выявления общих закономерностей их развития широкого использования сравнительно-

правового, сравнительно-исторического, формально-юридического методов, а также методов государственного и правового моделирования.

Изучение государственности в силу масштабности предмета исследования охватывает широкое поле проблем, не ограниченное чисто правовыми аспектами. [2. – С. 88].

В предложенном нами понятии государственности, выделяются основные ее черты и свойства, с учетом условий и этапов ее развития. Нами проанализированы основные элементы российской государственности, выявлены степень преемственности национально-государственного устройства и формы правления при переходе от имперского к советскому и постсоветскому периоду российского государства. В статье содержатся конкретные предложения, касающиеся совершенствования формы государственного устройства и формы правления в Российской Федерации, предлагаются пути и направления дальнейшего развития современной российской государственности. [1. – С. 569].

Последующее государственное развитие будет связано с дальнейшим углублением разделения власти и системы управления государством, с созданием присущих развитым зарубежным странам институтов.

Разработка проблем, связанных с непрерывным и преемственным развитием российской государственности актуальна как в теоретическом, так и в практическом отношении, поскольку способствует выработке единой, целостной и непротиворечивой теории российской государственности. В рамках теории права разработано учение об отличительных чертах и свойствах российской государственности, ее непрерывном и преемственном развитии. [3. – С. 98].

Модернизация российского общества влечет за собой необходимость перестройки государства. При этом возникает вопрос о степени преемственности российской государственности (дореволюционная Россия – СССР – Россия современная). И здесь необходимо уяснить: что представляет собой современная Российская Федерация – сократившийся СССР, дореволюционную Российскую Империю, или качественно новое государство? Каждый из предложенных вариантов ответа предполагает свой путь развития государства. Это разные пути с разными политическими программами, с разными политическими силами. При этом следует понимать, что попытки навязать России государственные организационные формы, чуждые ее историческому развитию, могут стать опасными по своим последствиям. Лучшие традиции российской государственности не должны быть утрачены в ходе модернизации государства. Развитие российской государственности должно идти по пути эволюционного, не революционного развития, как это имело место в 1917 г. и в 1991 г. в России. [4. – С. 676]

Предпринимаемые государственной властью в последнее время меры, направленные на укрепление российской государственности, тем не менее, со всей очевидностью показали: необходимо решить основополагающие проблемы, связанные направлением развития государства. И круг этих проблем, стоящих перед страной, во многом аналогичен с тем, которые Россия уже решала в ходе своего исторического развития. При этом, трансформация российской государственности в настоящее время протекает в качественно иных условиях изменившегося мира, а значит должна отвечать новым (постмодернистским) вызовам, ранее не известным не только России, но и всей мировой цивилизации. Помимо геополитических и международно-правовых проблем, к новым угрозам российской государственности может привести отказ от решения внутригосударственных проблем, связанных напрямую с возможностью физического выживания подавляющего большинства населения государства.

Нельзя и не отметить и то, что практика реализации необходимых реформ (правовой, судебной, административной, муниципальной, военной, образовательной и т.д.), осложняется целым рядом негативных и деструктивных процессов, снижающий положительный потенциал этих реформ. В этой связи у части общества наблюдаются ожидания возврата к прошлому. Подтверждаются они и тем, что фактически и по существу элементы старой административной практики управления общественным развитием не только сохраняются, но и воспроизводятся на, казалось бы, новой социальной основе.

Отказ от проведения реформ, как и негативные последствия их практической реализации приводят к социально-политическим конфликтам внутри российского общества, его расколу, а в целом – к системному кризису, преодоление которого требует колоссальных усилий как со стороны государства, так и со стороны самого общества.

Проведенное исследование позволяет уверенно утверждать, что построение в России правового демократического государства может обеспечивать только сильная центральная власть, выступающая гарантией сохранения и развития российской государственности. Анализ исторического развития российской государственности наглядно показывает, что опасаться перерождения сильной государственной власти в авторитарный режим не следует. Более того, никогда российский народ не жил так плохо, как в периоды ослабления центральной власти, разгула хаоса, сепаратизма и анархии, ошибочно выдаваемых за демократию.

Сегодня основная цель государственной власти состоит в усилении, централизации и укреплении единства властной вертикали. Формирование подобной цели в государстве, которое со временем феодальной раздробленности всегда имело сильную центральную власть независимо от формы государственного устройства и формы правления, объясняется тем, что после распада СССР и обретения Россией статуса независимого суверенного государства процессы ослабления центральной государственной власти достигли столь значительных масштабов, что сегодня требуются целые комплексы мероприятий и программ для их нейтрализации.

Правовая основа российской государственности – российская правовая система – находится ныне в ситуации глубоких структурных преобразований. Основным направлением развития сегодня заявлено

построение правового государства на базе развитого гражданского общества, где центральным звеном, высшей ценностью объявлены права человека, реально обеспеченные, гарантированные и защищенные. Преемственное развитие российской системы права подтверждается тем, что значительное количество правовых норм и институтов, содержащихся в прежнем (советском) законодательстве, как правило, в несколько модернизированном виде, оказалось воспринято новейшим законодательством России. И здесь важно помнить о той роли, которую сыграло ранее действовавшее законодательство в урегулировании общественных отношений, а также о том, какое влияние оно оказало на нынешнее законодательство. Российская правовая система имеет свой путь развития. [5. – С. 787] Но без учета тенденций развития основных правовых систем современности, без ориентира на международно-правовые зарубежные юридические стандарты, выработанные, прежде всего, в странах романо-германской правовой семьи нам не обойтись.

Поиски форм и институтов, соответствующих современному состоянию России, невозможны без изучения и оценки предшествующего опыта развития страны, в отрыве от факторов историзма в развитии государственной культуры общества. Формирование новой российской государственности может и неизбежно должно включать наследование и восприятие достижений прошлого, а также рецепцию наиболее рациональных, оправдавших себя институтов и элементов государственности, выработанных мировым сообществом. Критерий оценки их полезности и целесообразности может быть только один: насколько они способствуют возрождению России.

Список литературы:

1. Арин О. А. Мир без России. М.: Эксмо, Алгоритм, 2002. С.480.
2. Гусева Т.С. Правовое регулирование федеративных отношений в России. М., 2004.С.215.
3. Крылов Б.С., Ильинский И.П., Михалева Н.А. Проблема суверенитета в Российской Федерации. М., 1994.С. 175.
4. Общая теория права и государства / Под ред. Лазарева В.В. М.: Юрист, 1996.С. 472.
5. Россия на рубеже веков: укрепление государственности / Под ред. Соколова А.Н. Калининград: Янтарный сказ, 2001. С.761.

Формирование горских адатов в Дагестане

Г.А.Аминтазаев

Р.М.Разакوف

Адат (араб. обычай) – обычное право у народов, исповедующих ислам. Оно возникает еще в недрах родового строя. На определенной ступени развития внутри родовой общины, как результат имущественной дифференциации, возникают новые отношения зависимости. Постепенно появляется богатая и влиятельная верхушка рода, интересы которой приходят в столкновение с началами родового демократизма, сохранившегося вследствие того, что родовая община и после возникновения частной собственности владеет на коллективных основаниях частью родовой земли.

«Эта борьба различных начал, – пишет М.О.Косвен, – сказывается еще в одной форме. Старики берут на себя функции толкования и применения обычаев, а вместе с тем и функции суда. В этой связи старые обычаи фиксируются, приводятся в известную систему, передаваясь из поколения в поколение. Так возникает обычное право, которое и несет на себе печать двойственности, свойственной родовому обществу на данном этапе его истории»¹.

Обычай, как правило поведения, был единственной нормой, регулировавшей отношения людей в первобытно-общинном строе. С разложением первобытнообщинного строя и с появлением классов обычай принял классовый характер. С этого времени обычаи претерпевают изменения и постепенно приспособляются к обслуживанию интересов господствующего класса. Обычаи эти приобретают правовой характер, т. е. их выполнение обеспечивается принуждением.

Возникновение органов публичной власти в низовых политических единицах, какими являются джамааты в Дагестане, было началом выработки правовых норм, составляемых в своей совокупности обычное право.

Обычное право являлось основным источником права в период формирования феодальных отношений. Длительное действие норм обычного права в Дагестане было обусловлено отсутствием политически централизованного государственного объединения и значительной административной и политической самостоятельностью сельских общин со своими установившимися обычаями, регулировавшими почти все стороны семейного и общественного быта горцев.

К обычному праву относятся адаты, рассматриваемые обществом как обязательные, невыполнение которых вызывает определенные репрессивные меры к нарушителям. Далеко не все дагестанские адаты носят проворной характер. Многие из них, относящиеся к области общественной нравственности, гостеприимству, семейным отношениям – суть моральной нормы, нарушение которых осуждается обществом, но не влечет за собой применение принудительных мер.

Адат в Дагестане, – как правильно отмечено проф. Ф. И. Леонтовичем, – имел тройное значение, во-первых, как обычай, живущий в народном предании, во-вторых, как способ разбирательства судебных дел и, в-третьих, как закон местный, действующий лишь в данной местности. Последнее значение имеет наибольшее распространение и в этом смысле рассматривается в настоящей работе.

¹ Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957. С. 217.

Источники образования адатов были различны. Важную роль в формировании адатов играло третейство или маслагат (от араб. «маслахат» – общее благо, выгода, интересы сторон) по разбирательству различных правонарушений.

Маслагат настолько определяет начала дагестанского обычного права, что к разбирательству уголовных и гражданских дел приступали лишь после попыток примирения тяжущихся сторон.

Подчеркивая значение третейского решения (маслагата) в образовании адатов Н. А. Караулов писал, что «путем маслахата устанавливались взаимные отношения между владельцами и крестьянами. Маслахаты могут даже отменять старинные, освященные давностью адаты»¹.

Другим, не менее важным источником образования адатов являлись решения сельских сходов по самым разнообразным вопросам.

По коренному мусульманскому праву, – отмечает Ф. И. Леонтович, – каждое общество (джамаат) правоверных имеет свои сходки стариков и почетных жителей для совещаний об общественных делах, – на таких сходах при недостатке адатов по тому или другому вопросу, старики устанавливают мирский маслагат, обращающийся при дальнейшей практике в постоянный адат общины»².

Такая практика весьма характерна и для горцев Дагестана. Почти в каждом дагестанском ауле имелись специальные места сбора джамаата. Почетные лица, о которых упоминает Ф. И. Леонтович, это наиболее зажиточные представители сельской общины, которые оказывали решающее влияние на принятие решений по общественным делам. В дальнейшем при многократном применении решение схода, принятое по конкретному случаю, становилось адатом во всех аналогичных случаях.

Среди источников дагестанского обычного права следует отметить и соглашения между двумя или несколькими сельскими общинами об установлении единообразной ответственности их жителей за нарушение интересов договорившихся джамаатов в целом или отдельных лиц. «В эпоху борьбы патриархальных обществ, – писал исследователь осетинского обычного права В. Пфафф, – соседи, утомленные продолжительной враждой, иногда определяли раз навсегда, для разных правонарушений, известное возмездие. Подобные компромиссы – самый обильный источник обычного права»³.

Соглашения, как правило, заключались в письменном виде с указанием свидетелей. Срок их действия не ограничивался, лишь по мере необходимости по взаимному соглашению вносились дополнения и изменения. Соглашения подобного рода, вызванные к жизни стремлением избежать конфликты и вражду с соседями, получили в Дагестане повсеместное широкое распространение. Им принадлежит значительная роль в выработке норм адата и установлении определенного правопорядка во взаимоотношениях сельских общин.

Особое значение соглашения имели в «вольных» обществах Дагестана.

Отношения между сельскими общинами издавна строились на союзных началах. В одних случаях наиболее могущественный аул с добровольного согласия других соседних аулов брал на себя руководство всеми делами союза. В других это достигалось в результате насильственного подчинения слабых аулов сильным. Тогда между главным джамаатом и остальными устанавливались отношения покровительства и защиты с одной стороны, подчинения и платежей – с другой.

Очень ярко выступали эти отношения в Ахтынском «вольном» обществе. Жители всех 11 селений, входящих в Ахтынское общество, не имели права разбирать обоюдные претензии без ахтынских посредников.

По первому требованию ахтынцев жители селений были обязаны являться на помощь в случае войны.

Ахтынские аксакалы контролировали во всех селениях правильность исполнения закята.

Ахтынцы за кровь убитого платили 30 баранов, а с жителей подчиненных селений брали 600 голов овец.

Жители 11 селения отбывали так называемую пахту. Она заключалась в том, что жители селений 1 раз в год обязаны были принимать ахтынцев, угощать их лучшей пищей, кормить их лошадей и сверх того отдавать еще по одной овце. Ахтынцы обычно отправлялись в селения партиями от 100 до 500 человек и гостили в селении в течение суток⁴.

Насколько тягостным и обременительным был обычай пахты можно судить по тому, как он исполнялся в Рутульском обществе.

«Рутульцы, отправляясь для пахты в данное селение своего участка партиями от 100-300 человек, гостили по 3 суток и мало того, что требовали себе отборную пищу, но и принуждали кормить своих лошадей в 3 1/2 раза более, чем того требовали ахтынцы. Независимо от угощения, рутульцы брали при этом по 1 барану с каждого дыма того селения, куда приезжали для пахты»⁵.

Рутульцы, кроме поборов при пахте, – отмечается далее, – брали еще в виде подати, по 1 барану в год с каждого дыма селений, отбывавших пахту.

Вместе с тем каждый джамаат вольного общества регулировал свои взаимоотношения с другими на основе специальных адатов, о соблюдении которых имела договоренность.

¹ Караулов Н. А. Основы мусульманского права // СМОМПК. Вып. 40. 1909. С. 34.

² Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Вып. 1. С. 11.

³ Пфафф В. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Вып. 1.

⁴ Описание нравов, обычаев и образа правления Самурского округа до присоединения к России // Рук. фонд, д. 2493, лл. 2, 14.

⁵ Описание нравов, обычаев и образа правления Самурского округа до присоединения к России // Рук. фонд, д. 2493, лл. 2, 14.

Материал дагестанского обычного права, как будет показано ниже, полностью подтверждает приведенное высказывание.

Адаты касались широкого круга вопросов: совместных выступлений в случае опасности, пользования пастбищами, горами, принятия ишклия, ответственности за те или иные преступления и т. д.

Приведем некоторые из них. «Жители селений Хахиб, Гууб, Баклял и Гандих согласились на единое положение. Если один среди них отделится без разрешения остальных, то за ним семь коров. Если один из хахибцев или гуубцев убьет одного из баклялцев или хиндихцев, то за убийцей в пользу гостя убитого пятнадцать коров, пятнадцать коров в пользу селения убийцы и тринадцать коров в пользу наследников, а также наоборот»¹.

В этом адате в качестве солидарного ответчика выступает весь джамаат. Коллективная ответственность всего джамаата, за действия одного из своих членов основывалась на том, что все члены джамаата обязаны были оберегать интересы своего аула, не считаясь с опасностями для жизни и имущества, и потому каждый из них имел право на защиту со стороны всего джамаата.

Общество сел. Обода обязывалось оказывать помощь тому, кто оказывался кровником, убив одного или нескольких человек из жителей Хиндаха. Из каждого двора кровнику выдавалось по одной мерке зерна. Если общество проявило незаботливость и уклонилось от выдачи зерна, то в собственность кровнику должна быть передана гора, начиная с «Хуру-Чух» до «Глулукал»².

Адат, принятый во второй половине XVII века, в 1665 году считает, что убийца должен подлежать обязательной мести. Уклоняющийся от мести убийца подвергался штрафу. «Жители селений Ансуб и Исиниб согласились не оставлять убийцу без отомщения. Если наследник убитого прощает убийцу за выкуп, то с него взыскивать тридцать коров, стоимость в пять овец каждая, а также сто овец с убийцы в пользу Нуцала, сына Умма-Нуцала...»³. Уставовленный высокий штраф практически не допускал примирения за выкуп, и наследникам убитого оставалось только мстить убийце. Прощение за выкуп в то время считалось безнравственным и противоречащим интересам джамаата.

Селения Чох и Цудахар имели договоренность о неприменении ишклия в отношении друг друга. С нарушителя взыскивался штраф один бык. Также они обязались взаимно оказывать помощь в случае опасности. Даже между ними было установлено: «Если султан (бек) присвоил (захватил) имущество и на месте очутился один из жителей обоих селений и он не помешал ему посредством тревоги или другими путями, то он сам должен возместить нанесенный султаном ущерб. Если один из жителей обоих селений убил султана (бека), то оба селения должны выдать ему двадцать баранов»⁴.

Выполнение правовых норм внутри джамаата обеспечивалось сельской администрацией. Что же касается правовых норм, о соблюдении которых имела договоренность между несколькими аулами, то их исполнение не могло быть обеспечено центральной административной властью (это откосится и к феодальным владениям). Поэтому джамааты, заключавшие между собой соглашения, в качестве гарантии исполнения практиковали заклад каких-нибудь ценных предметов (в одном случае по два крымских ружья) или оговаривали в соглашениях, что в случае невыполнения определенная местность (гора, пастбище) перейдут в собственность другой стороне. Справедливые претензии лица другого джамаата должны были удовлетворяться администрацией джамаата, к которому принадлежат ответчик.

Горские адаты устанавливали различную ответственность почти по всем правонарушениям в зависимости от социальной принадлежности.

О бесправном положении рабов говорит следующий адат даргинцев: «За убийство кулла и каравашки дается вознаграждение владельцу и более никакому взысканию виновный не подвергается. За убийство куллом кого-либо взыскание делается с владельца и он же делается канлы родственников убитого. Но если владелец не согласится быть канлы, то должен освободить кулла из крепостной зависимости, и тогда кулл, сделавшись свободным (узденем), признается сам канлы»⁵. По адатам сс. Ругуджи и Согратль, сознавшийся в убийстве признавался виновным только в том случае, если он равного происхождения и имущественного положения с убитым⁶. Такой же адат существовал и у жителей Андийского округа.

Все претензии между куллами и каравашами одного владельца у даргинцев разбирались самим владельцем⁷. Рабы не допускались свидетелям или присягателями ни по одному делу. Взыскание за ранение раба определялось, в отличие от общего правила, по шариату.

В лакских адатах была установлена различная ответственность бека, узденя и раба за убийство. Убийца раба удалялся из места своего жительства на 40 дней, после этого он уплачивал хозяину раба определенную сумму и примирялся как с владельцами раба, так и его родственниками. А если раб убил бека или узденя, то он вместе со своим владельцем, удалялись канлы и подвергались мщению и ответственности по общим правилам кровной мести.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что обычное право Дагестана, несмотря на присущие ему партикуляризм и консерватизм, как следствие господства натурального хозяйства, отчетливо отражает уровень социально-экономического развития горских народов.

¹ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1658, с. 153.

² Там же. Д. 1669, с. 167-168.

³ Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1669, с. 154.

⁴ Там же. С. 166.

⁵ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. 1899. С. 88.

⁶ Там же. С. 273.

⁷ Там же. С. 69.

Обычное право, развиваясь в условиях сохранения пережитков общинного строя, в феодальной экономике сочетает в себе институты патриархально-родового строя с нормами, характерными для периода становления феодальных отношений. Нормы обычного права, определявшие правовой порядок в обществе, выражали волю и верхушки и использовались ею для защиты и укрепления своего привилегированного положения.

К вопросу о разработке и принятии Конституции СССР 1936 года

А.А.Асхабов

Р.М.Разаков

К началу 30-х гг. советское руководство столкнулось с острой дилеммой. С одной стороны, общество, уставшее от потрясений, требовало социального замирения. В свое время переход к НЭПу смягчил конфронтационность в экономике. Но он не смог ликвидировать в обществе атмосферу идеологию революционного натиска. В свое время именно это помогло Сталину одержать победу в «год великого перелома». Однако теперь пережитки революционной психологии разрушения угрожали стабильности любого политического режима, в том числе сталинского. С другой стороны, экономические проблемы, рожденные НЭПом, требовали нестандартных, радикальных реформ. Но это, в свою очередь, грозило возвратом к наиболее авторитарным методам военного коммунизма¹.

Закономерным продолжением материализации режима в годы «сталинского неонэпа» становится принятие решения внести изменения в действующую Конституцию СССР 1924 г. Современникам происходивших в 30-е гг. перемен трудно было сразу оценить их масштабы. Не случайно поэтому, когда вопрос о необходимости законодательного закрепления произошедших в обществе перемен обсуждался на Пленуме ЦК ВКП(б) 1 февраля 1935 г. первоначально было решено ограничиться лишь внесением некоторых изменений в текст действующей Конституции. Эта позиция и была оглашена Председателем Совета Народных Комиссаров на VII Всесоюзном съезде Советов, проходившем в Москве с 28 января по 6 февраля 1935 г. Съезд обязал ЦИК СССР избрать Конституционную комиссию и поручить ей выработать исправленный текст Конституции, который затем внести для утверждения².

5 декабря 1936 года состоялось заключительное заседание Чрезвычайного VIII съезда Советов Союза ССР. Съезд утвердил текст Конституции СССР сначала постановлением, а затем в целом, и поручил ЦИК СССР на основе новой Конституции разработать и утвердить Положение о выборах, а также установить сроки выборов в Верховный Совет СССР. В ознаменование принятия новой Конституции СССР съезд объявил 5 декабря всенародным праздником – Днем Конституции СССР.

Хотя в те годы Конституция 1936 года часто называлась «сталинской» над ней работали и оппозиционные Сталину политики. Так, важнейший блок по социальным вопросам, во многом ставший лицом новой Конституции, был подготовлен Николаем Бухариным. В результате такого широкого социального компромисса новая советская Конституция стала новой вехой в развитии советской демократии.

Прежде всего, по сравнению с нормами, сохранявшимися в советском законодательстве с революционной поры, новый основной закон серьезно расширил общедемократические права граждан. К прежнему набору традиционных прав и свобод, таких, как свобода совести, слова, собраний, союзов, добавляются новые. Важнейшим среди них можно назвать право на труд, на отдых, социальное обеспечение, образование и др. Впервые в практике российского законодательства конституционно признавались неприкосновенность личности³.

Далее, как подчеркивали советские историки в 70-е гг., в Конституции 1936 года по-новому трактовалось само понятие демократии. Если раньше советская демократия была демократией для трудящегося большинства, то теперь она стала демократией для всех граждан СССР. Это выразилось уже в выпадении из названия Советов их определения как Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Изменилось не только название Советов, но и их структура. Если раньше Советы избирались только на низовом уровне, и уже начиная с волости и района, созывались съезды Советов, то теперь выборными становились представительные органы власти любого уровня. Тем самым реализовывалась бухаринская идея приближения Советов к парламентско-муниципальным учреждениям западного типа. Тому же служило и то, что отныне Советы становились постоянными органами. Для созыва сессии теперь не нужно было каждый раз устраивать новые выборы – достаточно было созвать депутатов. С прежними корнями новые Советы связывало лишь сохранившееся право отзыва депутатов⁴.

Конституция СССР 1936 года законодательно закрепила основные принципы и устои социалистического общества. Она провозгласила, что экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства⁵.

Подчеркнув плановый характер социалистической экономики, Конституция установила, что народнохозяйственная жизнь страны определяется и направляется государственным народнохозяйственным

¹ Велеско В. Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голь. Политические портреты. – Минск, 1991. – С. 216-218.

² Куликова Г.Б. Основной Закон государства победившего социализм. – М., 1986. – С. 12-15.

³ Михайлова Н.В. История отечественного государства и права [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Михайлова Н.В., Курскова Г.Ю., Калина В.Ф. – Электрон. текстовые данные. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 423 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/18184>.

⁴ Чураков Д. Указ. соч. – С.76.

⁵ Кола Д. Противоречие в Конституционной истории СССР // Полис. – 1998. – №6. – С.38-39.

планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня жизни трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

По Конституции 1936 года социальную структуру советского общества составляли два клана: рабочие и крестьяне. Это означало, что в отличие от предыдущей советской конституции Конституция 1936 года не содержала положения о политическом господстве одного класса – рабочего класса.

Свое выражение оно нашло уже в самом определении государства. «Союз Советских Социалистических Республик, – говорилось в ст. 1. – есть социалистическое государство рабочих и крестьян»¹.

По Конституции 1936 года серьезной реформе подверглась избирательная система. По новой Конституции избирательное право становилось всеобщим. В небытие отходила практика прошлых лет, когда право выбирать и быть избранными лишались целые социальные группы.

Согласно ст.135 Конституции 1936 года, все граждане, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности имели право участвовать в выборах депутатов за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав. Вплоть до 1936 года сохранялось неравное представительство от жителей города и села. Реально один голос горожанина «весил» три голоса, поданных на выборах в деревне. Теперь избирательная система строилась по принципу «один человек – один голос», т.е. на основе равного избирательного права. Отменялись существовавшие долгие годы многоступенчатые выборы. Конституция 1936 года вводила прямые выборы во все звенья Советов – от сельсовета до Верховного Совета СССР. С принятием новой Конституции происходит полный отказ от производственных выборных кругов. Теперь выборы должны были проходить только в округах по месту жительства.

Наконец, важнейшим демократическим элементом новой избирательной системы, явилось тайное голосование, введенное Конституцией СССР 1936 года. Открытое голосование было заменено тайным по ст. 140 и 141 Конституции 1936 года².

Если оставить на время вопрос о классовом характере этих нововведений, то смело можно утверждать, что они самым серьезным образом повлияли на развитие политической системы в СССР. Важно также иметь в виду, что именно эти преобразования помогли руководству страной решить одну из проблем – замирить вышедшее из берегов пост революционное общество.

В Конституции 1936 года были также установлены обязанности советских граждан. В частности, это были – соблюдать Конституцию СССР, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность³.

Большое политическое значение имела ст.126 Конституции СССР 1936 года, в которой впервые в истории Советской Конституции была законодательно зафиксирована руководящая роль Коммунистической партии Советского Союза.

Очень существенные и неоднозначные преобразования закрепляла Конституция 1936 года в области национально-государственного устройства Советского Союза, но о них подробно будет сказано ниже.

Такое важное в жизни общества событие, как принятие новой Конституции, не могло не вызвать самых различных откликов современников. Так, уже в день опубликования проекта Конституции в советской прессе, 12 июня 1936 года, Посольство США в Москве направило в Вашингтон телеграмму с изложением его важнейших положений. Западные дипломаты не могли не признать, что проект «данной Конституции создает впечатление наиболее либерально окрашенного документа».

Известный французский писатель – гуманист Р. Роллан шел в своих оценках еще дальше, полагая, что новая Конституция СССР – «это проведение в жизнь великих лозунгов, до сих пор являвшихся только мечтой человечества, – свободы, равенства и братства»⁴.

Но в то же время мы не можем не видеть, что новая Конституция стала реальным и ощутимым шагом в сторону от великих лозунгов революции октября 1917 года. Конечно, для американских дипломатов и ориентирующихся на общечеловеческие ценности интеллигентов это было не принципиальным. Но для тех, для кого принципы Октября не были пустым звуком, отход от них представлялся предательством. Так, с резкой критикой выхолащивания роли и сути Советов выступил старый подпольщик, ученик Октябрьской революции А. Спундз. В письме своей жене он осмелился поделиться теми соображениями, о которых не решали говорить вслух: «большевики (правда, те же только по одному лишь названию), – писал он, – сначала надломили Советы, передав в 1934 году официальную власть из рук Советов в руки парткомов, а затем Конституцией 1936 года совсем убили Советскую власть, т.е. сами в области общеполитической опустили ниже лучших буржуазных государств, но для обмана оставили название Советов»⁵.

Еще более непримиримо был настроен честолобивый соперник Сталина – Троцкий. В выпущенной за рубежом на нескольких языках книге «Преданная революция» всемирный перманентный революционер

¹ Конституция СССР 1936 года. – М., 1969. -С.6.

² Кузнецов И.Н. История государства и права России (4-е издание) [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Кузнецов И.Н. – Электрон. текстовые данные. – М.: Дашков и К, 2013. – 696 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/10927>.

³ Варламова Н.В. Конституционный процесс в России (1900-1993 гг.) – М., 1996. -С.111.

⁴ Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Конституции СССР.- М., 1980, – С.77.

⁵ Чураков Д. Указ. соч. – С.76.

уделил этой проблеме отдельную главу «СССР в зеркале новой Конституции». Помимо рассуждений о перерождении Советов, он указывал на то, что тайное голосование наиболее выгодно бюрократам. Он задавался вопросом: в капиталистическом обществе тайное голосование защищает эксплуататоров от террора людей труда, а от кого в таком случае «боится население социалистической страны и от чьих покушений требуется защищать его?». Не вызвала поддержки Троцкого и безальтернативность советских выборов, проводящихся под жестким надзором властей предрежащих.

Даже такой верный соратник Сталина, как Молотов не разделял всеобщих восторгов по поводу новой Конституции. Он подвергал сомнению ее основополагающий социальный принцип «от каждого по способности, каждому по труду». Предсовнарком не соглашался с тем, что этот лозунг и есть выражение всей сути социализма. Кроме того, он считал неоправданной схоластикой разрывать марксову формулу коммунизма и разменивать ее на потребность сиюминутной политической конъюнктуры. По свидетельству Ф. Чуева, он неоднократно критиковал эту «теоретическую ошибку Сталина заявляя, что в Конституции 1936 года «не ясно и непонятно записан принцип социализма». Молотов полагал, что влачащие полуголодное существование рабочий и колхозник, вынужденные ради куска хлеба выполнять назначенные им нормы или минимум трудодней, вряд ли «трудятся по способностям». «Это приукрашивание того, что у нас есть – полагал он. Что же касается «каждому по труду», то и тут Молотов был бескомпромиссен. «Во всех книгах у нас – по труду, по труду, – говорил он. – Некоторые так понимают; если я работаю на фабрике, то по труду и получаю. А если ты начальство, то по труду норм тебе никто не устанавливает ... Благодаря безобразиям, которые существуют, под видом «по труду» получают люди совершенно недобросовестно работающие, и их у нас очень много»¹.

Следует подчеркнуть, что новая Конституция СССР 1936 года для современников казалась нерушимым и незыблемым для выполнения Законов, и большинство не предполагало, что оно может послужить своеобразной ширмой, прикрывающей тоталитарный режим демократическими и социалистическими одеждами.

Крупные договора хозяйственных обществ в гражданском законодательстве РФ

Н.Ф.Бабаев

На современном этапе развития гражданского законодательства крупные договора, а также требования к порядку ее заключения отражены в двух очень важных для обществ актах корпоративного законодательства – это Федеральный закон «Об акционерных обществах»² и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»³.

Федеральный закон «Об АО» затрагивает лишь два вида крупных договоров. В начало выделения первой группы крупных договоров законодатель положил стоимостный критерий. Так, крупной сделкой признается сделка или несколько взаимосвязанных сделок, связанных с приобретением или отчуждением либо возможностью отчуждения акционерным обществом прямо или косвенно имущества, стоимость которого составляет более 25 процентов балансовой стоимости активов общества на дату принятия решения о заключении таких сделок, за исключением сделок, совершаемых в процессе осуществления обычной хозяйственной деятельности (п. 1 ст. 78 ФЗ «Об АО»). Что касается второй группы крупных сделок, то она обособляется на основе количественного критерия. Согласно этому критерию крупной будет являться сделка или несколько взаимосвязанных сделок, связанных с размещением обыкновенных акций либо привилегированных акций, конвертируемых в обыкновенные акции, составляющих более 25 процентов ранее размещенных обществом обыкновенных акций (п. 1 ст. 78 ФЗ «Об АО»). В силу специфики общества с ограниченной ответственностью как организационно – правовой формы юридических лиц и невозможности в рамках этой формы осуществлять выпуск акций ФЗ «Об ООО» при выделении крупных сделок ограничивается количественным критерием (п. 1 ст. 46 ФЗ «Об ООО»).

Таким образом, крупной сделкой может являться как отдельная сделка, так и несколько взаимосвязанных сделок. Законодатель не определяет признаки, при наличии которых можно было бы говорить о наличии взаимосвязи сделок. Поэтому, как справедливо отмечает М.Ю. Тихомиров⁴, «только при рассмотрении конкретного дела суд может ответить на вопрос, следует ли определенные сделки считать взаимосвязанными или нет». Например, генеральный директор акционерного общества З. отчуждает все принадлежащие на праве собственности этому обществу акции другого акционерного общества иным лицам. Отчуждение происходит путем заключения с этими лицами нескольких договоров купли – продажи акций. По отдельности договоры купли – продажи не отвечают количественному критерию крупной сделки, однако, взятые в совокупности, они ему полностью соответствуют. Во-первых, совпадают основания сделок, заключенных генеральным директором общества. Основанием сделки является типичный для данного вида сделок правовой результат, ради достижения которого они совершаются. В нашем примере типичный правовой результат совершенных сделок заключался в прекращении права собственности на акции у общества З. и возникновении права собственности на эти акции у иных лиц. Во-вторых, отчуждение акций

¹ Чуреков Д. Указ. соч. – С.77.

² Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об акционерных обществах» – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.08.2017).

³ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об обществах с ограниченной ответственностью» – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.08.2017).

⁴ Тихомирова М.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» в новой редакции. М.: «Издательство Тихомирова М.Ю.». – 2010. – С.46.

влекло за собой не только прекращение права собственности на них у общества З, но и потерю им статуса акционера, так как в силу п. 1 ст. 142 ГК РФ с передачей ценной бумаги к ее приобретателю переходят все удостоверяемые ею права в совокупности. Наконец, в-третьих, предметом всех заключенных сделок выступало однородное имущество в виде акций. Наличие указанных обстоятельств, на наш взгляд, позволяет дать утвердительный ответ на вопрос о наличии в данном случае взаимосвязи между заключенными сделками по отчуждению акций»¹.

Для квалификации сделки в качестве крупной сделки первой группы необходимо установить, была ли она направлена на приобретение или отчуждение имущества, либо создавала ли она возможность отчуждения обществом прямо или косвенно имущества. Отчуждение обществом имущества не следует понимать как его простую передачу иным лицам. Отчуждением можно признать только такую передачу имущества, в результате которой у общества прекращается на него право собственности, либо оно осуществляет уступку прав в порядке главы 24 ГК РФ»², когда в виде имущества выступают имущественные права. В этой связи, например, арендодатель не может оспаривать договор аренды по основанию несоблюдения при его заключении требований закона о совершении крупных сделок, поскольку по договору аренды не происходит отчуждения имущества, а оно лишь передается арендатору во временное владение и пользование. Однако, если договором аренды предусматривается возможность выкупа арендованного имущества (ст. 624 ГК РФ), то такой договор, несомненно, будет являться сделкой, направленной на отчуждение имущества. Законодатель говорит не только о фактическом отчуждении имущества, но и о возможности такого отчуждения. Сделки, заключение которых создает возможность отчуждения имущества, могут быть самыми разнообразными. Так, заключение договора залога может и не повлечь за собой обращения взыскания и реализации предмета залога. Но отчуждение предмета залога станет неизбежным в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства. Юридическое значение имеет создание самой возможности отчуждения имущества, а не ее фактическая реализация. Причем не имеет значения, создается ли возможность отчуждения имущества только по воле его собственника или отчуждение станет возможным помимо его воли. Что касается состава имущества, в отношении которого существует потенциальная возможность отчуждения, его стоимости, то эти показатели должны определяться на основе конкретных данных, существующих на момент заключения сделки.

Как справедливо замечает Г.С. Шапкина, при этом не должны учитываться дополнительные выплаты (обременения имущественного характера), которые лицо может понести в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, порожденных заключенной сделкой³. К таким выплатам могут быть отнесены штраф и пеня, а также иные меры гражданско – правовой ответственности. Возможность изменения состава отчуждаемого имущества, увеличения его стоимости не обуславливается исключительно противоправным характером действия или бездействия общества. Следует отметить, что ни при каких обстоятельствах крупными сделками общества не могут быть признаны сделки, совершаемые обществом в процессе осуществления обычной хозяйственной деятельности. Под хозяйственной деятельностью общества следует понимать его деятельность как участника гражданского оборота, направленную на производство товаров, выполнение работ, оказание услуг и осуществляемую в соответствии с уставом данного общества. Термин «обычная» следует применять к конкретному обществу. По общему правилу хозяйственное общество, как разновидность коммерческой организации, обладает общей правоспособностью и может осуществлять любые виды деятельности, не запрещенные законом (абз. 2 п. 1 ст. 49 ГК РФ). Однако обычными для конкретного общества будут далеко не все виды деятельности, которыми оно вправе заниматься. Вряд ли можно признать в качестве сделки, совершаемой в процессе осуществления обычной хозяйственной деятельности, сделку общества, изготавливающего какую-либо продукцию, по отчуждению принадлежащих ему сооружений, необходимых для осуществления производственного процесса. Под сделками общества, совершаемыми в процессе обычной хозяйственной деятельности, понимаются не только сделки, являющиеся неотъемлемым элементом содержания такой деятельности, сделки, заключение которых охватывается процессом осуществления хозяйственной деятельности, но и иные сопутствующие им сделки.

Порядок определения стоимости имущества, являющегося предметом крупной сделки, заключаемой обществом с ограниченной ответственностью, четко определен в п. 2 ст. 46 ФЗ «Об ООО». Стоимость отчуждаемого обществом в результате совершения крупной сделки имущества определяется на основании данных его бухгалтерского учета, а стоимость приобретаемого имущества – на основании цены предложения. Эта стоимость сравнивается со стоимостью всего имущества общества, определяемой на основании данных бухгалтерской отчетности за последний отчетный период, предшествующий дню принятия решения о совершении такой сделки. Сделка будет являться крупной, если стоимость отчуждаемого или приобретаемого по ней имущества составит более 25 процентов стоимости имущества общества. Уставом общества с ограниченной ответственностью может быть предусмотрен более высокий

¹ Постановление Шестнадцатого апелляционного суда от 28 ноября 2016 г. № 16АП-2946/2016 Северо-Кавказского судебного округа // Web-адрес Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда Северо-Кавказского судебного округа – <http://www.16aas.arbitr.ru>

² Гражданский кодекс РФ. Часть первая, вторая, третья и четвертая (с изменениями и дополнениями от 29.07.2017) – М.: «Эксмо», 2016. – 672 с.

³ Шапкина Г.С. Некоторые вопросы применения корпоративного законодательства // Вестник ВАС РФ. – 2016. – № 5. – С. 91.

процент соотношения стоимости имущества, являющегося предметом сделки, и стоимости всего имущества общества. Бухгалтерский учет, на основании данных которого определяется стоимость отчуждаемого имущества, представляет собой упорядоченную систему сбора, регистрации и обобщения информации об имуществе общества. Что касается бухгалтерской отчетности, то она определяется в качестве единой системы данных об имущественном и финансовом положении общества, о результатах его хозяйственной деятельности, составляемой на основе данных бухгалтерского учета по установленным формам (ст. 2 Федерального закона «О бухгалтерском учете»¹). Для отражения в бухгалтерском учете и бухгалтерской отчетности имущество общества подлежит денежной оценке в соответствии с установленными требованиями. Так, оценка имущества, приобретенного за плату, осуществляется путем суммирования фактически произведенных затрат на его покупку, а имущества, полученного безвозмездно, – по рыночной стоимости на дату оприходования и т.д. Наибольшее значение для определения стоимости имущества по сделке имеют данные бухгалтерского баланса, являющегося неотъемлемой частью бухгалтерской отчетности. Именно с данными бухгалтерского баланса происходит сопоставление стоимости отчуждаемого или приобретаемого по сделке имущества. Для этих целей необходимо использовать бухгалтерский баланс, составленный за последний отчетный период, предшествующий дню принятия решения о заключении сделки. По общему правилу коммерческие организации обязаны предоставлять квартальную и годовую бухгалтерскую отчетность (п. 2 ст. 15 Федерального закона «О бухгалтерском учете»).

Таким образом, при решении вопроса о том, является ли сделка крупной, в зависимости от времени принятия решения о ее совершении, следует руководствоваться данными квартального или годового бухгалтерского баланса.

В отношении порядка определения стоимости имущества, являющегося предметом крупной сделки, заключаемой акционерным обществом, нет единой позиции ни в юридической литературе, ни в судебной практике. Согласно п. 2 ст. 78 ФЗ «Об АО» определение стоимости имущества, являющегося предметом крупной сделки, осуществляется советом директоров общества в соответствии со ст. 77 ФЗ «Об АО». Таким образом, законодатель распространил на отношения, связанные с определением стоимости имущества, приобретаемого или отчуждаемого по крупной сделке, действие норм об определении рыночной стоимости имущества.

На основании исследования можно сделать вывод, что современное регулирование крупных сделок, безусловно, является гарантией соблюдения прав и законных интересов общества и его участников. В то же время, следует отметить, что законодательство о крупных сделках требует восполнения значительных пробелов, внесения существенных изменений и дополнений с целью разъяснения неясностей и устранения противоречий. Очевидно, что круг указанных проблем, подлежащих решению законодателем, невозможно устранить путем судебного или доктринального толкования.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ. Часть первая, вторая, третья и четвертая (текст с изменениями и дополнениями от 29.07.2017). – М.: «Эксмо», 2016. – 672 с.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об акционерных обществах» – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.08.2017).
3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об обществах с ограниченной ответственностью» – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.08.2017).
4. Тихомирова М.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» в новой редакции. М; – «Издательство Тихомирова М.Ю. – 2010. – С.46.
5. Постановление Шестнадцатого апелляционного суда от 28 ноября 2016 г. № 16АП-2946/2016 Северо-Кавказского судебного округа //Web-адрес Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда Северо-Кавказского судебного округа – <http://www.16aas.arbitr.ru>
6. Шапкина Г.С. Некоторые вопросы применения корпоративного законодательства // Вестник ВАС РФ. – 2016. – № 5. – С. 91.
7. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О бухгалтерском учете» – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.08.2017).

Literature

1. The law of the Russian Federation. The first, second, third and fourth parts of the text are to be found in the text of the article. The text is from the beginning of the 20th century and from the beginning of the 20th century. – М.: «Exmo», 2016. – 672 p.
2. Federal Law No. 208-FZ of 26.12.1995 (as amended on 03.07.2016) «On Joint Stock Companies» – The official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> (reference date 04.08.2017).
3. Federal Law of 08.02.1998 No. 14-FZ (as amended on 03.07.2016) «On Limited Liability Companies» – Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> (circulation date 04.08. 2017).
4. Tikhomirova M.Yu. Commentary to the Federal Law «On Limited Liability Companies» in a new edition. М; – «Publishing house Tikhomirova M.Yu. – 2010. – P.46.

¹ Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О бухгалтерском учете» – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.08.2017).

5. Decision of the Sixteenth Appeals Court of November 28, 2016 No. 16AP-2946/2016 of the North Caucasian Judicial District // Web-address of the Sixteenth Arbitration Appeal Court of the North Caucasus Judicial District – <http://www.16aas.arbitr.ru>
6. Shapkina G.S. Some questions of the application of corporate legislation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2016. – No. 5. – P. 91.
7. Federal Law No. 402-FZ of 06.12.2011 (as amended on 18.07.2017) «On Accounting» – The official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> (reference date 04.08.2017) .

Тактическая операция, как комплекс согласованных и взаимосвязанных процессуальных, экспертных действий и оперативно-розыскных мер

Н.Н.Власенко

Одной из основных проблем, от решения которой зависит повышение уровня предварительного расследования разбойных нападений, является организация взаимодействия следователя и оперативных работников на различных этапах совместной деятельности, начиная со стадии возбуждения уголовного дела и до направления его прокурору для утверждения обвинительного заключения.

Сущность и цель взаимодействия правоохранительных органов определяется как «основанное на законе и общности задач в уголовном судопроизводстве правильное сочетание, и эффективное использование полномочий, методов и форм деятельности, присущих каждому из указанных органов, направленное на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений»¹.

Формы взаимодействия при расследовании разбойных нападений можно классифицировать как по характеру связей (непосредственные и опосредованные), так и по продолжительности (временные и постоянно действующие). Непосредственная (прямая) связь устанавливается между различными субъектами правоприменительной деятельности, например между оперативным аппаратом органов внутренних дел, и следствия, а опосредованная предлагает взаимодействие через их вышестоящий орган, что встречается реже в силу меньшей эффективности.

По продолжительности формы взаимодействия, можно подразделить на временные и постоянно – действующие.

Временное взаимодействие определяется периодом проведения разовых мероприятий и решением небольших по объему задач. Это исполнение письменных поручений следователя, указаний прокурора, определений суда о поведении органами внутренних дел оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам, принятым ими к производству.

Постоянное взаимодействие осуществляется в течение всего расследования по делу, например в рамках постоянно действующих специализируемых подразделений, создаваемых для борьбы с разбойными нападениями или в рамках следственно-оперативных групп.

Особое внимание следует заострить на тактических формах взаимодействия, как на наиболее присущих практической работе. Такие формы предусматривают поисковые меры, обеспечивающие согласованную и целеустремленную деятельность следственных и оперативных аппаратов, которые регулируются, как правило, ведомственными нормативными актами.

Тактическая форма взаимодействия наиболее полно выражается в проведении тактической операции. В настоящее время разработка тактических операций, становится одним из наиболее перспективных научных направлений в криминалистике, позволяющим создавать гибкие алгоритмы эффективного расследования преступлений. Однако в криминалистической литературе по-разному определяют сущность и место тактической операции в методике расследования. Наиболее полным представляется определение Л.Я.Драпкина, который характеризует ее как «комплекс взаимосвязанных следственных, оперативно-розыскных, организационно-подготовительных, ревизионно-проверочных, иных действий и приемов, проводимых в сравнительно сжатые сроки по единому плану, с учетом следственной ситуации и направленных на решение отдельной промежуточной задачи, подчиненной общим целям расследования уголовного дела»².

Использование тактических операции при расследовании различных видов преступлений находит все более широкое применение на практике т.к. она является одной из важных составляющих успешного расследования и раскрытия преступлений, в том числе и разбойных нападений.

Применительно к расследованию преступлений изучаемой категории, тактическую операцию можно определить как комплекс согласованных и взаимосвязанных процессуальных, экспертных действий и оперативно-розыскных мер, объединенных общим замыслом (планом) и направленных на решение конкретных задач, осуществляемых в основном в сложных ситуациях и проходящая следующие этапы: 1) оценка следственной ситуации и принятие решения о проведении тактической операции; 2) подготовка и планирование; 3) непосредственное проведение; 4) процессуальное оформление; 5) оценка результатов и подведение итогов проведения тактической операции.

По нашему мнению наиболее распространенными тактическими операциями, проводимыми в связи с расследованием разбойных нападений по анализируемой категории дел являются: 1) преследование преступника по «горячим следам»; 2) выявление очевидцев преступления; 3) розыск и задержание

¹ Яблоков Н.П. Взаимодействие следователя и оперативно-розыскных органов в процессе раскрытия преступлений. – М., 2010. – С. 28.

² Драпкин Л.Я., Кокурин Г.А. Организация и тактические основы поисковой деятельности в расследовании преступлений. – Казань, 2007. – С. 63.

скрывшегося преступника; 4) розыск похищенного имущества; 5) составление и использование субъективного портрета лица, подозреваемого в совершении преступления; 6) проверка алиби подозреваемого и некоторые другие. Очевидно, что все они проводятся в сложных следственных ситуациях, в которых переплетаются проблемность и конфликтность.

Основной тактической задачей следователя при этом является сбор и оптимальное использование всей оперативно-розыскной и следственной информации о преступнике. Большое влияние на познавательные, исследовательские и проверочные действия оказывают ситуационные факторы. Зависимость указанных действий от характера и объема исходных данных велика.

В процессе расследования разбойных нападений, тактические операции также необходимо разрабатывать и осуществлять в зависимости от сложившейся следственной ситуации.

Анализ исследуемых преступлений показал, что тактические операции по поиску субъекта преступления чаще проводятся в сложной следственной ситуации, разрешение которой требует организации совместных следственных и оперативных мероприятий и привлечения дополнительных сил и средств. Разрозненные следственные действия, проводимые в отрыве от оперативных мероприятий, как свидетельствует практика, не приносят положительных результатов. Основная тактическая задача следователя в сложных ситуациях при расследовании данных преступлений заключается в выявлении, розыске и изобличении лиц, их совершивших. Важная роль в решении этой задачи отводится оперативно-розыскным мероприятиям¹.

Проводимые в процессе расследования разбоев на оперативно-розыскные мероприятия имеют общий и специальный характер. К оперативно-розыскным мероприятиям общего характера можно отнести: ориентирование личного состава РУВД (города, области); использование средств массовой и локальной информации². Оперативно-розыскные мероприятия специального характера подразделяются в зависимости от направленности действий: розыск и задержание преступника по приметам (применение фототек и фотоальбомов, дача ориентировок о признаках внешности преступника, использование данных криминалистического учета); поиск очевидцев и свидетелей (подворно-поквартирный обход, разведывательный опрос жильцов); розыск похищенного имущества (проверка по учетам, дача ориентировки о признаках похищенного имущества, проверка возможных мест сбыта); задержание оставшихся на свободе других членов преступной группы (наблюдение, организация засад, разведывательные опросы, проверка по учетам).

В качестве примера следует рассмотреть такую тактическую операцию как «преследование по горячим следам». Осуществление этой операции возможно по прибытии на место происшествия следственно-оперативной группы, когда потерпевший и очевидцы указывают не только приметы внешности преступника, но и направление, в котором он скрылся. Рассматриваемая тактическая операция обычно проводится следственно-оперативной группой, в состав которой входят следователь, специалист-криминалист, несколько оперативных работников, участковый инспектор, инспектор-кинолог³.

При расследовании данной категории дел в содержание тактической операции «Преследование по горячим следам» целесообразно включить следующие следственные и розыскные действия: 1) осмотр места происшествия; 2) допрос потерпевших и свидетелей; 3) непосредственное преследование уходящего с места происшествия преступника; 4) применение служебно-розыскной собаки; 5) прочесывание жилого массива, открытой местности и иных объектов с целью обнаружения и задержания преступника; 6) проверка возможных мест сбыта, расположенных недалеко от места происшествия (киоски, павильоны, магазины, ломбарды и т.п.); 7) организация засад и других заградительных мероприятий на вероятных путях бегства преступника. При проведении данной тактической операции необходимо учитывать, что преступники чаще всего стремятся быстрее покинуть ту часть района, где совершено нападение. Скрываясь с места происшествия, преступники нередко рассчитывают «затеряться» на близрасположенных многолюдных улицах. Имеют место факты, когда разбойники особых усилий, чтобы скрыться с места происшествия, не предпринимают, рассчитывая на то, что о нападении не будет заявлено в правоохранительные органы. Оперативной группой преследования обследуется направление, в котором скрылись преступники. К преследованию целесообразно привлекать потерпевшего или очевидцев с целью дальнейшего опознания нападавших.⁴

Таким образом, правильно организованное и скоординированное взаимодействие следователя и органа дознания, являясь одной из важных составляющих процесса расследования разбойных нападений, играющей большую роль в быстром и успешном расследовании дел данной категории, поэтому следователи и работники органов внутренних дел должны постоянно обмениваться поступающей к ним информацией и согласовывать свои действия, предпринимаемые в интересах расследования разбоев.

Место обычая в системе источников права России

¹ Гаврилин Ю.В., Шурухнов Н.Г. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений: Курс лекций. – М., 2014. – С. 30.

² Кривенко А.И. Взаимодействие следователя и органов осуществляющих оперативно-розыскную деятельность: Монография. – М., 2006. – С. 82.

³ Яблоков Н.П. Взаимодействие следователя и оперативно-розыскных органов в процессе раскрытия преступлений. – М., 2010. – С. 94.

⁴ Долинин В.Н., Рачева Н.В. Особенности расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых на открытой местности: Учебно-методическое пособие. – Казань, 2013. – С. 53.

Правовой обычай представляет собой одну из древнейших форм права. Его возникновение в недрах первобытнообщинной организации общественных отношений очевидно и не вызывает споров. Само его происхождение исключает участие государства в этом процессе. Силу как регулятивного, так и охранительного характера обычай черпает из собственных ресурсов.

Источником возникновения обычая признается общество, а государство выполняет по отношению к нему оценочно-иерархические действия. С одной стороны, органы государственной власти оценивают содержание обычных норм на предмет их соответствия требованиям нравственности, закона. С другой – положительная оценка включает правовой обычай в иерархическую систему форм права.

Вопрос о санкционировании нами рассматривается в следующих плоскостях: 1) что придает обычаю обязательную (включая принудительную) силу, делает его формой современного права: а) он приобретает свои регулятивные свойства от общества, в силу убеждения и практики; б) его юридическая сила возникает в силу государственного решения; 2) какие действия (бездействие) органов государственной власти составляют санкционирование: а) издание нормативного правового акта, содержащего разрешающую бланкетную норму; б) закрепление в судебном документе обычно-правового предписания; в) фактическое признание субсидиарного действия обычаев (молчаливое санкционирование); г) законодательное закрепление норм обычного происхождения путем их внесения в текст нормативных актов; д) перерастание правоприменительной деятельности в соответствующее обыкновение.

Развитие понятия «санкционирование». Актуальность вопроса о содержании понятия «санкционирование» предопределена тем, что оно достаточно активно задействовано в законодательстве – действующие федеральные законы используют этот термин не менее четырнадцати раз. Например, Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» говорит о санкционировании как разрешении пользоваться отдельными статьями уголовно-процессуального закона. Президент РФ санкционирует проведение ядерных и других специальных испытаний [1].

Таким образом, термин «санкционирование» востребован современным законодательством в значении одобрения и разрешения. Оно может осуществляться только компетентными государственными органами в специальной процедуре. Санкционирование может представлять собой отдельный письменный документ, либо входить составной частью в нормативный правовой акт.

Обоснованной и гибкой представляется позиция относительно наличия обычая как источника права и правового обычая как формы права. Тогда санкционирование опосредует переход обычая от источника к форме права. В изложении Т.В.Сергеевой этот процесс предстает следующим образом: «Государство посредством своей деятельности – санкционирования в процессе издания законов – облакает обычай во внешнюю форму, тем самым устанавливая охрану отношений, которые регулируются правовой нормой».

Выступая сторонником бланкетных отсылок законов к обычаям, она находит в этом отличие обычаев от других источников права: «В тексте закона государство не формулирует содержание обычая как нормы права, оно только указывает на отношения, складывающиеся в известной среде, как на объект обычно-правового регулирования»[2]. М.Н.Марченко также видит особенности правовых обычаев в том, что они «будучи санкционированы государством, приобретают юридическую силу и обеспечиваются в случае их нарушения государственным принуждением»[3].

Ошибочность позитивистской доктрины Т.В.Сергеева видит в том, что она признавала санкционирование норм обычного права путем законодательного оформления уже действующего правила, в качестве юридической нормы. Отталкиваясь от данного определения, давая ему критическую оценку в связи с его статическим содержанием, исследователь ищет собственный, оригинальный путь в установлении природы обычного права. И после витиеватых поисков возвращается к тому, что «государство, закрепляя неюридическую норму в форму права, как бы сообщает всем членам общества, что она находится под охраной, а посягательства на отношения, регулируемые ею, наказуемы»[4]. Этот процесс мы называем санкционированием и не видим никаких отличий между позитивистским и социологическим подходом к его содержанию.

Следуя известной отечественной традиции, А.В.Поляков выделяет правовой обычай из числа иных обычных норм (всеобщих, локальных и др.) в силу его общеобязательного характера и обеспеченности принуждением. Он пишет, что обычай «для непосредственного социального действия в качестве нормы права он должен иметь объективно правовое содержание, ... а для того, чтобы получить значение государственно-признанного источника права – быть санкционированным государством». Собственно юридическую процедуру санкционирования ученый связывает с особенностями романо-германской правовой системы и указывает на единство терминов «санкционирование» и «признание». Содержание этой процедуры осуществляется путем ссылки на обычай как на общеобязательное правило в каком-либо нормативно-правовом акте государства или при аналогичном его признании судебной, административной или арбитражной практикой [5].

Понимание санкционирования Г.И.Муромцевым предопределяется особенностями его трактовки термина «источник права», под которым он предлагает понимать «обусловленный характером правопонимания данного общества способ признания социальных норм в качестве обязательных». Форма выражения и закрепления права, по мнению профессора, приобретает принципиальное значение только с

появлением и развитием государства. И эта форма «устанавливается в результате правотворчества либо санкционирования норм, созданных без участия государства (обычай, доктрина и т.п.)» [6].

Таким образом, санкционирование представляет собой способ придания формы правовому обычаю, который в данном случае выступает в качестве источника права. Примечательно, что в связи с исследованием обычаев Г.И.Муромцев различает европейские и традиционные правовые системы. В качестве особенностей европейской правовой системы он называет связь правовой нормы с государством, которая «подразделяет обычаи на неправовые и правовые. Неправовой обычай – это обычай, который либо действует в обществе, где право исторически еще не сложилось (обычай родового общества), либо, действуя в государственно организованном обществе или обществе, переходном к нему, регулирует неправовую социальную сферу (например, сферу этикета). Под правовым обычаем понимается обычай, получивший санкцию государства и признаваемый вследствие этого источником права» [7].

Данный тезис представляется исключительно важным, т.к. вопрос о санкционировании в традиционных правовых системах лишен смысла. «В этих странах государство не участвует ни в создании обычаев, ни в принуждении к их исполнению. Запреты традиционных норм, осуществляемые государственной властью, демонстрируют крайне низкую эффективность» [8]. С учетом сказанного, термин «санкционирование» применяется для характеристики различных действий в связи с формами права или правоприменительной деятельностью. Объединяющим началом этого термина является выражение отношения к явлениям, возникшим без участия этой оценивающей структуры.

Важным представляется предназначение, роль санкционирования. С одной стороны, оно может пониматься как разрешение, с другой – как принятие под свою защиту, включение в единую систему. В таком случае термин «санкционирование» становится родственным «прятию». Таким образом, санкционирование означает выражение отношения государственных органов к обычному праву, в результате которого обычное право получает защиту со стороны государства, которая дополняет собственные регулятивные и охранительные свойства норм обычного происхождения. В результате санкционирования обычай из источника переходит в форму права.

Неоднозначность содержания процедуры и результатов санкционирования предопределили множественность определений и подходов к этому явлению. Обобщая научные дискуссии, отметим, что исследователи предпринимали попытки связать отношение к обычаю с типом: 1) правопонимания или 2) правовой системы. Вторая зависимость куда более очевидна. Действительно, господство нормативного правового акта в системе форм права романо-германских государств проблему санкционирования переводит из теоретической в практическую плоскость.

Правовой обычай как источник права не исчез, а видоизменился и приобрел иные формы. Он используется в современной отечественной юридической практике, например, в сфере действия частного права. Его применение предусматривается рядом статей Кодекса торгового мореплавания РФ (ст. 89, 134, 135, 251 и др.). С расширением сферы действия частного права роль правового обычая возрастает. В этой связи задача позитивного права (законодательства) заключается в том, чтобы создать этому регулятору частноправовых отношений благоприятные условия. Действующее гражданское законодательство отвечает этому требованию. Статья 5 ГК РФ содержит дефинитивную норму, в которой обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. В этой же статье определяются условия, при которых обычай не подлежит применению.

В определении правового обычая как источника права важно учитывать тот момент, что при определенных условиях на основе обычая могут быть сформулированы нормы права. Тогда правовой обычай как самостоятельный источник права перестает существовать и трансформируется в классические нормы права. Так, обычай уважения к старшим получил закрепление в ч.3 ст. 99 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой «первое заседание Государственной Думы открывает старейший по возрасту депутат».

Литература

1. Абзац 9 п.1. ст. 4 ФЗ от 31.05.1996 №61-ФЗ (ред. от 26.07.2017) «Об обороне» // СПС Консультант Плюс, 2017г.
2. Сергеева Т.В. Обычай как источник права// Правоведение. 1997. №2. С.86.
3. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. – М., 2010. С. 585.
4. Сергеева Т.В. Указ. работа. С.84.
5. Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. – СПб, 2009. С.506.
6. Муромцев Г.И. Источники права (теоретические аспекты проблемы)// Правоведение. 1992. №2. С.30.
7. Проблемы общей теории права и государства./ Под ред. В.С. Нерсисянца. – М., 2005. С.267.
8. Муромцев Г.И. Указ. работа. С.29.

Значение государственного регулирования деятельности предприятия

З.М.Гаммаева
Р.Н.Пирова

В современных условиях происходит усиление государственного регулирования и содействия

развитию предпринимательства, меняются организационные формы взаимодействия государственных органов с субъектами частного бизнеса, происходят существенные сдвиги в целях, механизме, аппарате управления, в сочетании государственного и рыночного механизмов регулирования.

Актуальность данной научной работы заключается в том, что государство оказывает наиболее значительное влияние на формирование экономической безопасности предприятия. Используя прямые и косвенные рычаги вмешательства, оно создает и регулирует экономические условия деятельности предприятий. Эти условия предназначены для защиты экономических интересов государства и его национальной экономики.

Государственное регулирование деятельности предприятий носит характер прямого и косвенного воздействия. Косвенное регулирование управления деятельностью промышленных предприятий формирует систему мотивации, создает стимулирующие условия для деятельности субъектов рыночных отношений и выступает в таких формах, как налоговая система, ценовая и финансово-кредитная политика, государственный заказ. Государственное регулирование деятельности промышленных предприятий независимо от формы собственности на средства производства осуществляется с помощью правовых, экономических и социальных мер. [4, с. 54]

Правовую основу деятельности предприятий составляют законы, – регулирующие правовые отношения между государством и предприятием, указы и постановления органов власти по вопросам хозяйственной деятельности предприятий. Попытка сформировать в Украине рыночную экономику, внедрить в практику ее механизм в условиях устоявшихся бюрократических и уравнилельных традиций является совершенно специфической задачей. Решение ее, кроме всего прочего, требует придания высшей юридической силы основным принципам рыночной экономики и предпринимательства. [2. – С. 63]

Государственная политика регулирования экономики направлена на всестороннее обслуживание потребностей предпринимателей и, в частности, по административному надзору и нормативному регулированию производства. Сейчас нормативное регулирование распространилось на новые области, такие как: безопасность продукции (продовольственных и фармацевтических товаров), разработка и внедрение унифицированных национальных стандартов качества (в том числе и стандартов безопасности продукции). [1. – С. 165]

Важным направлением государственного регулирования является патентная политика государства. Она сводится к ограничению срока жизни патента и осуществлению принудительного лицензирования новых патентов за относительно умеренную лицензионную плату.

В обобщенном виде в задачи государственного регулирования входят:

- разработка, принятие и контроль за законодательством, обеспечивающим правовую основу и защиту интересов предпринимателей;
- повышение эффективности государственного регулирования и снижение соответствующих издержек;
- ослабление прямых форм вмешательства и бюрократического контроля за деятельностью предприятий;
- создание условий для свободной и добросовестной конкуренции на рынке, свободного перемещения товаров на внутреннем и внешнем рынках, контроль за соблюдением правил конкуренции;
- обеспечение товарно-денежного и бюджетного равновесия посредством финансовой, налоговой, процентной политики и управления денежной эмиссией;
- сочетание текущих и перспективных направлений развития экономики: структурно-инвестиционной политики и научно-технической политики;
- содействие долговременному росту накопления капиталов и стабильному развитию, сдерживание инфляции экономическим путем, снятие ограничений административного регулирования хозяйственной сферы деятельности;
- обеспечение свободного передвижения рабочей силы и соблюдения норм трудового законодательства и регулирования частного найма и порядка оплаты труда;
- поддержание социального равновесия и приемлемого для большинства населения уровня дифференциации и распределения доходов.[4, с.96]

Характеризуя государственное регулирование экономики в современных условиях, прежде всего, необходимо отметить, что центр тяжести в этом регулировании переместился к активному участию государства в организационно-хозяйственном регулировании производства. Его основными задачами являются:

- осуществление структурной перестройки производства, что предполагает создание новых отраслей, ориентированных на экспорт, модернизацию традиционных отраслей и приспособление их продукции к требованиям мирового рынка, переориентацию отдельных видов производств на мировые рынки в рамках международной специализации;
- повышение конкурентоспособности продукции экспортных отраслей и отдельных видов производств;
- поиск и использование возможностей долгосрочного обеспечения производства гарантированными источниками поступления сырья, топлива, полуфабрикатов;
- укрепление положения в приоритетных и наиболее прогрессивных отраслях экономики, ориентация их на обслуживание экспортного производства;

– пересмотр форм связей между краткосрочными и долгосрочными мерами правительственной политики, традиционное воздействие на конъюнктуру, основанное на регулировании спроса, которое все теснее переплетается с мерами государственного регулирования внешнеэкономических связей;

– использование мер воздействия на процесс концентрации в ведущих отраслях экономики, в том числе специализированных на экспорт, осуществление мероприятий, направленных на укрепление организационной структуры крупных фирм, развитие новых форм связей между ними. [3. – С. 117]

Проблемы структурной политики стали на современном этапе ведущими направлениями экономической политики, в которой акцент делается на целевые инвестиционные программы, объединяющие частный и государственный капитал, для решения глобальных проблем наилучшего приспособления предпринимательства к условиям развития мирового хозяйства.

Можно сделать вывод, что государство в последнее время стало активно поддерживать организации. Но еще не все препятствия с использованием государственной поддержки могут преодолеть организации, особенно малый бизнес. Для этого необходимо совершенствовать законодательство, менять механизмы привлечения инвестиционных ресурсов, которые становятся более доступными для российских компаний, менять отношение к субъектам хозяйствования со стороны государства.

Список литературы:

1. Клейнер Г., Д. Петросян Взаимодействия государства и общества при формировании экономической политики // Общество и экономика, №4, 2012
2. Лапуста М. Г., Старостин Ю. Л. Малое предпринимательство. – М.: ИНФРА-М, 2013.
3. Макконнелл К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика: учебник, пер. с англ. / К.Р. Макконнелл. – С. Л. Брю. М.: ИНФРА-М, 2013.
4. Предпринимательство: Учебник для вузов/ под ред.проф. В.Я.Горфиннеля, проф. Г.Б. Поляка, проф. В.А.Швандара. – М.: ЮНИТИ, 2013.
5. Предпринимательство: Учебник для студентов вузов/под ред. И.Р.Зинченко.М.: Инфра-М, 2012.

Правовые школы в исламе

Д.Г.Гасанбекова

Мусульманская юриспруденция, мусульманское право, представленные четырьмя равноправными юридическими школами сунны и шиизма, – самая консервативная часть ислама. Шиитские правоведы в отличие от суннитских для подкрепления своих доводов юридического характера ссылаются преимущественно на пророка и на шиитских имамов. Что касается самого предмета права у суннитов и у шиитов, то оно общеемусульманское.

Система и организация судопроизводства суннитского толка и шиитского направления в основном сходны. Их суды равно назывались шариатскими, вершители судебных дел именовались кадиями (судьями). Чтобы различить, их называли кади ханифитского толка, кади шафиитского толка и т.д. мусульманин-суннит независимо от того, к какому мазхабу он принадлежал, имел право обратиться к судье любого из четырех мазхабов. Шиит, как правило, обращался к шиитскому судье.

Следует, однако, отметить, что суннитские и шиитские кадии не имели единого судебника. Даже каждый мазхаб имел свой судебник. Уже в X-XI вв. шариатские судьи не производили судебных разбирательств на основе непосредственно трудов основателей своих мазхабов. Были составлены удобные судебники. Ханифитские судьи, например, производили судебное разбирательство в основном по сборнику комментариев ханифитского учения «Хадия» Бурханаддина аль-Маргинани. Были и другие судебники различных мазхабов.

Одна из отличительных черт шиитского права – непризнание кияса (аналогии) как источника мусульманского права. Шиитские правоведы вложили в уста мусульманского пророка хадис: «Мои приверженцы разделяются более чем на 70 сект, и самой заблудшей является та группа, которая решает вопросы на основе кияса». Характерная и отличительная черта шиитского права заключается в том, что его политический аспект – право на верховную власть – основывается на авторитете по наследству, тогда как в суннизме право на верховную власть основывается на иджме. Поскольку шииты признают непогрешимость имама, мнение авторитетных богословов (мджма) для них приемлемо лишь в том случае, если оно выражает волю имама.

Четыре юридические школы суннизма создавались с начала VIII до середины IX в. В источниках ислама они именуются «мазхаб ас-сунна» (мазхабы сунны), а последователей этих школ называют «ахль-сунна». Все юридические школы названы по именам их основателей: ханифитская (Абу Ханифа), маликитская (Малик ибн Анас), шафиитская (аш-Шафии), ханбалитская (Ахмад ибн Ханбал). Следует отметить, что особые мазхабы были созданы также правоведом Абдуррахманом аль-Авзаи (88-157 г.х.) и Суфьян ас-Саври (97-161 г.х.). Однако юридические школы последних не имели широкого распространения, и еще в раннем средневековье их последователи присоединились к указанным четырем мазхабам.

Нам хотелось бы остановиться на биографиях основателей юридических школ суннизма, поскольку в нашей литературе о них обычно не говорят.

Абу Ханифа ибн Сабит (699-767) по происхождению турок. Это мнение турецкого идеолога Хамди Аксеки подкрепляется тем фактом, что все тюркские народы (кроме шиитов-азербайджанцев) являются последователями Абу Ханифы. Ханифитский мазхаб самый распространенный в ортодоксальном исламе. В этом большую роль сыграло официальное признание его турецкими султанами.

Абу Ханифа известен среди мусульман как имам аль-Азам (великий имам). Родился и вырос он в г.Куфе (Ирак) и в своих юридических суждениях опирался «на разум и аналогию (прецедент), так как он питал недоверие к хадисам»¹.

Ханифитский толк получил широкое распространение в Иране, Сирии, Турции, Средней Азии и Казахстане, среди российских татар и башкир. По мнению ученых, ханифитский толк является самым распространенным в мусульманском мире и отличается от других мазхабов сунны наибольшей терпимостью.

Абу Ханифа считается основателем фикха и величайшим богословом. О нем говорили: «если вера удалится к звезде Зухре (Венера), на землю ее вернет имам Абу Ханифа».

Поскольку Абу Ханифа родился спустя всего 80 лет после возникновения ислама, ему удалось непосредственно встретиться с некоторыми сахаба – людьми, видевшими пророка Мухаммада. Он встречался и с шиитским имамом Джафаром ибн Садиком.

Известны труды Абу Ханифы: «Аль-фикх аль Акбар», «Аль-алим ва аль-мутааллим». Основатели остальных трех юридических школ – Малик, аш-Шафии, Ибн Ханбал – все считают себя учениками Абу Ханифы. Имам аш-Шафии говорил о нем: «В области знания фикха все являются детьми Абу Ханифы. В области религиозных наук все являются детьми ученых Ирака, а иракские ученые – учениками ученых Куфы, куфийские же ученые – учениками Абу Ханифы»².

Абу Ханифа вел дискуссии по юридическим вопросам и проповедовал в городах Куфе, Басре, Багдаде. Логика его рассуждений настолько испонировала последователям ислама, что основатель маликитского права, например, образно говорил о нем: «Логика Абу Ханифы настолько сильна, что если он сказал, что дерево – золото, то и докажет это»³.

Считается, что Абу Ханифа составил сборник, содержащий 500 тыс. различных примеров юридических дел, предусматривающих определенные наказания, издал 64 фетвы по вопросам богослужения и права. Источники сообщают, что Абу Ханифа был глубоко богобоязненным, вел аскетический образ жизни, всю ее прожил под страхом, как бы не нарушить заветы бога и впасть в грех. Ему не раз предлагали должность, но он отказывался из боязни обидеть кого-либо и совершить «грех». Этим во многом объясняют то, что Абу Ханифа был больше юристом умозрительным, чем практиком. В отличие от основателей других юридических школ ислама Абу Ханифа никогда не занимал официальной должности судьи.

Об Абу Ханифе рассказывают, что, узнав, что в Куфе продают мясо украденных овец, он семь лет не ел баранину из боязни съесть запретное – украденное мясо. 55 раз он совершал паломничество в Мекку. О нем существуют десятки изречений, часть которых вложена даже в уста пророка Мухаммеда: «Среди моего народа появится человек по имени Абу Ханифа, в Судный день он станет светилом моего народа», «Нуман ибн Сабит Абу Ханифа оживит религию Аллаха и сунну», «Адам гордится мною, и я – Абу Ханифой, кто любит его, любит и меня, кто его враг, является и моим врагом», «В каждом столетии из среды моего народа возвысятся люди, среди них самый почетный – Абу Ханифа». Мусульманская традиция вложила слова об Абу Ханифе и в уста Али: «В Куфе появится большой знаток веры по имени Абу Ханифа, он погибнет из-за того, что некоторые не оценят его знание и старание»⁴. Но, несмотря на его поведение сверхблагочестивого мусульманина, Абу Ханифа был подвергнут мучительному наказанию правителями Куфы и халифом Багдада и в 68-летнем возрасте умерщвлен.

О жизни и смерти Абу Ханифы существуют разные версии. Он жил в очень неспокойное время – время падения династии Омейядов и начала правления Аббасидов. В правление последнего из Омейядов, халифа Марвана II (744-750), иракский наместник предложил Абу Ханифе должность судьи г. Куфы, и когда тот отказался, его бросили в темницу и наказали 110 ударами кнута. По освобождении Абу Ханифа уехал в Мекку, а после прихода к власти Аббасидов, при халифе Мансуре (754-775), подозревался в участии в куфском мятеже. По приказу Мансура Абу Ханифа был доставлен в Багдад, от него потребовали публичного признания Мансура законным халифом и обещали должность судьи Багдада. Угрозы халифа не подействовали, и имам вновь оказался в тюрьме. Но к этому времени у него было уже много влиятельных учеников: все судьи Ирака были последователями его школы. Опасаясь их противодействия, халиф приказал тайно отравить Абу Ханифу. В день его похорон в Багдаде 50 тыс. его последователей участвовали в молитве. 20 дней продолжалось шествие к его могиле.

После прихода к власти тюрок-сельджуков по приказу Мелик Шаха над могилой Абу Ханифы был сооружен мавзолей, который затем украшали османские правители, признавшие юридическую школу Абу Ханифы официальным мазхабом.

Одна из главных отличительных черт юридической системы Абу Ханифы – учет местных условий в судопроизводстве. Отмечая эту сторону метода Абу Ханифы, русский востоковед П.Цветков писал, что последователи ханифитской школы придерживались следующих правил: а) главное – смысл, а не «буква» установлений; б) применение к местным обстоятельствам является важнейшим правилом, которому должны следовать мусульманские правоведы и богословы. Это и дало мусульманскому теологу Шахристани повод назвать ханифитов людьми рассуждения.

Журнал, издаваемый в СССР Духовным управлением мусульман Средней Азии и Казахстана, придерживавшихся ханифитского толка, также обращал внимание на эту особенность ханифитского

¹ Хакка аль-Фахури. История арабской литературы. Т.1-2. – М., 1961. – С.227.

² Мухаммад Абу Захра. Абу Ханифа. – Каир, 1977. – С.43.

³ Там же. – С.44.

⁴ Мухаммад Абу Захра. Абу Ханифа. – Каир, 1977. – С.43.

мазхаба. В частности, в качестве одной из важнейших заслуг Абу Ханифы он отмечал то, что «при толковании аятов (стихов Корана), хадисов (изречений Мухаммеда) и поступков Мухаммеда и его сподвижников он учитывал и местные условия мусульман Ирака, Персии и других смежных с ними стран, которые коренным образом отличались от условий Аравии, где жил пророк Мухаммед и его сподвижники»¹.

Малик ибн Анас (713-795) родился и провел всю свою жизнь в Медине. В решении юридических вопросов он, как и его последователи, опирался на предание и традицию и меньше обращался к разуму и аналогии (кияс). И в этом главное отличие маликитского толка от ханифитского. Маликитский мазхаб получил распространение в Хиджасе, Магрибе, в Андалузии. Основы учения Малика изложены в самом известном его труде – «Аль-Муватта» («Общедоступный»), который также считается одним из достоверных источников мусульманского предания. Поскольку Малик ибн Анас был одним из известных собирателей хадисов, в основу его юридического толка легли предания и традиции. Учение, отраженное в «Аль-Муватта», «является своего рода компромиссом между сборником хадисов и трактатом по юриспруденции в собственном смысле слова»². Характерно, что в своих суждениях Малик кроме традиции основывается на иджме (в основном это мнение ученых Медины). Индивидуальное толкование Малик допускает лишь в случае крайней необходимости. В юридической школе Абу Ханифы преобладают три принципа: рая (личное мнение, основанное на здравом смысле), кияс (суждение по аналогии) и истихсан (предпочтение). Они-то и отделяют ханифитов от юридической школы Малика ибн Анаса, хотя у последнего не исключается и истихсан.

Учение Абу Ханифы давало юристу возможность относительно свободного действия в решении юридических вопросов в зависимости от конкретной обстановки, но в то же время таило в себе опасность произвольного действия кадиев – шариатских судей. Именно этот метод способствовал широкому распространению ханифитского толка, применяющегося к местным условиям.

Абу Абдаллах Мухаммед ибн Идрис аш-Шафии (767-819) родился в Газе и умер в Каире. Год его рождения – год смерти Абу Ханифы. Детство его прошло в Мекке, где он получил начальное образование. Здесь же он изучал юридический толк Малика ибн Анаса. В 20-летнем возрасте выпустил первую свою фетву. Все, казалось бы, говорило за то, что он станет последователем маликизма. Однако, переехав в Багдад, аш-Шафии с большим усердием стал изучать основы юридической школы ханифитов. Затем, окончательно обосновавшись в Каире, он долгое время находился под влиянием обоих толков – ханифитского и маликитского, не примыкая окончательно ни к одному из них. Воздавая должное Абу Ханифе и Малику ибн Анасу как своим учителям, он создал свою собственную юридическую школу, позже получившую название шафиитской.

В своих юридических суждениях аш-Шафии опирался на предание и традицию, но не отвергал полностью разума и аналогии – кияса. Иными словами, он пытался объединить системы Абу Ханифы и Малика ибн Анаса. Учение аш-Шафии получило наибольшее распространение в Египте и имело последователей в Сирии, Ливане, Йемене, Хорасане, Багдаде и даже в Дагестане. При Фатимидах (909-1171), когда официальной религией была признана «еретическая» (крайний шиизм исмаилитов в Египте), шафиитский толк был запрещен. Деятельность шафиитов оживилась в Египте, когда Салахаддин аль-Айюб уничтожил там исмаилизм. Известные труды аш-Шафии – «Ар-рисаля» («Послание») и «Аль-умм». Опираясь на хадисы и традиции, аш-Шафии полностью пренебрегал раем, игравшими большую роль в толке Абу Ханифы и определенную роль у Малика. Что касается кияса, то он у аш-Шафии отодвинут на задний план. Как верно отметил французский востоковед А.Массэ, аш-Шафии свел роль аналогии на нет оговоркой, «что кияс (аналогию) следует применять в тех случаях, о которых не говорится ни в Коране, ни в Сунне, ни в иджме»³.

Абдаллах Ахмед ибн Ханбал аш-Шейбани (780-855) жил в Багдаде и был одним из известных комментаторов и собирателей хадисов. По словам историка-правоведа Ибн Надима (умер в 996 году), он знал наизусть более миллиона хадисов. Его книга «Аль-Муснад» («Опора») содержит 40 тыс. хадисов. Не случайно и основу его юридических суждений составили именно хадисы. Ибн Ханбал самым категорическим образом отклонял значение разума и кияса в юриспруденции. Ханбалитский толк имеет последователей в Ираке, Сирии и относительно широко распространен в Неджде. Одной из характерных черт этого толка выступала особая жестокость в мерах наказания. Крайней жестокостью, непризнанием каких-либо новшеств, буквалистским исследованием хадисов и Корана – единственных источников права и закона – ханбалитский толк снижал себе славу организатора кровавых столкновений. Иллюстрируя это, швейцарский востоковед А.Мец, тщательно и глубоко исследовавший положение и развитие ислама в IX-X вв., когда уже в основном были канонизированы его юридические школы, отмечает, что «в 934 г. ханбалиты – крайне консервативное крыло в исламе – ежедневно выступали в столице (Багдаде) против безнравственности, они вторгались дома знатных особ, избивали певиц, запрещали мужчинам появляться на улице с женщинами или юношами»⁴.

Особую неприязнь ханбалиты питали к богословско-философскому течению ашаритов, которые пытались примирить философию мутазилитов с догмами ислама, отбросив рационализм мутазилитов. Когда имам аш-Шафии прибыл в Багдад, Ибн Ханбал и с ним вступил в дискуссию, в которой не согласился принять поддержанную аш-Шафии концепцию официальных властей против иджитхада, за что на 28

¹ Аширов Н. Эволюция ислама в СССР. – М., 1973. – С.19.

² Массэ А. Ислам. – М., 1969. – С.87.

³ Там же. – С.90.

⁴ Мец А. Мусульманский ренессанс. – М., 1966. – С.285.

месяцев был брошен в тюрьму. Крайняя нетерпимость и фанатическая неприязнь к монгольским завоевателям привела ханбалитов в XIII в. к фактическому уничтожению и к потере ими влияния в мусульманских странах.

Окончательное признание названных четырех юридических школ в системе мусульманского права, их канонизация привели к тому, что последующие поколения правоведов были фактически лишь их комментаторами, применяли их к местным условиям. Наиболее заметные шаги в систематизации мусульманского права были сделаны законводами Абуль Хасаном аль-Маварди и Бурханаддином Али ибн Абу Бакром аль-Маргинани. Книги «Аль-Ахкам ас-Султания» («Принципы управления») аль Маварди и «Аль-Хидая фи шарх аль-бидая» («Руководство по комментированию начал») аль-Маргинани до сих пор остаются самыми значительными трудами мусульманской юриспруденции. Аль-Маварди принадлежал к юридической школе шафиитов, а аль-Маргинани – ханифитов.

«Аль-Хидая» аль-Маргинани считается самым авторитетным правовым источником у последователей ханифитского толка. В Турции и до Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии шариатские судьи вели судопроизводство по «Аль-Хидая». По приказу царских властей эта книга была переведена на русский язык и издана в Ташкенте.

Со временем различия между четырьмя мазхабами стали отходить на задний план. Ведущим стал процесс унификации шариата. В настоящее время лишь теологи-профессионалы могут достаточно точно изложить эти различия. Процесс слияния и взаимопроникновения различных толков привел к созданию некоего унифицированного универсального права, так что мусульманин-суннит может обратиться к судье, придерживающемуся любой из четырех школ сунны. И хотя формально различия между школами фикха признаются, фактически, на практике, они потеряли какое-либо значение.

Преступление в сфере экономики по законодательству

Ш.Ш.кызы Гасанова

Изучению зарубежного уголовного законодательства в плане сравнительного правоведения уделяется все большее внимание в азербайджанской юридической науке. В этой связи исследование уголовного права Италии, отличающегося определенной спецификой, имеющего богатые традиции, представляет в современных условиях значительный интерес.

Следует выделять как минимум два значения понятия «преступность в сфере экономики». В первом «узком» значении рассматриваемого понятия к преступлениям в сфере экономики могут быть отнесены лишь такие общественно опасные деяния, которые непосредственно посягают именно на экономические, а не какие-либо иные отношения, то есть отношения собственности и отношения экономической деятельности (хозяйственные отношения). Во втором «широком» значении рассматриваемого понятия к преступлениям в сфере экономики достаточно обоснованно могут быть отнесены деяния, обязательным дополнительным объектом которых являются отношения в сфере экономики.

По мнению В.Е.Мельниковой экономическая преступность – это вся совокупность преступлений, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие и регулирующие правильное функционирование экономической системы в современных условиях (2. – С. 155). Н.Ф.Кузнецова полагает, что экономическая преступность складывается из посягательств на собственность и из предпринимательских преступлений, тесно связанных с коррупцией и должностными преступлениями (3. – С. 12).

Э.М.Петров, Р.Н.Марченко, Л.В.Баринаева считают, что «экономическую преступность следует рассматривать как совокупность корыстных преступлений, совершаемых в сфере экономики лицами в процессе их профессиональной деятельности, в связи с этой деятельностью и посягающих на собственность и другие интересы потребителей, партнеров, конкурентов и государства, а также на порядок управления экономикой в различных отраслях хозяйства» (4. – С. 12).

Н.А.Лопашенко определяет экономические преступления, исходя из мотивации совершенного преступления «как преступление, при совершении которого субъект преследует незаконные экономические интересы, в том числе интересы корыстные либо стремится причинить вред законным экономическим интересам государства, общества, хозяйствующим субъектам или частным лицам» (5. – С. 40-49).

Современные исследователи зарубежного уголовного законодательства относят к экономическим такие преступления, которые имеют большой размах, затрагивают большие общественные ценности или наносят ущерб группам людей (6. – С. 1). Е.Дементьева, изучавшая проблему экономической преступности по зарубежным источникам, дает ей следующее определение: «Это противоправная деятельность, посягающая на интересы экономики государства в целом, а также на частнопредпринимательскую деятельность и на интересы отдельных групп граждан, постоянно и систематически осуществляемая с целью извлечения наживы в рамках и под прикрытием законной экономической деятельности как физическим, так и юридическим лицом» (7. – С. 13).

Исходя из изложенного, в правовой литературе предложено ввести в научный оборот еще один вид объекта, занимающего промежуточное место между общим и родовым. Л.Л.Кругликов называет такой объект межродовым, указывая, что по его признакам происходит выделение разделов в Особенной части УК РФ (8. – С. 12-13). Ю.И.Ляпунов говорит о надродовом объекте и утверждает, что им выступает «экономическая система в целом, основанная на рыночных производственных общественных отношениях» (9. – С. 159). Л.Д.Гаухман считает, что типовым объектом экономических преступлений являются «общественные отношения, обеспечивающие законные права и интересы различных субъектов в сфере экономики» (10. – С. 384). Типовой объект он определяет как «группу однотипных общественных

отношений, на которые посягают преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями, включенными в один и тот же раздел Особенной части УК» (10. – С. 93).

С.И.Улезько полагает, что в основе выделения всех разделов Особенной части УК РФ, в том числе и раздела VIII, лежит интегрированный объект, то есть такой, который «представляет собой систему близких (но не всегда однородных) и взаимосвязанных общественных отношений, которым причиняется или может быть причинен вред преступлением» (11. – С. 245). По мнению С.Ф.Мазура, сложный объект преступления, состоящий из двух или более родовых объектов преступления, следует назвать комплексным объектом преступления (12. – С. 31). В.И.Тюнин пишет о типовом или сложном объекте (13. – С. 21). Представляется, что термин «видовой объект» и вытекающее из него понятие наиболее точно отражают специфику нового системного образования.

Исходя из названия главы 24 УК Азербайджанской Республики, все включенные в нее преступные посяательства совершаются в сфере экономической деятельности. Очевидно, что последняя – это деятельность в экономике, которая может носить различный характер: быть деятельностью по созданию материальных благ или оказанию услуг, координации различных отраслей экономики, обеспечению нормального функционирования экономических субъектов и т.д. Преступления, входящие в главу 24 УК, признаны законодателем экономическими в силу: 1 – совершения их внутри легитимной экономики хозяйствующим субъектом, который действует в своих экономических интересах, противоречащих действующему законодательству (незаконное предпринимательство, незаконное получение кредита и т.п.); 2 – нарушения (в результате их совершения) экономических интересов государства с одновременным преследованием собственных незаконных экономических интересов (например, налоговые преступления); 3 – нарушения законных экономических интересов субъектов экономической деятельности со стороны должностных и частных лиц (например, воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности или принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения); 4 – совершения их вне связи с легитимной экономикой, под влиянием корыстно-экономической, собственнической мотивации, с нарушением безусловных уголовно-правовых запретов на подобное экономическое поведение (например, легализация преступных доходов или фальшивомонетничество).

Таким образом, можно определить преступление в сфере экономической деятельности как деяние, при совершении которого его субъект преследует незаконные экономические интересы, в том числе интересы корыстные, либо стремится причинить вред законным экономическим интересам государства, общества, хозяйствующим субъектам или частным лицам. Иными словами данную мотивацию можно определить как экономическую. Она означает, что такое преступление в подавляющем большинстве случаев экономически выгодно субъекту; последний получает от преступления имущественную (в виде незаконного увеличения собственного имущества) или иную материальную выгоду (например, в виде получения льготных кредитов, заключения выгодных контрактов, привлечения инвестиций). В отдельных случаях экономическая мотивация не связана с получением материальной выгоды, но определяется сферой совершения преступления – экономической деятельностью и сознательным нарушением законных экономических интересов государства, общества, хозяйствующих субъектов, частных лиц. Все преступления в сфере экономики УК Азербайджана делит на две большие группы: преступления против собственности (глава 23) и преступления в сфере экономической деятельности (глава 24).

Аналогичное подразделение преступлений в сфере экономики наблюдается и в итальянском уголовном законодательстве. В Уголовном Кодексе Италии преступлениям против собственности посвящен раздел XIII. Глава первая этого раздела называется «О преступлениях против собственности, совершенных путем насилия над вещами и людьми».¹ В этой главе предусматриваются различные виды корыстных преступлений против собственности, связанных с завладением чужим имуществом (таких как кража, ограбление, вымогательство, мошенничество, присвоение), а также уничтожение и повреждение чужого имущества. В отличие от азербайджанского уголовного законодательства, выделяющего кражу, грабеж и разбой, итальянское уголовное законодательство не различает грабеж и разбой: основными составами преступного завладения чужим имуществом являются кража, ограбление, мошенничество, вымогательство. Ответственность за кражу предусмотрена ст. 624 УК, которая гласит: «каждый, кто завладеет чужой движимой вещью, похищая ее у того, кто ей владеет, с целью извлечь выгоду для себя или других лиц, наказывается лишением свободы на срок до трех лет и штрафом».

Согласно уголовному праву Италии предметом кражи могут быть также электрическая энергия и любая другая энергия, обладающая экономической ценностью, дикие животные и рыбы, находящиеся на частных территориях. Как известно, уголовное законодательство Азербайджана расценивает указанные преступления в качестве самостоятельных составов, не относящихся к хищениям.

Представляет интерес содержание ст. 627 УК Италии, предусматривающей ответственность за похищение общего имущества: «Совладелец компании или сонаследник, который с целью извлечения выгоды для себя или для других лиц присваивает общее имущество, похищаемое у владельца, наказывается по заявлению потерпевшего лишением свободы на срок до двух лет и штрафом. Как видно из текста итальянского закона, под кражей понимается как тайное, так и открытое изъятие чужого имущества из чужого владения, но без применения насилия или угрозы к человеку».²

¹ По-русски термин «насилие над вещью» звучит необычно. В данном случае итальянское законодательство имеет в виду противоправное воздействие на вещь, в том числе ее перемещение

² В советском уголовном законодательстве была сделана попытка различать насильственное и ненасильственное похищение (Указ 1947 г.) Однако позднее вернулись к трехчленному делению похищения на кражу, грабеж и разбой.

Ограбление предусмотрено ст. 628 УК Италии, в которой говорится: «Каждый, кто с целью извлечения для себя или других лиц незаконной выгоды завладевает посредством насилия или угроз чужим движимым имуществом, похищая его у владельца, наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет и штрафом. Такому же наказанию подлежит тот, кто использует насилие или угрозы сразу же после похищения для обеспечения себе или другим лицам обладания похищенными вещами, либо для обеспечения себе или другим ненаказуемости». В последнем случае имеет место перерастание кражи в ограбление. Аналогично оценивает подобные случаи и судебная практика, однако уголовное законодательство Азербайджана подобной нормы не содержит.

По УК Италии вымогательство (ст. 629) заключается в принуждении кого-либо путем насилия или угроз сделать что-либо или совершить нарушение для извлечения прибыли вымогателем или третьими лицами. Вымогательство наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет и штрафом в размере от 1 миллиона до 4 миллионов лир. При наличииотячающих обстоятельств, предусмотренных в ст. 628 (ограбление) санкция увеличивается и предусматривает лишение свободы от четырех с половиной лет до двадцати лет (14. – С. 137).

Отличие ограбления от вымогательства заключается не только в том, что при ограблении преступник сам завладевает чужим имуществом, а при вымогательстве потерпевший вынужден под угрозой или насилием передать имущество, но и в том, насколько у потерпевшего имеется возможность выбирать между осуществлением угрозы и передачей имущества. При ограблении завладение имуществом осуществляется немедленно после применения насилия или угрозы, при вымогательстве насилие или угроза являются средством принуждения потерпевшего совершить определенные действия (например, передать определенную сумму денег) либо бездействие (например, отказаться от требования возврата долга вымогателем). В отличие от ограбления, предметом которого может быть только движимое имущество, вымогательство может совершаться с целью завладения как движимым, так и недвижимым имуществом.

Статья 630 УК Италии предусматривает насильственное похищение лица с целью вымогательства. Учитывая корыстную направленность деяния, итальянский законодатель похищение человека с целью получения выкупа относит не к преступлениям против личности, как УК Азербайджана, а к преступлениям против собственности. Текст данной статьи сформулирован следующим образом: «Каждый, кто похищает человека с целью получения для себя или для других лиц незаконной прибыли, являющейся ценой освобождения, наказывается лишением свободы на срок от двадцати пяти до тридцати лет. Если результатом похищения является смерть похищенного как последствие, не входившее в преступный замысел, то обвиняемый наказывается лишением свободы на срок до тридцати лет. Если обвиняемый убивает похищенного, то применяется пожизненное лишение свободы» (14. – С. 137).

Похищение людей с целью выкупа имеет в Италии значительное распространение, чем объясняются суровые санкции за это преступление, даже в случаях, когда соучастник похищения, отделившись от остальных, прилагал усилия к тому, чтобы похищенный обрел свободу, он не освобождается от ответственности, но несет более легкое наказание.

Присвоение чужого недвижимого имущества предусмотрено ст. 631 УК. Согласно этой статье «Каждый, кто присваивает себе, полностью или частично, чужое недвижимое имущество, ликвидирует его или ухудшает его состояние, наказывается по иску потерпевшего лишением свободы до трех лет и штрафом».

Представляет интерес позиция итальянского УК, который дифференцирует ответственность за присвоение движимого и недвижимого имущества. Присвоение движимого имущества предусмотрено в главе II «О преступлениях против собственности» раздела XIII УК Италии, совершенных путем мошенничества» (14. – С. 138). Так, в соответствии со ст. 646 незаконное присвоение совершает «каждый, кто с целью извлечения для себя или для других лиц незаконной выгоды, присваивает себе чужие деньги или движимое имущество, которым по какому-либо праву владеет, наказывается по иску потерпевшего лишением свободы до трех лет и штрафом».

Если действие совершено по отношению к имуществу, оставленному по необходимости на хранение, то наказание увеличивается». Присвоение потерянных вещей,клада, или других вещей, доставшихся по ошибке или в результате непредвиденного случая, наказывается по иску потерпевшего лишением свободы до одного года или штрафом.

Ответственность за мошенничество предусмотрена ст. 640 УК Италии, в которой говорится: «Каждый, кто уловками или хитростью вводя кого-либо в заблуждение, получает незаконную выгоду для себя или для других, нанося кому-либо ущерб, наказывается лишением свободы от шести месяцев до трех лет и штрафом».

Квалифицирующими обстоятельствами являются: 1) совершение действия в ущерб государству или какому-либо государственному учреждению, либо под предлогом освобождения кого-либо от военной службы; 2) совершение действия путем внушения пострадавшему страха перед воображаемой опасностью, либо ложным внушением убежденности, что данное лицо должно выполнять предписание органов власти. В этих случаях деяние карается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет и штрафом.

Полагаем, что заслуживает одобрения позиция итальянского УК, который устанавливает специальную ответственность за обман недееспособных лиц (ст. 643). Статья предусматривает извлечение выгоды для себя или другого лица, путем злоупотребления нуждами, пристрастиями или неопытностью несовершеннолетнего, либо злоупотребления болезненным состоянием или психической неполноценностью человека, даже если он и не отдан под опеку, посредством побуждения его к совершению действия,

имеющего для данного лица какие-то юридические последствия, либо представляющего опасность для других. Это деяние влечет наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет и штрафа.

В указанной главе предусматривается также ответственность за ростовщичество (ст. 644), вторжение на чужую территорию или в здание с целью извлечения выгоды (ст. 633), отвод течения вод и изменение состояния местности (ст. 632).

Уничтожение или повреждение полностью или частично чужого движимого и недвижимого имущества, влечет ответственность до трех лет лишения свободы (ст. 635).

Таким образом, характеризуя ответственность за преступления против собственности в уголовном законодательстве Италии в целом, следует отметить детализацию составов имущественных преступлений и достаточно суровые санкции, особенно за преступления, совершаемые с применением насилия.

Использованная литература

1. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. Баку. Изд-во «Юридическая литература». 2012.
2. Мельникова В.Е. Хозяйственно-должностные преступления: проблемы криминализации и декриминализации. Докт. Дисс. М. 1993.
3. Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник МГУ. Серия 11. М. 1993. № 4.
4. Петров Э.М., Марченко Р.Н., Баранова Л.В. Криминологическая характеристика и предупреждение экономических преступлений. М. 1995.
5. Лопашенко Н.А. Экономическая преступность: понятие, социальная опасность, некоторые проблемы борьбы и путей их решения. Организованная преступность и коррупция // Исследования, обзоры, информация. Социально-правовой альманах. М. 2000. № 2.
6. Экономические преступления в США: понятие, виды, масштабы распространения. Обзорная информация. Зарубежный опыт. Вып.11. М. 1989.
7. Дементьева Е.Е. Экономическая преступность и борьба с ней в странах с развитой рыночной экономикой (на материалах США и Германии). М. 1992. С.13.
8. Кругликов Л.Л., Дулатбеков Н.О. Экономические преступления (Вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания). Ярославль. 2001.
9. Уголовное право: Особенная часть / Под ред. проф. В.Н. Петрашева. М., 1999.
10. Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. проф. Л.Д. Гаухмана, проф. Л.М. Колодкина и проф. С.В. Максимова. М. 1999.
11. Улезько С.И. Классификация объектов преступлений по вертикали // Пять лет действия УК РФ: Итоги и перспективы. М. 2003.
12. Мазур С.Ф. Уголовно-правовая охрана экономической деятельности. М. 1998.
13. Тюнин В.И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности: Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. СПб. 2001.
14. Игнатова М.А. Уголовное право Италии: основные институты. Дисс.канд.юрид.наук. М. 2002.

Вопросы совершенствования уголовно-правового противодействия коррупции, как составному элементу организованной преступности

Р.Р.Гашимов

Проблема организованной преступности привлекала и привлекает особое внимание отечественных и зарубежных исследователей. Это связано с тем, что она представляет серьезную угрозу как экономике государства, так и национальной безопасности страны, в целом.

Организованную преступность можно определить как общественно-опасное социальное явление, выражающееся в создании устойчивой криминальной системы в целях совершения преступных деяний, направленных на установление контроля над разными областями жизни общества для извлечения доходов, полученных незаконным путем, и управления общественными процессами в собственных интересах (7. – С. 201). Рассматриваемый вид преступности представляет собой достаточно сложную систему организованных преступных формирований с их широкомасштабной преступной деятельностью и созданием для нее наиболее благоприятных условий. Она использует не только собственные криминальные структуры, но и государственные.

В современном понимании этого явления, организованная преступность начала складываться в СССР только в 60-х годах XX века и фактически была обусловлена неэффективными экономическими механизмами командно-административной системы. В стране появился и начал разрастаться теневой сектор экономики. И в этом плане, справедливым представляется утверждение В.В. Лунеева о том, что в Советском союзе основной формой организованной преступности являлась экономическая, которая фактически существовала параллельно с государственными образованиями и даже внутри них. Основная причина ее появления была связана с практиковавшейся в тот период практикой распределительных отношений.

Таким образом, можно констатировать, что организованная преступность в нашей стране появилась как результат социально-экономической политики государства. Она приводит к дестабилизации и негативным процессам в экономике, к увеличению количества преступлений, связанных с крупными хищениями и взяточничеством.

«Теневая экономика» становится базисом для формирования организованных преступных структур. Теневой финансовый капитал обладал мощной ресурсной базой и постепенно был подчинен преступными группами. Распространение коррупционных связей в бюрократическом аппарате приводит к появлению

сплоченных организованных групп. Коррумпированные чиновники, так называемые «цеховики» и представители криминального мира фактически объединяются в организованную преступность (4. – С. 31).

Особенно быстрый рост организованной преступности в стране наблюдался в период перехода к рыночным отношениям. В 1990-е годы экономика России стала благодатной почвой для «выращивания» в ней организованной преступности. Об этом свидетельствуют статистические данные (4. – С. 42).

Кроме того, идет процесс объединения организованных преступных групп по специализации, сложности структуры и т.д. Результатом указанных процессов стало появление в стране крупных и устойчивых преступных сообществ (организаций).

Особенностью современной организованной преступности является сосредоточение в ее руках критической массы ресурсов, не только экономических, но и политических. Зачастую организованная преступность действует под прикрытием коррупционных связей в правоохранительных структурах и даже в верхних эшелонах власти. Это способствует обходу запретов и ограничений, установленных государством.

Проведя анализ предлагаемых позиций различных авторов, выделим наиболее значимые признаки организованной преступности.

Различают основные и дополнительные признаки организованной преступности. К основным признакам относятся: 1) четкая структура, наличие организатора, исполнителей, пособников; иерархичность построения, несовпадение организационных и исполнительских функций, строгая подчиненность и соблюдение конспирации; 2) постоянный либо относительно длительный характер преступной деятельности в целях извлечения прибыли, ее планирование; 3) специализация преимущественно на определенных видах корыстно-насильственной преступной деятельности; 4) масштабность характера деятельности (региональный, межрегиональный, международный); 5) прикрытие легальным видом деятельности, наличие бюджета преступного сообщества и отмыwanie преступных доходов; 6) наличие внутренних структур, обеспечивающих безопасность преступного формирования (охрана, группа разведки, технические средства безопасности).

К дополнительным признакам следует отнести: 1) наличие вооружения; 2) наличие коррумпированных связей в органах государственной власти; 3) стремление к проникновению организаторов и членов группировки в органы власти или местного самоуправления; 4) отмыwanie преступного капитала через легальные формы банковско-кредитной системы; 5) дерзко насильственные способы совершения преступлений; 6) проникновение в средства массовой информации; 7) наличие собственной «нормативной» основы и субкультуры.

Резюмируя, можно сказать, что на сегодняшний день существует многообразие дефиниций организованной преступности. Данное обстоятельство негативным образом влияет на возможности борьбы с данным явлением. В целом расширение трактовок обусловлено действием двух групп факторов: увеличением круга субъектов экономических субъектов и изменением списка преступлений, которые можно отнести к экономическим.

Как отмечалось, современная организованная преступность представляет серьезную угрозу национальной безопасности страны. Поэтому уголовная политика в сфере противодействия коррупции должна стать неотъемлемой частью противодействия организованной преступности.

Причем, она должна преследовать цель обеспечения неотвратимости ответственности в совершении преступных деяний коррупционного характера, достижения соответствия уголовно-правового регулирования степени и характеру общественной опасности коррупционных преступлений при их категоризации и квалификации (3. – С. 170).

Уголовная политика в сфере противодействия коррупционной преступности должна быть нацелена на предупреждение, выявление преступлений коррупционного характера, на привлечение к ответственности за содеянное виновных лиц. Вместе с тем эта политика не должна вступать в противоречие целям, обозначенным в антикоррупционном законодательстве, в частности, в Федеральном законе № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. (далее – ФЗ «О противодействии коррупции») (5).

В отечественной юриспруденции профессор Л.Д. Гаухман одним из первых дал достаточно точное толкование понятий «коррупционное преступление» и «коррупция в уголовно-правовом смысле». Под коррупцией он понимает предусмотренные уголовным законом общественно-опасные деяния, субъектом которых являются должностные лица, которые совершаются посредством использования должностных полномочий из корыстной заинтересованности и в целях личного обогащения (1. – С. 31).

Одной из причин произвольного определения круга преступлений коррупционной направленности является отсутствие четкой законодательной регламентации коррупционных преступлений. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) отсутствует отдельная глава посвященная коррупционным преступлениям. В нем в коррупционную преступность включены фактически разные по своей уголовно-правовой сути природе деяния. Например, преступления, предусмотренные главами 23 и 30 УК РФ. Анализ включенных в УК РФ коррупционных преступлений показывает, что они, в основном, связаны со взяточничеством и злоупотреблением (например ст. 290, 291, 291.1 УК РФ), также с превышением должностными лицами своих полномочий в корыстных целях или с использованием своего служебного положения (ст. 184, 201, 202, 203, 204, 285, 286, 289, 292, 299, 300 УК РФ и др.).

Следует отметить, что, хотя отечественный законодатель не выработал понятие коррупционного преступления, все же нельзя говорить о том, что преступные деяния, предусмотренные УК РФ и т.п., не объединены общими признаками. В УК РФ ограничили перечень форм коррупционных деяний, выделив

каждый из составов преступлений в самостоятельную уголовно-правовую норму. Законодатель признает общественно-опасным деянием уже сам факт получения лицом денег, ценностей и т.п.

На наш взгляд, эффективным инструментом уголовно-правового противодействия коррупции можно считать криминализацию общественно-опасных деяний. Результатом этого, является конструирование новых специальных составов преступлений. Можно также распространить коррупционные признаки и на другие смежные составы преступлений, которые при условии наличия определенных характерных элементов приобретают свойства преступления коррупционного характера

Серьезным позитивным шагом в деле повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с деяниями коррупционной направленности и формирования совершенного механизма уголовно-правового противодействия коррупционным деяниям явилось принятие Федерального закона № 97 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (См: 6) от 4 мая 2011 г. Его принятие способствовало определению ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) (непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере), а также введение уголовного наказания в виде кратного штрафа за совершение преступлений коррупционного характера (3. – С. 24).

Принятие данного Федерального закона ознаменовало собой новый подход отечественного законодателя в решении вопроса наказания за коррупционные преступления. В вопросе назначения наказания за указанное преступное деяние, законодатель сделал основной упор на материальное взыскание в виде штрафа, исчисляющегося в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки. Данная санкция в виде штрафа предусмотрена ст. 204, 290, 291, 291.1 УК РФ и на сегодняшний день достаточно часто применяется в судебной практике. Но, делать на этом основании долгосрочные выводы об эффективности этой меры пока представляется преждевременным.

На наш взгляд, важнейшей мерой повышения эффективности уголовно-правового противодействия коррупции, его предупреждения и пресечения преступлений коррупционной направленности может и должно стать восстановление в УК РФ конфискация имущества, как вида наказания за деяния коррупционной направленности.

С точки зрения повышения эффективности уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям абсолютно верным представляется мнение профессора Л.Д. Гаухмана о том, что минимизации уголовной ответственности за получение взятки (ст. 290 УК РФ) служат нормы, содержащиеся в ст. 304 УК РФ («Провокация взятки либо коммерческого подкупа») и ст. 575 ГК РФ («Запрещение дарения»), которые «в сочетании с общеизвестными трудностями доказывания взяточничества представляют собой прочную оболочку, защищающую должностных лиц от уголовной ответственности за получение взяток». В качестве основных, первоочередных и неотложных направлений повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с коррупционными преступлениями автор отмечает исключение ст. 304 из УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 575 из ГК РФ, а также включение в ст. 91, 98 и 122 Конституции РФ оговорки, согласно которой статус неприкосновенности неприменим в случаях совершения лицами, указанными в этих статьях, общественно опасных деяний, предусмотренных УК РФ (См.:1).

Подытоживая сказанное, можно сделать следующие выводы: определить в целях повышения эффективности уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям необходимо:

1) в целях повышения эффективности уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям необходимо применить комплекс мер, способных воздействовать на причины и условия совершения коррупционных преступлений;

2) отечественный законодатель должен выработать единые подходы в определении коррупционного преступления и его признаков;

3) уголовная политика в сфере противодействия коррупции должна обеспечить неотвратимость и дифференциацию уголовной ответственности.

Литература

1. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2010.
2. Кашепов В.П., Кошаева Т.О. Криминализация – инструмент уголовно-правового воздействия на коррупционную преступность // Коррупция: природа, проявления, противодействие / Отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. М.: ИД «Юриспруденция», 2012.
3. Мусаелян М.Ф. Уголовно-правовое противодействие коррупционным преступлениям в Российской Федерации //Российский следователь. 2015. № 7.
4. 27.Петров С.В. Преступное сообщество как форма соучастия: проблемы теории и практики. Н. Новгород, 2013.
5. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» //Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228
6. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2714.

7. Шегабудинов Р.Ш. Организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией. Состояние, тенденции и меры борьбы с ней. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

Законодательная деятельность Шамиля и правовое положение личности в Имамате

Р.Р.Гашимов

Опыт первых лет восстания горцев показал руководителям борьбы необходимость искоренения адатов из общественной жизни горцев как препятствующих в их антифеодальной и антиколониальной борьбе и консолидации освободительных сил, как не соответствующих раскрепощению и охране прав и интересов личности.

На смену адатам предводители борьбы вводили в обиход горцев новые нормы шариата. Надо полагать, что имам настаивал не просто на внешнем их применении, а на искреннем следовании нормам высшего человеческого поведения и в решении дел «... по истинному шариату...» [8. – С. 142]. Успехи Шамиля на военной и государственно-правовой ниве объясняются настойчивостью, с которой он распространял шариат и утверждал его среди горцев на прочных основаниях. Так, например, по мнению Нейгардта, человека, которого вряд ли можно подозревать в симпатии к горцам, мы узнаем, что «со времени разделения Чечни на участки, Шамилем введено там правильное законодательство. Адат, как обычай, потворствующий слабостию своих постановлений страстям полудикого народа, уничтожен; вместо него введен шариат; и для разбирательства дел по шариату при каждом наибе находится ныне постоянно по одному кадию; в настоящее время в Чечне убийства, воровство, насилие и другого рода преступления сильно преследуются, и Шамилем приняты самые строгие меры к искоренению из нравов чеченцев зверского обычая кровомщения» [1. – С. 403].

Восстановление шариата было первой целью сторонников имама, к утверждению основ которого среди горцев Шамиль относился творчески. Преследуя с такой настойчивостью адат, он осознавал, что в учении шариата заключается также много всякого рода противоречий, способных обратиться в источник зла, чуть ли не сильнее в сравнении с тем, какое может породить адат. Дело здесь в том, что почти каждое постановление шариата имеет свои собственные толкования. Некоторые из этих постановлений, написанные более 1000 лет назад, не вполне соответствовали быту горцев и переживаемым ими историческим условиям. В процессе восстановления шариата Шамиль предполагал следующие обстоятельства, а именно, что шариат принадлежал к фундаменталистскому толкованию накшбандийского тариката, далее – в этом же Шамиль рассматривал противоположность и для искоренения адатов и, наконец, он иногда предопределял мусульманский образ жизни. Шариат, по мнению самого имама, имел свои пробелы и неясные или спорные выдержки, которые требовали интерполяции, интерпретации и соответственно выбора между конфликтующими точками зрения.

Понимая все это, Шамиль ясно видел, что при механическом перенесении шариата на регулирование общественных отношений среди горцев эффективность его применения представляется очень сомнительной. С одной стороны, при сохранении нескольких толкований положений шариата мусульманское духовенство будет блуждать, не находя наиболее верного. С другой, характер горцев давал право ожидать всяких злоупотреблений при малейшем послаблении закона, при намеке на самоуправство или насилие, а такие тенденции в шариате встречаются нередко. С учетом всего этого Шамиль дополнил и изменил некоторые положения шариата, сообразно действительных, как ему казалось, потребностей страны [4. – С. 67].

Все, что таким образом было составлено, в горах называли «низамом», применяя этот термин к реформам Шамиля по всем отраслям управления. Поэтому низамы «регламентировали всю административную, военную и бытовую жизнь горцев» [11. – С. 170]. Сам Шамиль утверждал, что низам – это собрание различных правительственных мер, касающихся только безопасности страны, благополучия народонаселения и усиления средств к сопротивлению внешним врагам. Эти правила не имеют ничего общего с шариатом, которому они служат лишь дополнением. Однако в состав низамов вошли еще и другие правительственные меры, касающиеся не только судебной части и общественной жизни горцев, но и их домашнего быта, а потому стоит только вникнуть в смысл этих закономерностей, чтобы удостовериться, против каких именно положений шариата они направлены.

Исследуя сущность изданных Шамилем низамов, следует отметить их антиэксплуатационный характер. Возмущенный злодеяниями на местах, он утвердил комиссию для расследования этих злоупотреблений и на основе выводов комиссии сделал обращение к народу, где в частности, шестым пунктом имам «запретил наibaм заставлять людей собирать и таскать для личного пользования дрова, сено, а также вводить по очереди повинность, выставять лично для наiba и лошадей и ослов, налагать на население то, что является для него тяжким», а седьмым – запрещает горцам «служить им также, как это делали ханы» [2. – С. 399].

Характерным принципом всей государственно-правовой политики Шамиля являлась гласность. В своей деятельности он опирался на поддержку широких слоев населения и поэтому его политика объективно не могла быть оторванной от интересов народа и скрытой от них. Шамиль не боялся разоблачения перед народом порочной практики управления им же назначенных наibaов. Принцип гласности был характерен для процесса судопроизводства, введенного Шамилем. Судебное производство исполняли при всем народе. Тут же приводились в исполнение решения и приговоры суда. Гласность в судопроизводстве исключала волокитство дел в судах и вносила большой воспитательный заряд в правовое воспитание населения.

Военная, административная и духовная власть Шамиля была ограничена главным советом и съездом наибов и алимов, которые не всегда беспрекословно и целиком соглашались с указаниями имама. Если можно назвать Имамат монархией, то эта монархия была чрезвычайно своеобразна, где основные политические вопросы решались съездом, а законодательство и управление – Диван-Ханой. Общее развитие правовой системы Имамата усматривается из перечня законопроектов и других вопросов, обсуждавшихся и утвержденных на съезде народных правителей в 1847 году в Андии: «... 6. Чтобы нам не выходить из пути людей добродетельных; 7. Чтобы оставить взаимную зависть, притеснения, и быть рукою (помощью) один другому; 8. Чтобы второй не повторил того, что сделал первый и чтобы приемник был с предшественником в тех же отношениях, в коих был до смены его; 9. Чтобы взвешивать все дабы еще более не сбиться с прежнего пути как в сей, так и в будущей жизни» [5. – С. 15].

В своих низамах Шамиль старался претворить на практике провозглашенный им лозунг равенства всех членов общества перед Аллахом и законом. Низамы наделили членов общества равными правами и возложили на них одинаковые обязанности.

Как отмечалось выше, абсолютного равенства между членами общества в классовом государстве объективно быть не может. Хотя все три имама ориентировались на социальные приоритеты на подвластной им территории, но отклонения определенного порядка появились и в правотворческой деятельности Шамиля. Так, при общей прогрессивной политике в отношении женщин, в судопроизводстве показания двух женщин-видетельниц приравнивалось к одному мужскому. Род потомков пророка Мухаммеда – корейшитов в Дагестане сохранил все свои привилегии, установленные шариатом в виде доли от военной добычи, хотя род этот в военных действиях участия не принимал. Неравное отношение закона к различным категориям населения продемонстрировал низам Шамиля «О наказаниях, коимъ подвераются сотенные начальники, десятские и рядовые», принятый в 1847 году на съезде в Анди. В этом низаме определены различные наказания для наибов, низших начальников и рядовых за одни и те же проступки и преступления. Данный низам знает только три вида наказания: понижение в должности, арест до 21 дня и наказание ударами палок до 39 раз.

Перечисленные виды наказания могли применяться как в отдельности, так и вместе в соответствии с указаниями низама при определенных составах преступления. При определении видов наказания за различные преступления законодатель руководствовался принципами гуманизации наказания и эффективности его для перевоспитания преступника [4. – С. 112]. Так, например, низамы не предусматривают наказание членовредительства по шариату за воровство и заменяет его арестом и штрафом в доход казны за каждую ночь ареста. Аресту и штрафу подвергались также за уклонение от воинской повинности и умышленное прикосновение к женщине. При определении наказания низамы предусматривали также характеристику личности преступника. При отрицательной характеристике и при совершении повторного воровства преступника казнили, а при положительной – другие виды наказания, а казнили только после совершения третьего воровства. Более того, при квалификации вида преступления учитывались такие признаки преступления, как повторность, соучастие и умысел. При отмене членовредительства и введении штрафа как вида наказания законодатель руководствуется намерениями сократить число калек в государстве и пополнить казну поступлениями от штрафов [1. – С. 404-405].

Низамы предусматривали при определении наказания и отягчающие обстоятельства. Например, за ослушание и неповиновение старшему в походе назначалась смертная казнь, а в мирных обстоятельствах – тюремное заключение или телесное наказание.

Наказания могли назначать наиб и его командиры сотен, за исключением назначения смертной казни, определение которой законодатель отводит исключительно за имамом, что и служило дополнительной гарантией справедливости наказания. Смертная казнь, кроме как неисправимым преступникам, назначалась еще и за совершение особо тяжких государственных преступлений: измены, шпионажа, прелюбодеяния и других. Смертная казнь в Имамате была предусмотрена двух видов: 1. «почетная» когда виновный становился на колени, молился, потом сам раскрывал рубашку и после молитвы наклонял голову, которую ударом секиры палач отсекал; 2. «постыдная», когда голова снималась на плахе. Относительно смертной казни в Имамате Шамиль отмечал, что «хотя и привыкли горцы к зрелищу смерти, идя навстречу ей в сражениях или встречая ее каждый день неожиданным образом в своих беспрестанных ссорах, где иногда косою взгляд порождает смерть; но собственно казнь производит на них впечатление тяжелое, а вид отрубленной головы знакомого или незнакомого человека, воображение ожидания последней минуты, не оставляющей уже никаких надежд, и мысленное приближение этого состояния лично к себе, все это представляет единственное и самое верное средство для образумления горцев».

Много усилий Шамиль приложил для искоренения обычая кровной мести – настоящего «стихийного» бедствия в общественной жизни горцев, из-за которого веками продолжалась кровная вражда между родами, уносившая много жизней. Для искоренения обычая кровомщения Шамиль определил наказывать за оскорбление арестом и денежным штрафом вместо самосуда и убийства оскорбителя, в связи, с чем и вспыхивала кровная вражда. Законодатель уравнивает шансы всех категорий населения в защиту своей чести и достоинства. С этой целью «... судебные власти предпринимали меры для розыска преступника», совершившего убийство. Хотя адаты и предполагали, что «если до 40-ка дней родственники похищенной убьют похитителя, то убийство не преследуется...» [7. – С. 16], дополнительно к этому и низамы всячески старались регулировать это обстоятельство, но практика показывала обратное.

Положения низама о запрете кровомщения тому, кто, защищая свою семью или имущество, а также честь и достоинство, нанес увечье или смерть другому лицу, в качестве альтернативы определяли денежное

возмещение родственникам убитого. В случае мести виновный подвергался преследованию государством и наказанию, а потерпевший получал защиту со стороны государства. Низам о запрете кровомщения ставил вне закона практиковавшиеся до этого случаи самосуда среди горцев в конфликтных ситуациях, что становилось причиной возникновения кровной вражды между родами.

За менее опасные преступления и проступки также подвергали наказаниям. Шамиль впоследствии признавался, что за многие преступления он применил бы ссылку, но в условиях Имамата некуда было ссылать.

Издав низамы, Шамиль наказал населению неукоснительно следовать им: «Я долженъ привести этотъ низамъ въ исполненіе безъ всякаго послабленія и лени, – и нетъ по сему низаму пощады, заступничества и состраданія для техъ, кои впадутъ въ пучину этихъ наказаній». «Мы согласны, – ответили наибы, по ССКГ, – во всемъ и все написанное обязываемся приводить въ исполненіе... Да поможетъ намъ аллахъ привести въ действіе шаріат и предписанія. Касающіяся религіи...» [7. – С. 14].

Многих современников событий на Кавказе восхищала та ревностная последовательность и решительность, с которой Шамиль боролся за искоренение преступности в горах. Убийцы, грабители и другие, общественно опасные лица всенародно подвергались смертной казни.

Несмотря на то, что сам Шамиль порой допускал некоторые отклонения от шариата для облегчения народу исполнения его постановлений и стремился к уничтожению суда по адатам, который жестоко, в основном смертью наказывал провинившихся, однако конечной цели он не достиг. И все же кратковременное «... господство достаточно было шариату для того, чтобы существенно повлиять на юридические воззрения дагестанских горцев» [3. – С. 234].

Правовые нововведения Шамиля повлияли на правовое положение личности в Имамате. Во-первых, он значительно уравнивал в правовом отношении привилегированные слои и крестьян-горцев. Во-вторых, как уже говорилось выше, в ходе освободительной борьбы он старался переложить все экономические тяготы на плечи более состоятельных членов горского общества, взимая с них дифференцированный, в зависимости от уровня состояния, налог, а беднейшим слоям населения оказывал помощь из фондов байтулмала. В-третьих, при издании своих низамов Шамиль в полной мере учитывал волю и чаяния народа, стремился к прогрессу в правовом положении личности и улучшению бытовых условий горцев, «вникая во все нужды горцев и делая все, чтобы облегчить их положение» [6. – С. 105].

Заботясь о материальном обеспечении не способных к самостоятельному проживанию горцев и претворяя в практику демократический принцип ответственности личности только за свои поступки, Шамиль запретил конфискацию имущества казненных преступников, если после них остались сироты. Имам лично особую помощь оказывал «... беспомощным сиротам...» [8. – С. 124].

Идеями о социальном равенстве всех членов общества пронизан и низам «О наследстве». До образования Имамата в этом вопросе была путаница из-за социального неравенства граждан и практиковавшего среди горцев многоженства. Законодатель уравнивал права на наследство абсолютно всех детей мужского пола. Те, кто получал наследство, должны были обеспечивать детей женского пола до совершеннолетия, затем выдать их замуж, а если они оставались на их иждивении – заботиться об их благополучии. Завещания, составленные в противоречии с этими положениями, признавались недействительными.

Много внимания Шамиль уделял и вопросам улучшения положения женщин в обществе. Особенно тяжелым было положение пленницы, которая становилась рабыней владельца в предшествовавший Имамату период. Даже если владелец вступал с ней в брак, она не получала прав, равных с другими женами. Для нее вообще не существовало развода. Муж – владелец мог продать, подарить и даже убить свою жену, если от нее не было детей. Дети пленницы также были лишены тех прав, которые имели другие дети. После смерти мужа – владельца положение пленницы еще более усугублялось. Если муж перед смертью не дал ей свободу или не оставил завещание на этот счет, пленница поступала в полное распоряжение его родственников, которые могли продать ее как простую рабыню. Видя это социальное неравенство, Шамиль внес некоторые коррективы в этой области. Учитывая, что женщины по своему общественному положению не имели собственности, Шамиль запретил взимать с них какие бы то ни было денежные штрафы. Но более детальному регулированию он подверг брачные и бракоразводные отношения, издав «...правила, защищающие имущественные права разведенной женщины» [9. – С. 3], имевшие большое значение в правовом положении женщины в обществе. Эта проблема привлекла столь пристальное внимание Шамиля, потому что женщина в горском обществе играла весьма заметную роль, как в общественной жизни, так и в освободительной борьбе, вместе с мужчинами принимая участие в защите родного края. Беспокойство Шамиля вызывали также и социальные вопросы в Имамате: обеспечение крепкой семьи – основы духовного здоровья общества, регулирование нормального прироста народонаселения Имамата и т.д.

В Имамате, особенно в чеченских наибствах, остро стояла проблема бракосочетания из-за высокого выкупа за женщин – калыма. Люди до старости лет не могли создать семью, молодые убегали из дома, порождая кровную вражду между родами. Поэтому Шамиль ввел твердый размер калыма в пределах 10 – 20 рублей, а по соглашению сторон ее можно было сокращать бесконечно [10. – С. 101]. При нарушении низама сумма выкупа сверх установленной нормы изымалась в доход казны. Запрещались также побег из дома молодых, а муллам заключать браки между беглыми под страхом строгих наказаний. В лучшем случае эти муллы могли рассчитывать на тюремное заключение. Заботясь о нравственном здоровье общества, Шамиль предписывал поскорее выдавать замуж веселых девиц «во избежание блудства», а также обязывал

родителей выдавать замуж своих дочерей по указанию наибов, в случае отказа они подлежали аресту и заключению в тюрьму.

По свидетельству современников Шамиль был настолько «ожесточен против женщины», что именно в ней видел причину частых разводов в Дагестане. По мнению Шамиля, характер горской женщины вследствие «фактических и моральных ее несовершенств сложился так дурно, что очень часто делает ее неспособной угодить своему мужу». Объясняя причины того, почему в Дагестане женщин не учили писать, Шамиль подчеркивал, что умение писать способствовало бы росту женского распутства. Запретив им учиться письму, Шамиль, по его мнению, «отнял у женщин возможности нарушать целомудрие» [См.: 8].

В делах, которые могли бы пойти на пользу обществу, Шамиль проявлял решительность и пренебрежение к догмам и стереотипам общественного мнения. Так, когда в Имамате из-за больших потерь мужчин в боях, увеличилось число вдов, Шамиль, усматривая вредные последствия в социальном плане, ввел в практику собирать время от времени в одно помещение мужчин, которых можно было женить. Имам и его сторонники вынуждены были немного отступить от исламских догм в брачно-семейных отношениях. Низам допускал браки между лицами разной национальности и вероисповедания при формальном принятии ислама. Поощрялось многоженство, запрещалось умыкание девушек, муллам запрещалось оформлять брак похитителям похищенной. Низамы закрепляли положение горянки в Имамате. Вдов обязывали выбирать себе мужей, причем выбранные мужчины обязательно должны были жениться на вдовах, которые их выбрали. Более того, в этих случаях были и моменты, когда по приказу Шамиля в качестве поощрения «... мужу ... в момент заключения брака (выплачивали) ... двадцать туманов» [8. – С. 86].

Так же детально имам отрегулировал и бракоразводные дела, для того чтобы укрепить положение женщины в обществе и семейные устои. Инициатива при заключении брака и разводе в горах принадлежала в основном мужчинам, которые зачастую обращались с этим правом очень легкомысленно. В противовес этому Шамиль обязал горцев при разводе возвращать женам их калым и все то, что они принесли с собой из дома. Положение Шамиля гласило, что муж, пробывший наедине с женой несколько минут, обязан выдать ей при разводе весь калым сполна. А если с женой были дети или она была в положении, – то муж обязан был давать содержание детям до их совершеннолетия, а жене – до выхода замуж или до окончания беременности.

При отсутствии наследников, а также в тех случаях, когда к имеющимся родственникам переходила лишь часть наследства, имущество становилось выморочным.

В отношении тех женщин, которые вели себя непристойно, имам предписывал к «... позорному наказанию: провести ее по всему селению, посадив верхом на осла и вымазав ей лицо сажей, ... бить ... без пощады ногами, а затем... (прогнать) из села как подлую собаку – без всякого снисхождения» [1. – С. 652].

Интересны в законотворческой деятельности Шамиля положения низамов, в которых вводятся всякого рода запреты и предписываются правила здорового образа жизни и поведения в быту. Запреты вводились на продажу винограда производителям вина, на употребление алкоголя и курение. Запрещались танцы и другие увеселительные мероприятия. Наказания за нарушение запретов низама были установлены весьма внушительные, вплоть до применения смертной казни.

Хотя освободительная борьба горцев проходила не в эпоху средневековья, но и социально-экономическое развитие обществ нагорного Дагестана первой половины XIX века, в общем, совпало с уровнем развития феодальных обществ средневековья. И характеристику восстаний средневековья с религиозной окраской вполне можно применить для объяснения строгих правовых мер Шамиля к нарушителям низама об искоренении вредных привычек и увеселительных мероприятий из бытовой жизни горцев. До известной степени ислам охраняет мерами принуждения почти все предписания религии и в то же время рассматривает каждое нарушение норм права как грех.

Необходимо отметить, что Шамиль личным поведением, своей обыденной жизнью и соблюдением им же введенных низамов подавал пример остальному населению. Он сам придерживался установленных им правил поведения потому, что понимал, насколько трудно населению Имамата жить в таких напряженных и суровых условиях осажденной противником страны. Но поскольку жесточайшая война с царизмом вынуждала горцев стоять насмерть за свою свободу, надо было поддерживать в них общественный тонус, держать их в напряжении, хотя и строгими, но необходимыми мерами. Впоследствии Шамиль признался в этом, отметив: «Правду сказать, я употреблял против горцев жестокие меры... но я бил их не за преданность русским, они ее не высказывали, а за их скверную натуру, склонность к грабежу и разбоям. Потому я не стыжусь своих дел и не боюсь дать за них ответ Аллаху...» [7. – С. 385].

Основной целью реформ Шамиля было: создать в Имамате максимум возможностей для успешной дальнейшей борьбы горцев Дагестана и Чечни против местных феодалов, за социальную и национальную независимость. Сочетая проведение преобразований с успешной борьбой с царскими войсками, Шамиль на практике убедился в их своевременности и правомерности в тех конкретных исторических условиях. Выход имама за рамки шариатских норм был вынужденным, продиктованным тогдашними условиями и традициями регулирования взаимоотношений между горцами.

Литература

1. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в.: Сборник документов. – Махачкала, 1959.
2. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-60 гг. XIX в. – Махачкала, 2006.

3. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе.-Т.1.-М., 1890.
4. Магомедов М.Б. Историко-правовые аспекты Кавказской войны 20-50 гг. XIX в. – М.,2000.
5. Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып.3. – Тифлис, 1870.
6. Магомедов Р.М. Два столетия с Шамилем. – Махачкала, 1996.
7. Руновский А.И. Кодекс Шамиля // ВС.-Т.XXIII.-1862.
8. 100 писем Шамиля / Сост., перевод с арабского на русский язык и комментарии Х.А. Омарова. – Махачкала, 1997.
9. Халилов А.М. Восстанавливая правду истории: Круглый стол // Дагестанская правда.-1988.-6 ноября.
10. Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа под предводительством Шамиля.-Махачкала, 1991.
11. Шарафутдинов Р.Ш. Еще один низам Шамиля // Письменные памятники Востока / Ежегодник.-1975.

Некоторые вопросы о детерминантах преступности: проституции и алкоголизма женщин

М.М.Гитинова

Долгое время в нашем обществе о наличии проституции умалчивали или объявляли ее ликвидированной (в эпоху развитого социализма). Многовековой опыт борьбы с проституцией, как и с преступностью, показывает, что она неустраима. Однако, общество и государство обязаны хотя бы ограничить размеры того зла, который причиняет порок, если они бессильны уничтожить его.

Проституция наносит огромный вред общественной нравственности, особенно воспитанию подрастающего поколения, поскольку основную массу проституток составляют молодые женщины. Проституция расшатывает многие социальные институты, в том числе семью. Она способствует насаждению цинизма, грубости, бесстыдства, расчета, делает ненужными любовь, преданность, верность, другие высшие чувства.

Проституция, хотя и не преступление, не уголовно-наказуемое деяние, но она тесно связана с преступностью. Нравственные ценности, накопленные человечеством вековым опытом, обесценились. Ослабление или разрушение семьи неизбежно ведет к тому, что женщина перестает исполнять обязанность, присущее исконно женщинам. Семья, своя или родительская, в определенной мере лишилась прежнего значения регулятора поведения и всего образа жизни, ослабились ее контрольные функции. То есть женщины, которые перестают ощущать свою связь с ней, уже не ориентированы на традиционные ценности. Особенно, если иметь в виду, не просто совместное проживание, но и внутреннюю духовную связь между супругами. Отсутствие этой связи очень ярко проявляется в занятии замужними женщинами проституцией.

Молодые женщины из необеспеченных семей не имеющие возможности приобретать модную одежду и другие престижные вещи, вынуждены совершать кражи, грабежи, разбои, заниматься проституцией: проявленные при этом жестокость, вандализм, агрессивность служат пределом психологических компенсаций за пережитые унижения.

Ю.М. Антонян отмечает, что достигаемый с помощью совершения преступлений и иных антиобщественных поступков уровень жизни вызывает одобрение и даже восхищение у окружающих. Главным становится не то, каким образом это богатство получено, а то, что оно есть, вытесняя все соображения нравственного порядка.

УК РФ содержит несколько статей, в которых указаны признаки преступлений, нарушающих принципы общественной нравственности, в частности, это статьи вовлечение в занятие проституцией (ст.240 УК РФ), организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ). Примыкает к названным видам преступлений и порнография – неперенный спутник проституции. Объектом преступления в ст. 242 УК РФ «Незаконное распространение порнографических материалов или предметов» является общественная нравственность в сфере половой морали. Предметом преступления являются материалы и предметы порнографического характера: живописные, графические, литературные, музыкальные и иные произведения, основным содержанием которых является грубо натуралистическое детальное изображение анатомических или физиологических подробностей сексуальных отношений.

В этой связи следует отметить, что в последнее время получила распространение наиболее опасная форма порнографии: детская. В частности, статья 242.1 УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», предусматривает ответственность за изготовление, хранение, перемещение через Государственную границу РФ, распространение, публичную демонстрацию, рекламирование материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

В России порнография становится практически ненаказуемой, в том плане, что найти лицо, причастное к его изготовлению и распространению, практически невозможно (она распространяется через интернет, видеодиски).

Конечно, проституция существует и потому, что на нее есть спрос. Услугами проституток пользуются разные мужчины, в том числе и мужчины – преступники. Проблема заключается в том, что преступники – в значительной степени люди с разрушенными социально-полезными связями, без семей, и вообще – эмоционально глухих людей. Находясь на свободе, они ищут себе друзей и подруг, чаще всего которыми становятся проститутки. Преступники приобщают этих женщин к своему образу жизни, вкладывают в их сознание свое понимание того, «как нужно жить» и какие нравственные ценности, точнее аморальные

¹ Антонян Ю.М. Преступность среди женщин.- М.- 1992. – С.-191.

критерии должны быть руководящими в жизни. Их клиенты, часто «развлекающиеся» богатые представители «руководящих» слоев населения, интеллигенции, имеющие жен и детей, не скрывающие от своих подруг-проституток, что деньги, которые они на них тратят, – шальные, нажитые на различных комбинациях по должности¹. А женщина идет на совершение преступления, когда зависит от мужчины, дорожит этой связью. Проститутки наводят воров, грабителей и убийц на богатых, любящих кутить в ресторанах мужчин, хорошо зная, кто из постоянных посетителей богат.

С проституцией тесно связано сутенерство, преступления с незаконным оборотом наркотиков также очень распространены в последнее время на Северном Кавказе. Здесь в качестве исполнительниц выступают не всегда проститутки, хотя некоторая часть вербует именно из этой криминогенной среды. Это женщины, вышедшие из под социального контроля, который на Кавказе присутствует, в виде контроля отцов, братьев, мужей, старейшин рода над женщинами в силу разных причин.

Особенности темперамента женщин-преступниц в регионе, деформация индивидуальной и групповой психологии, обусловленные не только ухудшением материального положения, неравенством в распределении доходов, но и разрушением прежней системы нравственных ценностей, выделяют в структуре причинного комплекса, совершаемых женщинами преступлений.

В социальном плане, проституция влияет на прочность семейно-брачных отношений, зачастую конфликты в семьях заканчиваются насильственными преступлениями. И, как правило, женщины проститутки не могут быть матерями, поскольку дети их социально заброшены, идут с малолетства на панель или пополняют ряды наркоманов, воров, бандитов. «С точки зрения потребительской психологии, прикрывающей бездушность воинствующим цинизмом, торговля своим телом нравственным падением не считается. Цель оправдывает средства»².

Все это приводит к растлению личности, не только самих проституток, но и большинства тех, кто контактирует с ними, включен в их бизнес: сутенеров, сводников, иных правонарушителей, многих клиентов, родственников, членов семьи, знающих об их промысле. Многие проститутки являются объектом жестокой, порой нещадной эксплуатации, находящиеся в угнетенном положении и закон, далеко не всегда, встает на их защиту. Можно сказать, что вокруг проституции и проституток складывается особая нравственно-психологическая среда, точнее дно.

Другой человеческий порок, который также тесно связан с проституцией – это женский алкоголизм.

«Особого внимания заслуживает тяжесть деградации личности женщин-алкоголичек». Черты деградации выявляются довольно рано, спустя несколько лет после начала злоупотребления спиртными напитками: заметно снижается круг интересов, угасают прежние культурные запросы, проявляется склонность к асоциальному образу существования, утрачиваются этические нормы поведения, выявляется крайняя лживость и все большее расторможение низших влечений»³.

Употребление алкоголя массами людей, особенно в виде «замены» радостей жизни, ибо их нет по тем или иным причинам, ведет к вымиранию целых групп населения, деградации людей. Дети, рожденные от пьяных родителей, генетически ущербны. Это трагедия человечества. В нашей стране, к сожалению, процент неполноценных детей, как следствие их зачатия матерью в нетрезвом виде либо от отца, находящегося в таком состоянии, растет. Особенно среди населения, находящегося в тяжелом экономическом положении⁴.

В семейно-бытовой сфере одним из наиболее распространенных поводов, приводящих к совершению преступлений, является пьянство. И если 30-35 лет назад потребление спиртных напитков не носило системный характер, то в настоящий период женщины стали употреблять эти напитки во много раз чаще, и более одной четверти женщин-преступниц нарушали уголовно-правовой запрет в состоянии опьянения. В семейно-бытовой сфере при таких условиях нередко возникает конфликтная ситуация, которая разрешается путем преступления. Если мотивация женщин, совершающих корыстные преступления, оправдывалась деятельностью для блага семьи, то насильственные преступления чаще всего выступают в качестве способа освобождения от людей, которые еще недавно были близкими.

Статистика упорно свидетельствует: там, где выше уровень потребления спиртных напитков, там выше преступность, опаснее ее характер, более тяжка она и по способам совершения преступлений, и по последствиям.

В борьбе с такими пороками общества, как проституция, алкоголизм, наркомания одни только меры уголовно-правового характера не слишком эффективны. Человечество не раз спотыкалось на политике запретительства и репрессий в этих областях, но ничего положительного не добились.

Думается, что борьба с этими явлениями лежит в сфере комплекса мер, где нравственное, духовное, религиозное воспитание человека играет не последнюю роль.

Список литературы:

1. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. - М. - 1992. – С.-191.
2. Габиани А.А. Цена любви. -М.- 1987 г.- С.64. ¹
3. Гузиков Б.М., Мейрон А.А. «Что нас губит», Лениниздат, 1990 г. – С. 55.
4. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. - М., Российское право, 1992 г. – С. 407.

¹ Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. - М., Российское право, 1992. – С. 407.

² Габиани А.А. Цена любви. -М.- 1987 г.- С.64.

³ Гузиков Б.М., Мейрон А.А. «Что нас губит», Лениниздат, 1990 г. – С. 55.

⁴ Карпец И.И. Указ. работа. - С. 412.

Степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий преступление умышленное причинение тяжкого вреда здоровью

М.М.Гитинова

Здоровье – это достояние не только каждого человека, но и всего общества. Здоровье помогает нам выполнять наши планы, успешно решать жизненные основные задачи, преодолевать трудности, а если придется, то и переносить значительные перегрузки. Доброе здоровье, разумно сохраняемое и укрепляемое самим человеком, обеспечивает ему долгую и активную жизнь.

Право на охрану жизни и здоровья закреплено и гарантировано Конституцией РФ. Уголовный кодекс РФ ориентирован на максимальное обеспечение безопасности личности, всемерную охрану жизни, здоровья, чести и достоинства человека, его физической свободы и психической деятельности. Физическое и психическое благополучие граждан является важнейшим достоянием нашего государства, выступает существенным условием обеспечения нормальной жизнедеятельности общества.

С уголовно-правовой точки зрения здоровье можно рассматривать в том случае, когда оно становится объектом посягательства, поскольку особое место среди преступлений против здоровья занимает умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ). Рассматриваемое преступление относится к категории тяжких преступлений, а при наличии отягчающих обстоятельств – к особо тяжким преступлениям.

Доля умышленного причинения тяжкого вреда здоровью составляет примерно одну четвертую часть среди преступлений против здоровья. Кроме того, на протяжении, ряда лет, несмотря на некоторые колебания, количество зарегистрированных преступлений данной категории остается стабильно высоким, составляя в 2010 г.- 39 745, в 2011 г. – 38 512, в 2012г. – 37 091 преступления (удельный вес в общей структуре преступности в среднем составляет 1,5%)¹.

В период декабрь – январь 2013 года было зарегистрировано 34786 преступлений по статье 111 УК РФ, а в период январь – март 2014 г. -8883 преступлений².

Основная масса лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, была осуждена за указанное преступление без отягчающих обстоятельств (56%) и за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (39%)³.

Среди насильственных преступлений наиболее устойчивую и значительную часть составляют умышленные убийства (около 15%), умышленные причинения тяжкого вреда здоровью (свыше 27%), изнасилования (около 4%), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (около 37%), умышленные причинения средней тяжести вреда здоровью (свыше 16%). Состояние и динамика совершения преимущественно этих преступлений и характеризуют насильственную преступность в целом.

Таблица

Состояние и динамика преступления умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в период 2008-2013 гг.

	2009	2010	2011	2012	2013
Количество зарегистрированных преступлений по ст. 111 УК РФ	43 112	39 745	38 512	37 091	34786
Удельный вес в общей структуре преступности	1,4 %	1,5%	1,6%	1,6%	1,6%

По степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий преступление умышленное причинение тяжкого вреда здоровью во многом превосходят другие криминальные проявления и наносят огромный ущерб обществу. Потерпевшими от них ежегодно выступают огромное число людей. Эти преступления, составляющие 1,4% – 1,6 % в среднем в общем объеме преступности, наносят ущерб наиболее важным в цивилизованном обществе ценностям – жизни, здоровью, неприкосновенности человека, и поэтому они наиболее опасны с точки зрения права и общечеловеческой морали.

Как следует из таблицы, криминологической особенностью насильственного преступления умышленное причинение тяжкого вреда здоровью является их определенная стабильность, сопровождаемая некоторым спадом.

В целом, динамика причинений тяжкого вреда здоровью идет на убыль в сравнении с 2002 г., когда было зарегистрировано 58469 преступлений, а в 2012 году, как следует из таблицы- 37091 преступлений. Хотя указанный вид преступлений совершается в условиях очевидности, для него характерна латентность, объясняемая характером совершаемых деяний, их трудно скрываемыми последствиями.

К сожалению, физическое насилие, становится привычным способом решения экономических, политических, личных и даже межличностных проблем. Ежегодно в России совершается около сотен тысяч побоев и драк, и как свидетельствует статистика, высокий процент занимают преступлений умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Особенно распространен данный вид преступлений в мегаполисах, в

¹ Состояние преступности. <http://mvd.ru/presscenter/statistics>. 08.04.2014.

² Состояние преступности. <http://mvd.ru/presscenter/statistics>10.05.2014.

³ Думан С.И. Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: <http://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-umyshlennoe-prichinenie-tyazhкого-vreda-zdorovyu-0#ixzz2PtRBE1A1>. 13.04.2014.

крупных городах. Так в 2012 г. по ч. 1 ст.111 УК РФ было осуждено 21 445 человек, ч. 2 -4 ст. 111 УК РФ – 9 434 человек. Из них 64 человека использовали оружие.

В 2013 г. было осуждено по рассматриваемой статье 30213 человек, из которых: 3 518 – женщины, 809- несовершеннолетние, 6 043- в возрасте 25-29 лет, 13 801- 3-49 лет, 802- 50 лет и старше. Таким образом, наиболее криминальной является возрастная группа 25-29 лет¹.

Исследования показывают, что значительная часть насильственных преступлений против личности также совершается в нерабочие дни, часто во время ссор, возникших при употреблении спиртных напитков. Близки данные и о месте совершения насильственных преступлений и хулиганства, которые зачастую заканчиваются групповыми драками.

При общей негативной динамике совершения этих преступлений в городах (на улицах, в парках, скверах, квартирах, на пляжах) наблюдается также увеличение числа насильственных преступлений и хулиганства в сельской местности. Последнее объясняется более высоким уровнем безработицы в сельской местности; более значительной для сельского населения дифференциацией общества; скоплением в сельской местности беженцев и вынужденных переселенцев; сужением миграционных возможностей сельского населения.

Распределение насильственных преступлений между городами и сельской местностью в целом же соответствует распределению численности городского и сельского населения.

По данным исследований, как правило, возрастает удельный вес насильственных преступлений, совершенных в группе и тем больше, чем моложе преступники. Численность групп обычно не превышает трех-четырех человек, и они чаще всего складываются случайно, для совместного времяпрепровождения.

Состояние, структура и динамика насильственной преступности не позволяют, однако, однозначно ответить на вопрос о причинах эскалации криминального насилия в стране. Для более глубокого понимания природы этих преступлений и способов их предупреждения значение имеет анализ личностной характеристики насильственного преступника, в частности преступника, совершающего умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Таким образом, важнейшей самостоятельной характеристикой криминальной ситуации на территории России является характеристика лиц, совершивших преступления.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном суде РФ свидетельствует, что по ст.111 УК РФ осуждено 30 213 лиц, что составляет 24,5 % в структуре преступлений против жизни и здоровья. Удельный вес женщин – преступниц, осужденных по данной статье составляет 4,5% в структуре преступности против жизни и здоровья, несовершеннолетних в возрастной группе 14-17 лет – 0,6 % , 18-24 лет – 4,9 %, 25-29 лет- 4,5 %, 30-49 лет- 11,2 %, 50 лет и старше- 3,3 %, мужчины пенсионного возраста старше 60 лет- 0,6 %, женщины пенсионного возраста- 0,3 %. Совершенно очевидно, что наиболее криминогенны лица в возрасте 30-49 лет (11,2 %).

Также криминальная активность свойственна лицам с невысоким образовательным уровнем: образование высшее и неоконченное высшее – 1,2 %, среднее специальное – 7,4%, среднее общее – 9,1%, неполное среднее, начальное или нет образования- 6,7 %.

При криминологической характеристике лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, имеет значение и род занятий на момент совершения преступления. Так, совершили преступление по ст. 111 УК РФ: рабочие – 6,0 %, работники сельского хозяйства- 0,1%, государственные и муниципальные служащие – 0,04%, служащие коммерческой организации- 0,6%, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность – 0,2%, учащиеся и студенты – 0,7 %, трудоспособные без определенных занятий- 15,3 %, безработные – 0,1 %.

Таким образом, наиболее криминогенной представляются трудоспособные лица без определенных занятий- 15,3 %.

Вместе с тем, изучение судебной практики по делам указанной категории показывает, что особенностями рассмотрения уголовных дел названной категории являются: 1) сложность выявления причинной связи между установленными действиями подсудимых и наступившими последствиями; 2) при групповом применении насилия необходимость установления причинной связи между наступлением вредных последствий и действиями каждого из обвиняемых; 3) необходимость оценки доводов о причастности иных лиц к смерти либо к причинению вреда здоровью; 4) необходимость оценки защитной версии подсудимых, сводящейся, как правило, к утверждениям о противоправном либо аморальном поведении потерпевших.

Думается, справедливым будет отнесение данных проблем и к уголовным делам о преступлениях, направленных против здоровья.

Примером приговора с выяснением вышеуказанных вопросов может служить Приговор Советского районного городского суда по Делу № 1-156/2012 г. Махачкала.

Между Магомедовым Р.К. и его матерью Алипхановой З.А. с одной стороны и их соседями Кадирбековым Г.Г. и его супругой Исмаиловой Р.М., с другой, стороны возникла ссора, в ходе которой Магомедов Р.К., умышленно, с целью причинения тяжкого вреда здоровью Кадирбекова Г.Г., нанес ему один удар куском арматуры в область живота, в результате чего Кадирбеков Г.Г. получил тяжкий вред здоровью опасный для жизни. В тот же день, Кадирбеков Г.Г. был госпитализирован в реанимационное

¹ Статистические данные судебного департамента при Верховном суде РФ, 2013 г. . <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 12.05.2014).

отделение Республиканской клинической больницы, где в последующем скончался. Эти действия подсудимого Магомедова Р.К. органами следствия квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Однако, подсудимый Магомедов Р.К. виновным себя в предъявленном обвинении не признал и показал, что вечером его соседи Кадирбеков Г.Г. и Исмаилова Р.М. разожгли перед его домом костер. Примерно в 23 часа 00 минут его мать Алипханова З.А. подошла к костру и стала его тушить с использованием подключенного к воде шланга. В это время Кадирбеков Г.Г. внезапно подошел к его матери и стал вырывать из ее рук шланг, видя, что она не отпускает его и продолжает тушить костер Кадирбеков Г.Г. ударил ее ногой в область живота, от чего она упала. После его вмешательства Кадирбеков Г.Г., будучи в нетрезвом состоянии подобрал с земли большую доску и погнался за ним, не желая с ним связываться и во избежание скандала он убежал в сторону. В это же время он увидел, как Кадирбеков Г.Г., выражаясь нецензурной бранью и угрожая расправой, бежит на него с куском арматуры в руках, размахиваясь им. Испугавшись, что потерпевший может осуществить свои угрозы, он в целях защиты с расстояния 3-х метров кинул в него первым попавшимся под руку предметом и убежал из дома. В последующем, со слов работников полиции он узнал о том, что кинул в него кусок арматуры и попал в область брюшной полости от чего он попал в больницу, где спустя некоторое время умер. Эти действия с его стороны были вынужденными, т.к. он защищался от потерпевшего и действовал в рамках необходимой обороны, т.к. были опасения за свою жизнь.

По утверждению Магомедова Р.К. у него не было умысла на убийство Кадирбекова Г.Г., не хотел он причинить ему и тяжкий вред здоровья, а всего лишь защищал себя, что могут подтвердить свидетели, которые видели, как он гнался за ним с арматурой в руках и хотел им ударить его.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы. Это имеет важное значение для квалификации деяния по ч.4 ст. 111 УК РФ. При наличии прямого умысла на совершение убийства его действия были бы квалифицированы по ст. 105 УК РФ.

Общая характеристика законодательства об акционерных обществах

Р.И. оглы Гурбанов

Характеризуя законодательство РФ об акционерных обществах, прежде всего, необходимо отметить некоторые важнейшие его особенности:

– сравнительно небольшой временной период формирования системы нормативных актов (немногим менее 20 лет);

– наличие нескольких «особых» групп акционерных обществ, специфика создания правового положения которых регулируется специальными нормативными актами (пп. 3,4,5 ст. 1 Федерального закона «Об акционерных обществах», Федеральным законом «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)», Федеральным законом «Об инвестиционных фондах»);

– значительное количество внутренних системных противоречий законодательных актов, регулирующих соответствующую сферу общественных отношений.

Ученый, М.Г. Ионцев придерживается классических взглядов на систему источников права, в соответствии с которой все законодательство об акционерных обществах, можно систематизировать следующим образом по степени уменьшения юридической силы:

Конституция РФ. Многие называют ее в качестве элемента законодательства об акционерных обществах, однако детальное изучение работ различных авторов так и не дало ответа на вопрос о том какова роль Конституции РФ в системе законодательства об акционерных обществах.

Роль Конституции РФ в регулировании акционерных отношений состоит в следующем:

– во-первых, ст. 30 Конституции РФ гарантирует право каждого на объединение, а акционерное общество представляет собой именно объединение лиц и их капиталов для достижения общих целей;

– во-вторых, ст. 35 Конституции РФ гарантирует в России право частной собственности. Форма собственности акционерного общества – частная;

– в-третьих, Конституция РФ провозглашает целый ряд установлений общего характера, которые во многих ситуациях могут служить надежной гарантией для обеспечения прав акционерного общества как субъекта права.

Статья 46 Конституции РФ гарантирует защиту прав и свобод, позволяет обжаловать действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц. На практике встречаются необоснованные отказы в государственной регистрации акционерных обществ, выпусков ценных бумаг, которые впоследствии успешно обжалуются в суде.

Итак, Конституция РФ, хотя и не является источником специальных правовых норм, регулирующих акционерные отношения, закладывает необходимые предпосылки для создания и функционирования акционерного общества, а также для эффективной защиты его прав как полноправного субъекта предпринимательской деятельности.¹

Общепризнанные нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в соответствии со ст. 15 Конституции РФ и ст. 7 Гражданского кодекса РФ являются составной частью правовой системы РФ. Нормы международного права содержатся в уставе ООН, декларациях и

¹ Поваров Ю.С. – 3-е изд. И доп. – М.: Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2013. – С. 492.

рекомендациях Генеральной Ассамблеи ООН и других документах. Нормы международного права обычно применяются к акционерным обществам с участием иностранных инвестиций. Общеизвестные нормы международного права и международные договоры имеют приоритет перед законодательством РФ в случае коллизии.

Международные договоры, заключенные бывшим СССР, сохраняют юридическую силу (поскольку РФ является правопреемницей СССР) до тех пор, пока одной из сторон не будет объявлено о его денонсации, т.е. не будет проведен надлежащим образом оформленный отказ от заключения между государствами международного договора.

Применение норм международного права к акционерным отношениям является очень большой редкостью.

Отдельно необходимо упомянуть прецеденты Европейского суда по правам человека. Данные акты имеют прямое действие на территории РФ, что подтверждается разъяснениями высших судебных инстанций. В силу указанного упомянутые прецеденты могут служить источниками права. В частности, они с успехом применяются судами по некоторым категориям налоговых споров.

Федеральные законы являются основным элементом законодательства РФ об акционерных обществах. К их числу относятся:

- Гражданский кодекс РФ, в котором особое значение имеет гл. 4 «Юридические лица»;
- Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ;
- Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ;
- Федеральный закон «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» от 19 июля 1998 года № 115-ФЗ;
- Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» от 5 марта 1999 года № 46-ФЗ;
- Федеральный закон «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации» от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ;
- Законы, содержащие отдельные нормы, относящиеся к акционерным обществам.¹

К отношениям, возникшим до введения в действие соответствующего закона, он применяется лишь к тем правам и обязанностям, которые возникли после вступления его в силу, однако если в принятом законе прямо указано, что его действие распространяется на отношения, возникшее ранее, то считается, что такому закону придана обратная сила. Обратная сила может быть придана закону в порядке исключения.

Обычно приоритет имеет закон с более поздней датой введения в действие.

При конкуренции общего и специального закона приоритет имеет специальный закон.

В пример можно привести, позицию Конституционного Суда РФ, которая является крайне важной, выраженная в определении от 18 июня 2004 года № 263-О. Конституционный Суд РФ вполне определенно установил, что Федеральный закон «Об акционерных обществах» является специальным по отношению к Гражданскому кодексу, что обеспечивает этому закону вполне понятный приоритет по сравнению с Гражданским кодексом РФ в случае выявления противоречий.

Подзаконные нормативные акты играют значительную роль в регулировании акционерных отношений. К их числу относятся: указы Президента РФ, постановления правительства РФ, нормативные правовые акты министерств, ведомств иных федеральных органов исполнительной власти, среди которых особенно выделяются бывшая Федеральная служба по финансовым рынкам, бывшее Министерство имущественных отношений, сейчас – Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом, Министерство финансов, Министерство экономического развития и торговли, Министерство юстиции, федеральный антимонопольный орган.

Подзаконные нормативные акты могут быть общего и специального характера. Подзаконные акты общего характера устанавливают одинаковые для всех акционерных обществ правила (постановление ФКЦБ РФ, которая упразднена с 13 марта 2004 года, «Об утверждении Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг» от 2 октября 1997 года № 27), в то время как акты специального характера регулируют особенности, свойственные отдельным акционерным обществам.

Отдельно стоит остановиться на подзаконных нормативных актах, принятых до введения в действие Гражданского кодекса РФ. На практике эти акты создают наибольшие сложности, так как они применяются до сих пор в части, не противоречащей Гражданскому кодексу РФ.

По мнению ученого Ионцева М.Г., именно упомянутые подзаконные акты создают наибольшее число проблем, особенно в тех случаях, когда дело доходит до судебных разбирательств.

Правовые обычаи (обычаи делового оборота), т.е. правила, во-первых, достаточно сложившиеся и определенные в своем содержании, во-вторых, широко применяемые и не имеющие узкоспециального характера, в-третьих, сфера их применения ограничивается предпринимательскими отношениями, в-четвертых, не предусмотренные действующим законодательством.

На основании анализа содержания ст. ст. 5 и 6 Гражданского кодекса РФ можно сделать вывод, что правовые обычаи применяются там и тогда, где обнаруживаются пробелы законодательства, не восполненные соглашением сторон.

По мере совершенствования законодательства ряд обычаев делового оборота получает закрепление в нормативных актах. Так неписанное ранее правило о том, что общее собрание акционеров ведет

¹ Ионцев М.Г. Акционерные общества. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Ось-89, 2011. – С. 38.

председатель совета директоров, нашло свое отражение в п. 2 ст. 67 Федерального закона «Об акционерных обществах».

Вопрос о том, являются ли источниками законодательства об акционерных обществах акты судебной и арбитражной практики, является предметом многочисленных дискуссий. М.Г. Ионцев придерживается позиции, согласно которой указанные акты с таковыми (источниками) не относятся, хотя и признает их более чем существенную роль в восполнении пробелов в действующем законодательстве.

Кроме того, одним из оснований для обращения в Высший арбитражный суд РФ за пересмотром дела в порядке надзора является нарушение обжалуемым судебным актом единства правоприменительной практики.

Суды очень часто руководствуются в своей правоприменительной деятельности разъяснениями вышестоящих инстанций и, вынося решения по конкретным делам, порой даже в тексте самого решения дают ссылку на соответствующий документ. Да и участники судебных разбирательств довольно активно ссылаются на решения и постановления, вынесенные по аналогичным делам.

Восполнение пробелов действующего законодательства, а также однозначное истолкование его посредством обобщения судебной практики получило дальнейшее развитие в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2008 года № 14. В этом постановлении отмечается, что в соответствии с п. 1 ст. 311 АПК РФ может быть пересмотрен по вновь открывшимся обстоятельствам также судебный акт, оспариваемый заявителем в порядке надзора и основанный на положениях законодательства, практика, применения которых после его принятия определена Высшим арбитражным судом Российской Федерации или в постановлении Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации, в том числе принятого по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора.

Локальные акты акционерных обществ – в появлении данных актов, которые, впрочем, весьма условно можно отнести к источникам права, регулирующим акционерные отношения, в полной мере проявляется метод гражданско-правового регулирования, для которого характерны: автономия воли участников, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, возможность выбора между различными вариантами поведения.

По мнению ученого И.Г. Ионцева, локальные акты акционерных обществ разумно разделить на 2 группы: внутренние акты и санкционированные государством уставы и иные документы (санкционирование проявляется в государственной регистрации и в утверждении, например, уставов акционерных обществ, создаваемых при приватизации государственных унитарных предприятий).

В числе внутренних актов необходимо выделить различные положения, а именно: о распределении и использовании прибыли, о ценных бумагах общества, о реестре акционеров общества, об общем собрании общества и т.п.

Локальные акты общества очень часто помогают выйти из правового тупика. Кроме того, внутренние положения, к разработке которых обычно относятся крайне формально, способны также оказать неоценимую помощь во время корпоративного конфликта. Дело в том, что эти положения можно включать практически любые процедурные и иные нормы, не противоречащие действующему законодательству и уставу общества. В ряде случаев в них находят свое разрешение некоторые диспозитивные нормы Федерального закона «Об акционерных обществах». Например, в споре о том, стоит ли проводить повторное внеочередное общее собрание акционеров взамен несостоявшегося, соответствующее положение способно поставить жирную точку.

В литературе к числу источников «акционерного права» некоторые авторы относят еще и договоры. Такая позиция представляется спорной, поскольку, хотя учредители и заключают между собой письменный договор о создании общества, являющийся по своей правовой природе договором простого товарищества, но такой договор порождает юридические последствия лишь для определенного круга лиц – учредителей общества.¹ Кроме того, в соответствии с п. 6 постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 18 ноября 2003 года № 19 договор о создании акционерного общества не является учредительным документом последнего, что еще больше сужает сферу его применения. В то же время между основным и дочерним обществами может быть заключен договор, позволяющий основному обществу давать дочернему обязательные для последнего указания.

Изучение иностранной корпоративной практики показывает, что в различных юрисдикциях широкое распространение получили соглашения акционеров. Данные соглашения служат одновременно нескольким целям.

Во-первых, при помощи соглашений акционеров осуществляется реализация совместных их интересов. Во-вторых, эти соглашения могут устанавливать взаимные права и обязанности акционеров, не предусмотренные и в то же время не противоречащие действующему законодательству, включая возможность консолидированного голосования по определенным вопросам повестки дня общего собрания. В-третьих, такие соглашения могут устанавливать определенный порядок продажи пакетов акций.

Таким образом, Конституция РФ, закладывает необходимые предпосылки для создания и функционирования акционерного общества, а также для эффективной защиты его прав как полноправного субъекта предпринимательской деятельности; нормы международного права как элемент законодательства РФ об акционерных обществах обычно применяются к акционерным обществам с участием иностранных инвестиций, имеют приоритет перед законодательством РФ в случае коллизии, а также применение норм

¹ Поваров Ю.С. – 3-е изд. И доп. – М. : Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2013. – С. 492.

международного права к акционерным отношениям является очень большой редкостью; Федеральные законы являются основным элементом законодательства РФ об акционерных обществах; подзаконные нормативные акты играют значительную роль в регулировании акционерных отношений; правовые обычаи (обычаи делового оборота), т.е. правила, применяются там и тогда, где обнаруживаются пробелы законодательства, не восполненные соглашением сторон; локальные акты акционерных обществ которые можно подразделить на внутренние акты и санкционированные государством уставы и иные документы; акты судебной и арбитражной практики, как элементы законодательства РФ об акционерных обществах являются предметом многочисленных дискуссий, они играют более чем существенную роль в восполнении пробелов в действующем законодательстве; в литературе к числу источников «акционерного права» некоторые авторы относят еще и договоры, эта позиция является спорной; также широкое распространение получили соглашения акционеров как элементы законодательства РФ об акционерных обществах.

К вопросу об основных тенденциях развития современного государства Российского

И.Даурбекова

Г.Р.Джантемирова

Современное российское государство характеризуется процессами демократизации и социализации, созданием правового и светского государства, закреплением таких общечеловеческих ценностей как власть народа, справедливость, права человека и т.д.). Формирующееся на их основе демократическое государство означает, что это государство народа, для народа, посредством народа, представляющее большинство населения. Это государство, в котором власть осуществляется демократическими методами, т.е. смена власти осуществляется путем выборов, важные решения принимаются референдумом -голосованием избирателей, в деятельности органов государства огромное значение имеет учет общественного мнения. Социальное государство подразумевает его активное участие в предоставлении социальных услуг населению, в охране здоровья людей, заботу о матери и ребенке, бесплатное общее образование, установление необходимого минимума заработной платы и прожиточного минимума, справедливое законодательное регулирование отношений труда и капитала. В последние годы концепция социального государства претерпевает определенные изменения обусловленные тем, что все чаще выдвигается положение о «государстве труда», т.е. государство должно обеспечивать основные нужды человека, но и он сам должен заботиться о себе и своей семье. Правовое государство – это государство связанное с правовыми нормами, не только буквой, но и общими принципами права на основе общечеловеческих ценностей. Это взаимные права, обязанности и взаимная ответственность государства, личности и коллективов. Светское государство означает свободу религии и атеизма.

В современных условиях наряду с демократизацией и социализацией характерно, создание технологического и технократического государства. Государства в котором, при принятии решений и управлении все шире используются специалисты (избираемые народом органы опираются на их мнение, оставляя за собой решение вопросов лишь общего характера); применяются новые технологии, позволяющие просчитывать различные варианты. Одна из составляющих этой тенденции получила название «рационализированный парламентаризм». Вместе с тем различные технологии для прямой и обратной связи государственных органов (должностных лиц) с населением, технических специалистов с органами принятия решений (в том числе с парламентом правительством) используются также для манипулирования поведением широких масс, для оказания давления на органы, принимающие решения. Поэтому одна из проблем современного государства, на наш взгляд, состоит в умении соединить демократию и технократию ради общих целей.

В настоящее время уменьшается значение государственного принуждения, изменяются его формы и возрастает роль государства-организатора, государства – социального арбитра. Государство, его органы стремятся урегулировать конфликты путем консенсуса и компромисса, применяя обычно не административные, а экономические, психологические и иные формы принуждения. Однако государство всегда остается не только органом для выполнения «общих дел», но и институтом легализованного и легитимного принуждения. Оно может приобретать весьма жесткие формы (разгон демонстраций, смертная казнь и др.), но и такое принуждение может использоваться в интересах общества, для выполнения «общих дел».

Практика свидетельствует о волнообразном движении в развитии государственного управления. Усиление регулирующей роли в экономике достигает критической точки, когда зарегулированность стесняет естественное развитие общества, что влечет упадок экономической деятельности, снижение жизненного уровня населения, а иногда и медленную стагнацию, длящуюся десятилетиями (тоталитарные социалистические государства). А с другой стороны, излишние социальные гарантии со стороны государства, для которых у общества не было достаточных ресурсов, приводили в Швеции, Испании, Норвегии к «бегству» капитала из страны, замедлению темпов развития. Снижение социальных льгот восстанавливало активность, но порождало недовольство населения и приводило к поражению правящей партии на выборах. Такие циклы повторяются.

На наш взгляд, все более отчетливо проявляется тенденция к созданию гибридных, смешанных, переходных форм. Прежние классические формы президентской, парламентарной республики, федерализма, автономии, государственных режимов постепенно исчезают, их заменяют полупрезидентские, полупарламентарные республики, региональные государства, сочетающие черты унитаризма, федерализма, автономии. Возникают новые методы осуществления государственной власти, иные формы

государственных режимов, соединяющие элементы авторитаризма и демократии. Создаются образования, сочетающие в себе черты международного объединения и государственности, такие как – Европейский союз, Союзное государство Белоруссии и России, Союз Сербии и Черногории и др.

Конституция РФ содержит характеристики российского государства как демократического, социального, правового, федеративного. Фактически же российское государство не в полной мере удовлетворяет некоторым этим характеристикам на уровне современных стандартов. Доминирование исполнительной власти и недостаточный контроль за ее деятельностью, силовые санкции по наведению конституционного порядка, принижение роли парламента и законодательных органов субъектов Федерации, слабость судебной системы, малое влияние общественного мнения на государственные дела снижает демократический потенциал государственного управления.

Россия не является развитым социальным государством. Примерно 1/3 населения (по другим данным – около 1/4) находится за чертой бедности, а доход «верхних» 10% населения в 14 раз превышает доход 10% «нижних» – разрыв, невиданный в цивилизованных странах. Правда, в последнее время ситуация улучшается.

Российское государство не является полностью правовым в силу того, что правовые акты субъектов Федерации часто не соответствуют федеральным законам, а конституции некоторых субъектов Федерации – Конституции РФ. Престиж судов низок. Хотя многое исправлено этом направлении, но еще далеко не все.

Россия – светское государство. Религиозная свобода и право атеизма обеспечены в целом, хотя в некоторых случаях эти принципы нарушаются. В государственном гимне есть упоминание о боге, имеют место факты освящения (по христианским обрядам) военных (государственных) объектов (например, кораблей) и т.д.

Россия – федерация. Однако ее федеративная организация несовершенна, число субъектов Федерации велико субъекты не вполне равноправны (республики обладают правами, которых не имеют другие субъекты Федерации). Форма правления в России сочетает черты парламентарной республики (например, возможность вынесения вотума недоверия Правительству РФ, необходимость согласия Государственной Думы на назначение Председателя Правительства РФ) и президентской (назначение министров по воле Президента РФ, возможность увольнения Председателя Правительства по усмотрению Президента). Юридически это смешанная форма правления, полупарламентарная, полупрезидентская республика. Однако в реальной жизни доминируют признаки президентской республики.

К вопросу о разделении властей в Российской Федерации

И.Даурбекова
Г.Р.Джантемирова

Из смысла самой доктрины разделения властей вытекает, что для эффективного функционирования властей в государстве необходимы два условия. Во-первых, власти должны быть самостоятельны и независимы. Это значит, что ветви власти (органы, их представляющие) должны иметь свойственные только им функции, полномочия. Вместе с тем обеспечение интересов государства достигается не столько обособленностью ветвей власти, не их противостоянием, сколько тесным взаимным сотрудничеством, точным исполнением каждой из ветвей власти своих функций. Исследователь Т.В. Милушева, отмечает, «что объективная действительность такова, что все ветви власти нуждаются друг в друге, только вместе они образуют законченное единство, именуемое государственной властью, лишь в своей совокупности выступают как элементы целостной системы» [1].

Во-вторых, необходимо создание фундамента, основы для взаимодействия властей. В этом значении выступает система сдержек и противовесов – как механизм, препятствующий сосредоточению большого объема властных полномочий в руках какого-либо лица или органа. Система представляет собой совокупность правовых ограничений в отношении конкретной государственной власти и, как образно подмечено, играет роль «живых тканей, сосудов государственного механизма» [2].

Сдержки и противовесы являются центральным принципом разделения властей, при их отсутствии разделение властей превращается в абстрактную декларацию. Причем необходимо отметить, что речь идет не просто о совокупности способов, рычагов, а именно о системе взаимоувязанных элементов, обеспечивающих правовые рамки функционирования властей и их эффективное взаимодействие. Вне единого целого отдельный элемент системы сдержек и противовесов может рассматриваться как нарушение принципа разделения властей. Например, назначение Председателя Правительства по согласию Государственной Думы может квалифицироваться как вмешательство законодательной власти в компетенцию Президента или «вето» главы государства как нарушение исключительного права законодательного органа в сфере законотворчества.

Таким образом, диалектика организации и функционирования государственной власти заключается в относительной самостоятельности и единстве ветвей власти. Поэтому очень важно, чтобы механизм их взаимодействия был четким, отлаженным, эффективным.

В настоящее время на первый план выходит управленческая деятельность государства, в содержание которой входит предвидение, прогнозирование, планирование, принятие необходимого решения, мобилизация и организация для его осуществления сил и ресурсов, контроль за выполнением и многие другие действия. Именно этим и занимается прежде всего исполнительная власть.

Исполнительная власть носит универсальный характер. Это означает, что она осуществляется везде и непрерывно. Ее универсальность проявляется также в том, что она в определенных пределах выполняет и

правотворческую, и юрисдикционную деятельность. Правительство сегодня располагает чрезвычайно большими возможностями воздействия на все другие государственно-властные структуры, прежде всего на парламент. Так, в частности, она активнейшим образом вторгается в сферу, традиционно считавшуюся сферой исключительной компетенции высшего представительного учреждения, а именно в законодательный процесс.

Исполнительная власть является мобильной, гибкой – словом, динамичной системой, живо реагирующей на всякие изменения в общественной среде, адаптируемой к социально-экономическим процессам.

Значительную роль в усилении исполнительной власти в российской модели разделения властей играет Президент РФ. Его положение приводит к чрезмерной концентрации власти. Президент России формирует и контролирует деятельность Правительства РФ, всей системы исполнительной власти. Президенту прямо подчинены и подотчетны некоторые федеральные органы исполнительной власти. Он определяет основные направления внутренней и внешней политики государства, осуществляет руководство внешней политикой, ведет переговоры, подписывает международные договоры и многое другое. Круг его полномочий настолько обширен, что он фактически стоит над тремя ветвями власти. Президент РФ, Администрация Президента РФ и Правительство РФ – высшая государственная бюрократия, вот та реальная политическая сила, которая фактически задает тон всех государственно-правовых преобразований в современной России.

Подавляющее число нормативных актов исходит именно от органов исполнительной власти.

Таким образом, анализ практики реализации принципа разделения властей, российской системы сдержек и противовесов позволяет прийти к выводу, что: во-первых, в России пока еще не сложилась четкая и работающая система разделения властей, сдержек и противовесов; во-вторых, баланс ветвей власти свидетельствует о юридическом и фактическом доминировании исполнительной ветви; в-третьих, модель российской власти, сочетающая суперсильного президента и «слабый» парламент создает угрозу потери демократических свобод.

В ходе государственного развития внутри механизма государства, наряду с законодательной, исполнительной и судебной, постепенно стала выделяться четвертая по значению, самостоятельная ветвь власти – контрольная власть.

Возникновение контрольной ветви власти обуславливается главным образом тремя причинами.

1. В мире нарастает движение от простого провозглашения народовластия к реальному воплощению его в жизнь. Народ, делегировавший часть своих властных функций законодателям, правительству и судьям, имеет право осуществлять контроль за тем, как они эти полномочия используют. Указанная задача только отчасти реализуется через взаимоконтроль властей (контроль законодателей над правительством, судебный контроль). Однако законодательная власть всегда политизирована и не может дать объективной оценки работы правительства. Судебная власть пассивна и не может встать на защиту закона по собственной инициативе. Поэтому нужен орган, который бы провел глубокое расследование фактов нарушения закона или неэффективной деятельности органа государства и выступил в качестве истца или обвинителя.

2. Обществу необходимы государственные органы, которые занимались бы только надзором за деятельностью аппарата государственного управления и не отвечали бы за качество законов или эффективность их исполнения. Совмещение надзорных функций с иными ведет к искажению и утайке информации о работе государственного механизма от народа. Кроме того, специализация работников на выполнении одной операции способствует росту их профессионализма.

3. Общество заинтересовано в получении полной и достоверной информации о работе высших государственных органов: президента, правительства, парламента, судов. С них должен быть сброшен «покров тайности». Это затруднит коррупционную деятельность, которая может проникнуть в самые высокие эшелоны власти.

Таким образом, в демократическом обществе должно быть как минимум не три, а четыре ветви власти: законодательная, судебная, исполнительная и контрольно-надзорная.

Учреждение Конституционного Суда в России в начале девяностых годов было сенсацией. Задача контролировать осуществление власти на основе права – нечто неслыханное в государстве, которое покоилось на самодержавии и православии или авторитаризме и советской идеологии.

Как следует из гл. 7 Конституции РФ, Конституционный Суд РФ наряду с Верховным Судом РФ и Высшим Арбитражным Судом РФ представляет судебную власть в Российской Федерации. Статьей 4 Федерального конституционного закона РФ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» Конституционный Суд РФ включен в эту систему и относится к федеральным судам. Статья 1 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливает, что Конституционный Суд РФ – судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

По кругу задач и методам их решения Конституционный Суд РФ существенно отличается от других судебных органов. Можно встретить мнение, что Конституционный Суд РФ, благодаря своим особенностям, является уникальным органом государственной власти, который по своему назначению выходит за пределы судебной ветви власти.

Высказывается мнение, что все суды подзаконны, а Конституционный Суд РФ стоит над законом. По нашему мнению, это не так. Конституционный Суд РФ, безусловно, должен подчиняться Конституции РФ

(нормы материального права) и Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации». Более того, выведение Конституционного Суда РФ за рамки общего правового поля, за рамки судебной системы, придание ему особого статуса не только не обоснованы, но и крайне негативно влияют на качество его правосудия. Такой подход позволяет Суду нарушать судебную процедуру, пренебрегать общесудебными принципами, допускать судебный произвол. Учитывая, что над Конституционным Судом РФ по закону не стоит никакой контрольный орган, такой особый статус Суда чреват узурпацией власти, что в демократическом правовом государстве недопустимо.

Конституционный Суд РФ не только по названию, но и по сути является судебным органом. Он, как и другие суды, всегда разрешает правовой спор, где есть противоборствующие стороны, которые имеют свой собственный интерес к итогам рассмотрения дела. Любой запрос в Конституционный Суд РФ возникает не из праздного любопытства заявителя – он всегда связан с конфликтом интересов разных лиц. Даже по таким специфическим делам, как дела о толковании Конституции РФ либо дела о заключении по импичменту Президенту РФ, разные лица по объективным причинам имеют разный интерес в правовом результате их рассмотрения. Разграничение подведомственности дел либо особенности процедуры судопроизводства не могут изменить правовой сущности Конституционного Суда именно как судебного органа.

Принцип разделения властей в правовом государстве предполагает, что ни одна ветвь власти не может самостоятельно наделять себя полномочиями. Этот конституционный принцип для судов означает, что их деятельность ограничена формально закрепленными материальным и процессуальным законами. Суд не вправе решать вопрос о своих собственных полномочиях, поскольку это нарушит общеправовой принцип: «Никто не может быть судьей в своем деле».

Компетенция Конституционного Суда РФ определена в ст. 125 Конституции РФ. Существует мнение, что закрепление полномочий Конституционного Суда РФ в Конституции РФ, в то время как полномочия остальных судебных органов закреплены специальными законами, позволяет считать Конституционный Суд РФ уникальным органом государственной власти, имеющим право осуществлять свои полномочия с достаточной степенью свободы усмотрения (произвольно, во внесудебной процедуре).

Однако указанное обстоятельство свидетельствует только о том, что этот государственный институт для Российской Федерации нов и его полномочия имеют особое государственное значение. Закрепление их в Основном Законе означает, что его полномочия не могут быть изменены (сужены либо расширены) на уровне закона (в том числе конституционного).

То обстоятельство, что закон называет Конституционный Суд органом контроля, не превращает Суд в прокуратуру, которая вправе заниматься контролем и надзором произвольно и самостоятельно, без судебной процедуры, без соответствующих заявлений. Разграничение компетенции органов конституционного контроля и прокуратуры очевидно: прокурор надзирает за точным и единообразным исполнением законов, за законностью поведения, а Суд проверяет соответствие самих этих законов Конституции страны. Прокурор имеет дело с конкретными правоотношениями, а Суд – с их моделями, сконструированными законодателем и воспринятыми правоприменителем. Прокуратура действует в кругу законоприменения, Конституционный Суд работает в сфере правотворчества.

Будучи судебным органом, Конституционный Суд РФ реализует свои функции самостоятельно, не подменяя собой других ветвей судебной власти и не надзирая за их деятельностью. Создание Конституционного Суда не означает появление «надинстанции» для остальных судов, хотя обычно его и называют первым в их ряду. По Конституции РФ и Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» никаких особых позиций Конституционный Суд не имеет, он занимает свою нишу, и не более того. В частности, Конституционный Суд не стал второй инстанцией для Конституционных (уставных) Судов субъектов РФ.

Таким образом, Конституционный Суд и по названию, и по сути является самостоятельным органом судебной власти, в связи с чем должен иметь те же властные полномочия и те же процессуальные ограничения, что и другие суды. Различия этих полномочий и ограничений должны быть жестко увязаны с характером его работы. Именно такой подход к Конституционному Суду РФ позволяет объективно оценивать его работу. В противном случае любой анализ его деятельности теряет смысл, так как «уникальность» предмета исследований нивелирует все известные критерии истинности и ложности, в связи с чем «черное», учитывая уникальность предмета исследования, легко выдать за «белое».

Литература:

1. Милушева Т.В. Разделение властей как способ ограничения государственной власти // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 3.
2. Там же.
3. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26 декабря 1996 г., с измен.// СЗ РФ. 1997. №1. Ст.1.
4. О Конституционном суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июня 1994 г., с измен. и доп.// СЗ РФ. 1994. №13. Ст.1447.

Институт гражданства в Российской Федерации

Г.Р.Джантемирова

Гражданство как самостоятельный конституционно-правовой институт, направленный на реализацию прав и свобод человека и гражданина, выполнение их обязанностей, является важнейшим составляющим элементом правового статуса личности. В процессе развития российского государства понятие, сущность и

проблемы этого института изменялись и постепенно расширялись. Данные вопросы всегда привлекали внимание многих ученых как нашей страны, так и за рубежом. Однако проблематика гражданства и на сегодня далеко не исчерпана, несмотря на многообразие высказанных мнений и точек зрения о сущности и правовой природе гражданства.

Гражданство – юридическое основание правового статуса личности, взаимоотношений человека и государства. Это связано с тем, что объем прав, свобод, обязанностей того или иного лица напрямую зависит от гражданства. Выявление содержания и значения гражданства, его основных особенностей – сложная и важная проблема в науке конституционного права, являющейся базовой наукой о правовом статусе личности, в контексте гражданства. Исходным является понятие, которому отдает предпочтение законодательство.

Понятие «гражданство» должно включать в себя взаимные права, обязанности, ответственность и гарантии, что подчеркивает его неотъемлемую связь со статусом личности и его характер как базового элемента. Вместе с тем отмечается, что в науке о гражданстве нет единого мнения в отношении понятия гражданства.

Гражданство в современном мире все более увязывается с достоинством личности, в результате чего международно-правовые акты и Конституция РФ исходят из того, что в сфере любых правоотношений, в том числе связанных с гражданством, личность выступает не как объект государственной деятельности, а как полноправный субъект. Это обязывает государство обеспечивать уважение достоинства личности при реализации права на гражданство (ч. 1 ст. 21 Конституции РФ). Об этом, в частности, свидетельствует решение Конституционного Суда Российской Федерации, в котором подчеркивается, что лишение или временное прекращение гражданства умаляют достоинства личности, нарушая ст. 6 Конституции РФ. Данный институт призван способствовать координации действий государств в вопросах обеспечения свободы личности. В юридической науке институт гражданства получил конкретное теоретико-научное обоснование. Особо следует подчеркнуть необходимую непосредственную связь теории гражданства с теорией правового положения личности, их взаимообусловленное развитие. При этом, будучи одним из составных, неотъемлемых, базовых элементов теории правового положения личности, институт гражданства в то же время обладает конституционно-правовой самостоятельностью.

Современный этап становления института гражданства в России охватывает современный период с 2002 г. по настоящее время, в течение которого была проведена комплексная работа по совершенствованию российского законодательства о гражданстве, а также миграционного законодательства. При подготовке и принятии таких важных актов, как Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации», Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» были учтены международно-правовые нормы и принципы, в частности, Европейской конвенции о гражданстве 1997 года. Новый Закон о гражданстве РФ принимался уже в иных политических и экономических условиях, с учетом которых были сформированы основы демократической правовой российской государственности, с закреплением в нем положений о гражданстве, отвечающим международным правовым актам.

Закон о гражданстве РФ 2002 г. отражает преемственность основных положений института гражданства, обеспечивает приведение законодательства о гражданстве в соответствие с Конституцией РФ, а также с международными стандартами и требованиями. В нем закреплены основания, условия и порядок приобретения и прекращения гражданства, определены полномочия органов, ведающих делами о гражданстве, установлен порядок производства по делам о гражданстве, а также регламентированы порядок обжалования решений полномочных органов.

Главные нововведения Закона о гражданстве РФ коснулись условий приобретения российского гражданства. Вместе с тем в нем расширены основания отклонения заявлений о приеме в гражданство. Это нововведение направлено на обеспечение безопасности РФ, недопущение получения российского гражданства случайными, деструктивными элементами, стремящимися использовать статус гражданина нашей страны в своих интересах, вопреки интересам российского государства и общества.

Регулирование вопросов гражданства осуществлено в Законе о гражданстве РФ с учетом положений Концепции национальной безопасности Российской Федерации в части необходимости сбалансирования интересов личности, общества и государства, создания единого правового пространства, недискриминации, повсеместной защиты прав и свобод человека и гражданина, стабилизации общественно-политической обстановки в стране, защиты прав и интересов российских граждан за рубежом. В нем достаточно четко определены критерии обеспечения прав личности на всех стадиях прохождения дел о гражданстве, включены нормы, направленные на предотвращение состояния безгражданства.

Таким образом, Закон о гражданстве РФ 2002 г. построен по модели классического национального гражданства с учетом обширного международного опыта. Он более четко регулирует вопросы гражданства и условия его получения, предусматривает эффективно действующие механизмы защиты прав, интересов граждан России.

Вместе с тем Закон о гражданстве РФ 2002 г. не решил, да и не мог сразу решить все проблемы гражданства, особенно в связи с процессами глобализации. Институт гражданства в глобализирующемся мире становится действительно современным и демократическим институтом, позволяющим всем людям быть полноправными и самим определять свою судьбу. Это единственный в своем роде институт, являющийся универсальным по своему демократизму, охватывающий разнообразные области человеческих отношений и сферы интересов.

Современные принципы гражданства России согласуются с принципами, содержащимися в Европейской конвенции о гражданстве 1997 г. В процессе развития государства принципы гражданства не остаются неизменными, они развиваются, наполняются новым содержанием.

Новым для российского законодательства является упрощенный порядок приобретения гражданства РФ. Он достаточно сложен. Это создает излишние проблемы для наших соотечественников, проживающих за рубежом, тормозит их приток в нашу страну, препятствует решению демографической проблемы, пополнению страны квалифицированными трудовыми ресурсами. Целесообразно принятие правовых актов, направленных на конкретные решения задач по возвращению российских соотечественников на историческую родину. В связи с этим предлагается разработать и принять специальный нормативно-правовой акт, устанавливающий минимальные требования по приобретению гражданства соотечественниками и членами их семей. Данный акт будет способствовать более четкому регулированию иммиграции наших соотечественников в Россию, ускорению становления их гражданского статуса, облегчающего их адаптацию к условиям жизни, решению демографических проблем. Возможно в качестве альтернативы внесение изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации», закрепив в нем само понятие «соотечественник» и определив для данной категории граждан упрощенный порядок приобретения гражданства России.

Относительно новым для Российской Федерации является и институт двойного (множественного) гражданства. Порядок его приобретения в российском законодательстве весьма сложен. В реальности возникает два вида ситуаций: первый – граждане России обладают двойным гражданством на основании международного договора; второй – граждане России обладают вторым гражданством страны, не имеющей договора с РФ. Предполагаю, целесообразно урегулировать возможность приобретения двойного гражданства при отсутствии международного договора РФ по этому вопросу с другими странами. Этому способствовало бы принятие новых норм, которыми должны быть урегулированы вопросы регламентации порядка регистрации наличия двойного гражданства, особенностей государственной и военной службы бипатридов, реализации их прав и свобод в России.

На наш взгляд, представляется обоснованным предоставить решение вопроса о выборе гражданства Российской Федерации несовершеннолетнему, достигшему возраста 14 лет.

О проблемах правового воспитания в современной России

Г.Р. Джантемирова

Правовое воспитание есть планомерный, управляемый, организованный, систематический и целенаправленный процесс воздействия на сознание, психологию граждан Российской Федерации всей совокупности многообразных правовоспитательных форм, средств и методов, имеющихся в арсенале современной правовой деятельности, с целью формирования в их правосознании глубоких и устойчивых правовых знаний, убеждений, потребностей, ценностей, привычек правомерного поведения.

Кваша А.А. определяет правовое воспитание через его составные элементы: «правовое воспитание состоит в передаче, накоплении и усвоении знаний принципов и норм права, а также в формировании соответствующего отношения к праву и практике его реализации, умении использовать свои права, соблюдать запреты и исполнять обязанности». «Отсюда есть необходимость в осознанном усвоении основных, нужных положений законодательства, выработке чувства глубокого уважения к праву. Полученные знания должны превратиться в личное убеждение, в прочную установку строго следовать правовым предписаниям, а затем – во внутреннюю потребность соблюдать закон».

Воспитание плавно перетекает в сознание, формирует общую правовую культуру граждан.

Следует отметить, что современное видение вопросов правового воспитания и обучения как систематической целенаправленной деятельности государственных органов, направленной на формирование правовой культуры и правосознание, неразрывно связано с духовно-нравственной составляющей жизни общества. Само отношение к праву как к ценности, способной воплотить стремление к социальной справедливости, зарождается в недрах духовности, высокой нравственности. Учитывая органическую связь права и морали, можно с твердой уверенностью сказать, что правовое воспитание – это одно из направлений целостного духовно-нравственного воспитания.

Правовое воспитание необходимо рассматривать в двух аспектах. Первый аспект (в широком смысле) предполагает рассмотрение правового воспитания как общего процесса формирования правосознания и правовой культуры членов общества, включая влияние социально-экономического уклада жизни, политического режима, идеологической деятельности, духовно-нравственной атмосферы, системы законодательства и т.д. Практика подтверждает, что правовоспитательную деятельность невозможно планировать в отрыве от влияния вышеуказанных объективных факторов. Второй аспект (в узком смысле) предполагает рассмотрение правового воспитания как одного из видов общественной деятельности, которая выражается в целенаправленной и организованной работе государственных органов и общественных организаций, направленной на формирование правовой культуры и воспитания законопослушных граждан.

Формой правового воспитания является правовое обучение – т.е. непосредственная передача, накопление и усвоение знаний, принципов, норм права, а также формирование соответствующего отношения к праву и практике его реализации, умение использовать свои права, соблюдать запреты и исполнять обязанности.

Общей задачей правового воспитания является формирование нового человека. Правовое воспитание обладает относительной самостоятельностью целей, спецификой методов их достижения и

организационных форм. Оно представляет собой многоцелевую деятельность, предполагающую наличие стратегических, долговременных целей и целей тактических, ближайших, общих и Устных. Цели могут конкретизироваться с учетом специфики субъекта и объекта воспитательного воздействия, используемых форм и средств этой деятельности, а также институту осуществляющих правовое воспитание.

Соответственно правовое воспитание и обучение состоят в передаче, накоплении и усвоении знаний, принципов и норм права, а также в формировании соответствующего отношения к праву и практике его реализации, умения использовать свои права, соблюдать запреты и исполнять обязанности. Отсюда необходимость в осознанном усвоении основных положений законодательства, выработке чувства глубокого уважения к праву. Полученные знания должны превратиться в личное убеждение, в прочную установку строго следовать правовым предписаниям, а затем во внутреннюю потребность и привычку соблюдать правовой закон, проявлять правовую и профессионально-юридическую активность.

Вообще средствами правового обучения и воспитания уважения к закону может быть все то, с помощью чего осуществляется целенаправленное воздействие на сознание, волю и поведение людей, или, что то же, с помощью чего воспитываемым передается информация о праве, о законе, о разнообразных событиях или факторах, имеющих юридическое значение и может влиять на формирование активной правовой позиции индивидов.

Исходя из такого понимания средств правового обучения и воспитания уважения к закону, к ним следует отнести: а) печать; б) радиовещание; в) кино; г) телевизионное вещание; д) литературу; е) искусство; ж) средства наглядной пропаганды и агитации.

Особое место здесь занимает проблема «правового минимума», некоего обязательного уровня знания права, которым должен обладать каждый гражданин независимо от его социального статуса. Однако уровень этой работы не отвечает современному этапу развития нашего общества. Государственные органы, призванные решать эту проблему, действуют разобщенно. В эту деятельность слабо вовлекаются общественные объединения. Происходит естественное разрушение системы правового воспитания, созданной в предшествующий период. В настоящее время практически не ведется последовательная пропаганда действующего законодательства. Проводимые отдельные правовоспитательные мероприятия осуществляются бессистемно, без учета состояния законности и правопорядка, а также потребности населения в тех или иных юридических знаниях. Средства массовой информации, некоторые государственные и политические деятели в своих публичных выступлениях нередко допускают примитивное отношение к фактам нарушения законности, существования организованной преступности и коррупции. В стране отсутствует концепция формирования нетерпимого отношения к подобным антиобщественным явлениям, особенно в сфере предпринимательской деятельности.

В целях создания стройной, взаимосвязанной системы правового воспитания и правового просвещения граждан Российской Федерации, включающей в себя государственные органы, средства массовой информации и общественные объединения, следует:

1) рассмотреть вопрос о целесообразности внесения в Положение о Министерстве юстиции Российской Федерации дополнительной функции, в соответствии с которой Минюст должен осуществлять координационное и методическое руководство в области правового воспитания всеми государственными органами и организациями. Этими же функциями следует наделить и органы юстиции субъектов РФ;

2) разработать и принять Указом Президента Российской Федерации «Федеральную целевую программу развития правовой культуры в Российской Федерации», которая должна обеспечить проведение планомерной работы в этом направлении;

3) создать Межведомственный координационно-методический совет по правовому воспитанию, в состав которого должны войти представители правоохранительных органов, министерств и ведомств культуры, кино, образования, печати, радио и телевидения, общественных объединений, научных и учебных юридических институтов и др. Данный орган должен заниматься изучением уровня правовой просвещенности граждан, обобщением форм и методов работы по распространению юридических знаний и организации правового воспитания, анализом правовых материалов и формами их подачи, определением наиболее актуальных направлений правопросветительской работы, разработкой рекомендаций и методических указаний;

4) обеспечить разработку и внедрение во всех типах учебных заведений (школа, профессионально-техническое училище, высшее и среднее специальное учебное заведение) учебных программ самостоятельного курса по изучению основ российского законодательства. Одновременно принять меры по восстановлению практики подготовки преподавателей права;

5) разработать и осуществить конкретные мероприятия по организации широкой пропаганды законодательства и повышению уровня правового сознания населения (по месту жительства граждан, на предприятиях, в учреждениях и организациях, в воинских подразделениях) путем обеспечения активного участия в этой работе судей, сотрудников прокуратуры, внутренних дел;

6) подготовить и издать Квалификационные требования к основным специалистам, работающим на предприятиях, в Учреждениях, организациях, органах управления. Определить в них объем юридических знаний, которыми должны обладать соответствующие специалисты, а также их обязанности по соблюдению правовых норм, в частности действующих в той отрасли, где эти работники заняты;

7) организовать сеть общественных юридических консультаций для правовой помощи малоимущим слоям населения по социальным вопросам, гражданскому законодательству;

8) обеспечить издание популярной юридической литературы, правовых справочников и комментариев для населения;

9) принять меры по улучшению научно-исследовательских работ, обеспечивающих сочетание творческих разработок с повседневной практикой правового воспитания граждан. Уделить особое внимание научному обеспечению правового воспитания молодежи, внедрению системы ювенальной юстиции;

10) создать во всех районах, городах, областях, краях и республиках на хозрасчетной основе единый центр правовой информации с использованием электронно-вычислительной техники. Усовершенствовать систему доведения законов и других нормативных актов до адресатов, обеспечить свободный доступ к правовой информации граждан, предприятий, учреждений, организаций.

Тщательно продуманная и эффективная система правовой пропаганды повысит правовую культуру общества и будет способствовать повышению уровня правосознания граждан.

В заключении можно сделать следующий вывод, правовая культура – необходимое условие сознательного осуществления гражданином его долга перед обществом, реализации его гражданских прав и свобод. Опосредование людьми прав, свобод и обязанностей в поведении и деятельности способствует преодолению отсталых взглядов, отклоняющегося поведения граждан, предотвращению случаев произвола и насилия над личностью. Научно обоснованные правовые представления народа являются предпосылками укрепления законности и правопорядка, без чего невозможно построить гражданское общество и правовое государство. Правильное воспитание каждой отдельной личности ведет к созданию культурного, социально активного и законопослушного общества. В российском современном обществе, надо признать, правовое воспитание становится общегосударственной задачей, т.к. показатели и качество правовой воспитанности граждан напрямую влияют на развитие страны, особенно это важно для развития правового государства, цель построения которого провозглашается в ст. 1 Конституции Российской Федерации

Укрепление норм воспитанности в сознании человека вырабатывает прочное правовое сознание. В данном случае воспитание, как процесс – это средство, а сознание, как результат – цель.

Реабилитация жертв политических репрессий: правовые основы

Г.Р. Джантемирова

Сегодня уже известно, что со временем Сталин и его подручные выработали, целую систему репрессивного механизма. Ежов, Берия представляли Сталину списки осужденных с указанием меры наказания. Сталин заставлял лиц из своего окружения ставить под этими списками свои подписи. Делегатам XX съезда об этом не сообщали. Хрущев обращал внимание, прежде всего на то, что в годы репрессий уничтожались партийные и советские работники. Осуждая нарушения социалистической законности в годы культа личности, Хрущев хотел убедить делегатов в том, что они люди из сталинского окружения сами жили в постоянном напряжении, испытывали чувство страха. Вот один из примеров, включенный в его доклад: «Об обстановке сложившейся в то время, мы нередко беседовали с Н.А. Булганиным. Однажды, когда мы вдвоем ехали в машине, он мне сказал: «Вот иной раз едешь к Сталину, вызывают тебя к нему, как друга. А сидишь у Сталина и не знаешь, куда тебя от него повезут: или домой, или в тюрьму» [3].

XX съезд осудил культ личности, даже разработал программу мероприятий направленных на его искоренение, но уже ближайшее время показало, что корни этого явления остались, так как и культ первого лица в партии возродился, хотя и не принял таких кровавых форм, как при Сталине. Видимо в связи с этим реабилитация жертв культа личности, началась лишь в конце 80-х годов 20 века, в период перестройки Советского государства. Президиум Верховного Совета СССР Указом от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов» постановил:

1. Осудить внесудебные репрессии периода сталинизма, признать антиконституционным действовавшие в 30-40-х и начале 50-х годов «Тройки» НКВД – МВД СССР и отменить вынесенные ими внесудебные решения, не отмененные к моменту издания настоящего Указа Президиума Верховного Совета СССР;

2. Считать всех граждан, которые были репрессированы решениями указанных органов, включая лиц, осужденных впоследствии за побег из мест незаконного спецпоселения, реабилитированными [2].

В Указе Президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов» говорится, что Сталин и его окружение присвоили практически неограниченную власть, лишив народ свобод, которые в демократическом обществе считаются естественными и неотъемлемыми. Президент СССР этим указом постановил признать незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека репрессии, проводившиеся в отношении крестьян в период коллективизации, а также в отношении всех других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам в 20-50- годах и полностью восстановить права этих граждан [2].

Верховный Совет РФ, осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа, 18 октября 1991г. принял Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», целью которого являлась реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории РФ с 25 октября (7 ноября) 1917г.

Данный закон политическими репрессиями признает:

- различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам в виде лишения свободы или жизни;

- помещение на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения;
- выдворение из страны и лишение гражданства;
- выселение групп населения из мест проживания;
- направление в ссылку, высылку и на спецпоселение;
- привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы;
- иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для

государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшиеся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями.

Наиболее важным является положение Закона о том, что реабилитация граждан, подвергшихся политическим репрессиям на территории РФ, начинается с 25 октября (7 ноября) 1917 года. В 50- 60-е годы органы суда и прокуратуры выносили решения о реабилитации только в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям в период правления Сталина. А на время руководства страной Лениным партия коммунистов реабилитацию не разрешала. Важное значение имеет также постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности статей 21 16 закона РСФСР от 18 октября 1991года «О реабилитации жертв политических репрессий» (в редакции от 3 сентября 1993г.) по жалобе гражданки З.В. Алешниковой [8].

Конституционный Суд РФ отмечает, что признание ч.1 ст. 2-1 названного законом детей, находящихся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, на спецпоселении, не репрессированными, а пострадавшими от политических репрессий не отвечает этой цели, ограничивает для таких лиц возможность реабилитации, создает для них иной статус, уменьшает объем предусмотренных компенсаций. Конституционный Суд РФ, рассматривая заявление З.В. Алешниковой, разъясняет, что дети насильственно или вынужденно помещенные в места заключения, ссылки, спецпоселения, т. е в условия явного лишения прав и свобод, в силу статьи 2-1 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» должны быть признаны репрессированными по политическим мотивам со всеми вытекающими отсюда последствиями[8]. Кроме того, Конституционный Суд отметил, что содержащиеся в статье 2-1 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» ограничения еще более усугубляются органами, на которые возложено его применение. Прокуратура РФ и Министерство ВД РФ в своих инструктивных указаниях, исходя из законодательства, действовавшего в период применения репрессий, учитывают только факт наличия или отсутствия документального подтверждения решений о применении репрессий. При этом определяется, что не могут считаться репрессированными дети, не достигшие 16 лет или не поставленные на учет в местах режимного поселения родителей. Аналогичная норма содержится в статье 1. Положения о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 3 мая 1994 года № 419. Подобное истолкование норм Закона приводит к дискриминации жертв политических репрессий по возрасту, так как лишает определенную возрастную категорию лиц права на реабилитацию. Международный пакт о гражданских и политических правах (ст.26) установил, что все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. Поэтому вышеуказанные положения не могут являться основанием для дискриминации по возрасту или иным признакам в отношении граждан, пострадавших от политических репрессий, а также для отказа им в судебной защите и признание их необоснованно репрессированными в порядке и по основаниям, предусмотренным статьями 1 и 7 названного Закона [7]. В соответствии с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятой Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года, под термином «жертва» также понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, еще не представляющего собой нарушения национальных уголовных законов, но являющегося нарушениями международных норм прав человека [7].

Конституционный Суд РФ постановил признать положение абзаца 1 части первой статьи 1 Закона РСФСР от 18 октября 1991года «О реабилитации жертв политических репрессий» (в редакции от 3 сентября 1993года), относящее детей, находящихся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении, к пострадавшим от политических репрессий, а не репрессированным не соответствующим статье 19 (часть 1) и статье 52 Конституции РФ 1993 года [1]. Конституционный Суд РФ указал, что Федеральному Собранию РФ надлежит внести изменения в Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» с целью наиболее полного восстановления прав детей, о которых идет речь в части первой статьи 2-1 закона, устранив противоречия и другие дискриминационные положения. На основания постановления Конституционного Суда, подвергшимся политическим репрессиям и подлежащие реабилитации признаны дети, находившиеся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, спецпоселении поэтому последовательное и в полном объеме выполнение Закона РФ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» теми, кто непосредственно ответствен за его реализацию имеет большое социально-политическое и морально-этическое значение.

Неисчислимы жертвы массовых репрессий 30-40-х гг. XX века. Точное число жертв в этот период еще не подсчитано.

О динамике репрессивной политики в СССР говорят данные о численности заключенных в лагерях НКВД, в среднем за год: 1935-794 тыс., 1936г.-836 тыс., 1937 г.-994 тыс., 1938 г.-1313 тыс., 1939 г.- 1340 тыс.

1940 г. – 1400 тыс., 1941 г. – 1560 тыс.[7]. Согласно уточненным данным по подсчетам Коллегии Комитета госбезопасности СССР «в 1930-1953 году по обвинению в контрреволюционных, государственных преступлениях судебными и внесудебными органами вынесены приговоры и постановления в отношении 3778234 человек, из них 786098 человек расстреляно»[7]. Историки с готовностью поверили официальным данным о числе жертв сталинского террора и не отреагировали на те данные, известные во времена Хрущева и о которых говорил, в частности, А.И. Микоян, – с 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было репрессировано 19 млн. человек, из них 7 млн. расстреляно. Дополнительным доказательством того, что официальные данные об общей численности жертв сталинских репрессий за период с 1930 по 1953 гг. – 3 778 254 человек, – названные в 1990 г. бывшим председателем КГБ СССР В. Крючковым, не окончательные, стала цифра 4 млн. 800 тыс., названная А.Н. Яковлевым в 1997 г.[6]. Список потерь и человеческих, и экономических, и политических, и интеллектуальных, и нравственных от репрессивной волны только двух лет-1937-1938 годов – бесконечен. Это трагические для нашего народа потери, ибо потеряно было самое лучшее. Террор и массовые репрессии 20-30-х годов XX века сделали обычным положение, при котором отказ от всякой самостоятельности в политической сфере, слепое подчинение любым директивам, боязнь ответственности стали массовыми чертами повседневного общественного поведения людей и в первую очередь руководителей всех рангов и уровней.

Процесс реабилитации жертв репрессий 30-х годов XX века является нашим долгом перед мертвыми и живыми. Он воскрешает в памяти старшего поколения страшные воспоминания о 20-40-х годах XX века, предостерегает нынешнее поколение от возрождения тоталитаризма, административно-командной системы управления, верными спутниками которых являются насилие и репрессии.

Библиография

Нормативные источники

1. Конституция Российской Федерации. – М.: Изд-во «Омега-Л», 2010.
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1984г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40х и начала 50-х годов». Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Часть I. Генеральная прокуратура РФ. Под общей редакцией Г.Ф. Весновской. Курск, 1999. С. 10.

Литература

3. Джантемирова Г.Р. Реабилитация жертв политических репрессий. Материалы региональной научно-практической конференции. Хасавюрт. 2004.
4. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. 1991.С.208.
5. Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. С.26.
6. Павлова А.И. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов. Отечественная история. 1998. №5. С.118.
7. Яковлев Н. М. Реабилитация жертв политических репрессий – официальная политика российского государства // История государства и права. 2004. № 5.

Судебная практика

8. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности статей 21 и 16 закона РСФСР от 18 октября 1991г. «О реабилитации жертв политических репрессий» (в редакции от 3.09.1993г.) по жалобе гражданки З.В. Алешниковой. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Часть I. Генеральная прокуратура РФ. Под общей редакцией Г.Ф. Весновской. Курск, 1999. С. 423-428.

Тенденции развития российского правопонимания

Г.Р.Джантемирова

Развал Советского Союза и преодоление марксистско-ленинской парадигмы как методологии гуманитарных наук, в том числе и юриспруденции, привел к тому, что в современной российской правовой науке отсутствует единая трактовка права, существует плюрализм правопонимания. Это позволяет говорить о кризисе в традиции правопонимания. До сих пор остаются доктринально не осмысленными ряд принципиально важных положений действующей Конституции РФ, связанных с заложенным в ее основу естественно-правовым типом правопонимания, господством нормативного правопонимания, соответствующего российской правовой системе, и постепенным расширением значения прецедента в качестве источника права.

Поэтому перед теорией права в настоящее время стоит задача разработки такой теории правопонимания, которая могла бы дать теоретически обоснованные и верифицируемые критерии правового начала, очерчивающие границы конституционно-правового пространства для законодателя и правоприменителя, концепции, которая бы адекватно описала особенности современной российской правовой реальности.

Среди основных тенденций развития современного российского право понимания следует отметить: 1) интегративность как стремление синтезировать наиболее значимые моменты конкурирующих теорий права или объединить методологии нескольких классических теорий права для изучения всех аспектов многогранного феномена права; 2) универсальность, выражающуюся в том, что теория права должна не просто фиксировать существующие нормы права, но и объяснять особенности их реализации на практике, в том числе через призму их восприятия отдельными индивидами, социальными и профессиональными

группами; 3) обращение к дореволюционной доктрине, которая рассматривается, как альтернатива западной юриспруденции в возможности объяснить особенности российского права в контексте изучения отечественной правовой культуры; 4) униформизацию, представляющую собой стремление отечественных ученых обязательно облечь свои представления о праве в рамки определенной теории, претендующей на объяснение всех сторон права.

Хотя в ряде учебников по теории государства и права принято выделять в современном российском правоведении узконормативное и широкое понимание права, в действительности современные российские теории методологически не являются широким правопониманием. Речь следует вести об интегративном правопонимании, призванном не эклектически объединить, а синтезировать теоретически значимые моменты, проработанные конкурирующими научными теориями: нормативный аспект права и его специфический механизм функционирования в государстве нормативистской теории, субъектно-деятельностный аспект права социологической школы, восприятие права как ценности естественно-правовой теории, психическая составляющая права психологической школы, эволюция права исторической школы и пр.

Предпосылками развития интегративного правопонимания в России явились, на наш взгляд: 1) кризис классического правоведения; 2) размытость научных критериев; 3) утрата классическими теориями права главенствующих позиций; 4) стремление к единству знания.

Интеграция классических теорий правопонимания должна создать возможности для более концентрированного определения права. Способы такой интеграции различны и способствуют к появлению разнообразных теорий. Так, В.Д. Зорькин [1] предлагает объединить взаимоисключающие аспекты права, признаваемые разными типами правопонимания, в общую систему права. В.В. Лазарев обосновывает целесообразность совмещения этих же признаков права в его едином определении. Однако некоторая механистичность такого способа интеграции оставляет эти теории в целом на этатистских, государственных позициях.

Схожий вариант «синтеза» использует в своей правовой концепции Р.З. Лившиц [2]: для нахождения природы права он считает необходимым «попросту отбросить отличия каждой из школ и оставить то общее, что их объединяет». Наиболее же гармоничным на данном направлении представляется совмещение различных методологических подходов к праву, которое, включая их значимые достижения, одновременно освобождало бы их от антагонизма на основе собственной оригинальной теоретической базы в рамках целостной концепции. В России такое правопонимание сформулировано на данный момент В.С. Нерсисянцем [3] в либертарно-юридической теории.

Принципиально иное отношение к традиционным теориям правопонимания и соответственно к целесообразности их интеграции обосновывает И.Л. Честнов. Основанием его теории является анализ состояния социума в эпоху постмодерна. Он считает, что индустриальное общество, накопившее в себе слишком много противоречий, не в состоянии больше быть основой дальнейшего развития человечества, и развенчивает его с помощью метода деконструкции. «Метод деконструкции по которому идентифицируются сторонники постмодернизма, направлен на разрушение логоцентризма – метафизической картины мира, постулирующей рационализм как онтологическое основание общества (структурированность и разумность мира), так и научного мышления, которое в состоянии единственно истинным образом описать внешнюю реальность» [4]. С этой точки зрения, интеграция классических теорий правопонимания, порожденных эпохой модерна, проникнутых ее рационализмом, претензией на всеобщность и универсальность, может привести лишь к созданию еще одной теории правопонимания, основанной на тех же неприемлемых в новых условиях характеристиках. Единственным решением этой центральной для правоведения проблемы И.Л. Честнов видит создание принципиально нового типа правопонимания. Поскольку любое правопонимание покоится на метаюридических основаниях, то таким основанием, по его мнению, должна стать философская концепция, которая в состоянии преодолеть ограниченность построений эпохи модерна. В качестве перспективных направлений современной философии он рассматривает феноменологию, антропологию, герменевтику и синергетику [5]. Однако, признавая их возможной социально-философской основой нового понимания права, И.Л. Честнов считает, что окончательно осмыслить право как изменчивое, многомерное, противоречивое явление можно при помощи особого диалогического метода, позволяющего исследовать существование феномена права в процессе его непрерывного становления.

Созданную И.Л. Честновым правовую теорию можно назвать нетрадиционной (постклассической). Такой подход к праву, безусловно, перспективен, так как, во-первых, разрабатывается на основе учета кардинально изменившихся общественных условий и сознания; во-вторых, основывается на базе современной социальной философии и специфическом методе, позволяющем ее активизировать и применить для построения непротиворечивых представлений о праве.

К постклассической теории правопонимания, выработанной на схожих основаниях (учет проблем постмодерна, современная философская база, специфический метод познания), можно также отнести коммуникативную теорию права А.В. Полякова. Очевидно, что появление таких теорий связано с ослабленной «генетической» связью этих ученых с советской наукой.

Опосредованно современные философские концепции проявляются и в теориях других российских правоведов, разрабатывавших их еще в советское время. Например, в либертарной теории В.С. Нерсисянца можно найти общие моменты с экзистенциальной философско-правовой концепцией, преломляющей философию существования в юридическом аспекте.

Следовательно, кроме имманентной функции выработки правопонимания – отличия права от всех остальных явлений и познание его как важнейшего социального феномена – теоретико-правовым теориям часто присуще и стремление к достижению какого-либо другого социального результата, поэтому не только метод, но и цель построения определяет их общую направленность.

Например, М.И. Байтин, Н.М. Марченко обосновывают свое понимание права тем, что его определение должно выполнять прагматическую функцию – служить ориентиром в законотворческой и правоприменительной деятельности. С.С. Алексеев прямо называет свою теорию инструментальной, а ее целью обозначает раскрытие регулятивного и ценностного потенциала, возможностей и наиболее целесообразных форм использования права на практике.

Еще одной, скорее, идеологической целью этих теорий является формирование в обществе представлений об авторитетности и абсолютной ценности законоустановленного правопорядка. Так, А.С. Пиголкин [6], сторонник нормативного правопонимания, считает, что выхождение правоведов за рамки этой теории воспитывает правовой нигилизм в обществе и оправдывает противозаконные действия.

Итак, можно сделать вывод, что правопонимание в России сейчас стремится к преодолению рамок отдельных классических типов правопонимания.

Тем не менее, преемственность с советским периодом и его идеологизированным этатизмом (нормативизмом) проявляется в большинстве современных правовых теорий, поэтому критерием их систематизации может быть степень связываемости ими феномена права с государством.

Таким образом, спектр современного правопонимания проявляется в переходе от модифицированного этатизма, нормативизма до социологических и интегративных теорий и концепций различия права и закона, соединяющих в себе в той или иной мере различные подходы к праву.

Литература

1. Зорькин В.Д. Тезисы о правовой реформе в России// Законодательство и экономика. 2004. №2. С.13.
2. Лившиц Р.З. Теория права. – М.: Изд-во БЕК, 1994. С.123.
3. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция// Вопросы философии. 2002. №3. С.21.
4. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. – СПб., 2002. С. 67.
5. Честнов И.Л. Современные типы правопонимания: Феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права. – СПб., 2002.
6. Теория государства и права. Под ред. Пиголкина А.С. – М., 2006. С.320.

Государство и партии в Российской Федерации

Г.Р. Джантемирова

Демократия в нашей стране осуществляется на основе принципа политического многообразия.

Принцип политического многообразия (плюрализма) означает создание возможностей оказывать влияние на политический процесс всем социально-политическим или иным организациями, деятельность которых имеет политический аспект и находится в рамках Конституции.

Политический плюрализм, на наш взгляд, способствует повышению эффективности народовластия, вовлечению в политическую деятельность широких слоев населения, легализует конституционную политическую оппозицию, создает условия для преодоления апатии народа и отчуждения его от власти, порожденных годами тоталитаризма.

Предварительным условием признания принципа политического плюрализма в нашем обществе стала ликвидация монополии КПСС на политическую власть. Ликвидация этой монополии открыла дорогу не только к признанию принципа политического плюрализма, но и к его реализации прежде всего путем постепенного создания в Российской Федерации многопартийной системы.

Становление принципа политического плюрализма, способствующее демократизации общества, не имеет ничего общего с попытками ввести «многовластие», нарушить стабильность в обществе или навязать ему эгоистические цели отдельных социальных групп, вызвать распад социального управления и анархию.

Преимущества принципа политического плюрализма могут быть в полной мере раскрыты только в рамках конституционности. То есть для реализации принципа политического плюрализма необходимо, чтобы все социально-политические структуры, способные в полной мере гарантировать право граждан на объединение в общественные организации и защитить конституционные устои нашего общества посредством исключения в судебном порядке из общественной жизни политических организаций, угрожающих этим устоям, функционировали на четкой правовой, прежде всего конституционной, основе.

В Российской Федерации, указывается в Конституции Российской Федерации (ст.13) признаются политическое многообразие. Многопартийность, политическое многообразие и многопартийность стали неотъемлемой частью общественной жизни России. Закрепление этого положения в Конституции означает необратимость процесса становления гражданского общества, в котором партии играют роль посредника между гражданским обществом и государством. Положения части третьей статьи 13 сформулированы в точном соответствии с нормами международного права и отвечают стандартам, изложенным в принципах и положениях Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки. 1975 г.), Документа Копенгагенского совещания (1990) и других документов. Таким образом, впервые в отечественном конституционном законодательстве по этому вопросу имеет место соответствие его положений нормам международного права, что служит дополнительной гарантией соблюдения принципов конституционного строя. Общественные объединения равны перед законом (Положение части четвертой о

равенстве общественных объединений перед законом) имеет особо важное значение. Закрепление данного принципа призвано пресечь попытки восстановить монополию, какой бы то ни было одной партии и покончить с практикой предоставления одной (или несколькими) из них каких либо привилегий.

Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание Вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Для реализации принципа политического плюрализма важно определение правового статуса политических партий, других общественных объединений и массовых движений, участвующих в политическом процессе и составляющих институционную основу политического плюрализма. Они должны иметь в этом процессе все необходимые права, соответствующие юридически закрепленным обязанностям государства и его органов. Одно из наиболее важных мест в институциональной основе политического плюрализма занимают политические партии, выражающие политическую волю своих членов и содействующие выражению политической воли гражданского общества. Партии являются важнейшим элементом политической системы любого демократического государства. Без них сегодня практически невозможно само осуществление государственной власти.

Партийные системы современных демократических стран весьма разнообразны, что объясняется социальными, национальными, историческими, религиозными и иными особенностями, свойственными каждому государству.

Необходимость многопартийности в демократических странах и ее специфические черты обусловлены, прежде всего, тем, что социальной основой многопартийности является само общество, состоящее из различных социальных слоев и групп с противоречивыми интересами. И чем сложнее социальная структура общества, тем больше причин для образования различных политических партий. Кроме того, многопартийность в демократическом обществе обусловлена наличием в нем конкурирующих группировок, которые борются между собой за влияние в парламентских и других выборных органах за то, чтобы провести своих сторонников на выборные должности.

Политические партии имеют программные документы, публикуемые для всеобщего сведения. Политические партии вправе выдвигать кандидатов в депутаты, вести предвыборную агитацию, пользоваться государственными средствами массовой информации.

Политический плюрализм – это не только возможность состоять в любой, действующей в рамках Конституции Российской Федерации партии, но и не состоять ни в какой партии, быть беспартийным. Такая возможность гарантирует равные права граждан на участие в политическом процессе, независимо от их партийной принадлежности.

Политический плюрализм несовместим с идеологическим единообразием. Он может реализоваться лишь в условиях идеологического многообразия. Поэтому при политическом плюрализме практически невозможно существование общегосударственной и общеобязательной идеологии.

11 июля 2001 года Президент РФ подписал Федеральный Закон «О политических партиях». В преамбуле этого закона говорится следующее: В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность [1]. Исходя из этого конституционного принципа государством гарантируется равенство политических партий перед законом независимо от изложенных в их учредительных и программных документах, идеологий, целей и задач.

Государством обеспечивается соблюдение прав и законных интересов политических партий.

Закон детально регламентирует: создание политической партии; государственную регистрацию политической партии; внутреннее устройство политической партии; права и обязанности политической партии; государственную поддержку политических партий; государственное финансирование политических партий; участие политических партий в выборах и референдумах; приостановление деятельности и ликвидацию политических партий.

Согласно этому закону под политической партией понимается общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участие в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления.

Деятельность политических партий в Российской Федерации основывается на принципах добровольности, равноправия, самоуправления, законности и гласности.

Деятельность политических партий не должна нарушать права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией Российской Федерации.

Политические партии свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов деятельности, за исключением следующих ограничений:

- запрещаются создание и деятельность политических партий, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации» подрыв безопасности государства, создание вооруженных и военизированных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности;

- не допускается создание структурных подразделений политических партий в органах государственной власти и органах местного самоуправления, в Вооруженных Силах Российской Федерации, в правоохранительных и иных государственных органах, в государственных и негосударственных организациях;

- запрещается вмешательство политических партий в учебный процесс образовательных учреждений;

- создание и деятельность на территории Российской Федерации политических партий иностранных государств и структурных подразделений указанных партий не допускаются.

В случае введения на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях чрезвычайного или военного положения деятельность политических партий осуществляется в соответствии с федеральным конституционным законом о чрезвычайном или военном положении.

Статья 10 этого закона регламентирует отношения между государством и политическими партиями: вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность политических партий, равно как вмешательство политических партий в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, не допускается.

Вопросы, затрагивающие интересы политических партий, решаются органами государственной власти и органами местного самоуправления с участием соответствующих политических партий или по согласованию с ними.

Лица, замещающие государственные или муниципальные должности, и лица, находящиеся на государственной или муниципальной службе, не вправе использовать преимущества своего должностного или служебного положения политических партий, членами которой они являются, либо в интересах любой иной политической партии. Указанные лица, за исключением депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, депутатов иных законодательных (представительных) органов государственной власти и депутатов представительных органов местного самоуправления, не могут быть связаны решениями политической партии при исполнении своих должностных или служебных обязанностей.

Президент Российской Федерации вправе приостановить свое членство в политической партии на срок осуществления своих полномочий.

Взаимодействие между государством и политическими партиями в РФ ярко проявляется в работе Государственной Думы.

Государственная Дума – это место, где многообразная и противоречивая сфера частных интересов гражданского общества представлена теми политическими силами, которые способны лучше других понять и выразить общезначимый смысл этого противоречивого многообразия. Тем самым Государственная Дума является выразителем воли народа его интересов, взглядов, идей. Взаимодействие здесь выражается в выработке и принятии наиболее оптимальных законов регламентирующих различные общественные отношения.

Взаимодействие между государством и политическими партиями выражается также в том, что в рамках политической системы основным инструментом воздействия на разнообразные стороны социальной жизни служат власть, авторитетное влияние, история к тому же показывает, как, всегда использует силу организация. В качестве такой силы могут выступать партии, возникающие в результате объединения воли и действий многих людей на основе определенных принципов, и являющиеся мощным фактором повышения уровня организованности политической жизни, ее рационализации.

В настоящий момент взаимодействие между государством и политическими партиями в РФ должно развиваться в следующем направлении:

Государство, заинтересованное в стабильном развитии гражданского общества должно совместно с политическими партиями разработать программу развития гражданского общества, основанную на основах морали и права и направленную на развитие каждого гражданина. Однако, партийные интересы стоят выше общего блага для государства. Необходимо, чтобы партии больше работали с гражданским сектором, присутствовали в региональных движениях, участвовали во всех начинаниях местного самоуправления и, наконец, приходили и уходили по воле народа.

Литература

1. Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О политических партиях» // СПС Консультант Плюс, 2017.

Гарантии защиты прав и свобод гражданина в РФ

А.Н.Жариков

Попытавшись раскрыть роль и значение прав человека в концепции построения гражданского общества и правового государства, можно перейти к сопоставлению идеала и реальной российской действительности, анализу существующих проблем их защиты.

Принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации стала опорной точкой для утверждения его основных институтов. Она принципиально отличается от всех предыдущих, принятых еще в советский период. Главными ее отличиями стали: прямое действие, закрепление принципа разделения властей, признание прав и свобод человека высшей ценностью.¹

¹ Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации. Учебник для ВУЗов. Под ред. Тиунова О.И. М., 2005. с. 299- 303.

Статьей 1 Конституции РФ, Россия провозглашена правовым государством. Эта характеристика, долгое время считавшаяся неприемлемой буржуазной выдумкой для обмана трудящихся при современном капитализме, теперь принята и у нас. При этом отвергнуто отождествление права с законом, открывавшее путь к подмене права, которое законодатель обязан соблюдать, законом, который законодатели принимают произвольно.

Идея господства права выражается в гл.1 Конституции РФ в том, что государство не создает, не дарует людям их права, которые неотчуждаемы и принадлежат им с рождения, а только признает их, соблюдает и защищает их носителя – человека, его права и свободы как высшую ценность. Права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, обеспечиваются правосудием (ст.18).

Одним из важнейших признаков правового государства является выраженное в статье 2 провозглашение человека, его прав и свобод высшей ценностью. Это единственная высшая ценность, все остальные общественные ценности (в том числе и обязанности человека) такой конституционной оценки не получили и, следовательно, располагают по отношению к ней на более низкой ступени и не могут ей противоречить. Только в отдельных, специально оговоренных в Конституции Российской Федерации исключительных случаях, при особых, как правило, временных обстоятельствах отдельные права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены (ст.ст. 55, 56). Провозглашение прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью является важным новшеством в конституционном праве и во всем законодательстве России. Ранее верховенство всегда принадлежало государственным интересам. В советское время они отождествлялись с «общественными», которым требовалось подчинять индивидуальные и коллективные личные интересы.

Конституция РФ впервые ограничила роль государства в установлении прав человека и гражданина, но значительно повысила роль и ответственность государства в обеспечении соблюдения и защиты этих прав и свобод. Вместе с тем это вовсе не значит, что государство вовсе воздерживается от вмешательства в сферу прав и свобод граждан или во все отношения, складывающиеся в гражданском обществе. Напротив, не вмешиваясь без объективной потребности в эти отношения, оно обязано не допускать злоупотребления правами и свободами, потому как их осуществление не должно нарушать права и свободы других лиц (ст.17), в том числе их всеобщие законные интересы.

Другой, тоже очень важный принцип закреплён в статье 10. «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». Цитируемая статья закрепляет одну из важнейших основ конституционного права, признаваемую всеми демократическими правовыми государствами и впервые введенную в конституционное право нашей страны с принятием поправки к ст.1 Конституции 1978г. в 1992г. Но тогда этот принцип, названный одной из незыблемых основ конституционного строя Российской Федерации, не был последовательно проведен в Конституции.

В части 1 статьи 15 закреплён ещё один чрезвычайно важный принцип, характерный правовому государству: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». Это первая Конституция в истории России, которая имеет прямое действие. Это значит, что Конституцию можно применять непосредственно, без дополнительной конкретизации подзаконными актами. Кроме того, ни один подзаконный акт не может противоречить Конституции РФ.

Из анализа прокомментированных статей Конституции РФ, можно сделать вывод, что она содержит в себе практически все моменты необходимые для конституции правового государства. Однако, ряд ее недостатков может существенно затруднить реализацию на практике заложенных в ней идей и принципов правового государства.¹

К числу недостатков конституционной модели российского правового государства можно отнести – несбалансированное разделение властей (с явной асимметрией в пользу президентской власти при весьма слабом Парламенте), отсутствие надлежащей системы сдержек и противовесов во взаимоотношениях различных властей, раздвоение исполнительной власти (Президент, Правительство) в сочетании с независимостью Правительства от Парламента, отсутствие необходимой ясности в распределении полномочий между Федерацией в целом и ее субъектами, отсутствие четкой иерархии источников действующего в стране права (особо важно при этом устранение нынешней конкуренции между президентским указом и законом в пользу закона), неопределенность статуса прокуратуры (она упомянута в главе о судебной власти, хотя должна быть отнесена к исполнительной власти), и т. д.

В настоящее время в стране произошли, если судить по действующей Конституции, некоторые изменения в трактовке принципа доступности прав и свобод, особенно в сфере социально-экономической жизни. Исключено из Конституции право на труд. Вместо этого в статье 37 объявлена свобода труда. Признано в качестве общественного состояния безработица и гарантируется гражданам защита от нее. Из Конституции исключено право на семичасовой рабочий день, и на частных предприятиях нередко он длится значительно более продолжительное время. В отличие от общедоступного в прошлом среднего и высшего образования ныне общедоступным является лишь дошкольное, основное и среднее профессиональное образование, обязательным, согласно Основному закону (ч.4 ст.43), является основное общее (девятилетнее)

¹ Комментарии к Конституции Российской Федерации / ред. Андрианов В.Н., Кикоть В.А. М., 1996.

образование. Однако эти конституционные нормы весьма условно действуют: плата в детских дошкольных учреждениях несоразмерно высока, развернута целая система дорогостоящих лицеев, колледжей, гимназий, а также коммерческих университетов и институтов. Все это делает недоступным для многих сколько-нибудь качественное образование.

Действует целая система коммерческих лечебных заведений. Фактически недоступным в нынешних условиях является право на жилище, хотя Конституция гарантирует осуществление этого права (ч.1 ст.40).

Многие политики и правоведы называют исполнительную власть доминирующей в системе государственных органов. Сильная исполнительная власть России, безусловно, нужна. Но не нужно увлекаться. У нашей страны достаточно горький опыт в этом вопросе. Усиление исполнительной власти при отсутствии адекватного контроля и механизма сдержек таит в себе угрозу резкого разрастания и усиления бюрократического административного аппарата. Численный рост чиновничества, элементарное попрание администрацией основных прав и свобод – подобные пороки порождаются бесконтрольностью исполнительной власти и подчиненного ей аппарата управления.

В России пока не удалось реализовать в полной мере ни одного из основных принципов правового государства.¹

Грубо нарушается в стране принцип верховенства закона. Достаточно распространенной является практика принятия представительными и исполнительными органами субъектов РФ нормативно-правовых актов, противоречащих федеральным законам. Значительная часть норм, закрепленная федеральным законодательством, не реализуется, действует лишь формально. Часть населения лишена возможности иметь работу и получать достойное вознаграждение за свой труд. Государство оказывается неспособным обеспечить в должной мере права и свободы своих граждан в сфере образования, науки, социального обеспечения. Принцип разделения властей в Конституции закреплен таким образом, что законодательная власть не способна организовать действенный парламентский контроль за деятельностью исполнительной власти по организации и обеспечению реализации федеральных законов.

Серьезная глобальная проблема поразила аппарат государственной власти – коррупция². Ее корни уходят глубоко в историю, что обусловило данное явление как неотъемлемую часть российского менталитета. Особого размаха достигла коррупция в благоприятных условиях командно – административной системы советского периода. Но не стоит рассматривать коррупцию как пережиток прошлого, она успешно разрастается и в нынешних условиях. Факты коррупции со стороны мелких промышленников и предпринимателей практически невозможно обнаружить, поскольку они носят чаще всего локальный характер. Совсем по другому состоят дела в другой части российской экономики – черной. Это криминальные структуры, которые действуют в обход государства, и, как правило, торгуют нелегальной продукцией. Здесь не может быть и речи об уплате налогов и пошлин. В основном вся черная экономика сосредоточена в руках немногочисленных, но поистине глобальных компаний, приносящих колоссальный доход. Немудрено, что подобные предприятия просто не могут существовать без реальной поддержки государственной власти. Образуются целые кланы «воров в законе» среди наиболее коррумпированных чиновников в самых высших эшелонах власти. Происходит сращивание государственного и криминального аппарата. Не случайно, в своем выступлении 15 мая 2006г. на координационном совещании правоохранительных органов, Генеральный прокурор РФ В.Устинов заявил: «Организованная преступность приобрела характер национальной угрозы».

Другой проблемой является то, что российское общество сильно разочаровалось властью. Существенный вклад в это разочарование вносит устойчивый стереотип ее коррумпированности.

Можно возразить, что коррупция – явление всепланетного масштаба и не может стать особым препятствием для правового государства, но это возможно, если только таковое уже существует со своими прогрессивными институтами гражданского общества. Для России подобные элементы гражданского общества пока явно нехарактерны, что порождает собой особый вид коррупции, глубоко закоренелой и имеющей очень прочное положение в среде высоких государственных чиновников. Вытекающий отсюда произвол методично уничтожает едва зарождающиеся ростки демократических преобразований, потворствуя процветанию преступности и беспредела.

К сожалению, все еще традиционно слабым местом остается в России судебная власть. Прокламмированные Конституцией принципы судостроительства и судопроизводства реализуются с трудом. И в данном случае ощущается противодействие и давление со стороны других ветвей власти, нередко все еще посягающих на независимость суда. Явно недостаточны материальные, а отчасти и правовые гарантии, необходимые для того, чтобы обеспечить суду достойное место в осуществлении власти. Этот компонент разделения властей неэффективен. Самостоятельность и, особенно, роль суда в Российской Федерации все еще далеки от тех, которые присущи суду в развитых демократических странах.

Как следует из приведенного анализа, причины нарушения гражданских прав и свобод россиян во многом коренятся в несовершенстве существующих властеотношений граждан с государством и неразвитостью институтов гражданского общества.³

Механизм юридической защиты прав и свобод

¹ Конституция РФ. Проблемный комментарий /ред. Четверкин В.А. М., 1997. С. 41.

² Трикоз Е.Н. «Теневое право»: миф и реальность // Законодательство и экономика. 2005. №1.

³ Васильев В.И. Гражданин, закон и публичная власть. М., 2005. с. 9-26.

Вхождение России в мировое сообщество и прогрессивные демократические преобразования внутри страны требуют нового отношения к правам человека, а также нового осмысления соотношения государства и человека. Со вступлением России в Совет Европы нормы европейского права стали активно влиять на российскую правовую систему, и она приобретает новое содержание. В российском обществе формируются, хотя и медленно, демократическое правосознание и система новых правоотношений, основанных на идеях гуманизма, уважения человеческого достоинства, признания и защиты основных прав и свобод человека и гражданина, приоритета общечеловеческих ценностей и идеалов.

Впервые Россия провозгласила права, свободы человека в 1991 году, приняв Декларации прав и свобод человека и гражданина, а в 1993 году они получили более глубокое развитие в Конституции РФ, существенно повысившей роль и значение юридических гарантий основных прав, свобод и обязанностей граждан. При этом Конституция РФ увязала права, свободы и обязанности с общепризнанными принципами и нормами Международного права, то есть Международно-правовыми стандартами.

Современная жизнь поставила перед юридической наукой и практикой ряд конкретных задач, связанных с необходимостью исследования проблем защиты прав и свобод человека, среди которых на первый план выступает такая многоплановая и сложная проблема как механизм юридической защиты прав и свобод человека, без решения которой сами права и свободы остаются фикцией.

Процесс разработки механизма юридической защиты прав и свобод человека в определенной степени связан с тем, что с принятием Конституции России 1993г. возникли новые проблемы, связанные с построением в стране демократического правового государства, ведь именно такая цель сформулирована в Основном законе страны. Складывается ситуация, когда возникающие проблемы приходится решать «на ходу», нередко ошибаясь и часто сомневаясь в правильности выбранного пути. Усугубляется это тем, что в России еще не накоплен достаточный опыт для быстрого и правильного решения проблем, и вместе с тем – должной защиты и гарантированности норм права. В данном случае следует опираться на опыт в построении эффективно действующих ныне демократических систем мира, брать все лучшее из механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина в зарубежных странах.

Демократия хороша тогда и только тогда, когда общество – четко структурированное в группы, осознающие свои коренные интересы, – способно вырабатывать самому себе «правила игры», устраивающие подавляющее большинство граждан. Когда есть такое общество – общество с высоким уровнем правосознания, государству намного сложнее управлять такими людьми, ибо они не потерпят несправедливости к себе. Поэтому при разработке механизмов юридической защиты прав человека, необходимо акцентировать внимание на повышении уровня правосознания и ликвидации правового нигилизма. Россия сегодня находится на этапе перехода к демократии, создавая соответствующие политические институты и демократические практики, становление которых сопровождается острыми спорами в их целесообразности и возможности применения в российском политическом процессе. Об этом свидетельствует и реструктуризация системы правоохранительных органов как одной из основных структур призванной защищать права человека. Такие негативные явления в нашем обществе как подкуп судей, чинов правоохранительных органов, включая ГУИН, избирательное правосудие, рейдерство, в котором задействована местная власть, милиция, и т.п. привели к тому, что средний россиянин не чувствует себя защищенным законом и пытается действовать в обход его. К этому надо прибавить юридическую неграмотность населения, огромное количество новых законодательных актов, которые не доводятся до сведения населения, наконец, бюрократизм, означающий в российских условиях не просто волокиту и некомпетентность, а прежде всего распорядительство судьбами людей, узурпацию суверенитета личности, ее свободы.

Важную роль в защите прав человека играют общественно-политические институты. Чем больше таких институтов, тем развитее демократия и шире механизм защиты прав и свобод человека. Однако наличие таких институтов не является гарантией демократии, так как принципиальным моментом является качество их функционирования. Эти институты в действительности должны являться центрами принятия решений, гарантами открытости политического процесса и гарантами обеспечения прав человека.

Разработка механизма юридической защиты прав и свобод человека – это сложный процесс, который зависит от способности политиков, граждан адаптироваться к новым политическим реалиям зачастую при отсутствии демократических традиций в условиях негативных последствий авторитарного прошлого и решения сложных социально-экономических проблем. Наличие механизма юридической защиты прав и свобод человека как такового подразумевает наличие авторитета закона и развитого гражданского общества, которое предусматривает высокий уровень общественного правосознания. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что в России механизм юридической защиты прав и свобод человека не разработан и для его реализации необходимо решить ряд очень важных и неприемлемых для демократического режима проблем, таких как коррупция, низкий уровень правосознания, авторитет власти, так как правовое государство предполагает господство закона над властью. В свое время идею господства права, верховенства закона в жизни общества высказывалась Платоном, который подчеркивал: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я рассматриваю спасение государства и все блага, какие могут даровать государствам боги».

Список литературы:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.// «Собрание законодательства РФ» 08.01.2001 г., №2, ст.164
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 44/39 от 4 декабря 1989 г.
3. Конституция РФ принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.// «Российская газета» №237, 25.12.1993 г.
4. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991.
5. Карташкин В.А. Международная защита прав человека (Основные проблемы сотрудничества государств). М, 1976
6. Лебедев В.М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и роль судов // Государство и право. 1996. № 4.
7. Law and Force in the New International Order. 2001
8. United Nation Action in the Field of Human Rights
9. Дос. UN A/CN 4/L 475. 1992. July 17.
10. Общая теория прав человека. Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор доктор юридических наук Е.А. Лукашева. – М.: Издательство НОРМА, 2010. – 501 с.
11. Предложения «Международной амнистии». Дос. UN A/Conf 157/PS/62/ Add 1. 20133. April 5.
12. Энтин. М.Л. Международные гарантии прав человека. Практика Совета Европы. М., 20122.

Правоприменение в праве

З.И.Исаев

А.А.Маллакурбанов

Коллизии в праве – это различие или противоречие между юридическими нормами, претендующими на регулирование одной и той же фактической ситуации.¹

Причин существования юридических коллизий немало. Это и отставание права от более динамичных общественных отношений, когда одни нормы устаревают, другие же – появляются, не всегда отменяя прежние, и низкое качество законов, непоследовательная систематизация нормативных актов и пр.²

В литературе отмечаются следующие виды юридических коллизий:

- между Конституцией и всеми иными актами. В этом случае коллизия разрешается в пользу Конституции в силу правовых свойств Конституции, обладающей высшей юридической силой;
- между законами и подзаконными актами. Действует тот же принцип приоритета актов большей юридической силы, и коллизия решается в пользу закона;
- между общефедеральными актами и актами субъектов Федерации.
- между актами одного и того же органа, но изданными в разное время. В этом случае применяется позже принятый акт;
- между актами, принятыми разными органами, применяется акт, обладающий более высокой юридической силой.

В случае коллизии между общим и специальным актом принятыми одним органом, применяется последний. Если же они приняты разными органами, то действует первый.

В юридической практике существует несколько способов разрешения коллизий:³

- принятие нового акта;
- отмена старого акта;
- внесение изменений в действующие акты;
- систематизация законодательства;
- референдумы;
- деятельность судов (прежде всего Конституционного Суда РФ);
- переговорный процесс через согласительные комиссии;
- толкование и др.

Современная российская действительность раздирается противоречиями, в ней разыгрывается великая драма между законом и обществом, личностью и властью, правом и моралью. Широкомасштабные преобразования, будучи объективно необходимыми, не у всех находят понимание и поддержку. Отсюда – глубокий нравственный, духовный кризис, политико-правовой нигилизм, отрицание многих гуманитарных ценностей, утвердившихся в мире. Права человека девальвируются, потому что идеалы и реальность расходятся, провозглашенные цели не достигаются.

Обеспечение единства правоприменения в любой национальной судебной системе, а в современном мире – и в международных системах правоприменения, в таких, например, как Совет Европы, имеет первостепенное значение для качества и эффективности правосудия. Ведь правосудие – одно из основных способов реализации права.⁴ А право по своей сущности представляет собой средство регулирования общественных отношений, внесения в них упорядоченности, стабильности, признания и защиты интересов и прав их участников.

¹ Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие. М: Проспект, 2011. С. 263.

² Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М: Изд-во «Проспект», 2010. С. 234.

³ Матузов Н.И. Юридические коллизии и способы их разрешения // Теория государства и права: Курс лекций. Саратов, 1995. С. 353 – 365.

⁴ Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М: Статут, 2012. С. 243.

Важнейший принцип реализации права – принцип правовой определенности становится не декларацией, а реальностью лишь при условии единства судебной практики по толкованию и применению норм права, предсказуемости и тождественности судебных решений по аналогичным обстоятельствам. Единство правоприменения судами – необходимая предпосылка как реального внедрения права в жизнь общества, так и доверия граждан к судебной системе. Можно утверждать, что единство судебной практики – имманентное свойство подлинного правосудия.

Идеальное единство судебной практики в принципе недостижимо хотя бы потому, что право и правосудие находятся в состоянии постоянного развития. Но задача и процесс достижения единства судебного правоприменения существуют всегда и везде, во все времена и во всех правовых системах.

Международным сообществом накоплен богатый опыт в обеспечении единства судебного правоприменения. Он характеризуется, с одной стороны, наличием особенностей механизмов обеспечения единства правоприменения в странах, принадлежащих к разным правовым системам (континентальной европейской системе, системе англосаксонского права и т.д.), а с другой – использованием общих приемов и постепенным сближением национальных систем, особенно в рамках международных объединений, таких как ЕС, Совет Европы, СНГ и др.¹

Юридические коллизии являются частью более широкой проблемы – конфликтологии, представляющей собой новую дисциплину и новое научное направление в отечественном правоведении и в политологии. Данная проблема ранее в нашей стране практически не исследовалась. Причины понятны. Но в постсоветский период она стала все более и более привлекать к себе внимание ученых, и сегодня можно говорить уже об определенных достижениях в разработке теории конфликтов и других противоречий, существующих в обществе.

Пути решения проблем в праве.

Противоречия в сфере правового регулирования являются разновидностью социальных противоречий. При их анализе необходимо учитывать, в первую очередь, то место, которое занимает право среди иных сфер жизни общества. Право может быть правильно понято лишь в системе общественных отношений, которые, с одной стороны, определяют содержание правовых норм, а с другой – регулируются ими.

В связи с этим, по мнению А.Ю. Буякова, необходимо учитывать два момента.²

Во-первых, объективный фактор, когда противоречия, присущие материальной сфере жизни общества, находят свое отражение в праве.

Во-вторых, праву свойственны и собственные противоречия, не имеющие корней в материальных условиях жизни общества. Они являются следствием функционирования права как относительно самостоятельного социального института.

Противоречия в правовой сфере возникают также вследствие действия противоречий процесса познания. Их можно разделить на диалектические и формально-логические.

И, наконец, возможность возникновения противоречий в праве изначально заложена в том, что общественные отношения непрерывно развиваются, а право остается неизменным до тех пор, пока законодатель не внесет в него необходимые коррективы.

Таким образом, в праве возникают противоречия двух видов:

– материальные – между общественными отношениями и направленными на их регулирование правовыми нормами;

– формальные – между правовыми предписаниями. Природа данной группы производна от противоречий первого вида. Они являются следствием нарушения законодателем логики ее собственного внутреннего развития.

Термин «юридическая коллизия» применим только к противоречиям второй группы. Но понятия «юридическая коллизия» и «противоречие в сфере правового регулирования» не являются тождественными.

Необходимо также различать понятия «юридическая коллизия», «конкуренция юридических норм» и «юридический конфликт».

Многие коллизии возникают из-за того, что законодатель просто игнорирует правила разработки текста закона.

Наиболее распространенными нарушениями требований законодательной техники являются:

1. Подробное разъяснение в нормативных правовых актах общеизвестных понятий и терминов, не требующих подробной интерпретации.

Безусловно, раскрывать в законах значение тех или иных терминов необходимо. Но следует соблюдать определенную меру.³

2. Иногда юридическим терминам даются в разных законах не совпадающие определения или одним термином обозначают совсем разные правовые явления.

Данные нарушения правил законодательной техники возникают из-за того, что законодатель, принимая новый нормативный акт, не обращает внимания на то, как соотносятся его нормы с положениями уже действующих нормативных актов. Чтобы избежать подобных ошибок законодатель должен в

¹ Там же С. 243.

² Буяков А.Ю. Юридические коллизии и способы их устранения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 10.

³ Беспалов Ю. Ф. Теория государства и права. Учебник. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 181.

обязательном порядке одновременно вносить изменения или отменять соответствующие положения в уже действующих актах.

3. Множественность законов, регулирующих какую-либо, подчас очень узкую, сферу общественных отношений.

Данная категория нарушений напрямую связана с проблемой экономии правовых средств в законотворческом процессе. Иногда просто не нужно принимать отдельный закон, чтобы урегулировать определенные отношения. Достаточно внести изменения в уже действующие законы, исключая тем самым вероятность возникновения законодательных «заторов».

4. Большую группу нарушений правил законодательной техники составляют так называемые технические ошибки. Иногда из-за них норма закона превращается в набор слов.

Ошибки неизбежны. Но законотворческие ошибки имеют особую цену. Их результатом являются трудности в практике применения соответствующих правовых норм, снижение эффективности правового регулирования. Общим условием снижения их количества является более качественная работа над текстом закона разработчиков и различных экспертов. Но ошибки могут обнаруживаться и в процессе правоприменительной практики. В этом случае необходимо создание условий, обеспечивающих скорейшее донесение до законодателя мнения практических работников и результатов правоприменительной практики.

5. Слишком большое число ссылок в тексте закона на другие нормативные правовые акты, не действующие на момент его принятия.

Указанные нарушения стали возможными, на наш взгляд, по следующим причинам.

Главная из них заключается в недостаточно высоком уровне правовой подготовки самих законодателей. Депутаты не всегда грамотно, рационально используют свое право законодательной инициативы. Иногда законопроекты готовятся людьми и неквалифицированными, пытающимися заменить традиционную юридическую терминологию новыми понятиями и определениями.

В значительной степени в этом виноваты авторы действующей Конституции РФ, исключив из числа субъектов, обладающих правом законодательной инициативы, Генерального прокурора Российской Федерации и не указав Уполномоченного по правам человек.¹

Реализация права общезначимая основа и суть правопорядка.

Право выступает в качестве высшей социальной ценности, но лишь тогда, когда его принципы и нормы воплощаются в жизнь, реализуются в действиях социального общения. В правовом обществе народ с одной стороны и государство с другой принимают на себя обязательства следовать праву.

Исходной формой реализации права государством является законотворчество.

Понятие правовых законов, формулирования в законах правовых предписаний. В цивилизованном обществе принимая новый закон, законодатель обязан проследить его соответствие конституции и всем ранее принятым законам, более того, в федеральном государстве законодатель следует не только собственным, но и федеральным законам, а так же законам всех субъектов федерации. Во всяком случае он реализует их в форме соблюдения. Право способно непосредственно воздействовать на поведение людей, но это будет идейно-мотивационное воздействие. Реализующее действие права в полной мере проявляется там, где право нашло свое позитивное выражение.

Также, стоит отметить, актуальным стал вопрос введения в действие правового мониторинга как системы постоянного наблюдения, анализа и воздействия на правовую сферу, на все этапы жизни закона – от зарождения идеи, определения предмета регулирования до реализации норм и контроля за эффективностью их применения.²

Необходимо отметить и согласиться с точкой зрения профессора Астанина В.В. о том, что мониторинг правоприменения не является для российской правовой системы новым видом юридической деятельности, если принять во внимание, что он представляет собой государственно – правовой механизм обеспечения качества установленных правоотношений, основанный на корректировке действующего законодательства.

«Действенность государственно-правового механизма корректировки законодательства базировалась не только на мудрости и рассудительности законодателя. История показывает, что законодатель, следующий философии И. Канта о «чистом разуме», пренебрегает познанием социальных потребностей в законе, а затем информацией о практике его действия и в конечном счете порождает беззаконие.

Развитие российской правовой действительности основывалось на наблюдениях, анализе и оценке информации социального блока о потребностях в законе, его справедливом качестве, на изучении поступивших сигналов от лиц, участвующих в правоприменительном процессе, о нетерпимых его издержках».³

Надо отметить, что содержание основ мониторинга правоприменения в России только формируются. Данное обстоятельство оправдывает постоянный систематический поиск и обсуждение основ (понятие, сущность, правовая природа, цели, задачи, субъекты и пр.) мониторинга правоприменения посредством научно-практических конференций, форумов и иных мероприятий в целях установления понятийного единства в области мониторинга правоприменения, принципов и методов его организации и проведения.⁴

¹ Буяков А.Ю. Указ. работа. С. 22.

² Герасимов А.В. Мониторинг правоприменения: поиск понятийного (терминологического) единства // Государство и право. №4. 2014. С. 52 – 53.

³ Там же.

⁴ Там же.

Профессор Ю.А.Тихомиров характеризует правовой мониторинг как «динамичный организационный и правовой институт информационно-оценочного характера, движущийся по всем стадиям функционирования управления, хозяйствования и т.п., проявляющийся на всех этапах возникновения и действия права».

Правовой нигилизм в современной России: причины и пути устранения

Б.А.Исаков

Г.Р.Джантемирова

Являясь одной из форм социального поведения, нигилизм означает отрицательное отношение субъекта к определенным ценностям, нормам и взглядам человеческого бытия. В зависимости от тех ценностей, которые отрицаются, он может быть нравственным, политическим, идеологическим, правовым и т.д. Нигилизм своими корнями уходит в далекое прошлое, но широкое распространение оно получило в странах Западной Европы и России в прошлом столетии. В современное время, нигилизм воспринимается как социально-вредное явление, имеющее разрушительный характер.

Наибольшее распространение данный феномен имел в эпоху перестройки и гласности, когда все переоценивалось и переосмысливалось.

Правовой нигилизм, являясь разновидностью социального нигилизма, проявляется в неуважительном отношении к праву, законам, в юридическом невежестве и правовой невоспитанности большей части населения.

На наш взгляд, ключевым моментом данного явления является незнание и не востребованность норм права обществом. В этой связи актуальность обретают слова Ильина И.А. о том, что «народ, не знающий законов своей страны, ведет внеправовую жизнь или довольствуется ... неустойчивыми зачатками права. Народу необходимо и достойно знать законы, это входит в состав правовой жизни. Поэтому нелеп и опасен такой порядок, при котором народу недоступно знание права. Человеку, как существу духовному, невозможно жить на земле вне права» [2 с. 23-24]

В России создана благодатная почва для развития правового нигилизма, т.к. мы утопаем в море беззакония и несоблюдение законов стало для нас традицией. На этот счет очень справедливы слова Герцена о том, что жить в России и не нарушать законов нельзя. «Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно, совершенно также поступает и правительство» [см.: 1; стр.251.]. Кроме того, актуальна и мысль Салтыкова – Щедрина о том, что суровость российских законов смягчается необязательностью их исполнения.

Как известно, своего наибольшего расцвета правовой нигилизм достиг в эпоху сталинизма, когда право выступало в качестве «дубинки», т.е. с его помощью можно было нападать и защищаться. Говоря другими словами, все зависело от того, в чьих руках оно находилось.

В.И. Туманов отмечает, что, как только страна отказалась от тоталитарных методов правления и попыталась встать на путь правового государства, как только люди получили реальную возможность пользоваться правами и свободами, так сразу же дал о себе знать низкий уровень правовой культуры общества, десятилетия, царившие в нем пренебрежение к праву, его недооценка. Юридический нигилизм при востребованном праве оказался куда более заметным, чем при праве невостребованном. [5 с.52].

На сегодняшний день основным источником правового нигилизма, на наш взгляд, является кризис нашего общества, выражающийся в социальной напряженности нашего общества, экономической нестабильности и др.

Основной целью Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 г., являлось стабилизация обстановки в стране и обеспечение эффективной деятельности органов государственной власти. Но сегодня, к сожалению, многие ее нормы игнорируются, особенно в части прав и свобод человека и гражданина. Многим гражданам ничего не стоит нарушить закон и не подчиниться предписанию.

В нынешнее время правовой нигилизм принял повальный характер, так как для этого сложилась неблагоприятная социальная среда. В печати это обозначалось словами «нигилятина», «хаос», «вакханалия». А также писалось о тупиках беспределов [3].

Одним из катализаторов данного явления является преступность которая стремительно расширяется. Преступники не боятся законов, умело их обходят, используя разного рода правовые «дыры» и «щели». Следует отметить, что победить преступность полностью нельзя, можно лишь контролировать ее уровень. Поэтому борьба с преступностью выступает в качестве необходимого элемента внутренней политики нашей страны. В решении данной проблемы необходим комплексный подход, направленный на устранение причин и условий, порождающих данное явление. На наш взгляд, причиной правового нигилизма является само право, так как граждане, подвергшиеся преступным посягательствам, своевременно не обращаются в правоохранительные органы. Объясняется это тем, что они не верят в их возможность защитить и наказать виновного. И в силу этого, человек перестает ценить и уважать право, так как он не видит в нем своего гаранта. Поэтому, такие условия способствуют тому, что у граждан формируется недоверие к праву и существующим институтам. Характерной чертой нигилизма является так же нарушение естественных прав человека в ходе проведения спецопераций по борьбе с терроризмом. Ведь легитимное применение силы должно отвечать определенным условиям.

Следовательно, нарушается естественное право человека на жизнь. Ведь во истину было сказано, что ничто так не показывает бессилие власти, как ее силы. Сила не аргумент [4 с.607].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно выделить следующие пути преодоления правового нигилизма:

1. необходимо повысить правовую и общую культуру граждан нашей страны, их правовое и моральное сознание;
2. усовершенствовать законодательство нашей страны;
3. упрочить законность, правопорядок;
4. профилактика правонарушений и, прежде всего преступлений;
5. уважение и защита прав человека;
6. правовое просвещение и воспитание человека;
7. повышение роли суда;
8. подготовка высококвалифицированных юристов.

Литература

1. Герцен А.И. Собрание сочинений. Т.7. – М., 1950. С.251.
2. Ильин И.А. О сущности правосознания. – М., 1993. С.23-24.
3. Кейзеров Н. Тупики беспредела. О политике и практике за гранью разумного// Известия. 1991. 14 ноября.
4. Теория государства и права. Курс лекций. /Под ред. Н.И.Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 2001. С.607.
5. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе// Государство и право. 1993. №8.С.52.

Права человека: международно-правовые аспекты

М.М.Исраилова
Г.Р.Джантемирова

Права человека представляют собой ценность, принадлежащую всему международному сообществу.

После второй мировой войны началось интенсивное осознание мировым сообществом планетарного значения проблемы прав человека. Из чисто внутренней эта проблема стала превращаться в международную, в результате чего конституционное право постепенно начало подпадать под влияние международных стандартов. Сегодня уже обще признано, что права человека, в какой бы стране он ни жил, находятся под защитой мирового сообщества и являются достоянием всей цивилизации.

Обязанность государства осуществлять сотрудничество в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам без какой-либо дискриминации была зафиксирована в Уставе Организации Объединенных Наций. Однако потребовалась длительная борьба западных держав против сопротивления тоталитарных государств, прежде чем появились крупные международно-правовые акты в этой области [1].

Сборник международных договоров о правах человека, изданный ООН в 1989 г., хронологически начинается с конвенции о рабстве, подписанной в Женеве 26 сентября 1926 года. В Сборнике около 70 международных договоров в защиту прав и свобод человека. Их состав постоянно пополняется. Один из новых важнейших документов – конвенция о правах ребенка, принятая ООН в 1989 году.

Международный Билль о правах человека состоит из трех документов: Всеобщей декларации прав человека (1948), а также принятых на ее основе Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966), Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к нему. Все три последних документа были приняты Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1966 года.

Выдающееся и, безусловно, особое место в ряде многочисленных современных международно-правовых документов в области прав человека принадлежит Всеобщей декларации прав человека [2].

Она была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. С тех пор это дата ежегодно отмечается во всем мире как День прав человека. Всеобщая декларация прав человека состоит из преамбулы и 30 статей. В ней получили закрепление права человека во всех основных сферах человеческой жизнедеятельности. Это – личные (гражданские) права и свободы, политические, а также экономические, социальные и культурные права человека. Одновременно в ст.29 сказано, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности».

Идеи и принципы, заложенные во Всеобщей Декларации, получили дальнейшее развитие в многочисленных международно-правовых актах о правах человека.

Важнейшим международно-правовым актом о правах человека является Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в Риме 4 ноября 1950 года. В конвенции и связанных с ней протоколах закреплены основные права и свободы, уголовно-процессуальные гарантии, имущественные и другие права. Для охраны этих прав и свобод учрежден Европейский Суд по правам человека, юрисдикция которого распространяется на все дела, касающиеся толкования и применения конвенции. Участниками Конвенции являются члены Совета Европы (их сейчас вместе с Россией 47), который является межправительственной организацией.

Согласно ст.3 Устава этой организации каждый член Совета Европы должен признавать принцип верховенства права и принцип, в соответствии с которым все лица, находящиеся под его юрисдикцией, должны пользоваться правами человека и основными свободами.

Особого внимания заслуживает Факультативный протокол, в соответствии с которым государства, его подписавшие, признают право Комитета по правам человека при ООН принимать и рассматривать

жалобы своих граждан на нарушения в этих государствах Пакта о гражданских и политических правах. Наша страна сделала это в 1991 году. Перечисленные выше составные части Международного Билля о правах неоднородны. Неоднородны и остальные документы о правах человека. В общем виде их можно разделить на две большие группы:

- декларации;
- конвенции (пакты).

Декларации (от латинского «Объявление», «провозглашение») не имеют обязательной силы, это рекомендации. В них провозглашаются основные принципы программного положения. Всеобщая декларация прав человека не имеет обязательной силы, но в ней содержатся основные стандарты прав и свобод, рекомендуемые для реализации во всех странах.

ООН приняла также документы, как Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин, Декларация прав ребенка и др.

Конвенции (от латинского «договор», «соглашение») – международное соглашение, как правило, по какому-то специальному вопросу, имеющее обязательную силу для тех государств, которые к нему присоединились (подписали, ратифицировали).

Пакт – та же конвенция, только неоднородного содержания. Широко известны международные конвенции о дискриминации в области труда и занятий, о борьбе с дискриминацией в области образования, о принудительном труде, о рабстве, о статусе беженцев, о правах ребенка.

Важным каналом утверждения прав и свобод человека и гражданина является Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в 1975 году, один из разделов посвящен правам и свободам человека и содержит обязательство государств-участников (в число которых входит и Россия) уважать и соблюдать эти свободы. Любое государство-участник этой организации вправе привлекать внимание других государств-участников по дипломатическим каналам к фактам нарушения прав человека в любом государстве, являющимся ее участником. Сотрудничество в области прав и свобод человека является содержанием понятия «человеческое измерение ОБСЕ».

Отмечая важное значение международно-правового признания прав человека, следует иметь в виду, что эффективная государственная защита и охрана этих прав с использованием всех тех средств, которые имеются в распоряжении государственного аппарата и его органов, становится возможной лишь после государственного признания этих прав. Это происходит путем их юридического закрепления в национальном законодательстве (прежде всего в конституциях), что превращает права человека как общесоциальную категорию в юридическое понятие прав гражданина.

В соответствии с итоговым документом Венской встречи, подписанной в январе 1989 года, наша страна признала примат международного права.

Отныне не может быть оправданий отступлению в отечественных законах от стандартов международного права. Часть 1 ст.17 устанавливает: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

Литература

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2009. С.160.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС Консультант Плюс, 2017.

Конституционный строй Российской Федерации и его основы

М.М.Исраилова
Г.Р.Джантемирова

Основы конституционного строя Российской Федерации закреплены в первой главе Конституции Российской Федерации. Она установила принципы урегулирования Конституцией важнейших сторон жизнедеятельности российского общества, определила суть нашего государства, правовой статус личности, принципы экономических отношений, пользования землей и недрами, основы политической системы общества, взаимоотношений государства и религии.

Основы конституционного строя образуют первичную нормативную базу для остальных положений Конституции и всей системы действующего законодательства. В силу этого последующие главы Конституции содержат нормы, конкретизирующие главные принципы. В частности это относится к нормам, устанавливающим компетенцию государственной власти Российской Федерации, порядок принятия ими властных нормативно-правовых и индивидуальных актов, права и обязанности граждан, иных субъектов права.

Нормы Конституции, законов Российской Федерации, указов Президента или постановлений Правительства, не должны основываться на конституционном строе. В противном случае такие нормы признаются неконституционными и утрачивают силу. Не могут также противоречить основам конституционного строя действия и решения должностных лиц, государственных органов, граждан и их объединений. Основное внимание в данной главе уделяется принципам организации и деятельности государства. Это объясняется его значимостью для современного общества, их частных интересов от необоснованного вмешательства государственных органов и должностных лиц.

Основы конституционного строя закрепляют форму государственной власти в нашей стране (ст.1), устанавливают источник государственной власти и способы осуществления народовластия (ст.3), определяют пределы действия суверенитета Российской Федерации (ст.4), принципы федеративного устройства России (ст.5), принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную (ст.10) и круг органов, осуществляющих государственную власть в стране (ст.11). Статья 7 Конституции установила, что социальная политика государства, направленная на обеспечение достойной жизни и свободное развитие каждого гражданина независимо от рода его занятий и деятельности, возводится в ранг конституционной основы.

В конституции получила закрепление новая концепция власти. Вместо Съезда народных депутатов и верховного Совета на уровне федерального законодательного органа теперь действует Федеральное Собрание – двухпалатный парламент, работающий на профессиональной основе. Каждый субъект самостоятельно определяет систему представительных органов. Все субъекты Федерации имеют равные права.

Процессы реформирования государственной власти распространились и на сферу взаимоотношений государства и личности. В силу этого, личность получила надежную конституционную защиту от любых посягательств на права человека и гражданина (ст.2 и 6), провозглашаемые нормами международного права.

Примечательно, что в соотношении «государство – человек» поменялись акценты. При тоталитарной системе на личность возлагалась обязанность согласовывать свои интересы с интересами государства. Новая Конституция установила, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина становятся конституционной обязанностью государства. Таким образом, права и свободы личности не могут должны приноситься в жертву интересам отдельных властных структур. Однако, это, не означает вседозволенность и безответственность поведения человека в обществе. Каждый гражданин нашей страны обязан соблюдать законы, уважать права и свободы других лиц.

Следует обратить внимание и на тот факт, что приоритет прав личности не ограничивается только политической сферой. В гл. «Основы конституционного строя» признаны права личности и в экономической сфере. Сняты многие ограничения, которые имели место на протяжении последних десятилетий и низводили экономический интерес личности до заработной платы, как правило, на государственном предприятии или в государственном учреждении, организации.

Конституция Российской Федерации установила, что частная собственность на орудия и средства производства признается и защищается в той же мере и теми же средствами, что и государственная. Гражданин может иметь в частной собственности землю, заводы, фабрики, банки, станки и иное оборудование, транспортные средства. Действующая Конституция устанавливает запрет на создание каких-либо искусственных препятствий для осуществления собственником правомочий владения, пользования и распоряжения своим имуществом и допускает лишь добросовестную конкуренцию. Кроме того, она гарантирует свободу перемещения товаров, услуг и финансовых средств на всей территории России.

Государство утрачивает свое абсолютное господство и в политической системе общества. Основы конституционного строя закрепляют в Российской Федерации идеологическое и политическое многообразие, многопартийность. Каждая партия имеет возможность беспрепятственно действовать, разрабатывать собственную идеологию, добиваться поддержки населения и втягивать его в свои ряды. При этом на государство возлагается обязанность не провозглашать какую-либо партию ведущей, т.е. основной силой политической системы общества.

Для придания основам конституционного строя необратимого характера в гл.1 закрепляется верховенство Конституции в системе нормативно-правовых актов. Кроме того, предусмотрен особый порядок внесения изменений и дополнений в эту главу. Основы конституционного строя могут быть отменены, изменены или дополнены только самим народом в ходе референдума либо специально созываемым для этих целей Конституционным Собранием (ст.135).

Утверждение границ муниципального образования в соответствии с требованием гражданского законодательства

З.Р.Касимова

Р.Н.Пирова

Как устанавливает 10 статья ФЗ № 131, местное самоуправление действует по всей Российской Федерации. Оно осуществляется в муниципальных районах, сельских, городских поселениях, в пределах городов федерального значения. Границы и состав территорий муниципальных образований определяют их структуру и вид границы муниципальных образований

В ФЗ № 131 понятия «населенный пункт» и «поселение» разграничены. Первое понятие используется для обозначения административно-территориальной единицы, второе – разновидности МО. Несмотря на свою созвучность, эти категории различны. Границы и состав муниципальных образований могут совпадать или не совпадать с границами административно-территориальных единиц. В одном МО может присутствовать несколько административных единиц. Существует также понятие муниципального района.

В границах образования в этом случае будут находиться не только земли населенных пунктов и прилегающие к ним территории.[1. – С. 163] В его состав включаются и «межселенные» зоны. Ими являются территории, не относящиеся к поселениям.

В отдельных регионах положения ФЗ, допускающие возможность изменения границ муниципального образования путем включения в его состав территории административного района, использовались для

придания этому району статуса округа. Примером является Ивановская область. Здесь у 15 муниципальных образований статус и границы были изменены – они стали городскими округами. Во избежание таких аномалий на практике из формулировки, раскрывавшей определение городского поселения, исключили положение о том, что к поселку либо городу может прилегать территория с расположенными на ней населенными пунктами, не считающиеся сельскими поселениями. Указание на «прилегающие земли» также было исключено из норм закона.

При этом 5 пункт 1 части 11 статьи ФЗ № 131 дополнили положением о том, что в составе городского поселения могут присутствовать территории, используемые для развития его транспортной, социальной и прочей инфраструктуры, в том числе села и поселки, не являющиеся МО установление и изменение границ муниципального образования. Определение состава и границ территории муниципального образования: общие правила Поправки, внесенные в ФЗ № 131, доказывают неоправданность установления жестких количественных параметров устройства местности. Несмотря на относительную гибкость нормативного акта в целом, отдельные его положения первоначально были достаточно жесткими. Все корректировки, касающиеся границ и состава территорий муниципальных образований, осуществлялись на основе практического применения норм. В ФЗ № 131 закреплены требования по установлению границ МО. Общие правила закреплены во 2 части 10 статьи Закона. В ней сказано, что установление и изменение границ муниципального образования осуществляются на основании законов соответствующего субъекта.

При утверждении региональными законами условий установления границ муниципальных образований власти субъекта РФ обязаны руководствоваться положениями ФЗ № 131. Аналогичное требование предъявляется и в случае корректировки состава территорий. Первый принцип, которым должны руководствоваться региональные власти при определении, изменении границ и преобразовании муниципальных образований, состоит в том, что территория конкретного субъекта РФ должна быть разграничена между поселениями.[2. – С. 243] Это означает, что в России не может существовать региона, в пределах которого не действует местное самоуправление. В качестве исключения, однако, могут выступать территории, плотность населения которых очень низкая. Они могут не включаться в поселения.

Согласно ФЗ № 131, низкой признается плотность, которая втрое меньше, чем средняя по стране. Соответственно, если показатель выше среднего в три раза, плотность населения будет считаться высокой. Правительством утверждается перечень территорий, в которых плотность признается низкой. Список формируется в том числе на основании сведений, предоставленных региональными органами госвласти. Он может пересматриваться не чаще 1 раза в 5 лет. [3. – С. 89] Территории поселений, кроме городских округов, и возникающие в местности с низкой плотностью или на территории упраздненных поселений в структуру муниципальных районов входят межселенные участки. Это позволяет сформировать двухуровневую систему местного самоуправления. В пределах района создаются сельские/городские поселения, которые, в свою очередь, выступают как самостоятельные муниципальные образования. Вместе с тем городские округа сохраняют за собой статус одноуровневых МО. Границы муниципального образования объединяют исторически сложившиеся населенные пункты, земли общего использования, прилегающие к ним, территории природопользования, рекреационные земли, а также площади, предназначенные для развития поселения.

В составе территории присутствуют земли вне зависимости от их целевого назначения и формы собственности. Границы муниципальных образований могут охватывать один город/поселок, а также территории, используемые для развития инфраструктуры, в соответствии с генпланом. преобразование границ муниципального образования

Изменение границ осуществляется при отнесении населенных либо ненаселенных местностей одних МО к территориям других. В результате преобразовывается граница муниципального образования, к которому присоединяется участок местности и из которого она выделяется. Соответственно, изменять допускается только пределы, установленные ранее в соответствии с законодательством.

Изменение границ муниципального образования осуществляется по инициативе:

- местных структур власти;
- граждан;
- региональных органов госвласти;
- Федеральных структур госуправления.

Решение населения о переносе границ муниципального образования исполняется в порядке, определенном в федеральном законодательстве и принятым в соответствии с ним региональным законом об организации референдума. Инициативы территориальных, региональных, федеральных структур власти оформляются соответствующими постановлениями. [6. – С. 57-64] Нормативный акт об изменении границ должен быть принят с таким расчетом, чтобы вступление его в силу было или до, или после выборов в местные органы власти либо референдума.

Основные причины изменений Согласно ФЗ № 131, порядок учета мнения граждан относительно последствий изменения границ МО, разных по социально-юридической природе, дифференцирован. На практике такая процедура может обуславливаться разными причинами. В частности, изменение границ муниципального образования осуществляется в связи с расширением площади застройки, экономическим развитием местности, выполнением природоохранных мероприятий, межэтническими отношениями и пр. Необходимо отметить, что в ФЗ № 131 установлено, что уменьшение численности граждан в населенных пунктах меньше чем на половину не выступает основанием для инициирования процедуры. Преобразование границ муниципального образования О нем говорится в 13 статье ФЗ № 131. Согласно норме,

преобразованием признается: Объединение или разделение МО. Изменение статуса городских поселений в связи с признанием его в качестве городского округа или лишением данного статуса.

- инициаторами процедуры могут быть:
- граждане;
- местные структуры власти;
- региональные или федеральные органы госуправления.

Реализация инициатив осуществляется в том же порядке, что предусмотрен для процедуры изменения границ.

Изменение границ, как и преобразование МО, следует рассматривать как процесс реализации конституционных положений. Основной Закон гарантирует муниципалитетам право на самоопределение. Как показывает статистика, за 2016-2017 гг. Минрегионразвития выявило изменение границ в 378 случаях, а преобразование МО – в 338.

Об этой процедуре сказано в статье 13.1 ФЗ 131. Согласно норме, упразднение поселений возможно на территориях, с низким показателем плотности населения, в труднодоступных районах, если численность составляет менее 100 человек. территория и границы муниципальных образований Соответствующее решение должно быть принято на сходе граждан, которые проживают на данной местности. Упразднение оформляется путем внесения необходимых изменений в региональный закон, согласно которому были определены состав и границы МО.

Инициаторами процедуры могут быть:

- граждане;
- территориальные, федеральные или региональные структуры власти.

Инициатива населения должна быть оформлена решением, принятым на сходе. Местные или региональные органы власти должны утвердить соответствующее постановление. Упразднение территории осуществляется с учетом мнения граждан, проживающих в границах муниципального района. Оно должно быть выражено представительным органом в форме, установленной законодательством. Поправки к Закону ФЗ № 131 претерпел немало изменений с момента вступления в силу. В основном поправки вносились для смягчения чрезмерно строгих правил, закрепленных в первоначальной редакции. Одно из них, в частности, устанавливало, что в состав сельского поселения может входить только один населенный пункт, численность которого больше тысячи человек либо несколько населенных пунктов, в каждом из которых проживает меньше 1 тыс. чел., объединенных одной территорией.

Для местностей с высокой плотностью показатель был 3 тыс. чел. Между тем на практике нередко получалось так, что на компактно населенной территории располагалось 2-3 села с населением 1100, 1150, 1050 человек. При этом их разделение на самостоятельные МО было нецелесообразно ни с экономической, ни с управленческой точки зрения. В связи с этим в декабре 2004 г. 6 пункт 1 части 11 статьи ФЗ № 131 был откорректирован. В настоящее время в нем закреплено, что в составе сельского поселения может находиться обычно одно село или поселок, в котором проживает больше 1 тысячи человек.

Список литературы

1. Бирюкова Т.А., Бирюков С.В. Некоторые проблемы перевода земельных участков из одной категории земель в другую в целях размещения объектов капитального строительства. // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. №2 (35).
2. Гулак Н.В. Некоторые аспекты перевода земель лесного фонда в другие категории земель // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. №6 (44).
3. Елисеев П.Г. Публичные слушания в муниципальных образованиях: правовое регулирование и реализация // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2015. № 9.
4. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / С.А. Боголюбов [и др.] М.: Проспект, 2016.
5. Михайлова Е.Д. Правовое регулирование полномочий органов МСУ в земельной и градостроительной сфере [Электронный ресурс] / Е.Д. Михайлова
6. Праскова С.В. Упразднение муниципальных образований: критерии допустимости // Журнал российского права. 2011. №3 (171). .
7. Хлуднев Е.И. О некоторых последствиях изменения границ муниципальных образований в Российской Федерации // Постсоветское пространство – территория инноваций. 2-я Международная научно-практическая конференция: доклады и сообщения. 10-11 декабря 2015 г. Москва..

Проблемы соблюдения права и свободы человека в процессе миграции

Э.А.Колайдин
Е.В.Бабошина

Без риска впасть в преувеличение можно утверждать, что закрытость государства для внешней миграции, равно как и его склонность к чисто полицейскому контролю над внутренней миграцией, ясно указывает на отсутствие в этом государстве демократии как таковой. Проблема, однако, в том, что неумение государства на основе рациональных правовых норм и экономическими рычагами регулировать потоки внешней и внутренней миграции, размывает его устои, а это, в конечном итоге, чревато не менее серьезным нарушением прав и свобод, как его собственных граждан, так и приехавших из-за рубежа.

Общеизвестно, что проблемы внутренней миграции у нас находятся в весьма запущенном состоянии. Общество, похоже, смирилось с тем, что вопреки положениям статьи 27 Конституции России в нашей

стране едва ли не повсеместно возрожден, а кое-где и «приватизирован» органами правопорядка институт разрешительной прописки. Государство, со своей стороны, как бы «не замечает» столь странного положения вещей и даже не пытается его изменить. Отчасти это объясняется тем, что и общество, и государство озабочены объективно острыми проблемами внешней миграции.

В этом контексте следует положительно оценить принятые в отчетном году федеральные законы – от 18.07.2006 г. N 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» и закон от 18.07.2006 г. N 110-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». С 15 января 2007 года введен уведомительный режим регистрационного учета иностранных граждан, значительно упрощены процедуры, связанные с привлечением иностранной рабочей силы. Новые законы отражают подлинный смысл регистрации как способа учета иностранных граждан, удостоверяющего только сам факт нахождения иностранца по месту пребывания или по месту жительства и род его занятий.

По норме вещей в каждом конкретном случае за законом следуют подзаконные акты – постановления правительства, ведомственные приказы и инструкции, без которых новые и вполне разумные законы не могут быть воплощены в жизнь. По состоянию на конец 2006 года большинство требуемых подзаконных актов так и не было принято. Однако увидело свет постановление Правительства РФ от 15.11.2006 г. N 683 «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации». Уже из названия постановления ясно, что оно вводило ограничения, грозящие существенно изменить рациональный характер новых законов.

Необходимость соблюдения трудовых прав граждан России и защиты национального рынка труда не вызывает сомнений. Вместе с тем строить эту защиту только на административных запретах, как это предписывается постановлением правительства, неверно. Дополнительные экономически не обоснованные препятствия для формирования свободного рынка труда не столько обеспечивают право граждан России на труд, сколько ущемляют в перспективе их другие права – на справедливое вознаграждение за труд, на жилище и социальное страхование, на приобретение товаров и услуг по доступным ценам.

К настоящему времени определились секторы экономики, в которых труд иностранных работников наиболее востребован. Это строительство, торговля и общественное питание, отдельные отрасли промышленности, сельское хозяйство и транспорт. Иностранные работники занимают рабочие места, которые в основном не пользуются спросом у российских граждан из-за низкого уровня оплаты и тяжелых условий труда, а также рабочие места, которые не могут быть заполнены в связи с дефицитом кадров по определенным специальностям. Таким образом, иностранные работники добавляют конкурентоспособности российской экономике. Поэтому главная задача состоит, в конечном счете, не в том, чтобы искусственно ограничить их право заниматься отдельными видами трудовой деятельности, а в том, чтобы установить их правовой статус на территории России.

По имеющимся экспертным оценкам, общая численность постоянно находящихся в России нелегальных иммигрантов колеблется от 5 до 10 млн. человек и имеет устойчивую тенденцию к увеличению. Проблема очевидна. Суть ее не только в том, что все эти люди не выполняют свои обязанности перед российским государством, в частности не платят налоги, но и в том, что, не имея установленного правового статуса, они остаются бесправными и подвергаются в связи с этим откровенной эксплуатации вплоть до принуждения к труду.

Негативные последствия такого положения велики. В российском обществе формируется терпимое отношение к жестоким формам эксплуатации иммигрантов. Представители власти, прежде всего сотрудники правоохранительных органов, вымогают у нелегалов взятки, облагают незаконными поборами, а работодатели просто обманывают. В свою очередь, и сами нелегальные иммигранты, люди другой культуры и порой далеко не ангелы, оказавшись бесправными в откровенно враждебной среде, быстро криминализируются. И при этом ясно, что выдворить из страны всех нелегальных иммигрантов или в одночасье пресечь приток новых не вполне реально.

Между тем, многие нелегальные иммигранты прожили в России несколько лет, имея постоянную или временную работу. В подобных условиях иные страны (США, Италия, Греция и другие) применяют программы легализации иммигрантов, так называемые «иммиграционные амнистии», как альтернативный способ противодействия нелегальной иммиграции. Их опыт – предмет объективного и внимательного изучения.

Противодействию нелегальной иммиграции служит и Соглашение о реадмиссии, подписанное между Россией и Европейским Союзом 25 мая 2006 года. По этому соглашению Россия и Европейский Союз берут на себя обязательство принимать обратно своих граждан, граждан третьих стран и лиц без гражданства, незаконно въехавших на территорию одной из договаривающихся сторон с территории другой договаривающейся стороны.

В течение первых трех лет после вступления указанного Соглашения в силу Россия в порядке реадмиссии обязана принимать пока только россиян или же граждан государств, с которыми у нее имеются соответствующие соглашения о реадмиссии (единственным таким государством сегодня является Литва).

Поскольку между Россией и государствами-участниками СНГ, кроме Грузии и Туркмении, действует безвизовый режим, многие приезжие используют российскую территорию для транзита в страны Европейского Союза. Опыт показывает, что возвращение нелегальных иммигрантов в страну их гражданской принадлежности – дело сложное и затратное. Поэтому важно, чтобы в ближайшие три года

Россия заключила соглашения о реадмиссии с государствами-участниками СНГ, через которые также идут потоки нелегальных иммигрантов.

Литература

1. Комарова В.В. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. // Государство и право, 1999, №9, с.67
2. ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 г. N 109; ФЗ
3. ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 18.07.2006 г. N 110
4. Цымбалова Н.А. Институт Уполномоченного по правам человека в России: смысл создания и правовое регулирование // Государство и право, 2000 №8, с.46

Место террористического акта среди преступлений против общественной безопасности

Ш.Ю.Колокольников

Уголовный кодекс РФ рассматривает общественную безопасность в качестве составного элемента большой группы общественных отношений, обеспечивающих не только общественную безопасность в узком смысле, но также общественный порядок, здоровье населения, общественную нравственность, экологическую безопасность, безопасность движения и эксплуатации транспорта. Вся совокупность этих общественных отношений именуется в УК общественной безопасностью (в широком смысле) и общественным порядком, которые выступают в качестве родового объекта преступлений, входящих в раздел IX Уголовного кодекса.

Отсюда следует, что под преступлениями против общественной безопасности, понимаются общественно опасные деяния (действия или бездействия), сопряженные с нарушениями правил, обеспечивающих общественную безопасность, и причиняющие им существенный вред или создающие угрозу такого вреда.

Доктрина общественной безопасности видится в трех составляющих:

1) цель, под которой понимается создание и поддержание необходимого уровня защищенности объектов общественной безопасности;

2) принципы, на основе которых осуществляется общественная безопасность, и перечень приоритетов такой деятельности.

3) Система обеспечения общественной безопасности, под которой понимается совокупность мер политического, правового, организационного, экономического, научного и иного характера, направленных на поддержание социально приемлемого уровня общественной безопасности.

Субъектами обеспечения общественной безопасности выступает государство, негосударственные объединения и граждане. При этом главную ответственность за состояние безопасности в обществе несет государство.

Терроризм относится к общим видам преступлений против общественной безопасности, так как данный вид преступления создает угрозу безопасности неопределенному кругу лиц, нарушающие деятельность органов управления, обеспечивающих общественную безопасность. Кроме терроризма, к данной разновидности преступлений относятся также, например, захват заложника, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, бандитизм, организация преступного сообщества (преступной организации), массовые беспорядки.

Терроризм – один из самых опасных преступлений современности, не редко носящих не только национальный, но и международный характер. Опасность терроризма очевидна¹.

Терроризм отражает культ насилия и способствует его развитию, давая ему преимущества перед правовыми, социальными методами разрешения конфликтов в обществе. Терроризм зачастую принимает форму идеологии, в которых методом достижения цели, главной идеи является именно физическое уничтожение, нанесение ущерба путем взрыва, поджога и т.д. В зависимости от цели терроризм подразделяется на:

– националистический – преследует сепаратистские и национально-освободительные цели;

– религиозный – связан с борьбой приверженцев религии между собой (индуисты и мусульмане, мусульмане и христиане) и внутри одной веры (католики-протестанты, сунниты-шииты), и преследует цель подорвать светскую власть и утвердить власть религиозную;

– идеологический – преследует цель коренного или частичного изменения экономической или политической системы страны, привлечения внимания общества к какой-либо острой проблеме. Иногда этот вид терроризма называют революционным. Примером идеологически заданного терроризма служат такие его исторические формы, как анархистский, эсеровский, фашистский, европейский «левый».

По характеру субъектов террористической деятельности терроризм подразделяется на:

– неорганизованный (индивидуальный) – в этом случае теракт (реже, ряд терактов) совершает один-два человека, за которыми не стоит никакая-либо организация

– организованный – в этом случае террористическая деятельность планируется и реализуется некой организацией

¹ Дьяков С.В. Направления совершенствования уголовного законодательства о государственных преступлениях / С.В. Дьяков // Преступность и правовое регулирование борьбы с ней. – М.: Норма, 2006. – С.22.

Терроризм формирует и усиливает в обществе чувство страха и беспомощности, которое подавляет в свою очередь позитивную активность личности. Как и всякое иное действие, направленное на причинение смерти, и даже в большей степени, чем другие действия такого рода, терроризм обесценивает человеческую жизнь. Жертвами терроризма рискуют стать совершенно неповинные люди, которые случайно оказываются в месте совершения террористического акта, поэтому люди перестают чувствовать себя в безопасности, перестают верить государственным органам, целью деятельности которых является обеспечение условий для нормального развития общества. Страх за свою жизнь становится нормальным состоянием для людей, живущих под угрозой стать жертвой теракта. Все вышеперечисленное подрывает жизнь не только отдельно взятой личности, семьи, но благополучие всего государства в целом.

Нельзя, наконец, не отметить, что терроризм способен привести и, как показывает практика, реально приводит к свертыванию государственных, юридических, социальных гарантий и свобод личности, поскольку он вызывает со стороны государства контрмеры, которые не всегда согласуются с нормами правового государства.

Таким образом, место террористического акта среди преступлений, направленных против общественной безопасности – это центральное место. Террористический акт обладает признаками, которые позволяют назвать это преступление самым опасным среди всех остальных преступлений против безопасности общества. От других преступлений теракт отличается тем, что целью последнего является воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями.

Литература

1. Петрищев В.Е. Российское законодательство: профилактика терроризма... – М., 2006. – С. 192 – 196.
2. Дьяков С.В. Направления совершенствования уголовного законодательства о государственных преступлениях // Преступность и правовое регулирование борьбы с ней. – М., 2006. – С. 22.

Принцип обеспечения обвиняемому (подозреваемому) права на защиту

Р.Р.Кулиев
Р.Н.Пирова

В данной статье мы рассмотрим один из множества принципов уголовно-процессуального права принцип обеспечения обвиняемому и подозреваемому права на защиту, который состоит из следующих основных элементов:

1. Обвиняемый (подозреваемый) располагает комплексом прав, реализация которых позволяет ему защитить свои интересы.
2. Защитник обвиняемого (подозреваемого) также имеет в своем арсенале определенный комплекс прав, позволяющих ему реализовать свою функцию в уголовном судопроизводстве.
3. Помимо самого защитника, определенными правами, обеспечивающими защиту прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого) пользуется и законный представитель представляемого.
4. Уполномоченные органы государства в рамках уголовного процесса обязаны обеспечивать возможность обвиняемого (подозреваемого) защищаться установленными законом средствами и способами, в том числе бесплатно, т.е. за счет государственного бюджета.
5. Указанные компетентные органы государства, реализующие свои полномочия в рамках уголовного производства по делу, также обязаны обеспечить охрану личных неимущественных и имущественных прав обвиняемого (подозреваемого) [2. – С. 132].

Правом на защиту своих интересов обладает как обвиняемый (подсудимый, осужденный, оправданный) и подозреваемый, так и некоторые иные субъекты уголовного процесса. К числу таковых, например, относятся лица, совершившие запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости. Это право осуществляется ими в пределах и в порядке, установленных уголовно-процессуальным законодательством.

Анализ содержания постановления Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П позволяет сделать вывод, что пользоваться помощью адвоката (защитника), а значит, в определенной степени обладать правом на защиту может любое вовлеченное в сферу уголовного процесса лицо независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которые реально ограничивают свободу и личную неприкосновенность, включая свободу передвижения, – удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также иные аналогичные действия [4. – С. 81].

По нашему мнению, право на защиту не должно ограничиваться одной лишь возможностью или правом иметь представителя и защитника своих прав и свобод – адвоката [3. – С. 32].

Конституционный Суд РФ указал, что одной из важных и необходимых гарантий судебной защиты и справедливого исхода судебного разбирательства является предоставляемая сторонам реальная возможность довести свою позицию относительно всех нюансов дела до сведения суда непосредственно перед удалением его в совещательную комнату для вынесения решения [1. – С. 23]. Только, соблюдая данное условие возможна полная реализация права на судебную защиту, которое, согласно Конституции РФ, не может быть ни чем ограничено.

Список литературы:

1. Горя Н. Принципы состязательности и функции защиты в уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. N 7. С. 23.

2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Мозякова. – М., 2010.
3. Кузнецов Н., Дадонов С. Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // Российская юстиция. 2012. № 8.
4. Ларин А.М. Доказывание и процессуальная деятельность защитника / В сб. «Адвокатура и современность». – М.: ИГПАН, 2014.

Особенности реализации военных реформ Имамата

П.М.Лахитова

Ведя тяжелую и неравную борьбу с царизмом, Шамиль понимал, что без четкой организации вооруженных сил на регулярной основе и крепкой материальной базе ничего не сможет добиться, и он по мере распространения шариата и укрепления его положения начал создавать регулярную армию. Материальной базой для этого вначале служило конфискованное имущество феодальной знати и военная добыча, а впоследствии это стало делом государственной важности.

Масштабные военные реформы заняли центральное место в методической, творческой и правовой преобразовательной деятельности Шамиля. Эти реформы должны были превратить армию Имамата в боеспособную настоящую организацию со структурой, соответствующей современным требованиям военного искусства. Правовым аспектам военной реформы Шамиля восхищались его современники и, более того, он получал комплименты от офицеров высшего ранга официальных властей. Армия Имамата – высокая мобильная сила всегда была готова к сражению. Организация массового отпора империи, наряду с ликвидацией власти феодальной верхушки, которую проводило руководство Имамата, и объясняет активную поддержку народом мероприятий, проводимых Шамилем. Возглавив борьбу, Шамиль предложил горским обществам наилучшие «формы консолидации народных устремлений, политической, военной и идейной организации масс, которые позволили сплотить разрозненные, разноречивые общества в единый военно-политический организм»[1].

В отличие от своих предшественников, которые ограничивались эпизодическим набором военных сил, Шамиль в конце 30-х годов XIX века заложил фундамент регулярной армии. Ему удалось продемонстрировать всему миру силу воинов, воодушевленных идеей освобождения и веры. Особую заботу и внимание Шамиля вызвали военное устройство и вооружение горцев. Благодаря его неутомимой деятельности при ограниченных средствах и ресурсах в Имамате была создана армия и образована экономическая база, способная в течение 25 лет отражать натиск регулярных войск официальных властей.

Создавая свою армию, Шамиль перенимал все лучшее, что находил в организации имперских войск и управлении ими, и она состояла из трех родов войск: пехоты, конницы и артиллерии, которая и была характерной структурой для постоянной армии. Кроме того, имелись еще временно мобилизуемые ополченцы, игравшие немаловажную роль в боевых действиях горцев. Большой гордостью Шамиля была конница – основное ядро армии. Хотя Шамиль и придавал большое значение кавалерии, известно, что коневодство широко в регионе не было распространено, и поэтому кавалеристами могли быть главным образом зажиточные уздены. Горские конники были искусными и виртуозными наездниками, отлично владели оружием. Лучшими войсками конников с вооружением и одеждой была признана конница Гази-Магомеда.

Пехота комплектовалась из аулчан по призыву Шамиля от 15 до 50-летнего возраста. Пехотинцы были организованы в 1000, 500, 100, 50 и 10 бойцов[2]. Командирами тысячи и пятисот назначались наибы, которые назывались генералами, полковниками, капитанами. Генералами в армии Имамата являлись Ахверды-Магома, Шуаиб-мулла, Улубей ауховский, Абакар-кадий и Кибит-Магома; полковниками – Абдурахман-Дибир и Омар Ункратлинский, а капитанами – все остальные наибы[3]. Чины имели свои знаки отличия. Высший командный состав, представленный наибами, был неоднородным. Шамиль, сохранив общинно-родовое деление страны, фактически не имея выбора, был вынужден назначить часть набов в командующий состав, а другая часть набов была выдвинута благодаря своим личным качествам и самой жизнью, которой приходилось командовать полиэтническими подразделениями. Высокий нравственный уровень и боеспособность армии Имамата были результатом воспитательной работы в войсках и значимости оборонительного характера борьбы.

Одну из основополагающих ролей в воспитании солдат Имамата играло духовенство в лице Шамиля и его учителей[4]. Именно их деятельностью и объясняется бесстрашие мюридов.

В историко-правовой литературе встречаются разные данные о численности вооруженных сил Шамиля. А.Х.Рамазанов без ссылки и уточненных данных отмечает, что в лучшие годы армия Шамиля достигала 60000 человек[5]. При этом автор не приводит данных о постоянном войске Шамиля и об ополчении. Р.М.Магомедов отмечает, что «в отдельных кампаниях против завоевателей число участвовавших в войне горцев доходило до 30-40 тысяч. Численность же постоянных войск Шамиля, находившихся на содержании населения, не превышала 15-20 тысяч»[6]. Последний, исходя из показаний Хаджи-Мурата графу Воронцову и других сведений, дает, на наш взгляд, более достоверные данные.

Горцы, находившиеся на службе у Шамиля и его набов, назывались муртазагетами. Учреждение муртазагетов давало возможность имаму решить сразу несколько военных и правовых проблем: оно снабжало его большой силой, всегда готовой бороться против колонизаторов и местных феодалов без всякого ущерба для казны, создавало большой общественный слой, заинтересованный в продолжении его правления. Набор в постоянное войско осуществлялся посредством разверстки – по 1 всаднику от каждого

10 дворов. Так, например, по свидетельству официальных источников, мичиковцы могли «...поставить до 2000 вооруженных людей, ауховцы до 1500, Большая Чечня 2500 и Малая Чечня до 4000...»[7]. В муртазагеты отбирались физически подготовленные и мужественные люди, готовые пожертвовать жизнью за независимость горцев. За преданную службу в армии муртазагеты пользовались большим уважением односельчан. Они заботились о семьях муртазагетов, помогали им пахать, сеять и убирать урожай, заготавливать сено, пасти скот и т.д.

Создание частей муртазагетов[8] удачно разрешало двойную задачу: во-первых, они благодаря своим боевым качествам могли противостоять не только имперской армии, но и внутренним врагам. Во-вторых, они образовали большую группу привилегированного и заинтересованного в сохранении имамского режима населения. «Во время войны, – пишет Прушановский, – они составляют самую надежную и лучшую часть сборищ горцев. Держатся с отчаянной решительностью, соблюдают отличную подчиненность. Малое число их опаснее, чем целое скопище горцев». Генерал М.С.Воронцов после взятия Салты в сентябре 1847 г., отмечая мужество защищавших его в течение 2,5 месяцев горцев, в своих мемуарах писал: «В долголетнем опыте мне редко случалось видеть неприятеля более упорного и стойкого, как гарнизон укрепления Салты, который составлен, был из лучших и храбрейших людей Дагестана. Упрямые сопротивления этого гарнизона превосходят все, что европейской войне может быть известно»[9].

В историко-правовой литературе, да и в источниках, прослеживается мысль о том, что муртазагеты являются, чуть ли не основой постоянной армии. В правовом отношении это мнение ошибочное. Если взять во внимание мнение представителей официальных властей, то мы узнаем, что роль, отведенная муртазагетам, была сугубо официальная, т.е. караульная служба, охрана границ, личная охрана имама и т.д.[10]

В каждой войне Шамиля было заложено стремление к славе, к получению наград, и они проявляли усердие, чтобы их получить, жертвуя своей жизнью. Так, например, по сведениям местных источников, «из жителей андийских сел каждый раз в бою погибало от 10 до 20 воинов... Такое же количество жителей погибало из Гумбета, Аварии, Унцукуля... Согратль и Чох. В Чечне храбростью известны жители Кихи, Мартана и Шубута... Такие же храбрые жители обществ Ичкерия, Нахбак, Аух...»[11]. (Относительно «Нахбак» и «Аух» в «Книге воспоминаний...» даются не точные данные о месте их расположения. Они находятся в Дагестане, ныне – Казбековский район РД).

Для поощрения особо отличившихся наивов, командиров и рядовых горцев Шамиль ввел порядок награждения их знаками отличия и чинами разных степеней, закрепленные и определенные низамами. Были и другие виды поощрения, в частности оружием, лошадьми, деньгами, знаменами и т.д. Кроме того, наиболее влиятельные наибы тоже имели свои награды, которыми награждали своих подчиненных. Такие награды давали, например, Даниял-бек и Талгик. Так, на медали Талхика было написано: «Проявившему храбрость и мужество в войске Талгика».

Ордена, медали и другие знаки отличия различались по статусу и достоинству, их насчитывалось около 150 видов. Они делались в основном из серебра и имели соответствующие их статусу и достоинству надписи: «Обладатель храбрости и великодушия», «Знак храбреца», «Кто думает о последствиях, тот не храбрец», «Это храбрец, который не убегает от сражений и живет среди опасностей»[12] и т.д. и в правовом отношении владельцы знаков в правовой иерархии возвышались. В казне Шамиля, как утверждает эпистолярный материал, были круглые ордена из золота и серебра, генеральские и полковничьи эполеты, а также оружие, печати, браслеты[13].

«Давно уже до меня доходили слухи, – писал генерал Граббе, – что Шамиль для поощрения наивов, отличившихся в скопищах своих, раздает им знаки отличия вроде наших орденов, и старается вводить некоторую правильность между своими полчищами»[14]. Генералу Российской империи было трудно признаться, что и у «диких» горцев может быть высокоорганизованная армия с крепкой дисциплиной, единоначалием, знаками отличия и хорошо продуманной структурой комплектования подразделений на уровне лучших традиций армий европейских стран. Для Граббе это были «скопища», «полчища». Между тем эти «скопища», «полчища» в 1842 году в лесах Ичкерии и в целом ряде сражений 1843 года проучили Граббе, Клюки-фон-Клюгенау, Нейгардта, Бакунина и других, показали высокий уровень организованности и образцы тактики ведения боя.

Если воин погибал в бою, его тело не обмыли и не служили над ним погребальную молитву, хоронили его в его запачканной кровью одежде, предварительно очистив его от прочих нечистот. Этот способ захоронения, в отличие от кончины в своей постели, являлся нормой шариата. Разница этих двух способов погребения состоит в том, что Аллах Всевышний желает встретить павшего за веру махида в Судный день (йавм ал-кийама) в том виде, в каком он скончался. Этим он оказывал ему честь[15].

Войска Шамиля расквартировывались в аулах по подразделениям по принципу поселения. Как уже было отмечено, во главе этих подразделений стояли наибы – пятисотенные, сотники и т.д.[16] Все наибы на правом плече носили эполеты; пятисотенные на груди носили медали с надписью, обозначающей военное звание: «Начальник пятисот человек такого-то устраиваемого войска»[17]. За особые заслуги и мужество пятисотенные и сотенные командиры получали шашки, кисти для шашек с надписью: «Нет храбрее такого-то, нет сабли его острее». Этот знак отличия давал право на получение жалованья по три рубля серебром в месяц[18] и т.д.

В армии Шамиля поддерживались строгая дисциплина и жесткий порядок, базировавшиеся на своеобразной присяге – публичной клятве на Коране. Нарушение клятвы считалось тягчайшим преступлением. Наряду с поощрениями в армии Имамата практиковались и наказания. Командиры несли

большую ответственность и, естественно, наказывались строже рядовых. Наиболее практиковавшимися видами наказания были понижение в должности, публичный выговор, арест от 10 до 30 суток, удары плетью от 15 до 39 раз, а измена и шпионаж наказывались смертью.

Шамиль прекрасно вооружил свою армию. Владея секретами получения стали хорошего качества, горские мастера изготавливали холодное оружие высокого класса, научились делать нарезное огнестрельное оружие. В Иамате было налажено производство пороха с помощью Джафара, потребности в котором возросли в связи с созданием артиллерии. Она была создана на базе трофейных орудий, а затем было налажено собственное производство пушек с помощью перешедших на сторону Шамиля царских офицеров и нижних чинов.

В армии Шамиля использовались трофейные оружие и боеприпасы, нехватку в которых он испытывал постоянно[19]. В артиллерии Шамиля было более ста пушек, из которых около 30 были трофейными. Собственные пушки делались меньшего калибра, были более удобными, мобильными и точными по сравнению с трофейными. Литьем пушек и изготовлением огнестрельного оружия занимались искусные мастера из Кубачи, Харбука, Кумуха, Унцукуля. В Ведено был организован завод по производству пушек и другого огнестрельного оружия[20]. В Иамате изготовлением холодного и огнестрельного оружия занимались при помощи перешедших на сторону горцев солдат царской армии. Впервые в истории Дагестана были отлиты пушки и ядра к ним, налажено также изготовление пуль[21]. Непосредственный участник борьбы утверждает, что «свинец... (Горцы. – Автор.) доставили тайно из русских крепостей... контрабандно...»[22]. Большой спрос на оружие стимулировал производство, уровень которого постоянно повышался.

В Иамате появились военные предприятия, принадлежащие государству. В Ведено, по сведениям Граббе, были «...люди, которые делают порох»[23], а в 1840 году он же рапортовал в Петербург о наличии в горах производства пушек, организации и введении в действующую армию нового рода войск – артиллерии. Шамиль организовал учебу артиллеристов, а также разработал особую инструкцию по артиллерии. Результаты им затеянного были настолько велики, что это искусство было взято на вооружение царской армией. Горцы, по сведениям М.Гаммера, получали исключительно хорошие комплименты от русских за то, как они использовали артиллерию, за ее меткость и, особенно за быстроту маневров[24]. Интенсивные усилия царских войск захватить орудия имама в сражениях заканчивались неудачей. Причиной того, что горцы не так часто использовали артиллерию, как это можно было бы ожидать, была в монополии Шамиля над этим оружием. По утверждению представителя официальных властей, только некоторые из его заместителей, обычно мудирь, покупали одну или две пушки артиллерии[25]. Во главе артиллерии стоял известный сподвижник Шамиля Яхья-Хаджи.

Впервые в истории гор Шамиль приступил к серьезной разработке недр Дагестана и Чечни, изготовлению пороха из добываемой в горах серы, выплавке железной и медной руды для отливки артиллерийских орудий и другого оружия. Значительную помощь Шамилю в изготовлении вооружения оказывали «русские перебежчики-солдаты и офицеры, которых у Шамиля было много и он очень ценил их»[26]. Способности беглых и пленных Шамиль проверял сам и определял: «...кого кузнецом, кого артиллеристом. Более... надежным доверял заведование заводами (пороховыми), конями, ремонтом конницы и т.п.»[27].

В Иамате была поставлена на довольно-таки высокий уровень работа разведки и контрразведки. В обязанности отдела разведки входили не только сбор информации о продвижении отряда неприятеля, выяснение всего необходимого о нем, но и проведение диверсионных мероприятий в глубоком тылу врага. Официальные источники, отдавая должное контрразведке Шамиля, отмечают, что «...чрезвычайно трудно иметь положительные сведения, даже и хорошие лазутчики не могут верно ничего узнать»[28], этим Шамиль вносил путаницу в ряды противников.

Шамиль придавал большое значение оперативной связи, благодаря которой он был в состоянии регулировать и командовать своей армией. Связь поддерживалась через гонцов – оповестителей письменными обращениями.

Шамиль также придавал значение медицине. Благодаря его стараниям в горах был открыт стационар. Дагестанские знахари хорошо знали принципы и метод использования отваров из трав, ягод, грязе-водолечение, массаж, мумие, прижигание, кровопускание, иглоукалывание[29]. Н.И.Пирогов, побывавший в Дагестане отметил, что местные хакиды действительно имеют «...большую наглядность и опытность в лечении огнестрельных ран. Искусство лечения наружных повреждений у кавказских племен есть чисто наследственное и переходящее от отца к сыну»[30], а профессор Л.А.Огонесян писал, что «хирургия кавказской народной медицины стояла почти на уровне научной медицины. Они производили даже такие операции, как трепанация черепа»[31]. Знахари Дагестана лечили не только у себя на родине, но и в Чечне, Осетии и в других областях.

Таким образом, взяв в основу правовой принцип формирования и осуществление военных реформ Царской России, а потом и Российской империи, можно найти параллели этого принципа и в Иамате. Так, например, Шамиль осуществил военные реформы, позволившие ему создать армию, которая по своей организационной структуре, дисциплине, мобильности, храбрости не уступала армиям передовых стран Европы. Военное устройство армии Шамиля вызывало восхищение современников. Русский офицер, принимавший участие в церемонии обмена грузинских князей на сына Шамиля Джамалутдина, писал: «Среди горцев господствовал строгий порядок и в целом они имели сходство с нашей кавалерией: они были расставлены по отделениям, с интервалами, в две шеренги; каждое отделение имело свое знамя; начальники

стояли перед фронтом и держали ружья, как мюриды... На правом фланге я видел две пушки, снятые с передков; позади их – арбы со снарядами»[32].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. [1] Магомедов Р.М. На весах истории // Дагестанская правда. – 1988. – 17 ноября. – С.3
2. [2] Рамазанов А.Х. Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. – Махачкала, 1996. – С.19; Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – С.311.
3. [3] Прушановский К.И. Исторические записки. – Л.12; См.: Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сборник документальных материалов // Под ред. Ш.В.Цагарейшвили. – Тбилиси: Изд-во МВД Грузии, 1953. – С. 212.
4. [4] См.: Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Мухаммад Ярагский – идейный вождь освободительной борьбы народов Кавказа. – Махачкала, 1996.
5. [5] См.: Рамазанов А.Х. Указ. работа. – С.19; Его же. Военное искусство Шамиля. – Махачкала, 1999. – С.10.
6. [6] См.: Магомедов Р.М. Указ. работа. – С.98.
7. [7] См.: ДГСВК. – С.404; Документальная история образования многонационального государства Российского: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках: В 4 кн. – Кн.1. / Под ред. Г.Л.Бондаревского, Г.Н.Колбая. – М., 1998. – С. 586.
8. [8] См.: История народов Северного Кавказа. – С.153.
9. [9] Каспари А.А. Покоренный Кавказ. – СПб., 1904. – С.489-490.
10. [10] См.: ДГСВК. – С.381 – 386; Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. – С.472; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – Т.1. – Ч.1. – С.488-489.
11. [11] Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А. Памятники письменности Дагестана. Абдурахман из Газикумуха: Книга воспоминаний Сайида Абдурахмана сына устада шейха тарикада Джамалуддина ал-Хусейни о делах жителей Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1997. – С.111.
12. [12] См.: Шамиль – ставленник. – С.218; Книга воспоминаний. – С.110; Рамазанов А.Х. Указ. работа. – С.20.
13. [13] См.: Книга воспоминаний. – С.97; См.: ДГСВК. – С.405, 417.
14. [14] ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6468. – Л.3.
15. [15] См.: Книга воспоминаний. – С. 112.
16. [16] Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С.125
17. [17] Описание знаков отличия, данная чеченскому старшине Оздемиру // ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6468. – Л.5.
18. [18] Там же.
19. [19] См.: АКАК. – Т.Х. – С.527.
20. [20] Магомедов Р.М. Указ. работа. – С.103.
21. [21] АКАК. – Т. XII. – С. 1399; ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6528. – Л.55; Елецкий О. Указ. соч. – С.68.
22. [22] См.: Книга воспоминаний. – 109.
23. [23] См.: Там же. – С.100 – 109; Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Указ. работа. – С.12.
24. [24] Гаммер М. Шамиль – правитель государства и его дипломатия. – Махачкала, 1997. – С.16.
25. [25] Ржевуский А.А. 1845 год на Кавказе // КС. – Т.VI. – С. 448.
26. [26] См.: Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. – СПб., 1856.
27. [27] Шульгин С.Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. – Тифлиси, 1910. – С.30.
28. [28] ДГСВК. – С.386.
29. [29] См.: Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Указ. работа. – С. 13-14.
30. [30] Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. – М., 1952 – С. 69
31. [31] Огонесян Л.А. Истории медицины в Армении с древнейших времен до наших дней. – Ч. III. – Ереван, 1946. – С. 188.
32. [32] Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. – СПб., 1856. – С. 19.

Становление и развитие адвокатура государства Российского

М.Б.Магомедов

Б.М.Магомедов

Изучение досоветского этапа истории адвокатуры позволяет выявить много общих черт, присущих адвокатуры как государственному институту, увидеть преемственность в ее развитии.

Судебное представительство известно на Руси с давних времен. Русская Правда, не упоминает о судебном представительстве, соответственно, в процессе господствовал принцип личной явки. Впервые упоминается о судебном представительстве в законодательных сборниках XV века. В одном из наиболее древних памятников русского законодательства – Псковской судной грамоте устанавливаются ограничения судебной защиты: приглашать поверенных могли не все, а только женщины, дети монахи и социально не защищенные. Однако принцип личной явки в суд еще долго продолжал господствовать. Напротив, Новгородская Судная Грамота всем позволяет иметь поверенных.

Первоначально основной формой судебного представительства было родственное представительство. Но одновременно с ним начинают выступать и наемные поверенные. Институт профессиональных

поверенных и развился из наемных поверенных. В позднейших памятниках постоянно упоминается о наемных поверенных. Но по мере того, как судопроизводство стало распадаться на две формы: состязательную и следственную, роль поверенных меняется. Оставаясь в полной силе для состязательного процесса, судебное представительство не допускалось в следственном. Розыскной процесс характеризовался совмещением функций суда, обвинения и защиты. «Один и тот же орган производил расследование по делу, собирал доказательства как уличающие, так и оправдывающие подсудимого, решал вопрос о его виновности. Состязательность сторон совершенно отсутствовала»¹. Господство следственного процесса делало фигуру адвоката практически ненужной.

Со времен Петра Великого розыск становится господствующей формой и вплоть до 1864 г. применяется как в уголовных, так и в гражданских делах.

Участие поверенного выражалось только в том, что они могли быть уполномочиваемы совершать вместо подсудимых «руководство под записками» в маловажных делах, оканчивавшихся в первой инстанции.

«Петр Великий упрекал их в том, что они «своими непотребными пространными приводами судью более утруждают и дело к вящему пространству, нежели скорому приводят окончанию» и назвал их «ябедниками, составщиками воров и душевредцов»².

Российское законодательство вплоть до издания Свода законов Российской империи от 14 мая 1832 г. не содержит в себе ничего относящегося к организации института поверенных. Впервые Свод законов, предоставив право всякому, «кто может по закону быть истцом и ответчиком, производить тяжбу и иск через поверенного» и определив, что «поверенный, действуя в суде вместо верителя, представляет его лицо», точно обозначил круг лиц, которым запрещалось заниматься судебным представительством. Но на этом и оканчиваются постановления Свода Законов относительно судебного представительства. Никаких положительных требований, вроде образовательного и нравственного ценза, к поверенным не предъявлялось; никакой внутренней организации их установлено не было. До издания Судебных Уставов 1864 года судебное представительство продолжало оставаться абсолютно свободной профессией.

Законом Российской империи был создан институт присяжных стряпчих. «Это была попытка отчасти упорядочить деятельность судебных представителей в коммерческих судах»³. Присяжные стряпчие находились в полной зависимости от судей, права и возможности их были ограничены. Они отбирались по строжайшему принципу избирательности, с предъявлением аттестатов об образовании, послужных списков, свидетельств о званиях и т.д. «Коммерческие суды дореформенной России стали уже тогда состязательными, сравнительно объективными государственными структурами, где судьи вынуждены были считаться с законом, правилами и обычаями делового оборота и принимать грамотные и обоснованные судебные решения»⁴. Во всех же остальных судах России положение оставалось прежним.

В 50-е годы XIX века необходимость судебной реформы делалась все более очевидной. Органической ее частью должен был стать институт адвокатуры, по сути дела еще неизвестный русскому судопроизводству.

Законом от 20 ноября 1864 г. об учреждении Судебных установлений в России была создан институт присяжных поверенных. Идея введения в России профессиональной так называемой присяжной адвокатуры связывалась составителями Судебных уставов 1864 года с состязательным порядком процесса. «В российских условиях того времени введение адвокатуры было большим шагом вперед, обеспечивая возможность гласной защиты обвиняемых и известного контроля над «закулисными» воздействиями на органы следствия и суда»⁵.

«Институт присяжных поверенных создавался в качестве особой корпорации, состоявшей при судебных палатах. Но она не входила в состав суда, а пользовалась самоуправлением, хотя и под контролем судебной власти»⁶. «В каждом округе судебной палаты, если в нем насчитывалось не менее 20 поверенных, учреждался совет присяжных поверенных, число членов которого по решению общего собрания должно было быть не менее 5 и не более 15 человек.

Деятельность совета присяжных детально регламентировалась. «Он ведал приемом новых адвокатов и контролировал всю деятельность сословия присяжных поверенных, а за нарушение норм адвокатской профессии наказывал провинившихся разными мерами – от выговора до исключения из адвокатуры и предания уголовному суду»⁷. Этот орган совмещал обязанности административного и судебного характера.

Законом был определен порядок поступления в адвокатуру. Право на получение звания присяжного поверенного имели только те лица, которые соответствовали установленным в законе условиям. Они фактически совпадают с требованиями, предъявляющимися к судьям. По ст. 354 Учреждения судебных установлений «присяжными поверенными могли быть лица, достигшие 25-летнего возраста, имеющие

¹ Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России 60-80 годы XIX века. М., 1987. С. 12-13.

² Васильковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб., 1893 // СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

³ Черкасова Н.В. Указ. работа. С. 14.

⁴ Демидова Л.А. Адвокатура в России: Учебник для вузов. 2005 // СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

⁵ Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С.772.

⁶ Конин В.В. Судебная реформа: присяжные заседатели и присяжные поверенные //Администратор суда. 2008. №4 СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

⁷ Глушаченко С.Б., Тотоев Р.Р. Адвокатура в российской империи в аспекте судебного реформирования 1864 г. //История государства и права. №13. 2008. С. 13.

высшее юридическое образование и пять лет судебной практики в качестве чиновника судебного ведомства или помощника присяжного поверенного»¹.

Для лиц нехристианских вероисповеданий поступление в адвокатуру обусловлено рядом дополнительных условий, значительно ограничивающих эти возможности.

Назначенный для производства дела советом присяжных поверенный не мог отказаться от исполнения данного ему поручения, не предоставив достаточно уважительных для этого причин (ст. 394 УСС). Присяжным поверенным запрещалось: покупать или каким-либо иным способом приобретать права своих доверителей по тяжбам (ст. 400 УСС); вести дела в качестве поверенного против своих близких родственников (ст. 401 УСС); быть поверенным обоих тяжущихся или переходить от одной стороны к другой в одном и том же процессе (ст. 402 УСС); оглашать тайны своего доверителя не только во время производства его дела, но и в случае устранения от него и даже после окончания дела (ст. 403 УСС). Присяжные поверенные могли принимать на себя ведение уголовных и гражданских дел. В уголовных делах присяжные поверенные принимают на себя защиту подсудимых или по соглашению с ними, или по назначению председателя суда (ст. 393 УСС). Участие присяжных поверенных в процессе не считается обязательным: каждый тяжущийся может вести свои дела лично во всех судебных учреждениях (ст. 386 УСС)².

В случае переезда в другой город присяжный поверенный должен был с согласия своих доверителей передать находящиеся у него дела другому присяжному поверенному.

Присяжные поверенные не считались государственными служащими, поэтому на них не распространялось чиновничество, они не имели права на служебные отличия. Присяжные поверенные – это установленные в государственных интересах лица свободной профессии. «Они были независимы от суда в своих действиях по ведению уголовных и гражданских дел, подчинялись только для них предусмотренному особому дисциплинарному порядку, при нарушении которого наступала определенная ответственность»³. Ответственность присяжных поверенных могла быть уголовной, дисциплинарной и гражданской.

Наряду с присяжными поверенными ведением гражданских и уголовных дел занимались частные поверенные. Возникла необходимость законодательной регламентации их деятельности. 6 июня 1874 года был издан закон, учредивший наряду с присяжной адвокатурой институт частных поверенных. Для того чтобы стать частным поверенным и получить право на участие в производстве гражданских дел, как в мировых, так и в общих судебных установлениях, необходимо было получить особое свидетельство, выдававшееся теми судами, в округе которых частный поверенный осуществлял ходатайство по делам.

«Частные поверенные получили право ходатайствовать по судебным делам, но, как правило, малой значимости, к участию в политических процессах они не допускались»⁴. Качество их работы значительно уступало качеству профессиональных присяжных поверенных, так как требования, предъявляемые законом к частным поверенным, были заниженными. Частными поверенными могли быть лица, получившие высшее юридическое образование или удостоверившие суд в своих познаниях. При этом закон не устанавливал, в чем заключалось такое удостоверение. Они не были объединены в какую-либо организацию, в которой они могли бы повышать свой профессиональный уровень, которой бы защищала, охраняла и направляла их деятельность. Дисциплинарную ответственность частные поверенные несли перед теми судами, при которых они состояли. Организация данного института была крайне несовершенной.

«Вводя институт частных поверенных из-за недостатка присяжных, законодатели имели в виду ведение ими только гражданских дел. Но частные поверенные, пользуясь предоставленным им ст. 565 Устава уголовного судопроизводства правом, очень быстро сориентировались в ситуации и стали активно вести уголовные дела»⁵.

Уставы 1864 года не уделила должного внимания вопросу о помощниках присяжных поверенных. Упомянув только вскользь о том, что занимаясь в течение пяти лет судебной практикой под руководством поверенных в качестве помощников, они могли впоследствии стать присяжными поверенными, оно более не останавливается на них. Закон 1874 г. уравнивал помощников присяжных поверенных с частными поверенными и дозволил им получать из судов свидетельства и заниматься самостоятельной судебной практикой на правах частных поверенных. «Вследствие этого, положение помощников приобрело двойственный характер: с одной стороны, они «стажеры», кандидаты в адвокатуру, занимающиеся практикой под руководством присяжных поверенных, а с другой стороны, в качестве частных поверенных, настоящие адвокаты, имеющие право самостоятельно вести дела»⁶.

Процессуальные права и обязанности адвоката различались в зависимости от периодов процесса. Участие защитника в стадии предварительного расследования не допускалось. Знакомиться с делом адвокат мог только перед самым началом судебного разбирательства, уже после составления обвинительного акта.

¹ Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа. См. Учреждение судебных установлений. Том 8. М., 1991. С. 71.

² Там же.

³ История российской адвокатуры: краткий обзор (Редакционный материал) // Адвокат. 2006. № 9. СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

⁴ Анохина С.В. Адвокатура в России во второй половине 19 в. // Право и политика. № 9. 2007. С. 104.

⁵ История российской адвокатуры: краткий обзор (Редакционный материал) // Адвокат. 2006. № 9. СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

⁶ Васильковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб., 1893 // СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

«В течении всего времени до судебного заседания функции защитника сводились к ознакомлению с делом и предъявлению суду ходатайств в интересах подсудимого»¹. Только на судебном следствии обвинение и защита являлись процессуально равными сторонами. При производстве судебного следствия присяжный поверенный допрашивал свидетелей, представлял новые доказательства, заявлял необходимые по делу ходатайства, выступал в прениях.

К концу 80-х годов XIX века из судебных уставов 1864 года были исключены многие демократические институты, изменено судопроизводство по государственным преступлениям, резко сокращен круг дел, рассматриваемых судом присяжных. Устройство адвокатуры также претерпело большие изменения. С начала 70-х годов XIX века адвокатура стала подвергаться гонениям и ограничениям со стороны властей, начали вводиться изменения в законодательство, касающиеся адвокатуры. Так в 1875 году в процессе создания новых судебных органов было приостановлено учреждение советов присяжных поверенных там, где они еще не были образованы. Сословные учреждения успели образоваться только в трех округах: петербургском, московском и харьковском. В 1889 году в рамках судебной контрреформы было приостановлено создание отделений присяжных поверенных. В местностях, где не было советов присяжных поверенных, контроль за деятельностью последних возлагался на судебные органы.

«В 1890 г. была образована и начала действовать правительственная Комиссия «для пересмотра существующих о поверенных по судебным делам узаконений», которая составила проект изменений в правилах Судебных уставов о поверенных, что явилось серьезным шагом в осуществлении судебной контрреформы»².

Царизм приложил немалые усилия к тому, чтобы еще сильнее ущемить права присяжных поверенных и свести на нет их способность к проявлению демократических настроений.

«С ходом дальнейшего развития капитализма в России основная масса адвокатов все более превращается в юрисконсультов и поверенных, служащих интересам банков, железных дорог, акционерных обществ и помещиков-промышленников»³. Это определяло политическое лицо большинства адвокатов в конце XIX столетия и начале XX века.

Таким образом, в результате судебной реформы 1864 года впервые в отечественной истории права учреждается профессиональная адвокатура как самостоятельное звено судебной системы, ставшей неотъемлемой частью нового судопроизводства.

Задуманная на высоком уровне система адвокатуры быстро деформировалась. Проведение судебных контрреформ существенным образом изменяло положение адвокатуры, искажало принципы ее организации.

Несмотря на деформацию, значение судебных уставов трудно переоценить. Многие из закрепленных в них положений имели весьма прогрессивное значение, нашли свое отражение и в современном законодательстве.

Список использованной литературы и источников

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.Берже. – Т.Х, XII. – Тифлис, 1866-1904.
2. ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6528, Д.6468.
3. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов / Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – 786с.
4. Опись знаков отличия, данная чеченскому старшине Оздемиру // ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6468. – Л.5.
5. Ржевуский А.А. 1845 год на Кавказе // КС. – Т. VI.
6. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сборник документальных материалов / Под ред. Ш.В.Цагарейшвили. – Тбилиси: Изд-во МВД Грузии, 1953. – 562с.
7. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 184с.
8. Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (в 1854-1855гг.) пребывании в плену у Шамиля семейств покойного ген.-м. кн. Орбелиани и подполк. кн. Чавчавадзе, основанная на показаниях лиц, участвовавших в событии. – СПб., 1856 – 2с.
9. Гаммер М. Шамиль – правитель государства и его дипломатия: Статьи. – Махачкала, 1997. – 104с.
10. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 512с.
11. Документальная история образования многонационального государства Российского: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках: В 4 кн. – Кн.1. / Под ред. Г.Л.Бондаревского, Г.Н.Колбая. – М., 1998. – 725с.
12. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. (Очерк Кавказа и народов его населяющих). – Т.1. – СПб., 1871.
13. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917). – М.: Наука, 1988. – 660с.
14. Каспари А.А. Покоренный Кавказ. – СПб., 1904. – 460с.
15. Магомедов Р.М. На весах истории // Дагестанская правда. – 1988. – 17 ноября. – С.3
16. Огонесян Л.А. Истории медицины в Армении с древнейших времен до наших дней. – Ч. III. – Ереван, 1946.

¹ Анохина С.В. Указ. работа. С. 102.

² Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России 60-80 годы XIX века. М., 1987. С. 5.

³ Там же. С. 115.

17. Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. – М., 1952.
18. Прушановский К.И. Исторические записки. – Л.12.
19. Рамазанов А.Х. Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. – Махачкала, 1996. – 56с.
20. Рамазанов А.Х. Военное искусство Шамиля.-Махачкала, 1999.
21. Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Мухаммед Ярагский – идейный вождь освободительной борьбы народов Кавказа. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1998. – 64с.
22. Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А. Памятники письменности Дагестана. Абдурахман из Газикумуха: Книга воспоминаний Сайида Абдурахмана сына устада шейха тарикада Джамалуддина ал-Хусейни о делах жителей Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1997. – 868с.
23. Шульгин С.Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. – Тифлись, 1910.
24. Юров А. 1840, 1841, 1842 гг. на Кавказе // КС. – Т.Х. – Тифлись, 1886. – С.225-405.

Особенности «горской экспансии»: вопросы освещении историографии

М.Б.Магомедов

П.М.Лахитова

В последнее время в СМИ и даже в некоторых учебных пособиях по отечественной истории, говоря о событиях первой половины XIX века на Северо-Восточном Кавказе, предпринимаются попытки реабилитировать агрессивную, захватническую политику официальных властей в этом регионе, объясняя все «темнотой», отсталостью горцев, их «пристрастием» к грабегам и разбоям. И в этом плане, на мой взгляд, встала необходимость показать истинные цели официальных властей в северокавказском регионе и опровергнуть мнение о том, что горцы восстали против царизма, недовольные запретом совершать набеги на соседние территории.

В начале XIX века перед царизмом встала задача покорения горцев Северо-Восточного Кавказа, т.к. «Кавказские горы отделяют южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мигрелии, Имеретии и Гурии, отторгнутых москвитянами от мусульман»¹. Единственная военная дорога, заслуживающая это название, шла от Моздока к Тифлису через Дарьяльское ущелье. То есть одна из задач покорения горцев Дагестана, как признался командир отдельного грузинского корпуса генерал Ермолов в рапорте Александру I, состояла в «...учреждении сообщения с богатейшею Кубинскою провинциею и оттуда в Грузию, к которой доселе один путь через горы, каждый год несколько времени, а иногда весьма долго пересекаемый»². Овладение этим регионом имело важное военно-стратегическое значение, т.к. с «...кавказского перешейка царизм мог достать всюду, куда ему нужно»³.

К этой главной причине можно добавить и то, что развивающиеся капиталистические, буржуазные отношения в государства Российского, требовали, новые рынки сбыта продукции и источники сырья. Генерал-адъютант Чернышев отмечал, что цель покорения рассматриваемого региона заключалась «...в приобретении границ безопасных со стороны азиатских наших соседей, с тем и средства больше развитию народной торговли и промышленности»⁴.

Таким образом, занятие Дагестана было вызвано «...великими государственными потребностями»⁵. Причем, по словам Н.Дубровина, план «...усмирения кавказских племен основан (Был. – Авторы.) на той главной мысли, что ...единственным средством достижения этой главной цели, признана, как то иначе и быть не могло, сила оружия»⁶. Вследствие этого, царские войска подвергали свободолюбивых горцев жесточайшим репрессиям. Аулы разрушались, посевы уничтожались, земли и скот отбирались у горцев. Опираясь на штыки царских войск, местные феодалы еще больше усилили свою власть над подданными. В этой связи нельзя не согласиться с Р.М.Магомедовым и Х.Х.Рамазановым в том, что главной причиной выступления горцев против официальных властей явились, нестерпимый колониальный и феодальный гнет⁷. Горцы были поставлены перед выбором: «или покорность без условий, или конечное разорение»⁸. Еще в сентябре 1829 г. император Николай I поставил перед кавказским командованием задачу: осуществить «славное» дело – «усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Планы официальных властей на Северо-Восточном Кавказе столкнулись с закономерным протестом местного населения, который в конце 20-х г. XIX в. приобрел массовый, организованный характер.

Но царские генералы, а вслед за ними и представители буржуазно-дворянской историографии (Н.Дубровин, А.Ермолов, Р.Фадеев, А.Зиссерман, Я.Костенецкий, Н.Грабовский, Е.Вердеревский и др.) старались скрыть истинные мотивы борьбы горцев. В этих целях были придуманы несколько

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-2-е изд. Т.9. С. 533.

² Рапорт командира отдельного Грузинского корпуса ген. Ермолова Александру I о мерах покорения горцев Северного Кавказа // Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в.: Сб. док. Махачкала, 1959. С. 25. (Далее. – ДГСВК.).

³ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 4

⁴ Из отношения генерал-адъютанта Чернышева командиру отдельного кавказского корпуса о замечаниях Николая I по поводу завоевания Кавказа от 11 января 1832 г. // ЦГА РД. Ф.133. Оп.4. Д.2. Л. 2.

⁵ Рапорт командира отдельного Грузинского корпуса ген. Ермолова Александру I о мерах покорения горцев Северного Кавказа // ДГСВК. С. 4.

⁶ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн.1. СПб., 1871. С. 228.

⁷ Одвижении горцев под руководством Шамиля // Материалы сессии Даг. ФАН СССР 4-7 октября 1956 г. Махачкала, 1957. С. 135, 184.

⁸ Воззвание ген. Головина к ахтыцам, рутульцам и алтынарынцам с требованием покориться от 26 мая 1839 г. // ДГСВК. С. 197.

взаимосвязанных установок и «концепций», суть которых сводилась к тому, что горцы, якобы, были отсталыми, дикими племенами, разбойниками, главным занятием и источником существования которых были набеги на соседние грузинские и русские территории. Официальным властям ничего не оставалось, кроме как усмирить их, «...невежественных и жаждущих крови изуверов»¹, для которых и «...добро надо делать насилем».²

Наиболее ярко эта концепция проявилась в работе Р.А.Фадеева, который называет кавказских горцев «полулюдими», «хищниками» и т.д. Он пытается доказать, что разбой, грабеж был «главным ремеслом горцев», дома привыкших к «тупоумной» праздности и спускавшихся на равнину «только для грабежа и убийства».³

Автор прямо пишет, что, защищая свою независимость, горцы защищали только право грабить подгорный край. Для него горец, борющийся за свою землю, и зверь – одно и то же. «Чтобы очистить Закавказье от лезгинских шаек, надобно было, в продолжение 15 лет истреблять их, как истребляют хищных зверей» – пишет Р.Фадеев.⁴

Другой царский идеолог, представитель дворянской историографии Н.Дубровин в работе «История войны и владычества русских на Кавказе» тоже пишет, что горцы «...в сущности были хищники и разбойники»⁵. Он оправдывал войну царизма против горцев Северо-Восточного Кавказа, как войну против дикарей, грабителей и разбойников, которых необходимо обуздать для их же пользы.

О том, что горцы якобы фанатично сражались с царскими войсками ради грабежа, а не ради свободы, писали и другие военнослужащие, участвовавшие в карательных экспедициях войск Российской империи. Так, Я.Костенецкий (участник аварской экспедиции 1837 года) пишет, что горцы «всегда готовы собраться к битве по первому призыву, и хотя уверены вперед, что их разобьют, но страсть к войне и грабежу, всегда господствовавшая у праздных народов, преодолевают предположение опасности»⁶. Но с другой стороны, он же, говоря о мотивах участия офицеров и солдат в аварском походе, признается, что «нас (Солдат. – Авторы.) утешала неприятельская добыча...»⁷.

Хотя, в целом, идеологи официальных властей единодушны были во мнении, что горцы воевали не во имя свободы и независимости, а ради грабежа, все же отдельные историки и военнослужащие более объективно рассматривали причины борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50 гг. XIX века.

Так, В.В.Огарков пишет о набегах царских войск: «Аулы разорялись (Войсками Российской империи. – Авторы.), стада угонялись, жатва уничтожалась русскими, и бедные, оборванные горцы, выгнанные из своих жилищ, шли в Закавказье или в Турцию, или погибали по дороге»⁸. Действительно, завоевательная политика официальных властей привела к тому, что в общей сложности кавказских горцев (адыгов, абхазов, убыхов, абазин, чеченцев, ингушей, аварцев, лезгин, осетин, карачаевцев, балкарцев) выселилось по разным данным, от 1800000 до 3097949 человек.⁹

В целом, в дореволюционной историографии господствовала концепция «горской экспансии».

Октябрьская революция внесла позитивные коррективы в оценку событий первой половины XIX в. на Северо-Восточном Кавказе. В работах М.Н.Покровского и его последователей концепция «горской экспансии» была подвергнута уничтожающей критике.¹⁰ Но следует заметить, что за 70 лет Советской несколько раз предпринимались попытки реанимации указанной концепции. Это, конечно же, диктовалось не научными соображениями, а давлением идеологических, партийных догм на историческую науку.

Хотя еще в 1931 г. Н.А.Скачко в работе «Дагестан» отмечал, что Кавказская война велась со стороны горцев для сохранения «набегового хозяйства»¹¹, все же первая серьезная попытка восстановления дореволюционной концепции «горской экспансии» в советской историографии была предпринята в 40-х гг. XX века. Это было связано с тем, что в этот период И.В.Сталин ставит задачу обоснования идей державности и реабилитации агрессивной внешней политики царизма¹². Как справедливо заметил А.М.Халилов, всегда находятся люди, умеющие «...держать нос по ветру, почувствовать настроение «сильных мира сего» и выдать соответствующую продукцию»¹³. И вот, в 1947 г. на заседании сектора истории народов СССР Института истории АН СССР выступает Х.Г.Аджемян с докладом «Об исторической сущности Кавказского мюридизма», в котором основными чертами, присущими горцам считает первобытность, отсутствие каких бы то ни было культурных навыков, пристрастие к разбоям и грабежам и т.д. Основной вывод докладчика сводился к тому, что горцы боролись за свою «волчью» свободу, свободу отсталости, «темноты» и «азиатчины»¹⁴.

¹ Вердеревский Е.А. Шамиль в Париже и Шамиль поближе. Тифлис, 1855. С.23.

² Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 228.

³ Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 21, 25.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 370-371.

⁶ Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 г. // Современник. Т. 23. Отд. II. Ч.1. 1851. С. 77.

⁷ Там же. С. 82

⁸ Огарков В. В. Воронцовы, их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892. С. 92.

⁹ Аболтин В. А. Национальный состав Турции // Новый Восток. М.,1925. №1(7). С. 21; Гожба Р. От Кубани до Нила // Родина. 1994. №3-4. С.133.

¹⁰ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.,1923. С. 195.

¹¹ См.: Скачко А. Дагестан. М.,1931. С. 31-32.

¹² См.: Сталин И.В. О статье Ф.Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. №9.

¹³ Халилов А.М. Шамиль в истории и памяти народа // Советский Дагестан. 1988. №5. С. 36.

¹⁴ Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. №1. С. 134.

Но доклад Аджемяна был подвергнут резкой критике. Профессор М.В.Нечкина справедливо заметила, что Х.Г.Аджемян, называя себя провозвестником новых идей, восстанавливает старые взгляды царских генералов¹. На самом деле, чем отличается характеристика горцев, данная им, от характеристики, данной царским генералом Головиным, считавшим, что «...невежественные, грубые, полудикие лезгины, издревле привыкшие к жизни буйной, хищнической, неохотно с ней расстаются...»²?. В целом, данная попытка реанимации рассматриваемой концепции окончилась неудачей. Н.М.Дружинин подводя итоги дискуссии, отметил, что «...остается в силе наша прежняя точка зрения»³.

Но в период застоя в советской исторической науке наблюдаются определенные негативные явления. В работах И.П.Петрушевского, Д.Мегреладзе и В.Н.Гамрекели, вышедших в начале 70-х годов XX века опять говорится об экспансии горцев. Последний, в частности, отметил, что походы, совершаемые феодальными владетелями, являлись результатом социально-экономической отсталости горцев. Более того, он определяет эти походы как экспансия.⁴

Дальнейшему развитию подобных идей способствовала прокатившаяся в этот период волна юбилейных праздников, посвященных «добровольным вхождениям» республик Северного Кавказа в состав России. Проблема народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни не согласовывалась с теорией «добровольных вхождений». Это привело к тому, что была предпринята очередная попытка реанимации концепции «горской экспансии». В работе В.Б.Виноградова и С.Ц.Умарова «Вместе – к великой цели» Кавказская война сводится к «горской экспансии», т.е. к «грабительским набегам... друг на друга и на российские поселения и города Терека»⁵. Все рекорды побил М.М.Блиев в статье «Кавказская война: социальные истоки, сущность», опубликованной по словам В.Г.Гаджиева «...без какого-либо обсуждения по прямому указанию сверху»⁶. Набеги горцев, по словам М.Блиева, были вызваны к жизни тем, что «феодализирующая общинная знать... стремилась также за пределами общины найти новые источники обогащения»⁷. Отсюда он выводит и причины столкновения горцев с официальными властями. «Уже в XVIII в. политика России в Закавказье, постепенно лишавшая горцев традиционных объектов экспансии, – пишет он, – приходила в столкновение с интересами организаторов и участников набегов. Со временем участников экспансии все больше стали привлекать русские города»⁸. Он считал Кавказскую войну завершающим этапом системы экспансии горцев на территории Закавказья и Российской империи.

Заметим, что в 1967 г. М.Блиев утверждал, что, «...рассматривая движения горского крестьянства первой половины XIX в., мы должны учитывать, что они были вызваны колониальной политикой правительства и были направлены против осуществления планов покорения горцев»⁹. Более того, автор утверждает, что набеги способствовали возникновению государственности у горцев, обосновывая это тем, что «война, представлявшая собой доходную статью, требовала от имама налаженной военной организации, способной обеспечить всех участников своей долей добычи»¹⁰. Но Имамат возник не в результате расслоения общества или разложения родовых отношений, а в результате ликвидации и на месте феодальной государственности. Деятельность Имамата была направлена не на грабеж соседей, а на защиту от царских завоевателей и на борьбу с местными феодалами, которые прислуживали последним.

Итак, М.М.Блиев, искажая факты в угоду политических амбиций, развивает монархическую концепцию «горской экспансии». Но в период перестройки его взгляды были подвергнуты резкой критике и восстановлена объективная оценка причин борьбы горцев¹¹.

Несмотря на это, и не по сей день, продолжают политические игры вокруг рассматриваемой проблемы. В связи с развернувшимися в Чечне событиями, в отдельных работах предпринимаются попытки доказать, что народы Северного Кавказа издревле жили тем, что совершали разбои, грабежи и брали заложников и восстали против официальных властей, недовольные запретом совершать набеги, брать заложников, налогами, трудовой повинностью и др.¹²

В конце, в противовес концепции «горской экспансии» отметим, что основными занятиями горцев были сугубо мирные занятия – хлебопашество и скотоводство. Причем, в горной зоне Дагестана наблюдалось оптимальное использование каждого клочка земли. Относительно этого в свое время М.З.Кипиани писал, что горцы «...с помощью кирки и лопаты разрывали каменные пласты, выбирали из недр земли камни, чтобы образовать почву, годную под хлебопашество»¹³. Официальные источники

¹ Там же. С. 137.

² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.Х. С. 227.

³ Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. №1. С. 137.

⁴ Гамрекели В. Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Тбилиси, 1972. С. 138.

⁵ Виноградов В. Б., Умаров С.Ц. Вместе – к великой цели. Грозный, 1983. С. 9.

⁶ Гаджиев В. Г. Actis testantibus // Тарих. 1997. №4. С. 77.

⁷ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 58.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Яндаров Я.З. О концептуальных особенностях освещения народно-освободительных движений горских народов XVIII-XIX вв. в историографии 80-х гг. // Народно-Освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX века // Всесоюз. науч. конф. 20-22 июня 1989 г.: Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989. С. 58.

¹⁰ Блиев М.М. Указ. соч. С. 70.

¹¹ См.: Халилов А.М. Шамиль в истории и памяти народа // Советский Дагестан. 1988. № 5. С. 36-37; Ортобаев Б.Х., Тотоев Ф.В. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // История СССР. 1988. №4. С. 80.

¹² Короленков К.В., Гуленков К.Л. Готовимся к экзамену по истории России. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 155.

¹³ Кипиани М.З. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1899. С. 27.

признают, что ведущей отраслью в нагорном Дагестане было также скотоводство, от которого горцы получали «...одежду, пищу и в некоторых местах отопление»¹. Кроме того, горцы занимались промыслами и торговлей.²

На наш взгляд, говорит о набегах, как о хозяйственной деятельности горцев, исходя из отдельных единичных случаев, имевших место, представляется неверным, т.к. набеги совершались и со стороны Грузии и царских войск. Так, по словам Н.Волконского в Тушетии жил один из организаторов набегов на Дагестан по имени Шате, который «...держал в страхе лезгинские аулы и его именем горянки пугали детей»³. Кроме того, по словам полковника Казбека, все экспедиции войск Российской империи, совершенные до 1839 г. можно считать набегами⁴.

К тому же встает закономерный вопрос о том, почему русские солдаты и казаки переходили на сторону восставших горцев, если они были такими «разбойниками» и «извергами»? Один из казаков-перебежчиков отмечал: «Привык дышать свободой, потому ушел в горы и теперь живу ладно»⁵. А разжалованный в рядовые офицер Российской империи говорил: «Я шел в бой за дело, которое было, мне совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, я всегда восторгался их героическим сопротивлением»⁶.

Таким образом, концепция (если ее так можно назвать) «горской экспансии» была выдумана официальными властями для прикрытия, для оправдания своей захватнической политики на Северо-Восточном Кавказе и ничего общего с исторической действительностью не имеет.

Колонизация государства Российского глазами М.К.Любавского

М.Б.Магомедов

Б.М.Магомедов

«Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века» М.К.Любавского (академик АН СССР 1929) – это обширнейший труд по истории и права «территориальной экспансии русского народа и создания им его собственной территории», – впервые опубликована в 1996 году, когда уже не существует ни Российской империи, ни СССР, а распад имперской системы только-только начинает осмысляться. И в условиях еще полностью не осознанного катаклизма и его последствий появляется закономерный интерес к истории возникновения самой имперской системы, к тому, как именно происходило присоединение земель, как создавалась территория империи. Конечно, появление высокопрофессионального исследования, посвященного полностью этой теме, не может не обрадовать.

Капитальный труд представляет собой обзор колонизационных процессов, на территории Российской империи начиная с палеолитических стоянок первобытных людей на территории Восточной Европы и вплоть до освоения русскими поселенцами Кавказа, Предкавказья, Туркестана на рубеже XIX-XX веков. Необходимо отметить, что термин «колонизация», который употребляет М.К.Любавский, не имел того негативного оттенка, который был привнесен в научный оборот несколько позже, вместе с распространением марксистского термина «империалистическая» (грабительская, эксплуататорская) колонизация. Любавский употребляет термин «колонизация» в значении «расселение, освоение территорий», далее им выделяет и рассматривает историко-географические и, отчасти, социально-экономические стороны процесса освоения новых земель. По мнению М.К.Любавского колонизация – это процесс не завоевания, захвата новых земель, а процесс присоединения, хозяйственного освоения.

Так, например, А.Я.Дегтярев, Ю.Ф.Иванов, Д.В.Карев отмечают, что научный труд М.К.Любавского – наглядный пример исследования в рамках так называемой «государственной» школы в историографии государства Российского. Для исследователей классической школы характерен интерес не только к проблемам возникновения самого государства, но и к проблемам активного определяющего воздействия государства на социальные процессы. У М.К.Любавского мы действительно можем встретить положения о принципиально важной роли колонизации в истории государства. Но является ли государство иницирующей и направляющей силой в колонизационных процессах, или колонизация как автономный социальный процесс развивается по своей логике, независимо, а быть может, и вопреки государственным усилиям? Очевидно, что в колонизационных процессах, как в процессах социальных, государство не может не принимать участия, но все дело в том, что государство принимает участие на определенных этапах колонизации, выполняя функции фиксирования существующего положения дел. Если нам интересна роль государства в процессах колонизации, то мы должны обратить внимание на то, как именно государство фиксирует, конституирует колонизационный процесс.

Всю логику концепции М.К.Любавского относительно роли русской колонизации в формировании государственной территории можно представить как систему из трех уровней исследования, где каждый следующий уровень является конкретизацией предыдущего.

Первый уровень – это уровень историко-географического исследования процесса колонизации и создания государства.

¹ Ц ГВИА. Ф.ВУА. Д.6528. Ч.1. Л.114.

² Там же. Л. 8; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-нач. XIX вв. Махачкала, 1957. С. 41; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 50.

³ Волконский Н. Лезгинская экспедиция // КС. Т.1. С. 388.

⁴ См.: Казбек. Курицы в Чечне и Дагестане. 1834-1861 гг. Тифлис, 1885.

⁵ Магомедов Р.М. Легенды и факты. Махачкала, 1969. С. 122.

⁶ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 156.

Второй уровень – это уровень изучения социальных сторон колонизации и характера взаимоотношений социума и государственного аппарата по этому поводу.

Третий уровень – рассмотрение практики государственного конституирования колонизованных земель.

Так называемый географический фактор истории колонизации является обзором внешней колонизации, создававшей русскую государственную территорию. М.К.Любавский начинает анализ освоения пространства, понимая под самим пространством собственно географическое пространство. Это наиболее абстрактное пространство, и оно никоим образом не тождественно социальному пространству, анализ которого и является предметом исследования. Анализ географического фактора как исходной точки исследования вполне логичен для ученого того периода вообще, и для Любавского в частности, отстаивавшего принцип «влияния внешней природы на человека» и общество.

На характер расселения оказывало влияние уже то, что славянам приходилось обходить заболоченные местности и густые лесные дебри, не покидая лесных массивов из-за опасности со стороны Степи. Поэтому восточные славяне вынуждены были расселяться как бы островками и «группами островков среди моря лесов, болот и озер».

Изучая историю и право государства Российского, М.К.Любавский ищет объяснения исследователей территориальной экспансии русского народа в особенностях этнolandшафтной системы Восточной Европы: чередование степных и лесных областей, обилие природных богатств, присутствие воинственных соседей. Наличие богатейших природных ресурсов при экстенсивном типе хозяйствования стимулировало освоение новых земель по мере оскудения прежних.

Таким образом, в условиях перманентной экстенсивной колонизации формирующаяся государственная власть должна была, по мысли М.К.Любавского, обладать особыми качествами. А именно – обладать способностью управления огромными территориями при чрезвычайно низкой плотности населения в напряженных условиях колонизации и постоянной угрозы со стороны Степи. И эволюция государственности в сторону формирования абсолютизма была, согласно такой позиции, закономерным явлением в условиях необходимости консолидации «разреженной, а потому податливой массы» народа перед лицом постоянного противостояния воинственным соседям.

М.К.Любавский выдвигает этнolandшафтную систему государства Российского и трактует принцип сложившегося особенного типа государства – Империя (именно так он пишет это слово) и особый тип государственного управления – абсолютная монархия в имперской системе. То есть именно эти формы государственной организации и управления рассматриваются автором как наиболее адекватные для государства Российского в условиях постоянного освоения новых земель.

Колонизация как социальный процесс истории и права, по сколько, по его мнению, – «Русская история есть в сущности история непрерывно колонизирующей страны». Это постоянное освоение новых земель не было прерогативой государства, и у М.К.Любавского эта сторона вопроса очень подробно показана.

Автор обращает внимание на то, что осваивает землю крестьянин-земледелец, а сами процессы освоения земель инициируются различными социальными группами. Рассматривая освоение земель как автономный социальный процесс, историк выделяет следующие хронологически доминирующие типы колонизации: народная, княжеская, боярская, землевладельческая, монастырская, казацкая, вольная, государственная. Последняя стала доминировать лишь в конце XIX-начале XX века. Эти типы колонизационных потоков различаются автором не столько по типу колонизатора, а скорее по типу инициатора-организатора той или иной волны миграции и последующего собственника земли, что и отражено в названии самих типов колонизации. Так, рассказывая о колонизации земель после татарских погромов в XIV веке, автор указывает, что «народная колонизация стала растекаться по тем руслам, которые открывали князья, бояре, монастыри и другие состоятельные люди».

В традиционном массовом сознании фигура колонизатора – это или фигура казака, или былинного богатыря-земледелца. Отметим, что М.К.Любавский выделяет и показывает отдельную, самостоятельную ветвь колонизации, сыгравшую большую организационную роль в освоении земель – монастырскую колонизацию. Монастыри, по его мнению, были оплотом колонизации – даже не столько потому, что могли предоставить защиту и укрытие, и не потому, что сохраняли земледельческие традиции и имели льготы от государства, хотя все эти факторы и оказывали свое влияние. Монастыри становились теми центрами, к которым тянулись не только русские земледельцы, но и люди самых разных национальностей для удовлетворения духовных потребностей. Монастыри, хотя в отношении них проводилась политика секуляризации, и все-таки, являлись не только своеобразными форпостами земледелия в море кочевников, но и выполняли функцию центров духовности.

Процесс освоения новых земель, по М.К.Любавского, инициировался потребностью в решении демографических проблем избыточного населения в условиях экстенсивного типа ведения хозяйственной деятельности. Значить по мере разработки земли и ее оскудения социально активная часть населения стремилась к освоению новых земель, благо что, существовавшее пространственно-географическое окружение это позволяло. В качестве примера можно привести историю вольной крестьянской колонизации правого берега Волги. Далее он, обращает внимание на то, что как только ослабел контроль над указанной территорией со стороны кочевников, крестьяне «перешли на правый берег, обязавшись нести службу станичных казаков». Сформировался даже особый социальный тип земледельца – земледельца «без корней», всегда готового переселиться на новые земли, как только это становится возможным. О причинах,

формировавших в земледельце черты потенциального мигранта автор пишет весьма неопределенно, указывая на нужду, угнетение со стороны властей, «невозможность выполнить государственные и частные обязательства» и наконец – преступления. Исследователь более всего удовлетворяла отсылка к «известной страсти к перемене мест», иначе говоря, «привычка к бродяжничеству» и «житийский авантюризм», по мысли исследователя, могут объяснить, почему «территория русского народа в конце концов достигла колоссальных размеров». «Русскому человеку не сиделось на месте; все ему хотелось лучшего, все тянуло на новые места».

Социальный процесс колонизации, М.К.Любавский не обошел внимание. Для автора, очевидно, что не все территории Российской империи вошли в нее в результате колонизации – освоения земель. Он указывает на Эстляндию, Лифляндию – весь Прибалтийский край, Финляндию, Бессарабию, Закавказье, Среднеазиатские владения как на территории, связанные с Империей «только подчинением единой власти». Причину того, что эти земли не стали ареной колонизации, М.К.Любавский видит или в высокой плотности местного населения, или в неподходящих природных условиях. Уже в самой отсылке к природным условиям нам видна ограниченность методологического подхода автора: то, что устраивало в качестве объяснения ученого начала XX в., уже не может устроить исследователей конца XX в. – хотя бы по причине накопления фактологической базы о колонизационных потоках.

К примеру, в устье Терека, где непривычный климат не послужил преградой для поселения русских людей еще в XVI веке. Можно привести множество примеров успешной адаптации русских поселенцев в непривычных климатических условиях (Кубань, Закавказье, Казахстан, Киргизские степи и т.д.). Современными исследователями отмечено, что процессы колонизации в районах Закавказья проходили безболезненно для русских переселенцев до момента появления государственного чиновника. А если говорить о Финляндии, то и на сегодняшний день она не отличается высокой плотностью населения, а ее природные условия сходны с условиями северо-запада государства Российского, где русские поселенцы не только активно освоили земли, начиная еще с XIII века, но и потеснили, а затем практически ассимилировали местные племена финского происхождения. Что же касается Прибалтики, то и этот край был ареной колонизации русского народа задолго до его присоединения к Российской империи в XVIII веке.

Однако еще более существенно то, что историк-государственник по сути дела не обращает внимания на принцип включения новых земель в состав Российской Империи. То, что между колонизованной Сибирью и той же Финляндией существовало различие в способе управления, для него более чем очевидно, но он это объясняет отсутствием самого факта колонизации территории Финляндии. И в этом видна логико-методологическая натяжка, т.к. способ управления, применявшийся в Финляндии, впервые был введен на той территории, которая, по мнению автора, состоялась как территория русской колонизации, то есть на Украине.

Это не просто досадный промах, а именно ограниченность в методе. Либо необходимо признать проблематичность для факта колонизации той же Украины, либо объяснить, почему на ней Империя изменила свой принцип интериоризации колонизованных земель. С этой целью рассмотрим последний уровень изучения русской колонизации – уровень государственной практики.

Государственная практика, как колонизации территорий, М.К.Любавский, раскрывает в контексте отношения государства к колонизационным процессам и, указывает, что «могучее народное движение заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им».

Колонизацию как освоение земель, все же следует различать принципы присоединения территорий. Земли могут быть присоединены путем завоеваний и путем мирного освоения территорий. Для Российской империи военная экспансия как принцип присоединения территорий была не характерна. М.К.Любавский указывает, что основная часть территории Российской империи была колонизована путем освоения земель крестьянами – земледельцами, методом «народной колонизации». Организаторами переселенческих потоков могли выступать самые различные социальные группы: от монастырей до различных типов землевладельцев и их поверенных. Государство идет вслед за первопроходцами, оказывая им защиту, помощь, предоставляя льготы и т.д. А после того, как первоначальное освоение земель произошло, государство, решая проблемы безопасности своих границ, продолжает начатую колонизацию, руководствуясь уже экономическими соображениями или политической целесообразностью. Исключение, по мнению М.К.Любавского, представляла лишь колонизация Амурского и Уссурийского регионов, организованная во второй половине XIX века по инициативе государства, обеспокоенного безопасностью границ.

Изложенный выше принцип колонизации, по мысли автора, является основополагающим для освоения земель в Российской империи. Но предложенная концепция не может объяснить различие в принципах управления присоединенными территориями: учреждение особого приказа по управлению делами на Украине – Малороссийского, и просто назначение высокопоставленного государственного чиновника – наместника Кавказа. Автор, как профессиональный историк, не может умолчать об этих фактах, но его объяснения нельзя признать убедительными.

На наш взгляд, представляется, что это происходит из-за того, что сам М.К.Любавский в анализируемой нами работе понимает процессы освоения как процессы расселения, то есть как некий эколого-демографический процесс. Автор не разводит, значит надо полагать, что понятия демографического расселения и социально-политического освоения новых территорий – это перспектива расселения пришлого избыточного населения на новых землях – это вопрос экологической адаптации. И сведение многомерного процесса колонизации к процессу расселения подобно плоской проекции объемной фигуры. Рассмотрение

колониционных процессов в данном ракурсе не может помочь нам ответить на вопрос о разных принципах управления присоединенными территориями. Чтобы ответить на этот вопрос, представляется необходимым рассмотреть процесс колонизации как процесс социальной адаптации. Под социальной адаптацией мы понимаем процесс приспособления уже существующих социальных институтов и структур к имперским структурам и институтам.

Присоединяя территории и осваивая их, русский народ адаптировал приобретенное социальное пространство как бы «под себя». Значит происходила адаптация существующих социальных институтов: перевод этих социальных институтов из разряда «этнокультурное» в разряд «государственное». Такой принцип колонизации условно назовем гомогенным, то есть создающим однородное имперское пространство. Но не все территории Российской империи были колонизованы именно таким способом. К примеру, та же Финляндия, Польша, Прибалтика были присоединены как особые территории, подчиненные имперскому принципу управления. Но еще раньше в истории Российской империи уже был случай подобного присоединения. Украина присоединялась не только как отдельная земля со своими географическими границами, но и как территория, обладающая собственным социально-политическим пространством. Такой тип колонизации, который имел место на Украине, можно назвать гетерогенным – создающим разнородное социальное пространство. Гетерогенное присоединение земель – это не столько колонизация, сколько подчинение имперскому управлению.

Таким образом, мы видим, что колонизация как расселение формирует государственную территорию Российской империи. А присоединение территорий методом подчинения имперскому управлению есть формирование территории власти (формальная колонизация). Учитывая вышесказанное, имеет смысл говорить о двух аспектах колонизации: экологическом и социально-политическом. На Украине состоялся только первый вариант колонизации – экологическая адаптация. «Географизм» Любавского или отсутствие должного понятийного и категориального аппарата не позволил «увидеть» Украину как пространство, не ставшее ареной социально-политической колонизации и давшее начало принципиально новому способу формирования государственного пространства, продублированного затем в Польше и Финляндии.

Но вышеуказанное критическое замечание о «географическом» подходе автора к многомерному процессу колонизации не умаляет значения издания, которым можно пользоваться как энциклопедическим справочником по истории освоения территориального пространства Российской империи. Этому способствуют подробнейшие и обширные указатели персоналий и указатели географических, этнических и этногеосоциальных названий, составленные Е.Л.Назаровой и В.В.Назаровым.

Формирование и значимость гражданского общества в Имамате

М.Б.Магомедов

П.М.Лахитова

Предпосылкой и фактором формирования политико-правовой системы Имамата, как государства демократического типа, является наличие гражданского общества, характеризует значимость всю совокупность разнообразных форм социальной активности населения. Понятие «гражданское общество» в условиях Имамата – это состояние общественных связей и отношений, что является качественным показателем гражданской самодеятельности горцев, как основным критерием разделения функций государства и общества в социальной сфере.

Опыт первых лет борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века показал ее руководителям необходимость искоренения адатов из общественной жизни горцев как препятствующих в их антифеодальной и антиколониальной борьбе и консолидации освободительных сил, как не соответствующих раскрепощению и охране прав и интересов личности.

На смену правовых основ взаимоотношений – адатам предводители борьбы вводили в обиход горцев новые нормы шариата, которые, по мнению руководителей, должны были лечь в основе реализации гражданского общества. Надо полагать, что руководители Имамата настаивали не просто на внешнем их применении, а на искреннем следовании нормам высшего человеческого поведения и в решении дел по истинному шариату. Успехи Шамиля на военной и государственно-правовой ниве объясняются настойчивостью, с которой он распространял шариат и утверждал его среди горцев на прочных основаниях. Так, например, по мнению Нейгардта, человека, которого вряд ли можно подозревать в симпатии к горцам, мы узнаем, что в процессе размежевания, а именно «со времени разделения Чечни на участки, Шамилем введено там правильное законодательство. Адат, как обычай, потворствующий слабостию своих постановлений страстям полудикого народа, уничтожен; вместо него введен шариат; и для разбирательства дел по шариату при каждом набе находится ныне постоянно по одному кадию; в настоящее время в Чечне убийства, воровство, насилие и другого рода преступления сильно преследуются, и Шамилем приняты самые строгие меры к искоренению из нравов чеченцев зверского обычая кровомщения»[1].

Внедрение правовых основ шариата было первой целью сторонников имама, к утверждению которых которого среди горцев Шамиль относился с гражданских позиций творчески. Преследуя с такой настойчивостью адат, он осознавал, что в учении шариата заключается также много всякого рода противоречий, способных обратиться в источник зла, чуть ли не сильнее в сравнении с тем, какое может породить адат. Дело в том, что почти каждое постановление шариата имеет свои собственные толкования, «несколько своих собственных дорог»[2]. Некоторые из этих постановлений, написанные более 1000 лет назад, не вполне соответствовали быту горцев и переживаемым ими историческим условиям. В процессе восстановления шариата Шамиль предполагал следующее обстоятельство, а именно, что шариат

принадлежал к фундаменталистическому толкованию накшбандийского тариката, далее – в этом же Шамиль рассматривал противоположность и для искоренения адатов и, наконец, он иногда предопределял мусульманский образ жизни. Шариат, по мнению самого имама, имел свои пробелы и неясные или спорные выдержки, которые требовали правовые интерполяции, интерпретации и соответственно выбора между конфликтующими точками зрения.

Понимая все это, Шамиль ясно видел, что при механическом перенесении шариата на регулирование общественных отношений среди горцев эффективность его применения представляется очень сомнительной. С одной стороны, при сохранении нескольких толкований положений шариата, по части его правовых аспектов, мусульманское духовенство будет блуждать, не находя наиболее верного. С другой, характер горцев давал право ожидать всяких злоупотреблений при малейшем послаблении закона, при намеке на самоуправство или насилие, а такие тенденции в шариате встречаются нередко. Правовой характер гражданского общества, его соответствие высшим требованиям справедливости и свободы является первой важнейшей качественной характеристикой такого общества. Эта особенность гражданского общества воплощается в нормативных требованиях, заложенных в содержании категорий справедливости и свободы. Свобода и справедливость представляют собой в условиях гражданского общества социальный фактор, нормирующий деятельность горцев, которые как члены гражданского общества, обретают свободу в результате своей способности подчиняться нормативным требованиям свободы как познанной необходимости. С учетом всего этого Шамиль дополнил и изменил некоторые положения шариата, сообразно действительным, как ему казалось, потребностям страны и имам ставил вопрос о более глубоком толковании норм и правовых основ шариата, применительно к ситуации Имамата.

Все, что таким образом было составлено, в горах называли «низамом», применяя этот термин к реформам Шамиля по всем отраслям управления. Поэтому низамы «регламентировали всю административную, военную и бытовую жизнь горцев»[3]. Сам Шамиль утверждал, что низам – это собрание различных правительственных мер, касающихся только безопасности страны, благополучия народонаселения и усиления средств к сопротивлению внутренним и внешним врагам. Эти правила не имеют ничего общего с шариатом, которому они служат лишь дополнением. Однако в состав низамов вошли еще и другие правительственные меры, касающиеся не только судебной части и общественной жизни горцев, но и их домашнего быта, а потому стоит только вникнуть в смысл этих закономерностей, чтобы удостовериться, против каких именно положений шариата они направлены.

Исследуя сущность низамов, как основ законодательства, следует отметить их антиэксплуатационный характер и социальный аспект, а в последнем вырисовывается и иерархия. Реальная свобода горцев становится возможной в обществе подлинной демократии, где не государство, политическая власть господствует над обществом и его членами, а общество имеет безусловное первенство по отношению к государству. Гражданское общество употребляется как в широком, так и в узком значениях. В широком смысле гражданское общество включает всю непосредственно не охватываемую государством, его структурами часть общества, т.е. то, до чего «не доходят руки» государства. В условиях Имамата характерным принципом всей государственно-правовой политики Шамиля являлась гласность. В своей деятельности он опирался на поддержку широких слоев населения и, поэтому его политика объективно не могла быть оторванной от интересов народа и скрытой от них. Шамиль не боялся разоблачения перед народом порочной практики управления им же назначенных наибов. Принцип гласности был характерен для процесса судопроизводства, введенного Шамилем.

Гражданское общество в условиях Имамата имеет сложную структуру, включает хозяйственные, экономические, семейно-родственные, этнические, религиозные и правовые отношения, мораль и т.д. В гражданском обществе в отличие от государственных структур преобладают не вертикальные (подчиненности), а горизонтальные связи – отношения конкуренции и солидарности между юридически свободными и равноправными партнерами. Судебное производство исполняли при всем народе. Тут же приводились в исполнение решения и приговоры суда. Гласность в судопроизводстве исключала волокитство дел в судах и вносила большой воспитательный заряд в правовое воспитание населения.

Военная, административная и духовная власть главы Имамата была ограничена главным советом и съездом наибов и алимов, которые не всегда беспрекословно и целиком соглашались с указаниями имама. Если можно назвать Имамат монархией, то эта монархия была чрезвычайно своеобразна, где основные политические вопросы решались съездом, а законодательство и управление – Диван-Ханом. Общее развитие правовой системы Имамата усматривается из перечня законопроектов и других вопросов, обсуждавшихся и утвержденных на съезде народных правителей в 1847 году в Андии, где, в частности, отмечено: «... 6. Чтобы нам (Подданным Имамата. – Автор.) не выходить из пути людей добродетельных; 7. Чтобы оставить взаимную зависть, притеснения, и быть рукою (помощью) один другому; 8. Чтобы второй не повторил того, что сделал первый и чтобы приемник был с предшественником в тех же отношениях, в коих был до смены его; 9. Чтобы взвешивать все, дабы еще более не сбиться с прежнего пути как в сей, так и в будущей жизни»[4].

В своих низамах Шамиль старался претворить на практике провозглашенный им лозунг равенства всех членов общества перед Аллахом и законом. Низамы наделили членов общества равными правами и возложили на них одинаковые обязанности.

Важнейшей предпосылкой формирования гражданского общества являются ликвидация сословных привилегий и возрастание значения человеческой личности, человека. Политическим фундаментом гражданского общества служит правовое государство, которое обеспечивает права и свободы личности.

Хотя все три имама (Гази-Магомед, Гамзат-Бек и Шамиль) ориентировались на социальные приоритеты на подвластной им территории, но отклонения определенного порядка появились и в правотворческой деятельности имама. Так, Шамиль при общей прогрессивной политике в отношении женщин, в судопроизводстве показания двух женщин – свидетельниц приравнивалось к одному мужскому. Хотя гражданское общество складывается из множественности межличностных отношений и социальных сил, которые объединяют составляющих данное общество мужчин и женщин без непосредственного вмешательства и помощи государства, род потомков пророка Мухаммеда – корейшитов в Дагестане сохранил все свои привилегии, установленные шариатом в виде доли от военной добычи, хотя род этот в военных действиях участия не принимал. Неравное отношение закона к различным категориям населения продемонстрировал низам Шамиля «О наказанияхъ, коимъ подвераются сотенные начальники, десятские и рядовые», принятый в 1847 году на съезде в Анди. В этом низаме определены различные наказания для набов, низших начальников и рядовых за одни и те же проступки и преступления. Данный низам знает только три вида наказания: понижение в должности, арест до 21 дня и наказание ударами палок до 39 раз.

Перечисленные виды наказания могли применяться как в отдельности, так и вместе в соответствии с указаниями низама при определенных составах преступления. При определении видов наказания за различные преступления законодатель руководствовался принципами гуманизации наказания и эффективности его для перевоспитания преступника. Так, например, низамы не предусматривают наказание членовредительства по шариату за воровство и заменяет его арестом и штрафом в доход казны за каждую ночь ареста. Аресту и штрафу подвергались также за уклонение от воинской повинности и умышленное прикосновение к женщине. При определении наказания низамы предусматривали также характеристику личности преступника. При отрицательной характеристике и при совершении повторного воровства или в рецидиве, преступника казнили, а при положительной – другие виды наказания, а казнили только после совершения третьего воровства. Более того, при квалификации вида преступления учитывались такие признаки преступления, как повторность, соучастие и умысел. При отмене членовредительства и введении штрафа как вида наказания законодатель руководствуется намерениями сократить число калек в государстве и пополнить казну поступлениями от штрафов[5].

Низамы предусматривали при определении наказания и отягчающие обстоятельства. Например, заслушивание и неповиновение старшему по положению в походе назначалась смертная казнь, а в мирных обстоятельствах – тюремное заключение или телесное наказание.

Наказания могли назначать наиб и его командиры сотен, за исключением назначения смертной казни, определение которой законодатель отводит исключительно за имамом, что и служило дополнительной гарантией справедливости наказания. Смертная казнь, кроме как неисправимым преступникам, назначалась еще и за совершение особо тяжких государственных преступлений: измены, шпионажа, прелюбодеяния и других. Смертная казнь в Имамате была предусмотрена двух видов:

1. «почетная» когда виновный становился на колени, молился, потом сам раскрывал рубашку и после молитвы наклонял голову, которую ударом секиры палач отсекал;
2. «постыдная», когда голова снималась на плахе[6].

Относительно смертной казни в Имамате Шамиль отмечал, что «хотя и привыкли горцы к зрелищу смерти, идя навстречу ей в сражениях или встречая ее каждый день неожиданным образом в своих беспрестанных ссорах, где иногда косою взгляд порождает смерть; но собственно казнь производит на них впечатление тяжелое, а вид отрубленной головы знакомого или незнакомого человека, воображение ожидания последней минуты, не оставляющей уже никаких надежд, и мысленное приближение этого состояния лично к себе, все это представляет единственное и самое верное средство для образумления горцев»[7].

Творческий подход Шамиля наблюдается в искоренении обычая кровной мести – настоящего «стихийного» бедствия в общественной жизни горцев, из-за которого веками продолжалась кровная вражда между родами, уносившая много жизней. Для искоренения обычая кровомщения, законодатель определил наказывать за оскорбление арестом и денежным штрафом вместо самосуда и убийства оскорбителя, в связи, с чем и вспыхивала кровная вражда. Законодатель уравнивает шансы всех категорий населения в защиту своей чести и достоинства. С этой целью «...судебные власти предпринимали меры для розыска преступника»[8], совершившего убийство. Хотя адаты и предполагали, что «если до 40-ка дней родственники похищенной убьют похитителя, то убийство не преследуется...»[9], дополнительно к этому, низамы всячески старались регулировать это обстоятельство, хотя практика показывала обратное.

Положения низама о запрете кровомщения тому, кто, защищая свою семью или имущество, а также честь и достоинство, нанес увечье или смерть другому лицу, в качестве альтернативы определяли денежное возмещение родственникам убитого. В случае мести виновный подвергался преследованию государством и наказанию, а потерпевший получал защиту со стороны государства. Низам о запрете кровомщения ставил вне закона практиковавшиеся до этого случаи самосуда среди горцев в конфликтных ситуациях, что становилось причиной возникновения кровной вражды между родами.

За менее опасные преступления и проступки также подвергали наказаниям. Шамиль впоследствии признавался, что за многие преступления он применил бы ссылку, но в условиях Имамата некуда былосылать.

Убийцы, грабители и другие, общественно опасные лица всенародно подвергались смертной казни.

Издав низамы, Шамиль наказал населению неукоснительно следовать им: «Я должен привести этот низамъ въ исполненіе безъ всякаго послабленія и лени, – и нетъ по сему низаму пощады, заступничества и

сострадания для техъ, кои впадутъ въ пучину этихъ наказаній»[10]. «Мы согласны, – ответили наибы, по ССКГ, – во всемъ и все написанное обязываемся приводить въ исполнение... Да поможетъ намъ аллахъ привести въ дѣйствіе шаріатъ и предписанія...»[11].

Многихъ современниковъ событій на Кавказѣ восхищала та ревностная последовательность и решительность, с которой Шамиль боролся за искоренение преступности в горах.

По свидетельству официальныхъ источниковъ, после 1859 г. в каждомъ селении Дагестана были избраны лица, в обязанности которыхъ входилъ «...разборъ делъ по адату, и от шамилевскаго шаріата оставалось только одно воспоминаніе в названіи во времени его власти временемъ шаріата, для отличія отъ прежняго времени, называемаго временемъ адата»[12].

Несмотря на то, что сам Шамиль порой допускалъ некоторые отклоненія отъ шаріата для облегченія народу исполненія его постановленій и стремился къ уничтоженію суда по адатамъ, который жестоко, в основномъ смертію наказывалъ провинившихся, однако конечной цели онъ не достигъ. И все же кратковременное «...господство достаточно было шаріату для того, чтобы существенно повліять на юридическія воззрѣнія дагестанскихъ горцевъ»[13].

Такимъ образомъ, главная цель в формированіи и реализаціи основъ гражданскаго общества в Имаматѣ заключается в удовлетвореніи матеріальныхъ и духовныхъ потребностей горцевъ, в созданіи условий, обеспечивающихъ достойную жизнь и свободное развитіе человека на основѣ шаріата продиктованныхъ условіями войны. Имаматъ в этомъ случаѣ неизбежно приобретаетъ характеръ социальнаго государства, основанный на экономической организаціи гражданскаго общества. Структурный элементъ – это его социальная организація, какъ важное направленіе социальной политики. И, наконецъ, элементъ гражданскаго общества Имамата – его общественно-политическая организація, направленная на удовлетвореніе матеріальныхъ, социальныхъ и духовныхъ потребностей горцевъ.

Примечанія:

1. [1] Движеніе горцевъ Северо-Восточнаго Кавказа в 20-50-х гг. XIX вѣка: Сборникъ документовъ / Сост. В.Г.Гаджиевъ, Х.Х.Рамазановъ. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – С. 403. (Далее. – ДГСВК.); Документальная исторія образованія многонаціональнаго государства Россійскаго: Россія и Северный Кавказъ в XVI-XIX вѣкахъ: В 4 кн. – Кн.1. / Подъ ред. Г.Л.Бондаревскаго, Г.Н.Колбая. – М., 1998. – С. 585-586. (Далее. – Документальная исторія).
2. [2] ВС. – Т. XIV. – С. 331.
3. [3] Шарафутдиновъ Р.Ш. Еще одинъ низамъ Шамиля. Письменные памятники Востока // Ежегодник. – 1975. – С. 170.
4. [4] ССКГ. – Вып. III. – Тифлисъ, 1870. – С. 15.
5. [5] См.: ДГСВК. – С. 404-405; ССКГ. – Т. III.-Тифлисъ. 1870. – С. 12-13; Документальная исторія. – С. 587-588.
6. [6] См.: ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д. 6512. – Л. 3-74; Хашаевъ Х.М. Указ. работа. – С. 52.
7. [7] АКАК. – Т. XII. – С. 1405.
8. [8] См.: Галицынъ Г.С. Адамы Дагестанской области и Закавказскаго округа. Судостроительство и судопроизводство. – Тифлисъ, 1899. – С. 600.
9. [9] Руновскій А. Записки о Шамилѣ. – М., 1989. – С. 16.
10. [10] ССКГ. – Вып. III. – Тифлисъ, 1870. – С. 13.
11. [11] Там же. – С. 14.
12. [12] ССКГ. – Вып. I. – Тифлисъ, 1868. – С. 7.
13. [13] Ковалевскій М.М. Законъ и обычай на Кавказѣ. – Т. I. – М., 1890. – С. 234.

Прокуратура періода Великой Отечественной войны: особенности дѣятельности

М.Б.Магомедов

М.М.Мусаев

Определяя дѣятельность военныхъ прокуроровъ и военныхъ следователей, следуетъ отметить, что правовой режимъ, существовавшій тогда въ странѣ, и требованія, предъявлявшіеся къ нимъ высшими органами государственной власти были продиктованы условіями боевой обстановки и обусловила расширеніе полномочій органовъ прокуратуры, повлекла существенные организаціонные измѣненія в нихъ самихъ, использованием новыхъ формъ и методовъ дѣятельности. Все усилія военныхъ прокуроровъ снизу доверху были нацелены на обеспеченіе законности в войскахъ, оказаніе максимальной помощи командованію в укрѣпленіи воинской дисциплины среди военнослужащихъ, пресѣченіе любыхъ правонарушеній, отъ кого бы они ни исходили.

Нѣсколько иными являются отношенія къ органамъ прокуратуры, поскольку прокуроръ обязанъ слѣдить за установленіемъ дѣйствительно единообразнаго пониманія законности¹.

Организаціонные органы военной прокуратуры возглавляли Главная военная прокуратура, военная прокуратура Красной Арміи и Главная прокуратура Военно-Морскаго Флота, существовавшіе раздельно. Далее в дѣйствующей арміи функционировали военные прокуратуры фронтовъ, флотовъ, армій, флотилій, корпусовъ и дивизій. Кроме того, были созданы военная прокуратура железнодорожныхъ войскъ и военная прокуратура войскъ НКВД, которые были подчинены Главной военной прокуратурѣ и имели свою структуру применительно къ организаціи обслуживаемыхъ ими войскъ. Каждые военные прокуратуры фронтовъ, армій и

¹ Азовкинъ И.А. Местные Советы в системѣ органовъ власти. – М., 1971. – С. 41.

корпусов функционировали на своем уровне, осуществляя контроль и надзор в нижестоящих военных прокураторах, давали задания по различным вопросам прокурорской деятельности, а при необходимости оказывали им методическую помощь. Наиболее действенной формой руководства подчиненными в то время признавалось направление работников вышестоящих органов нижестоящим. В ходе таких выездов устранялись выявленные недостатки, причем инспектирующий, как правило, находился на месте до тех пор, пока не исправлял положение дел. Кроме того, прокуратуры этих звеньев осуществляли надзорные функции в войсках непосредственно фронтового, армейского или корпусного подчинения.

Согласно постановлениям СНК СССР от 24 июня 1941 года «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» и «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» в местностях, находящихся на военном положении, в каждом районе стали срочно формироваться истребительные батальоны численностью 100-200 человек¹.

Это было первое правительственное решение, определившее правовое положение новых чрезвычайных военных формирований, создание которых возлагалось на НКВД. 25 июня 1941 года создан Штаб истребительных батальонов НКВД СССР во главе с генерал-майором Петровым Г.А., а при НКВД союзных и автономных республик, в управлениях НКВД краев и областей, оперативные штабы². Они были организованы для борьбы с вражескими парашютными десантами и диверсантами, охраны важнейших объектов народного хозяйства, для помощи милиции в охране общественного порядка.

6 июля 1941 года Президиум Верховного Совета СССР в целях пресечения провокаторской деятельности фашистских лазутчиков издал Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» лица, виновные в совершении этого преступления, подлежали суду военного трибунала³.

7 июля 1941 года НКВД СССР принял директиву, требующая от личного состава органов милиции в любое время и в любой обстановке быть готовым к самостоятельному, или совместно с подразделениями Красной Армии выполнению боевых задач по ликвидации диверсионных групп, парашютных десантов и регулярных частей противника, особенно в зоне военных действий. Эта директива лишь один из многих документов, конкретизировавших деятельность милиции в военный период, которые издал Наркомат внутренних дел СССР, основываясь на правовые акты, принятые в первые месяцы войны⁴.

Военным трибуналам предоставлялось право рассматривать дела через 24 часа после вручения обвиняемому копии обвинительного заключения, без участия народных заседателей и адвоката⁵. Приговоры приводились в исполнение немедленно, кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора. Однако о каждом приговоре к высшей мере наказания (расстрелу) военный трибунал, вынесший его, был обязан немедленно сообщать по телеграфу председателю Военной коллегии и Главному военному прокурору. В случае отсутствия в течение 72 часов ответа о приостановлении приговора он приводился в исполнение⁶.

В июле-сентябре 1941 года Президиум Верховного Совета СССР упростил эту процедуру и предоставил право командирам и комиссарам корпусов и дивизий в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий утверждать приговоры военных трибуналов «к высшей мере наказания, с немедленным приведением приговоров в исполнение». Согласно Указу «О военном положении», военные власти могли издавать обязательные для всего населения постановления, устанавливая за их неисполнение наказания в административном порядке – в виде лишения свободы сроком до 6 месяцев или штрафа до 3 тысяч рублей. Они были в праве отдавать распоряжения местным органам власти, государственным и общественным учреждениям, организациям, а также требовать от них безусловного и немедленного их исполнения.

В ноябре 1941 года совместным приказом НКЮ СССР и Прокурора СССР было установлено, что во всех случаях, когда постановлениями Правительства СССР предусмотрена ответственность, зато или иное преступление «по законам военного времени», необходимо передавать дела об указанных преступлениях на рассмотрение военных трибуналов с применением порядка рассмотрения дел, установленного «Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий».

Президиум Верховного Совета СССР 26 декабря 1941 года отнес к подсудности военных трибуналов дела о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий военной промышленности. В связи с введением военного положения на транспорте дела обо всех преступлениях, совершенных на транспорте, стали также рассматриваться специальными военными трибуналами.

Деятельность органов милиции в местностях, объявленных на военном положении, находилась под руководством военных властей, а где военное положение не было введено, находилось под руководством местных Советов и вышестоящих органов милиции.

Если же складывалась максимально сложная обстановка, которая могла привести к тяжким последствиям, в целях обеспечения чрезвычайно строго порядка, предельной дисциплины и

¹ См.: СССР в Великой Отечественной войне. 1941-45 гг.: Хроника. – М., 1970. – С.17; Великая Отечественная война, 1941-1945: Словарь-справочник / Под ред. М.М.Кирияна. – М., 1985. – С. 195.

² См.: «Этот день мы приближали как могли...» // Милиция. – 1994. – № 5. – С. 7.

³ См.: Известия. – 1941. – 8 июля.

⁴ См.: История советской милиции. – Т. 2. – С. 56-57; Советская милиция: история и современность. – 1917-1987. – С. 160.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

организованности на территориях, которым непосредственно угрожало вторжение гитлеровских захватчиков, вводилось осадное положение»¹. Как и для всего советского народа, для сотрудников милиции началась «четырёхлетняя страда Великой Отечественной войны»². В военное время число задач решаемых органами милиции, сильно возросло.

В ее функциональные обязанности стали входить: очистка режимных городов и оборонительно-хозяйственных объектов от преступных элементов; борьба с дезертизмом и с лицами, уклоняющимися от призыва и военной службы; с мародерством, паникерами, распространителями различных провокационных слухов; оказания помощи транспортным органам НКВД в выявлении среди пассажиров на транспорте вражеских агентов, провокаторов и других враждебных элементов; борьба на железнодорожном и водном транспорте с хищениями эвакуируемых и военных грузов; разгрузка железнодорожного и водного транспорта от тех пассажиров, передвижение которых не вызывалось необходимостью; обеспечение организованной эвакуации населения, промышленных предприятий, различных хозяйственных грузов; оказание помощи гражданам СССР в установлении связи с их родными; выявление безнадзорных детей, оставшихся без родителей в связи с войной, размещение их в детских приемниках; розыск лиц, дезертирующих с предприятий военной промышленности; наблюдение за выполнением обязательных постановлений и распоряжений военных властей в местностях, объявленных на военном положении; охрана безопасности и общественного порядка в условиях воздушной и химической тревоги³.

В первые дни войны около одной трети территории СССР, где проживало 70 миллионов человек, было оккупировано⁴. Естественно, что такое положение вызвало миграцию населения. Еще в последние предвоенные годы правительство готовило резервную промышленную базу на Востоке страны. Именно на Урал и в Сибирь в первые дни войны из центральных районов были эвакуированы сотни промышленных предприятий вместе с обслуживающим персоналом, специалистами. Но не только технические специалисты и рабочие прибыли на Средний Урал. Сюда же потянулись и беженцы из разных регионов страны, занятых врагом, которые в силу разных причин не были призваны в действующую армию. Среди них были люди разных профессий: ученые, артисты, музыканты. Немало среди них было и юристов, в том числе и адвокатов. Значительная часть из них была людьми преклонного возраста, или не отвечающими медицинским критериям годности для службы в армии.

В годы войны в юридических консультациях в основном работали женщины, инвалиды. Многие из них, как подтверждает статистика тех лет, не имели юридического образования. Вопрос о подготовке кадров был одним из острых. С этой целью открывались различные краткосрочные курсы⁵. Существовала и еще одна форма повышения квалификации – прикрепление к более опытным.

Помимо непосредственной адвокатской деятельности эти люди в годы войны выполняли общественную работу вместе со всем партийным активом, являлись бойцами истребительных батальонов, рыли окопы, боролись со снежными заносами на транспорте, помотали в госпиталях.

Вместе с тем надо отметить, что чрезвычайная обстановка войны еще более укоренила мнение, что адвокатура – это организация государственная, и ею надо управлять, используя рычаги партийного и государственного руководства.

Великая Отечественная война изменила и лицо среднеуральской адвокатуры – Свердловской областной коллегии адвокатов. В 1941 году в Свердловской области действовали 82 юридические консультации⁶, в которых работал 151 адвокат⁷. Сам город Свердловск имел 16 консультаций⁸. 36 человек из 151 адвоката⁹ имели высшее юридическое образование. Здесь работали достаточно высокопрофессиональные адвокаты, такие, как Белковский, Браславский, Гликман, Осипов, Пуртов и другие¹⁰.

В годы войны 105 адвокатов Свердловской области¹¹ ушли на фронт. Семьям призванных в армию адвокатов была оказана материальная помощь, списаны взятые ранее ссуды. Кто же заменил ушедших на фронт адвокатов? Как уже отмечалось выше, эвакуированные на Урал, среди которых были и адвокаты. Естественно, большинство вновь принятых адвокатов президиум коллегии направил в районы Свердловской области, где в юристах всегда существовала острая нужда¹².

Среди адвокатов-беженцев имелись кандидаты, и даже доктора юридических наук. Привыкание к новым условиям происходило трудно. Особенно сложно было наладить работу адвокату там, где раньше никогда не оказывались адвокатские услуги населению. Клиентуры было недостаточно для обеспечения

¹ См.: Артаманов Д.Н. Институт военного положения по советскому праву. – М., 1953. – С. 55, 63.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1969. – С. 222.

³ См.: Там же. – С. 223; Малик А.И. Из истории Советской милиции: Рукопись. – С. 81-82; Биленко С.В. Из истории советской милиции в годы Великой Отечественной войны. – С. 9-10; Советская милиция: история и современность. 1917-1987. – С. 160; Щелоков Н.А. Советская милиция. – М., 1971. – С. 16.

⁴ Соколов Б.В. Оккупация. – М., 2002. – С. 1.

⁵ Адвокатская практика // Страницы истории. – 2003. – № 3. – С. 47.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 45.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Смирнов В.Н., Усманов Р.Р. История адвокатуры Среднего Урала. – Екатеринбург, 1999. – С. 173.

¹² Там же.

заработка, и президиум коллегии решил давать дотации адвокатам некоторых районов, подняв им заработок до стопки народного судьи¹.

Как и все эвакуированные в восточные районы страны, адвокаты испытывали трудности с жильем, одеждой для себя и семьи, с продовольствием. Некоторые из них, пытаясь выжить в столь экстраординарных условиях, переходили на работу в качестве юрисконсультов на заводы и фабрики.

Низовым и основным звеном органов военной прокуратуры в действующей армии были военные прокуратуры дивизий, отдельных бригад и гарнизонов тыловых частей прифронтовой полосы. На них легла основная тяжесть работы по обеспечению законности в войсках. На начало войны штат этих военных прокуратур составляли четыре офицера. В 1942 году ввиду недостатка кадров ее штат был сокращен до двух человек. Технических работников и транспорта не было. В ходе боевых операций военный прокурор, как правило, находился в управлении дивизии, а следователь – в полку, который решал наиболее ответственную задачу. Они в период боя посещали медицинские учреждения, находящиеся в расположении дивизии.

Ведение боевых действий наложило отпечаток на те основные направления прокурорского надзора, который характеризовался многосторонностью, динамичностью и осуществлялся в тесном взаимодействии с военным командованием и политорганами с учетом обстановки на фронте. В основах организации деятельности военных прокуроров и следователей было положено Временное наставление по работе военных прокуроров.

Деятельность органов прокуратуры осуществлялась при значительном расширении полномочий командования, включая внесудебное направление военнослужащих за совершение преступлений в штрафные роты вместо отбывания уголовного наказания, право утверждения приговоров военных трибуналов соответствующим командованием, производство органами дознания предварительного расследования по ряду преступлений в полном объеме. Главное внимание военные прокуроры и следователи уделяли борьбе с агентурой противника, с правонарушениями, посягающими на боевую мощь Вооруженных Сил СССР, пресечению трусости и паникерства, дезертирства, членовредительства, получившими распространение в армии и на флоте.

Одновременно были значительно расширены пределы прокурорского надзора за исполнением законов, в связи с чем на военные прокуратуры были возложены многие несвойственные им функции. Они стали осуществлять надзор не только за исполнением законов, но фактически контролировали выполнение всеми должностными лицами и красноармейцами постановлений Государственного Комитета Обороны, приказов Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР и народного комиссара обороны, а также военного командования на местах, включая решения военных советов фронтов.

В поле зрения военных прокуроров находились такие вопросы, как: исполнение боевых приказов, осуществление боевых операций, своевременное снабжение войск вооружением, боеприпасами, продовольствием и обмундированием, сбережение военной техники и другого военного имущества, строительство оборонительных рубежей, материально-бытовое обеспечение войск, эвакуация мирного населения из прифронтовой зоны, учет безвозвратных потерь, правильное расходование продовольственных лимитов, состояние подъездных дорог в полосе действий обслуживаемых войск и многое другое.

Например, когда в стране образовалась острая нехватка ящиков для снарядов, так называемой укупорки, вследствие того, что в войсках они после стрельбы не возвращались на заводы, на военных прокуроров была возложена задача осуществлять контроль их сбором на боевых позициях.

Характерный пример деятельности военного прокурора – работа по обеспечению боеприпасами войск Сталинградского фронта. В период оборонительных боев в Сталинграде военной прокуратурой фронта были выявлены факты несвоевременной доставки боеприпасов. В ходе проверки установили, что это обусловлено, наряду с объективными причинами, ненадлежащей работой железнодорожного транспорта, в результате чего грузы скапливались на станциях и уничтожались авиацией противника. Военный прокурор фронта внес в адрес военного совета представление с анализом выявленных недостатков и их причин, предложил меры по их устранению. Конкретные виновники были привлечены к уголовной ответственности. В результате состояние дел с доставкой боеприпасов в Сталинград значительно улучшилось. Подобным образом решались и многие другие вопросы².

С началом войны Главная военная прокуратура выступила с предложением об освобождении от отбывания наказания военнослужащих в дисциплинарных батальонах, осужденных за различные преступления, и по решению Совета Министров свыше 13 тысяч советских граждан стали полноправными защитниками страны³.

Наряду с уголовным преследованием лиц, совершивших преступления, военные прокуроры не оставляли без внимания и другие отрасли прокурорского надзора – общий надзор, надзор за исполнением законов в военных трибуналах. Органы военной прокуратуры занимались и разъяснением законодательства. При этом примечательно, что вся повседневная работа осуществлялась на основании планов с учетом характера боевых действий – обороны, наступления, на территории СССР, за границей и т.д.

Вся деятельность военных прокуроров и следователей в центре и на местах осуществлялась с учетом состояния преступности среди военнослужащих, на структуру и динамику которой определяющее влияние оказывали результаты боевых действий. На первоначальном этапе войны наиболее часто встречались

¹ Там же. – С. 174.

² Голяков И.Т. Советское право в период ВОВ. – Выпуск 1-2. – М., 1948. – С. 30.

³ Голяков И.Т. Указ. работа. – С. 34.

дезертирство, членовредительство, случаи трусости и паникерства, а также распространения пораженческих взглядов, рассматриваемых, в то время как преступления и отнесенных к так называемым контрреволюционным преступлениям. С наступлением перелома в войне структура и динамика преступности изменилась: меньше стало фактов трусости, паникерства, дезертирства, оставления боевых позиций без приказа. В то же время был отмечен рост мародерства и преступлений, совершенных в отношении местного населения. Именно по инициативе военных прокуроров были введены красноармейские книжки, что в значительной степени предупреждало дезертирство и сократило случаи незаконного привлечения военнослужащих к уголовной ответственности за уклонения от военной службы, а также позволило улучшить учет личного состава в частях.

В годы войны боевая обстановка требовала быстрого реагирования на любой факт правонарушения среди военнослужащих. В этих условиях были резко сокращены сроки производства по уголовным делам, которые составляли от одного до трех дней, включая и их судебное рассмотрение, а подчас и приведение приговора в исполнение. При этом в ходе расследования не снижались требования по соблюдению норм уголовно-процессуального законодательства. Военные следователи при производстве следствия помимо допросов и истребования документов назначали экспертизы, проводили эксперименты, осматривали место происшествия с участием понятых, принимали меры к возмещению причиненного государству материального ущерба и выполняли другие процессуальные действия.

В связи с введением военного положения на транспорте вся транспортная юстиция СССР была преобразована в военную, а в составе Верховного суда СССР дополнительно сформированы Военно-железнодорожная и Военно-транспортная коллегии, на которые стали замыкаться военные трибуналы железнодорожного, морского и речного транспорта.

Систему военных трибуналов, осуществлявших правосудие в период Великой Отечественной войны, составляли: 1) военные трибуналы Красной армии и Военно-морского флота; 2) военные трибуналы НКВД; 3) военные трибуналы железнодорожного и водного транспорта; 4) военные трибуналы, созданные на базе местных народных судов в силу чрезвычайной обстановки военного времени; 5) военно-полевые суды, образованные при дивизиях действующей армии по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» от 19 апреля 1943 года. Были созданы военно-полевые суды, которые действовали в составе председателя военного трибунала дивизии, начальника дивизионного отдела контрразведки «СМЕРШ», заместителя командира дивизии по политчасти и прокурора дивизии. Все приговоры военно-полевых судов утверждались командиром дивизии и немедленно приводились в исполнение.

В силу требования приказа Наркома обороны СССР № 357 были значительно расширены полномочия органов дознания, в посредственность которых были переданы такие преступления, как побег с поля боя, дезертирство, промотание военного имущества, преступные нарушения уставных правил караульной службы. Нередко они расследовали в полном объеме должностные и хозяйственные преступления. Военные прокуроры в целях обеспечения действенного надзора за расследованием дел этими органами непосредственно участвовали в допросах, решали вопросы о даче санкции на арест обвиняемых, выполняли другие процессуальные действия, что было дополнительной гарантией обеспечения законности в ходе следствия.

Судебное рассмотрение уголовных дел также не оставалось без внимания военных прокуроров. От них в то время требовалось осуществлять постоянный надзор за рассмотрением дел в трибуналах. С этой целью военные прокуроры принимали участие в подготовительных и судебных заседаниях по всем делам. Участие прокурора в подготовительном заседании по делу давало ему возможность проверить следственное производство с точки зрения полноты доказательств и качества следствия.

Военные прокуроры осуществляли надзор и за законностью при исполнении приговоров и других судебных решений, чтобы своевременно исполнялись приговоры в части применения лишения свободы либо направления осужденного, взамен этого наказания, в штрафную роту, в части расстрела и принятия мер по возмещению государству причиненного преступлением ущерба, лишения льгот членов семьи осужденных.

Подвиги работников военных прокуроров были по достоинству отмечены наградами. Орденами и медалями награждено: 1807 военных прокуроров и следователей (Орденами Ленина – 47, Красного знамени – 198, Отечественной войны первой степени – 252)¹.

Сейчас обращаясь к героическому прошлому, можно с полной уверенностью утверждать, что органы военной прокуратуры в те годы полностью подтвердили свое предназначение как органа обеспечения правопорядка среди военнослужащих. Оправдали себя структура, используемые формы и методы деятельности. Владение прокурорами и следователями основ ведения боевых действий, знание и понимание боевой обстановки и нахождение непосредственно в боевых порядках части и соединений стало определяющим в повышении действенности прокурорского надзора, залогом успешного решения задач по пресечению правонарушений. Являясь военнослужащими, они были вместе с войсками на поле боя, знали изнутри жизнь и быт бойцов и командиров, специфику воинской службы, что способствовало укреплению воинской дисциплины среди военнослужащих.

¹ См.: Вестник Московского Университета // Научный журнал. – 1998. – № 1.

В послевоенное время усилия органов прокуратуры понадобилось направить на укрепление законности в сфере экономики. Потребовалось перестроить рассчитанную на военное время деятельность органов прокуратуры так, чтобы обеспечить соблюдение законности в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте. На первый план выдвигались задачи сохранить социалистическую собственность, обеспечить режим экономии народных ресурсов.

Таким образом, учитывая важное государственное и политическое значение деятельности органов прокуратуры и в целях повышения престижа, авторитета и влияния органов прокуратуры на обеспечение законности в государстве, Верховный Совет СССР 19 марта 1946 г. принимает Закон СССР «О присвоении Прокурору СССР наименования Генерального прокурора СССР»¹.

По окончании войны работниками Прокуратуры Союза ССР, прокуратур РСФСР, УССР и БССР была проведена огромная по своим масштабам работа по разоблачению немецко-фашистских захватчиков и их пособников, установлению совершенных ими злодеяний на оккупированных территориях Союза ССР. Высококвалифицированные прокуроры и следователи принимали активное участие в судебном процессе над главными военными преступниками, проходившем в Нюрнберге в период с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Главным обвинителем от СССР выступал Р.А.Руденко, занимавший в то время пост Прокурора Украины (с 1953 – Генеральный прокурор СССР).

На Нюрнбергском процессе была выявлена и продемонстрирована звериная сущность фашизма. Главные военные преступники понесли заслуженное наказание. Законный, обоснованный и справедливый приговор в Нюрнберге и поныне служит грозным предостережением для любых агрессоров.

Война явилась серьезным испытанием для всей советской страны, в том числе и для адвокатуры. Так же как и другие тыловые организации, адвокаты вносили посильную материальную помощь в борьбе с врагом. Выделяли деньги в помощь детям фронтовиков, подписывались на военный заем и, вещевую лотерею. На средства адвокатов страны была построена танковая колонна «Советский адвокат», которая громила врага на западе, а затем в августе 1945 года – на востоке страны. Дважды Герой Советского Союза гвардии генерал-полковник Кравченко, в чьем подчинении была танковая колонна, благодарил адвокатов за материальную помощь в постройке танков, которые участвовали в разгроме японских войск в Манчжурии².

Далеко не все адвокаты вернулись с кровопролитной войны, многие из них награждены посмертно. Все меньше остается адвокатов – участников Великой Отечественной войны. Подавляющее большинство из них уже давно на заслуженном отдыхе, а некоторых нет в живых.

Поэтому обращение к малоизученным страницам истории советской адвокатуры периода Великой Отечественной войны – это не только дань уважения, но и память о тех, кто ковал Победу в 1941-1945 гг.

Великая Отечественная война диктовала необходимость перестройки органов следствия, прокуратуры и суда с тем, чтобы обеспечить максимальную оперативность в борьбе с преступностью, установление твердой дисциплины и правопорядка, как в тылу, так и на фронте при соблюдении принципа социалистической законности.

Все больше времени отделяет нас от того победного дня, который завершил самую тяжелую и кровопролитную в истории человечества войну, принесшую невиданные испытания нашему народу. Все меньше остается в живых тех, кто защищал тогда Отечество, чьи успехи в боевых действиях определили победу над фашистской Германией. Сегодня, отдавая дань памяти всем, кому обязаны своей жизнью и свободой, мы должны вспомнить и тех, кто обеспечивал правопорядок на фронтах, на флотах и в тылу.

Некоторые вопросы преподавания «История государства и права России» в высшей школе

М.Б.Магомедов

М.М.Мусаев

История отечественного государства и права есть закономерная смена типов и форм государства, правовых систем на территории нашей великой Родины.

Как историко-правовая дисциплина, история государства и права есть часть истории человечества, которая тесно связана с историей народного хозяйства, культуры и других отраслей человеческой деятельности, но в то же время сохраняющая относительную самостоятельность и обладающая объектом исследования. История отечественного государства и права вместе с тем наука юридическая, одна из фундаментальных правовых дисциплин. В таком качестве она охватывает развитие всех аспектов эволюции государства: его государственный механизм, форму государственного единства и пр.

Историко-правовая наука абстрагируется от догосударственной эпохи развития человечества, ее интересует лишь тот момент, когда начинается формирование государственности у народов нашей страны.

История отечественного государства и права изучает политические и правовые институты вплоть до сегодняшнего дня и здесь органически стыкуется с действующим правом и имеет непосредственную междисциплинарную связь историей государства и права зарубежных стран, историей политических и правовых учений и с др. Она, следовательно, занимается не только правом ушедшим, но и живущим, растущими его отраслями и институтами. Историю государства и права интересуют конкретные политические и правовые явления, но, прежде всего она исследует фактический материал для установления межотраслевых закономерностей, для показа общих поступательных, прогрессивных тенденций развития государства и права.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1943. – № 3.

² Адвокатская практика // Страницы истории. – 2003. – № 3. – С. 48.

В этом большое сходство истории отечественного государства и права с теорией государства и права. Разница же состоит в том, что если теория государства и права изучает преимущественно общие закономерности развития государства и права различных народов и общественно-экономических формаций, то история отечественного государства и права занимается конкретными государствами и правовыми системами, существовавшими и существующими на территории нашей страны, их особенностями и характерными чертами.

Возникновению тех или иных политических или правовых учреждений обычно предшествуют соответствующие идеи. Однако наука истории государства и права не занимается изучением таких идей, имея в виду, что их развитие является предметом самостоятельной науки – истории политических и правовых учений.

Изучение прошлого страны имеет большое политическое значение. Историческая и историко-правовая дисциплины, изучая и обобщая опыт прошлого, помогает познать и использовать закономерности общественного развития, избежать повторения ошибок и опирается на общие объективные законы развития природы и общества. В последнее время в науке возникло мнение, восходящее к некоторым западным воззрениям, о том, что история вообще и история отечественного государства и права в частности не подчиняется объективным законам. Вместе с тем высказывается мысль и об отсутствии единой прогрессивной линии в развитии общества, государства и права. Якобы прогресс свойствен только развитию материальной культуры, техники и т.п. Думается, что с этим вряд ли можно согласиться. Очевидные факты показывают, что государства и правовые системы возникают и умирают отнюдь не случайно, а подчиняются определенным объективным факторам. Отсюда всегда можно проследить соответствующие тенденции, определенную линию развития.

Вряд ли можно сомневаться и в наличии общего прогресса в развитии государства и права. От деспотических форм государства, от примитивных форм демократии человечество приходит к более совершенным, развитым и гуманным институтам. Отрицание закономерности развития общества, государства и права приводит к отрицанию истории как науки.

Если мы говорим о закономерностях развития государства и права, то неизбежно сталкиваемся с проблемой движущих сил этого процесса. Долгое время в нашей исторической науке чрезмерное внимание уделялось такому фактору, как классовая борьба. Теперь появилась другая крайность: некоторые авторы считают, что этот фактор следует исключить из числа тех, которые воздействуют на исторический процесс. Думается, что и здесь истина лежит посередине. Вряд ли можно отрицать значение для истории государства и права таких острых форм классовой борьбы, как крестьянские войны, революции. Да и другие формы порой давали заметный исторический эффект.

Историко-правовая наука использует различные методы – как общеполитические, так и свои специфические. К первым относится диалектический метод, метод материалистической диалектики. Что же касается вторых, то, прежде всего, следует отметить хронологический метод. История есть движение явлений во времени, поэтому историческая наука немыслима без хронологии, познать ее закономерности невозможно без сравнения, сопоставления фактов и явлений. Такое сравнение следует проводить не только во времени: от периода к периоду, но и в пространстве, сопоставляя развитие государства и права одного народа с развитием политико-правовых систем других народов. Следовательно, историко-правовой науке свойствен и сравнительный метод исследования. Наконец, историко-правовые явления следует рассматривать не изолированно, а в системе. Значит, необходимо применение системного метода анализа.

Хотя история есть непрерывное движение, изучать ее сплошным нераздельным потоком невозможно. Научный анализ и обобщение требуют членения исторического материала на хронологические отрезки, периоды. Поскольку развитие государства и права зависит, прежде всего, от экономического базиса, то и периодизация истории государства и права соответствует периодам развития производственных отношений. Основным общественно-экономическим формациям (кроме первобытнообщинного строя) соответствуют определенные типы государства и права.

В современной науке высказывается критическое мнение о формационном делении истории человечества, а следовательно, и о типологии государств. Эта точка зрения заслуживает внимания, однако безоговорочно с ней согласиться тоже трудно. Государство и право часто совмещают в себе черты разных типов, но преобладают обычно черты какого-то одного, исключая, конечно, переходные эпохи. Крупное, формационное деление исторического процесса предполагает более дробную периодизацию. Историко-правовая наука должна давать читателю правдивые сведения. Правдивость историко-правового материала совершенно необходима для его практического использования, а если мы будем пользоваться недостоверными сведениями о прошлом, то сделаем недостоверный прогноз и на будущее.

Наряду с тенденцией к восстановлению историко-правовой справедливости наблюдается и прямо противоположная ей. Под видом восстановления истины допускается новая фальсификация истории. Это особенно касается истории национальной государственности, национальных отношений в нашей стране.

Следует отметить одну характерную особенность историко-правовых наук, как и всех общественных наук. В отличие от наук естественных и технических в обществоведении не все проблемы решаются однозначно. Многое здесь зависит от социальной принадлежности, социальной ориентации исследователя. Порой одни и те же факты разными авторами трактуются по-разному. Крупнейший дворянский историк Н.М.Карамзин, научная добросовестность которого не вызывает сомнений, был убежденным сторонником самодержавия и крепостничества, в силу чего строил свои выводы, исходя из этих основополагающих

посылок. Славянофилы XIX в. идеализировали допетровскую Русь и своеобразие развития России. Наоборот, западники подчеркивали отсталость России, необходимость развития ее в духе европейских цивилизаций. Все они были убеждены в своей правоте, в правомерности делаемых ими выводов.

Историко-правовые науки изучаются на первом курсе юридических вузов параллельно с другими историческими и юридическими науками. Это требует изложения материала с учетом преподаваемого по другим дисциплинам, при этом необходимо учесть и междисциплинарную связь. История отечественного государства и права стыкуется с историей государства и права зарубежных стран. Некоторые институты, родившиеся за пределами нашей страны и перенесенные затем в правовые системы наших народов, специально изучаются в курсе зарубежной истории и поэтому не дублируются в курсе отечественной истории. Как учебная дисциплина, история отечественного государства и права распадается на две части. Первая из них посвящена дооктябрьскому периоду, вторая – послеоктябрьскому.

Некоторые вопросы освещения проблемы борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века в досоветской и советской историографии

М.Б.Магомедов

П.М.Лахитова

Б.М.Магомедов

Из всех веков мировой истории, предшествовавших XXI веку, XIX век по своему значению занимает исключительное место. XIX век, – отмечают Лависа Э., Рамбо А., – век формирования... величайшей прогрессивной исторической силы... призванный создать новый общественный строй, ...за идеалы которого боролись и отдавали свою жизнь передовые люди XIX века».¹

В жизни России середина XIX в. события на Кавказе – значительное явление, поскольку «Кавказская война покрыла неуязвимой славой обе воюющие стороны».² И соответственно «история Южной России и Кавказа была объектом тогдашних международных отношений, но сам, испытав на себе разнообразные чуждые влияния находила свою печать на ход событий»³ и посему «история Кавказа – это история многочисленных и кровопролитных войн».⁴ А Дагестан вписался в XIX век своей ожесточенной борьбой против колонизаторов официальных властей и местных эксплуататоров и значительными социально-политическими и культурными преобразованиями.

В прошлом столетии Северный Кавказ полыхал войною «...более пятидесяти лет... относительная тишина древняя земля не знала еще минимум лет пять»⁵ и «...здесь (В Дагестане. – Авторы.) всякий переход из аула в аул, отъ общества въ общество – своего рода подвигъ, рискъ и во всяком случае большой трудъ».⁶

Рассматривая основные военные сражения в Дагестане в период Кавказской войны 20-50 годы XIX века «имя Шамиля – вождя национально-освободительного движения горцев Кавказа в сороковых годах... (XIX века. – Авторы.), как громкое эхо, разнеслось по Востоку и Европе и создало почву для возникновения множества толков и легенд»⁷ и облик которого только сейчас «...предстает перед нами во весь рост, очищенный от всех искажающих наслоений и такой, каким знал его народ»,⁸ – отмечает «Историк века – Расул Магомедов»,⁹ а «история – это зеркало в котором отражается не только прошлое, но и настоящее».¹⁰

Эта тема интересна тем, что борьба горцев охватывает значительный период времени, а также носила многонациональный характер, имела широкую социальную базу, обширную географию. Возникнув как антифеодальное движение, оно переросло в национально-освободительную борьбу горцев.

В дореволюционной исторической и художественной литературе, которая стала появляться еще в ходе военных действий на Кавказе, отрицался его народный освободительный характер. Этой точки зрения, в силу своей определенности, придерживались и непосредственные участники событий первой половины XIX века. Однако из некоторых дореволюционных авторов можно встретить и высказывания о том, что борьба горцев имела большое значение и находила поддержку тех кавказских народов, которые находились в сфере управления официальных властей.

В силу своей специфики исследуемой темы, нами использованы материалы, которые в той или иной степени связаны с военными действиями на Кавказе 20-50-х годов XIX века. Богатый фактический материал содержится в Кавказских сборниках,¹¹ где помещены работы непосредственных участников и очевидцев военных событий. Здесь следует особо выделить сборник статей «Война на восточном Кавказе с 1824 по

¹ Лависса Э., Рамбо. А. История XIX века. – Т. I. – М., 1938. – С. 4.

² Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие // В кн.: «Сабля рая» (Горское оружие в Кавказской войне). – Грозный, 1992. – С. 3.

³ Успенский Ф.И. Византийский современник. – Т. XXIV. – М., 1926. – С. 62.

⁴ Трунов Д.И. Свет из России. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. – С. 62.

⁵ Зуйкина Е. «В наших специфических условиях» // Родина. – 1994. – № 4. – С. 136.

⁶ Воронцов Н. Изъ путешествія по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып.3. – Тифлисъ, 1870. – С. 18. (Далее. – ССКГ.).

⁷ Магомедов Р.М. Шамиль в Отечественной истории. – Махачкала, 1990. – С. 3.

⁸ Магомедов Р.М. Имам Шамиль. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1941. – С. 4.

⁹ Магомедов А.А. Дагестан на пороге XXI века: Волны времени и контуры грядущего. (Теоретические аспекты и практические). – Махачкала: Изд. «Юпитер», 1996. – С. 3.

¹⁰ Комаров В.М. Непримируемое противостояние. – М.: «Педагогика», 1988. – С. 151.

¹¹ Кавказский сборник. – Т. 1-21. – Тифлисъ, 1879-1900. (Далее. – КС.).

1834 годы в связи с мюридизмом»¹, где дан обширный фактический материал о возникновении мюридизма в Дагестане. Помимо этого в КС собран большой материал, касающийся начального этапа борьбы горцев, в особенности даются сведения характеризующие деятельность Имама Гази-Магомеда.

А.Юров² оставил после себя немало письменных сведений по Кавказской войне, ограниченные периодом со второй половины 30-х до середины 40-х годов XIX века. Сведения о деятельности посланников Шамиля среди горцев Западного Кавказа отражены в работах Ржевуского А.³ и Жербиной Ф.А.,⁴ где авторы дают характеристику деятельности наивов Шамиля. Определенные сведения по данной проблеме содержатся в работах Фадеева Р.А.⁵ и Эсардзе С.⁶ Исторические данные по данной проблеме даются в работах Служивого (Дубенский Д.Н.)⁷ (Дубенский Д.Н.: Инициалы Служивого – Дубенский Д.Н. восстановлен в процессе исследования Магомедовым М.Б.⁸), Неверовского О.П.,⁹ Руновского А.,¹⁰ С.Н.,¹¹ Рамановского Д.И.,¹² Дубровина Н.,¹³ Зиссермана А.П.,¹⁴ Гринегорского И.,¹⁵ Потто В.А.,¹⁶ где можно найти немало интересного материала, которые показывают различные формы поддержки борьбы горцев со стороны народов Кавказа, находившихся в сфере влияния горской администрации. Несомненно, большую помощь в раскрытии и для разработки темы представляют труды известных русских писателей, поэтов, прогрессивных деятелей и революционеров-демократов, написанные ими на основе фактического материала. Сосланные представители русской интеллигенции на Кавказ в своих работах отразили ту действительность, которая имела место на самом деле, поскольку декабристы были посылаемы по Паскевичу туда, «...где предвиделось наиболее опасности...»¹⁷ в результате чего многие декабристы были убиты. Граф Чернышев предписывал относительно декабристов: «...не употреблять ни в полках, ни в линейных батальонах к должностям: адъютантским, казначейским, квартирмейстерским и вообще не фронтовым»¹⁸, или, говоря другими словами их, посылали под пули горцев. Руководствуясь вышеизложенным видом, что у них была реальная возможность воочию столкнуться с действительностью.

В частности Герцен А.И.¹⁹ отмечал в своем обращении к угнетенным народам: «По счастью Зимний дворец, не вся Россия, и дальше не весь Петербург... Другая Россия вне дворца, вне табели о рамках. Другая Пассия приветствует вас, свих братьев, протягивает вам руку; не смешивайте же ее с руками всех этих квартальных пропагандистов, агитаторов с «Анной на шее»²⁰. Пример Кавказа убедительно свидетельствует о том, что «... история многолетних взаимоотношений России с нерусскими народами важна и для познания происходящих и ныне событий и прогнозирования их будущей направленности».²¹ Долгим и «...не простым

¹ Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. – Т. 10. – Тифлис, 1887. – С. 1-122; Т. 11. – Тифлис, 1877. – С. 1-185; Т. 12. – Тифлис, 1888. – С. 1-126; Т. 13. – Тифлис, 1889. – С. 159-334; Т. 14. – Тифлис, 1890. – С. 81-211; Т. 15. – Тифлис, 1891. – С. 506-507; Т. 16. – Тифлис, 1895. – С. 405-480; Т. 17. – Тифлис, 1896. – С. 97-141; Т. 18. – Тифлис, 1897. – С. 288-351; Т. 20. – Тифлис, 1899. – С. 97-141 (В т. 10-14 автор Волконский Н.А.; в Т. 15-17 автор Фон Климан Ф.; в Т. 18, 20 автор Кублицкий П.).

² Юров А.Н. 1843 год на Кавказе // КС. – Т. 6. – Тифлис, 1882. – С. 1-220; Его же. 1844 год на Кавказе. – Т. 7. – Тифлис, 1883. – С. 157-318; Его же. Три года на Кавказе 1837-1839. – Т. 8. – Тифлис, 1884. – С. 1-240; Т.9. – Тифлис, 1885. – С. 1-156; Его же 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. – Т. 10.-Тифлис, 1886. – С.225-404; Т. 11. – Тифлис, 1887. – С.187-302; Т. 12. – Тифлис, 1888. – С. 217-344; Т.13. – Тифлис, 1889. – С. 335-425; Т. 14. – Тифлис, 1890. – С. 303-444.

³ Ржевуский А. 1845 год на Кавказе // КС. – Т. 6. – Тифлис, 1882. – С. 221-292.

⁴ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. – Екатеринодар, 1913.

⁵ Фадеев Р.А. Шестидесять лет Кавказской войны // Собр. соч. – Т. 1. – Ч. 1. – СПб., 1889. – С. 110-131.

⁶ Эсардзе С. Историческая записка управления Кавказом. – Т. 1-2. – Тифлис, 1907; Его же Штурм Гуниба и пленение Шамиля. – Тифлис, 1909.

⁷ Служивый (Дубенский Д.Н.). Очерки покорения Кавказа. – СПб., 1904.

⁸ См.: Магомедов М.Б. Кавказская война 20-50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты: Дисс. ... докт. ист. наук. – Махачкала, 2004. – 398 с.

⁹ Неверовский О.П. О начале беспокорств в северном и среднем Дагестане. – СПб., 1847; Его же. Об истреблении Аварских ханов 1834 г. – СПб., 1848.

¹⁰ Руновский А. Записки о Шамиле. – СПб., 1860. (Репринтное воспроизведение издания. – Л., 1989.); Руновский А. Записки о Шамиле. – М., 1989; Его же. Шамиль. Биографический очерк // Кавказский календарь на 1861 г. – Тифлис, 1860. – С. 1-75 и др. (Далее. – КК.).

¹¹ Шульгин С.И. Рассказы очевидца о Шамиле и его современниках // Сборник материалов для описания местностей и племен на Кавказе. – Вып. 2. – Тифлись, 1903. – С. 10-24. (Далее. – СМОМПК.).

¹² Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: Публичные лекции. – СПб., 1860.

¹³ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. – Т.1-6. – СПб., 1871-1888; Его же. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. – Т. IV. – СПб., 1892.

¹⁴ Зиссерман А.П. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). – Ч. 1-2. – СПб., 1879; Его же. Фельдмаршал кн. А.И.Барятинский. – Т. 3. – М., 1888-1891.

¹⁵ Грегориуский И. Очерк военных действий и событий на Кавказе Клюки-фон В.К.Клюгенау // Военный сборник. – 1876. – Т. 15. – № 1-3. – № 6. (Далее. – ВС.).

¹⁶ Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях // Собр. соч. – В. 5 т. – Т.2. – 1885.

¹⁷ Коршинов Н.С. Декабрист В.Д.Сухаруков на Кавказе // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборник научных сообщений. – Вып. VII. – Махачкала, 1876. – Л., 1976. – С. 118.

¹⁸ ЦГВИА. – Ф. 395. – Оп. 274. – Д. 75. – Л. 3.

¹⁹ Герцен А.И. Полн. собр. соч. – Т. X.

²⁰ Там же. – С. 48.

²¹ Гаджиев В.Г. Кавказ и Россия // Тарих. – 1994. – № 1. – С. 12.

был исторический путь дагестановедения¹ и в связи с этим на передний план ведется Чернышевский Н.Г.,² у которого «интерес... к Дагестану... не был случаен»³ и, тем более, что он «...в вопросах военно-исторических обладал большей эрудицией»⁴. Относительно войны он выразился, что она является «...язвой которая истощала Россию».⁵ Следует выделить Добролюбова Н.А.,⁶ о котором Кружков сказал, что он «выступает не как мирный революционер – просветитель, а как продолженный революционер»⁷ показывает большую осведомленность в вопросах военных событий на Кавказе.

Интернационалистические позиции Герцена, Чернышевского, Добролюбова и других виднейших деятелей, их борьба «...против национального угнетения и неравноправия за предоставление всем народам Пассии права на свободное национальное самоопределение... народов... Кавказа...»⁸ разменивался между сторонниками соглашения с царским самодержавием и сторонниками решительной борьбы против царизма. Пушкин, для которого «слог восточный был образцом...»⁹, отдавая дань извинения гордым сыном Кавказа сказал:

«Котляровский бой Кавказа,
куда не мчался ты грозой
Твой ход, как черная зараза
Губил, уничтожил племена».¹⁰

«Пушкин и Кавказ – тема особая, – отмечает Гамзатов Г.Г., так как Пушкин специально занимался Кавказом, но в тоже время, универсальная, ибо Пушкина нельзя воспринимать в целом вне Кавказа, минуя Кавказ»¹¹, поскольку Пушкин выбрал «...Богатые впечатления юной природы Кавказа...»¹² подтверждение этому служит отрывок его письма, где говорится, что «Сходнее нам в Азии писать по оказии»¹³ т.е. «...взаимодействия души и тела... с ссылкой на прямое вмешательство бега...»¹⁴ постепенно овладевая «...конкретным представлением о человеке как о характере».¹⁵ Однако следует отметить, что при беседе с профессором Халиловым А.М., их Пушкин рассматривает с отрицательной стороны, взяв за основу выдержку из поэмы «Кавказский пленник», а именно, последний имел не осторожность выразить следующее:

«...Смирись, Кавказ: идет Ермолов!
И смолкнул ярый крик войны,
Все русскому мечу подвластно».¹⁶

Учитывая это обстоятельство, мы склонны проявлять солидарность с Халиловым. Критикуя произвол представителей официальных властей, близкий друг Пушкина «...слава наших дней»,¹⁷ Раевский в своем донесении отметил, что «...я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и поэтому вынужден покинуть этот край».¹⁸ Лермонтов М.Ю.,¹⁹ с восхищением о котором высказался Шамиль, а именно: «я о нем (Лермонтов. – Авторы.) слышал, он писал описывал Кавказ»,²⁰ относился к горцам с уважением и посвятил немало стихотворений и поэм о Кавказе, истекавшей кровью. В своей работе «Кавказ» говоря о том, что «...здесь гибли горцы... гибли сыны русского народа...»,²¹ Лермонтов писал еще в 1830 году, что

«Кавказ! Далекая страна!
Жилище вольности простой
И ты несчастиями полна
и окровавлена войной...»²²
«И скорбит о том, что»²³

¹ Гюлмагомедов А. Русскому дагестановедению – 200 лет // Дагестанская правда. – 1994. – № 12 (20950-20951). – С. 2.

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. – Т. XIV.

³ Ханмурзаев Г. Дагестанская тема в русской литературе второй половины XIX века. (Проблема характера). – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1982.

⁴ Макаев Н.Г. Чернышевский – редактор «Военного сборника». – М., 1950. – С. 43.

⁵ Чернышевский Н.Г. Письма // Полн. собр. соч. – Т. XIV. – С. 381.

⁶ Добролюбов Н.А. Собр. соч. – Т. V. – М., 1961.

⁷ Кружков В.С. Мировоззрение Н.А.Добролюбова. – М.: ГИХЛ, 1950. – С. 166.

⁸ Истории философии в СССР // Под рук. Евграфова В.Е. – В 5 т. – М.: Изд. «Наука», 1968. – С. 21.

⁹ Пушкин – П.А.Вяземскому // Переписка А.С.Пушкина. – В 2-х т. – Т. 1. – М.: Худ. лит., 1982. – С. 199.

¹⁰ Пушкин А.С. Соч. – Т. VIII. – С. 445.

¹¹ Гамзатов Г.Г. Дагестан: Историко-литературный процесс: Вопросы истории, теории, методологии. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. – С.247.

¹² Флринский С.М. Русская литература. – М.: Изд. «Просвещение», 1969. – С. 109.

¹³ Пушкин – П.А. Вяземскому // Переписка А.С.Пушкина. – В 2-х т. – Т. 1. – М.: Худ. лит., 1982. – Сноска 2 к стр.163.

¹⁴ Розенталь М.М. Философский словарь. – М.: Политиздат, 1975. – С. 293.

¹⁵ Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. – М.: Худ. лит., 1965. – С. 322.

¹⁶ Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. – М.: «Современник», 1974. – С. 201.

¹⁷ Пушкин – В.А.Жуковскому // Переписка А.С.Пушкина. – В 2-х т. – Т. 1. – М.: Худ. лит., 1982. – С. 87.

¹⁸ Экштут С. Николай Раевский // Родина. – 1990. – № 3-4. – С. 40.

¹⁹ Лермантов М.Ю. Кавказу // Дагестан. – С. 200.

²⁰ Захарин И.Н. (Якушин). Кавказ и его герои. – СПб., 1902. – С. 451.

²¹ Трунов Д.И. Свет из России. – Махачкала: Дагкнигиздат, 1950. – С. 100.

²² Лермонтов М.Ю. Кавказу. Дагестан в русской литературе. Дореволюционный период. – Махачкала, 1960. – С. 200;

Лермонтов М.Ю. Избр. соч. – М.: Худ. лит., 1987. – С. 30-31.

²³ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М.: Изд. «Наука», 1960. – С. 240.

«Свободе прежде милый край
Прелестно гибнет для нее».¹

Даже «кавказская ссылка Лермонтова была сокращена хлопотами бабушки и влиятельных знакомых»² и уезжая он унес с собой не тронутые тайны «богатых откровений» с Востока «...где он провел чуть ли не большую часть времени, начиная с 1837 года»³.

Грибоедов А.С.⁴ «...был одним из первых русских писателей, с любовью относящийся...»⁵ к Кавказу. Говоря о интеллектуале его Пушкин отметил, что «Грибоедов очень умен».⁶ Грибоедов питал симпатии к горцам и приветствовал их борьбу за свою независимость, называя их: «...вольным и благородным народом...»⁷ и осуждал политику официальных властей на Кавказе. Он, пытаясь облегчить участь горцев, советовал Паскевичу: «не навязывайте здешнему народу... (Противоречащих. – Авторы.) его нравам и обычаям законов...»⁸ и исключить насилие. При непосредственном вмешательстве Грибоедова, Ермоловым в крепости Грозном 21 января 1819 года «...возмутителям... (Была. – Авторы.) дарована пощада...».⁹

Толстой Л.Н.¹⁰ руководствуясь «...классовым сознанием»¹¹ – оставил после себя для потомков образ одного из первых набивов Шамиля Хаджи-Мурата в одноименной повести, будучи участником «...восточной войны, в 1853 году, ...в штабе князя Горчакова».¹² В «Хаджи-Мурате»¹³, где этнографический материал используется Толстым с целью показа реальной обстановки, в которой разворачиваются действия и с целью характеристики и раскрытия образов горцев. Тем самым, по мнению Фета А.А. он ставил нам «...кавказские песни».¹⁴ Для того, чтобы этот «...мощный голос прозвучал»,¹⁵ Толстой побывал «...в Кизляре с 10 по 17 сентября 1852 года...»¹⁶, а «в конце октября 1853 года... в Хасавюрте среди офицеров Кабардинского а сама повесть «...была написана менее чем месяц».¹⁸

Оставил после себя «Письма из Дагестана» Бестужев-Марлинский А.А.¹⁹ («...прозванный в Дербенте Искендер-беком»²⁰), в которых раскрывает действительность событий с сохранением фактов и имен. Автор проявляется на страницах своих работ как человек относящийся с уважением к обитателям Кавказа. Не безызвестный Васильев сообщает, что Бестужев-Марлинский в своих «Письмах из Дагестана» дает точные описания характеру борьбы горцев Дагестана и Чечни»²¹. Справедливости ради считаем своим долгом отметить и аморальную сторону Бестужева-Марлинского. По его признанию он «рискуя жизнью... пробирался в гаремы дербентских мусульман»²². Тем не менее каким бы он не был, его творчество «...способствовало ознакомлению... читателя с жизнью, бытом дагестанских народов»²³, а сами «...рассказы о Кавказе, о диких горцах, – отмечает Белинский В.П., – и в отношениях к ним наших войск (Войск официальных властей. – Авторы.) ...мы читаем... с повести Марлинского»²⁴. Белинский В.Г. отмечал, что «страшное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и постулатом их музыки, поэтического их родиною!»²⁵. Будущее Кавказа видел Лорер Н.И. говоря, что «...когда-то эти больные места путем просвещения, цивилизации сделать образованного человека».²⁶ По официальным источникам «Горцы вообще обладают замечательными природными умственными

¹ Лермонтов М.Ю. Избр. соч. – С. 30-31.

² Сылкова Н.Г. Литература: Справочник. – М.: ЦГНМГУ, 1995. – С. 243.

³ Куликов В.И. Отечественные записи и литература 40-х годов XIX в. – М.: Изд. МГУ, 1958. – С. 42.

⁴ Грибоедов А.С. Соч. / Под ред. Орлова В. – М., 1945.

⁵ Хачапуридзе Г. К вопросу о культурных связях России и Грузии в первой половине XIX в. // Вопросы истории. – 1946. – № 5-6. – С. 81.

⁶ Пушкин – П.А. Вяземскому // Переписка А.С.Пушкина... – С.195.

⁷ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М.: Изд. «Наука», 1965. – С. 237.

⁸ Тресков И. Творческое содружество. – Нальчик, 1956. – С. 40.

⁹ Грибоедов А.С. Письмо к издателю «Сына Отечества» из Тифлиса // Дагестан в русской литературе: Сост. Долгат У., Кирдан Б. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. – С. 50.

¹⁰ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – Т. 59. – М., 1935.

¹¹ Хасбулатов Х. Как «выпрямляли» А.Тахо-Годи // Дагестанская правда от 30 июня 1994 г. – С. 3; Магомедов А.М. Алибек Тахо-Годи. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1993. – С. 359.

¹² Острагорский В. Двадцать биографий образцовых русских писателей. – М.: «Народное образование», 1995. – С. 134.

¹³ Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. – М., 1953; ... – Махачкала, 1969; ... – М.: «Худ. лит.»; 1985.

¹⁴ Фет А.А. Графу Л.Н.Толстому // Русская поэзия XIX – начало XX века. – М.: Худ. лит., 1987. – С. 400; Его же. // В кн.: «Как слово наше отзовется» «Избр. лирика». – М.: Изд. «Правда», 1986. – С. 613-614; Сухова Н.П. Мастера русской лирики. – М.: Просвещение, 1982. – С.70; Тихонов Н. Сыны Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. – С.100.

¹⁵ Алухтия А.М. Графу Л.Н. Толстому // Русские поэты XIX века: Вторая половина. – М.: Просвещение, 1989. – С. 449.

¹⁶ Н.Н.Толстой – Толстому / Переписка Л.Н.Толстого с сестрой и братьями. – М.: Худ. Лит., 1990. – Сноска 2 к стр. 124.

¹⁷ Трунов Д.И. Свет из России. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. – С. 102-103.

¹⁸ Так же. – С. 105.

¹⁹ Бестужев-Марлинский А.А. Соч. – В 2-х т. – Т. 1-2. – М., 1958.

²⁰ Трунов Д.И. Свет из России. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. – С. 76.

²¹ Васильев В. Бестужев-Марлинский на Кавказе. – Краснодар, 1939. – С. 42.

²² Сахаров В. Гвардейский Прометей, или Кавказ А.А.Бестужева-Марлинского // Родина. – 1994. – № 3-4. – С. 107.

²³ Гасанов М.Р. У истоков братства: Некоторые вопросы развития дагестано-грузинских отношений. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986. – С. 20.

²⁴ Белинский В.П. Полн. собр. соч. – Т. 3. – М.: Изд. АН СССР, 1954. – С. 188.

²⁵ Белинский В.П. Собр. соч. – В 3-х т. – Т. 1. – М., 1948. – С. 692.

²⁶ Лорер Н.И. Записки декабриста. – М., 1931. – С. 214.

способностями»¹, а «дети горцев, – по Костемеровскому, – особенно любят арифметику, занимаются письмом и еще более пляскою и песней»². Это и не удивительно, если из всех «...кавказских языков 44, то 29 из них приходится на долю Дагестана»³, то, на наш взгляд, каждый народ должен иметь своих ярких представителей. Как в продолжении этой мысли, Пирогов побывавший в Дагестане отметил, что местные хакимы действительно имеют «...большую наглядность и опытность в лечении огнестрельных ран. Искусство лечения наружных повреждений у кавказских племен есть чисто наследственное и переходящее от отца к сыну»⁴. И не зря «Николай Иванович Пирогов сохранился в памяти горцев как чудесный русский доктор» ...его любили народ и он проявлял к народу душевное внимание»⁵. А профессор Л.А.Огонесян писал, что «хирургия кавказской народной медицины стояла почти на уровне научной медицины. Они производили даже такие операции, как трепанация черепа»⁶. Знахари Дагестана лечили не только у себя на родине, но и в Чечне, Осетии и в других областях «...неизменно пользуясь популярностью среди населения»⁷, а «...гнилость и бессилие крепостной России»⁸ далее и советского периода правления преподнесли это с неверной стороны.

На наш взгляд, большой интерес представляет вопрос о том, как относились к борьбе горцев Кавказа К.Маркс и Ф.Энгельс,⁹ которые были современниками и внимательно следили за ходом борьбы горцев. Отношение Маркса и Энгельса к борьбе горцев Кавказа в XIX в. однозначно. В работах Маркса и Энгельса мы находили ответ, прежде всего на следующие вопросы: Характер и особенности борьбы горцев, борьба горцев и внешняя политика официальных властей, деятельность Шамиля, внутрироссийское значение борьбы горцев. Маркс и Энгельс утверждали, что борьба горцев это «настоящая война, в которой участвует сам народ». Она была одной из форм «оборонительной горной войны», принесшей горцам наибольшую славу в борьбе против захватнической политики царской России»¹⁰. Они рассматривали борьбу горцев как силу, способную ослабить позиции Российской империи и внутри и на международной арене. Маркс отмечал, что усиление массовых антикрепостнических крестьянских восстаний свидетельствует о проявлении революционной Российской империи, являющиеся потенциальным союзником революционному движению внутри государства Российского, так и в Европе: «Движение горцев подтачивало устой царизма и тем самым вносило лепту в борьбу угнетенных масс России за освобождение».¹¹

Ф.Энгельс, выделяя борьбу горцев, подчеркивает, что борьбу на Кавказе «...из войн этого типа принесла жителям гор наибольшую славу»,¹² где «...горцы были легче и подвижнее».¹³ Мужественная горских народов имела огромное значение для всего Кавказского региона, она была созвучна национально-освободительным движениям народов нашей страны, революционным движениям Европы и Востока, вызывала восхищение прогрессивных деятелей не только государства Российского, но и других сторон.

Сомнительным является на наш взгляд то, что комментируя войны, имевшие в государстве Российского длинные во времени 1,5-2 года, Ленин В.И. уделял большое внимание им, а Кавказскую войну, также на территории Российской империи, обошел стороной, более того – вниманием, что, на наш взгляд, не делает ему чести. Относительно Ленин-Кавказ точно выразился Никифоров В.И., а именно: «В.И.Ленин, имевший в конце XIX – начале XX веков, дополнительные источники, целиком... и никогда не поддерживал теорию азиатского способа производства»¹⁴.

Среди всех источников наиболее ценным является памятник истории Дагестана данного периода «Хроника Мухамеда Тахира Ал-Карахи»¹⁵, современник большинства описанных им событий «Хроника, – отмечает Крачковский И.Ю., – является первостепенным источником для всего этого периода».¹⁶ Начиная свое повествование Мухамед Тахир Ал-Карахи оставил следующую запись: «Я, Магомет Тахир, в этой книге воспеваю неустранимость горцев, верность их острых сабель и Газават, провозглашенный Имамом

¹ Львов Н. Домашняя и семейная жизнь Дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. – Вып. 3. – Тифлиси, 1870. – С. 18.

² Ганиев Б. С милого Севера в сторону южную... // Дагестанская правда. – 1992. – № 134 (486). – С. 3.

³ Трунев Д.И. Свет из России. – Махачкала: Дагкнигоизд-во, 1956. – С. 132.

⁴ Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. – М., 1952. – С. 69.

⁵ Аскерханов Р.П. Развитие хирургии в Дагестане от Н.И.Пирогова до наших дней. – Махачкала, 1979. – С. 21.

⁶ Огонесян Л.А. Истории медицины в Армении с древнейших времен до наших дней. – Ч. III. – Ереван, 1946. – С. 188.

⁷ Аликишиев Р.Ш. Очерки из истории здравоохранения Дагестана. – М., 1958. – С. 20-21.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 20. – С. 173.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 2, 7, 9, 10, 11, 12, 17, 19, 21, 22, 28, 36, 37, 44.

¹⁰ Рамазанов Х.Х. Шигабуудинов М.Ш. Шихсаидов А.Р. Борьба горцев Дагестана и Чечни за независимость: Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-е годы XIX в. – Махачкала, 1990. – С. 24-25.

¹¹ Там же. – С. 25.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 12. – С. 119.

¹³ Там же. – С. 119.

¹⁴ Никифоров В.Н. Проблема азиатского способа производства в советской историографии // Межвузовская научная конференция по вопросам истории Азии и Африки в советской историографии (20-22 декабря 1966 г.): Тезисы докладов. – Изд. МГУ, 1966. – С. 7.

¹⁵ Хроника Мухамеда Тахира Ал-Карахи. (О дагестанских войнах в период Шамиля): Перевод с арабского Барабанова А.М. – М.-Л., 1941. (Далее. – «Хроника»).

¹⁶ Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Избр. произв. – Т. IV. – М.-Л., 1960. – С. 617.

Шамилем»¹. Его работа «Три имама»², тоже является источником из местной мемуарной литературы о борьбе горцев, являясь продолжением о Кавказской войне.

Ценный памятник, посвященный освещению героической борьбы горцев Дагестана и Чечни с самодержавием официальных властей, является книга Гаджи-Али «Сказание очевидца о Шамиле». ³ Гаджи-Али будучи главой контрразведки Шамиля и имея при этом доступ к секретной информации «...оставил в своем труде много ранее неизвестного читателям»⁴. Верующие мусульмане причисляли Гаджи-Али «...к лику святых и сделали его могилой местом Зиярата – паломничества»⁵.

Будучи «одним из создателей русского востоковедения»⁶ и пройдя сложный противоречивый путь развития: от монархических и либеральных иллюзий к демократическому, от идеализма к деизму⁷, т.е. к признанию «существования бога»⁸ Казем-Бек М.⁹ в своем труде дает анализ истокам «...развития мюридизма, духовное влияние религиозных светил востока на становление имамата Шамиля»¹⁰. Казем-Бек обладал большой эрудицией, был полиглотом¹¹ и ученым. На начальной стадии своего становления Казем-Бек отрицал религию¹² и допускает ошибку, «...ставя знак равенства между царизмом и русским народом».¹³ Казем-Бек, как то отмечает Гусейнов Г. «...выступал против невежества, отсталости, против фанатизма и суеверия»¹⁴. В своей работе же «Мюридизм и Шамиль», Казем-Бек дает характеристику своего пути становления мюридизма и отношение к нему великих личностей, а также характеристику борьбы горцев»¹⁵.

После себя «Гомер XX века»¹⁶ – «Гасан-Эфенди Алкадари оставил «свой неизгладимый след в развитии исторической науки...»¹⁷ в труде написанном «...не без таланта и содержит много ценных особенно по новой истории Дагестана»¹⁸. Среди обширных областей знаний, «...изучением которых занимался Гасан Алкадари, особое место занимает его труд...» «Асари Дагестан»¹⁹ – «... первый систематизированный труд по истории Дагестана»²⁰. Здесь автор конкретно не выступает против местных феодалов, но положительную сторону деятельности Шамиля он усматривает, главным образом, в борьбе с крупными феодалами. По Гасану А. в ней «...сделана попытка собрать воедино, согласовать и изложить в хронологической последовательности все исторические сведения, имеющиеся в арабской, турецкой и персидской литературе, а также все, что знал автор по народным преданиям»²¹. Он также является «...одним из видных, общественных деятелей и мыслителей, поэтом и известным просветителем Дагестана второй половины XIX века»²² и мы видим, что в конечном счете русские и дагестанские «...дореволюционные авторы сделали все же весьма значительный вклад...»²³ в историю Дагестана.

Учитывая то обстоятельство, что в дореволюционных работах как русских, так и дагестанских историков характерной особенностью является односторонний подход к оценке событий и идеализации личностных характеристик и т.д., мы считаем для себя необходимым – критический подход к сравнительно-историческому анализу, на основании которых и сделаны выводы.

В советской исторической литературе, как и в дореволюционной литературе, имеются высказывания совершенно противоречивые, даны оценки и налицо отражены геометриально-противоположность оценок этих событий, которые менялись обычно «...столько раз, сколько менялась генеральная линия партии...»²⁴.

¹ ЦГА РД. – Ф. 133. – Оп. 2. – Ер. хр. 2. – Л. 5.

² См.: Мухамед Тахир. Три имама. – Махачкала, 1927.

³ См.: Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. – Махачкала, 1990.

⁴ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. – Махачкала, 1990. – С. 2.

⁵ Хайбулаев С. Страницы аварской литературы. – Махачкала, 1991. С. 4.

⁶ Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. – Л., 1925. – С. 283.

⁷ История философии в СССР // Кол. авт. под рук. Евграфова В.Е. – В 5 т. – Т. 3. – М.: Изд. «Наука», 1968. – С. 567.

⁸ Розенталь М.М. Философский словарь. – М.: Политиздат, 1975. – С. 102.

⁹ Казем-Бек М. Мюридизм и Шамиль. – Махачкала, 1990; Мазитова Н.А. Изучение Наследия А.К. Казем-Бека в Советской историографии // Межвузовская научная конференция по вопросам истории стран Азии и Африки в советской историографии (20-22 ноября 1966 г.): Тезисы докладов / Отв. ред. Стижина Э.П. – Изд. МГУ, 1966. – С. 57-58.

¹⁰ Казем-Бек М. Указ. раб. – С. 2.

¹¹ Абдулаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. – М.: Изд. «Наука», гл. ред. вост. лит., 1968. – Сноска 1 к стр. 133.

¹² Гарнау Н. Изложение начал мусульманского законовѣдѣния. – СПб., 1850. – Сноска 1 к стр. 7-8.

¹³ Казем-Бек М. Указ. раб. – Сноска 54 к стр. 56.

¹⁴ Гусейнов Г. Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX в. – Баку, 1949. – С. 147.

¹⁵ См.: Абдулаев М. Казем-Бек – ученый и мыслитель. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963.

¹⁶ Абдулаев М.А. Мыслители Дагестана. – Махачкала, 1963. – С. 149.

¹⁷ Юсуфов Ш. Из славного рода Алкадари // Дагестанская правда. – 1991. – № 150 (20252). – С. 3.

¹⁸ Бартольд В.В. Дагестан // Сочинения. – Т. III. – М., 1965. – С. 418.

¹⁹ Гасан Алкадари «Асари Дагестан». – Махачкала, 1929; ... 1994.

²⁰ Абдулаев М.А. Из истории научной и педагогической мысли досоветского Дагестана. – Махачкала: Дагучпедгиз, – С. 159.

²¹ Гасан Алкадари. Асари Дагестан. – Махачкала, 1929. – С. 16.

²² Баймурзаев А.Б. Об истории общественной мысли Дагестана второй половины XIX века. – Махачкала, 1965. – С. 58.

²³ Косвен М.О. Изучение социалистической культуры и быта народов Дагестана (предварительные итоги работ экспедиции института этнографии АН СССР) // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. – ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1954. – С. 3.

²⁴ Омаров А.И. Идеология и история Кавказской войны: к вопросу о деятельности научной и творческой интеллигенции // Сборник статей студентов, аспирантов и преподавателей университета. – Махачкала: ДГУ, 1992. – С. 101.

Совершенно прав Понамарев Б.И., отмечая, что «Советский историк, изучая проблемы прошлого, в том числе и национальные движения, должен учитывать широкую историческую перспективу»¹ и в этой связи «пионером» осветивший проблему Кавказской войны был Покровский М.Н.,² который считает борьбу народов гор «следствием царской политики».³ Теоретические основы и выводы Покровского имели положительные значения для разработки истории народов Кавказа. Он был «...подвергнут (посмертно) резкой критике, взгляды его были расценены как, «вредные и антимарксистские».⁴ Объективное освещение получила борьба горцев в трудах советского «...крупного ученого-кавказоведа»⁵ Магомедова Р.М.⁶ В трудах последнего затрагиваются вопросы, непосредственно имеющие отношения как истории борьбы в целом, так и отдельным ее вопросам. Главная ценность его работ заключается в том, что в них автор показал народно-освободительный характер борьбы горцев.

Основное место и внимание в работах профессора Рамазанова Х.Х.⁷ уделяет колониальной политике государства Российского в Дагестане, а также вопросам по проблеме влияния борьбы народов Кавказа.

Весьма ценный материал по исследуемой проблеме содержится в работах Гаджиева В.Г.⁸ Основные его взгляды по проблеме борьбы горцев нашли отражение в докладе, сделанном им на научной сессии в Махачкале в 1956 году.

Представляет особый интерес работы Даниялова Г.-А.Д.⁹ в том плане, что в них автор основное внимание уделяет вопросам связанным социальной базой и характеру борьбы горцев.

Значительный материал по интересующим нас проблемам можно встретить в трудах Хашаева Х.М.¹⁰ В своих работах автор затрагивает вопросы содержащие интересные сведения, касающиеся отношения к борьбе горцев тех кавказских народов, которые находились непосредственно под управлением царизма. Здесь же приводится обширный материал, характеризующий социальную базу борьбы.

Работая в этом плане вышли в свет работы и монографии Ибрагимбеи Х.-М.,¹¹ Бушуева С.К.,¹² Смирнова Н.А.,¹³ Фадеева А.В.,¹⁴ Пикмана А.М.¹⁵ и др. Ценнейшие сведения касающиеся данной проблемы той или иной степени отражены в научных трудах Дагестанских ученых в «Ученых записках»¹⁶ и в «Вопросах истории и этнографии Дагестана»¹⁷.

Помимо этого имеется учебный материал и художественная литература относительно данной проблемы. К таковым относятся: «История Дагестана»,¹⁸ «История народов Северного Кавказа»,¹⁹ «Шамиль»,²⁰ «Имам Шамиль»²¹ и т.д.

¹ Понамарев В.Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории // Вопросы истории. – 1963. – № 1. – С. 16.

² См.: Покровский М.Н. Дипломатия и война царской России в XIX столетии. – М., 1924.

³ Там же. – С. 228.

⁴ Магомедов Р.М. Мат. сессии... 1989 г. – С. 10, 29.

⁵ Шихсаидов А., Гасанов М. Вглядываясь в столетия // Дагестанская правда. – 1996. – № 21 (213346). – С. 2.

⁶ Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала, 1939. ... 1991; Его же. Шамиль. – Махачкала, 1940; Его же. Общественно-экономический политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. – Махачкала, 1957; Его же. Шамиль в отечественной истории. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990 и др.

⁷ Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX века // В мат. сессии ... 1957; Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Шамиль. Исторический портрет. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990 и др.

⁸ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М.: Изд. «Наука», 1965; Гаджиев В.Г., Пикман А.П. Великие русские революционеры – демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1972; Гаджиев В.Г. Шамиль // Российский ежегодник. – Вып. 1. – М., 1989.

⁹ Даниялов Г.-А.Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966; Его же. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX-начале XX вв. – Махачкала: Изд. Даг. ФАН СССР, 1970.

¹⁰ Хашаев Х.М. Движущие силы мюридизма // В мат. сессии 1956 г.; Хашаев Х.-М., Косвен М.О. «История география и этнография Дагестана (XVIII-XIX вв.). – М., 1958; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана XIX века. – М.: Изд. АН СССР, 1961.

¹¹ Ибрагимбеи Х.-М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. – М., 1971; Его же. Некоторые вопросы истории освободительной борьбы горцев Северо-восточного Кавказа против царизма и передовая Россия (20-50-е гг. XIX) // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана: (Региональная научная конференция 26-27 ноября 1987 г. – Махачкала, 1987. – С. 7-11; Его же. Об извращении в освещении народно-освободительной борьбы горцев Северо-восточного Кавказа против царизма и местных феодалов // Народно-освободительное движение... – С. 17-20.

¹² Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1939; Его же. О кавказском мюридизме // Вопросы истории 1956. – № 12. – С. 72-79.

¹³ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. – М.: Соцэкгиз, 1958; Его же Мюридизм на Кавказе. – М., 1963.

¹⁴ Фадеев А.В. О внутренней социальной базе мюридического движения на Кавказе // Вопросы истории. – 1955. – № 6. – С. 67-76; Его же Россия и Кавказ в I-й трети XIX в. – М.: Изд. АН. СССР, 1969.

¹⁵ Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // Вопросы истории. – 1956. – № 3. – С. 75-84.

¹⁶ Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР им. Г.Цадасы. – В 20 т. – Махачкала, 1957-1970.

¹⁷ Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сб. научных сообщений. – Вып. 1-7. – Махачкала, 1970-1976.

¹⁸ История Дагестана. – В 4-х т. – Т. 2. – М.: Наука, 1968.

¹⁹ История народов Северного Кавказа конец XVIII в. – 1917 г. – Т. 2. – М.: Наука, 1988.

²⁰ Павленко П.А. Шамиль. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990.

²¹ Ибрагимов М. Имам Шамиль. – М., 1991.

Как видно из вышеизложенного, историческая наука добилась в правдивом освещении борьбы горцев Северо-восточного Кавказа. В таких условиях появляются отдельные труды, работы, в которых неправильно освещают многие проблемы данного периода. Эти авторы встали на путь отрицания подлинных достижений исторической науки игнорируя работы советских авторов-историков. Отдельные личности утверждали, что «...реакционное движение мюридов, поставивших своей целью уничтожения русских»¹ имеют право на историю. Историю борьбы горцев исказили «...феномен XX века...».² В.Пикуль в своей книге «Миниатюры» «Миниатюры» (в гостях у Шамиля),³ допуская грубые, недостойные для советского писателя оскорбительные выпады в отношении руководителя борьбы горцев и членов его семьи, где «...он же испытывает добрых чувств к Шамилю».⁴ В этой связи Г.Г.Гамзатов совершенно справедливо отмечает, что «Пикуль откровенен, но не до конца: добрых чувств он не питает, так же к тем народам, чьей исторической и духовной памяти это имя принадлежит»,⁵ но отметим, что, по мнению, Я.Иноглю «другого такого полководца, как великий Имам Шейх Шамиль в мире не было»⁶.

«Защищая кавказскую политику, – отмечает Отахиев Г.А., – российского самодержавия, как правило, они подходят односторонне к оценке событий и в большинстве случаев описали горцев Дагестана как хищников...», а выступающих против политики официальных властей, местных правителей, как «изменников», «предателей», «агентов» Ирана, Турции и т.д.»⁷

Неправильные взгляды, указанных выше авторов на широкий круг вопросов, связанных с причинами, характером борьбы горцев XIX века столетия, подвергнуты острой и справедливой критике в работах последователей: Абдулаева М.А.,⁸ Халикова А.М.,⁹ Гамзатова Г.Г.¹⁰

Некоторые авторы, выпуская учебник для школ, к великому сожалению, и по ныне допускают грубые ошибки относительно нашей истории.¹¹

По поводу оценки борьбы горцев Дагестана и Чечни XIX столетия против колониальной политики царской России вплоть до настоящего времени среди исследователей ведутся ожесточенные споры. Только взвешенная, аргументированная оценка положительных и отрицательных моментов в борьбе горцев, анализ причин ее успехов на первом и втором этапах борьбы и поражения на третьем позволяют правильно понять роль, место и последствия Кавказской войны в истории России и народов Северного Кавказа, извлечь из нее уроки практической политики для наших дней. А в настоящее время это обстоятельство еще более усугубляется предвзятостью отношений центра к национальным окраинам, а именно исследуемому региону. Понятие «дикий народ», «дикие народности» и «туземцы» заменяются в официальном обороте понятием, которое произносится во всеуслышанье – «лицо» или «лица кавказской национальности».

Исследование при советской власти проводилось исключительно с марксистских позиций и партийной конъюнктуры или их оппонентами в лице зарубежных советологов с различных идеологических позиций, где рассматривали эту проблему в соответствии с собственным политическим и идеологическим видением места, роли и отношения к теме исследования в Советском Союзе. В этой связи здесь наиболее подходит метод объективности исторического исследования и научного историзма

Таким образом, в работах дореволюционных и советских авторов встречаются довольно-таки обширный материал, который во многом способствует объективному рассмотрению различных вопросов основных военных сражений в Дагестане в период Кавказской войны 20-50-е гг. XIX века, главное достоинство которых заключается в том, что в них использован большой документальный материал, который определенным образом способствовал раскрытию исследуемой темы.

Таким образом, актуальность проблемы исследования не вызывает сомнений. Ее многие конкретные аспекты, обозначенные выше, требуют всестороннего изучения и освещения.

Проблемы развития малого бизнеса Республики Дагестан на современном этапе

Магомедов М.Ш.

Малый бизнес является важнейшей составной частью современной рыночной экономики, и, выполняя основные предпринимательские функции, играет важнейшую роль в социально-экономическом развитии страны. Он является одним из ведущих секторов экономики, оказывает существенное влияние на темпы

¹ Сумуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70 гг. XIX в.). – М., 1955. – С. 8.

² Асиятилов С.Х. Борьба горцев Дагестана и Чечни за свободу и независимость под руководством Шамиля в 20-50 годы XIX века. (Программа к спецкурсу). – Махачкала, 1989. – С. 11.

³ См.: Пикуль В. Миниатюры. – Л., 1983.

⁴ Там же. – С. 512.

⁵ Гамзатов Г.Г. Преодоление. Обновление. – Махачкала, 1986. – С. 37; Его же. Дагестан: историко-литературный процесс. Вопросы истории, теории, методологии. – Махачкала: Даучпедгиз, 1989. – С.300

⁶ Иноглю Я. Турецкий историк // Зов предков. – 1991. (Пробный номер). – С. 9.

⁷ Отахиев Г.А. К историографии вопроса «Дагестан в Кавказской политике Ирана, Турции в первой трети XIX века.» // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборник научных сообщений. – Вып. 2. – Махачкала, 1970. – С. 70.

⁸ См.: Абдуллаев М.А. Указ. работа.

⁹ См.: Халиков А.М. Указ. работа.

¹⁰ См.: Гамзатов Г.Г. Указ. работа.

¹¹ См. Учебник дореволюционной России по истории // Отв. сост. Т.В.Естеферова. – М.: Просвещение, 1993; Белярмишев И.Г. Экспериментальной курс всеобщей и русской истории. – СПб.: Н.Фену и К⁰, 1882; Иловыйский Д. Краткие очерки русской истории. – М.: «Просвещение», 1993. – С. 171; Зырянов П.Н. История России XIX век: Учебник для 9 класса. – М.: «Просвещение», 1994. – С. 58-60.

экономического роста страны, влияет на формирование качественной структуры ВВП. Малый бизнес способствует решению важнейших социально-экономических проблем общества, играет ведущую роль в формировании и становлении среднего класса – ведущей социальной силы современного демократического государства, обеспечивает социальную стабильность в обществе.

Малый бизнес вносит значительный вклад в создание прогрессивной структуры региональной экономики, в расширение налогооблагаемой базы, в развитие конкурентной среды. Создавая новые предприятия и рабочие места, малый бизнес снижает социальную напряженность, насыщает рынок товарами и услугами, способствует росту количества занятого населения. Всесторонняя поддержка малого бизнеса стала одним из основных факторов, который способствовал формированию цивилизованного рынка, созданию класса собственников и поддержанию высокого уровня жизни в экономически развитых странах. Кроме того, в этих странах широкую государственную поддержку, и, соответственно, распространение получила предпринимательская деятельность, базирующаяся на личном и семейном труде.

Эффективная государственная поддержка малого бизнеса, направленная на формирование гибкой смешанной экономики, органически сочетающей разнообразные формы собственности и адекватную модель национальной экономики, является в настоящее время общемировой тенденцией. Исторический опыт развитых стран современного мира является убедительным доказательством необходимости наличия высокоразвитого сектора малого предпринимательства в национальной экономике. Для повышения эффективности и роста национальной экономики в нынешних кризисных условиях необходимо внести серьезные коррективы в систему государственной поддержки малого предпринимательства на региональном уровне.

Малый и средний бизнес – это предпринимательская деятельность, осуществляемая субъектами рыночной экономики при определенных, установленных субъектами рыночной экономики, государственными или другими представительными органами критериях, конституирующих сущность этого понятия [1, 7]. Средняя численность работников, занятых на предприятии за отчетный период, является основным критерием, позволяющим отнести предприятия различных организационно-правовых форм к малым. Величина активов капитала, объем финансового оборота (доход, прибыль), размер уставного капитала и др. являются другими критериями отнесения предприятий к малым.

В Российской Федерации приняты следующие критерии отнесения субъектов предпринимательства к малым:

- средняя численность работников, занятых на предприятии в течение отчетного периода (до 100 человек включительно);
- предельные размеры выручки от реализации товаров или услуг (до 800 млн. руб.);
- доля в уставном капитале малого предприятия организаций, фондов или фирм, не относящихся к малым или средним (не более 49%) [5].

В условиях развития современной рыночной экономики малые предприятия функционируют как относительно самостоятельный сектор экономики. Экономическая и социальная роль малого предпринимательства определяется численностью малых предприятий и индивидуальных предпринимателей в общем количестве субъектов рыночной экономики, вкладом субъектов малого предпринимательства в создание валового внутреннего продукта страны, в производство продукции, вкладом малых предприятий в формирование федерального и регионального бюджетов, насыщением рынка товарами, работами и услугами, увеличением численности занятых в национальной экономике и пр. Основные экономические показатели деятельности малых и средних предприятий России представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные экономические показатели деятельности малых предприятий в России 2010-2014 гг.

	Малые предприятия									
	всего					в том числе микропредприятия				
	2010	2011	2012	2013	2014	2010	2011	2012	2013	2014
Число предприятий (на конец года), тыс.	1644,3	1836,4	2003,0	2063,1	2103,8	1415,2	1593,8	1760,0	1828,6	1868,2
Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей), тыс. человек	9790,2	10421,9	10755,7	10775,2	10789,5	3320,0	3864,4	4248,9	4322,9	4431,1
Средняя численность внешних совместителей, тыс. человек	...	745,5	639,6	627,7	659,5	...	400,0	363,8	357,0	384,8
Средняя численность работников, выполнявших работы по договорам гражданско-правового характера, тыс. человек	...	313,0	288,6	292,9	295,2	...	90,1	86,9	89,6	96,3

Среднемесячная начисленная заработная плата работников ¹⁾ , руб.	12367	15743	16711	17948	19201	10612	12855	13898	15039	15774
Оборот предприятий ²⁾ , млрд. руб.	18933,8	22610,2	23463,7	24781,6	26392,2	5609,2	7028,3	8347,4	9101,3	9699,3
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	520,3	431,6	521,5	574,9	664,4	199,0	149,6	157,1	185,5	236,7
Внеоборотные активы ³⁾ , млрд. руб.	16527,2	17190,2	19628,5	63724,1	22504,2	14523,0	15068,2	17163,1	60247,7	18628,0
Оборотные активы ³⁾ , млрд. руб.	13010,2	14927,6	18121,1	61358,8	43731,3	8862,7	10295,0	12392,8	53174,8	34288,6
Капитал и резервы ³⁾ , млрд. руб.	14631,1	15211,5	17501,4	18591,1	18891,2	13234,6	13751,9	15697,0	15639,6	15930,7

Источник: Малое предпринимательство в России. Москва. Росстат. 2015 с.14

Как форма предпринимательской деятельности, малое предпринимательство имеет свои особенности, которые в значительной степени отличают его от других видов предпринимательской деятельности. Основными из них являются следующие:

- ключевая роль собственника предприятия в стратегическом и оперативном управлении;
- небольшие рынки сбыта продукции;
- наличие различных форм государственной поддержки;
- личностный характер отношений между работниками и руководителем предприятия;
- значительная роль личных средств собственника предприятия в его становлении и развитии и пр.

Субъектам малого бизнеса, как и другим хозяйствующим субъектам, свойственны определенные преимущества и недостатки. Анализируя отечественный и зарубежный опыт, можно выделить такие преимущества, как способность к быстрой адаптации в ведении бизнеса в ответ на изменения во внешней среде; относительно низкие расходы на деятельность малых предприятий, особенно затраты на управление; относительная независимость предприятий малого бизнеса при ведении хозяйственной деятельности; оперативность и гибкость при принятии производственных и управленческих решений; относительно невысокие потребности в оборотном капитале и прочих финансовых ресурсах; высокая скорость оборачиваемости собственного капитала малых предприятий; более высокая личная мотивированность собственников предприятий малого бизнеса; склонность к сбережению и инвестированию владельцев малых предприятий; возможность быстрого внесения изменений в технологию производства и непосредственно в продукцию как реакция на изменения конъюнктуры регионального рынка; разработка и внедрение организационных, технических и технологических нововведений; создание конкурентной среды крупным товаропроизводителям на региональных рынках; мобилизация трудовых, природных и финансовых ресурсов и их эффективное использование на локальных рынках.

Помимо этого, малое предпринимательство способствует решению таких социальных проблем общества как увеличение слоя собственников, в стране; вовлечение населения в экономическую деятельность, ведущее к увеличению благосостояния граждан; относительно низкие затраты на создание новых рабочих мест; предоставление возможностей для проявления предпринимательских способностей для населения.

Однако предприятиям малого бизнеса свойственны также определенные недостатки, наиболее существенными из которых являются: высокая степень неустойчивости на рынке ввиду высокого уровня риска их деятельности; зависимость от крупных фирм и компаний; низкая компетентность руководителей; существенные недостатки в управлении бизнесом; трудности в получении кредитов и привлечении дополнительных финансовых средств; более высокая чувствительность к изменениям условий хозяйствования; осторожность и неуверенность партнеров в ходе заключения контрактов; относительная низкая поддержка со стороны государственных и муниципальных органов; значительное влияние факторов внешней среды.

Важнейшую роль малый бизнес играет в развитии экономики регионов. Деятельность предприятий малого бизнеса способствует увеличению ВРП, эффективнее используют местные экономические ресурсы, повышают уровень занятости населения, способствуют увеличению налоговых поступлений в региональный бюджет, обеспечивает поступление до 80% производимой ими продукции на местные (региональные) рынки.

Развитие малого бизнеса способствует стабильному экономическому росту регионов, смягчает социально-экономические проблемы, особенно в депрессивных регионах, к числу которых относится Республика Дагестан. Однако для роста эффективности их деятельности субъекты малого бизнеса нуждаются в достаточно серьезной государственной поддержке на региональном уровне.

Формирование развитой инфраструктуры поддержки малого бизнеса на региональном уровне является важнейшим фактором его поступательного развития. Региональная инфраструктура поддержки малого бизнеса более эффективна, чем федеральные структуры, так как менее бюрократична и ближе к местным предпринимателям.

На федеральном уровне функционирует более десятка министерств и ведомств, которые в той или иной степени занимаются вопросами поддержки и развития предпринимательской деятельности. Органом исполнительной власти РФ в сфере реализации государственной политики малого и среднего бизнеса является Министерство экономического развития. АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» осуществляет свою деятельность в качестве института развития в сфере малого и среднего предпринимательства в целях координации оказания субъектам МСП поддержки, предусмотренной Федеральным законом от 24.07.2007 №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Аналогичные структуры действуют и на региональном уровне. К объектам инфраструктуры в широком смысле можно отнести и различные общественные предпринимательские организации, которые прямо или косвенно представляют и лоббируют интересы предпринимателей, либо содействуют объединению усилий для решения собственных проблем.

В Республике Дагестан инфраструктура поддержки малого бизнеса представлена следующими организациями:

- Министерство экономики и территориального развития Республики Дагестан;
- Министерство промышленности и торговли Республики Дагестан;
- Фонд содействия кредитованию субъектов малого и среднего предпринимательства;
- Центр поддержки предпринимательства Республики Дагестан;
- Комитет по развитию малого и среднего предпринимательства Республики Дагестан;
- Дагестанский республиканский центр развития предпринимательства;
- Фонд микрофинансирования субъектов малого и среднего предпринимательства;
- Республиканский офисный бизнес-инкубатор;
- Республиканский производственно-инновационный бизнес-инкубатор «Турали»;
- Бизнес-инкубатор «Кизляр»;
- Торгово-промышленная палата Республики Дагестан и пр.[7]

Таким образом, в Республике Дагестан создана и функционирует довольно обширная инфраструктура поддержки малого бизнеса, однако качество их деятельности оставляет желать лучшего.

Инфраструктура малого предпринимательства выполняет важную социальную функцию, поэтому ее создание и развитие, как правило, полностью или частично финансируются за счет государства с привлечением средств и возможностей объединений предпринимателей, а также финансовых ресурсов из частных источников на некоммерческой основе (субсидирование, гранты, благотворительность и т.п.).

Данные цели могут быть достигнуты, если государство в состоянии оказать финансовую поддержку малому предпринимательству, инвестировать в него средства, дать возможность существовать на льготных условиях. Немаловажным является формирование позитивного отношения населения к малому предпринимательству. Государство должно сформировать положительное мнение у разных слоев населения и дать понять, что малые предприятия не только могут удовлетворить потребности в товарах или услугах, но и стать жизненным путем и способом зарабатывать деньги.

Реализация данных направлений обеспечивает постепенное развитие малого предпринимательства, повышает его устойчивость, его место в экономике страны. Государственная политика в отношении малого предпринимательства совершенствуется, принимаются новые законы, положения. Но при этом все же есть ряд недостатков в системе государственной поддержки малого предпринимательства, которые необходимо устранять:

- несовершенная нормативная правовая база, регламентирующая деятельность малых предприятий, их развитие и государственную поддержку;
- недостаточное и недостаточное финансирование программ по поддержке малого предпринимательства на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном);
- неразвитая и нескоординированная работа объектов государственной инфраструктуры поддержки малого предпринимательства, недостаточное количество и качество предоставляемых ими услуг, неравномерность их размещения по территории.

Эти проблемы находятся в тесной взаимосвязи, их необходимо решать посредством комплекса нормативных, организационных, административных, экономических и правовых мер.

По данным Управления федеральной налоговой службы по Республике Дагестан на 1 апреля 2016 г. в Республике Дагестан зарегистрировано 73235 субъектов малого предпринимательства, в том числе 23003 коммерческих организаций и 50232 ИП.

Оборот малых предприятий составил 57803,4 млн. рублей, в том числе: по сельскому хозяйству – 7432,3 млн. рублей (113,5 %), обрабатывающему производству – 4020,3 млн. рублей (124,9 %), строительству – 7869,7 млн. рублей (102,8 %), оптовой и розничной торговле – 28626,5 млн. рублей (108,7 %).

Динамика сбора налогов по субъектам малого предпринимательства по видам налогов, включая крестьянские (фермерские) хозяйства представляется следующим образом:

- на 1 января 2015 г. 51432 индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами по специальным видам налогообложения было уплачено 2735272 тыс. руб.;
- на 1 января 2016 г. 49038 индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами уплачено 3026247 тыс. руб. (109,6 % по отношению к 2015 г.).

При этом наибольший объем уплаченных на 01.01.2016 года налогов отмечается в городах Махачкале (1313652 тыс. руб.), Дербенте (216583 тыс. руб.) и Хасавюрте (187 483 тыс. руб.). Наименее низкие показатели отмечаются в Кулинском (2 434 тыс. руб.), Лакском (974 тыс. руб.) и Агульском районах (825 тыс. руб.).

Субъектам малого и среднего предпринимательства открыт доступ к государственным закупкам: государственные и муниципальные заказчики обязаны размещать не менее 18% заказов у субъектов малого бизнеса. К 2018 году этот показатель планируется довести до 25%.

Общий объем выделенных республике средств на развитие малого и среднего предпринимательства в 2015 г. составил 250 млн. рублей. За 2015 г. инвестиции в основной капитал в Дагестане составили 231 млрд. руб., что на 2,1% больше соответствующего периода предыдущего года.

Реестр инвестиционных проектов Республики Дагестан включает в себя 62 проекта на сумму 207 млрд. руб. В реестре бизнес-идей 111 инвестиционных предложений на сумму 207,7 млрд. руб. С инициаторами 30 приоритетных инвестиционных проектов Республики Дагестан подписаны инвестиционные соглашения [6].

Анализ проблем предпринимателей позволяет сгруппировать их по следующим направлениям:

Избыточная финансовая нагрузка (совокупно высокий уровень различных отчислений в виде налогов и неналоговых платежей, арендных ставок, тарифов естественных монополий).

По информации Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Дагестан в докладе об итогах деятельности за 2015 г. отмечается резкий рост количества обращений, связанных с высокой налоговой нагрузкой (70% поступивших обращений).

При этом в 2015 г. в республике принят закон «О внесении изменений в Закон РД «О ставке налога при применении упрощенной системы налогообложения» и статью 2 Закона РД «О применении патентной системы налогообложения», предусматривающий налоговые каникулы для индивидуальных предпринимателей, впервые вставших на учет и действующие в производственной, социальной и научной сферах.

Принятый закон позволит легализовать уже существующий бизнес, работающий без регистрации ИП, а также способствовать созданию новых рабочих мест. Экономический эффект от принятия указанного закона проявится не ранее, чем через 3-5 лет.

Труднодоступность услуг кредитования на длительные сроки по льготным ставкам.

Частично снять самую большую проблему предпринимателей – отсутствие финансовой базы, дешевых кредитов поможет созданная Федеральная корпорация развития малого и среднего предпринимательства.

Республика Дагестан подписала с Корпорацией соглашение о взаимодействии и презентовала в марте 2016 г. инвестиционные проекты в г. Ессентуки. Корпорация предоставляет гарантию на получение льготного кредита под 10%.

Кроме того, финансовую поддержку предпринимателям оказывают Фонд микрофинансирования субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Дагестан, предоставляющий микрозаймы субъектам малого и среднего предпринимательства Республики Дагестан под низкие проценты, и Фонд содействия кредитованию субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Дагестан, основной целью которого является предоставление поручительств субъектам малого и среднего предпринимательства при получении ими кредитов в коммерческих банках.

Нарушение сроков представления муниципальных услуг органами местного самоуправления.

Немаловажную роль в формировании благоприятного предпринимательского климата сегодня играют муниципалитеты. От того, как эффективно они работают, напрямую зависит развития бизнеса на данной территории.

Сегодня совершенно очевидна необходимость выявления как позитивных, так и негативных сторон в деятельности органов местного самоуправления, что дает возможность определить достигнутый уровень и двигаться в сторону дальнейшего совершенствования. Все это невозможно без введения критериев оценки, которые показывают реальное положение дел, без применения современной системы мониторинга, которая позволяет практически в реальном времени отслеживать все изменения, связанные с работой по улучшению предпринимательского и инвестиционного климата.

Давление контролирующих и надзорных органов, в том числе правоохранительных.

Проблема взаимоотношений бизнеса и надзорных органов с введением моратория на проверки, регламентируемые Федеральным законом «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», на сегодняшний день стоит так же остро, как и ранее.

Однако периодически выявляются факты давления на бизнес со стороны правоохранительных и надзорных органов, приостановления деятельности предприятий, действующих на законной основе. Указанные проблемы решаются Уполномоченным по защите прав предпринимателей РД совместно с Прокуратурой РД.

Одной из самых серьезных проблем предприятий малого бизнеса республики является высокий уровень коррупции в органах государственной власти. Несмотря на ужесточение борьбы с коррупцией в республике, ее уровень, к сожалению, не спадает.

Можно выделить также и другие проблемы, к которым можно отнести низкий уровень квалификации руководителей малых предприятий, рост арендных платежей, высокий уровень криминальности,

недостаток квалифицированных работников, необоснованные штрафы, низкая информационная обеспеченность. Кроме того, у представителей малого бизнеса довольно низкий уровень доверия к государственной власти и предпринимательским объединениям. Большие нарекания у предпринимателей вызывает судебная система республики, что свидетельствует о высокой коррумпированности государственного аппарата.

Для решения проблем, препятствующих развитию сектора малого предпринимательства, необходимы дополнительные усилия республиканских властей, направленные на совершенствование финансовой поддержки малого бизнеса, нормативно-правового обеспечения его деятельности в республике, методической и информационно-аналитической поддержки, системы подготовки и обучения руководителей предприятий малого бизнеса, межрегиональных и внешнеэкономических связей субъектов малого бизнеса и пр.

Список использованных источников

1. Лапуста М. Г., Старостин Ю. Л. Малое предпринимательство. М.: Инфра-М. 2010. С. – 685;
2. Кондраков Н.П. Основы малого и среднего предпринимательства. Практическое пособие. М.: Инфра-М. 2017. С. – 446;
3. Филимонова Н.М., Моргунова Н.В., Ловкова Е.С. Экономика и организация малого и среднего бизнеса: Учебное пособие. М.: Инфра-М. 2017. С. – 222;
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: www.gks.ru. Дата обращения: 21.12.2016;
5. Официальный сайт Акционерного общества «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства»: corpmsp.ru. Дата обращения: 7.12.2016;
6. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по республике Дагестан: dagstat.gks.ru. Дата обращения: 15.12.2016;
7. Официальный сайт Агентства по предпринимательству и инвестициям Республики Дагестан: www.бизнесдагестана.рф. Дата обращения: 12.11.2016.

Особенности судебно-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетних

А.А.Маллакурбанов

Несовершеннолетние – это особая категория населения, которая наиболее подвержена влиянию извне и наиболее уязвима. В силу данных обстоятельств в отношении данной категории лиц, на наш взгляд, должны устанавливаться специальные специфические нормы, регулирующие те или иные аспекты деятельности государства в отношении несовершеннолетних. Не является исключением и сфера судопроизводства и следствия в отношении указанных лиц, напротив, здесь особое внимание следует уделить возрастной уязвимости лиц и их особому психическому состоянию.

В 1996 г. в Российской Федерации впервые на законодательном уровне было закреплено новое основание прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего обвиняемого – в связи с отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством.

Если несовершеннолетний достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, то он согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ не подлежит уголовной ответственности. Уголовное преследование в отношении такого лица должно быть прекращено в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

При расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних наряду с обстоятельствами, подлежащими доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ, в обязанности следователя входит установление уровня психического развития обвиняемого, иных особенностей его личности. Кроме того, ч. 2 ст. 421 УПК РФ закрепляет необходимость, при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливать также, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

В этой связи необходимо остановиться на способах установления уровня психического развития несовершеннолетнего, наличия или отсутствия у него психического расстройства, отставания в психическом развитии, особенностях собирания, проверки и оценки доказательств, на основании которых констатируется такое отставание.

В соответствии с международными стандартами и принципами в области прав и свобод человека особые правила производства по делам о преступлениях несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ) направлены в первую очередь на защиту этих лиц от необоснованного подозрения или обвинения, на справедливое разрешение дела, на обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя были всегда соизмеримы как с особенностями его личности, так и с обстоятельствами преступления.

Именно поэтому в уголовно-процессуальном законе России определен особый перечень обстоятельств, подлежащих установлению по всем делам о преступлениях несовершеннолетних (ст. 421 УПК). При наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, необходимо также установить, мог ли несовершеннолетний в полной мере

осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими (ч. 2 ст. 421 УПК).

Следует учитывать, что для привлечения к уголовной ответственности необходимо, чтобы уровень умственного развития несовершеннолетнего соответствовал его «паспортному» возрасту. Подлежит прекращению уголовное преследование в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом (ч. 3 ст. 27 УПК; ч. 3 ст. 20 УК). Таким образом, сформулировав указанное положение, законодатель попытался провести разграничение между последствиями двух форм отставания несовершеннолетнего в психическом развитии: связанного и не связанного с психическими расстройствами.

В научной литературе встречается множество терминов для обозначения названного в ч. 3 ст. 20 УК феномена: «психическая возрастная отсталость», «психическое недоразвитие», «возрастная невменяемость» (Н. Кузнецова), «возрастная вменяемость» (В. Гурьева).

Разные наименования обусловлены тем, что понятие «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» действующее законодательство, к сожалению, оставило нераскрытым. В различных публикациях это понятие либо также остается без внимания, либо отождествляется с умственной отсталостью («положение в первую очередь касается умственно отсталых подростков, интеллектуальное развитие которых не соответствует их возрасту») или с педагогической и социальной запущенностью, что вносит неопределенность в его трактовку, порождая острые дискуссии среди ученых.

До сих пор не существует однозначных критериев для применения этой нормы закона. Некоторые специалисты придерживаются крайней точки зрения, согласно которой отставание в психическом развитии всегда связано с тем или иным психическим расстройством. Другие считают, что речь идет об одном из вариантов задержки развития (интеллектуального или личностного), причинами которой могут быть социальная или педагогическая запущенность, наличие сенсорного дефекта, перенесение тяжелых соматических заболеваний.

Многие ученые, занимающиеся проблемами психических отклонений у несовершеннолетних, солидарны во мнении, что «среди причин психопатического развития личности у подростков важное место занимают тяжелая обстановка в семье, конфликтные переживания в связи с неблагоприятным положением в школе и т.п. В подобных случаях симптомы психопатического развития личности особенно трудноотличимы от признаков педагогической запущенности».

Таким образом, проблема разграничения психического заболевания и иных проявлений психических отклонений сложна. И решить вопрос об уголовной ответственности лиц, которые отстают в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, и которые во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, весьма проблематично.

Между тем неоднозначное понимание следователями, судьями и экспертами терминов «отставание в психическом развитии, связанное с психическим расстройством» и «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» обусловило выделение в правоприменительной практике трех подходов: назначение только психиатрической или только психологической экспертизы; назначение психиатрической, а затем психологической экспертизы; назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

В то же время случаев выявления задержки интеллектуального (эмоционально-волевого) развития, не связанной с психической патологией, довольно мало, и выявление их представляет значительную сложность при проведении исследования. Чаще всего недостаточность развития обусловлена определенным видом психическими заболеваниями: органическими поражениями головного мозга, олигофренией и др.

Диагностика умственной отсталости в качестве общих диагностических указаний содержит предписание определения интеллектуального уровня на основе всей доступной информации, включая клинические данные, адаптивного поведения, которое должно конкретизироваться при помощи шкал социальной зрелости и адаптации, стандартизированных с учетом местных условий, и продуктивности по психометрическим тестам.

В ходе же, например, судебно-психиатрической экспертизы «в диагностике умственной отсталости абсолютно преобладают лишь клинические критерии; определение степени социальной адаптированности в соответствии с рекомендациями ВОЗ и психометрическое изучение интеллекта фактически не проводятся». Иначе говоря, проведение одной только судебно-психиатрической экспертизы дает возможность следствию ответить лишь на вопрос, является ли подросток вменяемым. Однако этой информацией, как справедливо отмечает И. Макаренко, нельзя ограничивать изучение психических особенностей несовершеннолетнего.

При этом проведенное исследование показывает, что в большинстве случаев в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых назначается амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза (АСПЭ). Однако изучение и анализ 200 актов судебно-психиатрических экспертиз Калининградской областной психиатрической больницы N 2 показали, что проведение АСПЭ не решает поставленных следствием вопросов, что приводит к назначению стационарной СПЭ.

Следует отметить, что производство экспертизы может потребоваться не только для определения уровня психического развития несовершеннолетнего или иных особенностей его личности (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК), но и для установления факта психического расстройства или отставания в психическом развитии при решении вопроса об обязательном участии педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, достигшего 16-ти лет (ч. 3 ст. 425 УПК), а также подсудимого (ч. 6 ст. 425 УПК).

Сегодня судебно-психиатрическая экспертиза, призванная решать достаточно сложные вопросы, сталкивается с немалыми трудностями в ее проведении: 1) налицо научное несовершенство некоторых методов исследования и теоретических основ существующих научных школ и подходов; 2) неудовлетворительная подготовка профессиональных кадров; 3) производство амбулаторных вместо стационарных психолого-психиатрических экспертиз и т.д. Тем не менее, при всей сложности психологических и психиатрических исследований недостаточной разработанности методик таких исследований, экспертам необходимо их проводить и давать заключение, от которого зависит судьба человека. В силу этого эксперту должны быть присущи в первую очередь такие качества, как принципиальность, объективность, беспристрастность, самостоятельность и самокритичность.

Список использованной литературы:

1. Адыкина Н.Н., Поминчук С.И. Психологическая профилактика пограничных состояний: предотвращение суицида. М., 2013.
2. Кузьмина О.Л. Производство расследования по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: Монография. Калининград: КЛЮИ МВД России, 2012.
3. Макаренко И.А. Особенности назначения судебно-психологической и судебно-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетних // Эксперт-криминалист. 2014. N 4.
4. Подростковая судебная психиатрия: Руководство для врачей // В.А. Гурьева, Н.Г. Дозорцева и др. / Под ред. В.А. Гурьевой. М., 2012.

Услуги как гражданско-правовая категория

Я.М. оглы Махаев

Рынок услуг в России – это один из динамично развивающихся секторов экономики. Однако правовое регулирование данной сферы, по мнению многих ученых и юристов-практиков, нуждается в совершенствовании. При этом, мнения о путях и способах высказываются прямо противоположные. Научный анализ имеющихся концепций и взглядов показал, что изначально нет единства взглядов на корневое понятие «услуга», которое в российском законодательстве имеет довольно размытые границы, а учеными практиками толкуется по-разному и обладает множеством смысловых оттенков. В связи с этим целесообразно обратиться к понятию услуги как предмету указанного вида договора.

Следует подчеркнуть, что выделение услуги в качестве самостоятельного объекта гражданских прав обусловлено специфическими признаками, формирующими понятие услуги, на которые обратили внимание еще юристы древнего мира. Так, в римском праве обязательство об оказании услуг именовалось *locatio-conductio operanum* и делилось на предоставление за плату физического труда и предоставление за плату духовной деятельности. В российской дореволюционной цивилистике выделение обязательств об оказании услуг по общему правилу не проводилось. Однако отдельные ученые все же придерживались позиции, что договоры об оказании услуг имеют право на существование. К примеру, виднейший юрист XIX в. Г. В. Шершеневич, давая классификацию договоров по их цели, выделял договоры о предоставлении пользования чужими услугами. К ним относил личный наем, возмездное оказание услуг, перевозку, доверенность, комиссию, поклажу, товарищество.¹

В юридической литературе советского периода большая группа ученых также обосновала необходимость выделения в системе гражданско-правовых обязательств особого, самостоятельного обязательства об оказании услуг. При этом отсутствовало единство мнений о правовой природе этих обязательств и их видах. Основываясь на материальном характере услуги, Е. Д. Шешенин сделал вывод, что предметом подрядных договоров являются результаты, воплощающиеся в товарах (вещах), а предметом договора, порождающих обязательства по оказанию услуг, – результаты деятельности, не существующие отдельно от исполнителей и не являющиеся вещами.² Согласно другому мнению, в любом возмездном договоре можно усматривать услугу одного контрагента и вознаграждение за нее со стороны другого.³ М.И.Брагинский предложил классификацию на договоры по производству работ и договоры услуг, относя к последнему виду поставки, снабжение энергией и газом и т. д.⁴ Высказывались мнения, что для выделения самостоятельного договора об оказании услуг нет оснований. В науке гражданского права продолжала существовать классификация обязательств, выделяющая обязательства о выполнении работ и обязательства об оказании услуг. Таким образом, обязательства об оказании услуг существовали как *de lege ferenda*.

Сложившаяся ситуация была обусловлена тем, что многие ученые и юристы-практики усматривали главное отличие услуги от работы в том, что услуга не имеет вещественного результата, обладает свойством неосвязаемости. Исследуя понятие услуги, юристы того времени подчеркивали, что услуга проявляется в определенном, как правило, ожидаемом эффекте, который воспринимается зачастую на уровне чувств. Тут

¹ Шершеневич Г. Ф. Учеб. Русского гражданского права (по изданию 1907 г.) М. 2007. С. 316.

² Шаблова Е. Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг. Екатеринбург. 2007. С. 21.

³ Куник Я. А. Кредитные и расчетные отношения в торговле. М. 2008. С. 14.

⁴ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья. М. 2007. С. 897.

же, вещь проявляется, писали они, другое ее свойство – трудность обособления и неотделимость от субъекта, ее оказывающего. Товар же, вещь или результат действий могут существовать отдельно от своего источника, то есть производителя, которым может быть человек или машина. Кстати, услуга также может быть оказана с помощью машины, то есть являться результатом функционирования механизма, однако и в этом случае она все же неотделима от конкретного человека, создавшего данную машину и который в силу своей индивидуальности каждый раз (опосредованно) оказывает эксклюзивную услугу.

Наконец, с принятием части первой ГК РФ проявилась новая позиция законодателя о правовом регулировании такого юридического феномена, как услуга и соответственно ей регулирование отношений возмездного оказания услуг. Категория услуг получила правовое подтверждение в ст. 1, 2, 107, 128, 132, 138, 167, 397, 424, 426 ГК РФ. Основопологающей в данном ряду правовых норм следует признать ст. 128 ГК РФ, выделившую услугу в качестве объекта гражданских прав. Исходя из того, что законодатель в одном ряду объектов перечисляет вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; информацию; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага, а также лексического толкования статьи можно прийти к выводу, что услуги образуют самостоятельную группу объектов гражданских прав наравне с имуществом, работами, информацией, нематериальными благами.

С введением в действие части второй ГК РФ услуга получила свое дальнейшее законодательное регулирование в главе 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг», содержание которой следует признать достижением российской цивилистической мысли. Само по себе признание услуги в качестве самостоятельного объекта гражданских прав следует считать позитивным, хотя вопросов осталось много, поскольку в ГК РФ определение услуги отсутствует, а содержащиеся в ряде принятых позже законодательных актов легальные разъяснения соответствующей правовой категории, как справедливо отмечает М. И. Брагинский, существенно различаются между собой.¹

Дело в том, что в отличие от обязательств по передаче имущества и обязательств о выполнении работ обязательства об оказании услуг общей части не имеют. Нормы главы 39 ГК РФ не могут претендовать на такую роль, поскольку регулируют достаточно четкий круг только фактических услуг (п. 2 ст. 779 ГК РФ). Иные законодательные акты, регулируют договоры тех или иных услуг, содержат модели отдельных типов (видов) договоров и соответственно им предопределяют унифицировать услуг, стирая тем самым их эксклюзивность.

Исходя из изложенного учеными того времени делаются общий вывод о том, что основным критерием отличия работы от услуги является овеществленный и отделимый от исполнителя результат. Этой точки зрения придерживаются М. В. Кротов, Е. Д. Шешенин, Д. В. Мурзин, О. С. Иоффе и др. Полезный результат услуги согласно этой позиции заключается в действиях по ее оказанию и неотделим от самой деятельности.

Иной точки зрения придерживается А. Ю. Кабалкин, который полагает, что категоричность, с какой главным признаком оказания услуг признается отсутствие вещественной формы, не отвечает существу упоминаемых в п. 2 ст. 779 ГК РФ отношений. Например, результатом оказания услуг брокера, коммерческого представителя, патентного поверенного, агента, адвоката могут быть вполне овеществленные, материальные предметы (ценные бумаги, патенты, объекты недвижимости), отделимые от услугодателей и существующие в качестве самостоятельных объектов гражданских прав. Поэтому признак материальности и отделимости результата работы исполнителя, присущий как подряду, так и некоторым отношениям по оказанию услуг, не является, по мнению А. Ю. Кабалкина универсальным для отграничения этих правовых типов.²

В ст. 779 ГК РФ словосочетание «оказание услуг» раскрывается как совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности. Кроме того, в п. 2 данной статьи содержится открытый перечень услуг, подпадающих под действие гл. 39 ГК РФ: услуги связи, медицинские, ветеринарные, аудиторские, консультационные, информационные услуги, услуги по обучению, туристическому обслуживанию.

В целом можно согласиться с утверждением М. Ю. Брагинского, что «после принятия ГК, выделившего договор возмездного оказания услуг, представление о его предмете в литературе в основном сохранилось в прежнем виде»³. И в учебной литературе, и в комментариях к ГК РФ в основном встречаются традиционные формулировки. М. В. Кротов полагает, что предметом обязательства по оказанию услуг являются «действия, результат которых не имеет овеществленного выражения и не может быть гарантирован»⁴. А. Е. Шерстобитов в качестве предмета называет «полученный заказчиком полезный эффект от совершения исполнителем определенных действий либо осуществления им определенной деятельности»⁵, при этом он особо подчеркивает нематериальный характер полезного эффекта. В. А. Кабатов как на общий признак, свойственный различного рода услугам, перечисленным в п. 2 ст. 779 ГК

¹ Брагинский М. И. Договор подряда и подобные ему договоры. М. 2008. С. 226-227.

² Кабалкин А. Ю. Возмездное оказание услуг // Гражданское право. Учебник. Часть 2 / Под ред. А. Г. Калпина. М. 2008. С. 183.

³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья. М. 2009. С. 212.

⁴ Гражданское право. Учебник / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. 2008. Ч. II. С. 539.

⁵ Гражданское право. Учебник: В 2 т. / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. М. 2008. Т. II, пт. 2. С. 5.

РФ, указывает на то, что «их предметом являются, как правило, соответствующие действия, а не их овеществленный результат»¹.

В монографической литературе при формировании понятия «услуги» в качестве основного признака также указывается на нематериальность результата деятельности исполнителя при оказании услуг.

В связи с этим интерес представляют попытки Е. Г. Шабловой сформулировать доктринальное определение услуги. Сначала услугу она определяет как «способ удовлетворения индивидуальной потребности лица, который не связан с созданием (улучшением) вещи или объекта интеллектуальной собственности и достигается в результате деятельности, допускаемой действующим правовым порядком на возмездных началах»². Впоследствии это определение уточняется: «Услуга – это способ удовлетворения индивидуальной потребности лица, который связан с нематериальным результатом деятельности исполнителя, допускаемой действующим правовым порядком, на возмездных началах».

Предлагаемое понятие «услуги» охватывает слишком широкий круг явлений. Исходя из него, практически любой вид деятельности можно отнести к услугам, что соответствует экономической трактовке услуг как вида деятельности, не относящегося к промышленному производству и сельскому хозяйству. Однако при таком подходе большинство договорных обязательств можно отнести к обязательствам об оказании услуг. Так, передача вещи во временное пользование, несомненно, является способом удовлетворения потребности, результат деятельности арендодателя носит нематериальный характер, так как не связан с созданием (улучшением) вещи.

Следует также отметить, что сформулированное Е. Г. Шабловой понятие можно рассматривать лишь в качестве определения услуги как предмета договора возмездного оказания услуг, так как возмездный характер деятельности исполнителя присущ только этому договору. Для других договоров, которые в силу косвенного упоминания их в п. 2 ст. 779 ГК РФ также относятся господствующей доктриной к договорам оказания услуг, возмездность не является существенным признаком, в частности, для договора поручения.

Использует традиционный критерий для разграничения работ и услуг В. В. Кванина. Но она выделяет услуги в широком и узком смыслах: «Под услугой в широком смысле следует понимать любую деятельность, не имеющую овеществленного результата (поручение, хранение, комиссия, перевозка, медицинские, образовательные услуги и др.). А в узком смысле слова под услугой следует понимать деятельность, которая непосредственно направлена не на вещь, а на личность услугополучателя»³. Однако предлагаемый критерий не универсален, так как применим не ко всем видам услуг. Это признает и сама В. В. Кванина, относя к услугам те виды деятельности, которые, хотя и имеют определенный материальный результат, непосредственно направлены на личность услугополучателя (услуги парикмахеров, визажистов, врачей-косметологов и т. д.).

Вместе с тем использование в качестве ключевого признака услуг отсутствие овеществленного результата подвергается в правовой литературе и справедливой критике, которая основана на анализе п. 2 ст. 779 ГК РФ. А. Ю. Кабалкин отмечает, что «многие договоры оказания услуг связи заключаются по поводу отправления писем, бандеролей, посылок. Одним из условий договора туристического обслуживания чаще всего является предоставление определенных транспортных средств. Число таких примеров можно увеличивать за счет иных отношений, например таких, как оказание медицинских услуг по различным видам протезирования»⁴. Т. Л. Левшина также допускает возможность наличия у некоторых видов услуг материального результата. «Более того, – пишет она, – в рамках одного вида услуги осуществление деятельности или действий может иметь материальный результат, а может и не иметь. Так, медицинские услуги по оказанию стоматологической помощи могут иметь такой результат, а терапевтическое лечение – нет».

Следовательно, устоявшееся представление об услугах как деятельности, не имеющей овеществленного результата, не в полной мере соответствует действующему законодательству, что ставит исследователей перед необходимостью искать новые подходы к выявлению сущности услуг как объекта обязательства по оказанию услуг.

Т. Л. Левшина предлагает рассматривать услугу как совокупность деятельности и результата: «результату предшествует совершение действий, не имеющих материального воплощения и составляющих вместе с ним единое целое. Поэтому при оказании услуги «продается» не сам результат, а действия к нему приведшие»⁵. На неотделимость результата указывает и Ю. В. Романец: «Особенностью услуг, отличающей их от подряда, является то, что работа, выполняемая по договору возмездного оказания услуг, направлена на достижение результата, который неотделим от процесса работы»⁶.

Неотделимость результата от деятельности вряд ли можно рассматривать в качестве основного признака услуг. При выполнении работ по переработке или обработке вещи результат также не отделим от самой деятельности, но эти отношения регулируются договором подряда в силу прямого указания закона (п.

¹ Кабатов В. А. Возмездное оказание услуг // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель. 2009. С. 393.

² Шаблова Е. Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг. Екатеринбург. 2008. С. 13.

³ Кванина В. В. Договор на оказание возмездных услуг. Учебное пособие. Челябинск. 2008. С. 31.

⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй / Под ред. проф. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина. М., 2008. С. 452.

⁵ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Отв. ред. О. Н. Садиков. М., 2009. С. 344.

⁶ Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. М. 2006. С. 369.

1 ст. 703 ГК РФ). В то же время при оказании ряда услуг результат, может быть отделен в той или иной форме. Например, при оказании аудиторских услуг аудитор обязан предоставить отчет, который может быть выполнен в письменной форме или на электронном носителе.

А. В. Трофименко предложил разграничивать работы и услуги «в зависимости от преобразования должником в ходе исполнения обязательства формы либо содержания материального или нематериального объекта». По его мнению, при выполнении работ материальный либо нематериальный объект или создается, или уничтожается, или преобразуется его содержание, а при оказании услуг он перемещается в пространстве (в частности, при его перевозке) или во времени (при его хранении), либо преобразуется форма указанного объекта, не затрагивая его содержания. Существенным недостатком предложенного критерия разграничения работ и услуг является его умозрительный характер. Выводы автора не подкреплены исследованием отдельных видов услуг (хотя бы наиболее распространенных), а также положений действующего российского законодательства об услугах, что снижает не только их практическую, но и теоретическую ценность.

О. М. Щуковская определяет услугу как «вид блага, служащий средством удовлетворения потребностей за счет осуществления деятельности (посредством совершения действий) одним субъектом, в полезных свойствах которой и состоит субъективный интерес другого субъекта и на которую у последнего возникает право требования»¹. Отнесение услуг к разряду благ не вызывает возражений, а вот указание на то, что оно служит средством удовлетворения потребностей излишне. В философии под благом понимают «предмет или явление, удовлетворяющие определенную человеческую потребность»², следовательно, удовлетворение потребности является свойством любого блага. Из приведенного определения можно сделать вывод, что автор рассматривает услугу исключительно как деятельность, не принимая во внимание ее результаты (материальные или нематериальные). В отношении ряда услуг можно утверждать, что субъективный интерес кредитора состоит не столько в полезных свойствах самой деятельности, сколько в ее результате. Например, заказчик при оказании ему аудиторских услуг заинтересован, прежде всего, в получении аудиторского заключения.

Так как содержание любого понятия составляет совокупность существенных признаков, выявление признаков услуг представляется чрезвычайно важной задачей. Именно по этому пути пошел Д. И. Степанов, выделив следующие признаки услуги:

– совокупность действий, последовательно сменяющих или дополняющих друг друга, составляет поведенческую характеристику услуги;

– услуга не имеет вещественного результата, как операция обладает свойством неосвязаемости;

– трудность обособления и неотделимость от источника;

– услуга, оказываемая конкретным человеком или сообществом, индивидуализируется, становится в известной мере уникальной, эксклюзивной, хотя и продолжает относиться к конкретному виду деятельности;

– моментальная потребляемость услуги, то есть свойство синхронности оказания и получения услуги;

– неустойчивость качества услуги³.

Однако указанные признаки присущи услуге, прежде всего как экономической категории. Они и были сформулированы первоначально учеными-маркетологами. Использование данных признаков для характеристики услуги как гражданско-правовой категории представляется целесообразным только в том случае, если они порождают те или иные юридические последствия, присущие исключительно услуге.

Тем не менее, Д.И.Степанов исходя из выделенных признаков сформулировал следующее определение услуг: «Услуги – разновидность объектов гражданских правоотношений, выражающихся в виде определенной правомерной операции, то есть в виде ряда целесообразных действий исполнителя либо в деятельности, являющейся объектом обязательства, имеющей нематериальный эффект, неустойчивый вещественный результат либо овеществленный результат, связанный с другими договорными отношениями, и характеризующийся свойствами осуществимости, неотделимости от источника, моментальной потребляемости, неформализованности качества»⁴.

Данное понятие услуг довольно объемно по содержанию, но оно не позволяет с достаточной степенью определенности отграничить услуги от иных гражданско-правовых явлений, в частности, работ. Предлагаемый критерий разграничения работ и услуг – проведение необратимой спецификации материалов (нематериальной вещи) противоречит общепринятому в доктрине и закрепленному в законодательстве пониманию работы как деятельности по изготовлению или переработке (обработке) вещи. Наличие необратимой спецификации предполагается только при изготовлении вещи, а при переработке и, тем более, обработке вещи этого не требуется.

Сомнения в приемлемости данного критерия вызывают и попытки Д. И. Степанова на его основе разграничить деятельность по ремонту на работы и услуги. К работам он относит только ремонт зданий и помещений, а к услугам – деятельность по ремонту оборудования, бытовой техники, инструментов, ювелирных изделий. При этом автор приводит следующую аргументацию: «Фактически производство такого ремонта имеет материальный результат, формально это работа, но результат этот несовместим и несоизмерим с результатом спецификации, он зачастую столь незначителен, что с большим трудом можно

¹ Щуковская О. М. Правовое регулирование деятельности по оказанию правовых услуг. СПб. 2007. С. 16.

² Философский словарь / Под ред. О. Е. Грицанова. М., 2009. С. 46.

³ Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав. М. 2008. С. 16-17.

⁴ Степанов Д.И. Указ. работа. С. 190.

говорить о переработке или обработке. При этом операции по ремонту бытовой техники и мелких бытовых приборов так часто возникают в хозяйственном обороте, что их вполне можно отнести к услугам. В таком случае эти операции могут иметь два режима правового регулирования: один – как работы, второй как услуги».

Последовательное применение Д. И. Степановым указанного критерия заставляет его прибегать и к иным оговоркам.

В частности, выделяя услуги-полурботы или «так называемые услуги», имеющие неустойчивый вещественный результат, он вынужден признать, что для них «является типичным отсутствие признака неосвязаемости, а в некоторых случаях – моментальной потребляемости», хотя последний признак включен в понятие услуги в качестве универсального.

Услуги салонов красоты, парикмахерских, услуги по заморозке он также вынужден признать случайными исключениями и казуистикой¹.

Сложности, возникающие при применении данного критерия для разграничения работ и услуг, свидетельствуют о его недостаточной эффективности.

Таким образом, в цивилистической литературе не только не сформировалось единого общепризнанного понятия услуг, но и не была предложена такая концепция услуг, которая позволила бы раскрыть сущность данной гражданско-правовой категории и отграничить ее от иных правовых явлений, прежде всего, от работ.

Представляется, что сложность разработки понятия «услуги» заключается, в первую очередь, в отсутствии единого понимания экономической сущности данного явления.

Следовательно, вряд ли возможно выработать некое единое понятие, охватывающее оба этих значения услуг. Именно этим могут объясняться неудачи цивилистов при формировании понятия «услуги» как гражданско-правовой категории. Поэтому целесообразно разграничить правовые понятия услуг исходя из их экономического содержания.

Услуги как вид деятельности представляет собой группу общественных отношений, складывающихся в процессе удовлетворения потребностей участников имущественного оборота. Общественные отношения определенного вида в теории права, в том числе и гражданского, рассматриваются в качестве объекта правового регулирования. Соответственно, услуги как вид деятельности являются объектом правового регулирования.

Ответственность за приготовление и покушение на преступление

А.М. кызы Махмудова

Проблема выделения стадий совершения преступления и их видов актуальна и относится к числу важных проблем уголовного права. Осуществление задач уголовного законодательства в соответствии с принципами уголовного права предполагает точное определение круга преступных деяний, применение наказания только к лицам, виновным, в совершении преступлений, и назначение наказания в зависимости от характера и степени реализации преступного умысла. Решение этих задач требует рассмотрения и разрешения ряда вопросов, связанных с неоконченной преступной деятельностью, проявляющихся в таких ее стадиях, как приготовление к преступлению, покушение на преступление.

В действующем уголовном законе выделяются стадии совершения преступления, под которыми понимаются различные этапы в развитии умышленного преступления, осуществляемого виновным лицом и прерванного по причинам, не зависящим от его воли.

Умышленная преступная деятельность включает в себя осознанную, целенаправленную деятельность лица, которая складывается из различных этапов. Осуществляя задуманное, виновный совершает определенные приготовительные действия, а затем совершает деяние, достигая при этом поставленной цели.

На практике возникают серьезные трудности при исследовании и разграничении стадий совершения преступления в силу того, что в уголовно-правовой литературе отсутствует единство взглядов по вопросу содержания понятия стадий, их количества и видов. Вместе с тем точное определение судом стадии совершения преступления имеет значение для правильной квалификации содеянного и индивидуализации наказания.

Как известно, общественную опасность как основной признак преступления, могут представлять не только оконченное преступление, но и действия, предшествующие его завершению, при совершении которых либо возникает угроза причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям, либо им причиняется частичный вред.

Анализ уголовных дел свидетельствует, что постоянно встречаются факты, когда в силу определенных причин задуманное лицом преступление осуществлено не до конца. Налицо неоконченные общественно-опасные деяния, которые по объективному признаку не доведены до конца, но которым надо дать правильную уголовно-правовую оценку для их квалификации, а также индивидуализации уголовной ответственности и назначения справедливого наказания. Такие этапы преступления, существенно различающиеся между собой по характеру общественно-опасных действий и степени их приближенности к преступному результату, признаются действующим законодательством противоправными и наказуемыми.

Одни ученые считают приготовление и покушение стадиями, этапами совершения преступления, либо стадиями развития преступной деятельности, другие относят приготовление и покушение к видам

¹ Там же. С. 205.

неоконченных преступлений, третьи отождествляют стадии преступления с видами неоконченных преступлений. Расхождение в теоретических взглядах в отношении неоконченных преступлений находит свое негативное отражение и в деятельности правоохранительных органов. В частности, при квалификации деяния могут возникнуть затруднения в определении этапа развития преступного умысла, разграничения фактических признаков приготовления и покушения.

Таким образом, тема данного исследования является достаточно актуальной, поскольку общественную опасность как основной признак преступления могут представлять не только оконченное преступление, но и действия, предшествующие его завершению. При этом либо возникает угроза причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям (правам и свободам человека и гражданина, собственности, общественному порядку и безопасности, а также другим интересам общества и государства), либо им причиняется частичный вред.

Этим объясняется необходимость дальнейшего исследования сущности, признаков, видов стадий совершения преступления, а также практики применения соответствующих норм.

Проблемами приготовления и покушения на преступление занимались А.П. Куницын, Н.А. Неклюдов, А.Н. Орлов. – С. В. Познышев, А.А. Чебышев-Дмитриев, Н.С. Таганцев и другие.¹ Они наметили подходы к определению понятия и признаков незавершенной преступной деятельности и ее законодательной регламентации. В дальнейшем, данные понятия разрабатывали А.В. Галахова, А.А. Герцензон, Н.Д. Дурманов, В.Д. Иванов, А.П. Козлов, Л.М. Колодкин, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Мальцев, А.В. Наумов, П.Н. Панченко, К.А. Панько, А.А. Пионтковский, Э.Ф. Побегайло и другие.

Преступное поведение, по своему содержанию отличается от не преступного. Цели, мотивы, принятие решения направлены на совершение общественно опасного деяния. Они формируют вину – умысел либо неосторожность, как внутреннее психическое отношение к общественно опасному деянию. В умышленных преступлениях появление намерения совершить преступление именуется формированием умысла. Обычно на этой стадии и начинаются приготовительные действия к совершению преступления. В соответствии с ч. 1. ст. 30 УК РФ приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам².

Так, приготовление к террористическому акту в аэропорту может выразиться в разработке плана преступления, в изучении системы охраны и сигнализации, выяснении времени прибытия работников аэропорта, прибытия рейсов, изучении времени наибольшего скопления людей ит.д. Приготовление к квартирной краже может состоять в изготовлении отмычек, выяснении времени отсутствия хозяев, договоренности о реализации похищенных ценностей и т.п.

Теоретический анализ и осмысление содержания конкретных стадий совершения преступлений являются чрезвычайно важными для практических работников. Точное определение судом стадии совершения преступления, если оно не было доведено до конца по причинам, не зависящим от виновного, имеет значение для правильной квалификации содеянного и, следовательно, для индивидуализации наказания. Определение судом вида стадии важно также для выявления признаков добровольного отказа от совершения преступления, при котором уголовная ответственность исключается.

При исследовании проблемы стадий совершения преступления возникают серьезные трудности. В уголовно-правовой литературе отсутствует единство взглядов по многим вопросам, в том числе о содержании понятия стадий, об их количестве и видах. В научных трудах нередко употребляются термины, имеющие неоднозначное толкование, которые следует понимать то в широком, то в узком смысле. Часто авторы ничем не аргументируют свои выводы.

Большинство ученых, анализируя содержание ст. 29 и 30 УК РФ, традиционно выделяют три стадии совершения преступления:

- а) приготовление к преступлению;
- б) покушение на преступление;
- в) оконченное преступление.

Процесс совершения преступления, который протекает во времени и пространстве, безусловно, есть явление в объективной действительности. Он представляет собой сложную психическую и физическую деятельность лица, которая проходит (или может проходить) в своем развитии определенные этапы.

Однако науке уголовного права известны и другие взгляды на проблему стадий совершения преступления. Авторы не ограничиваются толкованием содержания уголовно-правовых норм, а предлагают более широкий объем этого понятия. Понятие стадий развития преступления возникло в российской науке уголовного права еще в XIX в., и традиционно включало пять их видов:

- а) возникновение умысла;
- б) обнаружение умысла;
- в) приготовление к преступлению;

¹ Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. М., 2012; Уголовное право. Общая часть: Учебник под ред. А.И. Рарога. М., 2011. Иванов Владимир Дмитриевич. Уголовное право: общая часть. Для студентов вузов. М., 2012; Иногамова-Хегай Л.В. Российское уголовное право. Учебник. В 2-х томах. Том 1: Общая часть. М., 2012.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 03.02.2014). <http://base.consultant.ru/cons/cgi/12.03.2014>.

- г) покушение на преступление;
- д) оконченное преступление.

В российской уголовно-правовой доктрине приготовление признавалось деянием, влекущим уголовную ответственность. Так, Н.С. Таганцев считал приготовлением «действия, когда виновный запасается известными средствами для выполнения задуманного, собирает необходимые для него сведения, ставит себя в такое положение, при котором появляется возможность действовать, и т.д. Случаи этого рода, во-первых, весьма нередко встречаются в судебной практике, а во-вторых, они иногда могут представлять весьма серьезную опасность для правоохранных интересов»¹.

Данная тенденция была продолжена некоторыми учеными в советский период. Так, профессор А. А. Герцезон с небольшими уточнениями называет тот же «набор» стадий:

- а) возникновение умысла (намерения);
- б) подготовка преступления;
- в) само преступное деяние;
- г) преступный результат.

Критерием такого разграничения, по его мнению, выступает степень осуществления преступного намерения. Несколько позднее профессор, учитывая практическое значение разграничения стадий, признает критерием разделения близость наступления общественно опасных последствий и предлагает несколько иную схему классификации, исключив преступный результат как самостоятельную стадию, «само преступное деяние» заменив термином «покушение» и признав обнаружение умысла отдельным элементом, т. е. повторил научную мысль русских ученых. Однако следует отметить ограничения, установленные А. А. Герцезоном, для применения данной схемы. Он полагает, что стадии совершения преступления присущи лишь умышленным деяниям с материальными составами, с чем, конечно, нельзя согласиться.

Например, преступление, предусмотренное ст. 205 УК РФ «Террористический акт» предусматривает в ч.1 ответственность за «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Данное преступление с формальным составом, то есть за угрозу выполнения указанных в диспозиции действий наступает уголовная ответственность. А, как известно, оно является сложным преступлением, предполагающим выполнение конкретных приготовительных действий, как подготовка, приискание соучастников, приискание средств для осуществления взрыва как это наглядно видно на следующем примере. 24 января 2011 года в 16.32 в зале прилета международного терминала московского аэропорта «Домодедово» произошел взрыв. Взрывное устройство, начиненное металлическими поражающими элементами, привел в действие террорист-смертник, находившийся в толпе встречающих².

Профессор А. А. Пионтковский, критикуя позицию А. А. Герцезона, возражает против включения в число стадий совершения преступления возникновение умысла и предлагает свой перечень, считая первой, но ненаказуемой стадией обнаружение умысла. Профессор Н. Д. Дурманов не признает обнаружение умысла стадией совершения преступления, хотя бы и ненаказуемой. Логично рассуждая, заключает он, стадия обнаружения «голового» умысла не является продвижением на пути к достижению преступного результата, не представляет нового в сравнении с формированием умысла³. Данная позиция была поддержана другими учеными, исследовавшими проблему стадий совершения преступлений.

Все последующие публикации по данному вопросу, за редким исключением, содержали анализ трех стадий: приготовление к совершению преступления, покушение на совершение преступления, оконченное преступление, о чем уже было сказано выше.

Такой разброс мнений относительно количества стадий и их содержания можно объяснить тем, что авторы имеют в виду различные понятия: одно связано со стадиями развития преступной деятельности от возникновения умысла до его реализации (включительно), другое — с моментами, когда преступная деятельность лица была прервана по обстоятельствам, не зависящим от него, и преступление оказалось неоконченным.

Профессор Н. Д. Дурманов отмечал, что термин «стадии совершения преступления» имеет двоякое значение и используется для:

- 1) установления этапов, которые проходят оконченные преступления;
- 2) определения особенностей привлечения к ответственности за преступное деяние в зависимости от этапа, на котором было прекращено совершение преступления⁴.

Данная позиция была поддержана Н. Ф. Кузнецовой, которая четко разграничила понятия стадий, выделив стадии совершения преступления и виды неоконченной преступной деятельности, и предложила другие наименования для определения стадий в первом значении:

- 1) формирование умысла (намерения совершить преступление);
- 2) подготовительные действия;
- 3) исполнение преступления (что, по ее мнению, соответствует покушению).

¹ Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Гриф Верховного Суда. М., 2013. <http://www.vuzlib.org/books/2331>. Дата обращения 12.03.2014.

² РИА Новости <http://ria.ru/spravka/20140124/990669937.html#ixzz2wit4PA1L>. 12.03.2014.

³ Уголовное право. Общая часть: Учебник под ред. А.И. Рапога. М., 2012.

⁴ Ермакова Л.Д. // Уголовный процесс. — №9 сентябрь 2005 г. <http://www.ugpr.ru/arhiv/12.03.2014>.

4) наступление общественно опасных последствий (соответствует стадии оконченного преступления).

Что касается понятия стадий во втором значении, то уточнение выразилось во введении признака прерванности. Приготовление, по ее мнению, — это прерванные подготовительные действия, а покушение — прерванное исполнение состава преступления. Формирование умысла во втором случае находится за рамками уголовно-правовых отношений. Оконченное преступление связано с наступлением общественно опасных последствий¹.

В принципе, почти все рассуждения Н. Ф. Кузнецовой представляются правильными, однако попытка ввести новые наименования стадий совершения преступлений не выглядит убедительной. Данные предложения больше походят на элементарные пояснения терминологии, используемой в законе: например, приготовление — это подготовительные действия.

Гораздо убедительнее выглядит признак прерванности как критерий разграничения двух понятий. «Прерванные этапы совершения преступления, — пишет Н. Ф. Кузнецова, — не могут по своей сути вести к оконченому преступлению. Стадии же, как этапы совершения преступления, исключают их прерванность». Данную точку зрения разделяет М. П. Редин. Упоминают о двойном подходе к изучению стадий совершения преступлений и другие авторы, но раскрывают понятие стадий только в рамках уголовно-правового института, считая приготовление, покушение и оконченное преступление уголовно — наказуемыми стадиями.

Процесс совершения преступления, который протекает во времени и пространстве, безусловно, есть явление в объективной действительности. Он представляет собой сложную психическую и физическую деятельность лица, которая проходит (или может проходить) в своем развитии определенные этапы. В обобщенной форме этот процесс профессор А. А. Герцензон определяет следующим образом: «В умышленном преступлении различаются намерения субъекта, его действия и наступление известного результата действия». В философии явление — это внешнее обнаружение сущности, форма ее проявления. Сущность и явление — категории материалистической диалектики, отражающие характеристики вещей, которые используются в процессе познания событий, происходящих в объективной действительности. Как представляется, А. П. Козлову не удалось избежать смешения двух значений термина «явление». Совершенно очевидно, что при исследовании стадий совершения преступления речь может идти только о понятиях, отражающих явления объективной действительности, как для первого, так и для второго значения. Различие заключается в том, что первое понятие отражает непрерывное развитие оконченного преступления, а второе — законодательное определение понятий прерванной преступной деятельности, используемое судом для квалификации и назначения наказания, если преступление не было окончено по причинам, не зависящим от виновного.

Закон раскрывает содержание понятий приготовления к преступлению и покушения на него. Однако имеющиеся определения не отражают сущности какого-либо иного явления, а характеризуют в законодательной форме две стадии, выделенные из процесса совершения преступления, как наиболее опасные для общества, если задуманное преступление не удалось довести до конца. На взгляд автора, совершенно очевидна неразрывная связь двух понятий: стадий совершения оконченного преступления (понятия стадий в первом значении) и стадий неоконченного преступления (понятия стадий во втором значении).

По мнению профессора А. П. Козлова, в ст. 29 и 30 УК РФ речь идет не о стадиях, а о видах неоконченного преступления². «Покушением признается пресеченное виновное исполнение преступления от его начала до частичного наступления результата включительно»³. Такая подмена понятий не выглядит логичной и убедительной. В самом деле, почему при оконченом преступлении наказуемым является весь процесс совершения преступления (при этом каждая предыдущая стадия поглощается последующей, и все они охватываются последней — стадией оконченного преступления; в некоторых же случаях стадия приготовления даже может быть признана самостоятельным преступлением, наказание за которое назначается по совокупности преступлений), а при неоконченном преступлении наказуемыми будут не те этапы, на которых преступление прервано, а что-то иное. Если исходить из того, что приготовление и покушение, о которых говорится в ст. 29 УК РФ, не являются частью процесса развития преступления, то совершенно очевидно, что они не могут быть стадиями этого процесса. Поэтому авторы и прибегают к другим наименованиям стадий преступления в первом значении, чтобы подчеркнуть самостоятельность этого явления.

Следует, конечно, учитывать, что первое понятие шире второго, оно включает не только приготовление и покушение, но и другие стадии. Оно является общим по отношению к особенному — характеристике уголовно наказуемых стадий, если преступление не доведено до конца по причинам, не зависящим от виновного. Таким образом, второе понятие является производным от первого и не может развиваться самостоятельно, по своим собственным законам.

В чем А. П. Козлов, бесспорно, прав, так это в признании необходимости самостоятельного изучения обоих понятий.

Первой стадией совершения оконченного преступления следует признать возникновение умысла (или намерения, как пишут некоторые авторы). Рассматривая преступление как разновидность поведения

¹ Там же.

² Козлов А. П. Учение о стадиях совершения преступлений. — СПб.: Юридический центр пресс, 2002. — С. 78.

³ Там же. — С. 279.

человека с присущими ей психофизическими свойствами, профессор Н. Ф. Кузнецова констатирует, что физической активности в виде действия или воздержания от него «всегда предшествует процесс мотивации, определение цели (целеполагания) и принятие решения... Именно с появления намерения совершить преступление начинается антиобщественное поведение лица, возникает так называемый «голый умысел».

Формирование умысла признает первым этапом антиобщественного поведения лица профессор Б. В. Яценко. «Выполнению объективной стороны преступления, - пишет он, - предшествует сознательно волевой процесс моделирования лицом будущего преступного поведения, который именуется формированием умысла».

Поскольку речь идет об умышленном преступлении, т. е. о целенаправленной деятельности человека, совершенно очевидно, что такая деятельность немыслима без зарождения самой идеи, намерения совершить преступление, которое может включать в себя не только постановку цели, но и определение средств ее достижения, выбор способов совершения и сокрытия преступления.

Например, следует обратить внимание на определение понятия разбоя. Согласно ст. 162 УК РФ разбой есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Объективная сторона данного преступления характеризуется в законе как нападение, соединенное с насилием (способ совершения преступления) либо с угрозой насилия. По конструкции состав преступления усеченный (или формальный, как он определяется в большинстве учебников), поэтому преступление признается оконченным с момента выполнения действия указанным способом. Такая формулировка понятия разбоя исключает стадию покушения на совершение преступления, поскольку частично выполнить нападение нельзя, на что неоднократно обращал внимание Верховный Суд РФ в постановлениях от 22.03.66 № 31, от 05.09.86 № 11, от 27.12.2002 № 29: «Разбой считается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия»¹.

Как видно из материалов следующего уголовного дела, рассмотренного Верховным Судом РД, Мусагаджиев Г.М. принимал участие в устойчивой вооруженной группе (банде) и совершаемых ею нападениях. Им также был совершен разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, организованной группой, с применением оружия, насилия и с угрозой применения насилия, в особо крупном размере при следующих обстоятельствах: в конце мая 2012 года Мусагаджиев Г.М. под воздействием уговоров к совершению открытого хищения чужого имущества, вступил в устойчивую, вооруженную группу (банду), в целях нападения на граждан и совершения преступлений на территории Республики Дагестан. Действуя согласованно, заранее распределив роли каждого, лица из банды разрабатывали планы совершения разбоев в отношении жителей, занимающихся перевозкой крупных денежных сумм наличными от Российско-Азербайджанской границы в г. Махачкалу, направленные на нападение в целях хищения их денежных средств, неправомерного завладения их автомобилями. Для осуществления запланированных разбоев, лица, состоящие в банде, разрабатывали преступный план, распределив роли, вместе с лицами привлекли необходимое количество сил и средств, а именно автомашины ВАЗ-21713 «Приора» черного цвета, ВАЗ-2114 серебристого цвета, камуфлированную одежду и форму сотрудников ДПС МВД РФ, матерчатые маски с прорезями для глаз, огнестрельное оружие – автоматы Калашникова, пистолеты неустановленного образца, боеприпасы к ним, которые хранили в неустановленных в ходе предварительного следствия местах или в местах своего проживания и в других съемных квартирах, неустановленных в ходе предварительного следствия.

Таким образом, были совершены все подготовительные действия, выразившиеся в приготовлении к преступлению, то есть приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления².

Действия преступников нельзя квалифицировать как оконченное преступление, поскольку они не были направлены непосредственно на объект: преступники не пытались взломать дверь, не применяли насилие к потерпевшему и не угрожали ему. Действия соучастников заключались в предварительном сговоре на совершение разбоя, в разработке конкретного плана, в распределении ролей между участниками группы, прибытии к месту преступления и попытке обманном путем проникнуть в квартиру, что создавало условия для совершения преступления. Такие действия могут быть признаны только приготовлением к преступлению. И в данном случае уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям.

Таким образом, стадии совершения преступления можно определить как этапы развития преступления, которые отличаются друг от друга по объективным признакам, т. е. по характеру совершаемых действий (бездействия), имеющих различную степень общественной опасности и свидетельствующих о степени реализации умысла виновного.

Конечно, при исследовании данной проблемы нужно исходить из двух значений понятия стадий совершения преступления и из их неразрывной связи. Первое понятие относится к стадиям развития

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». (Дата обращения 12.03.2014).

² Дело № 2-69/2013. Архив Верховного Суда РД.

оконченного преступления. Оно важно для учета степени общественной опасности разных этапов совершаемого преступления и определения момента, с которого преступление следует считать оконченным (в виде выполненного деяния или наступления общественно опасных последствий). Второе — для решения вопроса об установлении уголовной ответственности в тех случаях, когда преступная деятельность прервана на каком-то этапе по причинам, не зависящим от виновного, и совершенное лицом деяние не содержит всех признаков состава преступления. Первое понятие — теоретическое, но имеет большое уголовно-правовое значение как для законодателя при определении круга общественно опасных деяний, признаваемых преступлениями, так и для судов при рассмотрении конкретных уголовных дел.

Второе понятие стадий содержится в ст. 29 и 30 УК РФ (хотя без употребления этого термина). Приготовление и покушение как имеющие значительную общественную опасность и наиболее приближенные (в отличие от возникновения умысла и его обнаружения) к стадии оконченного преступления, определяются законом в качестве наказуемых стадий неоконченного преступления. Это понятие необходимо судам для правильной квалификации деяния, если нет признаков оконченного преступления, а противоправная деятельность была прервана по причинам, не зависящим от виновного. Поэтому использование термина «стадии совершения преступления» применительно к анализу содержания ст. 29 и 30 УК РФ представляется вполне обоснованным и правильным.

Выполнение требования закона о всестороннем, полном и объективном исследовании судом всех обстоятельств дела (ст. 73 УПК РФ)¹ включает установление не только признаков оконченного преступления, но и предварительной преступной деятельности, а также точное определение вида стадий неоконченного преступления, что будет способствовать реализации конституционного принципа законности и соблюдению прав и свобод человека и гражданина.

В действительности формирование умысла (злоумышление), не может быть предметом уголовно-правовых отношений. Общеизвестный принцип уголовного права гласит: «мысли ненаказуемы». Безнаказанность формирования умысла проистекает из международного и конституционного права свободы мыслей и убеждений. По тем же основаниям не имеет уголовно-правового значения обнаружение умысла в словах, письменно. В самом по себе обнаружении умысла не содержится никакой общественной опасности. Часто такое обнаружение даже мешает исполнению задуманного, ибо намерение «злоумышленника» становится достоянием третьих лиц.

Обнаружение умысла нельзя отождествлять с преступлениями типа «призывов», «пропаганды», клеветы. Каждое из этих преступлений посягает на свой объект — мир и безопасность человечества, конституционный строй, честь и достоинство личности. Если обнаружение умысла никакого ущерба правоохраняемым интересам не причиняет, то в случае с приведенными преступлениями такой ущерб налицо.

Таким образом, изложенное нами позволяет нам сделать ряд заключений:

- а) формирование умысла на совершение преступления находится вне пределов уголовно-правовых отношений;
- б) обнаружение умысла не является стадией совершения преступления;
- в) обнаружение умысла нельзя смешивать с угрозой совершения преступления, подстрекательством к совершению преступления или призывами и иными «словесными» преступлениями, предусмотренными в уголовном законе.

Итак, стадии совершения преступления — это существенно различающиеся между собой этапы осуществления преступления, движимого прямым умыслом. Значение стадий совершения преступления заключается в квалификации преступления и определении его степени общественной опасности. Естественно, при этом учитывается выяснение того обстоятельства, покушением на какое преступление по степени тяжести, является то или иное деяние, поскольку от этого зависит назначение справедливого наказания.

Социально-правовая сущность участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам несовершеннолетних

А.Э.Мехралиева
Р.Н.Пирова

Современное российское общество переживает весьма неблагоприятную ситуацию с преступностью несовершеннолетних. Несмотря на некоторые статистические колебания, уровень данного вида преступности остается достаточно высоким [13. — С. 15]. Ежегодно в органы внутренних дел за различные правонарушения доставляется более 1млн. несовершеннолетних [24].

Неутешительны и качественные показатели преступности несовершеннолетних, так как преобладающее место в ее структуре занимают тяжкие преступления и преступления, совершенные в составе группы. Данной сложившейся ситуацией обусловлен определенный закономерный повышенный интерес ученых и практиков к различным проблемам, возникающим в ходе производства по делам о преступлениях несовершеннолетних в российском уголовном процессе, а также вопросам, возникающим в ходе осуществления защитительной деятельности преступников данной категории.

¹ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 03.02.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.02.2014). <http://base.consultant.ru/cons/cgi/o> (дата обращения 20.03. 2014).

Законодательная практика всех цивилизованных стран мира определила право на защиту не только как возможность обвиняемого осуществлять защиту собственными силами, но и как допустимость привлечения для осуществления этой деятельности другого лица, которое в силу имеющейся квалификации способно грамотно и эффективно осуществить защиту [2. – С. 20]. Данная деятельность возложена законом именно на адвоката-защитника, который и является этим «лицом».

В настоящее время адвокатская деятельность и адвокатура в Российской Федерации в целом переживают период, который без преувеличения можно охарактеризовать как время революционных перемен. В связи с вступлением в законную силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации» происходит трансформация самой системы уголовного судопроизводства с розыскной на состязательную, «защитительная» функция юстиции получает приоритет над «карательной». Указанные нормативные акты вывели статус адвоката на качественно новый уровень. С учетом предоставленных прав и полномочий профессиональная защита по уголовному делу уже далеко не бесправна. Ушли в прошлое те времена, когда адвокаты были полностью зависимы от власти, беззащитны перед ее произволом и не имели эффективных механизмов реализации целей своей деятельности. Ныне адвокат-защитник – это достойный, уважаемый и сильный противник, с позицией которого стороне обвинения необходимо считаться, а потому тщательно готовиться к каждому состязательному «поединку» [3. – С. 39].

Одним из проявлений особой защиты подростка, попавшего в орбиту уголовного процесса следствие совершения уголовно-наказуемого деяния, служит предусмотренная ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса России норма об обязательном участии защитника в уголовном судопроизводстве по делам о преступлениях несовершеннолетних вообще, и в доказывании по данной категории дел – в частности.

Как известно, несовершеннолетние – социально, умственно, физически, нравственно и духовно незрелая категория общества, которая нуждается в особом повышенном внимании и заботе государства и общества [6. – С. 23]. Именно потому Г.М. Миньковский указывает, что развитие интеллекта несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого должно изучаться более детально, нежели развитие интеллекта взрослого. Соответствующие данные, справедливо утверждает он, имеют по делам о несовершеннолетних весьма большое значение для решения вопроса о самой возможности применения мер наказания и о наиболее целесообразной из них [15. – С. 26]. Государство заинтересовано в повышенной охране прав и интересов таких лиц, в результате чего оно избавляет себя от возможных ошибок на следствии и суде [10. – С. 47].

По мнению профессора И.Л. Петрухина, все уголовно-процессуальное право – от общих принципов до конкретных норм – представляет собой совокупность процессуальных гарантий, обеспечивающих достижение целей уголовного судопроизводства [25. с. 59]. Процессуальные гарантии – это, как видим, не только гарантии личности, но и гарантии установления истины, правильности разрешения дела. Еще Пленум Верховного Суда СССР подчеркивал, что «осуществление права на защиту представляет собой важнейшую гарантию правосудия и необходимое условие успешной борьбы с преступностью» [19. – С. 65].

Обратимся к нормам Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, которые подчеркивают: «поступки молодых людей или поведение, которое не соответствует общим социальным нормам и ценностям, во многом связаны с процессом взросления и роста и что, как правило, по мере взросления поведение большинства индивидов самопроизвольно изменяется» [15. – С. 286]. Это изменение касается не только физического, но и интеллектуального, волевого, психического развития подростков.

Как отмечает В.Л. Васильев, подростковая фаза – это продолжение первичной социализации. В нормальных условиях процесс усвоения моральных и правовых норм поведения заканчивается именно в этом возрасте [1. – С. 35]. Уголовный закон учел данное обстоятельство, установив частичную уголовную ответственность лиц, достигших 14 лет и полную уголовную ответственность за все преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации лиц, достигших 16 летнего возраста.

Как известно, подростку, вошедшему в конфликт с уголовным законом, сложно самостоятельно осуществлять защиту интересов и отстаивание своих прав. Как показывает практика, в подавляющем большинстве случаев дети, попадающие в сферу уголовного процесса в качестве обвиняемых или подозреваемых, так же как и их родители, а равно попечители и законные представители, не имеют четкого объективного представления о своих правах и обязанностях. Зачастую они не обладают даже минимально необходимыми юридическими знаниями в области уголовного судопроизводства, не разбираются в тонкостях и нюансах уголовно-процессуального доказывания, от исхода которого зависит окончательное решение, выносимое по уголовному делу, а значит и дальнейшая судьба подростка.

Несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый) не всегда способен правильно оценить необходимость и возможные последствия тех или иных действий по защите его законных интересов, а также ему в большей мере, чем взрослому, нужна помощь в реализации процессуальных прав и обязанностей [4. с. 23]. Из этого следует необходимость участия в доказывании адвоката-защитника, способного оказать нужную защиту и юридическую помощь несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому. Несоблюдение этого правила является «существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущее отмену приговора» [20. – С. 530].

В современных условиях, когда Российская Федерация рассматривает себя как часть мирового сообщества с его правовыми институтами, когда гражданское общество немыслимо без независимого от органов государственной власти и местного самоуправления сообщества профессиональных юристов –

адвокатов, поэтапное реформирование национальной законодательной базы характеризует переосмысление принципов, подходов и ценностей как в построении всего уголовного процесса, так и в определении роли, места и статуса такой процессуальной фигуры как адвокат-защитник. Именно на него государство возлагает миссию защиты прав и интересов каждого, кто обвиняется в совершении преступления, поскольку человек, а в особенности подросток, становится уязвимым из-за тяжелой психофизической ситуации уголовного преследования, которое должно осуществляться исключительно в рамках закона без каких бы то ни было отступлений.

Уголовно-процессуальный закон «провозглашает в качестве важнейшей цели судопроизводства защиту прав и законных интересов человека, будь то обвиняемый, потерпевший или свидетель. В ряде случаев достижение этой цели более важно, чем установление истины по делу» [11. – С. 5]. Во многом именно необходимостью реализации этого четко определенного назначения уголовного судопроизводства объективно обусловлена возрастающая роль в нем адвоката-защитника лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Справедливо заметила О.И. Осадчая, «...адвокатура – это институт, призванный в т.ч. и стимулировать работу правоохранительных органов, и не допускать вынесения обвинительного приговора в отношении того лица, чья вина не доказана. Не стоит забывать и о том, что адвокат противостоит возникновению судебных ошибок, из-за которых невиновные люди иногда годами сидели в тюрьмах, а иногда и лишались жизни» [18. – С. 49].

Низкое качество предварительного расследования по делам несовершеннолетних, распространенность нарушений норм уголовно-процессуального права, факты применения насилия в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых вследствие низкого профессионального и нравственного кадрового состава органов уголовного преследования – дополнительный фактор, требующий обязательного участия защитника по делам несовершеннолетних [26. – С. 7]. Как верно отмечает в этой связи Ю. Квартин: «адвокат защищает закон от произвола» [9. – С. 11], он призван выполнять контрольно-сдерживающую функцию, направленную на укрепление уголовно-процессуального порядка, оберегать людей от «властных излишеств» [12. – С. 39].

Доказывание в уголовно-процессуальном праве занимает центральное место как в установленной законом процедуре уголовного судопроизводства, так и в уголовно-процессуальной теории. Выдающийся юрист В.Д. Спасович еще в позапрошлом веке писал, что теория доказательств «составляет центральный узел судопроизводства, душу всего уголовного процесса, начало движущее, образующее, статью процесса самую существенную, которая обуславливает и устройство судов и все главные формы судопроизводства» [23. – С. 7].

Для оказания эффективной правовой помощи несовершеннолетнему обвиняемому нужно знание целого ряда специфических рекомендаций методического плана, большого объема нормативного материала, положений возрастной психологии и т.п. Повышенную сложность представляет решение вопросов, касающихся взаимоотношений с подзащитным, сочетания защиты законных интересов со способствованием воспитательно-предупредительному воздействию процесса. Лицам, не имеющим специализации по делам рассматриваемой категории, учесть все эти моменты, по меньшей мере, весьма затруднительно. В связи с этим, верно отмечают Н.И. Гуковская, А.И. Долгова, Г.М. Миньковский, что «по делам рассматриваемой категории крайне желательно участие адвокатов, специально занимающихся защитой несовершеннолетних обвиняемых» [5. – С. 39]. Так как адвокат несет относительно большую ответственность за линию защиты. По делам несовершеннолетних он по существу выбирает ее сам, без консультации с подзащитным. В ходе разбирательства он должен уметь выделить те, казалось бы, «мелочи», которые именно по делам несовершеннолетних приобретают важное значение [17. – С. 189].

В юридической литературе неоднократно также высказывались предложения о необходимости законодательного закрепления запрета адвокатам, не имеющим достаточного опыта, осуществлять защиту по отдельным категориям дел. В частности, по мнению Н.И. Снегиревой, поддержанному иными авторами и нами, в частности, необходимо дополнить УПК РФ требованием, согласно которому защитником несовершеннолетних обвиняемых могут быть лишь адвокаты, имеющие стаж работы адвокатом не менее трех лет [22. – С. 41]. Также нами всецело поддержана точка зрения Р.З. Еникеева о том, что «профессионально компетентную, юридически грамотную и эффективную защиту прав и интересов несовершеннолетнего могут обеспечить только специально подготовленные адвокаты» [7. с. 69]. Только такие адвокаты способны содействовать максимальной индивидуализации уголовного процесса по делам несовершеннолетних.

УПК РФ предусматривает возможность участия в деле по решению суда в качестве защитника, наряду с адвокатом, и одного из близких родственников обвиняемого или иного лица, о допуске которого ходатайствует обвиняемый, а при производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката. Против второй части данного положения высказывался ряд авторов [14. с. 34], справедливо предлагая дополнить главу 50 УПК РФ уточняющей нормой, что в качестве защитников в отношении несовершеннолетних – независимо от подсудности уголовного дела – должны участвовать только адвокаты. В подтверждении внесенного предложения мы опираемся на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 года «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», в котором за каждым словом «защитник» следует уточнение в скобках словом «адвокат» [21. с. 6].

Таким образом, нами подтверждается тезис о социальной и правовой обусловленности деятельности адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Список литературы:

1. Васильев В.Л. Юридическая психология: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2008.
2. Волков В., Подольный А. Как гарантировать квалифицированную юридическую помощь? // Российская юстиция. 2000, №9.
3. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. – Иркутск, 2005.
4. Гуковская Н.И., Долгова А.И., Миньковский Г.М. Расследование и судебное разбирательство уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних. – М., Юридическая литература, 1974.
5. Там же.
6. Еникеев З.Д., Еникеев Р.З. Участие адвоката-защитника в доказывании по делам о преступлениях несовершеннолетних: социально-этические и процессуально-криминалистические проблемы: Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2004.
7. Еникеев Р.З. Проблемы доказывания в деятельности адвоката-защитника по делам о преступлениях несовершеннолетних: Дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2004.
8. Как уберечь детей от преступности // Российская газета. 18 мая 2006 г.
9. Квартин Ю. Не именем революции, а именем закона / Российская газета. 2000. №8.
10. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Отв. ред. В.И. Радченко. – 2-е изд. – М.: Юрайт-Издат, 2007.
11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Петрухина. – М.: Проспект, 2003.
12. Лубшев Ю.Ф. Адвокат в уголовном деле. – М., Юрист. 1997.
13. Марковичева Е.В. Осуществление защиты по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Уголовное право и процесс. 2008, №2.
14. Ткач А. Монопольное право российской адвокатуры // Российская юстиция. – 2004. №4.
15. Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Норма-Инфра, 2002.
16. Миньковский Г.М. Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. – М.: Юридическая литература, 1959.
17. Там же.
18. Осадчая О.И. Моральные и нравственные аспекты адвокатской деятельности // Адвокатская практика. 2008. №4.
19. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924 – 1970 // Известия Советов депутатов трудящихся. – М., 1970.
20. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. №7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» / Сборник Постановлений Пленумов по уголовным делам. – М.: Спарк, 2001.
21. См.: Российская газета. 14 марта 2000.
22. Снегирева Н.И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2001.
23. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств. – СПб., 1861.
24. Статистический отчет ВЦ МВД РФ за 2006г.
25. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Отв. ред. И.Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2009.
26. Химичова Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – М., 2003.
27. См. статистические данные на официальном сайте МВД России: www.mvd.ru.

Прокурорский надзор в укреплении законности

М.М.Мусаев

Право и законность необходимо рассматривать как мощный социальный регулятор, обеспечивающий решение сложных политических, экономических, социальных, национальных и культурных проблем. Законность в нашем государстве – это мощный организующий и дисциплинирующий фактор, требующий строгого соблюдения государственной и трудовой дисциплины, четкого выполнения каждым своих обязанностей, способствует росту активности граждан и в то же время удерживает их от произвола и беззакония.

Важное значение в укреплении законности принадлежит Конституции РФ. Принцип законности обозначен Конституцией как неперемное условие жизни нашего общества, успешной деятельности государственных органов, различного рода общественных образований, должностных лиц и поведения граждан. В статье 15 Конституции провозглашено, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы.

Прокурорский надзор за точным и единообразным соблюдением законов распространяется на широкую сферу государственной, общественной и частной деятельности. Их разнообразие объективно обуславливает необходимость выделения в рамках единого по сути своей прокурорского надзора определенных его направлений. При этом единый в конечном счете объект надзора – законность соответствующей деятельности видоизменяется, приобретает «специализацию» с учетом конкретной деятельности поднадзорного объекта (структуры).

Прокурорский надзор отличают от контроля вышеуказанных органов следующие черты.

Прокуратура не обладает никакими административными функциями, поэтому не вмешивается непосредственно в оперативно-хозяйственную и организаторскую деятельность органов, за законностью действий которых она осуществляет надзор, и, наконец, не подвергает деятельность и акты соответствующих органов государственного управления оценке с точки зрения сиюминутной целесообразности, а лишь осуществляет надзор за тем, чтобы государственные органы, общественные организации, должностные лица и граждане не нарушали закон.

Вскрыв нарушение, прокуратура сама его не устраняет, а передает дело на рассмотрение суда, либо соответствующего государственного органа.

Исключением из этого общего правила является надзор прокуратуры за исполнением закона при расследовании уголовных дел и частично при надзоре за местами лишения свободы. Здесь прокурор обладает властными полномочиями и сам своей властью может устранить выявленные нарушения закона.

Существенным отличием прокурорского надзора является и то, что он осуществляется от имени федерального государства, поэтому имеет самые широкие границы, распространяется на все федеральные министерства и ведомства, представительные и исполнительные органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, военного управления. При этом предметом и объектом надзора может быть и деятельность контролируемых органов.

Таким образом, прокуратура ввиду специфики своей деятельности и структуры объединяет усилия контролируемых органов: местных, региональных и центральных, а также деятельность органов исполнительной власти – федеральных и региональных, поскольку прокурор осуществляет надзор за исполнением всех законов, действующих на территории России. Это особенно важно, когда в стране резко увеличилось количество субъектов законотворчества. В этих условиях ни одна иерархическая структура органов исполнительной власти не может оптимально функционировать при наличии только контроля вышестоящих органов за исполнением законов нижестоящими учредителями. Такой контроль дополняется надзором за соответствием законам деятельности, а также правовых актов каждого звена данной структуры, осуществляемым соответствующим по уровню органом единой централизованной прокурорской системы. Взаимодействие ведомственного контроля и прокурорского надзора остается надежным средством обеспечения законности в стране. Прокуратуру, в известной мере, можно рассматривать как системообразующее, саморегулируемое ядро государственного контроля. Надзирая в пределах своей компетенции за исполнением законов контролирующими органами, она консолидирует и активизирует их деятельность, способствует преодолению местных и ведомственных влияний на них, воздействия криминальных структур, их очищению (в том числе путем привлечения к уголовной ответственности) от недобросовестных и коррумпированных чиновников.

Для того чтобы прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением законов осуществлялся в полном объеме, необходимо дать правильное определение понятия законности, как социального явления.

Отдельные правоведы сводят понятие законности лишь к законам и подзаконным актам, не учитывая того, что это лишь один из элементов, составляющих содержание законности.

Но если законы не будут проводиться в жизнь, а оставаться только на бумаге, воля законодателя останется только пожеланием. Поэтому исполнение закона является непременным условием соблюдения законов.

Государство создает систему гарантий, обеспечивающих исполнение законов. Наиболее существенной гарантией является прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением законности. Это также является составным элементом понятия законности.

Государство устанавливает различного рода ответственность за допущенное нарушение закона в зависимости от степени опасности нарушения. Ответственность может быть уголовной, административной, дисциплинарной или материальной, но она должна неотвратимо наступить.

Законодательство Российской Федерации четко определило задачи, стоящие перед органами прокуратуры. Основопологающей задачей является осуществление надзора за точным и единообразным исполнением законов органами местного самоуправления краев, областей, автономных областей, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга, краевой, областной администрации, администрации автономной области и автономных округов, а также надзор за исполнением законов федеральными министерствами и ведомствами, министерствами и ведомствами Российской Федерации, иными органами государственного и хозяйственного управления и контроля, предприятиями, учреждениями, организациями и объединениями, вне зависимости от их подчиненности, общественными организациями и движениями, должностными лицами и гражданами.

Эта задача, сформулированная в законе, охватывает в целом всю деятельность органов прокуратуры по всем отраслям надзора и основным направлениям деятельности прокуратуры.

Реализуя свои полномочия по осуществлению надзора за точным и единообразным исполнением законов, прокуроры следят за тем, чтобы все перечисленные органы государственной власти и управления, общественные формирования, должностные лица и граждане действовали на основе законности, обеспечивали в соответствии с предоставленными им правами и возложенными на них обязанностями охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан, соблюдение требований государственной дисциплины.

Главным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность органов прокуратуры по осуществлению надзора является Федеральный закон «О прокуратуре РФ»¹.

Согласно ст.1 названного закона основной целью деятельности прокуратуры является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства.

Органы прокуратуры охраняют права национально-государственных и административно-территориальных образований местного самоуправления, местных представительных органов исполнительной власти, предприятий, учреждений и организаций, общественных и политических организаций и объединений, кооперативных, акционерных объединений, коммерческих банков и иных объединений, участвующих в экономической и общественно-политической жизни страны.

Всей своей деятельностью органы прокуратуры призваны воспитывать должностных лиц и граждан в духе неуклонного исполнения возложенных на них Конституцией и законодательством обязанностей, строгого соблюдения предписаний законодательства.

Федеральный закон «О прокуратуре РФ» определяет следующие направления деятельности органов прокуратуры:

- надзор за исполнением законов федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за соответствием издаваемых ими правовых актов;

- надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций;

- надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие;

- надзор за исполнением законов судебными приставами²;

- надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначенные судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу;

- уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством РФ;

- координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;

- участие в соответствии с процессуальным законодательством РФ в рассмотрении дел судами, опротестование противоречащих закону решений, приговоров, определений и постановлений судов.

Прокурорский надзор состоит:

- а) в наблюдении за законностью решений должностных лиц органов власти и управления, хозяйствующих субъектов, объединений, затрагивающих права и законные интересы граждан, общества и государства;

- б) в принятии мер к устранению нарушений законов и способствующих им обстоятельств, восстановлению нарушенных прав и привлечению виновных к ответственности.

Прокуратура должна не подменять другие государственные органы, а осуществлять надзор за тем, как сами эти органы и соответствующие должностные лица (прежде всего правоохранительных и контролирующих органов) выполняют возложенные на них законом обязанности по обеспечению и контролю за исполнением законов всеми органами, организациями и гражданами, на которые распространяется их компетенция.

Акцент делается на надзор за исполнением законов всеми органами, организациями и должностными лицами, их обязанностями по обеспечению законности в деятельности подконтрольных и подчиненных им структур и на то, как они обеспечивают права и свободы граждан.

В число субъектов, за исполнением законов которыми осуществляется надзор, Закон РФ «О прокуратуре» не включает граждан. Тем самым устанавливается приоритетная цель деятельности прокуроров – защита прав и свобод человека и гражданина, имеется первостепенное значение перед остальными охраняемыми законом интересами общества и государства.

Прокуроры осуществляют надзор за исполнением конституций, уставов субъектов РФ, а также за исполнением законов субъектов РФ, принятых ими в соответствии со своей компетенцией и не противоречащих Конституции РФ и федеральным законам.

Органы прокуратуры надзирают за исполнением действующих на ее территории законов. В предмет надзора, следовательно, не включаются иные общеобязательные нормативные правовые акты, каковыми, согласно Конституции РФ являются указы Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ.

¹ Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 447.

² В редакции Закона «О прокуратуре» от 10.02.99.

Контроль за исполнением этих нормативно-правовых актов осуществляет система контрольных органов Администрации Президента РФ и Правительства РФ (Главное контрольное управление), с которыми органы прокуратуры при необходимости взаимодействуют.

Однако это не означает, что органы прокуратуры ни в какой мере не связаны с осуществлением контроля за исполнением указов Президента РФ и нормативных актов Правительства РФ.

Многие федеральные законы сформулированы таким образом, что механизм их конкретного исполнения формируется посредством этих нормативных актов. Поэтому и соблюдение (несоблюдение) законов в таких случаях складывается из действий (бездействий) по исполнению (неисполнению) названных нормативных правовых актов.

Прокуратура осуществляет надзор за исполнением официально опубликованных законов. В соответствии со ст. 4 Федерального закона «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» официальным опубликованием Федерального конституционного закона, Федерального закона, акта палаты Федерального Собрания считается первая публикация его полного текста в «Российской газете» или «Собрании законодательства РФ».

Органы прокуратуры осуществляют надзор за исполнением действующих на территории РФ конституций республик, уставов (основных законов) иных субъектов РФ, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти РФ и совместному ведению органов государственной власти РФ и субъектов РФ.

Как известно, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ являются основой ее правовой системы.

Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то, согласно п.4 ст.15 Конституции РФ применяются правила международного договора. Прокурор осуществляет надзор за исполнением норм, ратифицированных и вступивших в силу в установленном порядке международных договоров РФ.

При определенных условиях, предусмотренных российским законодательством, на территории России применяется иностранное законодательство¹.

Прокурор, соответственно, осуществляет надзор за применением и российского и иностранного законодательства. Так, согласно ст. 166, 167 Семейного кодекса РФ, определено, что при применении норм семейного права суд или органы записи актов гражданского состояния и иные органы устанавливают содержание этих норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве. Нормы иностранного или иного права не применяются в случае, если такое применение противоречило бы основам правопорядка (публичному порядку).

В этом случае применяется законодательство Российской Федерации.

Таким образом, будучи правозащитным органом государства и действуя от его имени, прокуратура призвана обеспечивать верховенство закона, единства законности и ее укрепление, защищать права и свободы человека и гражданина, интересы общества и государства.

«Террор»: уголовно-правовая характеристика

М.М.Мусаев

Террор как средство достижения своих целей не является изобретением современности. «Террор» в переводе с латинского (*terror*) означает страх, ужас.² С терроризмом же, как социальным явлением такое понимание террора стали связывать с якобинской диктатурой во Франции в период французской революции (1789-1794). Термин «терроризм» вошел в политический обиход со времен французской буржуазной революции. «Система страха» – так определяет его словарь Французской Академии 1798 года. Используя террор как способ удержания власти, якобинцы не только не видели в нем ничего предосудительного, но и ставили его себе в заслугу.³ Исторически терроризм возник как средство политической борьбы и насчитывает не только века, но и тысячелетия.

Террористические акты приносят массовые человеческие жертвы, оказывают сильное психологическое давление на большие массы людей, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, не поддающихся порой восстановлению.⁴

Для России вопросы профилактики преступлений террористического характера, стали особо актуальными. Террористические акты в Москве, Буйнакске, Буденновске, Волгодонске, Волгограде, Каспийске (один из которых был совершен в день 57-летия победы в Великой Отечественной войне 9 мая 2002 г.), выступления вооруженных бандформирований в Дагестане и Чечне получили резонанс не только в нашей стране, но и приобрели мировое значение.

В современных условиях данная проблема вышла за рамки обеспечения безопасности России и ныне превратилось в борьбу за безопасность Европы и других регионов. Совершение террористических актов все в большей степени обуславливается общим замыслом межгосударственного и внутригосударственного противоборства по подрыву экстремистскими силами суверенитета и территориальной целостности

¹ См.: Семейный кодекс РФ. – Ст.166, 167. – М., 1996.

² Сухарев А.Я. Большой юридический словарь. «Инфра-М».- М.,2010г.

³ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций Том 2. Особенная часть.- М., «Юридическая литература». 2013г.

⁴ Кикотя В.Я. Терроризм: Борьба и проблемы противодействия. «Юнити».- М., 2010г.

Российской Федерации. Целью терроризма становится захват власти или осуществление контроля над властными структурами. Наряду с этим отмечается устойчивый рост и расширение масштабов и территориальных границ совершения террористических акций в целях нарушения общественной безопасности в отдельных местностях и населенных пунктах, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами государственной власти решений, выгодных террористам.

Для современного российского терроризма характерны усиление тактико-организационного уровня подготовки и проведения террористических актов, повышение качества вооруженности и технической оснащенности террористов, а также использование различных методов вооруженной борьбы.

События в Дагестане свидетельствуют о трансформации целей террористической деятельности экстремистских сил. Терроризм стал важнейшим средством организации вооруженных мятежей, насильственного свержения конституционного строя, насильственного захвата власти, достижения военно-политических и политических целей.

Были и попытки государственных переворотов, захвата здания Государственного совета и Правительства Дагестана.¹

Необходимо определить содержательный отличительный признак террористического акта от иных социально-негативных явлений, так как с высокой степенью неопределенности описываются и конкретные преступления, характеризующиеся в правовых актах как преступления террористического характера. На практике возникали проблемы с квалификацией таких деяний, а также иных, связанных с ними.²

Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий,³

Вместе с тем, анализ ряда работ отечественных авторов по определению понятия терроризма свидетельствует о том, что общим практически для всех исследователей при разработке определения является стремление более четко разграничить понятия «террор», «терроризм», «террористический акт».

Вместе с тем Федеральный закон «О противодействии терроризму», дает определение и террористического акта, под которым понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, связанных с устрашением населения и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления экологической катастрофы или иных особо тяжких последствий, в целях противоправного воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях; Учитывая расхождения во мнениях многих авторов, была необходимость законодательной инициативы, в результате чего была необходимость принятия нового закона его смысл – максимально эффективное противодействие терроризму.

Российский и зарубежный опыт свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению всего круга проблем в этой сфере. В связи с этим был принят Федеральный закон «О противодействии терроризму».

Данный закон имеет три основных направления противодействия терроризму:

- профилактика терроризма;
- борьба с ним;
- минимизация и ликвидация его последствий.

Противодействие терроризму в Российской Федерации основывается на следующих основных принципах:

- обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;
- законность;
- приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности;
- неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности;
- системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму;
- сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму;
- приоритет мер предупреждения терроризма;
- единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций;
- сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму;
- конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников;
- недопустимость политических уступок террористам;
- минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма;

¹ Алиев Х. «Борьба с преступлениями террористической направленности»./Законность. №4. 2002г.с.2

² Долгова А.И. Терроризм и организованная преступность. – М., 2009. С.3.

³ Российская газета (Федеральный выпуск), N4014 от 10 марта 2011 г.

– соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности.

Эти принципы отличаются от перечисленных в ст. 2 Федерального закона от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму»:

- законность;
- приоритет мер предупреждения терроризма;
- неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности;
- сочетание гласных и негласных методов борьбы с терроризмом;
- комплексное использование профилактических правовых, политических, социально-экономических, пропагандистских мер;
- приоритет защиты прав лиц, подвергающихся опасности в результате террористической акции;
- минимальные уступки террористу;
- единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций;
- минимальная огласка технических приемов и тактики проведения контртеррористических операций, а также состава участников указанных операций.¹

Из перечня пропал пункт о минимальных уступках террористу, на практике получается, что при задержании почти на 99% следует ликвидация лиц замешанных в террористической деятельности.

Под сущностью терроризма следует понимать совокупность оригинальных признаков, характерных черт и отличительных особенностей, присущих терроризму как социально-политической и правовой категории, и составляющих его внутреннее содержание.

В современной юридической литературе посвященной проблемам терроризма, выделяют следующие отличительные признаки терроризма как преступного деяния: отличительной чертой терроризма является то, что он порождает высокую общественную опасность, возникающую в результате совершения общеопасных действий либо угрозы таковыми.

При этом умыслом террориста охватывается причинение смерти лицам, которые захватываются в качестве заложников, находятся вблизи мест взрывов и т.п. терроризм отличает публичный характер его исполнения.

Другие преступления обычно совершаются без претензии на огласку, а при информировании лишь тех лиц, в действиях которых имеется заинтересованность у виновных. Терроризм же без широкой огласки, без открытого предъявления требований не существует. Отличительной особенностью терроризма является преднамеренное создание обстановки страха, подавленности, напряженности.

При этом создается эта обстановка страха, напряженности не на индивидуальном или узкогрупповом уровне, а на уровне социальном и представляет собой объективно сложившийся социально-психологический фактор, воздействующий на других лиц и вынуждающий их к каким-либо действиям в интересах террористов или принятию их условий.

Игнорирование указанных обстоятельств приводит к тому, что к терроризму порой относят любые действия, породившие страх и беспокойство в социальной среде. Однако терроризм тем и отличается от других порождающих страх преступлений, что здесь страх возникает не сам по себе в результате получивших общественный резонанс деяний и создается виновными не ради самого страха, а ради других целей, и служит своеобразным объективным рычагом целенаправленного воздействия, при котором создание обстановки страха выступает не в качестве цели, а в качестве средства достижения цели.

Таким образом, создание обстановки страха есть выражение терроризма, проявление его сути, а не его конечная цель.²

Отличительной чертой терроризма является то, что при его совершении общеопасное насилие применяется в отношении одних лиц или имущества, а психологическое воздействие в целях склонения к определенному поведению оказывается на других лиц, т.е. насилие здесь влияет на принятие решения потерпевшим не непосредственно, а опосредованно – через выработку (хотя и вынужденно) волевого решения самим потерпевшим лицом (физическим или юридическим или группой лиц) вследствие созданной обстановки страха и выраженных на этом фоне стремлений террористов.³

Терроризм – это преступление, а террор – способ действия любого субъекта (государства, организации, физического лица) с использованием силы, угрозы, возбуждения страха. Емельянов В.П. сравнивает понятие «террор» с такими как «агрессия», «геноцид», «война» считая террор массовым насилием, применяемым субъектами власти, и в связи с этим рассматривает понятие «идеологический террор», «государственный террор», «внесудебный террор», «административный террор». Основу рассматриваемых явлений составляет терроризирование (фр. *terroriser*), под которым понимается преследование с угрозами расправы, насилия; запугивание, держа кого-либо в состоянии страха.

Терроризированию как самостоятельному свойству преступного деяния присущи следующие отличительные признаки:

- насильственные и иные действия виновного не являются самоцелью, а служат средством достижения других целей;

¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Собрание законодательства Российской Федерации от 15 августа 2008 г. N 31 ст. 3808.

² Солодовников С.А. «Терроризм и организованная преступность». «Юнити». – М., 2014г.

³ Трунов И.Л. Терроризм: Правовые аспекты борьбы. «Эксмо». – М., 2009г.

– обстановка страха создается виновным целенаправленно в расчете на ее содействие при достижении преступной цели в качестве средства понуждения к принятию или отказу от принятия какого-либо решения в интересах виновного или других лиц;

– достижение конечного результата осуществляется не за счет действий самого виновного, а за счет действий тех лиц, в отношении которых направленно устрашающее воздействие;

– насильственные и преступные действия могут быть направлены против одних лиц, а достижение конечного преступного результата виновного осуществляется за счет действий третьих лиц.

При этом возможно, что направленность действий и достижение конечного преступного результата будут связываться у виновного с одним и тем же лицом.¹

Необходимо отметить, что в отечественной юридической литературе терроризм рассматривается как крайняя форма проявления экстремизма.² Под экстремизмом (экстремистской деятельностью) в российской правовой доктрине понимается:

– деятельность физических лиц и различных организаций (религиозных, общественных и т.д.) по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности России, подрыв безопасности РФ, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований, осуществление террористической деятельности и т.д.;

– пропаганда и публичная демонстрация нацистской и сходной с ней атрибутики или символики;

– публичные призывы к указанной деятельности;

– финансирование указанной деятельности.³

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» противодействие экстремистской деятельности возложены на федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления которые в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности.⁴

Проблема борьбы с терроризмом является международной, так как наносит огромный ущерб дружественным отношениям между государствами, международному сотрудничеству, угрожает жизни, здоровью и правам человека, свободам и демократическим устоям общества и государства. Поэтому вполне закономерно, что в борьбе с терроризмом объединяются усилия многих стран мира. Так, например в 1994 г. 49-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН одобрила Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма. Не остался в стороне от борьбы с терроризмом и Совет Европы. Статья 1 Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. дает перечень преступлений террористического характера, относя к ним:

– захват воздушного судна;

– совершение действий, направленных против безопасности гражданской авиации;

– тяжкие преступления, связанные с посягательством на жизнь, физическую неприкосновенность или свободу лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов;

– преступления, связанные с похищением людей, захватом заложников или серьезным незаконным задержанием;

– преступления, связанные с использованием бомб, гранат, ракет, автоматического стрелкового оружия или заминированных писем и посылок, если такое использование подвергает опасности людей.⁵

К преступлениям террористического характера относятся самые разные преступления, но их объединяет то, что все они посягают на общую безопасность и мирное сосуществование.⁶

Это преступления, предусмотренные ст. 205-208, 277 и 360 УК РФ.⁷

Терроризм как социальное явление в последние 10 лет превратился в острейшую глобальную проблему, требующую не только адекватного и оперативного государственного и общественного контроля, но и объединения на платформе антитеррористической деятельности усилий ученых и практиков.

Как никакое другое преступление, терроризм теснейшим образом связан с социальными, духовным, политическими, экономическими, противоречиями, существующими в обществе. Масштабы, направленность, тяжесть последствий терроризма обуславливают его высочайшую общественную опасность. Не случайно в Концепции национальной безопасности Российской Федерации увеличение масштабов терроризма, наряду с ростом организованной преступности, обострением межнациональных отношений и другими факторами, рассматривается в качестве одной из составляющих широкого

¹ Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. «Юридический центр Пресс».- Спб.,2010г.

² Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М., 2011. С. 36–43.

³ Исаков А.С. «Экстремизм и террористические преступления». «Терроризм». – М.,2003г.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2012 г. N 30 ст. 3031.

⁵ Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. «Спарк». – М., 2008г.с.136.

⁶ Кибальник А.Г. Понятие терроризма в международном уголовном праве //Антитеррор. 2010. № 1. С. 72.

⁷ Данилов Е.П. Уголовный кодекс РФ. «Справочник адвоката». Судебная и адвокатская практика. – М., «КНОРУС». 2014г. С. 431.

спектра внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны. Данное обстоятельство предопределяет большую значимость глубокого криминологического и уголовно-правового изучения терроризма, разработки научно обоснованных предложений по совершенствованию борьбы с ним, его предупреждения.

Место террористического акта среди преступлений против общественной безопасности

А.Т.Мусакаев

Э.К.Багандова

Уголовный кодекс РФ рассматривает общественную безопасность в качестве составного элемента большой группы общественных отношений, обеспечивающих не только общественную безопасность в узком смысле, но также общественный порядок, здоровье населения, общественную нравственность, экологическую безопасность, безопасность движения и эксплуатации транспорта. Вся совокупность этих общественных отношений именуется в УК общественной безопасностью (в широком смысле) и общественным порядком, которые выступают в качестве родового объекта преступлений, входящих в раздел IX Уголовного кодекса.

Отсюда следует, что под преступлениями против общественной безопасности, понимаются общественно опасные деяния (действия или бездействия), сопряженные с нарушениями правил, обеспечивающих общественную безопасность, и причиняющие им существенный вред или создающие угрозу такого вреда.¹

Доктрина общественной безопасности видится в трех составляющих:

1) цель, под которой понимается создание и поддержание необходимого уровня защищенности объектов общественной безопасности;

2) принципы, на основе которых осуществляется общественная безопасность, и перечень приоритетов такой деятельности.

3) Система обеспечения общественной безопасности, под которой понимается совокупность мер политического, правового, организационного, экономического, научного и иного характера, направленных на поддержание социально приемлемого уровня общественной безопасности.

Субъектами обеспечения общественной безопасности выступает государство, негосударственные объединения и граждане. При этом главную ответственность за состояние безопасности в обществе несет государство.

Терроризм относится к общим видам преступлений против общественной безопасности, так как данный вид преступления создает угрозу безопасности неопределенному кругу лиц, нарушающие деятельность органов управления, обеспечивающих общественную безопасность. Кроме терроризма, к данной разновидности преступлений относятся также, например, захват заложника, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, бандитизм, организация преступного сообщества (преступной организации), массовые беспорядки.

Терроризм – один из самых опасных преступлений современности, не редко носящих не только национальный, но и международный характер. Опасность терроризма очевидна².

Терроризм отражает культ насилия и способствует его развитию, давая ему преимущества перед правовыми, социальными методами разрешения конфликтов в обществе. Терроризм зачастую принимает форму идеологии, в которых методом достижения цели, главной идеи является именно физическое уничтожение, нанесение ущерба путем взрыва, поджога и т.д. В зависимости от цели терроризм подразделяется на:

– националистический – преследует сепаратистские и национально-освободительные цели;

– религиозный – связан с борьбой приверженцев религии между собой (индуисты и мусульмане, мусульмане и христиане) и внутри одной веры (католики-протестанты, сунниты-шииты), и преследует цель подорвать светскую власть и утвердить власть религиозную;

– идеологический – преследует цель коренного или частичного изменения экономической или политической системы страны, привлечения внимания общества к какой-либо острой проблеме. Иногда этот вид терроризма называют революционным. Примером идеологически заданного терроризма служат такие его исторические формы, как анархистский, эсеровский, фашистский, европейский «левый».

По характеру субъектов террористической деятельности терроризм подразделяется на:

– неорганизованный (индивидуальный) – в этом случае теракт (реже, ряд терактов) совершает один-два человека, за которыми не стоит какая-либо организация

– организованный – в этом случае террористическая деятельность планируется и реализуется некой организацией

Терроризм формирует и усиливает в обществе чувство страха и беспомощности, которое подавляет в свою очередь позитивную активность личности. Как и всякое иное действие, направленное на причинение смерти, и даже в большей степени, чем другие действия такого рода, терроризм обесценивает человеческую жизнь. Жертвами терроризма рискуют стать совершенно неповинные люди, которые случайно оказываются в месте совершения террористического акта, поэтому люди перестают чувствовать себя в безопасности,

¹ Петрищев В.Е. Российское законодательство: профилактика терроризма. – М.: Норма, 2006. – С. 192 – 196.

² Дьяков С.В. Направления совершенствования уголовного законодательства о государственных преступлениях / С.В. Дьяков // Преступность и правовое регулирование борьбы с ней. – М.: Норма, 2006. – С.22.

перестают верить государственным органам, целью деятельности которых является обеспечение условий для нормального развития общества. Страх за свою жизнь становится нормальным состоянием для людей, живущих под угрозой стать жертвой теракта. Все вышеперечисленное подрывает жизнь не только отдельно взятой личности, семьи, но благополучие всего государства в целом.

Нельзя, наконец, не отметить, что терроризм способен привести и, как показывает практика, реально приводит к свертыванию государственных, юридических, социальных гарантий и свобод личности, поскольку он вызывает со стороны государства контрмеры, которые не всегда согласуются с нормами правового государства.

Таким образом, место террористического акта среди преступлений, направленных против общественной безопасности – это центральное место. Террористический акт обладает признаками, которые позволяют назвать это преступление самым опасным среди всех остальных преступлений против безопасности общества. От других преступлений теракт отличается тем, что целью последнего является воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями.

Полномочия органов местного самоуправления

С.М.Набиев

Правовое регулирование полномочий органов местного самоуправления неразрывно связано с правовыми основами местного самоуправления, под которыми понимается совокупность установленных Конституцией РФ и федеральными законами правовых норм-принципов, закрепляющих и регулирующих наиболее существенные коренные общественные отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся в процессе организации и осуществления местного самоуправления на всей территории России, в соответствии с которыми должны находиться все другие муниципально-правовые нормы.

Правовую основу местного самоуправления составляют следующие нормативно-правовые акты:

- 1) международно-правовые документы;
- 2) федеральные нормативные правовые акты;
- 3) нормативные акты субъектов РФ;
- 4) муниципальные нормативные правовые акты.

Таким образом, правовая база местного самоуправления включает четыре группы.

Первую группу составляют международно-правовые документы. Это положение соответствует ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, которая гласит о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». На основании этой нормы правовым фундаментом местного самоуправления в Российской Федерации в первую очередь стали:

- а) Декларация о принципах местного самоуправления (принята в 1994 году Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ);
- б) решения Конгресса местных и региональных властей Совета Европы, членом которого является Россия;
- в) Европейская хартия местного самоуправления (Страсбург, 15 октября 1985г.).

Особое место среди международных правовых документов занимает Европейская хартия местного самоуправления, которая была подписана Российской Федерацией 28 февраля 1996г. и ратифицирована 5 мая 1998г.

Европейская хартия закрепила понятие местного самоуправления, основные принципы, лежащие в основе организации местного самоуправления, раскрыла сферы компетенции местного самоуправления, порядок реализации полномочий, основные направления формирования муниципальных финансовых ресурсов, гарантии самостоятельности местного самоуправления, защиты его прав.

Немаловажным значением в системе источников муниципального права обладают международные договоры и соглашения. Так, например, на основании международных договоров иностранцы, имеющие разрешение ПМЖ, могут принимать участие в муниципальных выборах и местных референдумах.

Ко второй группе относятся федеральные нормативные акты. Основным правовым актом в данной группе является Конституция РФ, в которой более 20 статей посвящено наиболее важным положениям, раскрывающим сущность местного самоуправления.

Конституция РФ содержит такие концептуальные установления, как гарантированность местного самоуправления со стороны государства (ст. ст. 12, 133); самостоятельность местного самоуправления в пределах своих полномочий (ст. ст. 12, 130-132); осуществление местного самоуправления населением как непосредственно, так и через представителей (ст. ст. 3, 32, 131). [1] Кроме того, Конституция РФ закрепляет следующий комплекс муниципальных институтов: институты местного самоуправления как основа конституционного строя, одна из форм народовластия (ст. ст. 3, 12); институты правового положения человека и гражданина в системе местного самоуправления (ст. ст. 18, 24, 32, 33, 40, 41, 43, 46); институты организации и функционирования местного самоуправления как особой публичной власти (ст. ст. 130 – 133); институт муниципальной собственности (ст. ст. 8, 132) и т.п. Статьи Конституции РФ являются нормами прямого действия и подлежат непосредственному применению, в том числе судебными органами.

В развитие конституционных принципов местного самоуправления был принят Федеральный закон от 28 августа 1995г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который в настоящее время уже не действует, однако, именно он закрепил существовавшую

достаточно длительное время систему местной власти. Федеральный закон от 28 августа 1995 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в свое время стал базовым федеральным законом, регулирующим деятельность местного самоуправления в Российской Федерации. Данный закон назывался «об общих принципах», т.к. он закреплял лишь основы местного самоуправления, а более конкретное регулирование должно было по замыслу его разработчиков осуществляться субъектами Федерации. В Федеральном законе № 154-ФЗ были даны определения основных понятий местного самоуправления, таких как: муниципальное образование, вопросы местного значения, должностное лицо местного самоуправления и т.д. Закон закреплял право граждан на местное самоуправление, систему органов местного самоуправления, формы непосредственного волеизъявления граждан, регулировал финансовые, территориальные основы местного самоуправления, а также регулировал другие вопросы.

В дальнейшем были приняты Федеральный закон от 26 ноября 1996г. «Об обеспечении конституционных прав граждан избирать и быть избранными в органы местного самоуправления», Федеральный закон от 25 сентября 1997г. «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации» и другие.

Применение положений Федерального закона от 28 августа 1995 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» позволило сформировать относительно жизнеспособную систему местного самоуправления на большей части территории страны. Вместе с тем многие специалисты в области муниципального права, юристы-практики, а также чиновники разного уровня часто акцентировали внимание общественности, что Федеральный закон № 154-ФЗ не был совершенен и концепция местного самоуправления не была до конца продумана. Далеко не все нормы, содержащиеся в законе, реализовывались на практике. В Закон неоднократно вносились изменения и дополнения. [2, с. 23-27] Все это привело к необходимости разработать новый базовый Федеральный закон о местном самоуправлении, который был принят Государственной Думой 16 сентября 2003 года и подписан Президентом Российской Федерации 6 октября 2003 года. Новый Федеральный закон от 6 октября 2003г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» существенно меняет концепцию местного самоуправления. Пожалуй, в наибольшей степени изменениям подвергаются территориальные основы местного самоуправления.

В соответствии с прежним Законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в России существовала одноуровневая модель местного самоуправления (лишь в некоторых субъектах допускалось существование муниципальных образований различных уровней). Кроме того, ранее действующее законодательство за некоторыми исключениями не предусматривает различий между муниципальными образованиями. Новый Федеральный закон предусмотрел необходимость создания пяти видов муниципальных образований: городских и сельских поселений, муниципальных районов, городских округов, внутригородских территорий городов федерального значения.[3,с.26] Особенностью нового Закона является то, что каждый из видов муниципальных образований призван решать присущие только ему вопросы местного значения. Такое нововведение, на наш взгляд, можно только приветствовать. Мы полагаем, что оно, безусловно, призвано исправить существовавшую ситуацию, когда являющиеся муниципальными образованиями миллионный город и поселение с числом жителей всего несколько сотен человек обладали одинаковыми полномочиями, несмотря на очевидную несопоставимость их экономических, социальных и демографических потенциалов.

Важным является также то, что различные муниципальные образования будут иметь различные доходные источники, рассчитываемые исходя из их потребностей. Это полностью соответствует часто повторяемому в последнее время одному из принципов административной реформы: «Деньги следуют за полномочиями». Закон о местном самоуправлении 2003 года урегулировал целый ряд вопросов, ранее не находивших отражения в федеральном законодательстве, что, безусловно, является положительным моментом. В первую очередь это касается главы, регулирующей порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. На практике одним из наиболее сложных вопросов в этой сфере является вопрос о государственной или муниципальной природе отдельных полномочий, возложенных на органы местного самоуправления. В новом Законе делается попытка решить данный вопрос, устанавливаются обязательные требования к законам о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, формы контроля органов государственной власти за реализацией органами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий и пределы вмешательства государства в данной сфере.[4, с.36-42] Нормы, регулирующие вопросы организации местного самоуправления, содержатся и в федеральных кодификационных законах – кодексах. Федеральные законы, регулирующие вопросы местного самоуправления, можно разделить на две группы:

а) законы, регулирующие только отдельные вопросы муниципального управления;

б) отраслевые законы, регулирующие отдельные отрасли или сферы общественной жизни. Данные законы не относятся к специальным правовым актам о местном самоуправлении и составляют законодательную основу других отраслей права, но в той или иной степени затрагивают вопросы местного самоуправления. Как правило, в отраслевых законах присутствуют разделы, закрепляющие полномочия органов местного самоуправления в конкретных отраслях и сферах, что во многом дополняет Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Третью группу составляют нормативные правовые акты, принимаемые органами государственной власти субъектов РФ, которые регулируют вопросы организации и деятельности местного самоуправления в порядке, установленном комментируемым Законом (см. комментарий к ст. 6 Закона). Особое место среди них занимают уставы (конституции) субъектов РФ, в которых, как правило, правовое регулирование местного самоуправления осуществляется отдельной главой. Затем идут законы субъектов РФ о местном самоуправлении. Законы о местном самоуправлении приняты в основном во всех субъектах РФ.

В большинстве субъектов РФ также приняты законы о референдумах; о выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и глав муниципальных образований; о порядке отзыва депутата представительного органа и иных выборных лиц местного самоуправления; о правовых актах органов местного самоуправления; о порядке регистрации уставов муниципальных образований; о порядке организации и ведения регистра муниципальных нормативных правовых актов субъекта РФ; о муниципальной службе; об ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления; о бюджетном устройстве и бюджетном процессе; о порядке ведения реестра объектов, находящихся в муниципальной собственности, и другие. Законодательство субъектов РФ о местном самоуправлении формировалось одновременно с федеральным законодательством, а в некоторых субъектах даже с некоторым опережением.

Четвертую группу составляют муниципальные правовые акты. В отличие от ранее действовавшего Федерального закона 1995 года Федеральный закон от 6 октября 2003г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержит четкий перечень наименований правовых актов, принимаемых в муниципальном образовании. Муниципальные правовые акты издаются в процессе практического решения задач и осуществления функций местного самоуправления. Правовые акты органов местного самоуправления устанавливают, изменяют и прекращают муниципальные правовые отношения. Вся совокупность нормативных и ненормативных актов муниципального образования представляет собой систему муниципальных правовых актов.[5, с. 45] Юридическая сила муниципальных правовых актов определяется тем, что при решении вопросов местного значения органы и должностные лица местного самоуправления наделены юридически властными полномочиями, а при реализации отдельных государственных полномочий – государственно-властными. [6, с.35]

Список литературы:

1. Солдатов А.П., Лесных А.В. Реформа местного самоуправления (в схемах и вариантах). М., 2015.
2. Тимофеев Н.С. К проблеме принципов и критериев выделения вопросов местного значения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11.
3. Троицкий В.С., Морозова Л.А. Делегированное законотворчество // Государство и право. 2007. № 4.
4. Уриханян А. Прикованные к обязательствам. //Муниципальная власть. – 2005. – № 6.
5. Фасеев И.И. Изменения и дополнения в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». //Муниципальное право.- 2013.- № 1.
6. Шугрина Е.С. Муниципальное право. М.: Изд-во «Проспект», 2014.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием

Н.Б.Насрудинов,
Р.М.Разakov

Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием в российском законодательстве предусмотрено ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ.

В соответствии с данными статьями освобождение от уголовной ответственности по данному основанию может иметь место в отношении лица, который в первый раз совершил преступное деяние небольшой или средней тяжести, при этом лицо после его совершения должно добровольно явиться с повинной, способствовать раскрытию преступления, возместить причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным.

Ежегодно согласно отчетам Генеральной прокуратуры РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ дознавателями, следователями МВД, органами прокуратуры и судами страны прекращается в связи с деятельным раскаянием около 40 тыс. уголовных дел¹.

Возможность освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в Общей части российского Уголовного Кодекса предусмотрена впервые.

Из текста статьи видно, что освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно только в случае совершения лицом преступления небольшой тяжести, то есть когда максимальное наказание за умышленное или неосторожное деяние не превышает двух лет лишения свободы. Лицо, совершившее преступление иной тяжести, при тех же условиях может быть освобождено от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных Особенной частью УК РФ.

Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ за тяжкие и особо тяжкие преступления, на наш взгляд, можно объяснить не только гуманностью Российского уголовного законодательства, но и трудностью предупреждения и раскрытия преступлений.

¹ Головки Л. Некоторые гражданско-правовые проблемы, возникающие в связи с применением статьи 76 Уголовного кодекса РФ // Хозяйство и право. – 2012. – №2.

Вторым необходимым основанием освобождения от уголовной ответственности в порядке ст. 75 УК РФ является соответствующее поведение этого лица после совершения преступления.

Часть 2 ст. 28 УПК и ч. 2 ст. 75 УК содержат нормы, образующие специальный вид оснований освобождения от уголовной ответственности при деятельном раскаянии, а именно: при совершении преступлений средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступлений и при наличии условий, указанных в ч. 2 ст. 75 УК, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности лишь в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ¹.

Это положение закона имеет большое практическое значение. Во – первых, оно оказывает сильное психологическое воздействие на правонарушителя и стимулирует его исправление; во – вторых, способствует успешному раскрытию преступлений. Действующее уголовно – процессуальное законодательство предусмотрело и соответствующий порядок прекращения уголовных дел в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ).

До прекращения уголовного дела лицу должны быть разъяснены основания прекращения дела в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 75 УК РФ и право возражать против прекращения дела по этим основаниям. Потерпевший в течении пяти суток вправе обжаловать определение суда или постановление прокурора, следователя, органа дознания соответственно в вышестоящий суд или вышестоящему прокурору. В случае возражения лица, совершившего преступление, против прекращения уголовного дела по основаниям, указанным в ч. 4 ст. 28 УПК РФ, производство по нему продолжается в обычном порядке.

Под деятельным раскаянием в уголовном праве понимается такое активное добровольное поведение лица, совершившего преступление, которое направлено на предотвращение или уменьшение вредных последствий либо на оказание помощи правоохранительным органам в раскрытии преступления. Его не следует отождествлять с чистосердечным раскаянием, которое представляет собой внутренне психическое состояние лица, совершившего преступление, возникшего в результате переоценки своего антиобщественного деяния. Раскаяние может проявляться в публичном признании своей вины, осуждении своих прошлых поступков, соглашениях в совершенном преступлении и выражении готовности понести за него наказание. Под влиянием раскаяния лицо может совершить также действия, направленные на уменьшение примененного преступлением вреда и оказание помощи правоохранительным органам в раскрытии преступления. Именно такое поведение лица после совершения преступления и принято именовать деятельным раскаянием. Вместе с тем уголовный закон не связывает последнее исключительно с поведением раскаявшегося проступка: мотивы деятельного раскаяния могут быть и иными (например, стремление избежать уголовной ответственности, заслужить смягчение наказания).

По общему правилу, деятельное раскаяние признается уголовным законом обстоятельством, смягчающим наказание. Так, в п. «и» ч.1, ст. 61 посвященной такого рода обстоятельствам говорится, в частности, о явке с повинной, активном способствовании раскрытия преступления, а в п. «к» о добровольном возмещении имущественного ущерба и морального вреда, примененных в результате преступления, и иных действиях, направленных на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему. Однако лицо, которое впервые совершило преступление небольшой тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления (ч. 1 ст. 75 УК).

Таким образом, основанием для освобождения виновного лица от уголовной ответственности в силу данной уголовно – правовой нормы, выступает не любая разновидность деятельного раскаяния, а строго фиксированная в законе совокупность позитивных пост преступных действий лица. Только при условии, что лицо добровольно явится с повинной, окажет реальную помощь правоохранительным органам в раскрытии совершенного им преступления и наряду с этим возместит причиненный ущерб или иным образом загладит вред, который причинен в результате преступления, суд может поставить вопрос об освобождении этого лица от уголовной ответственности. Добровольная явка с повинной – это сообщение лица об акте совершения им преступления, сделанное при личном обращении в органы государственной власти. При этом не имеет значения, сколько времени прошло с момента совершения преступления, а также каковы мотивы такого после преступного поведения виновного. Не исключается добровольность явки с повинной и при создании лицом того, что оно разыскивается правоохранительными органами. Однако, если лицо знает, что место нахождения известно правоохранительным органам и оно вскоре будет задержано, то явка с повинной является вынужденной.

Способствование раскрытию преступления, прежде всего, предполагает дачу ложных и правдивых показаний лицом, совершившим преступление небольшой тяжести, а затем добровольно явилось с повинной. Кроме того, оно состоит в оказании помощи органам следствия и суду в избличении других соучастников преступления, отыскании доказательств по уголовному делу, розыску имущества, добытого в результате преступления. При этом также не имеет значения, какими мотивами руководствовался виновный, – стремился ли он обеспечить себе снисхождение или действовал под влиянием раскаяния.

Третьим элементом деятельного раскаяния, включенным в основание освобождения от уголовной ответственности, является возмещение виновным лицом причиненного ущерба или иной способ заглаживания вреда, причиненного в результате совершения преступления, до принятия решения судом по

¹ Александров А. Прекращение уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах (ст. 28.1 УПК) // Уголовное право. 2010. № 2. С. 97.

данному уголовному делу. Реально это может выразиться в заглаживании материального вреда путем возвращения потерпевшему похищенного имущества или передачи эквивалентной денежной суммы, ремонте поврежденного имущества. Виновный может принять участие, кроме того, в устранении физического вреда, например, путем оплаты курса лечения пострадавшего, здоровью которого при совершении преступления был причинен вред. Не исключается также материальная компенсация за причиненный потерпевшему моральный вред или заглаживание его в форме публичного извинения

У лица, освобожденного от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, сохраняются другие правовые обязанности, в частности, обязанность отвечать по гражданскому иску.

Гайдаров Ш. М. обвиняется в совершении самоуправства, т.е. его действия квалифицированы органом предварительного следствия по ч. 1 ст. 330 УК РФ.

В судебном заседании в ходе предварительного слушания обвиняемый Гайдаров М. М. заявил ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием.

В материалах дела имеются сведения о возмещении материального вреда потерпевшему. Выслушав мнение обвиняемого, мнение прокурора, суд приходит к следующему. В силу ст. 28 УПК РФ, суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа и дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное преследование лица, против которого впервые осуществляется уголовное преследование по подозрению или обвинению в совершении преступления небольшой и средней тяжести по основаниям, предусмотренным с. 75 УК РФ.

Гайдаров Ш.М. обвиняется в совершении преступления, относящиеся к категории небольшой тяжести, ранее не судим, добровольно возместил потерпевшему причиненный ущерб. При таких обстоятельствах суд находит возможным уголовное дело в отношении Гайдара Ш. М. прекратить.¹

Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого

Н.Б.Насрудинов

Р.М.Разаков

Уголовно-процессуальный закон устанавливает, что избрание любой меры пресечения в отношении подозреваемого это исключительный случай в уголовном судопроизводстве, и это предусмотрено статьей 100 УПК РФ. Это обстоятельство, подразумевает что подозрение (в отличие от обвинения) опять-таки не разрешает лицу, который обвиняет, определенно уверять о виновности установленного лица. Обвинитель в данное время не убежден в совершении преступления собственным данным субъектом. Неимение обвинения (решения о привлечении лица, в качестве обвиняемого) обозначает неимение правильной квалификации деяния, которая во время возбуждения дела носит временный характер. Исключительность избрания меры пресечения в отношении, подозреваемого обозначает присутствие неотложность действий разбирательства по делу, и не применить меру пресечения действительно влечет некомпенсируемые потери для дела (исчезнут следы, укрывательство подозреваемого).

Нужным обстоятельством применить меру пресечения это присутствие доказательств виновности подозреваемого, которые уже обязаны аргументировать подозрение. В практической деятельности надлежит учитывать основания, использованные при задержании субъекта, в качестве подозреваемого.

Уголовно-процессуальный закон ограничил срок применения меры пресечения в отношении, подозреваемого и действует в течение 10 суток, которая подсчитывается со времени употребления меры пресечения, а в соответствии со статьей 100 УПК РФ, если подозреваемый был вначале задержан и следом заключен под стражу – то с момента задержания. Закон обязывает предъявить обвинение подозреваемому в срок 10 суток как применили меру пресечения.

Тем не менее, часть 2 этой же статьи разрешает 30- суточный срок действия меры пресечения в отношении, подозреваемого в совершении хотя бы одного из 14 тяжких и особо тяжких преступлений. Если в данный срок обвинение не предъявляется, то мера пресечения безотлагательно аннулируется.

Действие меры пресечения формируется из ее избрания и применения. Избрать означает принять акт о мере пресечения, которая в общем порядке регламентирует в соответствии со статьей 101 УПК РФ. Если появились основания следователь, дознаватель и суд выносят постановление, а суд определение, чтобы избрать конкретную меру пресечения. Копия данного решения подается субъекту, против которого акт вынесли, и его представителям по их ходатайству. Лицу, которого обвиняют (подозревают) объясняют, как можно обжаловать данный акт о мере пресечения. Дознаватель и следователь выбирают или меняют меру пресечения в уголовном деле, которое они приняли к исследованию.

Дознаватель имеет право избирать или переменить меру пресечения, когда утверждает обвинительное заключение или когда принимает дело к производству. Прокурор может отменить меру, если установит, что следователь вовремя не вручил материал законченного расследованием дела для ознакомления обвиняемому, а максимальный срок, который можно его содержать утек.

Определив, что ко времени отправления дела в суд срок домашнего ареста или срок содержания под стражей оказывается недостаточным для принятия решения о назначении дела для рассмотрения, прокурор возбуждает перед судом ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей, вынося мотивированное постановление. Руководитель следственного органа может принять дело к своему исследованию как следователь или указать следователю о выборе меры пресечения. Суд принимает

¹ Архив Хасавюртовского городского суда, дело 2-66 /07.

решение о мере пресечения на досудебной стадии по ходатайству следователя или дознавателя. В судебном производстве вопрос о мере пресечения решает суд.

Применение меры пресечения – это процессуальные действия, выполняемые со времени принятия постановления о выборе меры пресечения до ее аннулирования или модификации. Все процессуальные действия по исполнению принятого акта о выборе определенной меры пресечения урегулированы уголовно-процессуальным законом (ст. ст. 102 – 109) в зависимости от ее вида. К примеру, применение меры пресечения, возможно, и заключается в водворении под стражу, принимают залог и отбирают подписку.

Аннулирование или модификация меры пресечения решается статьей 110 УПК РФ и ее отменяют или изменяют на другую, когда отпали или изменились основания их применения.

Меру пресечения отменяют в следующих случаях: 1) при признании противоправным или необоснованным акта об избрании меры пресечения, которую устанавливает вышестоящая инстанция и обвиняемый (подозреваемый) может потребовать, чтобы возместили причиненный вред данной мерой пресечения (ч. 3 ст. 133); 2) если отпала нужда ее применения, когда достигнуто цель. К примеру, тяжелая болезнь обвиняемого, и нет причин бояться процессуальных срывов с его стороны; 3) когда отпадают общие условия, чтобы применить меру пресечения: прекращение уголовного дела, уголовного преследования; постановление оправдательного приговора или оно, не связано с назначением наказания, – ст. ст. 306, 311; обращение обвинительного приговора к исполнению – ч. 4 ст. 390, ст. 393; приостановление уголовного дела; 4) если отпали специальные условия употребления мер пресечения: истек 10-суточный срок применения меры пресечения в отношении подозреваемого, когда ему не предъявлено обвинение (ст. 100); отказ обвиняемого, поручителей, залогодателей от их обещаний (ст. ст. 102 – 106); прекращение статуса военного, если производится наблюдение в в/ч (ст. 104); лицо становится совершеннолетним при рассмотрении за таким обвиняемым (ст. 105); истек срок содержания под стражей или под домашним арестом (ст. 109).

По действующему законодательству меру пресечения можно изменить в сторону строгости или мягкости. Выбор более строгой меры пресечения возможно, если появились дополнительные ситуации, которые устанавливают: а) вероятность совершения обвиняемым (подозреваемым) процессуального нарушения; б) беспомощность старой меры пресечения обеспечивать должное поведение обвиняемого или подозреваемого (ст. ст. 97, 99).

Изменять меру пресечения на мягкую закон допускает при наличии общих оснований, условий и мотивов ее избрания, когда прежняя, а жесткая мера пресечения аннулируется в связи с: а) отменит вышестоящая инстанция; б) отпадает нужда ее применения; в) отпадают специальные условия.

Часть 2 статьи 10 УПК РФ предусматривает, что суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель должны немедленно отпустить каждого незаконно задержанного, или лишеного свободы, которое должно быть мотивированно оформлено постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Мера пресечения в соответствии с частью 3 статьи 110, избранная в ходе предварительного расследования следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, отменяется или изменяется лишь с их согласия.

В рамках уголовного судопроизводства право обжаловать акты по избранию мер пресечения есть важная гарантия утверждения прав граждан и таким правом обладают лица, чьи круг интересов нарушены. Также и лицо, в отношении которого мера пресечения избрана, но еще не исполнена.

Решение следователя и дознавателя могут быть обжалованы руководителю следственного органа, постановления дознавателя – прокурору (ст. 124 УПК), а также непосредственно в суд (ст. 125). Право судебного обжалования меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, подтверждено решением Конституционного Суда РФ. Решения суда первой инстанции об избрании или изменении меры пресечения могут быть обжалованы в апелляционном в течение 10 суток. Подача жалобы не приостанавливает разбирательство по делу.

Факторы, которые сегодня детерминируют асоциальное поведение детей

С.Р.Нурмагомедов

Р.Н.Пирова

Личность современного ребенка характеризует не только прогрессирующая отчужденность, повышенная тревожность, духовная опустошенность, цинизм, жестокость, проявления различных форм насилия и агрессии, грубое отношение к взрослым, низкий уровень эмоциональной привязанности к членам семьи, пропуск учебных занятий, отчуждение от школьной среды, но и происходящая институализация девиантного поведения. Такое «отклоняющееся» поведение детей и молодежи касается всех сфер социального функционирования и проявляется в насилии и агрессии, негативном отношении к окружению, неспособности прогнозировать результаты своего поведения, низких коммуникативных навыках. [1. – С. 36]

Среди факторов, которые сегодня детерминируют асоциальное поведение детей, можно назвать: беспризорность и бесконтрольность, наркоманию, алкоголизм, проституцию, попрошайничество, насилие в семье (социальные факторы); ухудшение соматически-психического состояния здоровья детей и молодежи (медицинские факторы); зависимость от азартных игр, компьютера и Интернета (психологические факторы); недостаточность и неэффективность правовой поддержки и защиты прав ребенка в сложных обстоятельствах, недостатки ювенально-пенитенциарного воздействия и т. п. (правовые факторы). Указанные проблемы актуальны не только для российского общества, но и для всего мира. Единственное, что может отличаться – это внимание со стороны органов публичного администрирования к этим проблемам и пути (включая ресурсы) их решения.

Субъекты социальной и превентивной работы в процессе своей профессиональной деятельности осуществляют мероприятия по выявлению сирот, беспризорных детей и детей, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах, предоставляют им комплекс услуг (в пределах полномочий), в случае необходимости, принимают меры по защите прав и интересов ребенка, оказанию помощи родителям или привлечению их к ответственности. Но, исполнение положений законодательства не всегда находит должного воплощения по ряду социально-экономических причин. При этом, «стандартный» подход со стороны родителей или чиновников не всегда может учесть особенностей отдельных «психологических типов» ребенка. Указанные факторы становятся причиной негативных явлений, которые либо причиняют вред непосредственно детям, либо вызывают неправомерные поступки со стороны последних. Однако, как первый, так и второй вариант влекут деформацию развития личности, что может отрицательно сказываться на поведении человека в будущем.

Ребенок от взрослого человека отличается рядом анатомо-физиологических и психических особенностей. Учитывая эти особенности, период детства определяют как самую интенсивную стадию человеческого развития. Биологический возраст детей характеризуется рядом качеств, например, зрелостью скелета, уровнем развития вторичных половых признаков, функциональной, морфологической и психической зрелостью. [1. – С. 42]

Взаимное влияние двух упомянутых компонентов (природные задатки человека и характер социального окружения) обуславливает возникновение определенных видов проблем в поведении ребенка и его отношениях с другими членами своей микросреды (семья, друзья, педагоги) и макросреды (страна с ее общественными и экономическими особенностями, менталитетом, ценностями и регион, в котором живет ребенок). В каждом отдельном случае эти проблемы уникальны по содержанию, но психологи по общим устойчивым чертам их проявления и причинам возникновения систематизируют и объединяют такие проявления в определенные универсальные типы, которые характерны для того или иного уровня развития ребенка. [2. – С. 18]

Итак, ознакомление с соответствующими негативными моментами целесообразно начать с отклонений, которые могут иметь место в поведении непосредственно ребенка (субъективно-ювенальный фактор). Ранее, нами были определены общие психолого-возрастные особенности ребенка, с целью четкого ограничения проявлений социальной деформации.

Е. В. Змановская выделяет следующие варианты социального поведения: 1) нормативное («стандартное») поведение, которое соответствует социальным нормам; 2) маргинальное (пограничное) поведение, которое находится на крайней грани социальных норм; 3) нестандартное («ненормативное») поведение, которое выходит за рамки принятых в данном обществе норм (проявляется в двух основных формах: а) креативное (творческое) поведение; б) девиантное поведение – деструктивное или аутодеструктивное, вызывает неодобрение окружающих и социальную дезадаптацию); 4) патологическое поведение, отклоняющееся от медицинских норм, проявляющееся в форме конкретных симптомов психических заболеваний. Анализ представленной модели вариантов поведения ребенка позволяет определить границы объекта превентивного воздействия. [2, с.28]

В зависимости от мотивов соблюдения правовых норм различают: правомерное поведение, которое базируется на восприятии правовых норм, как наиболее целесообразных ориентиров поведения, или на конформистском подчинении правовым требованиям (основанное на страхе наказания за неправомерное поведение (маргинальное). И. Ю. Кулагина, ссылаясь на теорию нравственного развития американского психолога Л. Кольберга, рассматривает развитие морального сознания ребенка как последовательный прогрессивный процесс, выделяя доморальный уровень, конвенциональную мораль и автономную мораль. [3]. Отклонением от нормативного поведения будет девиантное поведение. Этот термин (лат. «deviatio» – «отклонение») широко используется не только в работах психологов, педагогов и социологов, но и в трудах юридической направленности. Такое отраслевое разнообразие иногда приводит к неоднозначности толкования данных дефиниций и связанных с этим понятием категорий. Например, Я. М. Квитка, исследуя причины административных правонарушений среди несовершеннолетних, вспоминает о деструктивном поведении. Р. И. Благута активную деструктивную направленность личности рассматривает как критерий для определения одной из углубленных форм девиации – делинквентного поведения, которое приобретает антиобщественный характер, но не достигает тяжести преступления. С. М. Корецкий рассматривает эти понятия как самостоятельные категории и выстраивает их последовательно в так называемую череду становления личности преступника: «девиант – делинквент – преступник» [3]

Одним из важнейших институтов социализации личности является семья, которая составляет персональную среду развития ребенка. И. П. Васильковская констатирует, что семейное воспитание в случае его дефектности может привести к тяжелым последствиям, выступить в качестве причины конкретного преступления, совершенного несовершеннолетним. Ученая дает четкий перечень существенных дефектов семейного воспитания, которые непосредственно влияют на появление преступного поведения несовершеннолетнего, определяет их основные группы. И. П. Васильковская приходит к выводу о том, что появление преступного поведения подростка может происходить, как в семьях с ненадлежащими материально-бытовыми условиями, так и в семьях с посредственным или значительным уровнем материального благосостояния, если в последних имеет место неадекватное отношение к материальным ценностям [4. – С. 9]. Со своей стороны отметим, что преобладающее в семье (со стороны взрослых ее членов) отношение к правилам поведения в обществе (одобрение, нейтральное восприятие или

пренебрежение ими) во многом обуславливает формирование у ребенка социального (стандартного), маргинального или девиантного поведения.

Таким образом, можно констатировать, что поведение и восприятие социальных ценностей ребенком будет зависеть от характерных особенностей того или иного индивидуума и среды, в которой такой ребенок живет, воспитывается и развивается. Но кроме соматически-физиологических, психических (психологических) особенностей ребенок имеет и особый правовой и социальный статус, которые обуславливают специфику участия такого лица в правоотношениях, а также повышенное внимание и заботу со стороны государства [4. – С. 12]. В частности это отражается в нормах семейного, гражданского, административного и уголовного законодательства.

Список литературы:

1. Волковская Т.Н. Возможные способы организации и содержание работы с родителями в условиях коррекционного дошкольного учреждения. – СПб.: Речь, 2007.
2. Колпакова Л.М., Мухаиметзянова Г.Н. Особенности эмоционально-личностных отношений матери и ребенка-инвалида (на примере младшего школьного возраста) Хрестоматия / Авторы-составители И.В. Добряков, О.В. Заширинская. – СПб.: Речь, 2007.
3. Руководящие принципы организации объединенных наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних// Источник – <http://www.un.org/russian/document/>
4. Апатенко С.Н. Ювенальная юстиция в системе государственной молодежной политики Всероссийский информационный портал «Ювенальная юстиция в России».

Судебная практика в избирательном праве

А.В.Патокин
И.А.Абдулаева

Уровень защищенности избирательных прав граждан – один из критериев признания государства демократическим и правовым. Юридический механизм защиты избирательных прав граждан в России как о сопряжен с различными видами государственной защиты прав и свобод, предполагающими использование либо потенциальную возможность использования принудительной силы государства в лице уполномоченных органов.

Статья 46 Конституции Российской Федерации гарантирует судебную защиту прав и свобод человека и гражданина. Поэтому решения и действия (бездействие) органов государственной власти или местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Каждый гражданин вправе обратиться в суд, если считает, что неправомерными действиями (решениями) государственных органов, учреждений, предприятий и их объединений, органов местного самоуправления, общественных организаций, должностных лиц или государственных служащих, нарушены его права и свободы, либо созданы препятствия их осуществлению, или, на него незаконно была возложена какая-либо обязанность, либо он незаконно был привлечен к ответственности.

Заявление может быть подано гражданином, права которого нарушены, а также его представителем. Пределы и механизм судебного рассмотрения избирательных споров регулируются избирательными законами и нормами гражданского процессуального права. Дело рассматривается судом по правилам гражданского судопроизводства. Сторона, действия (решения) которой обжалуются, несет процессуальную обязанность документально доказать законность оспариваемых действий (решений). Гражданин освобождается от обязанности доказывать незаконность оспариваемого, но обязан доказать факт нарушения своих прав и свобод.

Развивая эти нормы, законодатель в статье 63 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» закрепил положения о том, что решения и действия (бездействие) органов государственной власти, должностных лиц и общественных объединений, органов местного самоуправления, а также решения и действия (бездействие) избирательных комиссий, комиссий референдума их должностных лиц, нарушающие избирательные права граждан и их право на участие в референдуме, могут быть обжалованы в суд.

Практика судебной, равно как и административной, защиты прав граждан получила распространение с 1994 года, когда российское избирательное законодательство лишь начало формироваться в его современном демократическом виде. Сами суды оказались не вполне готовыми правильно применять новое избирательное законодательство, а избирательные комиссии – профессионально готовить и защищать в судебных инстанциях свои решения и действия с учетом изменившихся принципов судопроизводства.

Судебное рассмотрение избирательных споров регулируется гражданским процессуальным правом, однако, действующий порядок не обеспечивает учета специфики избирательных правоотношений. Из-за отсутствия урегулированной законом процедуры и не единообразного толкования норм закона судебными органами допускаются ошибки: по аналогичным спорам принимаются прямо противоположные решения.

Противоречивые решения судов по однотипным делам указывают еще и на необходимость специализации судей при рассмотрении дел, связанных с защитой избирательных прав граждан. Поэтому практика рассмотрения Верховным Судом РФ избирательных споров должна учитываться нижестоящими судами при разрешении ими споров по аналогичным вопросам, а накопленный ими опыт должен, активно использоваться для совершенствования федерального и регионального избирательного законодательства.

Решения и действия (бездействие) Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и ее должностных лиц обжалуются в Верховный Суд РФ. Решения и действия (бездействие) избирательных

комиссий субъектов, окружных избирательных комиссий по выборам в федеральные органы государственной власти и должностных лиц этих избирательных комиссий обжалуются в суд субъекта РФ. Решения и действия (бездействие) иных избирательных комиссий, а также комиссий референдума обжалуются в районные суды. С жалобами на решения и действия (бездействие), нарушающие избирательные права граждан и право на участие в референдуме, могут обращаться избиратели, кандидаты на выборные должности, их доверенные лица, избирательные объединения, инициативные группы по проведению референдума, наблюдатели, а также избирательные комиссии и комиссии референдума.

В предусмотренных законодательством случаях суд вправе отменить решение соответствующей избирательной комиссии, комиссии референдума об итогах голосования или о результатах выборов (референдума), а также иное решение. Решения суда обязательны для исполнения соответствующими комиссиями. Дела, рассмотренные Верховным Судом РФ по первой инстанции, в основном касались случаев, когда Центральная избирательная комиссия РФ отказывала инициативным группам избирателей и избирательным блокам в регистрации, в заверении копий федеральных списков кандидатов, в принятии подписных листов и других документов, необходимых для регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ, в регистрации федеральных списков, а также ошибок в списках, признания неправильным исключения из федеральных списков и так далее. Обжаловались и отдельные постановления ЦИК России об утверждении разъяснений и инструкций о применении федерального законодательства по вопросам организации и проведения выборов. Практика рассмотрения избирательных споров Верховным Судом РФ показала, что действующее гражданско-процессуальное законодательство существенно ограничивает возможности ЦИК России по обжалованию решений Верховного Суда. Любое решение по гражданскому делу, рассмотренному Верховным Судом по первой инстанции, не подлежит обжалованию в кассационном порядке. В то же время процедура обжалования в надзорном порядке очень громоздка, длительна и не обеспечивает своевременной защиты законных прав и интересов всех участников избирательного процесса в Российской Федерации. Основную массу дел в нижестоящих судах составляли дела по жалобам на отказ окружных избирательных комиссий принять подписные листы и зарегистрировать кандидатом в депутаты или на выборную должность.

Нижестоящими судами рассматривались избирательные споры, касающиеся следующих вопросов: отказ в регистрации инициативных групп; о необоснованной регистрации кандидатом в депутаты или на выборную должность; о признании состоявшихся выборов недействительными; о неправомерных ограничениях региональными законами условий приобретения гражданами активного и пассивного избирательного права посредством введения цензов оседлости, знания национального языка, наличия гражданства соответствующей республики в составе Российской Федерации. В случае если после подведения соответствующей избирательной комиссией итогов голосования, либо определения результатов выборов суд установит, что допущенные нарушения не позволяют с достоверностью определить истинное волеизъявление избирателей, он может отменить решение соответствующей комиссии об итогах голосования или результатах выборов. Суд надлежащего уровня вправе отменить решение избирательной комиссии об итогах голосования, о результатах выборов на избирательном участке, ряде участков, территории, в избирательном округе, субъекте РФ или Российской Федерации в целом. Основанием для этого могут быть нарушения правил составления списков избирателей, формирования избирательных комиссий, порядка голосования и подсчета голосов (включая воспрепятствование наблюдению за их проведением), определения результатов выборов, других нарушений выборного законодательства, если они препятствуют достоверному определению результатов волеизъявления избирателей.

Суд соответствующего уровня может отменить решение комиссии референдума субъекта Российской Федерации, местного референдума о его результатах в случае нарушения правил составления списков участников референдума, порядка формирования комиссий последнего, правил ведения агитации и финансирования подготовки и проведения референдума, использования членами инициативных групп, их доверенными лицами, руководителями общественных объединений должностного положения в интересах получения желаемого ответа на вопрос референдума. Решение подлежит отмене и при установлении фактов подкупа участников референдума названными лицами и организациями в тех же целях, при нарушениях порядка голосования и подсчета голосов, выявлении других нарушений законодательства о референдуме, если они не позволяют определить истинное волеизъявление его участников. Суд может отменить решение любой избирательной комиссии (комиссии референдума) об итогах голосования, о результатах выборов, референдума, а также другие решения этих комиссий, противоречащие федеральным конституционным законам или законам субъектов РФ, либо принятые с превышением установленных полномочий. После отмены решения комиссии судом, последняя принимает новое решение по существу вопроса. Если решения участковых избирательных комиссий, комиссий референдума об итогах голосования отменены более чем на одной четверти избирательных участков, это влечет за собой признание выборов, референдума на соответствующей территории недействительными. Суд может рассмотреть избирательный спор и принять решение не позднее чем в двухмесячный срок со дня подачи заявления. Однако решения по жалобам, поступившим в ходе избирательной кампании (подготовки референдума), принимаются в пятидневный срок, но не позднее дня, предшествующего дню голосования, а в этот день или в день, следующий за ним, – немедленно.

Таким образом, проблема избирательных споров является чрезвычайно актуальной. Обусловлено это прежде всего тем, что именно в избирательных спорах юридически возникают многочисленные разногласия по поводу осуществления электоральных прав российских граждан, а их разрешение выступает в качестве

одного из основных средств защиты конституционного права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления.

Литература

1. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: Монография / Матейкович М.С.. – М.; Изд-во МГУ, 2013.- С.178.
2. Кравец И.А. Конституционная жалоба: традиции и новации в механизме гарантий прав и свобод личности // Журнал российского права. 2013. №8.С.28
3. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. №12. 2014. С.29
4. Кужелева М. Ю. Судебный прецедент в конституционном праве РФ.// Вестник Омского университета. Серия «Право», № 2 (39) / 2014.-С.28

К вопросу о медиации как способе разрешения конфликтов

Р.Н.Пирова

Как известно, в настоящее время во многих зарубежных странах мира применяются самые различные альтернативные способы разрешения гражданско-правовых конфликтов, лежащие в основе так называемого восстановительного правосудия. К их числу относятся: полицейское предупреждение, штраф по соглашению, условный отказ от гражданского преследования, транзакция, институт отказа от гражданского преследования под условием и т.д., внимание к которым проявляют и российские ученые.

Наибольшее же распространение практически во всех странах получил институт медиации (посредничества) по уголовным делам. Суть данного института, независимо от того, применяется ли он по решению суда, прокурора или полиции, одинакова. Согласно Рекомендации Комитета министров Совета Европы под посредничеством понимается «любой процесс, где жертве и правонарушителю предоставляется возможность, в случае их согласия, с помощью беспристрастной третьей стороны (ведущего) принимать активное участие в разрешении вопросов, связанных с произошедшим преступлением».[1]

В Стандартах восстановительной медиации указываются основные особенности посредничества по уголовным делам. Прежде всего, обращается внимание на то, что центральным пунктом медиации по уголовным делам является вопрос о заглаживании вреда, причиненного преступлением, включающий в себя более широкий спектр восстановительных действий, чем просто возмещение материального вреда. С чем следует полностью согласиться, поскольку именно в решении этого вопроса состоит коренное отличие медиации от нашего традиционного гражданского судопроизводства. [2]

В результате производства по гражданскому делу в первую очередь решается вопрос об гражданской ответственности обвиняемого лица и заодно с этим вопрос о возмещении причиненного преступлением вреда. В процессе медиации, наоборот, в зависимости от решения вопроса о возмещении и заглаживании причиненного преступлением вреда решается вопрос об ответственности обвиняемого лица. Необходимо также согласиться и с тем, что отправной точкой для проведения медиации должно служить признание обвиняемым основных фактических обстоятельств дела, а не только признание вины в юридическом смысле. Без этого условия медиация не будет иметь успеха.

Медиация является новым для российской правовой культуры способом урегулирования конфликтов – таким культурным и социально-правовым явлением, которое способно влиять на многие устоявшиеся взгляды в области юриспруденции и существенно менять, раздвигать перспективы развития юридической профессии.

В начале XIX века в Российской империи была создана и эффективно действовала система коммерческих судов, которые в строгом процессуальном смысле таковыми не являлись. Это связано с тем, что не менее половины судей избирались из представителей купечества не ниже 1-й или 2-й гильдии. А сам процесс в коммерческом суде проходил в форме примирительного разбирательства и применялись в основном нормы обычного права. В отчетах коммерческих судов Российской империи середины XIX века употреблялся термин «медиатор» и указывалось на полезность разрешения торговых споров с участием медиатора[5]. После 1917 года практика использования медиаторов была ликвидирована по политическим и идеологическим соображениям, и первые попытки ее восстановления начались лишь в 1990-е годы, но на протяжении 20 лет они не имели правовой основы.

В настоящее время в России применение медиации в арбитражных и гражданских судах регламентируется Федеральным законом № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», вступившим в силу с 1 января 2011 года.

В связи с действием Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», а также Федерального закона от 27 июля 2010 года № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[3], юристы могут столкнуться с необходимостью применения положений этих законов в своей профессиональной деятельности.

Этим законом устанавливается внесудебная процедура урегулирования гражданско-правовых споров при участии нейтральных лиц (медиаторов) как альтернатива судебному или административному разбирательству. Определяется сфера применения — урегулирование гражданских, семейных и трудовых споров. При этом процедура медиации не может применяться в гражданских, трудовых, семейных отношениях, если результаты урегулирования спора могут затронуть интересы третьих лиц, не

участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы (например, по делам о несостоятельности (банкротстве)). [4]

Устанавливаются требования к соглашению о проведении процедуры медиации. Соглашение заключается в письменной форме и должно содержать сведения: о сторонах, предмете спора, медиаторе (медиаторах) или организации, осуществляющей оказание услуг по проведению процедуры медиации, порядке проведения процедуры медиации, условиях участия сторон в оплате расходов, связанных с проведением процедуры медиации, сроке проведения процедуры медиации (он не должен превышать 180 дней). При этом медиатор и стороны должны принимать все возможные меры к тому, чтобы указанная процедура была завершена в срок не более 60 дней.

Назначение медиатора производится по взаимному соглашению сторон, а услуги по проведению процедуры медиации могут оказываться как на платной, так и на бесплатной основе. В законе прописаны также процедуры медиации – внесудебная, досудебная и судебная, предусматривающая проведение процедуры медиации на любой стадии судебного разбирательства. Устанавливаются требования к медиаторам, деятельность которых может осуществляться как на профессиональной основе (лица, достигшие возраста 25 лет, имеющие высшее профессиональное образование и прошедшие курс обучения по программе подготовки медиаторов, утверждаемой в порядке, определяемом Правительством РФ), так и на непрофессиональной основе (лица, достигшие возраста 18 лет, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости), а также особенности правового положения саморегулируемых организаций медиаторов и их основные функции. [5]

Помимо этой сферы применения медиации, существует совсем другое направление деятельности, которое заключается в создании школьных служб примирения, членами которых становятся сами ученики школы. Они обучаются навыку медиации и образуют самостоятельную форму школьного самоуправления. Благодаря этому в школах, где функционируют такие службы, повышается степень ответственности и коммуникативной компетентности среди обучающихся. С 2008 в России издается профессиональный журнал для медиаторов «Медиация и право». С 2005 года в Москве раз в два года проводятся международные конференции, посвященные медиации[6].

В 2011 была создана Национальная организация медиаторов, соучредителями которой выступили Российский Союз Промышленников и Предпринимателей, Торгово-Промышленная палата России, Ассоциация юристов России и Центр медиации и права. Президентом организации стала Ц. А. Шамликашвили. [7]

В 2011 году также создано Некоммерческое партнерство «Альянс профессиональных медиаторов». Первым шагом на пути интеграции медиации в различные юридические практики, в том числе судейскую, адвокатскую, нотариальную деятельность, является понимание профессиональным юридическим сообществом ее сущности, особенностей организации, преимуществ. [8]

Имеет определенные условия и правила ведения, очередность действий, фаз, а также основывается на следующих принципах:

- добровольность, конфиденциальность, взаимоуважение, равноправие сторон,
- нейтральность и беспристрастность медиатора, прозрачность процедуры. В гражданском праве области применения медиации довольно обширны. Это:
 - межкорпоративные внутрикорпоративные споры;
 - споры в банковской и страховой сфере;
 - сопровождение проектов, реализация которых затрагивает интересы многих сторон;
 - конфликты на работе;
 - семейные споры;
 - споры, связанные с авторским правом и интеллектуальной собственностью;
 - медиация в образовании;
 - межкультурные конфликты, и многое другое. [9]

«Согласительная процедура» – «зонтичный» термин, охватывающий все виды посредничества и содействия в альтернативном урегулировании споров (конфликтов), к которым обычно относят Переговоры, Медиацию, (решение споров через сотрудничество) и Третейский суд. [10]

В последнее время довольно часто на практике применяется Онлайн -урегулирование споров.

Медиация с помощью Интернет – технологий является одной из разновидностей медиации. Использование Интернет – технологий расширяет возможности медиаторов в спорах между лицами и организациями, которые удалены друг от друга или в силу иных причин (например, инвалидности) не могут принимать непосредственное участие в процедурах медиации, а также в ситуациях, где значимость спора не оправдывает стоимость личного присутствия медиатора. Онлайн-овая медиация может также оказаться полезной в качестве предварительной фазы основного процесса медиации – например, в ситуациях, где важную роль играет фактор времени, для начала подготовки сторон и проведения процедуры мозгового штурма. [11]

В положительном исходе медиации важную роль играет так же как сам медиатор (посредник) – человек или группа людей, которые, являясь третьей нейтральной, независимой стороной, не заинтересованной в данном конфликте, помогают конфликтующим разрешить имеющийся спор. [12]

В некоторых школах медиации медиатор может играть более активную роль, в то время как в других роль медиатора сводится в основном к фасилитации (содействию), так и фасилитатор отвечает за

организацию переговоров (следит за соблюдением регламента и структурой процесса), содействует сторонам при их проведении. [13]

Список литературы:

1. Европейский Кодекс Поведения для медиаторов от 2 июня 2004 г.
2. Медиация в мире «Российская Бизнес-газета» – Новое законодательство № 821 (39) «Российская газета», 11.10.2011.
3. Федеральный Закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».
4. Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 194-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».
5. Бесемер Х. Медиация: Посредничество в конфликтах / Перевод с нем. Маловой Н. В. – Калуга: Духовное познание, 2004.
6. Ватцке Э. «Вполне возможно, эта история не имеет к вам никакого отношения...»: истории, метафоры, крылатые выражения и афоризмы в медиации. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2012. Ведение переговоров и разрешение конфликтов / Перевод с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.
7. Шамликашвили Ц. Медиация как метод внесудебного разрешения споров. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2014.
8. Герзон М. Лидерство через конфликт: Как лидеры-посредники превращают разногласия в возможности / Пер. с англ. П.Миронова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008.
9. Ломанн Ф. Разрешение конфликтов с помощью НЛП: Техники улаживания конфликтов и ведения посреднических переговоров, консультирования пар и медиации методами Вирджинии Сатир, Джона Гриндера и Тиса Штала: Учебник и сборник упражнений. – СПб.: Издательство Вернера Регена, 2007.
10. Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями / Составители: Г.Мета, Г.Похмелкина / Перевод с нем. Г.Похмелкиной. – М., 2014
11. Паркинсон Л. Семейная медиация. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2010.
12. Пель М. Приглашение к медиации. Практическое руководство о том, как эффективно предложить разрешение конфликта посредством медиации. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2013.
13. Сасскайнд Л., Шамликашвили Ц., Демчук А. Менеджмент трудных решений в XXI веке: Секреты построения консенсуса, или как сделать так, чтобы довольны были все. – М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2013.

Факторы, способствующие вовлечению несовершеннолетних в антиобщественную деятельность

Р.Н.Пирова

Коренные причины роста антиобщественных действий несовершеннолетних, как и преступности в целом, связаны с противоречиями общественного развития. Системный кризис, переживаемый в стране с начала радикальных преобразований в экономике и продолжающийся в определенной мере и в настоящее время, сопровождается возникновением новых и обострением ранее имевшихся противоречий.

Анализ данных о социально-демографических и личностных характеристиках несовершеннолетних, совершавших антиобщественные действия, свидетельствует о том, что большинство из них – выходцы из неблагополучных семей, отстающие в учебе, не сумевшие трудоустроиться или продолжить обучение.

Отсутствие продуманной политики государства в отношении деятельности средств массовой информации приводит к пропаганде культа насилия и жесткости, к ориентации на труд, не требующий каких-то усилий, больших затрат времени, специального образования и вместе с тем приносящий большие доходы, к эгоизму, заботе о личном благополучии, игнорируя общественные интересы, и т. д.

Вновь создаваемые государственные и общественные структуры для ограничения негативных тенденций в этой сфере (в том числе и борьбы с преступным поведением подростков) показывают свою неспособность эффективно осуществлять возложенные на них обязанности. Так, в правоохранительных органах, системе профилактики правонарушений, специальных учреждениях образования и воспитания навязывается формализм и бюрократизм, приводящие к процентомании, начетничеству, нивелированию личности и т. п.¹

Особо острое влияние эти факторы оказывают именно на несовершеннолетних, отличающихся специфическим психологическим восприятием, так как именно в этот период (14 – 17 лет) происходит окончательное физиологическое созревание и первоначальная социальная адаптация. Как известно, для несовершеннолетнего характера повышенная потребность общения со сверстниками, стремление к самоутверждению в их среде, чуткое реагирование на мнение сверстников. В связи с этим одним из основных стереотипов подросткового поведения является стремление к объединению в группы,

¹ Ильчикова Е.М. Противоправное поведение лиц молодежного возраста и проблемы его предупреждения: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

отличающиеся одноплановостью, однородной направленностью, территориальной общностью, борьбой за господство над своей территорией (во дворе, на улице), примитивной символикой (клички)¹.

Такое стремление к общению часто приводит к формированию групп несовершеннолетних с криминальными целями, особенно этому сейчас способствует вакуум, созданный исчезновением пионерских организаций, разрушением системы клубов и кружков, отсутствием спортивно-трудовых лагерей и т. п.² Особую тревогу вызывает тот факт, что в последнее время, криминальная направленность в такие группы всем чаще привносится именно взрослыми лицами. Происходит своего рода негативное взаимовлияние взрослой преступности на преступность несовершеннолетних.

Социальными и правовыми причинами преступности в рассматриваемой сфере являются: ухудшение условий семейного воспитания детей; рост числа неблагополучных и малообеспеченных семей; увеличение числа лиц, реально не участвующих в жизни общества, оказавшихся без нормальной работы, условий существования, с перспективами морального разложения; отсутствие общественных организаций, целью которых было бы оказание социальной и психологической помощи нуждающимся слоям населения; неспособность воспитательных учреждений справиться с поставленными перед ними задачами; несовершенство существующей системы назначения и исполнения наказания; непоследовательность правовой реформы в целом; недостатки законодательной базы по борьбе с преступностью и правонарушениями, отсутствие достаточной материальной обеспеченности проводимых профилактических мероприятий; недостаточное количество или недоступность досуговых центров и мест отдыха³.

Усиление социального неравенства и напряженности в обществе вызвало резкий рост преступности, которая стала оказывать обратное негативное влияние на общественное сознание и психологию.

В условиях экономической и политической нестабильности и нарастания общей социальной напряженности особенно пострадавшей оказалась молодежь: значительно сузились возможности самореализации, приобщения к социально-полезной деятельности, удовлетворения ее потребностей и интересов посредством институционных форм. Официальные институты социализации: семья, школа, трудовые коллективы, досуговые учреждения – переживают кризис и не в состоянии полноценно выполнить свои социальные функции⁴.

Для многих семей характерна атмосфера жестокости, насилия, эмоционального голода. Это побуждает тысячи детей совершать побеги из дома (в год 50 тыс. уходят из дома, 2 тыс. – кончают жизнь самоубийством).

Несовершеннолетние рассчитывают и имеют право на помощь коллектива учебного заведения, предприятия. К сожалению, она не всегда приходит вовремя.

Неблагоприятная социальная среда воздействует, прежде всего, на личность, не способную по своим свойствам ей противостоять.

Согласно нашим исследованиям около половины несовершеннолетних, совершивших антиобщественные действия, в школе учились плохо. Половина несовершеннолетних, совершивших антиобщественное действие, считают, что в школе имелись несправедливые, грубые, невнимательные и даже непригодные для работы с детьми учителя. Осуждая репрессивные меры за нарушение дисциплины и слабую учебу, подростки считают их бесполезными или вовсе несправедливыми (приглашение родителей в школу, обсуждение в классе, на педсовете и т. д.).

Практически все несовершеннолетние включены в систему общественных отношений их воспитания.

Главным воспитателем детей, оказавшихся вне семьи, школьного коллектива, становится «улица» в негативном понимании этого слова.

Социологами зафиксированы падение престижа образования, снижение ориентации учащейся молодежи на профессии, связанные с материальным производством, увеличение доли тех, кто не работает и не учится.⁵

По данным криминологов, незанятость как одна из форм изолированности от общества выполняет для определенной части подростков и молодежи функции объединяющего начала. Связанные с возрастом психологические особенности не позволяют подросткам, попавшим в отвергнутое положение, находиться в изоляции, вызывают стремление найти равных по социальному статусу лиц и объединиться с ними⁶.

На вредные последствия пустого препровождения времени указывал еще великий русский педагог К.Д. Ушинский⁷, который писал: «Более всего необходимо, чтобы для воспитанника сделалось невозможным то лакейское препровождение времени, когда человек остается без работы в руках, без мысли в голове, потому что в эти самые минуты портится голова, сердце и нравственность».

¹ Кадырова Н.Н. Беспризорность несовершеннолетних и ее профилактика: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005.

² Рожков М.И., Волохов А. Детские организации: возможности выбора. – М., 1996. – С. 42.

³ Антюфеева О.С. Защита прав ребенка в системе мер профилактики преступности несовершеннолетних: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004.

⁴ Ильчикова Е.М. Противоправное поведение лиц молодежного возраста и проблемы его предупреждения: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

⁵ Тавонин Е.П. Вторичная занятость учащейся молодежи: мнение экспертов // Социологические исследования. – 1996. – №6. – С. 92 – 93.

⁶ Забрянский Г.И. Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних. – Краснодар, 1979. – С. 54.

⁷ Ушинский К.Д. Собр. соч. – М., 1948. – С. 60.

Основной причиной такого резкого ухудшения положения в этой сфере можно назвать продолжающуюся гонку по изменению социальной, экономической и политической формации в обществе в последнее десятилетие, перевернувшую устоявшуюся систему ценностей, разрушившую старую, при всех недостатках, эффективно работавшую систему контроля над антиобщественной деятельностью несовершеннолетних¹.

К социально-психологическим причинам можно отнести низкий уровень правовой культуры общества в целом, деформация нравственных ценностей и норм морали, отмирание духовных ценностей и подмена их материальными благами; неуверенность в поддержке со стороны структур власти, получение защиты прав и интересов человека и гражданина; накопление в обществе агрессивности, пропаганда насилия и жестокости; массовые желания ухода от действительности с помощью наркотических, одурманивающих и других психоактивных веществ; увеличивающееся число потребностей, не соотносящиеся с материальными возможностями².

Глубокие преобразования в сфере экономики отразились на идеологии общества и нравственном сознании населения.

Произошла переоценка этических норм и ценностей, общепринятой картины истории и культуры. Объявленная в стране широкая демократия и плюрализм идей привели к возникновению многочисленных общественно-политических и религиозных течений, в том числе анархистского, нигилистического и шовинистического толков. На фоне социально-экономической неудовлетворенности у различных этнических и национальных групп населения возникло мнимое ощущение ущемленности в правах. В ряде регионов укрепились националистическая идеология. Стали происходить межэтнические и межнациональные конфликты. Появились потоки беженцев и вынужденных переселенцев.

Все эти процессы привели к росту социальной напряженности. Как показывают результаты опросов общественного мнения, у большинства населения появились чувства неопределенности, неуверенности в будущем, тревожности, потери ориентиров.

Об этом, в частности, свидетельствует резкий рост уровня бродяжничества и беспризорности среди несовершеннолетних.

Система профилактики правонарушений несовершеннолетних, существовавшая в России в прежние годы, практически распалась, а новая находится на стадии формирования и является пока несовершенной и малоэффективной.

Неспособность государственных и общественных структур удовлетворить возросшие материальные и духовные запросы молодежи в сочетании с высоким уровнем криминализации общества, падением нравов и другими негативными факторами среды порождают у определенной части несовершеннолетних и молодежи разочарование и психологический дискомфорт, ощущение ущербности и ненужности, правовой и моральный нигилизм и, соответственно, потребность в самоорганизации в целях противостояния противоречивым микро – и макросреде.

Список использованной литературы:

1. Антюфеева О.С. Защита прав ребенка в системе мер профилактики преступности несовершеннолетних: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – Рязань, 2004.
2. Забрянский Г.И. Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних. – Краснодар, 1979. – С. 54.
3. Ильчикова Е.М. Противоправное поведение лиц молодежного возраста и проблемы его предупреждения: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – М., 2004.
4. Кадырова Н.Н. Беспризорность несовершеннолетних и ее профилактика: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005.
5. Олейникова Т.А. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.
6. Осипьян А.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004.
7. Рожков М.И., Волохов А. Детские организации: возможности выбора. – М., 1996. – С. 42.
8. Тавонин Е.П. Вторичная занятость учащейся молодежи: мнение экспертов // Социологические исследования. – 1996. – №6. – С. 92 – 93.
9. Ушинский К.Д. Собр. соч. – М., 1948. – С. 60.

Особенности принципов уголовного судопроизводства

Р.Н.Пирова

Принцип законности при производстве по уголовному делу. Принцип законности является общеправовым принципом, означающим неуклонное соблюдение Конституции РФ и законов всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами и гражданами (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ).

Законность применительно к уголовному судопроизводству означает требование осуществлять производство по уголовному делу в точном соответствии с предписаниями Конституции РФ,

¹ Олейникова Т.А. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.

² Там же.

общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации и федеральных законов, прежде всего УПК, а также соответствующих им иных правовых актов.

Принцип уважения чести и достоинства личности. В основе данного принципа лежат положения Конституции РФ, определяющие, что достоинство личности охраняется государством и что никакие обстоятельства не могут быть основанием для его умаления (ст. 21). Там же безоговорочно определено, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому и унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Положения такого же рода закреплены, как отмечено выше, в ряде международных актов, признанных Российской Федерацией, в частности, в Международном пакте о гражданских и политических правах и Конвенции о защите прав человека и основных свобод. На них многократно ссылался и ссылается в своих решениях Европейский суд по правам человека.

Принцип неприкосновенности личности. Данный принцип, сформулированный в ст. 10 УПК, является конкретизацией и развитием более общего положения (принципа), провозглашенного в ч. 1 ст. 22 Конституции РФ.

В соответствии с этим положением-принципом «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. А это значит, что всем, кто правомерно находится на территории Российской Федерации, декларирована возможность пользоваться неотъемлемыми для каждого человека, живущего в современном цивилизованном обществе, по меньшей мере, двумя благами. Это – свобода выбора им самим своего образа жизни и совершения поступков, а также уверенность в том, что никто не будет совершать действия, произвольно ограничивающие такой выбор либо посягающие на его жизнь, здоровье, личную жизнь, иные предоставленные ему по закону ценности.

Принцип неприкосновенности жилища. В соответствии со ст. 25 Конституции РФ жилище неприкосновенно. Никто не может проникать в него против воли проживающих в нем лиц. Другими словами, любой человек на территории Российской Федерации обладает правом на то, чтобы посторонние не переступали «порог его дома», не чинили помех его привычным занятиям или времяпрепровождению, избранному им образу жизни.

Ограничение этого конституционного права возможно только при наличии хотя бы одного из двух условий:

- во-первых, тогда, когда в конкретном федеральном законе определены обстоятельства, при которых какой-то компетентный государственный орган вправе проникнуть в жилое помещение без согласия проживающих в нем лиц.

- во-вторых, тогда, когда такое проникновение разрешено постановлением судьи, вынесение которого допускается Законом об оперативно-розыскной деятельности (см. ч. 2 ст. 8) либо УПК в связи с необходимостью выполнения оперативно-розыскных или следственных действий по выявлению и расследованию преступлений.

Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Провозглашенное ст. 23 Конституции РФ право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в силу предписаний ст. 13 УПК отнесено к числу таких общих положений уголовного судопроизводства, которые также следует считать его принципами.

Но уголовно-процессуальное законодательство не ограничивается только такой констатацией. Оно установило существенные гарантии, ограждающие от произвольного ограничения или ущемления названного права.

В дополнение к конституционному положению о том, что ограничение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допустимо только по судебному решению, в УПК детально регламентируются порядок и условия принятия решений такого рода (ч. 1-4 ст. 165 и ч. 1-3 ст. 186 УПК) и – что не менее важно – порядок их претворения в жизнь (ч. 5-7 ст. 186 УПК). В частности, предусмотрено, что решение судьи, вынесенное по мотивированному ходатайству следователя, передается им тому органу, который уполномочен технически осуществлять контроль переговоров, что этот орган обязан по требованию следователя представлять для ознакомления произведенную им фонограмму телефонных переговоров, что при прослушивании фонограммы должен составляться протокол в присутствии понятых и т.д.

Принцип презумпции невиновности. В соответствии с принципом презумпции невиновности каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49 Конституции РФ и ч. 1 ст. 14 УПК).

Презумпция невиновности выражает не личное мнение судьи, следователя, прокурора. Это объективное правовое положение, из которого вытекает ряд важных следствий:

- а) ни один невиновный не должен быть привлечен к уголовной ответственности и осужден;
- б) никто не может быть привлечен в качестве обвиняемого иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом;
- в) по каждому уголовному делу обстоятельства, подлежащие установлению, должны включать также обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, смягчающие и отягчающие его наказание, а также обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- г) обязанность доказывания виновности обвиняемого лежит на том, кто его обвиняет – на стороне обвинения, а в суде, разбирающем дело, – на государственном или частном обвинителе;

д) обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе перелгать обязанность доказывания на обвиняемого;

е) запрещается помогать показаниям обвиняемого и других участвующих в деле лиц путем насилия, угроз и иных незаконных мер;

ж) признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинительного приговора только при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу;

з) обвиняемый может быть признан виновным при условии, если в ходе судебного разбирательства его виновность в совершении преступления доказана;

и) всякое неустранимое в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого.

Принцип языка уголовного судопроизводства. Данный принцип отражает национально-государственное устройство Российской Федерации и служит гарантией национального равноправия граждан в уголовном процессе, свободного употребления ими родного языка

Принцип осуществления правосудия только судом. Актом, определяющим суть российской судебной системы, является ст. 118 Конституции РФ, где сказано: «1. Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом... 3. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов не допускается».

Для уяснения сложившейся к настоящему времени системы судов, к ведению которых отнесено осуществление правосудия и иных полномочий при производстве по уголовным делам, в целом имеют большое значение положения ст. 126 Конституции РФ, Закона о судебной системе, Закона о военных судах, Закона о мировых судьях и п. 16, 48, 52 и 53 ст. 5 УПК. В силу этих положений осуществление названных полномочий возлагается на суды общей юрисдикции, подсудимый не может быть лишен права на рассмотрение его уголовного дела тем судом и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено законом (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ и ч. 3 ст. 8 УПК). Никакие другие суды, государственные либо иные органы не вправе осуществлять данный вид деятельности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (с изм. от 14.10.2005) // РГ от 25.12.1993, № 237, СЗ РФ от 17.10.2005, № 42, ст. 4212.
2. Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. – М.: Юрист, 2012.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 3-е изд., изм. и доп. – М.: НОРМА, 2003.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. В. Мозякова. – М.: Экзамен XXI, 2002.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2003.
7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / Под ред. Н. А. Петухова, Г. И. Загорского. – М.: ЭКМОС, 2002.
8. Уголовный процесс России: Учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун,

Виды уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних и проблемы их применения

Р.Н.Пирова

Преступность в среде несовершеннолетних – это серьезная проблема, с которой, так или иначе сталкивается и борется каждое государство. Суть этой проблемы заключается не только в том, что совершаются преступления, которые необходимо расследовать, а виновных наказывать, но и в том, что субъектами совершенных преступлений являются несовершеннолетние – по сути, просто дети, жизнь которых только начинается.

Согласно ч. 1 ст. 88 УК РФ, видами наказаний, назначаемых несовершеннолетним, являются:

- а) штраф;
- б) лишение права заниматься определенной деятельностью;
- в) обязательные работы;
- г) исправительные работы;
- д) ограничение свободы;
- е) лишение свободы на определенный срок.

Все они различаются по своему характеру, строгости и возможностям воздействия на осужденных, что предполагает в каждом конкретном случае назначение наиболее целесообразной меры наказания лицу, виновному в совершении преступления. Можно сказать, что указанный перечень составляет определенную систему наказаний для несовершеннолетних

Штраф – самый мягкий вид наказания в системе наказаний, который имеет следующие особенности: во-первых, он может быть заплачен единовременно, однако по ходатайству осужденного его уплата может быть рассрочена судом до пяти лет, во-вторых, штраф не может назначаться условно, в-третьих, он не влечет за собой каких-либо иных, кроме материальных, ущемлений в правах осужденного.

В соответствии с редакцией ч. 2 ст. 88 УК РФ, штраф, назначаемый несовершеннолетнему, может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Не ощутив на себе карательного и воспитательного воздействия правосудия, несовершеннолетний легко совершает другое преступление. Мы уверены, что цели наказания при назначении штрафа достигаются лишь в том случае, если он оплачен осужденным лично. Эффективность наказания сводится к нулю в случае перенесения бремени его исполнения на родителей или лиц их заменяющих. Следует согласиться с мнением ученых, полагающих в корне неверным назначение подростку наказания в виде штрафа, если он не имеет самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть наложено взыскание [1, с.19].

Следующим в лестнице наказаний является запрет несовершеннолетнему заниматься определенным видом деятельности. Виды деятельности закон не определяет, и определить не может в силу их разнообразия. Это могут быть, например, работа по договору или управление транспортным средством торговля и др. В ст. 88 УК РФ нет каких-либо разъяснений, касающихся назначения несовершеннолетним наказаний этого вида, вот почему суды при назначении такого наказания подросткам вынуждены обращаться к ст. 47 УК РФ. Таким образом, правила применения этого наказания распространяются и на несовершеннолетних. Особенностью этого наказания является то, что оно может быть назначено в качестве дополнительного в тех случаях, когда не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК.[2.с.428]

Стандартные минимальные правила ООН, принятые в 1990 г., также предусматривают такой вид наказания, как выполнение общественно-полезных работ [3]. УК РФ 1996 г. ввел наказание в виде обязательных работ, как для взрослых, так и для несовершеннолетних преступников. УК РФ предусматривает, что обязательные работы заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно-полезных работ и могут назначаться судом только в качестве основного вида наказания.

Трудовое законодательство (гл. 42 Трудового кодекса РФ) запрещает применение труда несовершеннолетних не только на тяжелых работах, но и на работах с вредными или опасными условиями труда, а также на работах, выполнение которых может причинить вред их нравственному развитию (торговля спиртным, работа в ночных клубах, барах и т. д.). Учитывая эти обстоятельства, законодатель предупредил, что наказание в виде обязательных работ исполняют уголовно-исполнительные инспекции по месту жительства осужденного на объектах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Это могут быть такие общественно-полезные работы, которые не требуют квалификации.

Исправительные работы (ст. 50 УК РФ) являются основным видом наказания, который имеет многолетнюю практику применения в России, однако в последние десятилетия удельный вес его применения заметно снизился. По смыслу закона исправительные работы не могут назначаться несовершеннолетним, обучающимся в школе или иных учебных заведениях. Условия трудоустройства и работы несовершеннолетних совпадают с особенностями исполнения обязательных работ. Многочисленные льготы для несовершеннолетних и повышенные требования к их работодателям серьезно затрудняют трудоустройство несовершеннолетних преступников. Кроме того, в случае злостного уклонения от отбывания наказания лица до 16 лет, осужденного к исправительным работам, последние могут быть заменены только лишением свободы – другие взаимозаменяемые наказания к указанной категории преступников не применяются.

В декабре 2009 г. УК РФ был дополнен новым содержанием ст. 53, предусматривающей ограничение свободы в качестве одного из видов наказаний. Новая редакция ст. 53 УК безусловно преследовала благую цель – расширение системы наказаний для несовершеннолетних с целью более эффективной их индивидуализации. Однако на практике ни количество, ни сущность мер воздействия к юным правонарушителям не изменились. Новая редакция данной нормы не внесла ничего нового в систему наказаний для несовершеннолетних, т. к. сущность данного наказания во многом совпадает с содержанием такой меры воздействия как условное осуждение к лишению свободы, которое давно и в большом количестве применяется на практике. Ограничения, предложенные законодателем для осужденных к ограничению свободы полностью совпадают с обязанностями, которые предусматривает

условное осуждение. Некоторые изменения, отличающие эти меры уголовно-правового воздействия не меняют их превентивного и воспитательного воздействия на правонарушителей.

Самым строгим среди наказаний для несовершеннолетних, соответственно, наиболее эффективным осталось лишение свободы на определенный срок. Судебная практика показывает, что в основном это наказание назначалось, как и прежде, за совершение краж, грабежей, разбойных нападений и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. Причина совершения этих видов преступлений видится в условиях жизни, особенностях мышления и ближайшем окружении несовершеннолетних.

Для несовершеннолетних срок лишения свободы не может превышать десяти лет, Таким образом, даже если санкция статьи за конкретное преступление предусматривает лишение свободы на срок свыше десяти лет.

Можно сказать, что при вынесении наказания необходимо учесть факторы жизни несовершеннолетнего, уяснить причины и условия совершения того или иного преступления, и после этого вынести правильное и обоснованное решение.

Список литературы:

1. Корецкий А.Д. Имущественная ответственность несовершеннолетних за совершенные правонарушения // Преступность и профилактика девиантного поведения молодежи: материалы межвузовской научно-практической конференции. Ростов н/Д, 1996.
2. Кольцов М.И. О необходимости повышения эффективности наказаний, назначаемых несовершеннолетним преступникам // Вестник тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. №9. 2009г.
3. Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением от 14.12.1990 г. // Документы ООН, касающиеся заключенных. М., 2000

Персидское купечество и Астраханская таможня в первой половине XIX века

Р.Н.Пирова

В первой половине XIX века Астрахань являлась центром русско-азиатской торговли, складочным местом для товаров, идущих из Средней Азии и Ирана. Через Астраханскую таможню и карантин, приписанные к ней, в период навигации (с марта по ноябрь каждого года) привозили товары армянские, персидские, среднеазиатские и русские купцы. Так, например, по запросу начальника Астраханской портовой таможни только в одном 1824 г. астраханская гражданская полиция выдала около 1500 паспортов бухарским, хивинским, персидским и русским купцам, приезжавшим для торговли в Астрахань [11. – С. 210].

Среди торговцев, осуществлявших взаимодействие с территориями и странами, прилегающими к Каспийскому морю, особенно большой вес и значение имели купцы-персияне, как принявшие подданство России, так и оставшиеся подданными шаха. Несмотря на то, что купцы эти были этнические азербайджанцы, в официальных документах их было принято называть персами, данной терминологии будем придерживаться и мы. Дело в том, что для российских чиновников в рассматриваемый период значимыми были не этнические корни торговавших, а подданнические отношения. Поэтому азербайджанцы – подданные иранского шаха – автоматически становились «персами». Точно так же, после того как Закавказье станет неоспоримой составной частью Российской империи, азербайджанцев станут называть закавказскими татарами (в силу близости тюркских языков и конфессиональной принадлежности).

Персы (в первую очередь, этнические азербайджанцы) в качестве торговцев появились в Астрахани в XVIII столетии, а в начале XIX, сразу вслед за падением «значительных торговых домов хивинцев и индийцев здесь, овладели торговлей ее вместе с армянами» [12. – С. 57]. Зная языки, нравы и обычаи Востока, персияне стали главными посредниками «в передаче произведений земель, их окружающих» в Астрахани [15. – С. 107-108].

Осуществляя внешнеторговые операции, они использовали рекомендательные письма и «охранительные грамоты» высокопоставленных лиц, личные знакомства, проверенные связи со своими иностранными контрагентами и т.д. [10. – С. 104]. Из-за опасения открыто вести свои дела, они не делали больших товарных запасов, старались как можно скорее обернуть капитал и получить быструю прибыль.

Тем не менее с каждым годом количество персидских купцов в Астрахани увеличивалось. Например, в 1825 г. из 10 купцов 1 и 2 гильдии, торговавших с заграницей, персами назвали себя 4 [7, д. 3136, л. 44 – 58 об.]. В следующем, 1826 г., из 14 гильдейских купцов персов уже было 7 [6, д. 48, л. 45-62].

От продажи русских товаров в Персии персидские купцы получали заметную выгоду. Они сбывали получаемые ими от русских купцов товары по покупной их цене, а барыш старались получить от «вымененных на оные товары, которые, привозя к нашим купцам, сдают им с повышением первоначальной цены» [1, д. 11, л. 299 об. – 300], нередко получая от этих двух оборотов почти рубль на рубль прибыли [13. – С. 246]. Тем более что весьма часто персияне вели отнюдь не добросовестную торговлю: «...нарушение прав торговых и в высшей степени замечается относительно торгующих в Астрахани и через оную персиян» [1, д. 216, л. 1 – 1 об.].

Но все же, при очевидной выгоде, немногие купцы решались прочно связать свои обороты с Россией. В качестве основной причины консулы называли «отсутствие необходимых капиталов» у иранских торговцев как следствие внутриэкономической и внутриполитической ситуации, сложившейся в стране [Там же, л. 300 об.].

Доминирующие позиции в астраханской внешней торговле персияне завоевывали стремительно. В 1836 г. исследователь Каспия Г. С. Карелин писал, возвратясь из экспедиции, что вся каспийская торговля сосредоточена в руках персиян [8. – С. 439].

В 1835 г. «Коммерческая газета» назвала «главнейших по значимости оборотов» купцов, производивших внешнюю торговлю при Астраханском порте. Это были: астраханский 1 гильдии купец Мир Абуталип Мир Багиров, который «также есть из числа первых судовладельцев»; рештский персиянин и санкт-петербургский 1 гильдии купец Аджи Сеид Казим; лангорутские персияне Мамады Джафар Ходадатов и Молла Аскер; бакинский персиянин Мамед Багир Аджи Рагимов [9].

Согласно донесению и.о. российского консула в Гиляне А. И. Ходзько в 1835 г., русскоподданные купцы вывезли из Решта 3000 батманов шелка, а персидскоподданный Хаджи Шейх Казым вывез морем в Астрахань 3000 батманов шелка [1, д. 249, л. 67 об.].

В другой ведомости-списке «русскоподданными мусульманами и армянами, привезшими в Решт для продажи товары с 15 мая по 11 октября 1835 г.» значатся 20 бакинских, 13 ширванских, 9 сальянских, 3 кубинских купца-персиянина и ни одного астраханского купца [Там же, л. 71 – 71 об.].

Вместе с тем данные о численности персидских купцов, торговавших через Астрахань, весьма приблизительны, так как составителей отчетной документации, которыми были карантин и Астраханская Портовая Таможня, интересовали только товары и их количество, и только в редких случаях – купцы, которые их сюда привозили. Данные были весьма приблизительны.

Начальник Астраханского Таможенного округа в переписке своей с генерал-губернатором в 1832 г. утверждал, что купцов, «привозящих на таможенный двор товары, для отправки в Персию», в течение года в таможне бывает более 600 [5, д. 75, л. 5 об.].

Самым крупным астраханским предпринимателем в 1828-1847 гг. стал персиянин, выходец из Ленкорани Мир Абуталип Мир Багиров, принявший российское подданство и вступивший в Астрахани в купцы 1 гильдии. В 1847 г. он умер, и ему наследовала фирма его сыновей Мир и Азиса «Братья Багировы». Фирма Багирова осуществляла в отдельные годы торговлю на сумму свыше 150 тысяч рублей [7, д. 3256, л. 16].

Столь же часто, как и Багиров, в ведомостях второй половины 1830-1840-х гг. упоминался и другой персиянин, выходец из Мазендарана А. Усейнов. Хотя его торговые обороты значительно уступали оборотам Багирова и не превышали 80-100 тысяч рублей ежегодно, тем не менее внешнеторговая деятельность Усейнова также отличалась постоянством.

Товары к Астраханскому порту привозились довольно большими партиями. Описью, пересчетом и перемером товаров занимались таможенные чиновники. Следует отметить, что российские власти стремились обеспечить режим наибольшего благоприятствования развитию торговли персидских купцов в Астрахани и через Астрахань. Даже в возникавших порой спорах между персами и учреждениями таможенного округа власти, как правило, были на стороне первых.

Представители персидского купечества умело пользовались покровительством российских властей. Летом 1802 г. 8 персидских и 6 армянских купцов направили астраханскому военному губернатору К. Ф. Кноррингу жалобу на действия только что учрежденного Седлистовского карантина и выразили нежелание платить карантинный сбор, ссылаясь на незаконность действий карантинных чиновников, берущих с купцов взятки для сокращения сроков карантина и неосторожно обращающихся с товарами. Если же их жалоба не будет удовлетворена, купцы угрожали «прервать всякую коммерческую с здешним краем связь». Губернатор взыскал с карантинных чиновников, инцидент был исчерпан [2, д. 2214, л. 1-6].

В августе 1811 г. астраханский из персиян 1-й гильдии купец Реджеб Аджи Абашиев жаловался губернатору, что таможенные чиновники задержали его торговое мореходное судно, конфисковали содержавшуюся на нем чугунную «пушечку» (которую он приобрел с целью обороны от «морских разбойников») в ноябре 1810 г. и удерживают и судно, и орудие более полугода. Губернатор сделал строгое внушение начальнику таможни, потребовал извиниться перед Абашиевым, а пушечку отдать [3, д. 1250, л. 1-2].

Была удовлетворена и жалоба персидских купцов на действия астраханской таможни в 1847 г. Купцов пытались заставить дважды пересматривать и перемеривать товар перед подачей объявлений в таможню и оплатой пошлины, а затем перемерить его еще раз после подачи объявления. Естественно, это вызывало порчу товаров и удлиняло сроки их нахождения в пакгаузах таможни, а купцы спешили в Нижний Новгород.

Начальник таможенного округа, на имя которого была подана жалоба, незамедлительно откликнулся на прошение, причем сразу же принял сторону персидских торговцев: ссылаясь на Азиатский таможенный Устав [14, ст. 2048, 2069], распорядился не чинить препятствий азиатским купцам [7, д. 802, л. 2-8].

Несоблюдение правил гильдейского законодательства астраханская таможня считала главным нарушением со стороны торгующих персиян [4, д. 1727, л. 9-11]. Департамент внешней торговли постоянно обращал внимание на это обстоятельство и в своих предписаниях просил таможню неукоснительно следить за выполнением персиянами российского законодательства [7, д. 3782, л. 1 – 2 об.].

В декабре 1822 г. персидскоподданный астраханский 2-й гильдии купец и санкт-петербургский иностранный гость Али Медиев обратился к министру финансов Российской империи с жалобой на действия астраханской таможни, арестовавшей принадлежащий ему торговый корабль, который он построил с целью быстрой переправки купленных в Санкт-Петербурге товаров в Иран. Таможня намеревалась продать шкют, стоивший хозяину более 20 000 рублей с торгов, за 6500 рублей. Свои действия таможенные чиновники объясняли несоблюдением Медиевым гильдейского законодательства 1807 г., согласно которому иностранец имел право иметь корабль, только приняв российское подданство. Проситель этого не сделал, из-за чего, собственно, пострадал. Но после длительного разбирательства, продолжавшегося почти 2 года, власти разрешили Медиеву держать судно без вступления в подданство России, объясняя это дружественным характером отношений между Россией и Персией [Там же].

В целом то отношение покровительства со стороны Астраханского таможенного округа к персидским предпринимателям, которое прослеживается на всем протяжении рассматриваемого периода, было продиктовано потребностями экономического развития России. Страна нуждалась в рынках сбыта для своей молодой промышленности, а также в сырье, в частности в хлопке, который поступал из Ирана в достаточно больших количествах. А агентами, осуществлявшими этот обмен, как мы видим, были в основном персидские предприниматели.

Список литературы:

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Миссия в Персии, 1833-1837 гг. Оп. 528а.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 1.

3. ГААО. Ф. 1. Оп. 3.
4. ГААО. Ф. 1. Оп. 7.
5. ГААО. Ф. 2. Оп. 6.
6. ГААО. Ф. 679. Оп. 4.
7. ГААО. Ф. 681. Оп. 3..
8. Карелин Г. С. Путешествие Г. С. Карелина по Каспийскому морю в 1832-1836 гг. СПб., 1883. 497 с.
9. Коммерческая газета. 1835. № 51.
10. Массальский Н. Ф. Письма русского из Персии. СПб., 1844. 321 с.
11. Миллер П. Русская транзитная торговля в 19 столетии // Русское экономическое обозрение. СПб., 1903. № 6. С. 186-220.
12. Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб., 1878. 349 с.
13. Русско-иранская торговля 30-50-х XIX в.: сборник документов. М., 1984. 292 с.
14. Свод законов Российской империи: Москва 1978Т. 6. 843с
15. Федоров М. П. Соперничество торговых интересов на Востоке. СПб., 1903. 218 с.

Особенности правового регулирования материальной ответственности служащих государственных органов

Р.Н.Пирова

Одним из видов юридической ответственности, применяющихся в системе государственной службы, является материальная ответственность, которая с учетом данного вида профессиональной деятельности обладает определенными особенностями.

Вопросы материальной ответственности государственных и иных публичных служащих закреплены, как правило, в разрозненных нормативных правовых актах, урегулированы довольно поверхностно и в целом ряде случаев заимствуют положения трудового законодательства. В российской правовой науке эти проблемы исследовались лишь фрагментарно и, на наш взгляд, нуждаются в дальнейшем комплексном исследовании, системной разработке. Так, на сегодня отсутствует правовая дефиниция, раскрывающая понятие «материальная ответственность», а в законодательстве о государственной гражданской и некоторых видах правоохранительной службы практически не содержится норм прямого действия, устанавливающих механизм такой ответственности.

В научных изданиях под материальной ответственностью обычно понимается обязанность возместить причиненный ущерб в пределах и порядке, установленных законодательством. В настоящее время вопросы материальной ответственности регулируются нормами трудового права, законодательством о военной службе, иными нормативными правовыми актами. Следует отметить наличие типичных решений целого ряда вопросов материальной ответственности в различных видах не только государственной, но и иной публичной службы, например муниципальной. Например, в различных ведомствах она подразделяется на полную и ограниченную, но акценты, характеризующие приоритетность их применения, далеко не одинаковы. [1. – С. 45].

Материальную ответственность в сфере государственной службы нередко отождествляют либо с гражданско-правовой ответственностью, либо ее связывают с действием норм трудового права, либо в решении этой проблемы предлагают руководствоваться только законодательством о госслужбе, а также научными положениями и практическими рекомендациями служебного права, о существовании которого как отрасли российской правовой системы продолжаются научные дискуссии.

Анализ литературных источников позволяет обобщить особенности, присущие материальной ответственности государственных и иных публичных служащих. К их числу можно отнести следующие виды ответственности.

1. Материальная ответственность в сфере государственной службы носит правовосстановительный характер, в отличие от дисциплинарной, административной или уголовной, которые имеют наказательное (карательное) значение.

2. Материальная ответственность в системе государственной службы наступает на основе действия правовых норм ряда отраслей российского права: административного, трудового, гражданского – и областей законодательства о государственной службе, специальных нормативных правовых актов.

3. Обязанность государственного служащего возместить причиненный материальный ущерб существует только в отношении государственного органа. Если вред причинен третьим лицам, то он возмещается в административном порядке (ст. 4.7 КоАП РФ) [2]. или в порядке гражданского судопроизводства (ст. 1069 ГК РФ).

4. Материальная ответственность государственных служащих является самостоятельным видом юридической ответственности и может применяться наряду с другими ее видами (дисциплинарной, административной, др.).

5. Материальная ответственность наступает при наличии прямого действительного ущерба; непосредственной причинной связи между противоправными действиями и наступившими вредными последствиями (ущербом); вины правонарушителя в причинении ущерба; если противоправные действия (бездействие) допущены им при исполнении должностных (служебных) обязанностей.

6. Материальная ответственность государства за вред, причиненный государственным служащим, не исключает материальной ответственности работников госаппарата в порядке регресса, т.е. в виде

возмещения (полного или частичного) госоргану или соответствующей казне денежных средств по их требованию, выплаченных пострадавшему лицу.

7. Порядок и условия привлечения государственных служащих к материальной ответственности различаются по видам госслужбы.

Сложность ситуации заключается в том, что в каждой из приведенных позиций присутствует рациональное зерно и ни одна из них не может быть признана единственно верной. В основу рассуждений о сущности и содержании ответственности, с названием которой также нет полной определенности, положен анализ соответствующего законодательства, однако этот подход, по нашему мнению, следует дополнить исследованием специфики правоотношений, которые возникают в процессе такого вида профессиональной деятельности, как публичная служба, и точнее характеризует природу материальной ответственности.

Все, что касается материальной ответственности государственных служащих и государственных органов перед гражданами, иными физическими и юридическими лицами, то здесь существо проблемы просматривается в плоскости гражданского права и свое практическое решение находит либо в досудебном порядке на основе добровольного возмещения причиненного вреда, либо в порядке гражданского судопроизводства на основе материальных и процессуальных норм этих отраслей российского права.

Таким образом, можно утверждать, что материальная ответственность в сфере госслужбы имеет двойственную правовую природу, позволяющую разделить ее на два направления, одно из которых обращено вовнутрь данной системы, а другое – вовне. С определенной долей условности их можно охарактеризовать как внутреннюю и внешнюю ее разновидности.

Возмещение вреда государственному органу его персоналом и наоборот – это внутриаппаратный вопрос, который может регламентироваться как законодательством о госслужбе, так и на основе норм других отраслей права. Правовые отношения, возникающие в этой ситуации, являются по своей природе государственно-служебными, но внешне они аналогичны трудовым, что и позволяет применять юридические конструкции этой отрасли права для формирования правовой основы возмещения причиненного ущерба.

Имущественные претензии третьих лиц к государственному органу – это правоотношения субъектов, не связанных между собой служебной зависимостью (подчиненностью), и выражены они уже во внешней области деятельности государственного органа или должностного лица, хотя и возникают они в процессе возмещения причиненного ими вреда. Такие отношения являются по своей правовой природе гражданско-правовыми и, следовательно, подпадают под действие норм гражданского законодательства, прежде всего Гражданского кодекса Российской Федерации.

Возможность материальной компенсации вреда, причиненного органами государственной власти или их должностными лицами, является общемировой практикой и непосредственно закреплена в Основном Законе нашей страны. На государстве лежит конституционная обязанность возместить вред, причиненный незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностными лицами. Кроме того, в соответствии с Конституцией РФ оно обеспечивает компенсацию ущерба потерпевшим, который возник в результате преступных посягательств или злоупотреблений властью. Не развивая эту проблему, отметим лишь, что в настоящее время государство нередко уклоняется в этой части от исполнения своих конституционных обязанностей. [3. – С. 132].

В действующем законодательстве о государственной гражданской службе содержатся правовые нормы, предписывающие государственному служащему беречь государственное имущество, в том числе предоставленное ему для исполнения должностных обязанностей, а в случае исполнения неправомерного поручения госслужащих и давший это поручение руководитель могут быть привлечены и к гражданско-правовой ответственности, наряду с ее другими разновидностями. Определенные обязанности возникают у государственного служащего и в части соблюдения запретов, установленных Законом. Так, например, государственный гражданский служащий не вправе использовать в целях, не связанных с исполнением должностных обязанностей, средства материально-технического и иного обеспечения, другое государственное имущество, а также передавать их другим лицам.

В ряде публикаций справедливо подчеркивается, что привлечение виновного лица, состоящего на государственной службе, например, к дисциплинарной ответственности не освобождает его от обязанности возместить имущественный ущерб государству, причиненный его неправомерными действиями.

Следовательно, законодатель обязывает лиц, состоящих на госслужбе, рачительно относиться к государственной собственности, а также предупреждает их об ответственности в случае причинения вреда государству. Кроме того, в настоящее время эти вопросы закреплены в служебном контракте, форма и содержание которого определены как законом, так и подзаконными нормативными актами.

Правовой механизм взаимной материальной ответственности за вред, причиненный сторонами правоотношений, наиболее полно изложен в трудовом законодательстве. [4. – С. 91]

К условиям наступления такой ответственности относятся: 1) наличие самого ущерба, причиненного одной из сторон правоотношений; 2) противоправность поведения (действия или бездействия) субъекта правоотношений; 3) причинная связь между деянием и вредным результатом; 4) вина стороны, причинившей ущерб.

Ущерб может выражаться в утрате или уменьшении стоимости государственного имущества, необходимости произвести дополнительные расходы, в неполученных доходах и наступлении иных неблагоприятных последствий.

Помимо материального вреда по нормам трудового законодательства может возмещаться и моральный вред, в частности если он причинен работнику неправомерными действиями работодателя.

Законодательство о государственной службе пока не решает этого вопроса, ограничиваясь бланкетной формой изложения, например, в Законе о государственной гражданской службе РФ.

Таким образом, материальная ответственность в сфере государственной службы обладает определенными особенностями, в правовом отношении урегулирована недостаточно и требует дальнейших теоретических исследований. На наш взгляд, методологические и прикладные проблемы материальной ответственности в сфере государственной службы следует решать, руководствуясь учением о приоритете прав личности, а также следующими принципами правового государства: взаимной ответственности государства и личности; единства прав и обязанностей граждан; признания человека высшей ценностью; укрепления авторитета власти и доверия граждан к ее институтам, предназначенным для признания, соблюдения, обеспечения и защиты прав и свобод человека. Кроме того, правовое регулирование материальной ответственности в системе государственной службы следует унифицировать на основе положений, содержащихся в международно-правовых документах, современной российской правовой доктрины и с учетом национального законодательства Российской Федерации в этой области.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. (от 06.04.2011 N 68-ФЗ, от 21.04.2011 N 69-ФЗ, Постановлением Конституционного Суда РФ от 25.04.2011 N 6-П). Режим доступа: 28.02.2012.
2. Кузько А.В. Повышение эффективности конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц органов местного самоуправления. Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 5.
3. Мельников В.П. Государственная служба в России. М.:МПСи, 2015.
4. Овсянко Д.М. Государственная служба Российской Федерации. М.: ЮРИСТЪ, 2015.

Теоретическая разработка проблем обычного права: договорные отношения

Р.Н.Пирова

В настоящее время ученые все чаще и чаще обращаются к изучению обычного права. При этом наибольшее внимание уделяется сбору фактического материала, на основе которого нередко даются определенные практические рекомендации. Что же касается теоретической разработки проблем обычного права, то ею нередко пренебрегают. Редко ставятся и вопросы о возникновении и развитии обычного права. Считается, что без этого вполне возможно обойтись.

По моему глубокому убеждению, все это может принести только вред. Без теоретической разработки проблем обычного права и без исторического подхода к нему невозможно разобраться в эмпирическом материале.

Исследователи, характеризуя обычное право, уточняют, что во всех обществах огромную роль играло обычное право. Когда социально-исторические организмы были сравнительно малы, обычное право регулировало отношения как между ними, так между различного рода родственными группами, входившими в состав разных обществ. И оно всегда, наряду с моралью и адатами, регулировало отношения внутри тухума и джамаата. Обычное право еще не было предметом специальных общетеоретических исследований. Правоведы рассматривают его в основном лишь как источник права.[3,с.75] Обычное право народов Дагестана сделалось предметом внимательного изучения этнологов и юристов со времени Кавказской войны. Этнологи нашли в нем новый материал для изучения древнейших ступеней общественного развития. Из юристов одни видели в нем выражение не искаженных случайностями исторического процесса народных воззрений на основные успехи общественной жизни стремились свести нормы обычного права к тем же началам гражданского права, какие господствуют в официальном русском праве, а отклонения от этого последнего объяснить особенностями политико-экономического строя жизни народов Дагестана. Между тем подобные документы в их совокупности и разнообразии позволяют составить представление о довольно богатом и разнохарактерном опыте контактов государственной власти с народами Северного Кавказа и в том числе, опыте, учитывавшем сложившиеся в их среде нормативно-ценностные и поведенческие стереотипы, взгляды, отношения и практиковавшиеся здесь способы и формы разрешения конфликтов и споров, то есть маслиат. Практика учета жизненно важных нормативов «Вольных» обществ и их кодификации при всех ее неизбежных издержках, в незначительной степени помогла сохранить, или, во всяком случае, способствовала сохранению и относительно нормальному для традиционных обществ воспроизводству автохтонных этносов Дагестана оказавшихся в составе Российской империи после ликвидации Имамата и подавления восстания 1877г.

Уже поэтому документы, то есть памятник права и сборники адатов, касающиеся регулирования жизнедеятельности коренного населения Дагестана, нуждаются в систематизации и изучении.

Имущественные отношения, т.е. волевые отношения собственности стали теперь не моральными, а обычно-правовым и чему и то есть вопроса! обычного гражданского права посвящена данная статья. Обычное право регулировало различного рода отношения обмена (включая куплю – продажу кредит и т. п.), пользование, распоряжение и владение движимым, недвижимым имуществом, землепользование и землевладение, наследование и др.

Но, конечно, только областью имущественных отношений обычное право не ограничивалось. Оно регулировало семейно-брачные отношения. И, конечно, по-прежнему оно играло важнейшую роль в

разрешении дел, связанных с убийством, нанесением телесных повреждений, насилием и причинением различного рода других обид.

Обычное право вплоть до 1917 г. оставалось важнейшим источником права народов Дагестана, несмотря на активное проникновение начал, и норм имперского законодательства. Изучение обычно-правовых норм позволяет восстановить реальную практику общественных отношений, «изнутри» взглянуть на имманентный механизм и систему обычного права в целом, на его свойства и значение в жизни общества, в особенности в его правовых отношениях.

Многое из этого местного опыта было систематизировано, описано, частично кодифицировано в виде разного рода адатов, обычаев и т.д., принимавшихся на сходах местных территориальных (союзов сельских обществ, джамаатов) и генеалогических подразделений (тухумов) или их старшин, иногда собираемых с этими целями специально, и вошло в юридическую практику русской администрации в Дагестане и органов самоуправления, получивших более или менее упорядоченный вид с введением военно-народного управления и созданием в 1861 году Дагестанской области. Свидетельством того, что обычное право представляет собой сформировавшуюся зрелую правовую систему, является то обстоятельство, что наряду с субъективным правом оно также включает в себя и право объективное. Одной из основных форм закрепления обычного права, то есть высшей формы его фиксации, выступает обычно-правовая норма. Говоря об исследовании данной проблемы необходимо отметить, что наибольшее свое развитие она получила в рамках нормативного подхода. С точки зрения представителей данной концепции норма обычай синтезируется в обычно-правовую норму при непосредственном санкционировании ее государством. На наш взгляд, обычное право, а следовательно и форма его внешней фиксации, обычно-правовая норма сложились задолго до возникновения государства. Безусловно, с возникновением государства, санкционируя норму обычай в свойственных ему формах придает последнему правовой характер. Вместе с тем, признание и до санкционирования нормы обычая той социальной группой, общностью людей, в рамках которой он создается и функционирует, также придает ей правовой характер. Более того, данное общество, общность людей само вырабатывает и процессуальные нормы для обеспечения норм материального права. Хотелось бы обратиться к вопросу, касающемуся признания норм обычного права, в том числе и в обычно-правовой системе

Социальные субъекты во взаимоотношениях друг с другом в процессе исторического развития путем преемственности и передачи из поколения в поколение, постоянно формируют такие правила и нормы поведения, которые впоследствии дают возможность, учитывая достигнутую в данном обществе меру свободы, равенства и справедливости регулировать свои взаимоотношения эти правила (нормы) наиболее полно отвечают их потребностям. Это свойство нормы обычного права является, на наш взгляд, одним из его достоинств. Выполнение норм адата обеспечивалось не только силой государственного аппарата, но и общинной администрацией.

Как известно адат, как и всякое право, развивался и изменялся вместе с происходящими в экономической и политической жизни сдвигами. Одни адаты исчезали, а другие появлялись. Так или иначе, адаты отражали уровень развития современного общества. Важное значение в выработке новых адатных норм имело и общее собрание союзов сельских обществ. Обязательными становились условия, выработанные представителями нейтрального аула, при имевших место длительных споров между двумя аулами из-за пастбищ.

М.М.Ковалевский считает, что «религиозные верования иранцев являлись одно время господствующими» во всем Кавказе. Он пишет: «В доставленных мне официальных данных об организации дагестанских тухумов или родов прямо значится, что браки не должны быть заключены, с женщинами чужеродками, что принадлежность невесты к роду жениха надо поставить выше знатности и богатства. [1. – С. 88]

Далее он отмечает: «Источник всех этих предписаний скрывается ни в чем ином как в продолжительном господстве на Кавказе связанных с древней религией иранцев нравственных и юридических представлений.[2,с.95] Но, тем не менее, субъективно или объективно он склоняется к мысли, что указанные нами представления и нормы обычного права горцев Дагестана обусловлены зороастристскими религиозными верованиями. Высоко оценивая труды М. М. Ковалевского по родовому быту кавказских народов, вместе с тем необходимо отметить на некоторые серьезные методологические и фактические ошибки, содержащиеся в них.

На данном этапе исследования невозможно установить, в какой степени способствовало культурное влияние других народов на формирование адатных представлений и норм горцев Дагестана. Но такое влияние имело место. В римском и византийском праве имеются сходные и очень близкие к нормам обычного права статьи о воровстве, грабеже и др. Многие из этих норм римского и византийского законодательства совпадают с нормами обычного права горцев. Ссылаясь на это обстоятельство, М. М. Ковалевский отмечает, что создается впечатление, что, они восприняты, заимствованы горцами у римско-византийского законодательства.

Но опять таки надо иметь в виду и то обстоятельство, что исходные социально-экономические условия (Италии, Албании, Дагестана, Ингушетии, Кварелии) могут породить сходные черты как в культуре, так и в обычаях народов, что особо заметно при сравнительном анализе адатов народов Дагестана и обычного права Албании.

Естественно, с распространением ислама, с присоединением к России обычное право сосуществовало с соответствующими правовыми системами (шариатом, позитивным правом России), но не теряло своей регулятивной функции общественной жизни дагестанских народов.

С принятием населением Дагестана ислама шариат становится действующим источником права.

Это объяснялось и тем, что народы Дагестана исповедовали другие религии и не хотели отказываться от них.

Если говорить о влиянии шариата в целом, то нужно отметить, что он не сумел качественно изменить адаты, но оказал существенное влияние на них. Шариат серьезно вытеснил адаты из общественной жизни, ограничил сферу их функционирования. Им пришлось уступить шариату почти весь комплекс вопросов по урегулированию гражданской жизни.

Следует подчеркнуть, что адат оказал значительное влияние и на содержание права народов Дагестана. [4,с.41] В качестве дополнительного источника права шариат допускал и местные обычаи, не противоречащие его принципам и нормам. При этом, признавались правовые обычаи, сложившиеся в самом арабском обществе, а также у многих народов, покоренных в результате арабских завоеваний или же подвергшихся в более позднее время влиянию мусульманского права (адаты), в частности, у народов Дагестана.

Список использованной литературы:

1. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. — М, 1999, т. 1. — С. 88.
2. Ковалевский М. М. Дагестанская «Народная правда».- М, 2007. — С. 95.
3. Калоева Б. А. Этнографические очерки Северного Кавказа. — М. , 2010 с. 100.
4. Вагабов М.. Борьба за власть Советов в Дагестане.- М, 2000 . — С. 41.

Факторы, определяющие порядок представления доказательств государственным обвинителем

Р.Н.Пирова

Качественное поддержание государственного обвинения зависит не только от объема предоставленных обвинителю процессуальных прав, но и владения тактическими и психологическими приемами, разрабатываемых современной криминалистической и прокурорской практикой, а также юридической психологией.

В соответствии со ст. 274 УПК РФ очередность исследования доказательств определяется стороной, представляющей доказательства суду; первой представляет доказательства сторона обвинения, а затем сторона защиты. С тактической точки зрения законодатель поставил в более выгодное положение сторону защиты, поскольку доказательства, исследованные позже по времени относительно постановления приговора, более яркие в сознании судьи и объективно кажутся более убедительными. Данная позиция законодателя обусловлена принципом презумпции невиновности и правилом «благоприятствование защите».

Положения ст. 274 УПК РФ возлагают на государственного обвинителя большую ответственность: он должен так выработать тактику представления и исследования доказательств, что у судьи после исследования доказательств защиты не возникло даже сомнений в обоснованности обвинительного тезиса.

В УПК РФ имеются исключения из порядка исследования доказательств, установленных ст. 274 УПК РФ. Во-первых, в соответствии с ч. 1 ст. 275 УПК РФ при согласии подсудимого дать показания первым его допрашивают защитник и участники разбирательства со стороны защиты, а затем государственный обвинитель и участники судебного разбирательства со стороны обвинения. Данное правило продиктовано важнейшим принципом доказательственного права, согласно которому показания обвиняемого (подсудимого) являются как доказательствами по делу, так и средством его защиты. При этом средством защиты они являются вне зависимости от того, отрицает ли подсудимый свою вину либо признает ее в наиболее удобной для него трактовке [2. — С. 63-64]. Во-вторых, в соответствии с ч. 4 ст. 274 УПК РФ, если в уголовном деле участвуют несколько подсудимых, то очередность представления ими доказательств определяется судом с учетом мнения сторон.

По поводу тактики представления доказательств государственным обвинителем в науке не выработано единого мнения. Так, О.Я. Баев. — С. В. Питерцев, Ю.В. Корневский предлагают представлять доказательства по нарастающей их силе, от имеющих меньшее доказательственное значение к доказательствам наибольшей обвинительной силы [1. — С. 90]. О.Д. Жук рекомендует в первую очередь представлять прямые доказательства [4. — С. 220]. По мнению В.В. Воскресенского, сначала следует исследовать те факты, которые наиболее полно обоснованы доказательствами, а затем переходить к более спорным обстоятельствам дела [7. — С. 57-58].

В.Л. Кудрявцев отмечает, что предлагаемая очередность доказательств государственным обвинителем в суде должна: во-первых, органически вписываться и подтверждать версию обвинения, акцентируя особое внимание на опровержении версии защиты; во-вторых, начинаться с тех существенных обстоятельств дела, которые устанавливаются доказательствами обвинения вне всяких сомнений; в-третьих, исследоваться в хронологическом или ином порядке, позволяющем полно развернуть, раскрыть потенциальные возможности обвинения; в-четвертых, быть выстроена в логически верную «цепочку», в которой все доказательства обвинения взаимосвязаны и взаимодополняемы, не имеют логических «разрывов» и противоречий, которыми могла бы воспользоваться сторона защиты, а если она сможет, то это, естественно, ставит под сомнение законность и обоснованность обвинения [6. — С. 65].

По мнению Л.Е. Ароцкера, при определении тактики судебного следствия суду необходимо исходить из следующего: а) в первую очередь лучше исследовать те факты, которые являются наиболее существенными и наиболее полно подкреплены доказательствами; б) порядок исследования доказательств и его последовательность должны обеспечить полноту и всесторонность анализа обстоятельств дела; в) последовательность судебных действий должна быть продумана как в отношении различных действий

(осмотр, допрос), так и применительно к одноименным действиям (допросы свидетелей). Думается, что приведенные рекомендации могут быть направлены и государственному обвинителю, вырабатывающему тактику судебного следствия.

По нашему мнению, на выбор тактики представления доказательств должны оказывать влияние следующие факторы.

Во-первых, «правовые факторы», которые можно подразделить на материально-правовые (квалификация преступления) и процессуально-правовые.

Порядок представления доказательств зависит от квалификации преступлений. При производстве предварительного расследования и судебном рассмотрении уголовных дел по некоторым преступлениям существует вероятность оказания на потерпевшего воздействия со стороны подсудимого или его близких, друзей. Так, например, по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, показания потерпевшего в силу его тяжелого психологического состояния могут меняться. Если государственный обвинитель начнет допрос со свидетелей обвинения, а в конце допросит потерпевшего, то есть вероятность получить его полные и правдивые показания, поскольку, во-первых, он психологически будет осознавать, что его показания являются не единственными подтверждающими обвинение, а, во-вторых, выслушав показания свидетелей обвинения, он будет чувствовать психологическую поддержку в том, что «он не одинок».

В качестве процессуально-правовых факторов, учитываемых при выработке тактики представления доказательств, государственный обвинитель должен знать положения УПК РФ об очередности представления и исследования доказательств (ст. 274 УПК РФ); о праве подсудимого и потерпевшего с разрешения председательствующего давать показания в любой момент судебного следствия (ст. 275, 277 УПК РФ) и др.

На выбор тактики представления доказательств влияет характеристика самого уголовного дела (объем, количество подсудимых и т.п.). Как показывает опрос государственных обвинителей, при рассмотрении уголовного дела с участием одного подсудимого 90 % опрошенных предлагают суду допросить сначала подсудимого. При наличии нескольких подсудимых, сначала допрашиваются те, кто признает себя виновным или играют второстепенную роль в совершении преступления. Такая тактика выработана с целью устранения вероятности оказания давления на них со стороны иных подсудимых.

Трудности представления доказательств возникают по многоэпизодным уголовным делам. Так, в Руководстве для государственных обвинителей предлагается исследовать доказательства в хронологическом, территориально-хронологическом порядках, по видам преступлений [8. – С. 114-115]. К.С. Егоров, Ю.В. Козубенко рекомендуют следующие варианты: исследуются доказательства по каждому эпизоду преступной деятельности, исследуются доказательства по каждому подсудимому, используется комбинация двух вариантов [3. – С. 607]. Н.П. Кириллова выделяет дополнительные способы: по отдельным эпизодам допрашиваются только подсудимые, а остальные доказательства исследуются безотносительно к эпизодам, но конкретизируются по отношению к каждому подсудимому; подсудимые и свидетели допрашиваются по каждому эпизоду отдельно, а остальные доказательства исследуются безотносительно к эпизодам; в определенной последовательности допрашиваются подсудимые, каждый по всем инкриминируемым ему составам преступлений и эпизодам, затем по эпизодам группируются и исследуются иные доказательства [5. – С. 89]. Опрос государственных обвинителей показал, что в практике по многоэпизодным делам сначала допрашиваются подсудимые по всем эпизодам, а затем исследуются иные доказательства по конкретным эпизодам. Неявка свидетелей и потерпевших в суд влияет на изменение порядка исследования доказательств.

Позиция стороны защиты, занятая на предварительном следствии, оказывает существенное влияние на выбор тактики представления доказательств. Государственный обвинитель должен не только выработать тактику проверки обвинительной версии, но и тактику опровержения возможных версий события преступления, выдвинутых защитой. Ряд авторов признают целесообразным в ситуации непризнания обвиняемым своей вины начинать допрос со свидетелей, изобличающих подсудимого, а затем переходить к допросу его самого [9. – С. 382-383]. Эта позиция нам представляется совершенно верной, поскольку допрос свидетелей обвинения позволит получить некоторую изобличающую информацию, которая может быть использована при допросе подсудимого. Кроме того, как отмечает Н.П. Кириллова, это может привести к тому, что подсудимый признает свою вину, не будет при допросе изворачиваться, давать ложные показания [5. – С. 89].

Таким образом, выбор тактики представления доказательств – это комплексный подход, который требует от государственного обвинителя не только правовых, но криминалистических и психологических знаний.

Список литературы

1. Баев О.Я. Прокурор как субъект уголовного преследования. Научно-практическое пособие. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006.
2. Воробьев П.Г., Балугина Т.С. Тактический аспект порядка исследования доказательств на судебном следствии // Российская юстиция. – 2008. – № 10.
3. Егоров К.С. Судебное следствие. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. Ред. В.И. Радченко; науч.ред. В.Т. Томин; В.П. Поляков. – М.: Юрайт-Издат, 2006.
4. Жук О.Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций). – М.: ИНФРА-М, 2004.

5. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников в состязательном судебном разбирательстве уголовных дел. Монография. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2007.
6. Кудрявцев В.Л. Проблемы установления истины через механизм доказывания в контексте деятельности государственного обвинителя в суде // Журнал российского права. – 2006. – № 2.
7. Поддержание государственного обвинения по делам о тяжких преступлениях против жизни и здоровья. – М., 1994.
8. Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Издательство «Юридический Центр Пресс», 2003.
9. Шифман М.Л. Прокурор в уголовном процессе. – М., 1962.

Шариатские суды и правовой плюрализм в Советском Дагестане

Р.Ч.-М. Разаков

А.Э. Масхадов

Соционормативная культура Нагорного Дагестана, как и всего Северного Кавказа, крайне неоднородна и сложна. С раннего средневековья до XX в. и мусульманское право (араб, фикх, шариат), и обычное право (араб, урф, адат) уживались здесь с разными государственными законодательствами, от кодексов Албанского и Грузинского царств до позднеосманских канунов и законов Российской империи и СССР. Не менее мозаичной ситуация остается и в постсоветское время. Феномен сосуществования в Дагестане разных правовых систем еще не получил серьезного теоретического осмысления. История взаимоотношений между различными местными правовыми системами мало изучена. Особенно «темной» в ней остается советская эпоха. Представляется, что помочь разобраться в особенностях развития права и общества у дагестанских горцев может опыт, накопленный за последнее время юридической антропологией.

Дискурс «правового плюрализма» (англ. legal pluralism, франц. pluralité juridique) еще на рубеже 1960-1970-х годов был сформулирован западными учеными, пытавшимися осмыслить свои наблюдения над системами права: в бывших колониях кроме государственного было и остается множество (plurality) негосударственных систем права¹. Полевыми исследованиями 1980-1990-х годов правовой плюрализм был обнаружен сначала в регионах с колониальным прошлым, а затем и в развитых индустриальных странах Запада. Появилось более дюжины его различных толкований. Чаще всего цитируется определение, которое в 1988 г. дала американская исследовательница С.Э. Мерри. По ее мнению, правовой плюрализм – это «ситуация, при которой две или более правовые системы сосуществуют в одном и том же социальном поле». В основе этого определения лежит понятие «полуавтономного социального поля» (semi-autonomous social field), разработанное американкой С.Ф. Мур и принятое большинством сторонников правового плюрализма. Под последним понимается социальное пространство, которое «может создавать свои внутренние законы, обычаи и символы, но в то же время... подчиняется законам, решениям и иным факторам окружающего его внешнего мира. Полуавтономное социальное поле обладает способностью к правотворчеству и средствами для претворения в жизнь созданных им правовых норм; в то же время оно действует в более широком социальном пространстве, которое может влиять и проникать в него либо по желанию лиц, принадлежащих к социальному полю, либо по своей собственной инициативе».

Все возможности полиюридического подхода к кавказской действительности еще далеко не использованы. За редкими исключениями¹ советская эпоха еще остается «белым пятном» в этих исследованиях. К тому же большинство отечественных этнологов, использующих этот дискурс, преувеличивают архаичность правовых систем Северного Кавказа XIX-XX вв. Еще более серьезной ошибкой наших кавказоведов было включение по сути постмодернистского дискурса правового плюрализма в позитивистские схемы, против которых он был изначально направлен. Если в основе понятия правового плюрализма лежит идея множественности путей развития права, не обязательно сводящихся к появлению государственного закона, то в постсоветской этнологии оно парадоксальным образом применяется для построения моделей исторической эволюции от догосударственных к государственным формам права².

Пытаясь исправить явные ошибки в толковании правового плюрализма современными отечественными этнологами, я намереваюсь в данной работе посмотреть, насколько дискурс правового плюрализма помогает понять перемены, произошедшие в судебном устройстве горцев Северного Кавказа после установления советской власти. Объектом исследования служит один небольшой, но крайне важный регион – Нагорный Дагестан. Работа основывается на первоисточниках, ранее не изучавшихся, собранных мною в архивах, а также на моих полевых материалах 1992-1997 гг.

Говоря о правовом плюрализме в советском Дагестане, следует различать юридическую политику советской власти и судебно-следственную практику на местах. Первая коренным образом порывала с методами управления «восточными окраинами», принятыми в дореволюционной России. В 1860-1910-е годы тут господствовала система косвенного, так называемого военно-народного управления, при котором высшая судебная и исполнительная власть была сосредоточена в руках русских чиновников, а исполнительная власть и суд в селениях и округах остались в руках местной мусульманской элиты. Для мусульман суд по адату и шариату был преобразован в трехступенчатую систему судебных институтов.

¹ Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990-е годы). М., 1999. С. 4-5.

² Першиц А.И., Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Обществ. науки и современность. 1998. № 1. С. 81;

Внизу ее находились сельские словесные суды, в среднем звене – окружные народные, а на верху – областной Дагестанский народный суд. Во второй половине XIX в. режим военно-народного управления был распространен на весь Северный Кавказ и Среднюю Азию. Но наиболее последовательно до 1917 г. он применялся в Дагестане¹.

После прихода к власти большевики попытались полностью изменить организацию управления на Северном Кавказе. Вместо косвенного управления через туземцев- мусульман они предлагали создать целый ряд независимых судебных учреждений, каждое из которых опиралось на свою правовую традицию. Наряду с общероссийскими революционными органами для трудящихся мусульман должны были быть созданы местные суды, апеллировавшие к нормам адата и шариата. Для мусульманских подданных советской России первоначально создавалась довольно широкая судебноадминистративная автономия.

Важно также отметить, что сам правовой дискурс власть предрежащих сильно изменился. Если в дореволюционной России ключевыми понятиями были «дикость» и «цивилизация», то в советское время право стали увязывать с понятиями «господство» и «подчинение». Идеологи дореволюционных реформ вдохновлялись благородным стремлением приобщить «диких» сынов Кавказа к достижениям современной европейской цивилизации. Ранние советские реформаторы были воодушевлены не менее благородным желанием освободить горцев от классового и колониального порабощения.

Согласно марксистской теории, возведенной в ранг государственной идеологии советской России, любое право есть воля господствующего класса, возведенная в закон. Она зиждется на определенном экономическом базисе. Право возникает с зарождением классов и государства и служит в классовом обществе средством эксплуатации угнетенных масс. Эти идеи отчетливо выражены в целом ряде работ и выступлений первого руководителя советского государства В.И. Ленина. «Что такое закон? – писал он. – Выражение воли господствующих классов»². С нескрываемой ненавистью Ленин выступал против законов Российской империи: «Смешно говорить о «праве», когда помещики и издают законы и применяют или отменяют их на практике. Значит, есть такой класс, который сам творит «право» и сам отменяет его»³.

В глазах большевиков, всю жизнь боровшихся со «старым режимом», Российская империя была «тюрьмой народов». Говоря о ее «восточных окраинах», Ленин и другие теоретики советских реформ полагали, что живущие здесь мусульмане и прочие «иностранцы» находятся под двойным гнетом – российских колонизаторов и собственных феодалов и капиталистов. Местное обычное право, которое было узаконено в Дагестане при дореволюционном режиме военно-народного управления, казалось им орудием двойной – классовой и колониальной – эксплуатации.

Точку зрения советских правоведов на обычное право хорошо выразил известный юрист 1930-х годов С.А. Голунский. По его мнению, законодательное закрепление адата в поздней Российской империи означало складывание нового, по сути колониального права, лишь маскирующегося под «народные обычаи».

«Созданное таким образом обычное право, – писал он, – становится одной из самых реакционных сил, упорно сопротивляясь всякому прогрессу, тщательно охраняя всякий кнут, только потому, что это, по выражению К. Маркса, старый «исторический кнут»»⁴. Позднее под влиянием идей марксизма к подобным выводам пришли современные западные исследователи обычного права в странах с колониальным прошлым.

Итак, адат большевики считали «антинародным колониальным» правом, а его сущность видели в «эксплуатации трудящихся мусульман ханами и беками при поддержке царизма». «Подлинным народным обычным правом» (sic!) северокавказских горцев молодое советское государство признало шариат⁵. Поэтому в советских судебноадминистративных реформах этого времени ставка была сделана на поддержку шариата. Подобные взгляды, не раз высказывавшиеся В.И. Лениным, И.В. Сталиным, Г.К. Орджоникидзе. – С. М. Кировым, А.И. Микояном и другими руководителями советского государства, определили судебную политику советской власти в Дагестане начала 1920-х годов.

Выступая 13 ноября 1920 г. на Чрезвычайном съезде народов Дагестана, И.В. Сталин, бывший тогда наркомом по делам национальностей, заявил: «Дагестан должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям. Нам сообщают, что среди дагестанских народов шариат имеет серьезное значение. До нашего сведения также дошло, что враги Советской власти распространяют слухи, что Советская власть запрещает шариат. Я здесь от имени правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики уполномочен заявить, что эти слухи неверны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены»⁶.

Пока советская власть была слаба, большевики пытались привлечь на свою сторону мусульманские народы, поддерживая шариат в ущерб адату. Расчет оказался верен. В Дагестане власть большевиков была установлена во многом благодаря военной помощи, которую оказали Красной Армии партизанские отряды известного мусульманского религиозного и политического деятеля накшбандийского шейха Али- Хаджи из

¹ Бобровников ВО. Суд по адату в дореволюционном Дагестане (1860-1917) // Этнограф, обозрение. 1999. № 2. С. 31-45.

² Ленин В.И. Замечательное дело // Соч. изд. 4-е. Т. 15. М., 1948. С. 149.

³ Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в русской революции // Там же. Т. 19. М., 1949. С. 273.

⁴ Голунский С.А. Обычай и право // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 51.

⁵ Баймурзаев А.Б. Формирование социалистического правосознания народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 74.

⁶ Сталин И.В. Соч. Т. 4. М., 1947. С. 395-396.

с. Акуша (Акушинского). Последний встал на сторону большевиков еще в конце 1917 г. В последующем он совместно с ними вел борьбу против белого движения

Недаром еще в первые месяцы после революции 1917 г. Дагестанский областной военно-революционный комитет (ВРК) в г. Темир-Хан-Шура, представлявший советскую власть в крае, заявил о своей поддержке шариата. В одном из его первых воззваний (апрель 1918 г.) говорилось: «Военно-революционный комитет не посягает ни на основы Ислама-Шариата, ни на нравы и обычаи Дагестана, ни на честь и достоинство его, и немедленно приступит к организации духовного правления Шариатского суда во всем Дагестане». Сразу после завершения гражданской войны и окончательного установления советской власти в Дагестане и в целом на Северном Кавказе большевики вновь объявили о замене адатных судов шариатскими.

К вопросу о шариатских судах в Дагестане

Р.Ч.-М.Разаков

А.Э.Масхадов

История шариатских судов XX в. в регионе начинается осенью 1917 г. Первая резолюция о создании шариатских судов была принята на I Съезде горских народов Кавказа, проходившем в мае 1917 г. во Владикавказе. Съезд постановил: «ввести во всех судах по всем делам мусульман правила Корана и шариата». Вскоре это решение было подтверждено I Съездом народов Терека, состоявшимся в январе 1918 г. в Моздоке.

Отчасти согласно постановлениям съездов, отчасти стихийно в 1918 г. городские шариатские суды открылись во всех крупных северокавказских городах с мусульманским населением – во Владикавказе, Грозном, Нальчике, Темир-Хан-Шуре. В крупных селениях на равнине, в горах и предгорьях начали действовать сельские шариатские суды. Они заменили собой дореволюционные словесные или народные суды Кубанской и Терской областей. Как и дореволюционные горские и народные суды, они разбирали уголовные и отчасти поземельные споры между мусульманами согласно местному адату, а гражданско-семейные и наследственные споры – по шариату. При этом на Северо-Западном Кавказе следовали ханафитскому толку мусульманского права, в Дагестане и Чечне – шафиитскому (среди мусульман-суннитов), а в Азербайджане – джафаритскому (признанному мусульманами-шиитами)¹.

С началом гражданской войны уже в январе 1919 г. шариатские суды были преобразованы в военно-шариатские. Они по сути играли роль полевых трибуналов и почти не руководствовались нормами шариата. При сменявших друг друга военных режимах их зачастую использовали для сведения счетов с политическими противниками. С их помощью отряды турецких оккупационных войск (например, полковника Л.Ф. Бичерахова) и Добровольческой армии генерала А.И. Деникина расправлялись с большевиками и сторонниками Северокавказского эмирата, созданного в горах Чечни накшбандийским шейхом Узун-Хаджи. Так, в июле 1919 г. главный военношариатский суд Темир-Хан-Шуры приговорил к смертной казни У. Буйнакского и других советских работников Дагестана, арестованных деникинцами. Члены этого суда в свою очередь были расстреляны в марте 1920 г. по приговору революционного шариатского суда, учрежденного вернувшимися в город большевиками.

После окончания гражданской войны на Северном Кавказе шариатские суды были узаконены как в Дагестане, так и в других республиках, где они существовали до большевиков, – в Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, Кабарде, Карачае. Дело в том, что в установлении советской власти в этих местах активно участвовали радикальные мусульманские лидеры, в советских документах называвшиеся «шариатистами». Их лозунг звучал так: «Да здравствует советская власть, шариат и объединение народа!». Среди них многие одновременно с работой в шариатских судах занимали видные советские и партийные посты. Например, «шариатист» Н. Катханов командовал войсками Нальчикского военного округа.

Дагестанский Ревком еще до официального образования Дагестанской АССР утвердил 24 июня 1920 г. «Положение о шариатских судах». Полномочия этих судов были определены Положением Дагестанского ЦИК 30 июля 1922 г.² В Дагестанской АССР функции дореволюционных сельских словесных судов переходили к сельским шариатским судам (по тогдашнему словоупотреблению, «шарсудам»), а окружных народных судов – к окружным шариатским судам. К 1923 г. последние были введены во всех окружных центрах. Всего в республике было образовано 11 окружных шар-судов. Вместо Дагестанского народного суда был создан сначала Областной шариатский судебный отдел Дагестанского Ревкома, а в 1922 г. – Шариатский подотдел Наркомюста (НКЮ) ДАССР. Его председателем стал Ш. Рашкуев. Контроль за работой сельских и окружных шарсудов был поручен окружным следственным комиссиям.

Несмотря на крутой поворот в идеологии судебных реформ, на практике формы правового плюрализма в раннем советском Дагестане и других советских автономиях на Северном Кавказе не претерпели существенных изменений. Фактически сменив старые названия («словесные» на «шариатские»), сельские и окружные суды сохранили прежний состав, функции и процедуры разбора уголовных и гражданско-семейных дел. Они сохранили status quo, унаследовав немало черт дореволюционного адатно-шариатского права и процесса. Полуавтономные социальные поля, внутри которых вырабатывались нормы местного права, остались прежними. Это были отдельные сельские общины (араб, джамааты) и округа, в основе которых лежали границы прежних сельских конфедераций («вольных обществ»). Что же можно

¹ ЦГА РД. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 7; Ф. Р-182. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-17.

² ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 24. Д. 31. Л. 5-15.

сказать о преемственности между дореволюционными словесными и народными судами, с одной стороны, и советскими шариатскими судами – с другой?

Во-первых, состав сельского шарсуда почти не отличался от словесного. В него входили имам соборной мечети (араб, кади, иран. дибир, тюрк, мулла), председатель сельсовета, заменивший дореволюционного сельского старосту (которого по-прежнему называли «сельским головой» – тюрк, бегавул), письмоводитель (араб, 'амил) и несколько человек старейшин в зависимости от размера селения. Председателем суда обычно был дибир. Штат окружного шарсуда состоял из председателя, секретаря и четырех судей. Следственные комиссии при них состояли из трех человек. В состав Шариатского подотдела НКЮ входил заведующий и секретарь. Штаты следственных комиссий и окружных шарсудов не везде были укомплектованы полностью¹.

Среди председателей окружных шарсудов, назначавшихся окружными советами, были такие известные всему Дагестану знатоки мусульманского права (фикх) шафиитского толка и адата, как Али Каеяев из с. Кумух, Абусуфьян Акаев из с. Казанищи. В благодарность за помощь Красной Армии во время гражданской войны постановлением ЦИК и СНК ДАССР главой аппарата шариатского судебного управления был назначен Али-Хаджи из с. Акуша. До революции он работал в окружном народном суде. Первое время Али-Хаджи был председателем Шариатского отдела НКЮ и обладал статусом заместителя народного комиссара юстиции, затем выполнял обязанности председателя одного из окружных шарсудов².

Несмотря на свое название, шарсуды продолжали руководствоваться в работе не только мусульманским правом, но и нормами адата. Их низовые сельские органы разбирали по шариату только бракоразводные дела, иски по которым не превышали 100 руб. (в ценах 1922 г.), и иски о наследовании и опекунов, не превышавшие 300 руб. Согласно адату, они рассматривали мелкие уголовные преступления против личности (семейные ссоры, драки между односельчанами, публичные оскорбления женщин) и собственности (обман, утайку денег, воровство), а также хозяйственные преступления (потравы), если сумма ущерба не превышала 100 руб.

Окружные шариатские суды служили апелляционной инстанцией для сельских шариатских судов, а также решали по шариату гражданские и семейные тяжбы на сумму до 1000 руб. Подсудные им тяжелые уголовные преступления против личности (ранения, изнасилования, похищения женщин) и собственности (крупное воровство, случаи разбоя и грабежа) разбирались на основании норм адата. Нормы адата также нередко использовал Шариатский подотдел НКЮ ДАССР, в обязанности которого входило разбирать жалобы на решения окружных народных судов, гражданские и уголовные иски, превышавшие 1000 руб.³

По форме судопроизводство шарсудов всех уровней оставалось крайне простым. Прокуроров и адвокатов в нем не было. Если заявление не требовало немедленного разбирательства, сельский суд собирался в здании сельсовета или на центральной площади (годекан, гим) у мечети или в самой мечети по пятницам. Кроме изнасилований, увоза девушек и оскорбления замужних женщин, дела в судах всех уровней всегда рассматривались гласно.

В уголовных делах шарсуды всех уровней руководствовались принятыми в адате наказаниями: изгнанием кровника (тюрк, канлы) из сельской общины, штрафами за пролитие крови (араб, дият, тюрк, алым) и за любой ущерб, нанесенный собственности, взимавшимися как в пользу пострадавшего, так и в пользу государства. Еще шире, чем до революции, стали применяться денежные компенсации и тюремное наказание³⁴. Вместе с тем (как и при военно-народном управлении) остались запрещенными нормы адата, прямо противоречащие советскому законодательству: кровная месть, захват имущества родственников или односельчан неисправного должника (ишкиль/баранта) и некоторые другие. Под запретом оказались и уголовные нормы шариата (араб, худуд): смертная казнь убийцы, отрубание руки вору, побивание камнями прелюбодеев.

В ответ на запросы, приходившие в Областной народно-шариатский отдел Дагестанского Ревкома, еще в апреле 1920 г. было сделано распоряжение, ограничивающее на территории Дагестана применение уголовных норм шариата, влекущих за собой смерть или членовредительство. Все приговоры шарсудов, касающиеся этих норм, могли быть приведены в исполнение только после утверждения их высшими органами судебной власти в республике: «Так как применение смертной казни к убийцам, отрезания рук вора и побивание камнями некоторого рода преступников не практиковалось до сих пор в Дагестане, то применение этих наказаний требует особых осторожностей, тем более, что Шариат как в оценке доказательств преступления, так и в оценке смягчающих вину обстоятельств дает Суду почти всегда некоторую свободу квалификации преступления и соответствующего назначения наказания. Поэтому все решения Судов, по коим виновные приговорены к смертной казни, отрезанию членов тела и проч. подлежат к просмотру Народно-Шариатского Судебного отдела, без утверждения коего решения эти не входят в законную силу. Все Суды обязаны дела, по коим приговорами определены означенного рода наказания, немедленно представлять на окончательное разрешение Народно-Шариатского Судебного отдела, если даже ни жалобы, ни протеста не поступило».

Как и до революции, в 1920-е годы отличительной чертой дагестанской общественной жизни оставался отчетливый (или «сильный», по терминологии Гриффитса) правовой плюрализм, сосуществование в республике нескольких судебно-правовых систем. Полиюридизм еще более усилился.

¹ ЦГА РД. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 7; Ф. Р-182. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-17.

² ЦГА РД. Ф. Р-33. Оп. 2. Д. 9. Л. 2.

³ Справка о шарсудах из НКЮ на отношение ВЦИК от 12 сентября 1928 г. // ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 24. Д. 31. Л. 3.

Кроме шарсудов, были созданы суды, которые назывались так же, как и дореволюционные, – «народные» и «сельские словесные», а также земельные комиссии. Первые народные суды возникли в июле 1920 г. В их штат входили народный судья, добавочный судья, секретарь, помощник секретаря и сторож-курьер. Они могли рассматривать гражданские и уголовные иски против немусульман, а также обвинения мусульман со стороны немусульман в совершении уголовных преступлений. В народные суды передавались и тяжбы между мусульманами в тех случаях, когда хотя бы одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, а с 1923 г. и дела по убийствам и кровной мести¹. Все эти дела должны были разбираться по советскому законодательству.

Малочисленность народных судов, существовавших к 1922 г. только в городах Порт-Петровске, Дербенте, Темир-Хан-Шуре и 14 крупнейших горных селениях, а также трудность их финансирования и перевода их решений на языки народов Дагестана заставили правительство ДАССР дополнить эти учреждения сельскими словесными судами. С их помощью оно надеялось ограничить влияние шарсудов, начавшее волновать дагестанских коммунистов.

СНК республики и лично А. Тахо-Годи, выполнявший обязанности наркома юстиции, долго боролись за введение словесных судов, преодолевая сопротивление московских властей, считавших, что создание лишних судебных органов повлечет дополнительные налоговые тяготы для трудящихся горских крестьян, обязанных содержать такие суды. Поэтому в январе 1925 г. СНК РСФСР отклонил просьбу Дагестана о создании словесных судов. Только после повторного ходатайства, возбужденного известным этнографом и краеведом А. Скачко, бывшим в то время представителем ДАССР при Президиуме ВЦИК СССР, удалось создать эти органы².

В словесных судах разбирались те же иски, что и в народных, а также дела по установлению опеки над вдовами и сиротами, а с 1922 г. и дела, изъятые из ведения шарсудов. Причем как и дореволюционные словесные суды, советские сельские суды обходились без письменного делопроизводства, в чем можно видеть влияние обычного правового процесса. От сельских судов они также унаследовали древний адатный институт сельских исполнителей (тюрк, чауш), которые получили в 1925 г. статус сельских милиционеров.

Поземельные споры, до революции разбиравшиеся в окружных и дагестанском народных судах, в ДАССР перешли в ведение созданных здесь в 1922 г. окружных земельных комиссий. На основании статей 206, 207 и 208 Земельного кодекса РСФСР они должны были регулировать все спорные дела по землеустройству и тяжбы между сельскими общинами и частными лицами о правах на владение и пользование земельными участками на территории республики. Земельная комиссия состояла из председателя, представителя окружного совета и землемера. В мае 1923 г. для контроля и координации деятельности этих комиссий была создана Центральная коллегия по спорным земельным делам при ЦИК ДАССР.

Подобно шариатским и сельским словесным судам земельные комиссии обоих уровней использовали в своей работе нормы обычного права. Они нередко устраивали примирение тяжущихся сторон (араб, маслихат) при посредничестве окружных властей, знатоков адата и авторитетных стариков из нейтральных селений⁴⁴. Согласно ежегодным отчетам окружных отделений НКЮ ДАССР, большое число поземельных, а также вызванных ими гражданских и уголовных исков прекращалось путем примирения по адату. Например, в Кюринском народном суде и окружной земельной комиссии осенью 1925 г. ежемесячно от 44,4 до 50% судебных дел было прекращено вследствие примирения сторон.

Способы воздействия: Гипноз

Ш.М.Рашидов

Под гипнозом подразумевают состояние специфического сна или же зауженного осознания с совершенным отключением критического восприятия и повышенной чувствительностью к внешнему внушению.

Техника гипноза может быть использована:

- для получения информации (гипнодопрос);
- при секретной пересылке сообщений;
- для забрасывания дезинформации;
- с целью программирования на желаемое поведение (эпизодно или в методах зомбирования).

Хорошо гипнотизируются:

- лица художественного типа;
- социально адаптированные общительные личности;
- очень тревожные и значительно потеющие люди;
- все хронические алкоголики и наркоманы;
- те, кто болен энурезом (ночным недержанием мочи) или страдает астмой.

Трудно загипнотизировать:

- лиц мыслительного типа;
- психастеников, заикликованных на всяческих сомнениях и перетасовывании своих переживаний.

Различают три стадии гипноза:

¹ Постановление Ревкома Дагестана // ЦГА РД. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 13. Л. 59, 91; ср.: Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 2. Л. 85; Ф. Р-117. Оп. 6. Д. 45. Л. 57; Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 54. Л. 143.

² Мисроков З.Х. Отмирание шариатской юстиции в автономиях Северного Кавказа (методические указания). М., 1979. С. 20.

- легкую (сонливость): объект может с легкостью и тотчас же, как пожелает оборвать сеанс;
- среднюю (гипотаксия): полная расслабленность при сохранении уверенности в том, что есть возможность побороть сонливость, правда делать этого совсем не хочется;
- глубокую (сомнабулизм): человек не реагирует ни на какие раздражения, и поддерживает речевой контакт (раппорт) только со своим ведущим; в данном состоянии кодируют на действие (сроком до одного года), а подчас расщепляют личность на несколько отдельных «Я», каждое из коих в состоянии жить своей особой жизнью, не подозревая о существовании других: все переживания в этой фазе четко амнезируются (как бы забываются).

Для введения объекта в гипнотический транс требуется создавать условия благоприятствующие последнему и ориентируясь на ситуацию, применять подходящие приемы, тщательно отслеживая внешние признаки вхождения в трансовое состояние. Хорошо содействуют, а порой и сами по себе вводят человека в транс:

- сильная усталость и сонливость;
- пасмурная и дождливая погода;
- полусумрак вечера и тишина;
- поза удобная для сна или же, наоборот, предельно неудобная и непривычная позиция;
- ритмичные раскачивания и вращательные движения всего тела и головы;
- полное отсутствие реальных раздражителей (сенсорный голод) либо монотонные ритмичные воздействия физической природы (зрительные, тактильные и слуховые);
- ритмичная «шаманская» или «космическая» музыка;
- резкий и сверхмощный раздражитель (удар гонга, вспышка света, неожиданная пощечина, выкрик-приказ...);
- интенсивный эмоциональный подъем, в том числе половое возбуждение;
- состояние страха и ярости;
- пережимание сонных артерий и надавливание на глазные яблоки или прочие фрагменты тела (ухо, локоть, лоб, запястье...);
- небольшая выпивка или прием за полчаса до намеченного мероприятия барбамила (0,2-0,3 г), веронала (0,5 г), ноксирона (0,25 г), пирамидона (0,1 г) или 4-5 капель хлороформа...

Для углубления гипнотического состояния нужно очень тихим голосом внушать красочные образные представления покоя, мышечной расслабленности и полного отключения от окружающих с восприятием лишь слов внушения.

О том, что человек вошел в гипнотический транс сообщают:

- ровное спокойное дыхание и расслабленное лицо;
- вид как у спящего и отсутствие реакций на окружающих;
- полное отсутствие дрожания век (дрожь говорит о неглубоком погружении, а их исчезновение – о глубоком, вплоть до вероятного впадения в обычный сон).

Чтобы уяснить в гипнозе ли объект или притворяется, надо предложить ему вести себя вполне нормально, зная, что при измененном состоянии сознания это невозможно убедительно проделать. Проще всего вызвать гипнотический транс у нормально спящего, ибо у последнего отсутствует какая-либо воля к сопротивлению. Это осуществляют в фазах специфического «быстрого сна», первая из коих наступает через 45-90 минут после засыпания. Данных фаз в течении ночи отмечают несколько, и перед началом их индивид каждый раз поворачивается в постели. Увеличивает количество и длительность подобных фаз применение снотворного-барбитурата (барбитал-натрия, барбамила, нембутала...) в ночь предшествующую «рабочей», а также выпивка за день-другой до акции. Все воспринимаемое во время контролируемого сна внешне не осознается, а внутренне не забывается.

Чтобы перевести обычный сон объекта в гипнотический, следует:

- где-то через полчаса после того как человек заснет или за час-два перед пробуждением тихо разместиться возле изголовья его постели;
- посидев немного, сделать медленные пассы руками вдоль поверхности его тела, в направлении от головы к ногам и на расстоянии полутора-двух сантиметров от кожи;
- две, а то и три минуты тихим шепотом и в ритме его сонного дыхания изрекать: «Спите глуб-же, спи-те глуб-же»; · постепенно начать то замедлять, то ускорять ритм слов; если при этом ритм дыхания спящего сходным образом изменится, то значит контакт с ним установлен;
- увеличивая постепенно громкость речи и настраиваясь на тон внушения, заявить: «Вы крепко спите... Вы отлично слышите мой голос, но Вы продолжаете уютно спать... Засыпайте еще глубже... Теперь вы хотите отвечать на все вопросы, оставаясь спящим... Как ваше имя... Отвечайте продолжая спать, как вас зовут...» (все начальные вопросы должны быть просты и не вызывать ни малейшей тревоги); если объект не просыпаясь отвечает на вопрос, то раппорт (т.е. словесный контакт) с ним установлен; · теперь можно приступить и к конкретному внушению, повторяемому нечетное (5 или 7) число раз с краткими (не более 5 секунд), но обязательными интервалами между повторами;
- выполнить 5 или 7 подобных серий, заполняя промежутки между ними формулами, обеспечивающими сохранение необходимого состояния:

«Спите глубже... еще глубже...».

Все внушения в гипнозе делают негромким голосом, с помощью коротких, повторяемых по несколько раз, фраз с незначительными паузами между ними. Ключевые слова подают в тот момент, когда

человек делает очередной вдох. Весь сеанс обычно длится не более 15-20 минут. Чтобы индивид впоследствии не вспомнил о происшедшем, ему следует внушить, что перед пробуждением он увидит яркий сон, но как только сновидение появится, он незамедлительно проснется; сон при этом хорошо ему запомнится, а все что было до того – забудется.

Частные методики решения специальных задач с применением гипноза таковы:

(1). Гипнодопрос. Человека вводят тем или иным способом в гипнотический транс и, установив раппорт, настраивают отвечать на задаваемые вопросы, причем первые из них должны быть самые простые (о погоде, имени, профессии...), чтобы не возбудить даже легкой настороженности. Профессиональному солдату или служащему хорошо внушить, что перед ним его начальник, ждущий самого подробного доклада. Иногда используют методику свободных ассоциаций, при которой произносят ключевое слово и желают, чтобы визави сообщил то, что придет ему на ум. Следует воздерживаться от вопросов, явно настраивающих на конкретные ответы, ибо под гипнозом индивид способен выдать вымышленную информацию даже при легком непреднамеренном давлении со стороны допрашивающего. (2). Пересылка тайной информации. Человека вводят в гипнотический транс и сообщают некоторую информацию, развивая амнезию на представленное. После этого он окажется способен передать услышанное только будучи опять же погружен в гипноз и в этом состоянии уловит установленное в основном сеансе кодовое слово (или фразу) как пароль, вскрывающий его память. (3). Сотворение дезинформации. Загипнотизированному субъекту тщательно внушают, что он якобы участвовал в какой-то акции, видел некое событие, слышал закулисную беседу, добыл ту или иную информацию. Выйдя из кодируемого состояния человек верит, что рассказанное ему было на самом деле и с уверенностью сообщает это другим.

(4). Программирование на нужное поведение. Данный трюк обычно удается только при глубокой стадии гипноза. После погружения в транс, объект применением определенных слов и представлений трансформируют в желаемую личность, как бы имитирующую известный из литературы, кинофильма, либо реальной жизни персонаж. Такую акцию осуществляют с помощью специально установленных кодовых фраз, причем новых личностей здесь может быть несколько (многоуровневое программирование применяемое при зомбировании...) Сходным образом возможно закодировать объект на конкретное деяние, каковое он обязан будет совершить, если услышит кодовое слово или же возникнет некоторая ситуация. Следует учитывать, что «лобовое» постыжение, явно противоречащее нравственному принципу объекта чаще всего не реализуется, а поэтому приходится использовать причудливые обходные (скажем, имитацию игры или обман...) маневры. Автоматика срабатывания по конкретному сигналу сохраняет силу в продолжении примерно одного года.

Гуманистические психологические основы обучения в начальной школе

Д.Г.Сайбулаева

Одним из признаков современности следует считать проникновение идей гуманизма во все сферы общественного сознания. О гуманизации сегодня пишут ученые и учителя, министры и политики, писатели и студенты. Вместе с тем включение в лексикон нового для постсоветского пространства понятия вовсе не означает понимание его сущностных признаков, его осознания, принятия и осмысления.

Особенно большое количество отмечается публикаций, исследований, посвященных гуманизации образования. Однако анализ многих из них показывает, что в психолого-педагогическом контексте термин «гуманизация» используется, в основном, в двух значениях. Во-первых, под гуманизацией многие авторы понимают гуманитаризацию содержания образования в результате увеличения удельного веса гуманитарных дисциплин с целью развития гуманитарного сознания учащихся и учителей;

Во-вторых, под гуманизацией образования понимается дифференциация и индивидуализация содержания учебного материала, преподавание этого материала в различных диалоговых формах и т.д.;

В-третьих, термин «гуманизация» используется как для обозначения либерализации и демократизации педагогической деятельности, когда на смену авторитарно-командным отношениям педагогов к учащимся приходят более мягкие формы обращения.

Признавая полезность и значимость гуманизации образования, понимаемую подобным образом, следует отметить, что такое понимание не отражает его сущности. Действительная гуманизация образования не может быть сведена к изменению содержания учебных предметов и стиля педагогического общения. В наиболее обобщенном виде гуманизацию образования можно определить, следуя Э.Д.Днепрову, как преодоление основного порока традиционной школы – ее обезличенности, поворот школы к ребенку, уважение его личности, достоинства, доверие к нему, принятие его личностных целей, запросов и интересов. Это – создание максимально благоприятных условий для раскрытия и развития способностей и дарований ребенка, для его самоопределения. Это – учет психофизиологической самобытности каждого возрастного этапа, особенностей социального и культурного контекста жизни ребенка, сложности и неоднозначности его внутреннего мира.

Гуманизация – ключевой момент нового педагогического мышления, которая требует пересмотра, переоценки всех компонентов педагогического процесса в свете их человекообразующей функции. Основным смыслом педагогического процесса становится развитие личности ученика. Мера этого развития выступает как мера качества работы учителя, школы, всей системы образования.

Подлинный смысл гуманизации образования – это конструктивное самоизменение людей, гармонизация личности каждого учащегося и педагога, это, по сути – формирование совершенно иного по

своему содержанию типа мировоззрения, который становится ведущим и неперенным условием развивающегося взаимодействия участников образовательного процесса.

В современной педагогике большинство исследователей выделяют две парадигмы образования: когнитивную (рационалистскую) и личностную (гуманистическую). В соответствии с первой образование рассматривается по аналогии с познанием, а его процесс (постановка целей, отбор содержания, выбор форм, методов и средств обучения) осуществляется как исследовательская деятельность. Личностные аспекты обучения сводятся к формированию познавательных мотивов и способностей, а также к накоплению опыта смысловых, ценностных и эмоциональных оценок поведения других людей и своего собственного. Цель обучения отражает социальный заказ на качество знаний, умений и навыков. Учебный предмет рассматривается как своеобразная проекция науки, учебный материал – как дидактически препарированные научные знания.

Гуманитарная или личностно-ориентированная парадигма предполагает ориентацию педагогического процесса на личность ребенка как высшую ценность; изменение мировоззрения всех участников этого процесса на основе идей гуманизации, развитие их гуманитарной культуры; создание условий для полноценного развития ребенка, сохранения и укрепления его здоровья; ценностно-смысловое равенство взрослого и ребенка, субъект-субъектный тип взаимодействия, обеспечивающий психологическую защищенность ребенка, развитие личностей воспитуемых и воспитателей как субъектов самопознания, деятельности и общения.

Основоположителем гуманистической (недирективной) модели обучения является выдающийся американский ученый Карл Роджерс. Обосновывая необходимость перестройки традиционного (формирующего) обучения и воспитания, К.Роджерс указывал на следующие его особенности: осуществление единой предписанной свыше для учителей и учащихся учебной программы, направленность на усвоение суммы знаний, оцениваемых извне, авторитарный стиль обучения, преувеличение роли преподавания (и преподавателя) и преуменьшение роли осмысленного учения. В результате происходит снижение любознательности учащихся, их познавательной мотивации и, как следствие, нарастающая бессмысленность учебных занятий.

К.Роджерс показал, что альтернативой этой практике обучения является лишь ориентированная на учащихся гуманистическая практика.

Реформирование традиционной модели обучения и воспитания в рамках гуманистического подхода осуществляется по следующим основным направлениям: создание психологического климата доверия между учителями и учащимися; обеспечение сотрудничества в принятии решений между всеми участниками учебно-воспитательного процесса; актуализация мотивационных ресурсов учения; развитие у учителей особых личностных установок, наиболее адекватных гуманистическому обучению; помощь учителям и учащимся в личностном развитии. Учение как приоритетная сторона обучения становится при этом подходе осмысленным, личностно-вовлеченным, оцениваемым самим учащимся, свободно и самостоятельно иницируемым, направленным на усвоение смыслов на основе личного опыта. Основная задача учителя – стимулирование и иницирование (фасилитация) учения. Такое учение кардинально отличается от традиционного учения, которое является принудительным, безличностным, интеллектуализированным, направленным на усвоение значений.

С точки зрения К.Роджерса, весь континуум школьного обучения лежит между двумя крайними полюсами – традиционное авторитарное обучение, с первых которого ребенок узнает, что нужно подчиняться правилам, нельзя делать ошибки, спрашивать что-либо, перечить учителю, что учебники скучны, а списывать опасно, но не зазорно, что оценки наиболее важны в обучении и школа в целом – довольно неприятное место и т.д. Другой полюс – человекоцентрированное, гуманистическое или свободное обучение, при котором ребенок также с самых первых дней пребывания в школе узнает, что его любознательность признается и поощряется, что учитель дружелюбен и заботлив, что можно изучать то, что хочется и нравится, что процесс учения доставляет удовольствие, а учителя вызывают чувства уважения и любви.

В основе перестройки системы традиционного обучения находится, с точки зрения гуманистической психологии, самоизменение личности учителя, предполагающее специфическое гуманистически направленное мировоззрение, включающее в себя, прежде всего ряда личностных установок, реализующихся в процессе взаимодействия с учащимися. Среди них К.Роджерс подчеркивает три основные установки учителя-фасилитатора.

Первая установка в способности быть искренним, открытым, аутентичным по отношению к собственным мыслям и переживаниям и умении их выражать в общении с учащимися. Эта установка рассматривается как альтернатива типичной для учителя установке на ролевое поведение.

Вторая установка – «безусловное позитивное принятие» личности учащегося, основанное на доверии к нему, его возможностям и способностям.

Третья установка – «эмпатическое понимание», предполагающее видение учителем внутреннего мира и поведения каждого учащегося с его внутренней позиции, как бы его глазами.

Таким образом, учитель, понимающий и принимающий внутренний мир своих учащихся в безоценочной манере, ведущий себя естественно в соответствии со своими внутренними переживаниями и доброжелательно относящийся к учащимся, создает все необходимые условия для осмысленного учения и личностного развития. Если же, напротив, учитель не понимает и не принимает внутреннего мира своих учащихся, если он ведет себя неискренне, стремясь спрятаться за разного рода «фасадами», если он

проявляет неуважение и холодность по отношению к учащимся, то такой учитель оказывает пагубное влияние на их личностное развитие.

Анализируя конкретный опыт гуманистического обучения, педагогический опыт учителей, К.Роджерс приходит к выводу о том, что фасилитирующее обучение – это не некий единый метод, не некая педагогическая технология, а совокупность ценностей, особая «педагогическая философия», неразрывно связанная с личностным способом бытия человека. Эту систему ценностей составляют убеждения в личностном достоинстве каждого человека, в значимости для каждой личности способности к свободному выбору и ответственности за его последствия, в радости учения как творчества.

Для оценки эффективности гуманистического обучения К.Роджерсом и его сотрудниками были проведены многочисленные сопоставительные исследования, которые показывают, что по всем девяти показателям, диагностировавшимся у учащихся – академические достижения, Я-концепция, отношение к школе, креативность, комфортность, любознательность, тревожность, локализация контроля, сотрудничество – гуманистическое обучение оказалось более успешным и эффективным, чем традиционное.

Анализ поведения учащихся при фасилитирующем обучении показывает, что они больше говорят с учителем и между собой; задают больше вопросов, больше времени заняты решением учебных задач; больше времени затрачивают на мыслительные операции и меньше – на механическое запоминание, чаще смотрят в глаза учителю, чаще улыбаются. Было показано, что они реже пропускают занятия, демонстрируют более высокие академические достижения, обнаруживают более высокую самооценку, более высокий самоконтроль; совершают меньше актов вандализма по отношению к школьному имуществу; стабильно повышают показатели коэффициента интеллектуальности и креативности.

Анализ работы учителей показал, что чем выше их способности к фасилитации учения, тем более индивидуализированным, дифференцированным и творческим является их подход к учащимся, тем больше внимания они уделяют переживаниям учащихся, чаще вступают в диалоги с ними; чаще улыбаются; предоставляют самостоятельность и ответственную свободу при составлении учебной программы, оценивании результатов учебной работы.

Несмотря на очевидную эффективность гуманистической модели обучения, она не находит широкого применения, более того встречает непонимание, неприятие и даже агрессию со стороны адептов традиционного обучения. Причины сопротивления гуманистическим инновациям К.Роджерс видел в следующем: во-первых, в отсутствии обратной связи о подлинных результатах работы школы со стороны общества; во-вторых, потребность общества в авторитарных лидерах и подчиненных-комформистах; в-третьих, нежелание многих функционеров огромной системы образования (от рядового учителя до верхних «коридоров власти») расставаться со своим статусом, со своей властью, с привычной иерархией отношений.

Кроме того, сопротивление гуманистическому обучению исходит из страхов педагогов и родителей, связанных с отказом от власти и контроля, а также непривычностью нового типа межличностного взаимодействия, и страхов учащихся, связанных с необходимостью учиться в условиях личной свободы и ответственности. К этому можно добавить, что, пожалуй, среди ведущих трудностей реализации гуманистической модели обучения является отсутствие личного опыта подобного межличностного взаимодействия у современных учителей, обучавшихся и воспитывавшихся в рамках традиционной авторитарной модели.

К.Роджерс отмечал, что подлинная демократизация системы образования представляют собой реальную угрозу современному общественному устройству, поскольку они альтернативны его пирамиде власти, его авторитарному способу бытия. Любая атака на старое общество будет либо беспощадно опрокинута, либо, как уже не раз было в истории, обернется пирровой победой. Поэтому единственной надеждой для гуманистических педагогических инноваций проникновение идей демократии во все сферы общества и, прежде всего, в верхние эшелоны власти. В своей последней книге, обращаясь к учителям и родителям, отмечая трудности утверждения гуманистических идей, К.Роджерс писал: «Нелегко стать глубоко человеческим, доверять людям, сочетать свободу с ответственностью. Путь, представленный нами, – это вызов. Он предполагает изменение нашего мышления, нашего способа бытия, наших отношений с учащимися. Он предполагает непростое принятие на себя демократического идеала. Все это в конечном счете сводится к вопросу, который мы должны задать каждый по отдельности и все вместе: «осмелимся ли мы?»».

Литература

1. Днепров Э.Д. Четвертая школьная реформа в России. – М., 1994.
2. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики. – М., 2002.

Сущность института судебного представительства

И.П.Сергеева

Институт представительства имеет в гражданском обороте широкую сферу применения. Потребность в нем возникает не только тогда, когда сам представляемый не может лично осуществлять свои права и обязанности в силу закона (например, из-за отсутствия дееспособности) или конкретных жизненных обстоятельств (из-за болезни, командировки, занятости и т.д.).¹ В целом ряде случаев к услугам представителей прибегают ради того, чтобы воспользоваться специальными значениями и опытом представителя, сэкономить время, средства и т.п.

Деятельность большинства юридических лиц вообще немыслима без постоянного или хотя бы эпизодического обращения к представительству (работа продавцов и кассиров, функционирование

филиалов и представительств, представительство в суде и т.п.). С помощью представительства могут осуществляться не только имущественные, но и некоторые личные неимущественные права. Так, автор изобретения может через представителя оформить и подать заявку на получение патента. Однако не допускается совершение через представителя сделок, которые по своему характеру могут быть совершены только лично, а также других сделок в случаях, предусмотренных законом. На основании статьи 182 ГК РФ, только лично можно составить завещание, выдать доверенность, заключить договор пожизненного содержания с иждивением, договор об ипотеке, предметом которого является жилой дом или квартира, находящаяся в собственности гражданина, и др.¹

В статье 48 ГПК РФ закреплено, что граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей. Личное участие в деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя.

Дела организаций ведут в суде их органы, действующие в пределах полномочий, предоставленных им федеральным законом, иными правовыми актами или учредительными документами, либо представители. Полномочия органов, ведущих дела организаций, подтверждаются документами, удостоверяющими служебное положение их представителей, а при необходимости учредительными документами. От имени ликвидируемой организации в суде выступает уполномоченный представитель ликвидационной комиссии. Представителями в суде могут быть дееспособные лица, имеющие надлежащим образом оформленные полномочия на ведение дела, за исключением лиц, указанных в статье 52 ГПК РФ. Лица, указанные в статье 52 ГПК РФ, имеют полномочия представителей в силу закона.

Представители, назначаемые судом. Суд назначает адвоката в качестве представителя в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно, а также в других предусмотренных федеральным законом случаях. Представителями в суде не могут быть судьи, следователи, прокуроры, за исключением случаев участия их в процессе в качестве представителей соответствующих органов или законных представителей. Полномочия представителя должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с законом.

Доверенности, выдаваемые гражданами, могут быть удостоверены в нотариальном порядке либо организацией, в которой работает или учится доверитель, товариществом собственников жилья, жилищным, жилищно-строительным или иным специализированным потребительским кооперативом, осуществляющим управление многоквартирным домом, управляющей организацией по месту жительства доверителя, администрацией учреждения социальной защиты населения, в котором находится доверитель, а также стационарного лечебного учреждения, в котором доверитель находится на излечении, командиром (начальником) соответствующих воинских части, соединения, учреждения, военно-учебного заведения, если доверенности выдаются военнослужащими, работниками этих части, соединения, учреждения, военно-учебного заведения или членами их семей. Доверенности лиц, находящихся в местах лишения свободы, удостоверяются начальником соответствующего места лишения свободы (Приложение 1).

Доверенность от имени организации выдается за подписью ее руководителя или иного уполномоченного на это ее учредительными документами лица, скрепленной печатью этой организации.²

Законные представители предъявляют суду документы, удостоверяющие их статус и полномочия. Право адвоката на выступление в суде в качестве представителя удостоверяется ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием. Полномочия представителя могут быть определены также в устном заявлении, занесенном в протокол судебного заседания, или письменном заявлении доверителя в суде.

Представитель вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия. Однако, право представителя на подписание искового заявления, предъявление его в суд, передачу спора на рассмотрение третейского суда, предъявление встречного иска, полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшение их размера, признание иска, изменение предмета или основания иска, заключение мирового соглашения, передачу полномочий другому лицу (передоверие), обжалование судебного постановления, предъявление исполнительного документа к взысканию, получение присужденного имущества или денег должно быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом.

Е.В. Васьковский определял судебное (процессуальное) представительство как юридическое отношение между тяжущимся и другим лицом (представителем, уполномоченным), в силу которого это лицо осуществляет принадлежащие тяжущемуся права, а юридические последствия его действий падают непосредственно на самого тяжущегося, и относил его к специальному виду общегражданского представительства. Однако вопрос об определении судебного представительства интересовал многих ученых, как среди процессуалистов, так и среди цивилистов.³

Представительство в суде – самостоятельный гражданский процессуальный институт, выполняющий функцию процессуальной гарантии защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов сторон, третьих лиц, заявителей.

В современных условиях значение судебного представительства возрастает по целому ряду причин. Во-первых, в связи с переходом к состязательной модели гражданского процесса и снятием с суда обязанностей по доказыванию. В условиях возложения бремени доказывания на сами стороны лицу, не

¹ Абрамова Е.Н. Гражданское право: Учебник. – М.: Пресс. – 2010. Ч.3. – С.55.

² Виговский Е.В. Доверенность как документ, оформляющий полномочия представительства // Коллегия. – 2005. – № 5-7. – С.3.

³ Томсинов В.А. Гражданский процесс. – М.: Русское юридическое наследие, 2003. – С. 203.

имеющего необходимого минимума юридических знаний, будет крайне сложно доказать обоснованность своих требований или возражений. Во-вторых, сама правовая система все более и более усложняется и дифференцируется на все новые и новые правовые образования, увеличивается количество правовых актов, что требует специализации и среди юристов. Поэтому без участия квалифицированного юриста провести судебный процесс на профессиональном уровне становится практически невозможным. Изложенными причинами объясняется существование в современном правовом обществе института адвокатуры.

Важно подчеркнуть и то обстоятельство, что институт представительства, и, прежде всего адвокатуры, способствует реализации права граждан на квалифицированную юридическую помощь, закрепленного в статье 48 Конституции РФ.

О процессуальном положении представителя в гражданском процессе давно ведется дискуссия. Гражданское процессуальное законодательство не относит судебных представителей к участвующим в деле лицам. Основанием для такого решения вопроса являлось, видимо, то, что у судебных представителей отсутствует материально-правовой интерес к исходу дела. Однако считать судебных представителей совершенно не заинтересованными в исходе дела нельзя: в пределах полномочий они стремятся добиться в процессе определенного положительного правового результата в пользу представляемого.

Например, представитель ответчика стремиться добиться вынесения судом решения об отказе в иске. Такая позиция означает, что представитель заинтересован в исходе дела. Интерес этот носит не материально-правовой, а процессуальный характер, так как представитель действует не в своих интересах, а в интересах представляемого. Однако процессуальный интерес к исходу дела, как и материально-правовой, является юридическим, поскольку основан на законе. Именно нормами гражданского процессуального права определены правовая природа участия представителя в суде и сущность этого процессуального института.¹

Дела юридических лиц ведут в суде либо их органы, действующие в пределах полномочий, предоставленных законом, уставом или положением, либо их представители. В определенных случаях участие в суде представителя необходимо, например, при защите интересов малолетних, несовершеннолетних, лиц, страдающих психическим расстройством.

Судебный представитель способствует более полному осуществлению процессуальных прав и обязанностей лиц, юридически не осведомленных или мало осведомленных. Судебный представитель необходим и тогда, когда то, или иное лицо, участвующее в деле, по болезни, занятости, пребыванию в другой местности не может лично присутствовать при разбирательстве дела.

В зависимости от основания участия в суде представителя, а также от причин, побудивших лицо, участвующее в деле, обратиться к помощи представителя, он может либо полностью заменить в процессе представляемого, либо участвовать совместно с ним в ведении дела.

Исследование понятия, природы, сущности и значения гражданско-процессуального представительства всегда привлекало внимание ученых-юристов России. Так, одни признавали судебное представительство самостоятельным правовым институтом (например, Е.В. Васьковский, И.Е. Энгельман), а другие включали представительство в институт доверенности (например, Д.И. Мейер).

На наш взгляд, очевидны научно-практические преимущества концепции представительства как самостоятельного института и правозаступничества.

Судебная реформа 1864 г. и принятые в ходе ее нормативно-правовые акты стимулировали научные изыскания проблем представительства в российской цивилистике.

Статья 249 Устава гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. гласила: поверенный представляет лицо, тяжущееся в суде. Эта формулировка весьма лаконична и не дает ответа на вопрос о том, что же есть судебное представительство как институт современного права. Российские ученые-юристы использовали такую возможность для исследования представительства в гражданском судопроизводстве как нового для российской юридической науки правового института.

Так, М.В. Гордон указывал, что существо представительства состоит в том, что одно лицо отправляет юридическую деятельность вместо другого.² Здесь четко прослеживаются такие характерные слагаемые процессуального представительства, как: замещение представителем другого лица; осуществление представительства является юридической деятельностью; последняя осуществляется в рамках гражданского судопроизводства и по установленной законом процедуре.

Деятельность представителя, с одной стороны, порождает правовые последствия для доверителя (представляемого), а с другой – представитель несет ответственность перед доверителем за качество выполняемой деятельности. Эти же вопросы полно и комплексно исследовал А.М. Пальховский, который охарактеризовал субъектов представительства в дореформенный и пореформенный периоды, раскрыл роль адвокатуры в гражданском процессе, показал различие между частными и присяжными поверенными, рассмотрел социально-правовую проблему о праве женщин быть частными поверенными и таким путем осуществлять представительство в суде.³

Особого внимания заслуживает фундаментальный труд Н.И. Казанцева, посвященный учению о представительстве в гражданском праве.⁴ В нем представительство определено как такое юридическое понятие, где одно лицо, имея другого, заключает юридическую сделку и производит юридические действия

¹ Халатов С.А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. – М.: 2002. – С.106.

² Гордон М.В. Представительство в гражданском праве. – СПб.: 1879. – С. 8.

³ Пальховский А.М. О праве представительства на суде. – М.: Типография Ф. Иогансов, 1876. – С. 1-115.

⁴ Казанцев Н.И. Учение о представительстве в гражданском праве. – СПб., 1879. – С. 120.

на имя этого другого лица. Приведенное понятие выделяет такие элементы представительства, как: представительство – юридическая сделка; эта сделка дает право производить юридические действия от имени другого лица; представительство есть понятие юридическое. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на различные в полноте формулировок понятия представительства В.М. Гордона и Н.И. Казанцева, их объединяет одно важное обстоятельство: они рассматривали представительство как институт гражданского права. Такой подход к трактовке данного института в российской дореволюционной цивилистике сохранялся и в последующий период, хотя сам институт получил совершенно иное видение.

В частности, понятие и сущность представительства в гражданском праве отдельные цивилисты рассматривали через призму договора доверенности в гражданском праве. Например, Д.И. Мейер писал: «Договор доверенности, называемый также поручением, препоручением, представляет собой юридическое отношение, в котором одно лицо обязывается быть представителем другого по какому-либо гражданскому действию».¹ Существо же договора доверенности автор видел в том, что «он исключительно направляется к установлению представительства». В связи с этими положениями возникает ряд вопросов: есть ли что-либо общее между договором доверенности и представительством; как они соотносятся; не является ли договор доверенности составной частью представительства, формой его юридического выражения?

Прежде всего, следует сказать, что в гражданском праве доверенность на осуществление представительства (гражданского действия) действительно связана со многими сделками: купли-продажи, дарения, займа и т.д., т.е. с гражданскими правоотношениями, регулируемым материальным правом.

В системе же такого рода договоров доверенность поручительства и представительства занимает особое место ввиду того, что она относится не только к материальному, но и процессуальному праву. Более того, изначально представительство появилось как институт судопроизводства, процесса. В связи с этим предметом представительства всегда была деятельность поверенного в суде при разрешении тяжбы. Все это позволяет проследить различие и единство между доверенностью на представительство в гражданском праве и представительством в гражданском процессе, судопроизводстве. В первом случае доверенность дает право поверенному совершать гражданские действия, составляющие содержание представительства. А доверенность выступает только как форма, в которую облекаются полномочия поверенного.

Во втором доверенность уполномочивает представителя на совершение процессуальных действий в суде от имени и вместо стороны, опираясь при этом и на гражданско-правовые нормы и правоотношения. Следовательно, представительство в гражданском праве и представительство в гражданском процессе связывает единый критерий, выражающийся в совершении юридически значимых действий.

Более того, в институте представительства в гражданском процессе диалектически сочетаются как материально-правовые, так и процессуально-правовые начала. Благодаря этому институт представительства является межотраслевым, опираясь на нормы двух тесно взаимосвязанных отраслей законодательства и права: гражданского и гражданско-процессуального.

Что же касается доверенности на представительство, то этот юридический документ представляет собой форму, в которую облекаются полномочия поверенного, с одной стороны, на совершение сделок, а с другой – на представительство стороны гражданского процесса в суде.

В настоящее время в российской цивилистической науке можно выделить несколько дефиниций процессуально-правового представительства и его названий, сформулированных в течение последних почти пятидесяти лет с учетом правовых регламентаций, достижений теории и практики.

Так, И.М. Ильинская и Л.Ф. Лесницкая понятие представительства в гражданском процессе раскрывали через субъектный и деятельностный факторы как совершение от имени и в интересах представляемого (стороны, третьего лица) ряда процессуальных действий, направленных на убеждение суда в правильности заявленного требования или возражения против него, на доказывание обоснованности позиции представляемого им лица.²

Такой же подход к формулированию понятия судебного представительства проявляет и А.Ф. Клейнман. «Судебное представительство, – писал он, – в советском гражданском процессе есть выполнение от имени и в интересах сторон или третьих лиц процессуальных действий уполномоченным лицом».³ Субъектно-деятельностный подход к понятию представительства проявляли и другие процессуалисты. Формулируя его, М.А. Видух пишет: «Процессуальным представительством признается совершение одним лицом в пределах предоставленных ему полномочий процессуальных действий от имени и в интересах другого лица, участвующего в деле».⁴

Планирование расследования преступлений на первоначальном этапе

Т.Б. оглы Сулейманзаде

Грамотное планирование расследования по сложным уголовным делам на основе полной отработки следственных версий является одним из важнейших условий установления объективной истины. Хотя еще более полувека назад отмечалось, что ошибки и недочеты в работе следственных органов обуславливаются прежде всего бесплановостью расследования, с подобным состоянием дел можно встретиться и сейчас. И если в 30-е гг. XX века это объяснялось недостаточной теоретической подготовкой следственного аппарата, а также слабой разработанностью научных основ планирования расследования и версионного процесса, то

¹ Мейер Д.И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 1997. – С. 333.

² Ильинская И.М. Судебное представительство в гражданском процессе. – М.: Юридическая литература, 1964. – С. 6.

³ Авдюков М.Г. Гражданский процесс. – М.: 1970. – С. 44.

⁴ Видух М.А. Представительство в гражданском процессе – М.: Юридическая литература, 1972. – С. 96.

теперь положение коренным образом изменилось. Теория сделала большой шаг вперед. Практика же порой не в полной мере использует достижения теории. Причина такого положения заключается в том, что до сих пор не изжит психологическая установка некоторой части следователей обходиться набросками, напоминающими конспективный план работы на день. Кроме того, молодые следователи из-за недостатка опыта не всегда умеют составить развернутый план расследования сложных – бесфигурантных либо многоэпизодных дел, что делает необходимой разработку алгоритмов и программ этой деятельности. Наконец, к планированию расследования нужно приступать сразу же, на первоначальном этапе работы по делу, однако теоретические выкладки и рекомендации в данном аспекте нам неизвестны, хотя потребность в них давно констатирована.

Как справедливо считает Н.А.Селиванов, выделение комплекса первоначальных следственных действий «ориентирует следователя на использование максимума возможностей для обнаружения доказательств, имеющихся на исключительно важном – первоначальном этапе расследования, и на создание надлежащей базы для тщательного, обоснованного планирования всего следственного производства по делу»¹. Это предполагает необходимость составления общего плана расследования первоначального этапа и отдельного плана по каждому первоначальному следственному действию в увязке с оперативно-розыскными мероприятиями. Таким образом, для обеспечения эффективности расследования планирование по возможности следует начинать практически сразу после возбуждения уголовного дела.

Бесспорно, что фрагментарный и проблематичный характер исходной информации о преступном событии, его субъекте, форме вины и других существенных обстоятельствах препятствует разработке подробного плана по делу в целом. На данном этапе это нереально и не диктуется необходимостью.

Поскольку мы понимаем первоначальный этап расследования как важнейший интервал следственной деятельности, конкретизируемый характером стоящих перед следователем на момент возбуждения уголовного дела целей и необходимый для решения ключевых (типичных) задач расследования: раскрытия неочевидных преступлений либо сбора необходимых доказательств по очевидным преступлениям, то после решения задач данного этапа планирование дальнейшей работы по делу большой сложности не представляет. Если преступление раскрыто, а доказательства виновности собраны, элемент творчества в дальнейшей следственной деятельности значительно уменьшается, а сама она (исключая разве составление обвинительного заключения, лежащее в пределах компетенции уголовного процесса, а не криминалистики) намного упрощается. В то же время важность грамотного планирования расследования на его первоначальном этапе становится еще более очевидной.

В этой связи важно подчеркнуть, что всякое пополнение знаний следователя о расследуемом преступлении, в особенности на первоначальном этапе, должно влечь немедленное уточнение пунктов составленного плана. Прав А.М.Ларин, говоря, что «планирование основывается на всестороннем учете фактических данных, которые в ходе расследования неуклонно пополняются, Уточняются, переосмысливаются. Соответственно пополняется, корректируется, изменяется и план. Поэтому процесс планирования от принятия дела к производству и вплоть до составления обвинительного заключения непрерывен»².

Как считает Иванов Л.А., при планировании предстоящего расследования и выполнении отдельных следственных действий либо иных мероприятий следователь использует свои познания в конкретной следственной ситуации, оперируя двумя потоками информации.

Один – внешний – поступает при изучении обстановки и обстоятельств расследуемого преступления; второй – внутренний – это содержащиеся в памяти следователя знания, понятия, приобретенные в процессе обучения и практической работы³.

Думается, что такое представление об информационной обеспеченности следователя неполно, поскольку при расследовании любого достаточно сложного уголовного дела в ходе сбора и проверки доказательств необходимо использовать специальные познания различных сведущих лиц, экспертов и др. При этом происходит приложение к конкретной следственной ситуации познаний и этих специалистов, т.е. интеграция знаний и представлений следователя со знаниями и представлениями других участвующих в расследовании лиц, порождающая новый уровень проникновения в механизм преступного события и его отдельные криминалистически значимые детали.

Данный поток информации имеет свою специфику, поскольку порожден не материальной обстановкой преступления и лицами, так или иначе причастными к нему (очевидцами, потерпевшими), а волей и сознанием субъектов, с которыми следователь взаимодействует. Их интересы направлены на достижение одной цели: раскрытие и всестороннее расследование преступления. Специальные познания особенно необходимы на первоначальном этапе, ибо индивидуальных знаний и возможностей следователя, как правило, недостаточно, чтобы без определенной помощи достичь успеха.

Научно-технический прогресс постоянно открывает все новые возможности использования достижений науки и техники в уголовном судопроизводстве. Сейчас даже самых глубоких профессиональных знаний следователя может не хватить для успешного расследования. Путь к установлению истины по многим делам оказался бы намного длиннее, целый ряд преступлений не удалось бы раскрыть, если бы следователи не использовали при этом специальные знания, т.е. знания, которые

¹ Селиванов Н.А. Криминалистика: система понятий. М. Юрид. лит., 1999. С. 34.

² Ларин А.М. От следственной версии к истине. М., 2006. С. 65.

³ См.: Иванов Л.А. Программирование и творчество в деятельности следователя. М., 1999.

приобретаются путем целенаправленной подготовки и опыта работы для определенного вида деятельности в рамках той или иной профессии, исключая в данном случае профессию самого следователя.

Таким образом, при составлении плана на первоначальном этапе расследования следователь обязан продумать, каких специалистов, как и когда привлечь, наметить мероприятия, в которых они будут участвовать. Желательно, чтобы использование специальных познаний на первоначальном этапе было достаточно широким и плановым. Кроме того, при планировании важно предусмотреть научно-техническое и организационное обеспечение эффективности первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Для этого в плане должен быть приведен не только перечень научно-технических средств, но и конкретные тактические приемы их использования.

На первоначальном этапе расследования нужно планомерно применять специальные познания в форме экспертиз. Однако именно на данном этапе далеко не всегда используются богатейшие возможности судебной экспертизы, в особенности имеющие диагностический характер. Экспертизы назначаются несвоевременно, в постановлениях предусматриваются не все вопросы, которые могут быть решены на базе имеющихся материалов, допускаются иные ошибки, снижающие эффективность следствия. Круг экспертиз, вопросы, которые требуется разрешить при их производстве, материалы, необходимые для исследования, – все должно найти отражение в плане первоначального этапа расследования. При этом следователю целесообразно проконсультироваться с экспертами, соотнести свои потребности по делу с возможностями экспертного учреждения, а когда они не совпадают, запланировать производство исследований в другом криминалистическом учреждении, обладающем более широкими возможностями вследствие обеспеченности совершенной аналитической техникой, высокой квалификации сотрудников и др.

Освоение криминалистами идей кибернетики привело к тому, что в последние годы взят на вооружение ряд кибернетических методов, довольно успешно используемых в раскрытии и расследовании преступлений. Следователи при решении многих криминалистических задач фактически пользуются отдельными рекомендациями теории информации, в особенности алгоритмического характера. Кибернетические идеи, разработанные применительно к задачам расследования, образуют базу для принятия следователем решений на основе так называемой безмашинной кибернетики посредством выработки схем типовых версий о способах совершения преступлений и типизированных действий следователя, направленных на их проверку. В алгоритмизации деятельности следователя важной является разработка систем типовых моделей расследования преступлений.

М.А.Евгеньев писал: «План расследования уголовного дела – это общая программа работы следователя по данному делу вообще и программа его действий на ближайшие дни в частности»¹. На первый взгляд так оно и есть. В литературе можно встретить термин «типовой план» расследования, употребляемый как синоним термина «программа расследования» по делам определенной категории. При подобном подходе планирование расследования и его программирование должны обозначать одно и то же.

В специальной литературе «программа понимается как систематизированный перечень методических рекомендаций по уяснению ситуации, определению цели и выбору средств решения некоторых типичных следственных задач»². Отмечается, что основу программы должны составлять методические предписания, свободные от информационного «шума» – полемики, объяснений, отступлений и облеченные в форму кратких и конкретных алгоритмов, систематизированных так, чтобы потребовался минимум усилий на отыскание необходимых сведений и уяснение связей между ними.

Возможность реализации новых принципов решения следственных задач, которые будут содействовать разгрузке памяти следователя от информации, не обязательной для успешной деятельности, ее целеустремленности на всех этапах расследования: способствовать решению относительно простых задач и облегчать планирование решения более сложных задач. Именно поэтому программирование, являющееся средством доведения методических знаний до следователя, должно способствовать тому, чтобы в тех случаях, когда есть готовые оптимальные решения, следователь не занимался изобретением уже изобретенного, а брал и использовал уже готовое.

Отметим, что содержащиеся в программе методические предписания – лишь предпосылка к деятельности, в то время как успех расследования достигается не столько их усвоением, сколько профессиональным использованием в условиях конкретной ситуации. Содержание программ обусловлено уровнем теоретических разработок. Так как теория пока не в состоянии дать конкретные предписания на все случаи, которые могут встретиться в следственной работе, самые сложные виды этой деятельности алгоритмизированы наиболее общо, значит, их использование требует от следователя значительных интеллектуальных усилий. Обеспечивая следователя всей методической информацией для быстрого решения простых задач, программирование вместе с тем должно предоставлять ему информацию и для решения творческих задач, т. е. помочь быстро и правильно сориентироваться при поиске нового оригинального решения.

Проследив историю попыток запрограммировать расследование от времен окончательной разработки римской семичленной формулы до наших дней, И.Е.Быховский подчеркивает, что раскрыть типичное преступление, пользуясь типовой программой, невозможно³. Следовательно, любые системы типовых версий должны содержать указания на вероятностный характер аккумулированных данных, чтобы

¹ Евгеньев М.А. Методика и техника расследования преступлений. М., 2009. С. 178.

² См.: Мудьюгин Г.Н., Васильев А.Н., Якубович Н.А. Планирование расследования преступлений. М., 1999.

³ Быховский И.Е. Программированное расследование: возможности и перспективы. М., 2008. С. 188.

практические работники отрабатывали и другие версии, возникающие при расследовании конкретного преступления. Использование жестких программ, содержащих команды, исключает возможность учета особенностей личности и самого следователя, и обвиняемого, и других лиц, проходящих по делу.

И.Е.Быховский обоснованно заключает, что программа должна быть системой рекомендаций, а не приказов, рассчитанных на расследование не всего уголовного дела, а его определенного этапа. Она должна базироваться на материалах обобщения практики, стимулировать инициативу следователя на отыскание других, не предусмотренных авторами программы путей выяснения того или иного вопроса. «Идея программирования расследования не должна лишать следователя возможности поиска эвристических решений; следствие всегда было, есть и будет не только комплексом научных положений и рекомендаций, но искусством нахождения истины»¹.

Таким образом, соотношение между планированием и программированием, по нашему мнению, таково. Программирование – один из ведущих методов планирования, поэтому программу можно рассматривать как предварительный план любого вида деятельности, в том числе и следственной. На основании программы, являющейся, так сказать, скелетом будущего плана работы по делу, следователь, сообразуясь со складывающейся следственной ситуацией и реальными возможностями, составляет подробный план.

Первоначальный этап расследования характеризуется наличием ряда проблемных ситуаций, разрешение которых программа не может детально предусмотреть. Она базируется на типичном, в то время как конкретное преступление и лицо, его совершившее, – индивидуальны. Специфика следственной деятельности заключается в том, что для раскрытия преступлений необходимо нетривиальное решение. Следователь в зависимости от ситуации вносит в программу расследования и свой опыт, учитывает наличные силы и средства. В результате программа становится гибким, динамичным планом первоначального этапа расследования.

Освоение следователями научных, наиболее рациональных приемов программирования своей деятельности чрезвычайно полезно в первую очередь для успешного планирования и проведения расследования на наиболее ответственном первоначальном этапе. Кроме того, умение программировать облегчает работу следователя с компьютером. В недалеком будущем обращение следователя в наиболее сложных случаях, в том числе и связанных с планированием, за помощью к компьютеру станет обычным делом. Развертываемые в настоящее время в правоохранительных органах информационно-поисковые и автоматизированные управляющие системы создают к тому реальные предпосылки.

Таким образом, планирование и программирование следственной деятельности по содержанию не совпадают – это категории разного порядка и неодинаковой природы. Думается, что следует продолжить разработку программ работы на первоначальном этапе расследования наиболее распространенных, тяжких и сложных для раскрытия преступлений. Наличие таких программ поможет следователям повысить качество планирования, что будет способствовать скорейшему отысканию истины по расследуемым уголовным делам.

Государственная политика в России в годы НЭПа

А.Х.Ташаев,

Р.М.Разakov

Усиление вмешательства государства в развитие экономики в начале XX в. было характерно для большинства продвинутых в хозяйственном отношении стран мира. Концентрация производства, внедрение плановых начал в организацию производственных процессов в рамках трестов, концернов и т.д. происходили параллельно с частичной национализацией; усиление роли финансового капитала сопровождалось его сращиванием с государственными органами.

Тенденция к усилению государственно-монополистического регулирования, особенно крупной промышленности, выросла в объективную необходимость в годы первой мировой войны, в которую была втянута и Россия. Непосредственными предшественниками созданных после Октября 1917 г. органов управления экономикой были, как известно, органы Временного правительства – Экономический совет, Министерство торговли и промышленности.

Разгром партии эсеров (которые выступали за то, чтобы ввести на предприятиях самоуправление рабочих), преследование меньшевистских организаций, уничтожение «Рабочей оппозиции» – эта политика большевиков привела к сужению демократических начал в управлении промышленным производством, лишению работников государственной промышленности боевых профсоюзных организаций, отстаивающих их интересы (подчинение профсоюзов партийно-государственному руководству и т. д.). «Оппозиционные» идеи о самоуправлении рабочих, политической демократии и свободной организации трудящихся преследовались на протяжении 20-х гг. в деятельности профсоюзов, пытавшихся отстоять свою независимость (разгром независимых профсоюзов и рабочих забастовок и т. д.)².

Осуществление мероприятий новой экономической политики было по-разному встречено различными течениями в руководстве страны и политическими партиями и группами русской эмиграции.

¹ Там же.

² Быстрова И.В. Государство и экономика в 20-е годы: борьба идей и реальность // Отечественная история.1993.№ 3,С.22.

Лидеры эмиграции обнаружили, однако, редкостное единство взглядов на нэп как на «перерождение» диктатуры большевиков, эволюцию ее в сторону капитализма. Н. В. Устрялов, П. Н. Милуков, В. М. Чернов и Ф. Дан, К. Каутский и др., несмотря на различия политических взглядов, сошлись в оценке экономической и социальной эволюции России, радостно заявив, что переход на рельсы капитализма ставит вопрос и о ликвидации большевистской диктатуры.

Аналогичные взгляды на нэп (при различии политических выводов и оценок) появились в советском руководстве, в партии. Еще в 1922 г. оживилось «левое» течение в оппозиции во главе с Ю. Лариным, которое требовало возврата к военно-коммунистическим методам.

«Левые» оппозиции трактовали поворот к нэпу как капитализм. При дальнейшем развитии и оформлении этих течений и дискуссий происходили различные перегруппировки сил и участников политической борьбы в руководстве страны.

К середине 20-х гг. оформились две основные линии в оценке нэпа — как «государственный капитализм в пролетарском государстве» (Г. Е. Зиновьев) или как социализм (Н. И. Бухарин и др.). Не вдаваясь в подробности этих дискуссий, можно отметить, что они явились, на наш взгляд, даже в большей степени отражением закулисной борьбы за власть в верхах партии, чем сложного социального противостояния в обществе (хотя этот фактор нельзя сбрасывать со счетов)¹.

Характерной чертой многих партийных и хозяйственных руководителей была их неспособность выйти за рамки карательно-административной психологии. Еще большей притягательностью обладала плановая идея, вера в ее непогрешимость, несмотря на все бесконечные провалы и срывы планов. Типичным было стремление объяснить эти неудачи недостатками, неправильностями планирования.

Новый толчок ужесточению административно-плановых методов управления экономикой, форсированию разработки пятилетнего плана дал состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б), поразивший своим единомыслием и отсутствием реальной оппозиции официальному партийному курсу. В отчетном докладе Сталин, отрапортовав об успехах социалистической промышленности и о «достижениях» в деле вытеснения частного капитала, сформулировал задачу достижения невиданных темпов развития государственной промышленности (увеличение промышленной продукции к 1931/32 г. вдвое против довоенного уровня).

Противодействие расследованию разбойных нападений и приемы его преодоления

Х.Х. кызы Халумова

Проблема противодействия расследованию преступлений приобрела в последнее время особую актуальность и остроту. Противодействие расследованию преступлений есть совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников, а также связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний. Данная деятельность приводит к существенному увеличению трудоемкости расследования и иным негативным последствиям, вплоть до прекращения или приостановления уголовных дел.

Основной целью противодействия является уклонение от ответственности за совершенное преступление. Более конкретные цели — сокрытие самого факта (события) разбойного преступления, отдельных его следов (как материальных, так и идеальных) и иных доказательств; виновности определенных лиц в совершении этого преступления; деталей обстановки, в которой совершалось преступление; добытых преступным путем денег, других ценностей и имущества².

Субъектами такого противодействия чаще всего являются сами преступники, совершившие разбойное нападение, а также родственники и близкие знакомые. Под воздействием указанных лиц противодействие расследованию корыстно-насильственных преступлений нередко оказывают потерпевшие и свидетели, на первый взгляд незаинтересованные в уклонении разбойника от ответственности. Большинство свидетелей и потерпевших, подвергнутых такому воздействию, в той или иной степени поддаются: совершают конкретные действия в пользу виновных или же имели твердую установку на их сокрытие.

Наиболее распространенные приемы противодействия расследованию разбойных нападений: 1) дача ложных показаний либо уклонение от дачи показаний; 2) воздействие на потерпевших, свидетелей, соучастников; 3) уничтожение следов разбоя или участия в нем; 4) маскировка, изменение признаков внешности; 5) инсценировки; 6) выдвижение и обоснование ложного алиби; 7) выезд из района совершения преступления в другую местность; 8) использование адвокатов не только для предусмотренной законом защиты, но и для создания препятствий расследованию; 9) симуляция психического расстройства.

Дача ложных показаний или уклонение от дачи показаний являются наиболее распространенными приемами противодействия расследованию. Не соответствующие истине показания обычно даются самими подозреваемыми (обвиняемыми) в совершении разбойного нападения, особенно на первоначальном этапе расследования. В дальнейшем под давлением улик они нередко меняются, и, тем не менее, ложь в таких показаниях остается часто и на стадии судебного разбирательства. Даже в случаях явок с повинной, стремясь внешне продемонстрировать чистосердечное раскаяние, явившиеся с повинной лица скрывают

¹ Верт Н. История советского государства и права. М., 2003. С. 184.

² Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. — Казань, 2012. — С. 22.

отягчающие обстоятельства, пытаются выгородить соучастников, взяв всю вину на себя, представить потерпевшего в невыгодном для него, свете и т.п.

Дача ложных показаний тесно связана с другими приемами противодействия расследованию разбойных нападений: воздействием на потерпевших и свидетелей, выдвижением ложного алиби, инсценировкой, сокрытием орудий преступления и похищенного имущества.

Ложные показания даются практически обо всех обстоятельствах, входящих в предмет доказывания: об обстоятельствах происшедшего события и особенно – механизме изъятия ценностей у потерпевшего; о факте своего пребывания на месте нападения; о месте своего нахождения в то время, когда совершено нападение; об обстоятельствах приобретения, хранения, использования изъятых оружия и других средств нападения; об отягчающих обстоятельствах, влияющих на степень и характер ответственности; об обстоятельствах, отрицательно характеризующих личность обвиняемого и др.

Широкое распространение по делам о разбойных нападениях получил такой прием противодействия расследованию, как воздействие преступников и связанных с ними лиц на потерпевших и свидетелей по делу. Такое воздействие может осуществляться путем подкупа, запугивания, применения насилия как физического, так и психологического. Эффективность такого воздействия заключается в том, что потерпевшие и свидетели испытывают страх перед преступниками, опасаются за жизнь и здоровье – свою и своих близких. В случае применения такого воздействия на субъектов расследования могут возникнуть следующие негативные последствия в виде дачи потерпевшими и свидетелями ложных показаний или изменения ранее данных показаний на допросах, уничтожение материальных следов разбоя и др.

Использование ложного алиби лицами, совершающими разбойные нападения в наше время также нашло широкое распространение. Деятельность по реализации ложного алиби образуют сменяющие друг друга подсистемы действий преступника и связанных с ним лиц: обоснование, выдвижение и отстаивание. При этом действия по обоснованию ложного алиби как элемент сокрытия могут предприниматься еще до совершения преступления, в процессе подготовки к нему.

Существуют закономерные связи использования ложного алиби с такими приемами противодействия, как воздействие на свидетелей и потерпевших, дача ложных показаний, фальсификация документов, следов и других вещественных доказательств.

При обосновании ложного алиби подчас используются такие способы полного или частичного обмана, которые выступают причиной искажений в восприятии, запоминании, воспроизведении информации о совместном местонахождении свидетеля и обвиняемого (подозреваемого) в совершении разбойного нападения во времени, а в последующем и судебных ошибок¹.

Противодействие расследованию разбойных нападений обладает рядом признаков, которыми чаще всего являются: 1) уклонение от участия в проведении следственных действий (освидетельствования, очной ставки и др.); 2) внезапное заявление подозреваемого (обвиняемого) о своем алиби; 3) признаки симуляции подозреваемым (обвиняемым) психического заболевания; 4) резкое изменение показаний потерпевших или важных свидетелей в пользу подозреваемого (обвиняемого); 5) спиленный или иным способом удаленный номер на брошенном или изъятых оружии заводского изготовления; перебитые номера на шасси и двигателе автомобиля, захваченного в результате разбойного нападения или использованного для его совершения; 6) нежелание представить вещественные доказательства, образцы для сравнительного исследования, иные предметы и документы, имеющие значение для расследования разбойного нападения.

Что касается деятельности по нейтрализации противодействия расследованию разбоев, то следует сказать, что направления деятельности следователя и принимаемые им конкретные меры по преодолению противодействия должны отвечать требованиям плановости, комплексности, индивидуальности и носить упреждающий характер.

Следует выделить два варианта действий по преодолению выявленного противодействия: пресечение оказываемого преступником воздействия на потерпевших, свидетелей, следователя, других участников расследования либо поиск и использование альтернативных источников доказательственной информации, нейтрализующих уже сработавшие приемы противодействия. Возможно и параллельное применение обоих вариантов нейтрализации.

В литературе справедливо отмечается, что легче предотвратить, упредить противодействие расследованию, чем потом преодолевать его последствия. Методы упреждения могут быть направлены как на подозреваемых (обвиняемых), так и на свидетелей, потерпевших, которые, по мнению следователя, возможно, подвергнутся воздействию либо по собственной инициативе могут по различным причинам попытаться помочь преступнику. К числу методов упреждения противодействия можно отнести приемы установления и поддержания психологического контакта с соответствующими участниками расследования разбойных нападений; оптимизацию фиксирования и сохранения получаемой от них информации, включая результаты следственных действий; методы обеспечения «функциональной» процессуальной деятельности потерпевших и свидетелей, включая подготовку их к возможному воздействию на них, обеспечение их безопасности и др.²

¹ Лавров В.П. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений: Учебное пособие для вузов. – М., 2013. – С. 97.

² Бабаев Э.У. Предупреждение изменений показаний подследственным и свидетелем на предварительном расследовании. – М., 2011. – С. 46.

В отношении преступников наиболее эффективными методами упреждения будут их полное изобличение в совершении преступления и на этой основе (с учетом противодействия) – задержание и избрание меры пресечения в виде содержания под стражей.

По делам изучаемой категории преступлений обычно приходится применять не один какой-либо прием нейтрализации противодействия, а несколько, комплекс таких приемов. В таких случаях правомерно говорить о тактической операции по преодолению противодействия. Для дел о разбойных нападениях характерными являются, например, такие тактические операции, как проверка и разоблачение ложного алиби участников разбоя; разоблачение инсценировки разбойного нападения; доказывание симуляции психического заболевания; операция по розыску и задержанию скрывшегося обвиняемого.

В выявлении признаков и приемов, а также противодействие им кроме следственных действий и организационных мероприятий важную роль играют оперативно-розыскные меры, предусмотренные ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». С их помощью можно получить ориентирующие данные, например, о намерении подозреваемых (обвиняемых) в совершении разбойного нападения изменить показания; о встрече родственников или близких знакомых содержащихся под стражей лиц с потерпевшими, свидетелями по делу, о других фактах воздействия на последних; о подготовке ложного алиби; о готовящихся провокациях против следователя, судьи и др.

Еще одним важным тактическим приемом выявления и преодоления противодействия раскрытию и расследованию разбойных нападений преступлений является проверка (испытание) подозреваемого, а подчас и свидетеля на полиграфе¹.

Таким образом, нарастание профессионализма преступников, совершающих разбойные нападения, обязывает следователя и оперативных работников умело использовать все процессуальные и криминалистические средства для своевременного упреждения, выявления, доказывания и нейтрализации всех приемов противодействия расследованию по конкретным уголовным делам, поэтому использование совокупности указанных выше методов, особенно при правильном их сочетании с использованием оперативно-розыскных возможностей, обеспечивает успешное разрешение ситуаций возникающих в связи с противодействием расследованию разбойных нападений.

Проблемы правопонимания

Н.Хамавов

Г.Р.Джантемирова

Правопонимание – научная категория, которая отображает результат процесса познания сущности права. Сущностью права является внутренняя целостность всех его разнообразных качеств (свойств). Познание права – овладение ими, их раскрытие.

Проблема правопонимания в отечественном и мировом правоведении – одна из сложнейших. Вопросы, связанные с выбором и обоснованием типа правопонимания, относятся к числу наиболее принципиальных и дискуссионных проблем теории права. Вся история развития юриспруденции – это история противоборства различных подходов к пониманию того, что есть сущность права как специфического явления социальной жизни.

Основополагающей проблемой теории государства и права является проблема сущности и социальной природы права. Если обратиться к взглядам на право в советской, а ныне – в российской теории права, то можно выявить те же самые подходы к праву.

Последние десятилетия плюрализм во взглядах на право в советской науке не исчез. Многие авторы не удовлетворяются пониманием права как системы норм, связанной с государством. Такое понимание расценивается как «узконормативное» и недостаточное с их точки зрения, делаются попытки найти более широкое понимание права, которое бы не сводилось к законам, к системе норм.

Постсоветская юридическая наука ничего нового в проблему понимания права не внесла. Мы наблюдали элементарное эпигонство, повторение идей других теорий в разном их сочетании.

Российские правоведы и философы в зависимости от их подходов и взглядов на право, объясняющих его сущность, подразделяются на три группы: юсисты, социологи-плюралисты, и социологи-монисты (право – только нормы, генетически и функционально связанные с государством). Юсисты (от слова «jus» – право) стоят на позиции различения права и закона. С их точки зрения, закон еще не право. Одни из них прямо, другие – косвенно придерживаются идей естественного права, исходят фактически из дуализма права. Это С.С. Алексеев, Р.З. Лившиц и др.

Социологи-плюралисты, критикуя монистический подход к праву, называя его узконормативным подходом, стремятся создать широкое, интегративное понятие права, такое понимание фактически сводится к тому, что понятием права охватываются различные социальные факторы.

В противоположность им В.С. Нерсисянц претендует на создание новой, либертарной теории права, которая фактически оказывается не более как вариацией теории естественного. Право, с его точки зрения, – это формальное равенство, всеобщая необходимая форма свободы, всеобщая справедливость. Они составляют сущность права. Нерсисянц признает и наличие позитивного права (правового закона), которое и представляет собой форму равенства, свободы и справедливости. Таким образом, и здесь предполагается дуализм права, различие законов – правовых и неправовых.

¹ Волинский В.А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. – М., 2014. – С. 60.

Таким образом, сущность права оказывается весьма неопределенной. С таким же успехом можно утверждать, что право – мера, форма несвободы, неравенства. Право и возникло в силу появления социального неравенства и закрепило его. Первые правовые нормы были запретами, прямыми предписаниями о должном поведении. Современные правовые системы – это в не меньшей мере ограничения свободы индивида в пользу других индивидов или общества в целом. Очевидно, что Уголовный кодекс – это не мера свободы, а ограничение свободы. Если заглянуть в ГК РФ, то здесь мы увидим, что подавляющее большинство норм носят императивный предписывающий характер, ограничивающий, в частности, свободу предпринимательской деятельности.

Широкое интегративное понимание права имеет, на наш взгляд, существенные недостатки. С онтологической точки зрения в понятие права включаются разнородные явления: нормы, различного рода идеи (о равенстве, справедливости и т.д.), правосознание, правоотношения, субъективное право и даже сами действия, регулируемые правом. Право лишается онтологической однородности, становится весьма неопределенным явлением.

С гносеологической точки зрения сторонники интегративного подхода утверждают, что такой подход способствует всестороннему исследованию права. Однако такой подход, на наш взгляд, не является продуктивным, так как делает ненужным исследование проблем связи права и правосознания, права и морали, права и правоотношений и т.д.

С праксоологической точки зрения широкое интегративное понимание права приводит к его неопределенности, нечеткости и неясности, способно подорвать основы законности. С точки зрения такого подхода правотворческие органы совсем и не правотворческие, ибо право уже существует до принятия законов, и творить право нет нужды.

Широкое понимание права ставит правоприменителя в ситуацию неопределенности. Что, например, должен взять в основу решения суд: идеи правосознания, представления о свободе, справедливости или конкретное правоотношение, требующее защиты, отодвинув в сторону закон как неправовой? А как определить, является ли закон правовым или неправовым, если нет точных и определенных критериев?

Подчеркнем, что прагматический подход не только практически целесообразен, но и теоретически обоснован и учитывает рациональные идеи других теорий. Подчеркивая генетические (по происхождению) и функциональные (право формируется и обеспечивается государством) связи государства и права, этот подход не рассматривает право только как произвольный приказ (волю) государства, а видит ее обусловленность социальными и экономическими факторами, системой ценностей, утвердившейся в обществе.

Он не отвергает наличие и того, что называется естественным правом (идеи о справедливости, об элементарных нормах человеческого поведения, о необходимости определенных прав и обязанностей и т.д.), именуя это правосознанием, которое предшествует позитивному праву и служит критерием его оценки.

Учитывается и то, что право не только существует в виде норм, но и реализуется в действиях людей, решениях судов, правоотношениях, взаимодействует с другими социальными нормами, т.е. учитываются социологические факторы действия права.

Не отвергается значение и психологического фактора, того, что право в ходе реализации проходит через сознание и волю людей, сопровождается их психологическими переживаниями.

Берутся во внимание и взгляды солидаризма, ибо право в современных условиях зачастую выражает согласованные интересы разных социальных групп, выступает, как некий компромисс этих интересов. В итоге можно отметить, что факторы, которые при интегративном подходе включаются в состав, понятие самого права, рассматриваются как самостоятельные, но тесно связанные с правом. И думается, что основной вектор развития правовой мысли в современное время будет направлен в сторону интегративной концепции права на основе коммуникативного подхода.

О причинах терроризма в российском государстве

О.Юнусов

Г.Р.Джантемирова

Терроризм – вызов всему миру. Однако, Россия страдает от него, на наш взгляд, в большей мере. Источник терроризма в России постоянен. Это взрывоопасный Северный Кавказ. В этом регионе требуется совершенно иная политика, чтобы изжить терроризм и причины, его порождающие.

На наш взгляд, всем кавказским республикам свойственны одни и те же «болезни»: финансовая зависимость от Москвы, бедность и чудовищная коррупция. Все это усугубляется последствиями вооруженных конфликтов. Следует также отметить низкий экономический потенциал и катастрофическую нехватку рабочих мест. Все это порождает достаточно опасный коктейль, который проявляет себя в серии постоянно дящихся преступлений. Уходят одни лидеры, приходят другие. Все это говорит о том, что террористическое подполье представляет собой очень опасное явление. Правительству и президенту следует приложить все усилия, чтобы сгладить те социальные противоречия, которые имеют место сегодня на Северном Кавказе. Кроме того, 80% молодежи на Кавказе – безработные. Незаконные вооруженные формирования, в основном, состоят из молодых людей.

В целях улучшения обстановки в данном регионе необходимо ужесточить контроль за финансовыми потоками, идущими на Кавказ из центра. Еще один, не менее важный вопрос – действия спецслужб. ФСБ нужно работать на Кавказе по-другому и серьезно заниматься не только силовыми операциями, но и агентурными разработками, и внедрением в террористическую среду.

Крайне важным направлением в борьбе с терроризмом, на наш взгляд, является идеологическая борьба с террористами. Любому, кто проведет полчаса в Интернете, бесспорно, станет очевидно, какое колоссальное значение придают идеологи экстремизма агитации и пропаганде. Традиционный же ислам, во многом, остается традиционным и с точки зрения своего распространения и влияния. Утверждая, что «ислам – религия мира и добра», сторонники этой точки зрения терпят поражение в «информационной войне» с экстремистами. В частности, террористы-самоубийцы появились в России десять лет назад. Идеологической обработкой будущих смертников занимались эмиссары Аль-Каиды. Им удавалось именно вербовать в самоубийцы, а не принуждать к этому даже пленных русских солдат, которых увлекали превратно истолкованными религиозными идеями и обращали в ваххабизм.

На наш взгляд, очень важно поддерживать традиционных исламских лидеров. Давать им возможность пропагандировать свои взгляды. У нас больше знают об экстремистских концепциях и значительно меньше знают, что предлагает традиционный ислам в качестве альтернативы. Само слово «шахид» употребляется неверно. Ведь шахидом, то есть, мучеником за веру, не может стать человек, который умер в результате собственного преступления. Традиционный ислам не допускает убийство мирных людей. Бесконечно повторяя слово «шахид» по отношению к смертникам, люди не знают, что таким образом награждают террористов самой желанной для них похвалой.

Одной из главных причин обращения молодых людей к радикальному исламу, на наш взгляд, является процесс нравственной деградации нашего общества. В радикальном исламе ищут не только смысл жизни, но и нравственные ценности. Отсутствие некой объединяющей национальной идеи тоже оказывает существенное влияние на развитие терроризма в нашей стране. Такое поведение наших сограждан тоже способствует распространению радикального ислама. К примеру, в это время какой-то молодой кавказец обрабатывается в соответствующем центре. И его учитель говорит ему, что нужно бороться с этим миром, потому что он абсолютно безнравственный и прогнивший. И на его месте надо другой построить, предварительно разрушив этот.

Таким образом, природа терроризма требует борьбы с ним сразу «на всех фронтах», что чрезвычайно трудно. Но вряд ли у государства и у общества есть какой-то другой выбор.

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ

IV Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»
11 декабря 2017 года

1. **Абдулаева И.А.:** кандидат философских наук доцент кафедры юридических и исторических дисциплин юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
2. **Абдулаева С.Р. кызы:** Республика Азербайджан.
3. **Абдуллаев Ш.Ш.:** старший преподаватель «Факультет нефти и газа» Учреждения высшего образования «Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт).
4. **Абубакаров М.М. оглы:** Республика Азербайджан.
5. **Агаева К.Т.:** студентка 4 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет народного хозяйства.
6. **Адилов З.А.:** кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юридических и гуманитарных дисциплин Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Дербенте.
7. **Алиев К.А.:** студент 3 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
8. **Алиева А.М.:** студентка 4 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
9. **Аминтазев Г.А.:** студент 5 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Хасавюрте.
10. **Асхабов А.А.:** студент 5 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Хасавюрте.
11. **Бабаев Н.Ф.:** старший преподаватель кафедры юридических и гуманитарных дисциплин Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Дербенте.
12. **Бабошина Е.В.:** кандидат юридических наук, доцент, директор Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
13. **Багандова Э.К.:** старший преподаватель кафедры юридических и исторических дисциплин юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
14. **Бексолтанов Б.М.:** ректор Учреждения высшего образования «Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт).
15. **Власенко Н.Н.:** методистка юридического факультета Учреждения высшего образования «Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт).
16. **Газималикова Л.:** студентка 3 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Хасавюрте.
17. **Гаммаева З.М.:** студентка 4 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет народного хозяйства.
18. **Гасанбекова Д.Г.:** старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Учреждения высшего образования «Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт).
19. **Гасанова Ш.Ш. кызы:** доктор философии по праву Национальная академия Азербайджана.
20. **Гашимов Р.Р.:** кандидат исторических наук, доцент, заведующий юридическим отделением Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Дербенте.
21. **Гитинова М.М.:** кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Учреждения высшего образования «Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт); декан юридического факультета и доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Учреждения высшего образования Институт фмнансов и права.
22. **Гурбанов Р.И. оглы:** Республика Азербайджан.
23. **Даурбекова И.:** студентка 3 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Хасавюрте.
24. **Джантемирова Г.Р.:** старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Хасавюрте.
25. **Жариков А.Н.:** студент 4 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
26. **Иванов Р.И.:** студент 5 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
27. **Исаев З.И.:** студент 3 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
28. **Исаков Б.А.:** студент 5 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Хасавюрте.
29. **Исраилова М.М.:** студентка 5 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Хасавюрте.

30. **Касимова З.Р.:** студентка 4 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет народного хозяйства.
31. **Касумов Р.М.:** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой межфакультетских дисциплин, директор Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Хасавюрте.
32. **Колайдин Э.А.:** студент 4 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
33. **Колокольников Ш.Ю.:** студент 4 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
34. **Кулиев Р.Р.:** студентка 4 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
35. **Лахитова П.М.:** аспирантка кафедры государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет.
36. **Магомедов Б.М.:** аспирант кафедры государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет.
37. **Магомедов М.Б.:** доктор исторических наук, профессор, декан юридического факультета и заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин юридического факультета Учреждения высшего образования «Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт).
38. **Магомедов М.Ш.:** кандидат экономических наук, доцент, декан экономического факультета и заведующий кафедрой экономических дисциплин экономического факультета Учреждения высшего образования «Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт) и доцент кафедры «Менеджмент» Дагестанского государственного университета народного хозяйства.
39. **Маллакурбанов А.А.:** кандидат политических наук, доцент кафедры юридических дисциплин Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
40. **Мамедзаде М.М оглы:** Республика Азербайджан.
41. **Махаев Я.М. оглы:** Республика Азербайджан.
42. **Махмудова А.М. кызы:** Республика Азербайджан.
43. **Мехралиева А.Э.:** студентка 4 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
44. **Мирзоева К.Э.:** кандидат технических наук, доцент, декан «Факультет нефти и газа» Учреждения высшего образования «Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт).
45. **Мусаев М.М.:** кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин, заместитель директора Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Хасавюрт.
46. **Мусакаев А.Т.:** студент юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
47. **Набиев С.М.:** студент 2 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
48. **Насрудинов Н.Б.:** старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Хасавюрте.
49. **Нурмагомедов С.Р.** студент 4 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
50. **Патокин А.В.:** студент 3 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
51. **Пирова Р.Н.:** кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Дагестанский институт народного хозяйства, г.Махачкала и доцент кафедры юридических и исторических дисциплин Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
52. **Разаков Р.Ч.-М.:** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и естественно-научных дисциплин Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Хасавюрте.
53. **Сайбулаева Д.Г.:** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Учреждения высшего образования «Международная гуманитарно-техническая академия» (Институт).
54. **Сергеева И.П.:** студентка 3 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Кизляре.
55. **Сулейманзаде Т.Б. оглы:** Республика Азербайджан.
56. **Халифаева А.К.:** доктор юридических наук, профессор кафедры государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет.
57. **Халумова Х.Х. кызы:** Республика Азербайджан.
58. **Шахбанов А.М.:** кандидат исторических наук, доцент Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Хасавюрте.
59. **Шахбанова М.М.:** доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии Наук.
60. **Юнусов О.:** студент 3 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет в г.Хасавюрте.

Ответственные редакторы

Бексолтанов Бексолтан Магомедович
Алишева Хадижат Хизриевна
Яралиева Эльмира Загидиновна
Магомедов Магомед Баширович
Гашимов Рамис Рамазанович

Материалы

IV Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»
11 декабря 2017 года

Редактор М.Б.Магомедов
М.М.Шахбанова
Корректор М.М.Мусаев

Напечатано с готового оригинал-макета
Издательство ООО «Радуга-1»
Подписано к печати 12.12.2016 г.
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. ед. 39,76. Тираж 500 экз. Заказ № 098
Телефон 8 928 511 12 01
Типография ООО «Радуга-1»